# ОТДѢЛЕНІЕ V.

## СЛОВА

## ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМОВЪ.

## СЛОВА И РѢЧИ.

### ОТДѢЛЕНІЕ V.

# СЛОВА

# ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМОВЪ.

## I. СЛОВО

**По освященіи храма святыя мученицы Татіаны, при Московскомъ Университетѣ, Сентября 12 дня 1837 года.**

*Взысках Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя. Приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Псал. XXXIII. 5. 6

И такъ вотъ домъ молитвы подъ однимъ кровомъ съ домомъ любомудрія. Святилище таинъ приглашено въ жилище знаній, и вступило сюда, и здѣсь основалось и утвердилось своими тайнодѣйственными способами. Видно, что Религія и Наука хотятъ жить вмѣстѣ, и совокупно дѣйствовать къ облагороженію человѣчества. Снисходительно, со стороны Религіи: возблагодаримъ ея снисхожденію. Благоразумно, со стороны Науки: похвалимъ ея благоразуміе.

Не скажу: высочайшій Мудрецъ, ибо сіе наименованіе было бы еще низко для Того, о Комъ теперь думаю;—Тотъ, Который есть Само-премудрость, и единственный источникъ всякой мудрости, въ Которомъ *вся сокровища премудрости и разума сокровена,* Который, открывая Свои сокровища, *даетъ премудрость, и отъ лица* Котораго исходитъ *познаніе и разумъ,* — Онъ пришелъ сюда нынѣ, и притомъ не только какъ посѣщающій Гость, но и какъ водворяющійся Обитатель; и открываетъ здѣсь Свое училище, какого никто, кромѣ Его, ни до Него, ни послѣ Его, не могъ образовать;—училище, всегда довольно высокое для самыхъ возвышенныхъ умовъ и душъ, и вмѣстѣ довольно простое для самыхъ простыхъ и смиренныхъ земли,—училище, которое не ласкаетъ надеждою степени учительской, а хочетъ сдѣлать всѣ народы, не болѣе,

какъ *учениками*, но которое, будучи такъ не примѣчиво, при первоначальномъ образованіи своемъ, привлекло и переучило по своему древле ученый міръ; — училище, въ которомъ, безъ нарушенія справедливаго уваженія и любви къ извѣстнымъ наукамъ, можно замѣтить преимущественно достойные неповерхностнаго любопытства предметы ученія. Слово жизни — философія не по стихіямъ міра, художественными опытами убиваемымъ и раздробляемымъ на мелочи, и, по естественной соразмѣрности послѣдствія съ причиною, дающимъ не очень живыя и не очень огромныя познанія, но по живымъ и животворнымъ началамъ *премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной, юже уготова Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу*, — созерцаніе Верховной Единицы въ единосущной Троицѣ, и Троицы въ Единицѣ, какъ истиннаго корня всего числимаго, какъ безмѣрнаго основанія всего измѣряемаго, — познаніе земли и неба, не то могильное познаніе земли, которое по глыбамъ и слоямъ сходитъ въ глубину ея, какъ въ могилу, и остатками разрушенія хочетъ истолковать жизнь погребенную и оставшуюся, безъ надежды воскресить погребенную, и сохранить оставшуюся, не то стеклянное познаніе неба, которое посредствомъ дальнозрительныхъ стеколъ слѣдитъ пути звѣздъ, не пролагая зрителю пути въ небо, но познаніе земли и неба, въ началѣ добрыхъ зѣло, потомъ, земли проклятой въ дѣлахъ человѣка, и неба сдѣлавшагося *нечистымъ* (Іов. XV. 15.), далѣе, земли, которая съ сущими на ней дѣлами сгоритъ, и неба, которое прейдетъ, наконецъ новаго неба и земли новой, въ которыхъ правда живетъ, и въ которыя можемъ переселиться и мы, если правдою жить будемъ, — законодательство, не какое нибудь древнее Греческое и Римское, которому время дало важность, и котораго время показало слабость, потому что Государства, которыя хотѣло благоустроить и упрочить сіе законодательство, давно исчезли, но законодательство, которымъ Царь неба и земли благоустрояетъ Свое царство всѣхъ вѣковъ и Свое владычество во всякомъ родѣ и родѣ, и, что особенно важно для каждаго изъ насъ, законодательство, которымъ Онъ хочетъ устроить Свое царство внутрь насъ, если мы рѣшительно и дѣятельно возжелаемъ сдѣлаться сынами Его царствія, — врачебная наука душъ, преподающая средства не только исцѣленія отъ болѣзней душевныхъ, но и воскресенія отъ смерти духовной, показывающая способы не только сохранять отъ разрушительныхъ нравственныхъ недуговъ жизнь, какую имѣемъ, но и обрѣтаетъ новую, лучшую, открывающая не мечтательное, а подлинное, всеисцѣляющее врачевство, Плоть и Кровь Богочеловѣка, и единственное начало высшей жизни, Благодать Святаго Духа: — не занимательны ли должны быть сіи учебные предметы? Не достоинъ ли ревностнаго слушанія и послѣдованія Единственный Учитель, Который преподалъ и преподаетъ ихъ въ Своемъ вселенскомъ училищѣ? И что же препятствуетъ слушать Его и поучаться отъ Него? Напротивъ, какъ близко и какъ удобно! *Приступите къ Нему, и просвѣтитеся.*

Сіи призывныя къ просвѣщенію и къ Просвѣтителю слова принадлежатъ очень древнему и безспорно высокому служителю просвѣщенія, Царю и Пророку Давиду. Повторимъ ихъ нѣсколько въ большей полнотѣ: *Взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя; приступите къ Нему, и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Чтобы лучше выразумѣть сіе, надобно вспомнить, что древніе почитали невозможнымъ видѣть Бога, и что самъ Богъ нѣкоторымъ образомъ утверждалъ ихъ въ сей мысли, когда рекъ Моусею: *не возможеши видѣти лица Моего; не бо узритъ человѣкъ лице Мое и живъ будетъ* (Исх. XXXIII. 20.). Итакъ державный пѣвецъ псалмовъ не чрезмѣрное ли, не противное ли вѣрованію своихъ временъ предлагаетъ, когда предлагаетъ приступить ко Господу, и отъ Него непосредственно просвѣщаться? Чтобы не обременить Пророка виною погрѣшности въ Богопознаніи, несообразной съ просвѣщеніемъ Пророка, мы по необходимости должны взять въ соображеніе другой видъ Богопознанія, также представляющійся у древнихъ Евреевъ. Внимательное изслѣ-

дованіе священныхъ книгъ Еврейскихъ показываетъ, что Богъ являлся въ образѣ существа сотвореннаго, Ангела, человѣка, но съ Божіимъ именемъ, съ Божескимъ дѣйствіемъ. Чѣмъ неожиданнѣе встрѣчается сей человѣкообразный видъ Богопознанія подъ владычествомъ главной мысли о Богѣ невидимомъ, неприступномъ, непостижимомъ: тѣмъ легче узнать въ немъ особенное устроеніе провидѣнія, именно, раннее къ человѣчеству снисхожденіе Сына Божія, предварительно являющагося въ очертаніи Своего будущаго воплощенія, подобно какъ солнце, прежде восхожденія своего, является въ утренней зарѣ, а иногда и въ воздушномъ отраженіи круга своего. Теперь становится понятнымъ, какъ Давидъ невидимаго и неприступнаго Бога представляетъ видимымъ, безопасно доступнымъ и просвѣщающимъ приближающихся къ Нему; а съ нимъ вмѣстѣ опредѣлительно дознается и то, что Пророкъ приглашаетъ приступить для просвѣщенія нашего къ тому точно Господу, котораго мы называемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. И такъ Христосъ есть Свѣтъ и древняго міра, такъ же какъ новаго! И отдаленный древній міръ указуетъ не на иной свѣтъ, какъ на сіяющій намъ такъ близко во Христѣ! Куда же и теперь приглашать любителей просвѣщенія, какъ не къ сему Свѣту? *Приступите къ Нему, и просвѣтитеся.*

Если вникнуть въ союзъ сихъ пригласительныхъ словъ у Пророка съ предъидущими и послѣдующими: то можно усмотрѣть, что съ призываніемъ къ Господу Просвѣщающему онъ желаетъ соединить убѣжденіе къ принятію сего призыванія. Когда онъ говоритъ: *взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя*: онъ указываетъ чрезъ сіе на свой личный опытъ, сперва несчастный, потомъ счастливый. *Отъ всѣхъ скорбей моихъ:* видно, скорби его были многочисленны, тяжки; видно на обыкновенныхъ стезяхъ мірской жизни не встрѣчалъ онъ ни облегченія, ни помощи, ни утѣшенія. *Взыскахъ Господа:*—видно, и помощь отъ Бога не легко получилъ онъ, или потому, что, не искусясь труднымъ опытомъ, не былъ довольно просвѣщенъ, или потому, что слишкомъ глубокій мракъ скорби скрывалъ отъ него путь Божій: ибо не говоритъ, что прибѣгнулъ къ Господу прямо, приступилъ близко, но говоритъ, что *взыскалъ Господа*; ищутъ же не того, что видятъ, или къ чему путь вѣрно знаютъ. Что же однако наконецъ принесло исканіе Господа?—*Взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя.* Какъ блуждающій въ темнотѣ, или въ лѣсу, или въ дебряхъ, голосомъ ищетъ избавителя, котораго не можетъ видѣть, и сострадающій, услышавъ, отвѣтствуетъ ему, приближается къ нему, и прекращаетъ его затрудненіе: такъ Давидъ взыскалъ Господа гласомъ скорби и молитвы, и Господь, услышавъ, отвѣтствовалъ ему гласомъ благодати, приближился къ нему, и прекратилъ всѣ его скорби. Теперь Давидъ, изъ несчастнаго счастливый, хочетъ дѣлиться своимъ счастіемъ; благодарный къ Избавителю, хочетъ споспѣшествовать избавленію бѣдствующихъ человѣковъ: и потому, въ слѣдъ за указаніемъ на свой счастливый опытъ, произноситъ воззваніе, побуждающее не только искать Господа, какъ сокровеннаго, но и приступать къ Нему, какъ уже обрѣтенному: *приступите къ Нему, и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Такое послѣдованіе изреченій даетъ намъ право разумѣть сіе послѣднее такъ, что Пророкъ обѣщаетъ отъ Господа не только просвѣщеніе ума, свѣтомъ истины Христовой, но и просвѣщеніе сердца, свѣтомъ Духа Утѣшителя, въ преизобилующемъ утѣшеніи, котораго всякая скорбь земная исчезаетъ, какъ капля горечи въ чашѣ сладости.

Найдя, что Пророкъ призываетъ къ просвѣщенію отъ Господа, яко къ средству противъ скорбей, не подумаемъ впрочемъ, будто его призываніе въ семъ смыслѣ относится только къ нѣкоторымъ людямъ, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Нѣтъ. Онъ взываетъ: *приступите, — просвѣтитеся,*—а не называетъ никого, къ кому бы обращалъ сіе воззваніе, безъ сомнѣнія, въ томъ знаменованіи, что взываетъ ко всѣмъ, которые имѣютъ уши слышати. Спросимъ себя: безъ скорбей ли прожили мы донынѣ, и надѣемся ли прожить безъ

скорбей? Не думаю, чтобы кто такъ рѣшительно похвалился прошедшимъ, или поручился за будущее. Спрошу особенно: кто изъ насъ ненарушимо обладаетъ блаженствомъ, о которомъ говоритъ древній благочестивый мудрецъ: *блаженъ мужъ, иже не поползнеся устнами своими, и не уязвися печалію грѣха* (Сир. XIV. 1.)? Если паче чаянія захотѣлъ бы кто сказать, что онъ сохранилъ и сохраняетъ сіе блаженство: таковому предварительно заграждаетъ уста безпрекословный обличитель, избранный по чистотѣ, ученикъ Христовъ Іоаннъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. I. 8.). Но если мы не такъ прельщены сами собою, не такъ чужды истины, чтобы не признавать въ себѣ грѣха, и слѣдственно подвержены печали грѣха: то спрашиваю всѣхъ имѣющихъ, или когда-либо имѣвшихъ притязаніе на просвѣщеніе и мудрость: гдѣ та мудрость, которая бы научила меня утѣшиться въ печали грѣха? Гдѣ то просвѣщеніе, которое освѣтило бы мнѣ путь избавленія отъ скорбей жизни, и наипаче отъ скорбей совѣсти? Гдѣ та наука, которая бы удовлетворительно разрѣшала, ни для кого изъ насъ не посторонній вопросъ о возможномъ облаженствованіи человѣка, и особенно человѣка согрѣшившаго и повиннаго предъ Богомъ: ибо хотя издревле не мало любомудрствовали о блаженствѣ человѣческомъ по разуму, но мало имѣли успѣха, частію потому, что не понимали главной трудности вопроса, происходящей отъ мысли о грѣхѣ и о виновности предъ Богомъ, частію потому, что суетились, какъ бы облаженствовать временную жизнь человѣка безсмертнаго, то есть, хотѣли подсластить каплю, не заботясь, сладко или горько будетъ море, которое послѣ нея пить надобно? Гдѣ человѣкъ, который бы просвѣтилъ меня такъ, чтобы *лице мое не постыдилось* предъ Богомъ и предъ собственнымъ сердцемъ, зазирающимъ согрѣшающему? Изыскатели силъ, движущихъ небо, и держащихъ оное въ порядкѣ и равновѣсіи! не найдете ли вы мнѣ силы, которая бы исправляла мое уклоненіе отъ истиннаго пути неба, которая бы достаточно противодѣйствовала моему вольному и невольному тяготѣнію къ аду? Вѣдцы правъ Божескихъ и человѣческихъ, естественныхъ и общественныхъ! вы не можете не признать, что нѣтъ естественнѣе и безъизъятнѣе права, какъ то, которое имѣетъ Богъ требовать, чтобы никакая тварь Его не нарушала Его воли и закона никакимъ дѣйствіемъ, никакимъ словомъ, которое также есть своего рода дѣйствіе, никакою мыслію и желаніемъ, которыя въ области духа и всевѣдѣнія суть то же, что слова и дѣйствія въ области чувствъ; что поступившій въ противность правамъ Самодержца теряетъ чрезъ сіе собственныя права, которыми пользовался по его милости, и которыми, по кореннымъ началамъ Царственнаго благоустройства, не могъ пользоваться иначе, какъ съ обязанностію вѣрнаго послушанія; что по тѣмъ же началамъ онъ подвергаетъ себя укротительнымъ или карательнымъ дѣйствіямъ правосудія. Такимъ образомъ и ваша наука, такъ же какъ и совѣсть, *постыждаетъ лице* грѣшника: но найдетъ ли она средство изгладить его стыдъ? Говорятъ у васъ, что сдѣланное не можетъ быть несдѣланнымъ: сіе изреченіе осуждаетъ грѣшника на вѣчный стыдъ сознаваемаго грѣха. Богъ милосердъ: говорятъ часто безъ размышленія, и на сей мягкой мысли хочетъ уснуть неразборчивая совѣсть: но мысль о милосердіи Божіемъ, столь сильнымъ, столь сладкимъ свѣтомъ просвѣщающая область вѣры, не можетъ быть приведена въ подобное дѣйствіе въ области естественнаго мудрствованія, одними условіями умозаключающаго разума. Богъ милосердъ, но и правосуденъ; безконечно милосердъ, но и безконечно правосуденъ; вѣсы понятій стоятъ равно, и нѣтъ причины, почему бы надежда на милосердіе Божіе могла перевѣсить ужасъ правосудія Божія. Что грѣшникъ подлежитъ правосудію Божію, то очевидно; въ какомъ онъ отношеніи къ милосердію Божію, то по разуму неопредѣлимо; а какимъ образомъ милосердіе Божіе можетъ преизбыточествовать для грѣшника безъ нарушенія правъ Божія правосудія, сіе, безъ особеннаго откровенія свыше, совершенно непостижимо. Кто

же разрѣшитъ мои недоумѣнія? Кто просвѣтитъ тьму мою? Кто утѣшитъ меня вѣрнымъ и непосрамляющимъ упованіемъ на милосердіе Божіе? Кто *избавитъ мя отъ всѣхъ скорбей моихъ?* Тебѣ Единому возможно сіе, отъ Бога пришедшій Учителю, Свѣте міра, Посѣтителю душъ, Господи Боже Спасителю Іисусе! Твое чудесное явленіе въ мірѣ, Твое слово, которому подобно *николиже глаголалъ человѣкъ*, наипаче же Твои за меня страданія, Твои раны, Твоя крестная смерть суть такія доказательства спасающаго милосердія, которыя сильны и достаточны,— и онѣ только сильны и достаточны, не только земную тьму невѣдѣнія, сомнѣнія, скорби, но и адскій мракъ отчаянія просвѣтить сладкимъ, животворнымъ, неугасимымъ свѣтомъ. Какъ бы ни глубоко *уязвлено* было сердце мое *печалію грѣха;* какъ бы ни было изранено и растерзано скорбями земной жизни;—когда внутреннимъ движеніемъ вѣры прилагаю мои сердечныя раны къ Твоимъ крестнымъ ранамъ: текущая изъ нихъ Твоя безсмертная и воскресающая жизнь касается моей жизни умирающей или уже умершей; и Твой Божественный свѣтъ просвѣщаетъ омраченнаго; творческое Слово Твое возставляетъ падшаго, исцѣляетъ недугующаго, воскрешаетъ умерщвленнаго; утѣшеніе Духа Твоего или избавляетъ отъ всѣхъ скорбей, или самыя скорби дѣлаетъ утѣшительными, самыя страданія радостными, въ причастіи Твоихъ спасительныхъ скорбей и страданій; съ тобою *лице мое не постыждается* предъ Богомъ Отцемъ Твоимъ и предъ собственною моею совѣстію; ибо *кровь Твоя очищаетъ совѣсть мою отъ мертвыхъ дѣлъ;* правда Твоя покрываетъ мою самоосужденную неправду; ходатайство Твое даруетъ мнѣ дерзновеніе предъ Отцемъ Твоимъ, и, какъ Ты научилъ и далъ намъ право нарицать Его и нашимъ Отцемъ, сего ради славлю Тебя, Единственный Просвѣтитель, и хотя недостойнымъ гласомъ, съ достойнымъ служителемъ Твоего вѣчнаго просвѣщенія, взываю о Тебѣ ко всѣмъ просвѣщеннымъ и непросвѣщеннымъ вѣка сего: — *приступите къ Нему*, — благоговѣющимъ умомъ, вѣрующимъ сердцемъ, молящимся духомъ, послушною волею, приближьтесь, *приступите къ Нему, и просвѣтитеся,* и *лица ваша не постыдятся.* Аминь.

## 2. СЛОВО

**По освященіи храма Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, въ учрежденномъ отъ Московскаго Градскаго Общества домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей и призрѣнія престарѣлыхъ и немощныхъ, Сентября 28 дня 1839 года.**

*Вѣра бо чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, и нескверна себе блюсти отъ міра.* Іак. I. 27.

Много пріятныхъ мыслей раждается при видѣ сего храма, нынѣ освященнаго, и сего дома, для которвго храмъ сей служитъ вѣнцемъ доброты.

Пріятно видѣть созданіе сего храма, какъ свободное дѣло благочестія.

Пріятно видѣть учрежденіе сего дома, квкъ щедрое дѣло человѣколюбія.

Пріятно видѣть здѣсь сочетаніе благочестія и человѣколюбія, въ одномъ дѣлѣ, для одной цѣли, такъ что сіи добродѣтели, въ соединеніи, одна другую подкрѣпляютъ, одна другую возвышаютъ.

Пріятно мыслить, что сіе дѣло благочестія и человѣколюбія есть плодъ благихъ расположеній не одного человѣка, или не многихъ, но цѣлаго сословія граждавъ великаго града.

Пріятно вспомнить, какой случай привелъ въ движеніе благія расположенія, и произвелъ благотворное дѣло. Первородный Сынъ Царевъ, надежда Россіи, достигъ совершеннолѣтія, и торжественно вступалъ въ права онаго. Радовались Вѣнценосные Родители. Сорадовалась Россія. Москва чувствовала сію радость, квкъ свойственно сердцу Россіи. Всѣ, подъ руководствомъ Церкви, возносили сію радость къ небу, и молили о ея упроченіи; всѣ, кто какъ могъ, желали ознаменовать ее и

въ земномъ быту. Тогда возвысился сей общественный голосъ: «Царь заботился о своемъ Первенцѣ, Царь радуется о своемъ Первенцѣ, не только по родительской любви къ Сыну, но и по Царской любви къ Отечеству, по предусмотрительной заботливости о будущемъ благѣ Россіи; чѣмъ же бы намъ ознаменовать то, что мы сіе чувствуемъ, что желаемъ сему соотвѣтствовать, поколику намъ возможно?—Есть дѣти, о которыхъ некому заботиться, о которыхъ некому радоваться: да будетъ ихъ матерью — наша любовь къ Царю и Сыну Его. Ею призрѣнные, обезпеченные, образованные, да будутъ они ея живыми памятниками, ея отъ насъ наслѣдниками, ея проповѣдниками потомству.» — Итакъ, учредители, вы полагали, что, дабы ознаменовать радость, надобно сдѣлать доброе дѣло; что, дабы доказать любовь къ Царю, надобно сдѣлать дѣло человѣколюбія; что, дабы сдѣлать пріятное Царю, надобно сдѣлать дѣло благотворенія! Прекрасно, возлюбленные! Такой образъ мыслей достоинъ сыновъ Россіи, достоинъ сыновъ Вѣры. Такая мысль о Царѣ достойна истиннаго величія. Такое предпріятіе достойно вѣрныхъ подданныхъ Царя благочестивѣйшаго.

При видѣ такихъ расположеній, остается только желать, чтобы онѣ сохранялись, и не преставали приносить плодъ, ихъ достойный; чтобы чувствованія, такъ свѣтло блеснувшія въ минуты восторга, были постояннымъ и всеобъемлющимъ свѣтомъ дѣлъ и жизни въ людяхъ, ими одушевленныхъ. *Кто дастъ*—скажемъ словомъ Господнимъ—*кто дастъ еже быти тако сердцу ихъ въ нихъ—во вся дни, да благо будетъ имъ, и сыномъ ихъ во вѣки* (Втор. V. 29.)?

И кто же далъ бы намъ сіе безъ Тебя, *Отче свѣтовъ*, отъ котораго *свыше нисходитъ всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ?* Ты *призри на рабы Твоя и на дѣла Твоя, и настави сыны ихъ: и буди свѣтлость Господа Бога нашего на насъ, и дѣло рукъ нашихъ исправи* (Псал. LXXXIX. 16. 17.). Благословеніе Твое да исходитъ выну отъ храма сего на домъ сей, и на обитающихъ въ немъ, и на создателей и блюстителей того и другаго.

Съ нашей же стороны, братія Христіане, требуется постоянное внимніе къ сердцу своему, дабы въ немъ отъ источника истинной вѣры исходили чистыя струи человѣколюбія. Вотъ правило, которое должно быть основнымъ не только для тѣхъ, которые особенно призваны благоустроять обители человѣколюбія, но и для всѣхъ, которые желаютъ благоустроить свой душевный домъ.

Въ соборномъ посланіи, то есть, въ ученіи, писанномъ въ руководство всѣмъ вообще членамъ Соборной или Вселенской Церкви, Святый Апостолъ Іаковъ оставилъ намъ чудное изреченіе о союзѣ вѣры съ человѣколюбіемъ. *Вѣра*, говоритъ онъ, *чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, и нескверна себе блюсти отъ міра.* Это почти все равно, какъ если бы сказано было, что чистая вѣра есть чистое человѣколюбіе и непорочность жизни. Если бы сіе сказалъ кто нибудь другой: то могло бы случиться, что его упрекнули бы смѣшеніемъ понятій. Но какъ сіе сказалъ Апостолъ; а чрезъ Апостола говорилъ Духъ Святый; а Духъ Святый есть Духъ истины: то нѣтъ сомнѣнія, что въ словахъ Святаго Іакова заключается чистая истина, а не смѣшеніе понятій. Не льзя его поправлять или оспоривать, а надобно правильно выразумѣть.

Святый Іаковъ, непосредственно послѣ приведеннаго теперь изреченія говоритъ: *братіе моя, не на лица зряще имѣйте вѣру Господа нашего Іисуса Христа славы* (II. 1.). Здѣсь видно, что онъ учитъ существу Христіанскія вѣры, и не думаетъ, какъ нѣкоторые нынѣ, пренебрегать догматъ, чтобы обратить все вниманіе на одну нравственность. Посему и предшествовавшее изреченіе не такъ должно разумѣть, аки бы вся вѣра, благоугодная Богу, заключалась въ человѣколюбіи; но такъ, что чистая вѣра есть купно и человѣколюбіе. Вѣра пребываетъ вѣрою; человѣколюбіе—человѣколюбіемъ: но между ими есть столь близкое отношеніе, столь неразрывная связь, что гдѣ есть чистая вѣра, тамъ непремѣнно есть и чистое человѣколюбіе, какъ послѣдствіе. Каждый

истинно вѣрующій долженъ быть истинно человѣколюбивымъ.

Дабы полнѣе выразумѣть сіе Апостольское ученіе, и точнѣе приложить оное къ жизни, можно предложить два вопроса: не ужели нельзя имѣть чистой вѣры безъ человѣколюбія? И обратно, можетъ ли быть чистое человѣколюбіе безъ чистой вѣры?

Рѣшеніе перваго изъ сихъ вопросовъ не трудно извлечь изъ приведенныхъ нами словъ Апостола. Если чистая вѣра есть купно чистое человѣколюбіе, или, что то же, человѣколюбіе есть неразлучное послѣдствіе чистой вѣры: то отсутствіе неразлучнаго послѣдствія по необходимости должно быть признакомъ отсутствія дѣйствующаго начала; и слѣдственно, гдѣ нѣтъ человѣколюбія, тамъ не льзя предполагать чистой вѣры; кто не имѣетъ человѣколюбія, тотъ не можетъ благонадежно увѣрять себя, что имѣетъ чистую вѣру.

Какъ? — скажетъ иной, — я вѣрую въ единосущную Троицу, въ Господа Іисуса Христа Богочеловѣка, въ Его спасительное страданіе, крестную смертъ и воскресеніе, въ Его вознесеніе на небо и грядущій судъ, въ благодатныя тайнодѣйствія Святаго Духа; отвергаю всякое неправославное мудрованіе: не сія ли есть чистая вѣра въ Бога, каковы бы ни были отношенія мои къ людямъ?—Нѣтъ спора, единовѣрный мой, что сія есть истинная Апостольская вѣра въ существѣ своихъ догматовъ: но можетъ быть сомнѣніе въ томъ, точно ли ты ее имѣешь, и какъ имѣешь. Поколику ты имѣешь ее въ Словѣ Божіемъ и въ Символѣ вѣры: потолику она принадлежитъ Богу, Его Пророкамъ, Апостоламъ, Отцамъ Церкви, а еще не тебѣ. Когда имѣешь ее въ твоихъ мысляхъ и въ памяти: тогда начинаешь усвоять ее себѣ; но я еще боюсь за сію собственность, потому что твоя вѣра въ мысляхъ, можетъ быть, есть только еще задатокъ, по которому надлежитъ получить сокровище, то есть, живую силу вѣры. А какъ получить ее?—сердцемъ, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *сердцемъ вѣруется въ правду* (Рим. X. 10.). Но если ты усвоилъ себѣ вѣру сердцемъ, то есть, въ глубинѣ души почувствовалъ ея достоинство, святость и силу, возлюбилъ ее, прилѣпился къ ней: то, въ слѣдствіе сего, надлежитъ, по слову Апостольскому, *вселитися Христу вѣрою въ сердце* (Ефес. III. 17.) твое, то есть, внести въ него Свою благодать, Свой свѣтъ, силу и жизнь, Свое мудрованіе, любовь и добродѣтель; и тогда ты возлюбишь всѣхъ человѣковъ,—иначе и быть не можетъ, — любовію Христовою; изъ любви и благодарности къ пострадавшему и умершему за тебя готовъ будешь пострадать и умереть за спасенныхъ Его любовію и искупленныхъ Его смертію; кратко сказать, по мѣрѣ совершенства въ вѣрѣ будешь совершенъ въ человѣколюбіи. Такимъ образомъ одно изъ двухъ: или ты имѣешь чистую вѣру, и купно съ нею человѣколюбіе, и вообще Христіанскую добродѣтель и непорочность; или, если сихъ не имѣешь, то не будь дерзновенъ, хваляся одною вѣрою, только словесною, или мысленною, но подвизайся утверждать вѣру въ сердцѣ твоемъ, да вѣруешь въ правду, живою, а не мертвою, дѣятельною въ любви, а непраздною вѣрою, да оправдишься на судѣ Христовомъ, гдѣ воздастся по дѣламъ человѣколюбія, и съ *праведниками отъ вѣры живъ будешь* вѣчно (Рим. I. 17.).

Разсматриваніе отношенія между вѣрою и человѣколюбіемъ, какъ между началомъ и послѣдствіемъ, откроетъ намъ путь къ разрѣшенію и того вопроса: можетъ ли быть чистое человѣколюбіе безъ чистой вѣры? Если спросятъ о человѣкѣ вѣрующемъ: откуда въ немъ чистое человѣколюбіе? отвѣтъ, по ученію Апостольскому, простъ: отъ чистой вѣры. *Вѣра бо чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ.* Но если предположите чистое человѣколюбіе въ человѣкѣ, не имѣющемъ чистой вѣры: то спрашивается: откуда оно? Не знаю, какой можно было бы дать на сіе удовлетворительный отвѣтъ. Скажете ли отъ природы? Но природа человѣка, поврежденная грѣхомъ, не производитъ чистаго добра собственною силою безъ особенной благодати Божіей, которая пріемлется только вѣрою. Скажете ли отъ разума? Но онъ принадлежитъ къ той же поврежденной природѣ человѣка, и потому также не обѣщаетъ чистоты безъ благодати. Есть и въ поврежденной грѣ-

хомъ природѣ человѣка расположеніе къ человѣколюбію; одобряетъ сіе расположеніе и необлагодатствованный разумъ: посему и природа и разумъ осудятъ нечеловѣколюбиваго: но возведутъ ли они человѣколюбіе на степень чистоты? На примѣръ правило: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его: аще ли жаждетъ, напой его* (Рим. XII. 20.);—изобрѣлъ ли бы разумъ? Обрадовалась ли бы оному природа?—Не знаю. А то знаю достовѣрно, что природа и разумъ, неисправленные вѣрою, пьютъ кровь враговъ, и пожираютъ ихъ трупы. Можетъ и неуправляемый вѣрою сдѣлать иногда благодѣяніе врагу, изъ гордости, для славы великодушія, изъ удовольствія видѣть униженіе одолжаемаго, для предусматриваемой впереди выгоды собственной; слѣдственно изъ побужденій нечистыхъ. Но чистый законъ любви ко врагамъ только Господь Іисусъ изрекаетъ, только вѣра пріемлетъ, только благодать дѣлаетъ любезнымъ и удобоисполнимымъ. Потому-то Господь, изрекая сей законъ, поставляетъ Себя въ противоположности съ иными законоположителями и наставниками: *Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша* (Матѳ. V. 44.).

Ища истины непреложной, выдерживающей всякое испытаніе, обратимъ вниманіе на особенные случаи, въ которыхъ является чистое человѣколюбіе, по видимому, внѣ предѣловъ чистой вѣры.

Руѳь Моавитянка, слѣдственно, природная язычница, изъ сострадательной любви къ бездѣтной и безпомощной Ноеммини, оставляетъ свой родъ и отечество, и рѣшается слѣдовать за нею въ землю Израилеву, безъ всякой надежды для себя, а только для того, чтобы утѣшать и упокоивать возлюбленную свекровь. Не есть ли это чистое человѣколюбіе внѣ предѣловъ чистой вѣры?—Нѣтъ. Любовь къ благочестивой Ноеммини привила ея вѣру душѣ Руѳи, и вѣра сдѣлала ее способною къ человѣколюбію, чистому до самозабвенія и самопожертвованія. *Богъ твой, Богъ мой* (Руѳь I. 16.),—говорила Руѳь Ноеммини, совершая прекрасный подвигъ человѣколюбія.

Ангелъ сказалъ Корнилію Сотнику, также природному язычнику: *молитвы твоя, и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. X. 4.). Если милостыни Корнилія взошли на память предъ Бога, то есть, приняты въ благоволеніе Божіе: то онѣ должны быть чистыя, потому что нечистое не можетъ приближиться къ Богу. Не есть ли это чистое человѣколюбіе внѣ предѣловъ чистой вѣры? — Нѣтъ. Изъ словъ Ангела видно, что молитвы Корнилія восходили къ Богу впереди его милостыней: а молитвы восходятъ къ Богу не иначе, какъ предводимыя вѣрою. Искреннее хотѣніе, волю Божію творити, сдѣлалось въ его душѣ пріятелищемъ предваряющей благодати Божіей, и сія ускорила посѣять въ немъ зерно вѣры, сверва нераскрытое, погребенное въ естественномъ невѣдѣніи; а дабы оно раскрылось и прозябло, для того послала потомъ Ангела, и наконецъ Апостола Петра. Что проповѣдь Апостола, какъ солнечный лучъ, упала на готовое уже, хотя закрытое, зерно вѣры въ душѣ Корнилія, сіе можно примѣтить изъ того, какъ быстро вѣра его раскрылась, и какъ высоко возрасла въ немногіе часы. Она достигла уже до причастія Святаго Духа прежде крещенія водою.

Но чтобы рѣшить дѣло непогрѣшительнымъ и окончательнымъ судомъ, приступимъ къ великому суду Христову. Очевидно, что на немъ оправдывается человѣколюбіе. *Взалкахся бо,* говоритъ, *и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя,* и такъ далѣе. Но примѣчаете ли важную особенность человѣколюбія, которое Господь оправдываетъ и награждаетъ вѣчнымъ блаженствомъ? *Понеже,* говоритъ, *сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 35. 40.). Дабы дѣла человѣколюбія были чисты, достойны Господа, оправдательны, блаженнотворны, для сего надобно, чтобы онѣ въ лицѣ человѣка сдѣланы были самому Господу Іисусу. Но какъ сего достигнуть? — Думаю, что не иначе можно, какъ путемъ чистой вѣры, которая во всемъ и чрезъ все взираетъ на Господа, Его полагаетъ средоточіемъ всѣхъ намѣреній и дѣлъ, ради Его благодѣтельствуетъ, Его зритъ въ благодѣтельствуемыхъ, какъ нареченныхъ Его братіяхъ, и

такимъ образомъ, *милуя нищаго, взаимъ даетъ Богу* (Прит. XIX. 17.). *Судъ Божій есть по истинѣ.* Какъ же оправдаетъ Господь дѣла наши, какъ скажетъ намъ: *Мнѣ сотвористе,* если мы дѣлаемъ наши дѣла не для Него, а совсѣмъ по другимъ видамъ, если при дѣлахъ нашихъ къ Нему не взираемъ, и о Немъ не помышляемъ, если не приближаемся къ Нему истинною и чистою вѣрою и любовію? —

*Якоже предрекохомъ,* и *нынѣ паки глаголю* (Гал. I. 9.). Братія Христіане! Да имѣемъ постоянное вниманіе къ сердцу своему, дабы въ немъ отъ источника истинной вѣры исходили чистыя струи человѣколюбія. Аминь.

## 3. СЛОВО

**По освященіи храма Св. Великомученика Димитрія, въ домѣ призрѣнія для вѣдомства Духовнаго попечительства, устроенномъ гвардіи капитаномъ Дмитріемъ Петровичемъ Горихвостовымъ, Октября 2 дня 1832 года.**

*Тогда разверзется рано свѣтъ твой,* и *исцѣленія твоя скоро возсіяютъ:* и *предъидетъ предъ тобою правда твоя,* и *слава Божія обыметъ тя.* Иса. LVIII. 8.

Взирая на сей домъ, какъ на дѣло человѣколюбія, на сей храмъ, какъ на дѣло благочестія, соединеннаго съ человѣколюбіемъ, — помышляя о сирыхъ, безпомощныхъ, безкровныхъ, которымъ уготовляется здѣсь кровъ, помощь, замѣнъ попеченій родительскихъ,—во всемъ, что здѣсь устроено, приготовлено, назначено, примѣчая тихое мановеніе руки, свободно и попечительно простирающейся къ дѣлу благотворенія, какъ изъясню я чувствованіе утѣшенія, какъ удовлетворю побужденію благодарности?—Желалъ бы я имѣть власть, не только съ искреннимъ желаніемъ, но и съ силою и дѣйствіемъ, изрекать подобныя симъ пророческимъ, обѣщанія и предвѣщанія: *разверзется свѣтъ твой;—предъидетъ предъ тобою правда твоя;— слава Божія обыметъ тя.*

Но что нужды, что слово человѣческое не имѣетъ власти и силы приводить въ дѣйствіе благословенія, которыя оно изрекаетъ сему, или другому благотворящему? Сію власть и силу имѣетъ Слово Божіе для всѣхъ благотворящихъ. Въ дѣлѣ человѣколюбія заключается сѣмя благословенія. Провидѣніе Божіе не оскудѣваетъ, разкрывая сіе сѣмя, возращая, и уготовляя плодъ благодати и спасенія тому, кто благотворитъ ближнему отъ искренняго и чистаго сердца.

*Тогда,* говоритъ Пророкъ Исаія, *разверзется рано свѣтъ твой.* Когда это? Видите, что онъ предвѣщаетъ нѣкое особенно прекрасное утро, и не всякому, а нѣкоему особенно счастливому человѣку. Когда же, и кому?—Тогда, и тому, когда кто вѣрно исполнитъ дѣла человѣколюбія, къ которымъ увѣщевалъ Пророкъ непосредственно предъ симъ предвѣщаніемъ своимъ. *Раздробляй алчущымъ хлѣбъ твой; и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй; и отъ свойственныхъ племене твоего не презри: тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ: и предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія обыметъ тя.* Творящему дѣла человѣколюбія Пророкъ обѣщаетъ не только раннее и ясное утро доброй надежды, но и полдень славы.

Бытіе человѣка идетъ подобно тому, какъ дни міра отъ начала ихъ. *Бысть вечеръ,* и *бысть утро* (Быт. I. 5.). Сперва сумракъ и тьма, какъ состояніе природы: а потомъ уже свѣтъ, какъ даръ Божій. Жизнь человѣческая показывается сперва въ сумракѣ, смѣшенномъ изъ тьмы невѣдѣнія и изъ мерцанія простоты и незлобія дѣтскаго. За тѣмъ возстающія страсти, возрастающая чувственность, усиливаютъ мракъ. То, что на языкѣ міра называется просвѣщеніемъ и образованностію, не есть удѣлъ многихъ; и притомъ это есть только блескъ поверхностный и безжизненный. Свѣтъ истинно благотворный и жизненный долженъ быть не чуждый, не поверхностный, но воплощенный въ жизнь и дѣятельность человѣка, Божій по дару,

*твой* по усвоенію внутреннему. Блаженъ, у кого въ сердцѣ, или, въ средоточіи существа, глаголетъ Творческое слово: *да будетъ свѣтъ.* Правда, оно глаголетъ всегда и для всѣхъ; поелику есть слово вѣчное: но поелику сердце человѣческое, по своей ниспадшей природѣ, есть *одебелѣлое* (Иса. VI. 10.), то есть, чувственное, и *каменное* (Іезек. XI. 19.), то есть, по грубой чувственности неспособное къ тонкимъ духовнымъ ощущеніямъ, то не всякое сердце человѣческое довольно чутко для гласа и слова Божія, не всегда довольно прозрачно и чисто для свѣта Божія. Что же можетъ способствовать тому, чтобы сдѣлать сердце человѣческое менѣе грубымъ, и болѣе способнымъ оглашаться глаголами духа, просвѣщаться свѣтомъ благодати? — Не скажу, чтобы для сего былъ одинъ только способъ: но должно сказать, что, въ числѣ способовъ къ сему, одинъ изъ простѣйшихъ есть добровольное умягченіе, раствореніе собственнаго сердца любовію къ ближнему, состраданіемъ къ бѣдствующему, дѣлами человѣколюбія. Такъ *блажени милостивіи;* такъ они *помилованы будутъ* (Матѳ. V. 7.). Твори усердно дѣла человѣколюбія: *тогда разверзется рано свѣтъ твой.* Рано: — скорѣе, нежели ты думаешь: скорѣе, нежели какъ достигнулъ бы ты сего средствами, которыя кажутся болѣе искусными и болѣе возвышенными.

Человѣкъ имѣетъ нужду не только въ свѣтѣ благодати, какъ омраченный по природѣ невѣдѣніемъ и чувственностію, но и въ цѣлебной силѣ благодати, какъ немощный и страждущій, не только *плотію*, которая естественно *немощна* (Матѳ. XXVI. 41.), но, что гораздо важнѣе, духомъ. Чувственность, страсть, порокъ потому только и умъ омрачаютъ, что порабощаютъ волю, и лишаютъ ее свободной силы. И гдѣ же на земли душа, которая бы не болѣла, легче, или тяжелѣ, въ своей совѣсти? Кромѣ сего есть болѣзни, отвнѣ поражающія душу до глубины ея: — несчастія, печали. Единый вѣрный, и довольный для всѣхъ людей, случаевъ, немощей, болѣзней, скорбей, врачъ душъ и тѣлесъ есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ: это правда; это безцѣнная правда; блаженная правда. Но самое вѣрное лѣкарство надобно вѣрно принять, чтобы оно было цѣлебно и спасительно: и не часто ли нужно бываетъ особенное искусство, дабы лѣкарство было принято, особенное приготовленіе, дабы лѣкарство воздѣйствовало? Вы говорите иногда человѣку: пріими всецѣлебное врачевство благодати Христовой; но уста души его не отверзаются; рука не простирается, или дрожитъ; и вы напрасно приклоняете къ нему чашу спасенія. Для успѣха въ духовномъ врачеваніи весьма полезно иногда то приготовленіе, чтобы рука человѣка укрѣпилась дѣлами благотворенія, чтобы сердце и уста его разверзлись чувствомъ сострадания и словомъ утѣшенія къ бѣдствующему ближнему; чтобы пріобрѣтаемое посредствомъ дѣлъ милости доброе свидѣтельство совѣсти утвердило надежду на милость Божію, чтобы надежда на Бога милосердаго привела за собою увѣренность въ средствахъ Его милосердія, или вѣру, чтобы вѣра въ Спасителя возбудила святое желаніе къ Нему, или любовь Божественную. Потому Пророкъ, уча благодѣтельствовать исцѣлять, по возможности, скорби ближнихъ, въ слѣдъ за тѣмъ обнадеживаетъ скоростію кореннаго, нашего собственнаго исцѣленія. *Исцѣленія твоя скоро возсіяютъ.*

Обрѣлъ ли уже человѣкъ свѣтъ, или еще коснитъ въ началородной тьмѣ, ускоряется ли его духовное исцѣленіе, или онъ еще влачитъ тягость различныхъ немощей и скорбей ветхаго Адама, онъ между тѣмъ, пока на землѣ, всегда на пути, знаетъ ли его, или не знаетъ, видитъ, или не видитъ, идетъ по нему, или влечется: а враги всегда близко, претыканія всегда подъ ногами, опасности вокругъ, руководства часто не достаетъ, охраненіе не является. Счастливъ, кто можетъ имѣть предъ собою предшествователя, который бы отклонялъ опасныя встрѣчи, показывалъ, гдѣ безопасно поставить ногу, страшилъ и удалялъ враговъ, и призывалъ охранителей! И такого-то предшествователя обѣщаетъ слово Пророка человѣку благодѣтельному къ ближнимъ; и сей надежный предшествователь есть—самая его добродѣтель. *Предъидетъ предъ тобою правда твоя.* Маловѣдущій въ путяхъ Провидѣ

нія не вдругъ пойметъ, какимъ образомъ добродѣтель, нами сдѣланная, и оставленная назади, во дняхъ прошедшихъ, можетъ на пути жизни явиться впереди насъ, въ подобіи руководителя: но это вѣрно такъ въ путяхъ Провидѣнія. Она предшествуетъ намъ свѣтомъ, который мы чрезъ нее пріобрѣли, поддерживаетъ насъ силою, которую мы отъ нея пріяли, отражаетъ отъ насъ враждебныя силы тьмы, призываетъ къ намъ невидимыя благотворныя силы свѣта. Поелику добродѣтель человѣколюбія въ дѣйствіяхъ своихъ соотвѣтствуетъ цѣлямъ всеблагаго Провидѣнія, и такимъ образомъ служитъ ему: то Провидѣніе воспріемлемъ на себя, такъ сказать, долгъ взаимности и благодарности, и особенно покровительствуетъ благотворящихъ, какъ своихъ служителей, и свои орудія. Вдова Сарептская на пути своей жизни встрѣтилась съ голодомъ; и вѣрно была бы поглощена имъ: но изъ послѣдней горсти муки она подала въ милостыню Пророку Иліи малый опрѣснокъ. Съ сей минуты сія добродѣтель пошла предъ нею: и она прошла время глада чудеснымъ образомъ, безопасно и спасительно.

Наконецъ, если мы уразумѣли, какимъ образомъ благотворительность къ нуждающимся и бѣдствующимъ ближнимъ доставляетъ человѣку благодатный свѣтъ, благотворную силу, благонадежное руководство на путяхъ жизни: то чрезъ сіе, безъ дальнѣйшихъ изъясненій, становится очевиднымъ и то, что та же благотворительность ведетъ къ причастію славы Божественной. *И слава Божія обыметъ тя.*

Итакъ благодѣющій да благодѣтельствуетъ съ радостію, въ вѣрной надеждѣ благословенія Божія дѣйственнаго и спасительнаго.

Но и пріемлющій благодѣянія, по долгу благодарности, да благословляетъ благодѣтеля словомъ радости, любви, молитвы, да и благодѣтелями и пріемлющими благодѣянія прославляется Богъ, премудро и праведно устрояющій благополучіе бѣдствующихъ чрезъ человѣколюбивыхъ благодѣтелей, и блаженство благодѣтелей чрезъ дѣла человѣколюбія. Аминь.

## 4. СЛОВО

При освященіи храма Живоначальныя Троицы, созданнаго тщаніемъ княгини Евдокіи Николаевны Мещерской, и при открытіи основаннаго ею, Высочайше утвержденнаго Борисоглѣбскаго женскаго общежитія, говоренное Мая 4 дня, 1822 года.

*Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ бо Божій святъ есть; иже есте вы.* 1 Кор. III. 17.

Слава Богу, *дивному во святилищѣ Своемъ!* Еще мѣсто содѣлалось Святымъ и Божіимъ; еще отверзлось небо на земли; еще дано прибѣжище молитвамъ; еще явился престолъ Благодати.

Нѣкогда во всей вселенной былъ одинъ только храмъ истиннаго Бога; и былъ нѣкто, который восхищался отъ одной мысли, что онъ можетъ идти въ домъ Господень: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. CXXI. 1.). Какъ не радоваться теперь, когда, такъ сказать, домъ Божій приходитъ къ намъ изъ невидимаго вездѣсущія Божія, чтобы намъ ближе было приступать къ Богу?

Давидъ, возжелавъ создать храмъ Богу, клялся не имѣть покоя, доколѣ не найдетъ мѣста угоднаго Богу: *клятся Господеви, обѣщася Богу Іаковлю: аще дамъ очима моима сонъ, и вѣждома моима дреманіе, и покой скраніама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви* (Псал. CXXXI. 2. 4.); а до самого созданія храма и дожить ему не суждено было. Какъ пріятно сердцу, которому не только желаніе создать храмъ Богу, но и совершеніе сего желанія даровано,— какъ пріятно предъ Богомъ сердца успокоиться въ любви и благодарности!

Есть нынѣ здѣсь и еще радость. Вмѣстѣ съ обновленіемъ сего дома Божія, обновляется близъ его домъ Богоугоднаго жительства; такъ что радость благочестія получаетъ новое пространство, соединяясь съ радостію человѣколюбія, и радость человѣколюбія пріемлетъ освященіе отъ радости благочестія. Знаменіе во благо сотворилъ Богъ, устроивъ сіе такимъ образомъ: благо убогимъ, когда они видятъ себя у Бога.

Соединимъ каждый свою радость въ общее славословіе. Благословенъ, дающій благія желанія, укрѣпляющій въ намѣреніяхъ, устрояющій исполненіе! Благословенъ *Богъ, приближающійся* къ намъ Своею благодатію, когда мы не могли бы приближиться къ Нему по нашей немощи и недостоинству! Благословенъ *Отецъ сирыхъ и Судія вдовицъ, Богъ во святомъ Своемъ жилищѣ* (Псал. LXVII. 6. 7.), Который *вселяетъ единокихъ въ домъ*, Который, даруя пришельцамъ обитель, ищетъ въ нихъ обители Себѣ Самому!

Впрочемъ, сколь ни чистъ источникъ нашей радости предъ Богомъ, намъ заповѣдано и *радоваться* Господу *съ трепетомъ* (Псал. II. 11.). И естественная осторожность побуждаетъ, съ радостію о желанномъ пріобрѣтеніи соединять заботу о томъ, какъ беречь, и какъ употреблять пріобрѣтенное. И отъ Апостола слышимъ грозное слово на того, кто не сохранитъ столь драгоцѣннаго пріобрѣтенія, какъ храмъ Божій: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ.*

Итакъ великое вниманіе потребно на то, чтобы пользоваться храмомъ Божіимъ, и не повреждать его.

Обыкновенно потолику бережемъ вещь, поколику знаемъ ея достоинство. Посему Апостолъ, убѣждая не разорять храма Божія, указываетъ на его достоинство, которое называетъ святостію: *храмъ бо Божій святъ есть* (Псал. LXIV. 5.).

Мысль о святости храма Божія онъ находитъ столь очевидною, что для удостовѣренія въ ней не присовокупляетъ ничего, а самую сію мысль полагаетъ въ основаніе удостовѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, что храмъ Божій долженъ быть святъ, сіе столь же свойственно думать, какъ то, что день долженъ быть свѣтелъ. День безъ свѣта не былъ бы днемъ: храмъ безъ святости не былъ бы храмомъ, но или простымъ домомъ, или даже капищемъ.

Но что такое свѣтъ дня? Что такое святость храма?—Здѣсь подъ очевидностію скрывается тайна, которой иные не проникаютъ, и либо въ невѣдѣніи остаются, либо уклоняются во мнѣнія погрѣшительныя, и даже иногда, какъ говоритъ Апостолъ, *елика не вѣдятъ, хулятъ* (Іуд. 10.). Нѣкоторые, на примѣръ, особенную святость храма полагаютъ въ древности его, или находящихся въ немъ священныхъ вещей. Почтенна древность, и мысль о ней величественна; въ ней созерцаемъ мы образъ вѣчности, которая сама въ себѣ превышаетъ наше созерцаніе: почему и Самъ Богъ въ видѣніи Пророческомъ является въ образѣ, и нарицается именемъ *Ветхаго деньми* (Дан. VII. 9.). Однако мысль о святости храма отнюдь не должна быть смѣшиваема съ мыслію о древности. Храмъ Соломоновъ былъ новъ, когда Богъ явился Соломону, и сказалъ: *освятихъ храмъ сей, егоже создалъ еси* (3 Цар. IX. 3.): храмъ сей былъ древенъ, когда сей же Богъ предалъ его язычникамъ на оскверненіе и разрушеніе. Горница Іерусалимская содѣлалась первымъ новымъ храмомъ Христіанскимъ, по вознесеніи Господнемъ: но когда въ ней получили Апостолы изліяніе Святаго Духа, тогда, безъ сомнѣнія, она имѣла въ себѣ несравненно болѣе святости, нежели древній въ то время храмъ Іерусалимскій,

Чтобы взойти къ истинному и общему началу святости, принадлежащей храму Божію, должно вспомнить, что первый создатель святаго храма, (который названъ тогда скиніею, поелику былъ устроенъ по подобію шатра, такъ какъ и народъ Божій въ то время обиталъ въ шатрахъ, странствуя въ пустыни), — что создатель сего храма былъ Самъ Богъ; что чертежъ сего перваго храма принесенъ былъ съ небесъ, какъ заповѣдано Моисею: *виждь, да сотвориши по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исх. XXVII. 8.); что по сему же самому образу, только съ новымъ великолѣпіемъ, созданъ послѣ храмъ Соломоновъ; что наконецъ послѣ того, какъ съ Христіанствомъ открылось, представленное прежде въ чувственныхъ видахъ, поклоненіе Богу духомъ и истиною, храмъ Христіанскій содержитъ ту же святыню въ духѣ и силѣ, которая въ храмѣ Моисеевомъ или Соломоновомъ представлена была въ образѣ и явленіи. Что же было источникомъ святыни въ храмѣ Моисеевомъ и Соломоновомъ! — Омовеніе и помазаніе, употребительныя и въ древности, какъ нынѣ, составляли только приготовительное

освященіе; самая Святыня означеновывалась тогда, когда чудесный облакъ осѣнялъ скинію или храмъ; когда небесный огнь нисходилъ на жертвы, словомъ, когда являлось присутствіе Всемогущаго Бога. Такъ святыню храма изъясняетъ Соломону Самъ Богъ: *освятихъ храмъ сей, егоже создалъ еси.*—Но какъ, Господи?—*Еже положити имя Мое тамо во вѣки, и будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3.). Посему и нынѣ въ совершительномъ дѣйствіи освященія возвѣщается присутствіе Божіе, когда возглашается вратамъ, чтобы онѣ *возвысили верхи свои, да внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII. 7.).

И такъ глубокое основаніе святости храма Божія есть присутствіе Божіе во храмѣ, таинственное и непостижимое, но тѣмъ не менѣе истинное и дѣйствительное. *Господь* Самъ *во храмѣ святѣмъ Своемъ* (Псал. X. 4.).

Напрасно люди, которые думаютъ мудрствовать выше, нежели учитъ премудрость Божія, говорятъ, что имъ не нужно искать присутствія Божія во храмѣ, потому что они познали вездѣсущіе Божіе. Что вы говорите? Развѣ Богъ не знаетъ Своего вездѣсущія? Не сказалъ ли Онъ чрезъ Пророка: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ; кій домъ созиждете Ми, и кое мѣсто покоища Моего* (Иса. LXVI. 1.)? Не ужели Онъ забылъ о семъ вездѣсущіи Своемъ, когда Самъ сказалъ Соломону о храмѣ: *будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни!* Конечно, никакое особенное мѣсто не нужно для вездѣсущія Божія: но для ограниченности человѣческой нужно, по крайней мѣрѣ до нѣкотораго степени усовершенія, имѣть извѣстный предѣлъ, гдѣ бы совершалось прикосновеніе къ безпредѣльному. Знаемъ и мы, что будетъ нѣкогда *святый градъ*, въ которомъ не *видно будетъ храма; Господь бо Богъ Вседержитель храмъ ему есть* (Апок. XXI. 22.). Но градъ сей долженъ *сniти отъ Бога съ небеси* (10.): не созиждетъ его надменное мудрованіе человѣческое, которое мнимымъ познаніемъ вездѣсущія Божія хочетъ разрушить храмъ Божій; ничего не созиждетъ оно, кромѣ Вавилона.

Можетъ быть, найдутся и такіе, которые скажутъ: какъ найдемъ мы во храмѣ присутствіе Божіе, когда оно уже не является ни въ облакѣ осѣняющемъ, ни въ огнѣ сходящемъ съ неба? Таковымъ отвѣтствуемъ на сіе словомъ Христовымъ: *аще знаменій и чудесъ не видите, не имате вѣровати* (Іоан. IV. 48.)! Какъ-бы такъ сказалъ Онъ: бѣдные маловѣры! вы все требуете, чтобы вѣра ваша питаема была непрерывными видимыми чудесами, подобно какъ слабыя растенія сохраняють искуственною теплотою, вмѣсто естественной, солнечной.—Теперь уже не зима, или хладная древняя ночь; теперь лѣто Господне пріятно, и ясный день спасенія. Не то уже время, когда надлежало слабое растеніе вѣры сохранять и живить силою внѣшнихъ чудесъ, время уже вѣрѣ вашей, живой во Іисусѣ Христѣ, безъ внѣшнихъ подпоръ укрѣпляться, и самой производить чудесные плоды. Вѣруйте, не требуя видимыхъ чудесъ, и вы увидите несравненно высшей степени чудеса невидимыя. На что вамъ Синайскіе громы, когда вы слышите здѣсь въ Евангеліи живое слово живаго Бога? На что вамъ облакъ осѣняющій, въ которомъ древніе, какъ говоритъ Апостолъ, *крестишася въ Моисея* (1 Кор. X. 2.), когда здѣсь имѣете вы крещеніе, облекающее васъ во Христа, и осѣненіе отъ Духа Святаго? На что вамъ огнь, ниспадающій съ неба и поядающій кровавыя жертвы, когда здѣсь есть Божественный огнь, нисходящій на безкровную жертву, и ее, не разрушая, превращающій въ Божественную плоть и кровь, въ пищу жизни вѣчной? Найдите только здѣсь хотя одну общую молитву вѣрныхъ; и тогда вы нашли здѣсь истинное присутствіе Божественнаго Спасителя, по Его непреложному обѣщанію: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь и Азъ посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 20.). Вѣруйте присутствію Его: и тогда, если нужно будетъ, Онъ покажетъ вамъ Свое присутствіе и видѣніемъ, какъ показалъ многоразлично многимъ, начиная отъ посѣщенія Апостольской храмины, дверемъ затвореннымъ. Но безъ нужды не домогайтесь видѣнія: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX. 29.).

Христіане! Въ какой бы то ни было сокровенности, только, если мы имѣемъ во храмѣ такое сокровище, какого драгоцѣннѣе и небеса не имѣютъ, то есть, святое и благодатное присутствіе Божіе: то съ какимъ вниманіемъ, съ какимъ благоговѣйнымъ страхомъ должны мы здѣсь обращаться, чтобы оное не было у насъ отнято, чтобы не было сказано и намъ, какъ нѣкогда сказано поклонникамъ дома Божія въ Іерусалимѣ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Лук. XIII. 35)!

Вы стоите здѣсь предъ Богомъ: точно ли стоите вы непоколебимо въ Его присутствіи, не убѣгаетъ ли мысль ваша за стѣны храма, не обращается ли сердце ваше отъ Бога къ тварямъ, хотя и въ домѣ человѣческомъ вы почитаете неприличнымъ оставить господина, и предпочтительно предъ нимъ обращаться съ рабами? Берегитесь, чтобы Великій Владыка сего высокаго дома въ свою чреду не отвратился отъ васъ, какъ вы отъ Него, и чтобы не остался для васъ домъ сей пустъ.

Вы участвуете здѣсь въ молитвахъ: изрекаетъ ли внутренно духъ вашъ то, что внѣшно говорятъ уста? Чувствуетъ ли сердце, что слышитъ ухо? Или вы думаете, что Богъ будетъ внимать молитвѣ, которой вы сами не внимаете? Берегитесь, чтобы домъ молитвы не остался для васъ пустъ.

Что убо сотворимъ, предстоящіе во храмѣ, что сотворимъ, дабы не нарушить святыни храма?—Каждый изъ насъ долженъ пещись о созиданіи, объ освященіи, о святомъ употребленіи въ общемъ храмѣ своего собственнаго храма Богу. Ибо, говоритъ Апостолъ, *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. III. 17.). То есть, вы признаете, что храмъ Божій святъ, и что раздражаетъ Бога тотъ, кто нарушаетъ святыню его: но сей храмъ—вы. Если святыня его не имѣетъ инаго начала, кромѣ Бога, то не имѣетъ иной цѣли, кромѣ васъ; въ васъ открывается духъ, заключенный въ образахъ его; въ васъ постигается значеніе знаменій его. *Вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. IV. 16.). Тайна глубокая, *сокровенная*, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ, *отъ вѣка и родовъ въ Богѣ, и нынѣ являемая* только *святымъ Его, иже есть Христосъ въ васъ* (Кол. I, 26.)! Тщетно усиливались бы мы нѣмотствованіемъ плотскаго языка изъяснить духовныя и Божественныя чудеса, заключенныя въ сей тайнѣ. Не пытливостію, но вѣрностію пріобрѣтается открытіе тайны. Будемъ вѣрны въ томъ, что уже открыто намъ: такъ приготовимъ себя и къ высшему откровенію сокровеннаго. Тебѣ уже сказано, что ты храмъ Божій: примѣчай же все, что есть, и что совершается во храмѣ Божіемъ, и сообразно съ симъ располагай себя, и наипаче свою внутренность. Видишь здѣсь изображенія дѣлъ Божіихъ и Святыхъ Его: наполняй и ты умъ твой и память, яко духовными образами, назидательными помышленіями о великихъ дѣлахъ Божіихъ, и о Богоугодныхъ дѣлахъ Святыхъ Его. Видишь свѣтильникъ предъ святымъ изображеніемъ: старайся, чтобъ и въ тебѣ святыя помышленія о Богѣ раждали свѣтъ вѣры, и возжигали огнь любви къ Богу. Видишь куреніе кадила: *да исправится молитва твоя, яко кадило, предъ Богомъ* (Псал. CXL. 2.). Слышишь слово Божіе: внимай такъ, чтобы оно *вселилось въ тебя* (Кол. III. 16.), чрезъ ученіе и вразумленіе себя самого. Слышишь пѣніе во славу Божію: *воспѣвай* и ты *въ сердцѣ твоемъ Господеви*. Видишь Священнослужителей предстоящихъ Престолу Таинъ, и возвѣщающихъ, что мы *изображуемъ* собою *Херувимовъ*, предстоящихъ Животворящей Троицѣ: *отлагай* же и ты *житейскія попеченія*; *да молчитъ* въ тебѣ *все плотское*, и да навыкнетъ духъ твой съ Давидомъ *зрѣть Господа предъ собою выну* (Псал. XV. 8.).

Тако, братія, *приходя*, здѣсь *ко Христу, камени живу, и сами зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоугодны Богови Іисусъ Христомъ* (1 Петр. II. 5.). Со Апостоломъ *молю вы, братіе* и сестры, *щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, чисту, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше*. Аминь.

## 5. СЛОВО

По освященіи храма Святыя Великомученицы Екатерины при Екатерининскомъ Институтѣ, говоренное Сентября 14 дня, 1830 года.

*Уготовися призывати Бога твоего, Израилю.* Амос. IV. 12.

Освященіе храма есть одинъ изъ случаевъ, при которыхъ Церковь подаетъ намъ мысли о приготовленіи нашемъ для Бога.

Ибо что значатъ, съ особенною торжественностію, во время сего тайнодѣйствія, возглашаемыя пророческія слова: *возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная: и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII. 7.)?

Скажемъ ли, согласно съ изъясненіемъ нѣкоторыхъ древнихъ созерцателей, что симъ изображается восхожденіе Іисуса Христа, по воскресеніи, съ обоженнымъ въ Немъ человѣчествомъ, на небо,—восхожденіе необычайное для небесъ, потому что безпримѣрно дотолѣ, и совсѣмъ непостижимо было восхожденіе на небо съ плотію: почему и надлежало произойти нѣкоему необычайному движенію небесныхъ силъ, такъ какъ-бы малыя двери и тайная лѣствица восхожденія и нисхожденія Ангеловъ, превращались въ великія врата торжественнаго вшествія Побѣдителя смерти и Возстановителя человѣчества? — Нѣтъ спора о семъ первоначальномъ, небесномъ смыслѣ словъ Пророческихъ: но когда онѣ произносятся предъ вратами храма земнаго; то по необходимости требуютъ сюда относящагося примѣненія.

Скажемъ ли, что симъ изображается вступленіе въ освящаемый храмъ благодатнаго, таинственнаго присутствія Іисуса Христа, Царя славы, да возсядетъ здѣсь на престолѣ храма, подобно какъ на небесахъ возсѣдитъ одесную Бога Отца, да подастъ отселѣ благодать, подобно какъ оттолѣ даетъ славу? — Это вѣрно такъ: но что значитъ, что велятъ возвыситься вратамъ вѣчнымъ, тогда какъ сіе повелѣніе произносится предъ вратами, которыя суть временны, потому что вещественны, и которыя сего повелѣнія не могутъ ни услышать, ни понять, ни исполнить?

Для удовлетворительнаго разрѣшенія сего вопроса возмемъ въ основаніе то, что говоритъ о храмѣ и о святости его Святый Апостолъ Павелъ: *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. III. 17.). То есть: храмъ Божій есть чувственное изображеніе духовнаго храма, который есть истинный Христіанинъ; святостію храма изображается святость Христіанина; слѣдственно и освященіемъ храма, освященіе Христіанина. И такъ, когда при освященіи храма возглашается ко вратамъ вѣчнымъ: то сіе относится къ безсмертной душѣ, къ ея свободной волѣ, желаніямъ и любви, коими она можетъ пріять Бога. Когда повелѣвается, чтобы врата возвысились: то чрезъ сіе возбуждается человѣкъ воздвигнуть силу воли своея отъ низкихъ, земныхъ вещей къ возвышеннымъ, небеснымъ предметамъ, вознести горѣ помышленія и желанія, отверсть вѣрою, расширить любовію сердце, къ общенію съ безконечнымъ Богомъ.

Если сіе изъясненіе словъ Пророческихъ и обряда освященія храма нѣкоторымъ покажется недовольно простымъ, для убѣжденія въ истинѣ: то пусть повѣрятъ оное возглашеніемъ другаго Пророка, прямо къ чтущимъ Бога человѣкамъ подъ именемъ Израиля. *Уготовися призывати Бога твоего, Израилю*: взываетъ Пророкъ Амосъ: или, точнѣе по Еврейскому его изреченію: *приготовься въ срѣтеніе Богу твоему.* Пусть вспомнятъ обѣщаніе посѣщенія Божія, которое не иносказательно ко вратамъ или храму, но прямо къ вѣрующему человѣку и къ любящей душѣ произноситъ Самъ Іисусъ Христосъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ; и Отецъ Мой возлюбитъ Его, и къ нему пріидемъ, и обитель у Него сотворимъ* (Іоан. XIV. 23.).

И такъ тебѣ говорятъ, Христіанская душа, *приготовься во срѣтеніе Богу твоему.*

Какъ приготовиться? Когда ожидать Его? Гдѣ можно съ Нимъ встрѣтиться? — Посмотримъ нѣсколько пристальнѣе, нѣсколько ближе.

Человѣкъ не такъ сотворенъ, чтобы ему быть и оставаться въ разлученіи съ Богомъ, и въ удаленіи отъ Него. Если душа человѣка есть дыханіе жизни отъ устъ Господнихъ, какъ сказуетъ книга Бытія: то какова близость между дыханіемъ и дышущимъ, такова должна быть близость между человѣческою душею и Богомъ. Разлученіе человѣка отъ Бога есть состояніе неестественное. О причинѣ сего разлученія то же должно сказать въ отношеніи ко всѣмъ человѣкамъ, что сказано Пророкомъ въ отношеніи къ Іудеямъ: *грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ* (Исаіи LIX. 2.). Посмотрите на первыхъ человѣковъ послѣ перваго грѣха. *Услышаста гласъ Господа Бога ходяща въ раи по полудни*: вотъ слѣдъ первоначальнаго общенія человѣка съ Богомъ! *И скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога* (Быт. III. 8.): вотъ изображеніе грѣховнаго разлученія отъ Бога! Примѣчайте, что милосердый Богъ идетъ къ человѣку и послѣ грѣха его: но грѣшникъ не готовъ во срѣтеніе Богу своему, и убѣгаетъ отъ Него. И это не въ раю токмо: но и по изгнаніи человѣка изъ рая, Богъ все еще старается приближиться къ грѣшнику, чтобы обратить его къ Себѣ, и потому не гнушается говорить даже съ братоубійцею Каиномъ; а грѣшникъ продолжаетъ удаляться отъ Бога; и не Богъ Каину, но Каинъ самъ себѣ произноситъ приговоръ изгнанія отъ лица Божія. Такъ отъ первыхъ дней міра, и далѣе, Богъ все идетъ къ человѣку, приближается, является, въ дѣлахъ природы и Провидѣнія, въ чудесахъ, въ откровеніяхъ, въ законѣ, въ Пророкахъ, и въ послѣдокъ дній сихъ въ единородномъ Сынѣ Своемъ Іисусѣ Христѣ. Прислушайся, внимательная душа: не слышится ли и тебѣ *гласъ Господа Бога ходяща*, не только *въ раи по полудни*, но и по всей вселенной, въ полудни и въ полунощи, утромъ и вечеромъ? Скажетъ ли напротивъ душа разсѣянная, что она ничего таковаго не слышитъ? На сіе отвѣтствуемъ ей: Богъ однако не перемѣнился, не отступилъ вспять, не пересталъ дѣйствовать; если ты Его не слышишь, то ты невнимательна.

Какъ вѣчный и вездѣсущій, Богъ присутствуетъ и дѣйствуетъ всегда и вездѣ, потому всегда и вездѣ можно съ Нимъ встрѣтиться. Но поелику человѣкъ, по грѣховности своей отвращается и удаляется отъ Бога; по своей перемѣнчивости и немощи не всегда внемлетъ Ему; по своей духовной слѣпотѣ и плотяной огрубѣлости часто не примѣчаетъ тонкихъ духовныхъ дѣйствій Божества: то есть особенныя обстоятельства и случаи, когда, и гдѣ, гласъ шествія Божія къ человѣку особенно внятно слышенъ, и такимъ образомъ человѣкъ особенно призывается уготовиться во срѣтеніе Богу своему. *Сице сотворю ти, Исраилю*, говоритъ Богъ у Пророка: *обаче яко сице сотворю ти, уготовися во срѣтеніе Богу твоему, Исраилю*. Теперь нѣтъ нужды доискиваться, о какомъ дѣлѣ Своемъ предваряетъ Богъ Израиля: хотя впрочемъ изъ словъ Пророка можно примѣтить, что это есть угроза дѣломъ правосудія и наказанія: довольно замѣтить для настоящаго разсужденія, что есть особенныя дѣла, которыя творитъ Богъ, и о которыхъ предваряетъ человѣка, именно для того, чтобы возбудить вниманіе человѣка; чтобы показать ему Свое приближеніе, и призвать его во срѣтеніе Себѣ; чтобы внушить ему Свои спасительныя намѣренія, и расположить его къ соотвѣтствованію онымъ.

*Видѣна быша шествія Твоя, Боже*, (Псал. LXVII. 25.)! Просвѣти очи наши, чтобы въ чистомъ свѣтѣ разсмотрѣть видѣнное, да научимся созерцать и невидѣнное нами.

Если намъ не довелось собственными очами видѣть какого нибудь великаго и чудеснаго шествія Божія, въ которомъ *земля потрясеся, небеса кануша отъ лица Бога Синаина* (Псал. LXVII. 9.): не видимъ ли мы, по мѣстамъ, по временамъ, хотя меньшихъ путей Его, которые идутъ иногда прямо къ намъ? Не случается ли, что земное, насъ окружающее, потрясается, отклоняется отъ насъ, и оставляетъ пространство между нами и прочими тварями? Болѣзнь, печаль, потрясеніе благосостоянія, разлука съ людьми искренними и вѣрными, ненадежность оставшихся, гоненіе, угнѣтеніе, презрѣніе,

превратности внезапныя, бѣдствія поражающія, опасности грозныя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, необъяснимое внѣшними причинами внутреннее дѣйствіе, не приводятъ ли насъ иногда въ такое расположеніе духа, что предметы, дотолѣ занимательные и пріятные, уже не привлекаютъ насъ, но становятся неусладительны, безвкусны, чужды; мы чувствуемъ пустоту, ничтожность всего, что испытали, потребность и нѣкое ожиданіе, которыхъ ничто не удовлетворяетъ? Знаете ли, что это такое?—Невидимое, однако же не совсѣмъ непримѣтное *шествіе Бога* нашего, *гласъ Господа ходяща*. Онъ идетъ къ душѣ нашей, и уготовляетъ Себѣ путь, отстраняя отъ нея твари, около ея тѣснящіяся, и путь Ему преграждающія. И *тако сице творитъ* Онъ тебѣ: *уготовися во срѣтеніе Богу твоему, Израилю*, — уготовься, душа моя, свободнымъ и рѣшительнымъ отверженіемъ тварей, нелюбленіемъ міра, ни яже въ мірѣ, дабы не было тебѣ препятствія принять Бога полною любовію нераздѣленнаго сердца.

Когда мысль о будущемъ и страхъ суда Божія, какъ громовый ударъ, пробуждаетъ насъ отъ дремоты безпечности; когда совѣсть, какъ молнія, внезапнымъ грознымъ свѣтомъ озаряетъ мракъ души, и обличаетъ все, даже до сокровенныхъ нечистотъ, помысловъ и желаній, даже до забытыхъ давно грѣховъ юности: что и это, какъ не *шествіе Бога* правосуднаго и вмѣстѣ милосердаго, *гласъ Господа*, преслѣдующаго грѣхъ, и въ то-же время ищущаго благодатно приближиться къ грѣшнику? Не скрывайся же безполезно, какъ Адамъ; не заточай упорно самъ себя далѣе и далѣе отъ Бога, подобно Каину; *уготовися во срѣтеніе Богу твоему*, сердечнымъ сокрушеніемъ, слезами, покаяніемъ, исправленіемъ житія.

Чувствуешь ли расширеніе, облегченіе, возвышеніе сердца, при совершеніи добраго дѣла, во время прилѣжной молитвы, при посѣщеніи храма Божія, при слушаніи слова Божія? — Знай, что это *гласъ Господа Бога ходяща въ раи* внутреннемъ, благодатное приближеніе, сладкое въ двери сердца толцаніе Того, Который сказалъ: *се стою при дверехъ и толку; аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною* (Апок. III. 20.). Не теряй драгоцѣннаго мгновенія; не запирайся отъ вожделѣннаго Пришельца; *уготовися во срѣтеніе Богу твоему*, отверзи Ему дверь сердца твоего вѣрою, любовію и искреннею готовностію послушливо принимать благодатныя внушенія, и вѣрно послѣдовать онымъ.

Вотъ нѣкоторыя, наиболѣе обыкновенныя срѣтенія благодатныхъ посѣщеній. Кто внимательно будетъ ожидать, и тщательно готовиться: тотъ будетъ встрѣчать Бога своего такъ часто, и такъ близко, что наконецъ возможетъ сказать съ Давидомъ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Псал. XV. 8.).

Призри благодатно, Господи, и на нашего Давида, и на сопрестольную Ему общую для всѣхъ дѣтей сихъ по человѣколюбію Матерь; и къ тѣмъ, которые устроеніемъ сего святилища желаютъ приближить къ Тебѣ, и Тебѣ уготовать юныя сердца сіи, буди выну близокъ и присущъ святымъ и освящающимъ Твоимъ благословеніемъ, временнымъ и вѣчнымъ. Аминь.

## 6. СЛОВО

**По освященіи храма Святаго Духа въ Московскомъ Даниловскомъ кладбищѣ, говоренное Сентября 25 дня, 1832 года.**

*Благодать даянія предъ всякимъ живымъ (да будетъ), и надъ мертвецемъ не возбрани благодати.* Спр. VII. 36.

Радоваться на кладбищѣ, правда, не очень у мѣста: однако я не колеблюсь признаться, что съ радостію нахожусь нынѣ на семъ мѣстѣ, куда въ продолженіи многихъ лѣтъ множество людей ежедневно приноситъ свои печали.

Радуюсь, помышляя о снисхожденіи благодати Божіей, которая сего новаго, вѣрою ей предлагаемаго, жилища не отвер-

гла; потому что благоволила совершиться освященію онаго по чину святыни.

Радуюсь, помышляя о семъ храмѣ, вмѣсто ветхаго новомъ, вмѣсто близкаго къ разрушенію увѣковѣченномъ, вмѣсто скуднаго и малоудобнаго благоустроенномъ и благолѣпномъ.

Радуюсь, воспоминая въ вѣрѣ и упованіи преставльшагося раба Божія, который принесъ мнѣ первую заботу о недостаточномъ устройствѣ бывшаго здѣсь храма, и еще двухъ подобныхъ, и ввѣрилъ нескудныя для каждаго изъ трехъ даянія, съ такою притомъ строгою осторожностію, да *не увѣсть шуйца, что творитъ десница*,—что и не означенное именемъ его собственноручное писаніе о семъ дѣлѣ истребовалъ отъ меня назадъ, чтобы почеркъ руки не обнаружилъ его предъ человѣками. Возлюбившая благолѣпіе дому Бога своего, душа! Богъ видитъ твое имя, котораго я не произнесу, повинуясь твоему завѣщанію: и да сохранитъ оное въ книгѣ живота; да украситъ оное на небеси славою, безъ сомнѣнія лучшею, нежели та, отъ которой ты благоразумно скрывался на земли; да скажетъ тебѣ тамъ, гдѣ ты у Него почиваешь, что добрая мысль твоя не осталась безъ дѣла, и что даяніе твое встрѣтилось и съ добрыми руками, и съ обиліемъ другихъ даяній, такъ что добрый плодъ превысилъ добрую надежду.

Радуюсь, помышляя о всякомъ рабѣ Божіемъ, мало ли, много ли, но силѣ споспѣшествовавшемъ созданію и украшенію сего храма, и наипаче о понесшемъ все попеченіе и трудъ сего устроенія. — И для чего жъ не сказать иногда что нибудь въ Церкви о нѣкоторыхъ частныхъ людяхъ, если только не по человѣческимъ видамъ сказать желается? — Незнатная женщина была та, которая помазала благовоннымъ мѵромъ главу Господа Іисуса; и сіе дѣло ея, по видимому, было простое, женскому образу мыслей свойственное: однако за доброту ея намѣренія, Господь тогда же повелѣлъ о ней и дѣлѣ ея говорить въ Церквахъ всего міра. Можно говорить въ Церкви о томъ, что дѣлается для Бога и Церкви. — Что же радостно мнѣ, при мысли о устроителѣ храма сего? — Не только то, что онъ щедро послужилъ здѣсь Богу стяжаніемъ и трудомъ, но и въ особенности, что вступилъ въ сіе дѣло тогда, какъ не былъ къ оному привлекаемъ никакою нуждою, никакою обязанностію;—тогда, какъ имѣлъ уже на своемъ попеченіи другой храмъ; —тогда, какъ обнаруженная нѣкоторыми холодность къ сему дѣлу представляла неблагопріятный примѣръ, и мы, искавшіе помощи оному, оказались было безпомощными. Не говорю о семъ яснѣе потому, что ни на кого не только жаловаться, но и въ мысляхъ моихъ сѣтовать не желаю: Богъ да наставитъ на лучшее всѣхъ насъ; Церкви же Своей Онъ вѣрно не оставитъ безъ благопотребной во время помощи, какъ сказалъ я относительно къ сему храму еще въ минуты безпомощности, и какъ, по благости Божіей, на дѣлѣ оказалось.

Радуюсь, думая о бѣдныхъ и безпомощныхъ братіяхъ нашихъ, которые при семъ храмѣ обрѣтаютъ себѣ и жилища новоустроенныя, и средства къ постоянному призрѣнію оныхъ уготованныя, съ тѣмъ же свободнымъ доброхотствомъ, которое дѣйствовало въ созиданіи храма.

Сказавъ сіе, съ моей стороны—по долгу благодарности, для другихъ—въ утѣшеніе и назиданіе, прибавлю для добродѣющаго въ Церкви: да не приложитъ онъ сердца своего къ человѣческой похвалѣ, если слышитъ или услышитъ ее; да не воспріиметъ мзды человѣческой, суетной и ничтожной, за то, что дѣлалъ для Бога, истиннаго и вѣчнаго Мздовоздателя; да возрадуется съ нами, но не о себѣ, а о Господѣ, который благословилъ его и стяжаніемъ, и намѣреніемъ добраго употребленія онаго, и благопоспѣшнымъ исполненіемъ намѣренія.

Наконецъ, радуюсь я теперь, думая и о усопшихъ братіяхъ нашихъ, здѣ лежащихъ. Ибо если не напрасно благочестивая древность ввела въ обычай, чтобы они полагаемы были при Церкви; если есть для нихъ польза отъ приносимыхъ здѣсь за нихъ молитвъ и великой безкровной Жертвы: то мнѣ мнится, что и они вмѣстѣ съ нами празднуютъ, когда здѣсь молитвы и жертвоприношенія о нихъ

возобновлены, распространены на три олтаря, упрочены.

А что есть душамъ усопшихъ польза отъ совершаемыхъ за нихъ молитвъ и жертвоприношеній, о томъ не будетъ здѣсь неумѣстно сказать нѣсколько словъ, ради общаго нашего утѣшенія и назиданія.

Есть въ Христіанствѣ люди, которые сами себя лишаютъ утѣшенія молиться за усопшихъ. Какіе это люди?—Безъ сомнѣнія тѣ, которые, примѣтнымъ или непримѣтнымъ для себя образомъ, больше любятъ уметвовать, нежели вѣровать. Почему не пріемлютъ они молитвъ за усопшихъ?—Не видно другой тому причины, кромѣ той, что не понятно, какъ дѣйствіе молитвы простираться можетъ такъ далеко, — даже изъ одного міра въ другой, изъ видимаго въ невидимый.

Человѣка, разсуждающаго такимъ образомъ, спросилъ бы я: понятно ли обыкновенному разуму дѣйствіе молитвы человѣка живущаго за другаго живущаго,—особенно если молитва приносится за отсутствующаго, или же и за присутствующаго, но приносится для испрошенія чего либо нравственнаго и духовнаго, какъ-то прощенія грѣховъ, исправленія отъ пороковъ, укрощенія страстей, просвѣщенія, утвержденія въ добродѣтеляхъ? Двѣ души, каждая съ своимъ собственнымъ умомъ, волею, склонностями, свободою, не суть ли одна для другой два отдѣльные міра, — отдѣльные тѣмъ болѣе, что преграждены тѣлами? Какъ же молитва одной простираетъ свое дѣйствіе на другую?

Пусть отвѣчаютъ на сіи вопросы, какъ хотятъ. Если возмутся изъяснить, какъ отдѣльность существа и свободы не мѣшаетъ дѣйствовать молитвѣ за живыхъ: симъ самымъ изъяснится, какъ та же отдѣльность не мѣшаетъ молитвѣ за усопшихъ. Если скажутъ, что дѣйствіе молитвы за живыхъ возможно, хотя неизъяснимо разумомъ; то я скажу: не отвергайте же и дѣйствія молитвы за усопшихъ потому только, что оно неизъяснимо, или таковымъ кажется.

А по моему мнѣнію, въ предметахъ вѣры безопаснѣе то, чтобы меньше умствовать, а болѣе вѣрить, и утверждаться не на мудрованіи собственномъ, а на Словѣ Божіемъ. Слово же Божіе говоритъ: *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* (Рим. VIII. 26.). Слѣдственно по разуму, безъ благодати, не знаемъ, можно ли молиться за кого нибудь. *Но самъ Духъ*,—продолжаетъ Апостольское слово,—*ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными*, въ молитвѣ каждаго, по его состоянію особенной; и тотъ же Духъ, для общаго руководства въ молитвахъ наипаче общественныхъ, явственно изрекаетъ, о чесомъ подобаетъ молитися. Напримѣръ: *молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки* (1 Тим. II. 1.). Еще: *аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти; да проситъ, и дастъ ему животъ, согрѣшающимъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти; не о томъ, глаголю, да молится* (1 Іоан. V. 16.). И еще: *молитеся другъ за друга, яко да изцѣлѣете. Много бо можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема* (Іак. V. 16.). Послушаемъ еще, какъ Святый Апостолъ Павелъ и молится за другихъ, и требуетъ молитвы другихъ. *Молимся всегда о васъ*, пишетъ Онъ къ Солунянамъ, *да вы сподобитъ званію Богъ нашъ и исполнитъ всяко благоволеніе благости, и дѣло вѣры въ силѣ, яко да прославится имя Господа нашего Іисуса Христа въ васъ, и вы въ Немъ, по благодати Бога нашего и Господа Іисуса Христа* (2 Сол. 1. 11. 12.). А далѣе въ томъ же посланіи: *прочее, молитеся о насъ, да слово Господне течетъ и славится, якоже и въ васъ* (III. 1.). И въ другомъ посланіи: *всякою молитвою и моленіемъ молящеся во всяко время духомъ, и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ и о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ, съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія, о немже посольствую во узахъ* (Ефес. VI. 18. 19.).

Не собирая болѣе свидѣтельствъ Священнаго Писанія о молитвѣ вообще, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, приложимъ къ осо-

бенному предмету настоящаго размышленія тѣ свидѣтельства, которыя доселѣ приведены.

Если мы не знаемъ, о чемъ молиться; а для вразумленія нашего незнанія дано намъ Священное Писаніе, *могущее умудрити во спасеніе,* даже до того, что *совершенъ будетъ Божій человѣкъ на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. III. 15. — 17.): то отъ премудрости и благости Духа Божія, изглаголавшаго сіе Писаніе, надлежитъ ожидать, что оно не только удовлетворительно наставитъ насъ, о чемъ молиться, но и предохранитъ запрещеніями, чтобы намъ не молиться о томъ, о чемъ молитва была бы не угодна Богу. Чаяніе сіе оправдывается самымъ дѣломъ. Теперь же видѣли мы, какъ Священное Писаніе, заповѣдуя молитву *за вся человѣки*, отъ молитвы, Богу не угодной и человѣкамъ не полезной, предохраняетъ вѣрующаго запрещеніемъ: *есть грѣхъ къ смерти; не о томъ, глаголю, да молится.* Изъ сего слѣдуетъ, что если о моленіи за усопшихъ и нѣтъ въ Священномъ Писаніи особенной, опредѣлительной заповѣди, а выводится оное только изъ понятій и заповѣдей о молитвѣ, болѣе общихъ; но если притомъ нѣтъ противъ сего моленія въ Священномъ Писаніи никакого запрещенія, какъ и дѣйствительно нѣтъ: то самое сіе незапрещеніе, самое молчаніе Священнаго Писанія есть уже доказательство того, что моленіе за усопшихъ Богу не противно, и человѣкамъ не безполезно.

Охотникъ до сомнѣній спроситъ: не излишне ли молиться о тѣхъ, которые умерли съ вѣрою и упованіемъ?—Отвѣтствую: не излишне ли, по видимому, молиться о Святыхъ? Однако Святый Павелъ велитъ молиться о *всѣхъ святыхъ.* Не излишне ли молиться о Апостолахъ, которые суть распространители благодати на всѣхъ прочихъ, и первые изъ Святыхъ въ Церкви: *положи Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ* (1 Кор. XII. 28.)? Однако Апостолъ Павелъ требуетъ, чтобы молились о немъ и не Апостолы, и притомъ тогда, какъ онъ уже приближался къ вѣнцу за подвиги Апостольства. Есть молитва въ пользу самого Евангелія: *да слово Господне течетъ и славится*, хотя Евангеліе само есть *сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. 1. 16.): — можно ли бояться излишества въ молитвѣ за вѣрующихъ?

Или, спросятъ,—не тщетна ли молитва за умершихъ во грѣхѣ? — Отвѣтствую: тщетна — за умершихъ во грѣхѣ смертномъ, смертію духовною, и въ семъ состояніи постигнутыхъ смертію тѣлесною, —за тѣхъ, которые внутренно отпали отъ духовнаго тѣла Церкви Христовой и отъ жизни по вѣрѣ, своимъ невѣріемъ, нераскаянностію, рѣшительнымъ и конечнымъ противленіемъ благодати Божіей. Гдѣ просвѣщенному и безпристрастному оку явны признаки сей горькой смерти; тамъ нѣтъ мѣста утѣшенію молитвы: *есть грѣхъ къ смерти; не о томъ, глаголю, да молится.* — Но что можетъ сдѣлать молитва о *братѣ, согрѣшающемъ грѣхъ не къ смерти?* Можетъ *дать ему животъ.* Не ужели и умершему тѣлесно?— Святый Іоаннъ, котораго словами теперь мы руководствуемся, не говоритъ: *да*; но не говоритъ и — *нѣтъ.* Онъ не запрещаетъ молиться о умершемъ, тогда какъ запрещаетъ молиться о грѣшникѣ отчаянномъ и безнадежномъ.

Всепроницательная премудрость Божія, въ Божественномъ Писаніи, не провозглашаетъ довольно громко заповѣди молиться за усопшихъ, можетъ быть для того, чтобы въ надеждѣ на сіе пособіе, не облѣнились живущіе, ранѣе тѣлесной смерти со страхомъ свое спасеніе содѣловать. Но когда и не возбраняетъ сего рода молитъ: не то ли сіе значитъ, что еще позволяетъ бросать, хотя не всегда рѣшительно надежную, но иногда и можетъ быть часто, благопомощную вервь, отторгшимся отъ брега жизни временной, но не достигшимъ вѣчнаго пристанища душамъ, которыя между смертію тѣлесною и послѣднимъ всемірнымъ судомъ Христовымъ, зыблются надъ бездною, то возвышаясь благодатію, то низводясь останками поврежденной природы, то восторгаясь Божественнымъ желаніемъ, то запутываясь въ грубой, еще не совсѣмъ совлеченной, одеждѣ земныхъ помышленій?

И вотъ, можетъ быть, почему моленіе

за усопшихъ издревле существовало и существуетъ въ Церкви, не какъ торжественно возвѣщенный, существенный членъ вѣры и строгая заповѣдь; но какъ благочестивое преданіе и обычай, всегда поддерживаемый свободнымъ послушаніемъ вѣры, и частными духовными опытами. Приведемъ на сіе нѣкоторыя свидѣтельства.

*Благодать даянія*, пишетъ Сынъ Сираховъ, *предъ всякимъ живымъ да будетъ, и надъ мертвецемъ не возбрани благодати*. Что значитъ здѣсь *благодать даянія?* Если это даръ олтарю; то слова: *надъ мертвецемъ не возбрани благодати*, очевидно значатъ: принеси жертву по усопшемъ, или, что тоже, молись за усопшаго. Если же кто хочетъ признать болѣе вѣроятнымъ, что *благодать даянія* значитъ благотвореніе бѣдному; то слова: *надъ мертвецемъ не возбрани благодати*, будутъ значить: подай милостыню въ память усопшаго. Ту ли другую ли мысль имѣлъ Сынъ Сираховъ: онѣ обѣ предполагаютъ одно, имъ общее основаніе, — то, что живущій можетъ и долженъ дѣлать добрыя и душеполезныя дѣла ради усопшаго.

Въ исторіи Маккавеевъ находимъ именно жертву и молитву за усопшихъ. Іуда принесъ оную за воиновъ, умершихъ во грѣхѣ взятія военной добычи *отъ даровъ идольскихъ*, которыми благочестивый не долженъ былъ осквернять рукъ своихъ (2 Мак. XII. 39—46.).

Съ тѣмъ поръ, какъ образовалось общественное Богослуженіе Христіанское, моленіе за усопшихъ вошло въ оное, какъ часть, постоянно къ составу онаго принадлежащая. Свидѣтельствуютъ о семъ всѣ древнія чиноположенія Божественной Литургіи, начиная отъ литургіи Святаго Іакова, брата Господня. Посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что моленіе за усопшихъ есть преданіе Апостольское.

*Аще и грѣшенъ отъиде*, — говоритъ Святый Златоустъ, — *елико возможно есть, помогати достоитъ: обаче не слезами, но молитвами, и мольбами, и милостынями и приношеніями. Не просто бо сія умышлена быша, ниже всуе творимъ память о отшедшихъ въ Божественныхъ тайнахъ, и о нихъ приступаемъ, молящеся Агнцу лежащему, вземшему грѣхъ міра, но да отсюду будетъ имъ нѣкая утѣха. Ниже всуе предстояй жертвеннику, страшнымъ тайнамъ совершаемымъ, вопіетъ: о всѣхъ во Христѣ усопшихъ и памяти о нихъ совершающихъ* (на 1 Посл. къ Кор. бесѣд. 41.). И далѣе говоритъ: *не лѣнимся убо отшедшимъ помогающе, и приносяще о нихъ молитвы. Ибо общее лежитъ вселенныя очищеніе. Сего ради благонадежно о вселеннѣй молимся тогда, и съ мучениками, со исповѣдниками, со священниками именуемъ ихъ. Ибо едино тѣло есмы вси, аще и свѣтлѣйшія суть уды удовъ. И возможно есть отвсюду прощеніе имъ собрати, яко то отъ молитвъ, отъ приносимыхъ за нихъ даровъ, отъ святыхъ съ ними именуемыхъ.*

*Благочестивѣйшій Государь*, пишетъ Евсевій о Константинѣ Великомъ, — *избралъ мѣстомъ своего погребенія Церковь Апостоловъ, созданную имъ въ Константинополѣ въ надеждѣ участія въ молитвахъ, совершаемыхъ тамъ въ честь сихъ Святыхъ, и для того, чтобы соединяясь въ Церкви съ народомъ Божіимъ, сподобиться имѣть участіе въ Божественной службѣ, въ таинственной жертвѣ, въ молитвахъ вѣрующихъ, даже и послѣ смерти своей* (О жизн. Конст. кн. IV. гл. 71.).—

*Не должно отрицать*, говоритъ блаженный Августинъ,—*что души усопшихъ отъ благочестія ближнихъ живущихъ получаютъ отраду, когда за оныхъ приносится жертва Ходатая, или творима бываетъ милостыня въ Церкви: но сіе полезно только тѣмъ, которые въ жизни заслужили то, чтобы имъ сіе послѣ было полезно* (О вѣр. над. и люб. гл. 110.).

Святый Григорій Двоесловъ представляетъ примѣчательный опытъ дѣйствія молитвы и жертвоприношеній за усопшаго, случившійся въ его монастырѣ. Одинъ братъ за нарушеніе обѣта нестяжанія, въ страхъ другимъ, лишенъ былъ по смерти Церковнаго погребенія и молитвы въ продолженіи тридцати дней; а потомъ изъ состраданія

къ его душѣ, тридцать дней приносима была безкровная Жертва съ молитвою за него. Въ послѣдній изъ сихъ дней усопшій явился въ видѣніи оставшемуся въ живыхъ родному брату своему, и сказалъ: *доселѣ худо было мнѣ, а теперь уже я благополученъ; ибо сего дня получилъ пріобщеніе* (Бесѣд. кн. IV. гл. 55.).

Но остережемся, чтобъ послѣ некраткаго священнослуженія, не продлить слова до утомленія. Для внимательныхъ довольно сказаннаго, чтобы каждый подтвердилъ себѣ слѣдующія, не незнакомыя, но нерѣдко забываемыя правила:

Первое: молись за усопшихъ съ вѣрою и надеждою милосердія Божія.

Второе: не живи самъ небрежно, а старайся чистою вѣрою и неотлагательнымъ исправленіемъ отъ грѣховъ, упрочить себѣ надежду, что и за тебя по твоей кончинѣ молитвы принесутъ душѣ твоей отраду, и помогутъ ей въ достиженіи вѣчнаго покоя и блаженства въ Богѣ, присно блаженномъ и препрославленномъ во вѣки. Аминь.

## 7. СЛОВО

**По освященіи храма Святителя Митрофана, въ Хотьковѣ монастырѣ, Іюня 29 дня 1833 года.**

*И сами, яко каменіе живо, зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Інсусъ Хрістомъ.* 1 Петр. II. 5.

Сей храмъ, по всей вѣроятности, есть первый, который украшается новопрославленнымъ именемъ Твоимъ, Святителю и Чудотворче Митрофане. Пріими сей начатокъ, сію добровольную жертву вѣры; представи оную Великому Архіерею, прошедшему небеса, Господу нашему Інсусу Хрісту; сотвори се благопріятну Богови; дополни и дополняй твоими богопріятными молитвами недостаточество нашихъ молитвъ, нынѣ принесенныхъ о храмѣ семъ, и отнынѣ во храмѣ семъ приносимыхъ; не попусти праздну быти благодатному имени твоему, нареченному на храмѣ семъ, но посѣщай оный, яко тебѣ вѣрою нашею усвоенный; благослови и упаси душу, сей даръ усердія тебѣ принесшую, и всѣмъ храму сему служащимъ и въ него притекающимъ споспѣшествуй, да *и сами*, по Апостольскому слову, *яко каменіе живо зиждутся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови, Інсусъ Хрістомъ.*

Вѣруйте и не сомнѣвайтесь, чада вѣры, что прошенія наши, теперь изреченныя, и слышитъ, и пріемлетъ, и не отречется исполнить, избранный нами Предстатель предъ Богомъ. Ибо для чего иначе и прославилъ его Богъ на земли, довольнаго славою небесною, и не имѣющаго нужды въ славѣ земной, — для чего иначе, если не для того, чтобы чрезъ сію славу открыть и указать его нашей вѣрѣ, и чтобы, по сей вѣрѣ, принимать его за насъ предстательство, и исполнять наши во благихъ желанія?

Но при семъ не забудемъ, что благодать непремѣнно требуетъ вѣры; что предстательство Святыхъ всегда для насъ готовое, ожидаетъ отъ насъ желаній благихъ, чистыхъ, искреннихъ; что дабы сподобиться ихъ споспѣшествованія, надлежитъ представить имъ то, чему бы они споспѣшествовали, то есть, надлежитъ самимъ намъ посильно дѣйствовать и подвизаться для нашего спасенія: ибо какъ можно, чтобы святые, при всей ихъ благодатной силѣ, (которой впрочемъ, по самой добротѣ ея, не свойственно принуждать и неволить), привели насъ въ царствіе небесное, когда мы для того не хотимъ сдѣлать ни одного шага, или напротивъ идемъ путемъ ада и погибели?

*И сами, яко каменіе живо, зиждитеся,* заповѣдуетъ Апостолъ.

*Камень живый, отъ человѣкъ убо уничиженный, отъ Бога же избранный, честный* (1 Пет. II. 4.), І. Хрістосъ и Его спасительная благодать, есть вѣчно незыблемое основаніе истинныя Церкви. На семъ основаніи созидали и продолжаютъ созидать ее Апостолы, пастыри, учители, словомъ ученія, силою молитвы, таинствами вѣры, подвигами жизни. Симъ

образомъ создана церковь; но это еще не все для того, чтобы и ты, и я устроены были въ составѣ Церкви. Вы не мертвые камни, изъ которыхъ строятъ художники, но которые не могутъ созидать сами себя; *вы каменіе живо*, имѣете свою жизнь, волю, дѣятельность; и такъ надобно, чтобы вы имѣли дѣятельное участіе въ вашемъ духовномъ созиданіи: *и сами зиждитеся*, такъ, чтобы въ васъ былъ и храмъ, и священство, и возношеніе жертвъ духовныхъ.

Какъ чудно Христіанство! Іудейство представляло законный храмъ одинъ только во всемъ мірѣ, законное священство только въ одномъ родѣ Аарона, жертвы только вещественныя, безжизненныя или умерщвляемыя, въ крови, огнѣ и дымѣ; многіе въ ономъ рѣдко могли достигнуть до храма, никогда до священства, и никогда же большею частію не достигали до разумѣнія тайны прообразовательныхъ жертвъ, запечатлѣнной до Христіанства. Въ Христіанствѣ, напротивъ, не только повсюду храмы, не только изъ всѣхъ народовъ, по избранію благодати, священники, не только повсюду приносится безкровная Жертва, заключающая въ себѣ, не прообразованіе Христа отдаленнаго и ожидаемаго, но таинство Христа пришедшаго, присутствующаго, предающагося намъ въ пищу и питіе жизни вѣчной; но и что еще? — Дабы и послѣдній изъ Христіанъ не могъ подумать и пожаловаться, что Богъ менѣе, нежели о другихъ благоволитъ о немъ, и менѣе, нежели другихъ, приближаетъ его къ Себѣ, всѣмъ вамъ дана возможность, право, обязанность, заповѣдь, чтобы вы, пользуясь и храмомъ, и священствомъ, и Божественною Жертвою, въ самихъ себѣ устрояли то самое, чѣмъ пользуетесь отъ священнаго служенія другихъ. *И сами зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Іисусъ Христомъ.*

Поелику Апостолъ говоритъ о *жертвахъ духовныхъ*, какъ о многихъ: то слова его ведутъ насъ къ указанію на нѣкоторые особенные роды таковыхъ жертвъ; сіе, надѣюсь, послужитъ самымъ простымъ способомъ изъясненія Апостольскаго ученія о духовномъ храмѣ и священствѣ.

Есть жертва духовнаго сокрушенія, которую, еще во времена Іудейства, болѣе вещественнаго всесожженія угодною Богу признавалъ Давидъ: *всесожженія не благоволиши; жертва Богу духъ сокрушенъ; сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. L. 18. 19.). Когда человѣкъ, входя въ самого себя, усматриваетъ свое предъ Богомъ недостоинство, нечистоту, грѣховность: тогда духъ его, который до того, можетъ быть, высился и величался какимъ нибудь своимъ добрымъ качествомъ, или преимуществомъ внѣшнимъ, отъ обличенія совѣсти, какъ отъ молніи древо, сокрушается и низлагается. Какъ изъ разбитаго сосуда истекаетъ то, что въ немъ было: такъ изъ сокрушеннаго сердца источаются слезы печали по Богѣ и покаянія. Не думай, возлюбленная душа, что ты страдаешь безплодно: Богъ пріемлетъ сокрушеніе и покаянное смиреніе твое, какъ жертву, и притомъ не маловажную. *Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.* Сія жертва есть одна изъ первоначальныхъ духовныхъ жертвъ. Кто не принесъ ея: отъ того прочія духовныя жертвы не будутъ совершенны, если только возможны.

Есть жертва славословія и молитвы, которой также отъ древнихъ еще временъ научалъ Псалмопѣвецъ: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Пс. XLIX. 14.). Каждый разъ, когда ты чувствуешь благодарность къ Богу, твоему Творцу, Промыслителю и Спасителю, или благоговѣніе къ Его Божественному величію и совершенствамъ; когда внимательное размышленіе о Богѣ засвѣчиваетъ нѣкоторый свѣтъ познанія въ твоемъ умѣ, возжигаетъ огнь любви въ сердцѣ и отъ сего восходитъ въ душѣ чистая радость и святое желаніе къ Богу: ты возносишь симъ образомъ къ Богу духовную жертву, которая въ видимомъ Богослуженіи тайнознаменательно изобразуется кадиломъ и ѳиміамомъ. *Кто сія*, говоритъ древній созерцатель въ таинственной пѣсни, кто сія, *восходящая отъ пустыни, яко стебло дыма, кадящая смирну и ливанъ* (Пѣсн. Пѣс.

III. 6.)? Разрѣшая сію притчу, мы можемъ сказать, что это есть душа, растопленная любовію въ молитву, которая испаряется выспрь, идетъ къ небу легко, какъ дымъ, и бываетъ Богопріятна, подобно какъ пріятно благуханіе кадила.

Есть жертва милости, которой учитъ Самъ Іисусъ Христосъ. *Шедше, научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы* (Матѳ. IX. 13.). Какъ дѣла милосердія, по любви къ Богу, творимыя нами для ближнихъ нашихъ, Господь Іисусъ пріемлетъ, какъ-бы сдѣланныя Ему Самому; *понеже*, глаголетъ, *сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40.): то понятно, какимъ образомъ дѣла сіи составляютъ приношеніе или жертву Богу. Апостолъ побуждаетъ насъ къ таковымъ жертвамъ, обнадеживая, что онѣ будутъ пріятны Богу. *Благотворенія и общенія не забывайте; таковыми бо жертвами благоугождается Богъ* (Евр. XIII. 16.).

Есть жертва правды и истины, на которую указываетъ Соломонъ въ притчѣ: *творити праведная, и истинствовати угодна Богу паче нежели жертвъ кровь* (Прит. XXI. 3.). Всякое дѣло справедливости и добродѣтели, всякій подвигъ за истину, обращается въ жертву Богу, когда совершается именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ исполнить волю и законъ Божій, и особенно съ пожертвованіемъ собственной выгоды и собственнаго удовольствія. Не смущайтесь тѣмъ, что люди попираютъ иногда сію жертву: Богъ взыщетъ свою жертву и воздастъ за нее. Но сему говоритъ Давидъ: *пожрите жертву правды, и уповайте на Господа* (Пс. IV. 6.).

Высшая изъ жертвъ за истину, истинное всесожженіе Христіанское, есть мученичество за вѣру Христіанскую. О сей жертвѣ написалъ Апостолъ Павелъ къ Тимоѳею: *азъ уже жренъ бываю* (2 Тим. IV. 6.), подавая намъ и примѣръ преданія себя на жертву сію, и вмѣстѣ наставленіе, чтобы не дерзать на сіе самопроизвольно, а только послушно предаваться, когда судьба Божія приведетъ кого, во еже жрену быти.

Но дабы кто не подумалъ, что мы, хранимые Провидѣніемъ Божіимъ въ мирѣ Церкви, такъ сказать, обойдены участіемъ въ благодати и славѣ мученичества, поспѣшимъ сказать наконецъ, что есть родъ мученической жертвы, доступной всякому, внутренней, когда Христіанинъ мечемъ слова Божія, силою повелѣнія Христова, въ глубокомъ самоотверженіи, отсѣкаетъ отъ ума своего всякій собственный помыслъ, отъ воли всякое собственное желаніе, отъ сердца всякое, хотя бы то было и праведное, негодованіе на ближняго, и всякое вожделѣніе собственнаго удовольствія, всякое услажденіе самимъ собою; и все сіе приноситъ въ жертву волѣ Божіей, по образу подвигоположника Іисуса, когда Онъ, предваряя крестъ внѣшній внутреннимъ, въ Геѳсиманскомъ подвигѣ сказалъ Отцу Своему небесному: *не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI. 39.). Есть свободное приношеніе собственнаго тѣла, къ которому такъ настоятельно приглашаетъ насъ Апостолъ, когда говоритъ: *молю васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови словесное служеніе ваше* (Рим. XII. 1.). Образъ сей жертвы, по изъясненію того же Апостола, состоитъ въ томъ, чтобы мы *помышляли себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови*, и чтобы *представляли себе Богови, яко отъ мертвыхъ, живыхъ и уды наша оружія правды Богови* (Рим. VI. 13.), то есть, чтобы всѣ наши силы, способности, члены благоразумно употребляли на дѣланіе добра, для Бога. Сюда принадлежитъ и сія особенная жертва, когда дѣвство Богу посвящается, и даръ цѣломудрія, въ чистомъ сосудѣ воздержанія, Богу приносится.

Вотъ пріятныя Богу жертвы, которыя не отъ однихъ, поставленныхъ священноначаліемъ, священниковъ, но и отъ всякаго истиннаго Христіанина могутъ, и должны быть приносимы, частію должны по обязанности, частію могутъ по усердію добровольному, и по особенному призванію свыше. Приносите оныя, Христіане; и не оставляйте Бога вашего безъ жертвъ, Его достойныхъ, дабы и Онъ не оставилъ васъ безъ благословеній, низводимыхъ усердными жертвами.

Скажете ли, что для васъ еще не до-

вольно ясно, какимъ образомъ вы созиждитеся въ храмъ духовный? Не затрудняйтесь. Вы только вѣрно и усердно приносите жертвы, вамъ указанныя, и вамъ понятныя, жертву сердечнаго сокрушенія предъ Богомъ, жертву хвалы и молитвы, жертву милости и правды, жертву посвященія вашей души и вашего тѣла на дѣла Богоугодныя. Какъ въ древнія времена жертвы были прежде храма, и потомъ жертвы создали для себя храмъ, и освятили оный: такъ и ваши духовныя жертвы, постоянно продолжаемыя, низведутъ невидимую руку благодати Божіей, которая созиждетъ и освятитъ въ васъ храмъ свой, да вселится въ васъ Богъ, и будетъ вашимъ Богомъ, и вы будете Его людьми, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

## 8. СЛОВО

По освященіи храма Святыя Равноапостольныя Маріи Магдалины, въ Градской больницѣ, Іюля 22 дня, 1833 года.

*И нынѣ се на небесѣхъ послухъ мой, свидѣтель же мй во вышнихъ. Да пріидетъ моя мольба ко Господу, предъ Нимъ же да каплетъ око мое.* Іов. XVI. 19. 20.

Прозорливость и человѣколюбіе подвиглись, и побудили Власть устроить домъ врачеванія для больныхъ, которые не могли бы пользоваться симъ пособіемъ въ своихъ жилищахъ: дѣло, которое само говоритъ о своемъ достоинствѣ. Но я слышу, что еще говорила при семъ Власть благочестивая. Сего не довольно, сказала она. Больница, потребности жизни, лѣкарства, врачи, — это еще не все, что нужно для больныхъ. Для нихъ нуженъ еще домъ молитвы; для нихъ должны быть въ близкой готовности пособія Вѣры.

Чѣмъ же на сіе будетъ отвѣтствовать служитель Вѣры? Безъ сомнѣнія, радостію и благодарною къ Богу молитвою за Вѣнценоснаго Благодѣтеля страждущаго человѣчества, и Его же духомъ одушевляемыхъ исполнителей воли Его. При томъ, думаю, къ обязанности же служителя Вѣры отнесено быть можетъ, чтобы дать нѣкоторый отчетъ въ благочестивой мысли, которая столь благодѣтельно исполнена.

И такъ утверждаю, что какъ въ болѣзняхъ, такъ вообще въ несчастіяхъ, никакія средства и пособія недостаточны безъ Религіи. Одна Религія, и притомъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его. Религія приноситъ полное утѣшеніе бѣдствующимъ. Религія подаетъ рѣшительныя врачевства противъ бѣдствій.

Не трудно встрѣчаться съ добромъ и благополучіемъ. Сердце и чувство ими довольны: не за что и разуму спорить противъ оныхъ. Но когда зло и бѣда у насъ предъ глазами, хотя и не на насъ нападаютъ: одинъ сей видъ поражаетъ чувство и сердце; и если среди сего пораженія возстаетъ размышляющій умъ, онъ мучитъ себя вопросами: зачѣмъ зло въ мірѣ всеблагаго Бога, безпорядокъ въ дѣлахъ Премудраго, разрушеніе въ твореніи Всемогущаго? Сколько вѣковъ боролся съ сими недоумѣніями естественный разумъ человѣческій, и не могъ одолѣть оныхъ! Въ какой мракъ, въ какія нелѣпости впадалъ онъ, желая изъяснить происхожденіе зла! Онъ догадывался, не въ грубомъ ли веществѣ или тѣлесности заключается причина тьмы, зла и грѣха, и, дабы отъ сихъ недостойныхъ произведеній освободить Божество, представлялъ себѣ вещество вѣчнымъ и несотвореннымъ отъ Бога. Вообразилъ себѣ злое начало, независимое и равносильное доброму началу, то есть, Божеству. Вымыслилъ неумолимый рокъ, или слѣпую судьбу, которая безъ разбора обрекаетъ существа на зло или добро, такъ что самое Божество не можетъ сему препятствовать. Какъ будто можетъ быть вѣчнымъ вещество, которое мы ежеминутно видимъ разрушающимся! Какъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ суть что нибудь больше, нежели мечты и выдумки, и притомъ такія выдумки, которыхъ нельзя принять безъ того, чтобы не отринуть важной и коренной истины, именно, понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогу-

ществѣ Божества! Какъ будто зло дѣлалось отъ того или понятнѣе, или сноснѣе, что переименовывали оное злою матеріею, злымъ началомъ, злымъ рокомъ! Такъ бился разумъ человѣческій въ темномъ и тѣсномъ чувственномъ мірѣ, какъ цыпленокъ въ яйцѣ, и не могъ пробить скорлупы. Въ такомъ состояніи были мудрецы и любители мудрости, слѣдственно и всѣ почти люди, доколѣ не ознакомились съ откровенною Религіею, долго таившеюся въ небольшомъ уголкѣ земли, откуда совсѣмъ не ожидали свѣта, долженствующаго просвѣтить вселенную. Явилось Христіанство: и нелѣпости оказались нелѣпостями, темное объяснилось, несносное облегчилось. Теперь поняли, что зло произошло первоначально отъ злоупотребленія свободы существами сотворенными, слѣдственно не дѣлаетъ нареканія Творцу міра, Который въ дарѣ свободы былъ великъ и щедръ, а злоупотребленію ея непричастенъ; теперь узнали, что Богъ имѣетъ средства искупить человѣка отъ зла, коему сей добровольно себя продалъ за чувственное удовольствіе, слѣдственно зло не дѣлаетъ нареканія и Провидѣнію Божію о мірѣ; теперь получили вѣрную надежду, что зло, и въ человѣкахъ, и въ природѣ, будетъ рѣшительно побѣждено, а добро возвышено, и блаженство утверждено на вѣки Христомъ Спасителемъ, слѣдственно и при видѣ зла и бѣдствія можно благодушествовать, подобно какъ земледѣлецъ не отчаявается зимою, зная, что посѣвъ его не совсѣмъ убитъ холодомъ, а воскреснетъ весною, или какъ садовникъ не сердится весною на горькіе и терпкіе плоды, зная, что будутъ мягки и вкусны лѣтомъ или осенью. Такъ одна Религія, и притомъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его.

Если трудно быть и зрителемъ бѣдствій: то конечно еще труднѣе испытывать оныя на себѣ самомъ. Но какъ иногда не льзя миновать ихъ: то надобно же какъ нибудь умѣть обходиться съ ними. Вопль и рыданіе, безъ сомнѣнія, не есть наилучшій способъ бесѣдовать съ несчастіемъ: найдите же другой, болѣе сообразный съ достоинствомъ разумнаго и свободнаго существа, но также сообразный и съ возможностію бѣдствующаго; иначе сказать, изыщите средства утѣшенія. Здѣсь-то желалъ бы я испытать сію гордую Философію, которая думаетъ, не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собственнымъ, сдѣлать человѣка благополучнымъ и независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее, на примѣръ, въ больницу, испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему?—«Будь великодушенъ; ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звѣномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ.» —Какъ вы думаете? Будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ ли, напротивъ, онъ себя болѣе прежняго отягченнымъ узами причинъ и законовъ, изъ коихъ не льзя вырваться?—Или, положимъ, что Философія, смотря на больнаго съ нравственной стороны, скажетъ: — «вѣроятно, ты самъ привлекъ болѣзнь какими нибудь излишествами, неправильностями, неосторожностію: переноси же великодушно то, чего самъ причиною.»—Опять спрашиваю: достаточно ли сіе разсужденіе для утѣшенія страждущаго? Не можетъ ли онъ сказать такому утѣшителю: ты удвояешь мое несчастіе, представляя меня несчастнымъ и физически и нравственно? — Что еще можетъ сказать страждущему Философія? — «Терпи; если не врачеваніе, то смерть прекратитъ страданія.»—Но если на семъ она остановится,—а она принуждена остановиться на семъ, потому что не видитъ далѣе: то скорѣе призоветъ отчаяніе, нежели отраду. Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Пріиди, Премудрость Божія; помоги, Божественная Религія. Ты можешь сказать страждущему, что его бѣдствіе или послано, или допущено небеснымъ Отцемъ милосердымъ; что слѣдственно бѣдствіе не безъ нужды, не безъ правды, не безъ пользы, ибо такого не попустилъ бы такой Отецъ; что Онъ милуетъ и тогда, когда поражаетъ, и готовъ ежеминутно даровать облегченіе по способности пріемлющаго, сообразно съ истиннымъ благомъ его. Ты можешь

увѣрить, что страданіе можетъ быть велико, но не можетъ быть несносно, по реченному: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. X. 13.). Если болящій отъ того болѣнъ, что грѣшенъ, и слѣдственно сугубо несчастенъ: ты можешь подать ему и сугубое утѣшеніе, именно, для скорби душевной — надежду прощенія грѣховъ, по вѣрѣ и покаянію: для болѣзни тѣлесной — надежду исцѣленія, въ слѣдствіе прощенія грѣховъ, или же то увѣреніе, что Врачь душъ и тѣлесъ употребитъ болѣзнь, какъ средство очищенія, обратитъ болѣзнь тѣла во врачевство души чрезъ подвигъ терпѣнія, и что слѣдственно надобно благодушно принимать страданіе болѣзни, какъ благодушно принимаютъ горькое лѣкарство, въ пользѣ котораго увѣрены. Ты, безсмертная Религія, можешь изъ самой горькой мысли о смерти извлечь сладкое утѣшеніе: ибо ты видишь въ ней не конецъ только настоящаго, но и начало будущаго, не предѣлъ, но продолженіе, не закрытіе зрѣлища, но открытіе лучшаго, не мрачную бездну, въ которую на удачу можетъ броситься отчаяніе, но область свѣта, куда благонадежно можетъ вступить вѣра, гдѣ претерпѣвшихъ до конца ожидаетъ не только прекращеніе бѣдъ, но и наслажденіе благъ, и выше всякаго понятія щедрое воздаяніе за терпѣніе. Наконецъ, въ основаніе и совершеніе всѣхъ утѣшеній, ты, Религія Христова, можешь указать страдальцу на великаго Мужа болѣзней, который *язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша*, который понесъ *наказаніе мира нашего*, котораго *язвою мы исцѣлѣхомъ* (Иса. LIII. 5.). Тѣ, которые истинно познали Его въ вѣрѣ и любви, знаютъ, какъ не только возможно безъ ропота и нетерпѣливости, но даже какъ сладостно, переносить страданія въ общеніи страданій Его, съ помощію Его, при видѣ примѣра Его, изъ благодарности къ Нему, изъ любви къ Нему. Отъ нихъ-то слышимъ, столь невѣроятныя для мудрованія плотскаго, но и столь ободрительныя для мудрованія духовнаго, изъявленія внутреннихъ ощущеній: *хвалимся въ скорбѣхъ* (Рим. V. 3.). *Радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. I. 24.). *По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Пса. LXXXXIII. 19.). *Якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ: тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5.). Такъ полно и совершенно утѣшеніе, которое страждущій или бѣдствующій можетъ обрѣсти въ Религіи.

Надобно ли сверхъ облегчительнаго пособія, рѣшительное врачевство противъ бѣдствій? И оно вѣрнѣе обрѣтается въ Религіи, нежели гдѣ либо индѣ. Есть болѣзни, отъ которыхъ врачебная наука отказывается; есть бѣдность, отъ которой не избавляетъ никакое трудолюбіе; есть скорби отъ несправедливости, которыхъ не можетъ пресѣчь никакое правосудіе человѣческое, по той весьма достаточной причинѣ, что человѣкъ не всевѣдущъ и не всемогущъ. Для Религіи нѣтъ подобныхъ препонъ и ограниченій. Ея сила есть сила Всемогущаго, Который *мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ, убожитъ и богатитъ, смиряетъ и highситъ* (1 Цар. II. 6. 7.); Который *исцѣляетъ всякъ недугъ и всяку язю* (Матѳ. IV. 23.). Ту самую силу, которою благодѣтельствовалъ и чудодѣйствовалъ Іисусъ Христосъ, излілъ Онъ въ души Святыхъ, заключилъ въ своемъ Словѣ и въ таинствахъ, и отъ сихъ сокровищницъ ся далъ ключи вѣрѣ и молитвѣ. *Вся возможна вѣрующему* (Мар. IX. 23.).

Дабы сличить настоящія размышленія съ опытомъ, вспомните Іова, котораго и не льзя почти не вспомнить въ обители болящихъ. Нападеніе грабителей, истребительный огнь небесный, разрушительная буря, потеря стадъ, рабовъ, дома, дѣтей, — сколько стрѣлъ въ одну цѣль! Сколько бѣдъ на одну голову! Несчастіе, великое само въ себѣ, дѣлала еще большимъ великость прежняго счастія. Удары, сносные порознь, до чрезмѣрности усиливала многочисленность и внезапность. Но праведникъ устоялъ: потому что стоялъ посредствомъ Религіи въ Богѣ. *Яко Гос-*

*подеви изволися, тако бысть:* сказалъ онъ (Іов. I. 21.). Изобрѣтатель зла нашелъ средство еще увеличить бѣдствіе: и *порази Іова гноемъ лютымъ отъ ногъ даже до главы.* Не было для него ни дома, ни больницы: *сѣдяше на гноищи внѣ града.* Оставалась у него жена: но не для помощи, а для новаго искушенія; она вздумала его учить отчаянію: *рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри* (Іов. II. 7 — 9.). Посѣтили его друзья: но ихъ слова были не пластырь на его раны, а еще новыя стрѣлы обличеній неправедныхъ. Что же? тулъ діавола истощился: но щитъ праведника не пробитъ. Какой щитъ? Тотъ же, что у Апостола: *щитъ вѣры* (Еф. VI. 16.). Сей щитъ поставляетъ онъ противъ стрѣлъ неправедныхъ обличеній, когда говоритъ: *се на небесѣхъ послухъ мой, свидѣтель же ми во вышнихъ.* Въ молитвѣ ищетъ онъ себѣ утѣшенія и врачеванія: *да пріидетъ мольба моя ко Господу, предъ Нимъ же да каплетъ око мое.* Человѣческая мудрость въ Елифазѣ, Валдадѣ, Софарѣ, Еліусѣ постыждена. Религія въ Іовѣ побѣдила рѣшительно. *Господь же возрасти Іова. И даде Господь сугубая, елика бяху прежде Іову, во сугубленіе* (Іов. XLII. 10.).

Хрісте Господи! Твоя благодать торжествовала въ Іовѣ надъ всякимъ зломъ, во образъ Твоихъ побѣдоносныхъ страданій. Она же и теперь облегчаетъ подвигъ Іова: ибо теперь его не повергаютъ на гноищѣ внѣ града, но даютъ ему благоустроенную обитель, призрѣніе, врачеваніе, утѣшеніе вѣры, и все сіе ради Тебя, Который къ себѣ самому отнесъ подобныя дѣла человѣколюбія, когда рекъ: *боленъ бѣхъ, и посѣтисте Мене* (Матѳ. XXV. 36.).

Благословенна Вѣра Твоя, святая, могущественная и спасительная! Пріими и благослови сію обитель, какъ жертву Ей и Тебѣ принесенную.

Всякій же болящій да вѣруетъ, и *молитва вѣры спасетъ болящаго* (Іак. V. 15.).

И всякій бѣдствующій да вѣруетъ, и будутъ *вся возможна вѣрующему,* во славу Начальника и Совершителя вѣры Іисуса Хріста, нераздѣльную со славою Отца и Святаго Духа. Аминь.

## 9. СЛОВО

**По освященіи храма Святыя Великомученицы Екатерины, при Московской Екатерининской Больницѣ, говоренное въ 20 день Августа, 1833 года.**

*Есть же во Іерусалимѣхъ овчая купель, яже глаголется Еврейски Виѳезда, пять притворъ имущи. Въ тѣхъ слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды.* Іоан. V. 2. 3.

Въ сихъ словахъ Евангелія видимъ древнѣйшую изъ градскихъ больницъ.

Похвалимъ человѣколюбіе Іудеевъ, которые для множества болящихъ создали пять *притворовъ*, или галлерей, и дали приличное сему мѣсту имя: *Виѳезда,* то есть, *домъ милосердія:* хотя впрочемъ не знаемъ, правительству или народу должна достаться сія похвала.

Врачебное средство было тамъ одно: не человѣческимъ искусствомъ приготовленная баня въ овчей купѣли.

Вмѣсто врача, приходилъ въ сію больницу Ангелъ. *Ангелъ бо Господень схождаше.*

Сей необыкновенный врачъ исцѣлялъ рѣшительно, и ниодинъ больной не былъ у него записанъ въ спискѣ неизлѣчимыхъ. *Здравъ бываше, яцѣмъ же недугомъ одержимъ бываше.*

Не правда ли, что это было прекрасное заведеніе? Но покажемъ и ту сторону онаго, которая не такъ свѣтла.

Небесный врачъ посѣщалъ порученную ему больницу не ежедневно, какъ земные врачи, а только однажды въ годъ. *Ангелъ бо Господень на всяко лѣто схождаше.*

Исцѣленіе было рѣшительное, но каждый годъ получалъ оное одинъ только человѣкъ. *Иже первѣе влазяше по возмущеніи воды, здравъ бываше.*

Не всякой больной имѣлъ силу дойти до возмущенной воды, а тѣмъ менѣе, упредить другихъ. Не доставало прислужниковъ или сердобольныхъ людей для помощи безсильнымъ. Отъ того нѣкоторый разслабленный тридцать восемь лѣтъ безполезно лежалъ въ сей больницѣ, доколѣ не явился Господь стихій, временъ и Ангеловъ, Которому не нужно было ни мутить воды, ни ждать годоваго срока, ни призывать Ангела, а довольно было сказать разслабленному: *востани, возми одръ твой, и ходи.*

*Какой есть исцѣленія образъ сей? Какое намъ таинство являетъ?* — вопрошаетъ Святый Златоустъ, указуя на Евангельское сказаніе объ овчей купѣли. А кто позволитъ болѣе смѣлости своему естественному разуму, любящему вмѣшиваться въ дѣла Провидѣнія, которыя выше его: тотъ можетъ еще сказать: какое странное соединеніе и чудесной силы, исцѣляющей всякую неизлѣчимую болѣзнь, и скудости сея силы, не простирающейся далѣе исцѣленія одного человѣка;—и щедрости, приготовляющей цѣлый водоемъ врачевства, и бережливости, не дающей болѣе одного, рѣдкаго пріема онаго; — и Ангела и воды, какъ будто цѣлебной силѣ Ангела нужна вода, которая впрочемъ, какъ всѣ знаютъ, не есть всеобщее врачевство. Но послушаемъ, что на сіи недоумѣнія отвѣтствуетъ Святый Златоустъ. *Не просто бо*, говоритъ онъ, *и не туне сіе написано есть: но будущія вещи аки на образѣ и изображеніи написуетъ намъ: дабы зѣло необычайное и нечаянно пришедшее дѣло не повредило у многихъ силы вѣры. Что убо есть, еже написуетъ? Имѣло нѣкогда крещеніе даятися, многую силу и даръ великій содержащее, крещеніе вся грѣхи очищающее, и вмѣсто мертвыхъ живыми творящее. И такъ все сіе чрезъ купель, и чрезъ другія многія воды, какъ-бы чрезъ образъ, ясно означается.* До здѣ Святый Златоустъ (На Іоан. Бесѣд. 36.).

Осмѣлимся продолжить сіе изъясненіе. Надобно было на опытѣ показать погруженіе въ воду, уничтожающее всякую болѣзнь, чтобы приготовить умы къ открытію крещенія въ водѣ, уничтожающаго всѣ грѣхи. Надобно было въ ощутительномъ явленіи движенія воды дать примѣтить благотворное надъ нею дѣйствіе Ангельскаго духа, дабы сдѣлать менѣе невѣроятнымъ новотворное и возродительное въ водѣ крещенія дѣйствіе Духа высшаго, нежели Ангельскій, Духа собственно Божія. Надобно было, чтобы благотворная сила овчей купѣли подавалась только тому, кто ревностнымъ стремленіемъ къ исцѣленію оставляетъ позади себя всѣхъ прочихъ: дабы и въ семъ явленъ былъ образъ купѣли крещенія, которой спасительная сила подается только тому, кто стремленіемъ вѣры къ небесному и Божественному оставляетъ позади себя все земное. Надобно было представить Ангельское дѣйствіе ограниченнымъ, надобно было подлѣ самаго Ангела продержать разслабленнаго тридцать восемь лѣтъ безъ исцѣленія, дабы тогда, какъ Хрістосъ исцѣлилъ его единымъ словомъ, очевидно изъ сего было, что сей Исцѣлитель безъ сравненія выше Ангеловъ, что власть Его неограниченна, что Онъ есть Ѵпостасное Слово Божіе и истинный Богъ.

Если бы кто вздумалъ еще жаловаться, что много средствъ употреблено для одной цѣли, — множество больныхъ, множество лѣтъ, множество ежегодныхъ чудесъ Ангельскихъ для одной мысли о Хрістѣ и крещеніи: на сіе отвѣтствую: цѣль сія довольно велика сама въ себѣ, и важна для человѣчества, чтобы сдѣлать непримѣтною всякую жалобу на расточеніе средствъ, употребленныхъ для достиженія сей цѣли. Если испытатели природы производятъ продолжительныя работы, устрояютъ многодѣльныя орудія, употребляютъ огромныя издержки, чтобы открыть или объяснить какую нибудь частную и подчиненную истину естественную: то конечно стоило труда устроить въ Іерусалимѣ овчую купѣль съ ея принадлежностями, какъ небольшую *модель* великой купѣли, въ которой возрожденъ цѣлый міръ Христіанскій, — какъ удобовразумительнаго указателя высокой истины и непостижимаго таинства Хріста Спасителя и Бога.

Но довольно о Христіанскихъ таинствахъ, которыя лучше и достойнѣе чтут-

ся смиреннымъ молчаніемъ вѣры, нежели возносящимся испытаніемъ разума. Возвратимся просто изъ больницы Іерусалимской въ больницу Московскую.

Съ радостію, съ чувствомъ внутренняго убѣжденія мы можемъ воздать долгъ хвалы и благодарности Благочестивѣйшимъ Самодержцамъ нашимъ, которые какъ во всякой добродѣтели, и во всякомъ благотвореніи, такъ и въ попеченіи о болящихъ величественно предшествуютъ народу своимъ примѣромъ. Но нихъ съ благодарностію можемъ вспомнить и нѣкоторыхъ изъ подданныхъ, которые въ подвигахъ человѣколюбія довольно близко послѣдовали Царскому примѣру. Можно насчитать въ семъ градѣ болѣе пяти, не *притворовъ*, а великолѣпныхъ домовъ, которые представляютъ добродѣтель милосердія въ дѣлахъ тѣмъ лучше, что не выставляютъ ея въ названіяхъ. Отче милосердія! призирай нынѣ на дѣла сіи окомъ благодати; и да будутъ помилованы милующіе; да будутъ, по непреложному обѣщанію, *блажени милостивіи*.

Нѣтъ, правда, здѣсь одной купѣли, достаточной противъ всякаго недуга, и врачи здѣсь не Ангелы. Вразсужденіи сего я могу только указать нашимъ плотоноснымъ врачамъ на примѣръ безплотнаго Іерусалимскаго врача, для ихъ размышленія. Сей примѣръ не показываетъ ли близости духовнаго къ тѣлесному, возможности союза между силою духовною и вещественнымъ средствомъ врачеванія, цѣлебнаго вліянія духовнаго на тѣлесное, когда духовное чисто и доступно Божественному? А если это такъ: то не можетъ ли,—не долженъ ли врачь, если не хочетъ быть ремесленникомъ, работающимъ только вещественными орудіями надъ веществомъ,— не долженъ ли, говорю, и духовное употреблять въ пособіе тѣлесному врачеванію, чистую волю признавать важною частію въ составѣ врачебныхъ средствъ, усердною молитвою искать свѣта и силы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наука идетъ ощупью въ темнотѣ, и претыкается?—

Но если здѣсь и не достаетъ Ангела: за то ниодинъ больной не будетъ здѣсь, какъ въ Іерусалимѣ, доведенъ до необходимости жаловаться: *человѣка не имамъ*; но каждый найдетъ здѣсь и человѣка врачующаго, и человѣка служащаго немощному, и, когда нужно, человѣка приближающаго къ благотворнымъ вліяніямъ источника духовнаго. Во славу Бога, преимущественно въ Христіанствѣ щедраго средствами спасительными, должно сказать, что мѣсто, гдѣ мы стоимъ теперь, не можетъ завидовать купѣли овчей, содѣлавшись нынѣ хранилищемъ силы, болѣе нежели тамъ, высокой и благотворной. Не Ангелъ однажды въ годъ, но Царь Ангеловъ, Ангельскими дориносимый чинми, приходитъ сюда такъ часто, какъ дерзаетъ призывать Его призванный къ сему дерзновенію человѣкъ; и пребываетъ здѣсь съ силою, которою все сотворено, и все сохраняется, врачуется, усовершается. Есть здѣсь всеобщій источникъ исцѣленій: о, если бы довольно умѣли, вѣрующимъ сердцемъ, открывать оный для себя и болящіе и врачующіе!

Но какъ слушающіе меня не болящіе: то скажу еще: о если бы и здравые ревностнѣе притекали въ сіе святилище силъ, какъ во врачебницу душъ, почти всегда, какъ я думаю, не безболѣзненныхъ внутренно?

Если Церковь, какъ свидѣтельствуетъ устроеніе сего мѣста, признается нужною и для больныхъ, которые большею частію не имѣютъ силъ приходить въ оную: меньше ли нужна она для здоровыхъ, которые приходить въ нее могутъ? Кто отважится утверждать сію несообразность? А не часто ли видимъ мы сію несообразность на дѣлѣ, то есть, что здоровые меньше больныхъ помышляютъ о Церкви?

Можно, говорятъ, молиться Богу дома, духомъ. Нѣтъ о семъ спора. Но люди, которые лучше насъ умѣли молиться духомъ, не бѣгали отъ храма, а прибѣгали въ оный съ радостію. *Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. CXXI. 1.). Даніилъ Пророкъ, *мужъ желаній* (Дан. X. 11.), человѣкъ, который жилъ молитвою, когда не могъ идти въ храмъ Іерусалимскій, потому что былъ въ Вавилонѣ, и потому что храмъ былъ разрушенъ, старался сблизить себя по крайней мѣрѣ съ мѣстомъ

и, такъ сказать, тѣнью бывшаго храма, становясь на молитву передъ открытымъ къ Іерусалиму окномъ, и въ тѣ часы, въ которые приносима была жертва во храмѣ до его разрушенія. *Дверцы же отверсты ему въ горницѣ его противу Іерусалима; въ три же времена дне бяше преклоняя колѣна своя, моляся и исповѣдуяся предъ Богомъ своимъ* (Дан. VI. 10.). Или Даніилъ суевѣренъ? Или вы хотите быть духовнѣе Даніила? — Нѣтъ! Надобно признаться, что тѣ, которые не посѣщаютъ храма подъ предлогомъ молитвы духомъ, или совсѣмъ не радятъ о молитвѣ, или совсѣмъ не понимаютъ сего дѣла.

Если же кто, признавая свое нерадѣніе и невнимательность, изнемогаетъ въ усердіи ко храму потому, что, посѣщая оный, не довольно ощущаетъ въ себѣ отъ того содѣйствія къ лучшему: таковаго увѣряемъ со Святымъ Златоустомъ, что *пріобрящеши и пріимеши нѣкоторую пользу; хотя и не таковую, дабы могъ оную чувствовати, однако же пріимешь. Ибо если бы кто мимо прошелъ мѵроварницы, или бы въ подобныхъ ей домахъ часто кто находился; то и не хотя облагоухался бы пріятною вонею: кольми паче человѣкъ въ церковь ходящій. Не возможно бо*, говоритъ онъ еще, *дабы бесѣдующій къ Богу, и послушающій бесѣдующаго Бога, не пріобрѣлъ что либо* (на Іоан. Бесѣд. 53.).

Не будемъ, братія, безпечны о здравіи душъ нашихъ, но будемъ тщательно пользоваться врачебницею душъ — Церковію, и Врачемъ душъ — Христомъ, доколѣ Онъ ходитъ среди насъ, какъ Врачь, исцѣляющій всякую болѣзнь грѣха, доколѣ, по долготерпѣнію, медлитъ явиться, какъ Судія, имѣющій рѣшить жребій нашъ на вѣчную смерть, если не на вѣчную жизнь. Аминь.

## 10. СЛОВО

По освященіи храма Святителя Николая, что въ Толмачахъ, говоренное Ноября 25 дня, 1834 года.

*Коль добри доми твои, Іакове, и кущы твоя, Израилю! яко дубравы осѣняющія, и яко садіе при рѣкахъ, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедри при водахъ.* Числ. XXIV. 5. 6.

Слова сіи написалъ въ книгѣ Числъ Пророкъ Моисей: а произнесъ оныя Валаамъ, человѣкъ, котораго пророческій характеръ затмѣвается тѣмъ, что не выдержанъ до конца его жизни. Не скрывая сего обстоятельства, я не усумнился впрочемъ, въ книгѣ истиннаго Пророка, взять вѣрно пересказанныя слова, произнесенныя Валаамомъ, какъ достойныя вниманія: потому что произнесены оныя еще тогда, когда онъ, не прельщаясь корыстію и честію отъ языческаго царя, сохранялъ себя вѣрнымъ духу видѣнія и Слову Божію; а потому могъ даже пророчествовать о Христѣ, и о спасительной Его смерти и воскресеніи, какъ то можно видѣть въ слѣдующихъ его же словахъ: *возлегъ почи, яко левъ, и яко скименъ, кто возбудитъ его? благословящіи тя благословени, и проклинающіи тя прокляти* (Числ. XXIV. 9.). И такъ стоитъ труда всмотрѣться въ то, что видитъ сей провидѣцъ, и вслушаться въ то, что онъ говоритъ.

Валаамъ стоялъ на высотѣ Фогора, имѣлъ предъ глазами станъ Израильтянъ, въ концѣ сороколѣтняго странствованія ихъ по пустынѣ, и говорилъ: *коль добри доми твои, Іакове, и кущы твоя, Израилю! яко дубравы осѣняющія, и яко садіе при рѣкахъ, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедри при водахъ.*

Невѣроятно, чтобы послѣ столь продолжительнаго, столь труднаго путешествія, шатры и дорожныя повозки Израильтянъ, простому, тѣлесному взору представлялись въ такой восхитительной красотѣ,

какою блещутъ оные въ словахъ прозорливца. Что же онъ видѣлъ? О чемъ онъ говоритъ? — Я уже замѣтилъ выше, что подъ образомъ спящаго льва, царя животныхъ, или сына львова, котораго никто не смѣетъ разбудить, Валаамъ видѣлъ Хріста, Царя неба и земли, Сына Божія, Который почилъ сномъ смерти, и Котораго никто невластенъ былъ воскресить, какъ только Онъ Самъ, Своею Божественною силою. Посему-то видѣніе и заставило видящаго тотчасъ воскликнуть: *благословящіи тя благословени*, что также собственно Хрісту приличествуетъ, какъ Единому благословляющему благодатію всѣхъ, благословящихъ Его вѣрою. Согласно съ симъ разумѣніемъ видѣнія, можно думать, что и подъ образомъ стана Израильтянъ, видимаго тѣлесными очами, провидцу дано было созерцать духомъ Церковь Божію и Хрістову: и въ семъ случаѣ неудивительно, что онъ описываетъ красоту ея съ восхищеніемъ. Какой это прекрасный *домъ!* И не удивительно: ибо въ немъ живетъ Богъ. Но Церковь подобна и *кущамъ:* потому что находится въ состояніи странствованія: *не имамы бо здѣ* на земли *пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ, небеснаго* (Евр. XIII. 14.). Она подобна *дубравѣ осѣняющей:* потому что въ ней и надъ нею всегда почиваетъ осѣненіе благодати Божіей. Она подобна *саду* при рѣкѣ: потому что всегда напаяется живою водою Духа Божія и ученія Хрістова, всегда растетъ духовно, и приноситъ плодъ правды. Она—*яко кущы, яже водрузи Господь*, непоколебима, неразрушима, какъ дѣло Божіе; такъ какъ и дѣйствительно Самъ Господь сказалъ о ней: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18.). *Яко кедри при водахъ*, всегда зеленѣютъ, всегда возвышаются: такъ и она никогда не теряетъ жизни, которая возникла въ ней отъ нетлѣннаго сѣмени слова Божія, и непрерывно поддерживается Духомъ Святымъ; наконецъ она непрестанно возвышается къ небесамъ, дабы совершенно соединиться съ Главою Своею, Хрістомъ, и сдѣлаться совершенно небесною.

Если бы кто сказалъ, что восторженныя слова прозорливца могли относиться къ Скиніи свидѣнія, находившейся въ станѣ Израильтянъ, иначе сказать, къ ихъ походному храму: сіе не противорѣчило бы нашему изъясненію; потому что Скинія свидѣнія также была образъ, въ которомъ можно и должно было созерцать Церковь.

Сіе видѣніе духовнаго благолѣпія Церкви приведено мнѣ, братія, на мысль видѣніемъ чувственнаго благолѣпія сего, нынѣ обновленнаго, храма, тщаніемъ возлюбившихъ сіе благолѣпіе чадъ новаго Израиля, и благоуспѣшнымъ подвигомъ воздвигнутаго и украшеннаго видимо, дѣйствіемъ же благодати облеченнаго невидимо въ высшую, духовную, таинственную красоту, и устроеннаго въ таинственное жилище Божіе. Пусть бы пришелъ и сюда древній прозорливецъ; или, если ему надобно зрѣлище, болѣе обширное, пусть бы онъ, вмѣсто нечистой высоты Фогора, сталъ у насъ на благословенной высотѣ Кремля, посмотрѣлъ бы на многочисленные храмы, древніе, новые, тщательно сохраненные въ благолѣпіи, или возобновляемые, или вновь и нынѣ съ древнимъ же усердіемъ созидаемые: истинно, думаю я, онъ возобновилъ бы свой древній восторгъ, и еще разъ возгласилъ бы свою древнюю пѣснь: *коль добри доми твои, Іакове, и кущы твои, Израилю!*

Благословенъ Богъ, не оставляющій людей Своихъ присутствіемъ благодати Своея! Благословенны людіе Божіи, не оставляющіе Бога своего своею вѣрою и желаніемъ благодати Его! Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя, Господи; и да не удалятъ Тебя отъ насъ наши грѣхи и невѣрности, но паче благодать Твоя, нами во святилищахъ Твоихъ искомая, да отверзаетъ сердца наши, да посѣщаетъ ихъ, да исполняетъ своею силою и своимъ утѣшеніемъ, и такимъ образомъ, изгоняя изъ нихъ, и отражая отъ нихъ все, Тебѣ противное, и ихъ да *созидаетъ въ жилище Божіе духомъ* (Ефес. II. 22.).

Къ утѣшенію вѣры, не неблаговременно теперь будетъ, представить вамъ, братія, изъ слова Божія нѣсколько удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ о пребываніи благодати Божіей въ Церкви Хрістовой неотступно до скончанія вѣка.

Первое изъ таковыхъ свидѣтельствъ даетъ Самъ Іисусъ Христосъ, *свидѣтель вѣрный и истинный* (Апок. III. 14.), когда говоритъ: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18.).—*Созижду*: слово сіе показываетъ созиданіе Церкви еще въ намѣреніи, прежде самаго исполненія. Господь, какъ во многихъ случаяхъ, для удобнѣйшаго вразумленія насъ о Божественныхъ, ранепостижимыхъ дѣлахъ своихъ, уподоблялъ оныя обыкновеннымъ дѣламъ человѣческимъ, такъ и здѣсь уподобляетъ Себя хозяину, вознамѣрившемуся построить домъ, или архитектору, обдумывающему построеніе зданія. Надлежало между прочимъ подумать о прочности зданія, и предусмотрѣть и предотвратить то, что могло бы вредить оному. И такъ Основатель Церкви смотритъ въ будущее. Видитъ, что врата адовы, отверстыя къ землѣ грѣхомъ Адамовымъ, при созданіи и по созданіи новой Церкви Христіанской испустятъ противъ нея новыя силы зла: полчища гонителей, сонмища еретиковъ, скопища разныхъ соблазновъ. Что жъ? Если зданіе будетъ повреждено до разрушенія: то цѣль онаго не будетъ достигнута; и не будетъ охранена слава Божественнаго Создателя. Но слава Ему во вѣки! Онъ провидитъ и предустрояетъ лучшее: *созижду*, говоритъ, *Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей*. Враги ея будутъ возставать на нее; будутъ иногда сильны; будутъ въ нѣкоторыя времена, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, торжествовать, отторгая у нея члены; а она будетъ страдать и болѣзновать, но рѣшительно *не одолѣютъ ей*. Долго ли? — Безъ сомнѣнія, до скончанія вѣка. Ибо если бы могли одолѣть когда нибудь: то Провидящій времена до вѣчности, не могъ бы сказать рѣшительно, что *не одолѣютъ*. Но чѣмъ Церковь побѣждаетъ и сохраняетъ себя непобѣдимою? —Безъ сомнѣнія, силою Божіею, благодатію Божіею. Слѣдственно, если силы адскія никогда не одолѣютъ ея: то сіе значитъ, что всегда въ ней сохранится, и всегда спасительно дѣйствовать будетъ сила Божія, благодать Божія.

Второе свидѣтельство сей истины можно заимствовать изъ Апокалипсиса, или Откровенія Святаго Іоанна Богослова, которое пророчественно изображаетъ судьбу Церкви Христовой до скончанія вѣка. Въ семъ Откровеніи непрерывно видимъ истинную Церковь, сперва въ образѣ двадцати четырехъ старцевъ окрестъ Божественнаго престола (Апок. гл. IV.), *покланяющихся живущему во вѣки вѣковъ*; потомъ, по мѣрѣ, можетъ быть, распространенія Христіанства, въ числѣ ста четыредесяти четырехъ тысячъ, запечатлѣнныхъ печатію Бога живаго; далѣе, *въ народѣ многомъ, егоже исчести никтоже можетъ, отъ всякаго языка, и колѣна, и людей, и племенъ, стоящемъ предъ престоломъ* и *предъ Агнцемъ* (гл. VII.); далѣе, въ видѣ храма съ олтаремъ и поклонниками, который Іоанну повелѣно измѣрить (гл. XI.); еще далѣе, въ лицѣ жены, *облеченной въ солнце*, то есть, въ истину и добродѣтель Іисуса Христа, Который есть *свѣтъ міру* (Іоан. VIII. 12.), украшенной *вѣнцемъ отъ звѣздъ двоюнадесяте*, то есть, Боговѣдѣніемъ Апостольскимъ, имѣющей подъ ногами *луну*, то есть, мудрость человѣческую, естественную (Апок. гл. XII.); еще далѣе, предъ бракомъ Агнца, она представляется *женою Его*, уготовавшею себя, и облеченною въ виссонъ оправданія Святыхъ (гл. XIX.); и еще, послѣ изображенія тайновидцемъ перваго воскресенія, она именуется у него *святыхъ станомъ* и *градомъ возлюбленнымъ* (гл. XX. 9.), доколѣ наконецъ, съ новымъ небомъ и новою землею, обновляется и она *въ Іерусалимѣ новѣ, сходящь отъ Бога съ небесе* (гл. XXI. 2.). Достойно примѣчанія, что тайновидецъ, изображая самыя опасныя времена для Церкви, представляетъ ее невредимою отъ опасностей, но чудесно сохраняемою. На примѣръ: змій *гонише жену*: но онъ ее не догоняетъ и не низлагаетъ; потому что *даны быша женѣ два крила орла великаго*;—и *поможе земля женѣ* (гл. XII. 13. 14—16:). Провидѣніе такъ управляетъ ходомъ происшествій, что и земныя учрежденія способствуютъ миру или безопасности Церкви; и *крилѣ орла великаго*, можетъ быть, царственнаго.

благоговѣйно несутъ ее, выше злобы и лукавства враговъ ея, *въ пустыню въ мѣсто свое*,—конечно не просто въ безлюдіе внѣшнее, ибо Церковь сама есть многолюдство вѣрующихъ, но въ *пустыню* паипаче внутреннюю,—все далѣе отъ міра, все ближе къ Богу; ибо *свое мѣсто* для Церкви есть близость къ Богу и соединеніе съ Нимъ. А сіе и значитъ то, что благодать Божія, не отъемлется отъ Церкви, и въ самыя опасныя времена, должна пребыть съ нею неразлучна даже до скончанія вѣка.

Третіе свидѣтельство той же истины находимъ въ слѣдующихъ словахъ Святаго Апостола Павла: *и Той*, то есть, Хрістосъ, *далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри* и *Учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созданіе тѣла Хрістова, дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры, и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Хрістова* (Ефес. IV. 11 — 13.). Чтобы лучше уразумѣть силу сего изреченія, представимъ себѣ, что мы вопрошаемъ у Апостола: долго ли будутъ въ Церкви *Пастыри и Учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созданіе тѣла Хрістова?* — Онъ отвѣтствуетъ: *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Хрістова.* Слѣдственно, доколѣ есть на земли не достигшіе въ соединеніе вѣры, не пришедшіе въ совершенство духовнаго возраста, еще нуждающіеся въ познаніи Сына Божія: дотолѣ будутъ въ Церкви Пастыри и Учители, къ совершенію Святыхъ; и какъ совершеніе Святыхъ чрезъ Пастырей и Учителей не можетъ быть безъ всесвятыя благодати Божіей; то и она должна, по удостовѣренію Апостола, пребывать съ Пастырями и Учителями въ Церкви дѣйствующею дотолѣ, какъ препобѣдя всѣ препятствія, приведетъ всѣхъ, предуставленныхъ ко спасенію, въ соединеніе вѣры.

Приведемъ еще одно свидѣтельство о всегдашнемъ присутствіи въ Церкви благодати, особенно таинодѣйственной. Тотъ же Апостолъ, увѣщевая Коринѳскихъ Христіанъ съ особеннымъ благоговѣніемъ приступать къ таинству Тѣла и Крови Хрістовы, говоритъ: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (1 Кор. XI. 26.). И здѣсь важная истина скрывается въ маломъ словѣ: *дондеже.* Чтобы лучше открыть оную, опять обращаю рѣчь Апостола въ вопросъ: долго ли Христіане будутъ ясти хлѣбъ таинственный, и пити чашу Господню, и пріобщеніемъ Тѣла и Крови Хрістовой возвѣщать смерть Господню? — Въ словахъ Апостола нахожу отвѣтъ: *дондеже пріидетъ.* То есть: таинство Тѣла и Крови Хрістовы ненарушимо будетъ совершаться въ истинной Церкви Хрістовой до самаго втораго пришествія Хрістова, или, что тоже, до скончанія вѣка. Поелику же сіе не можетъ быть безъ благодати таинодѣйственной, безъ благодати священства, а заимственная благодать священства не можетъ быть безъ преподаятельной благодати Архіерейства: то очевидно, что благодать таинодѣйственная и чинъ священноначалія, по предреченію Апостола, пребудутъ въ Церкви во всѣ времена, и хотя не всегда равно обильнымъ потокомъ, но никогда непресѣкаемою струею, потекутъ даже до предѣловъ Царства славы.

По симъ, и подобнымъ неложнымъ свидѣтельствамъ, — какое утѣшеніе, братія, что и въ сіи поздныя времена Церкви, также какъ въ самыя первыя, съ увѣренностію могу я говорить вамъ словами Святаго Апостола Петра: *возлюбленіи, препоясавше чресла помышленія вашего, трезвящеся, совершеннѣ уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ Хрістовымъ* (1 Петр. I. 13.).

Не внимайте же клевещущимъ на Церковь, будто благодать въ ней истощилась; будто священноначаліе въ ней или совсѣмъ, или въ половину рушилось.

Скажите чуждающимся Архіереевъ: если корень изсохъ; то какъ могутъ быть свѣжія вѣтви? Если,—какъ они думаютъ, или точнѣе сказать, не размысливъ, укоряютъ, —благодать Архіерейства истощилась: то какъ можетъ продолжаться благодать священства, которое безъ Архіерейства есть

то же, что вѣтвь безъ корня? Но поелику они признаютъ благодать священства: то какъ могутъ отвергать благодать Архіерейства, которое есть корень священства? А если не отвергаютъ благодати Архіерейства: то почему чуждаются онаго?

Скажите отвергающимъ всякое священство: если, по ихъ зломудрію, совсѣмъ рушилось священство, то должно сказать, что рушилась и Церковь, что *врата адова одолѣли ей.* Но если они скажутъ и сіе, то явно возстанутъ не противъ насъ, смиренныхъ служителей Церкви, но противъ Самого ея Основателя, Который сказалъ, что *врата адова не одолѣютъ ей.* Если нѣтъ таинства Тѣла и Крови Христовы: то Апостолъ сказалъ неправду, что оно будетъ совершаться, *дондеже пріидетъ* Господь на судъ. Но если слово Апостольское ложнымъ быть не можетъ; если словеса Христовы не мимоидутъ, хотя бы прешли небо и земля: то есть и нынѣ, и до скончанія вѣка будетъ, святое таинство Тѣла и Крови Христовы; есть и будетъ благодатное священство и священноначаліе; и противники сего ученія суть противники слова Апостольскаго и Христова.

Одно еще нужно къ сему присовокупить: *совершенно уповая на благодать* Божію въ Церкви, къ вашему охраненію отъ лжеученія, къ вашему утѣшенію въ скорби о грѣхахъ и въ страхѣ суда Божія, къ вашему подкрѣпленію въ немощахъ, не обратите надежды на благодать въ поводъ къ небрежной жизни, недостойной святыя благодати. *Но по звавшему вы Святому и сами святи во всемъ житіи будите* (1 Петр. I. 15.). Аминь.

## 11. СЛОВО

**По освященіи придѣльнаго храма Святителя Николая, болѣе извѣстнаго по другому олтарю во имя Преподобнаго Сергія, въ Рогожской слободѣ, говоренное 16 Декабря 1834 года.**

*Послеши Духа твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли. Буди слава Господня во вѣки.* Пс. CIII. 30. 31.

Пророкъ Псалмопѣвецъ, удивительно, какъ любитъ славить Бога. Что, помысливъ о Духѣ Божіемъ, посылаемомъ на твари, созидающемъ, или возсозидающемъ ихъ, и обновляющемъ лице земли, онъ возрадовался и воскликнулъ: *буди слава Господня во вѣки!* сему я не удивился бы. Но предъ симъ самымъ онъ говорилъ о Богѣ, отвращающемъ лице отъ тварей, о тваряхъ отъ того мятущихся, лишаемыхъ духа, исчезающихъ, въ персть свою возвращающихся: удивительно, что и сіе не смутило его, и не воспрепятствовало его славословію. И далѣе, въ томъ же псалмѣ, онъ изображаетъ грозное величіе Вседержителя: *призираяй на землю, и творяй ю трястися; прикасайся горамъ, и дымятся.* Но что же потомъ? Говоритъ ли онъ о своемъ ужасѣ? или безмолвствуетъ въ трепетѣ? — Ни то, ни другое. Онъ радуется, поетъ и славитъ Бога. *Воспою Господеви въ животѣ моемъ; пою Богу моему, дондеже есмь.*

Въ семъ священномъ образцѣ заключается для насъ, братія, ученіе: должно славить Бога, не только тогда, когда Онъ является въ дарахъ, въ благодѣяніяхъ, въ милостяхъ, но и тогда, когда, по видимому, отвращается и удаляется, въ самомъ же дѣлѣ, сокровенно приходитъ и приближается, въ посѣщеніяхъ грозныхъ или скорбныхъ, въ лишеніяхъ, въ бѣдствіяхъ. Ученіе истинное, полезное всегда, а здѣсь, и нынѣ, еще и благовременное.

Памятенъ и для меня третій надесять день Августа, когда внезапно для насъ, но не внезапно для Бога, не безъ вѣдома, не безъ попущенія Его, сія часть града посѣщена была огнемъ истребляющимъ; когда дымная дорога отъ мѣста истребленія пролегала по небу почти надъ моею головою, и какъ будто предназначала дальнѣйшій путь истребленію на землѣ; когда носимые вѣтромъ пожарные угли, пролетѣвъ не одно поприще, упадали на моемъ дворѣ; и какъ будто говорили мнѣ: далеко ли, думаешь, пойдетъ сіе посѣщеніе? Лѣто и бездождіе, сила и направленіе вѣтра, — все благопріятствовало умноженію бѣдъ, и распространенію оныхъ съ неизбѣжною быстротою, почти подобною той, какую видимъ въ сказаніи вѣстника Іов-

лева: *огнь спаде съ небесе, и пожже овцы, и пастыри поядe подобнѣ; спасохся же азъ единъ* (Iов. 1. 16.). Тотъ, который утромъ имѣлъ жилище и прочее потребное для жизни, или даже избытокъ и богатство, къ вечеру оставался безпокровнымъ и безпомощнымъ, и если не былъ одинокъ, то сіе не служило къ облегченію, потому что нищета семейная тягостнѣе нищеты одинокой. Бѣдствіе, взявшее многочисленную дань отъ домовъ сего града, и отъ имуществъ обитателей, потребовало себѣ нѣкоторой дани и отъ храмовъ; и невидимый, непонятный для насъ жребій палъ на сей храмъ.

Что жъ?—скажутъ, вѣроятно, нѣкоторые при сихъ горестныхъ воспоминаніяхъ, не ужели должно,—не ужели можно славить Бога и въ семъ случаѣ?—Признаемъ, если угодно, что сіе не такъ легко для человѣческой немощи, для человѣческой недальновидности, въ то время, когда бѣдствіе устремляетъ на человѣка свою силу и дѣйствіе. Между тѣмъ можно спросить обратно: можетъ ли быть время, когда бы не должно было славить вѣчнаго Бога? Можетъ ли Онъ когда быть недостоинъ славы? А если всегда славить Его должно: то не трудно заключить, что и можно Его славить всегда: ибо Онъ довольно праведенъ и всемогущъ, чтобы должнаго не оставить не возможнымъ.

Что подъ самыми, такъ сказать, ударами бѣдъ есть возможность не только стенать, или жаловаться, или роптать, но и славить Бога,—сіе ясно, какъ день, видно въ Iовѣ. Вѣсти о бѣдствіяхъ, для него разорительныхъ, одна за другою, какъ стрѣла за стрѣлою, поражали его, и, безъ сомнѣнія, до глубины сердца пронзила послѣдняя вѣсть о потерѣ вдругъ всѣхъ дѣтей. Что же? Онъ принесъ обычную жертву скорби: разстерзалъ ризы; остригъ власы; посыпалъ перстію главу. Но что далѣе? — Въ то же время онъ молится: *падъ на землю, поклонися Господеви.* Онъ размышляетъ, какъ-бы человѣкъ любомудрствующій на свободѣ: *самъ нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду тамо; Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть.* Наконецъ онъ славословитъ: *буди имя Господне благословенно во вѣки.*

Скажутъ: не льзя всѣмъ быть такъ крѣпкими духомъ, какъ былъ Iовъ. Не спорю: хотя впрочемъ сія отговорка отъ великодушія очень слаба для Христіанина. Отъ младенчества временъ патріархальныхъ, въ какихъ является жизнь Iова, долго расло человѣчество, и высокаго возраста достигло въ Христіанствѣ: а потому наче прежняго можетъ и должно имѣть духъ возвышенный и непоколебимый въ бѣдствіяхъ. Въ пособіе для сего имѣетъ оно теперь ученіе Хрістово, примѣръ Хрістовъ, Божественную силу Хрістову: ибо, по изреченію Святаго Апостола Петра, *вся намъ Божественныя силы Его подана познаніемъ призвавшаго насъ славою* и *добродѣтелію* (2 Пет. 1. 3.). И посему-то святые мученики, въ своихъ страданіяхъ торжественнѣе и постояннѣе самого Iова славили Бога, какъ напримѣръ, Iаковъ Персянинъ, когда у него всѣ персты рукъ и ногъ, а потомъ самыя руки и ноги отсѣкаемы были мучителями по одному члену, чтобы увеличить мученіе, ни которымъ ударомъ меча или сѣкиры не былъ доведенъ до вопля нетерпѣливости, но при каждомъ отсѣченіи произносилъ молитву или славословіе Хрісту Богу, и большею частію съ такою радостію, какъ-бы не страждущій. Но я уже сказалъ, что не препятствую вамъ быть немощнѣе Iова, если вы то себѣ позволяете, и если то не стыдно вамъ, какъ Христіанамъ. Ты не имѣешь довольно присутствія духа, чтобы славить Господа среди самаго бѣдствія: жаль; однако пусть такъ. По крайней мѣрѣ, удержись отъ безсмысленныхъ воплей нетерпѣливости, отъ безполезныхъ жалобъ, отъ дерзновенныхъ словъ ропота; обрати твои скорбныя чувствованія въ смиренную молитву: такимъ образомъ Богъ не будетъ прогнѣванъ, а ты будешь менѣе безпокоенъ. Ты не позаботился благовременно такъ расположить духъ твой, чтобы облако временнаго бѣдствія не могло закрыть отъ очей его вѣчной славы Божіей, въ минуты силы бѣдствія; ты пропустилъ прекрасный случай испытать непобѣдимую силу Христіанской добродѣтели: жаль; много пропущено; только еще не все.

По крайней мѣрѣ, по уменьшеніи силы бѣдствія, утиши твои скорбныя чувствованія; собери силы твоего ума; помысли, что Богъ твое бѣдствіе предусмотрѣлъ,—могъ отвратить,—не благоизволилъ отвратить;—что Онъ всеблагій, не желалъ тебѣ, такъ какъ и не можетъ желать зла;—что слѣдственно попустилъ бѣдствіе для какого нибудь твоего блага, или для отвращенія отъ тебя какого нибудь большаго зла; — помысли, что и послѣ бѣдствія у тебя что нибудь еще осталось; если не жилище, то какая нибудь собственность, или хотя одежда, и, что всего важнѣе, жизнь и душа; что Богъ, Который попекся сохранить твою жизнь, симъ самымъ изъявляетъ другое благотворнѣйшее попеченіе о спасеніи твоей души, для чего и сберегаетъ тебѣ время жизни; — если даже ты недовольно обезпеченъ и жилищемъ и пропитаніемъ, помысли, что птица и тогда поетъ славу Сотворившаго ее, когда у нея нѣтъ ни гнѣзда, ни приготовленной пищи, и, промысломъ того же Творца, находитъ, чѣмъ питаться и гдѣ провести ночь;—таковыми и подобными размышленіями ободри духъ твой; вознеси сердце твое къ Богу; скажи хотя послѣ бѣдствія, что не умѣлъ сказать во время бѣдствія: *буди имя Господне благословенно! Буди слава Господня во вѣки!* Ты принесешь чрезъ сіе Богу пріятную жертву; и въ собственномъ сердцѣ посѣешь доброе сѣмя.

Инымъ кажется во время бѣдствія, что они способнѣе были бы славить Бога во время благополучія, и что потому не на пользу послано имъ бѣдствіе. Мечта! Намъ часто кажется, что, по пословицѣ, тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ: но самая сія пословица смѣется надъ сею мечтою. Ты думаешь, что славилъ бы Бога, если бы не былъ несчастливъ, а напротивъ былъ осыпанъ Его благодѣяніями: вѣроятно, потому что не трудно. И безсловесное оказываетъ ласку тому, кто даетъ ему кормъ. Не къ великой же добродѣтели ты себя располагаешь! Не много же, видно, дорожишь добродѣтелію болѣе возвышенною, хотя болѣе трудною! Но если ты лѣнивъ и низокъ для добродѣтели трудной и возвышенной: то не ручайся за себя, что и для добродѣтели низшей и легчайшей ты не былъ бы также лѣнивъ и низокъ. Перестань мечтать, и посмотри на опыты. Посмотри на Израильскій народъ, когда Богъ *возведе я на силу земли, насыти ихъ жита селныхъ, сеаша медъ изъ камене, и елей отъ тверда камене, масло кравіе, и млеко овчее, съ тукомъ агнчимъ и овнимъ, сыновъ юнчихъ, и козлихъ, съ тукомъ пшеничнымъ*, и *кровь гроздову піяху вино.* Тутъ-то надлежало по твоему умозрѣнію славить Бога. Смотри же далѣе, какъ невѣрно твое умозрѣніе. *И яде Іаковъ, и насытися;* и *отвержеся возлюбленный; уты, утолстѣ, разширѣ и остави Бога сотворшаго его, и отступи отъ Бога Спаса своего* (Втор. XXXII. 13 — 15.). Посмотри опять на того же Израиля во время бѣдствія, и узнай, препятствовало ли оно, или напротивъ помогало ему славить Бога. *Егда убиваше я*, сказуетъ Псалмопѣвецъ, *тогда взыскаху Его, и обращахуся*, и *утреневаху къ Богу;* и *помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть, и Богъ вышній избавитель имъ есть* (Пс. LXXVII. 34. 35.). Видишь ли, что и благополучіе можетъ быть опаснѣе бѣдствія, и бѣдствіе спасительнѣе благополучія. Не завидуй же благополучію; и не унывай въ бѣдствіи. Помышляй, что и тебѣ послано бѣдствіе, или предохранить тебя отъ неблагодарности и забвенія о Богѣ, до которыхъ въ благополучіи могла бы довести привязанность къ земнымъ благамъ и удовольствіямъ; или очистить тебя отъ дѣйствительныхъ грѣховъ прошедшихъ дней благополучныхъ; или призвать тебя къ высшей добродѣтели, чтобы не только сдѣлать тебя болѣе безопаснымъ отъ ада, но и доставить тебѣ болѣе свѣтлый вѣнецъ на небѣ.

Но возвратимъ слово, и болѣе приближимъ къ себѣ, и къ нашимъ происшествіямъ, и къ настоящему случаю.

Прославимъ, братія, Бога, Который хотя и *путесотворилъ* здѣсь огненную *стезю гнѣву своему* (Пс. LXXVII. 50.), однако и преградилъ оную милосердіемъ и благодатію. Какъ нѣкогда въ станѣ Израильтянъ, *когда изыде гнѣвъ отъ лица Господня*, и *нача губити люди*,

Ааронъ съ кадильницею *ста между мертвыми и живыми*, и *преста пагуба* (Числ. XVI. 46—48.): такъ и здѣсь Святитель Алексій и Преподобный Сергій, дружественные между собою въ земномъ житіи своемъ, и по преставленіи своемъ являвшіеся иногда вмѣстѣ, какъ извѣстно изъ преданій Сергіевой обители, а здѣсь сосѣдствующіе въ соименитыхъ имъ храмахъ, стали невидимо съ ѳиміамомъ своихъ молитвъ среди потока огня, и преградили оный, и одинъ изъ своихъ храмовъ дивно сохранили невредимымъ, и сдѣлали убѣжищемъ для святыни другаго; а отъ сего другаго сохранили по крайней мѣрѣ внутреннюю святыню, и то, что наиболѣе нужно было къ неукоснительному возстановленію здѣсь Богослуженія.

Прославимъ Бога, Который, посѣтивъ однихъ бѣдствіемъ, сохранилъ другихъ для прибѣжища бѣдствующихъ; Который *послалъ духъ* человѣколюбія въ помощь, да *созиждутся* истребленныя жилища, или, по крайней мѣрѣ, да не въ конецъ безпомощною нищетою разрушится жизнь бѣдствующихъ; Который послалъ духъ благочестиваго усердія, да возсозиждутся святилища, и — вотъ уже второму здѣсь олтарю благоволилъ обновиться, не только благолѣпіемъ видимымъ, но и невидимою благодатію.

Прославимъ Бога, не только словомъ, но и сердцемъ, ему преданнымъ, и житіемъ, ему благоугоднымъ, да не паки прогнѣвается Господь на люди своя, но паче возвеселится о дѣлѣхъ своихъ. И въ освященномъ храмѣ Православно-Христіанскомъ, и въ освящаемыхъ выну душахъ Православно-Христіанскихъ *буди слава Господня во вѣки*. Аминь.

## 12. СЛОВО

**По освященіи Градо-Клинскаго Соборнаго храма Пресвятыя Троицы, 24 Мая 1836.**

*И бяху выну въ церкви, хваляще и благословяще Бога.* Лук. XXIV. 53.

Восхвалимъ и мы Бога, въ Троицѣ покланяемаго, Начальника и Совершителя всякаго созданія, во вѣки благословеннаго въ церкви Святыхъ. Нынѣ особенно да восхвалятъ Бога братія святаго храма сего.

Трудъ многихъ лѣтъ наконецъ оконченъ. Заботы прекратились. Долгое ожиданіе исполнилось. Храмъ, усердіемъ вашимъ воздвигнутый, благодатію Божіею совершенъ и освященъ.

Не безъ заботы былъ и я свидѣтелемъ трудностей въ его созиданіи. Зданіе предпринято было почти не по силамъ вашего малаго града. Надлежало не только созидать, но частію и пересозидать неблаголѣпно созданное. Надлежало по временамъ останавливать дѣло, потому что истощались средства продолжать оное. Видно, ревность ваша не изнемогла: потому что помощь Божія васъ не оставила.

Радуюсь нынѣ съ вами, не столько вашему облегченію отъ труда и заботы (хотя и сему радуюсь), сколько тому, что вы понесли трудъ Богоугодный, заботу душеполезную; и что Богъ принялъ отъ васъ даръ усердія, потому что ниспослалъ на оный даръ освященія.

Возблагодаримъ Бога, тако благоволившаго: возблагодаримъ не только словомъ, но наипаче сердцемъ и дѣломъ. Имѣвъ усердіе къ созиданію храма, имѣйте усердіе ко храму созданному. Утѣшаясь имъ, какъ дѣломъ вашего усердія, почтите въ немъ дѣло благодати Божіей. Пользуйтесь освященнымъ храмомъ для собственнаго вашего освященія: ибо иначе для чего было бы и созидать и освящать оный?

Богъ вездѣсущъ: и потому не имѣетъ нужды въ храмѣ, который для Него всегда малъ и невмѣстителенъ. Но человѣкъ ограниченъ: и потому имѣетъ нужду въ ограниченномъ явленіи присутствія Божія. Богъ снисшелъ къ сей нуждѣ человѣка: и благоволилъ быть храму, и даровалъ ему благодать особеннаго Своего присутствія.

Мы знаемъ одно состояніе человѣчества, когда не нуженъ ему храмъ:—это состояніе новаго Іерусалима, подъ новымъ небомъ, на новой землѣ: но сіе самое доказываетъ надобность храма въ другихъ состояніяхъ, и именно въ томъ, въ которомъ теперь мы находимся. Какъ особен-

ную, отличительную черту новаго Іерусалима, Тайновидѣцъ указуетъ то, что въ немъ нѣтъ храма; *и храма не видѣхъ въ немъ* (Апок. XXI. 22.). И, какъ-бы предусматривая, что сія необычайность покажется слишкомъ поразительною и невѣроятною, что будутъ спрашивать, какъ можно быть граду Божію безъ храма Божія, онъ тотчасъ объясняетъ, почему это такъ: *Господь бо Богъ Вседержитель храмъ ему есть и Агнецъ.* Какъ-бы такъ сказалъ онъ: человѣчество тамъ усовершено и возвышено до того, что твари не заграждаютъ и не закрываютъ отъ него присутствія Божія; въ сіе святое присутствіе входятъ тамъ непосредственно, не имѣя нужды въ особомъ святомъ мѣстѣ, представительномъ сего присутствія. Нѣтъ нужды въ храмѣ: потому что человѣкъ живетъ въ Богѣ и во Христѣ, какъ во храмѣ, и въ Немъ Самомъ обрѣтаетъ безъ труда все, къ чему мы подвизаемся проникнуть посредствомъ храма. Если и тамъ сотворенное око не объемлетъ свѣта несотвореннаго, и потому нужно нѣкоторое снисхожденіе и умѣреніе свѣта неприступнаго: то сіе совершаетъ тамъ открытый свѣтъ Богочеловѣка Іисуса, Который Своимъ человѣчествомъ низводитъ и умѣряетъ свѣтъ Божества, и Своимъ Божествомъ просвѣщаетъ и блаженнотворитъ человѣчество. *Свѣтильникъ его Агнецъ* (Апок. XXI. 23.). Такъ, и потому не нуженъ храмъ въ Іерусалимѣ новомъ. Но мы еще не въ новомъ, сходящемъ съ небесъ, Іерусалимѣ: слѣдственно намъ нуженъ храмъ. Еще тварь, еще собственная плоть наша, грубая, не очищенная, преграждаетъ намъ входъ во святое, благодатное присутствіе Божіе: и такъ надобно, чтобы сіе благодатное присутствіе само себя отверзло для насъ во святомъ храмѣ. Еще небеса, куда вознесся Христосъ, свѣтъ нашъ, не отверзаются и не открываютъ намъ сіянія славы Его: надобно намъ пока хотя малое небо на землѣ, свѣтъ, хотя сокровенный въ тайнѣ; и сіе можемъ мы обрѣсти во храмѣ, чрезъ молитву, чрезъ Слово Божіе, чрезъ Таинства.

Обращаясь отъ конца временъ къ ихъ началу, если бы мы не нашли храма и тамъ: сіе было бы не удивительно; потому что райскій человѣкъ походитъ болѣе на человѣка новаго Іерусалима, нежели на нынѣшняго человѣка. Но можно сказать, что первый на землѣ храмъ Божій былъ самый рай, въ которомъ Богъ благодатно являлся человѣку, въ которомъ человѣкъ, освященный образомъ Божіимъ, былъ непорочнымъ священникомъ, въ которомъ видимою, таинственною святынею было древо жизни; поелику отъ сего древа человѣкъ таинственно вкушалъ нетлѣнную жизнь, подобно какъ мы нынѣ, на Трапезѣ Господней, отъ плода пшеницы и лозы, таинственно и существенно вкушаемъ безсмертную жизнь Божественнаго Тѣла и Крови Христовы.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ грѣхопаденіемъ сокрушилъ въ себѣ образъ Божій, и перестalъ быть живымъ храмомъ Божіимъ, потребность видимаго, образовательнаго, тайноводственнаго храма Божія очевидно сдѣлалась болѣе ощутительною: и Священная исторія показываетъ, что сколько человѣкъ трудился надъ удовлетвореніемъ сей потребности, столько же, или еще болѣе, Самъ Богъ споспѣшествовалъ тому.

Отъ древнихъ Патріарховъ, которые кочевали въ шатрахъ, не естественно было бы требовать храма, по правиламъ зодчества созидаемаго. Храмъ существовалъ у нихъ сокращенно въ жертвенникѣ: и мы многократно видимъ въ ихъ житіяхъ, что Богъ является, и въ слѣдствіе того Патріархъ созидаетъ жертвенникъ, и обратно, Патріархъ созидаетъ жертвенникъ, и Богъ является ознаменовать Свое благоволеніе надъ жертвенникомъ и надъ создавшимъ его. Богъ является Ною, сохраня его отъ потопа, и тотчасъ по потопѣ *созда Ное жертвенникъ Господеви* (Быт. VIII. 20.): Ной возноситъ всесожженіе на жертвенникъ, и Господь вновь является благословить новый послѣпотопный міръ. *Явися Господь Авраму: и созда тамо Аврамъ жертвенникъ Господу явльшемуся ему* (Быт. XII. 7.). Іакову Богъ самъ повелѣваетъ создать жертвенникъ, и назначаетъ для того мѣсто: *взыди на мѣсто Веѳиль*, и *живи тамо*, и *сотвори тамо жертвенникъ Богу*

*явльшемуся тебѣ* (Быт. XXXV. 1.). Мѣсто, называемое *Вееилемъ*, то есть, *домомъ Божіимъ*, еще прежде Богъ освятилъ, явясь на немъ Іакову во время сна въ видѣніи надъ лѣствицею, соединяющею землю съ небомъ. Созданіе Авраамомъ жертвенника, на которомъ онъ хотѣлъ, по повелѣнію Божію, принести въ жертву Исаака, было какъ-бы предварительное заложеніе Храма Іерусалимскаго, послѣ, чрезъ нѣсколько вѣковъ, на семъ мѣстѣ созданнаго.

Когда же Патріархальное племя, въ которомъ отъ начала міра сохранилось вѣдѣніе истиннаго Бога и откровеній Его, возрасло и образовалось въ народъ: тогда Богъ подъ собственными распоряженіями устроилъ въ немъ храмъ Свой въ большей полнотѣ и совершенствѣ, сперва, подъ именемъ *Скиніи свидѣнія*, подвижный и походный, примѣнительно ко времени странствованія народа Божія изъ Египта въ землю обѣтованную, а потомъ, въ сей землѣ, неподвижный, въ создатели котораго также Самъ назначилъ Соломона. Наконецъ, по разрушеніи сего храма вмѣстѣ съ Іерусалимомъ, за грѣхи народа, какъ скоро паки настало время помиловать народъ, еще разъ Самъ Богъ пекся и о возстановленіи храма, пославъ Пророковъ Аггея и Захарію побуждать Іерусалимлянъ и всѣхъ Іудеевъ къ созиданію онаго.

На основаніи всѣхъ сихъ событій можемъ утвердить рѣшительно, что храмъ Истиннаго Бога въ человѣчествѣ есть устроеніе Божіе, а не человѣческое. Но Богу не свойственно устроять иное на земли, какъ только благопотребное и спасительное для человѣковъ. И такъ въ устроеніи Божіемъ имѣемъ мы свидѣтельство Самого Бога о томъ, колико храмъ Божій намъ нуженъ и спасителенъ.

При семъ можетъ кто нибудь помыслить, что храмъ, о которомъ теперь говорено, былъ ветхозавѣтный, прообразовательный относительно ко Христу, еще тогда ожидаемому; а потому съ исполненіемъ прообразованій, то есть, со времени пришествія Христова, онъ пересталъ быть нужнымъ, почему и упраздненъ тою же особенною судьбою Божіею, которою прежде былъ устроенъ. Это правда. Однако сіе не препятствуетъ намъ изъ Божественнаго установленія храма во времена ветхозавѣтныя выводить заключеніе о важности и потребности храма во времена новозавѣтныя. Отдѣлите отъ главной мысли храма придаточныя особенности храма ветхозавѣтнаго,— его приспособленіе къ прообразованіямъ, къ кровавымъ жертвамъ, къ строгому закону обрядовъ: вотъ то, что достигло своего предѣла, и упразднено, какъ не нужное: но коренная мысль о храмѣ, какъ о домѣ молитвы, какъ о святилищѣ таинствъ, какъ о хранилищѣ благодати, не есть исключительная принадлежность временъ ветхозавѣтныхъ; и потому не могла прейти съ оными. Она свойственна и Христіанству; и потому входитъ въ оное со всею силою, какую прежде Христіанства получила отъ Божія устроенія. Самъ основатель Христіанства, Іисусъ Христосъ, не только посѣщалъ храмъ Іерусалимскій, но и защищалъ его достоинство противъ оскорбленія, когда изгналъ изъ него продающихъ и купующихъ: это, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы поддержать храмъ, котораго скорое паденіе Самъ Онъ предсказалъ, но для того, чтобы сохранить и въ Христіанствѣ мысль о святости храма Божія, и о должномъ къ нему благоговѣніи.

И Апостолы, даже по вознесеніи Господнемъ, когда такъ наполнены были Святыми образами сорокъ дней продолжавшихся явленій Господа Воскресшаго, и Его бесѣдами о царствіи Божіемъ, не просто между собою благодарили и прославляли за сіе Бога, но устремлялись во храмъ: *и бяху выну въ церкви хваляще и благословяще Бога* (Лук. XXIV. 23.). Даже и по сошествіи Святаго Духа, когда Онъ очевидно и торжественно освятилъ ихъ въ живые храмы Божіи еще не оставили почитали они *восходить во святилище на молитву* (Дѣян. III. 1.). Такъ свойственно благочестивому духу ощущеніе потребности въ Божіемъ храмѣ, законно устроенномъ и Іерархически освященномъ!

Впрочемъ Апостолы пользовались ветхозавѣтнымъ храмомъ только по нуждѣ, на время. Поелику же многое въ немъ Христіанству не соотвѣтствовало, и надлежало

его непремѣнно перестроить примѣнительно къ новому завѣту: то грубую работу разорить старое, Провидѣніе Божіе поручило язычникамъ Римлянамъ; а Хрістовымъ Апостоламъ и Богомудрымъ ихъ преемникамъ Духъ Святый преподалъ высокое искусство не зодчества вещественнаго, но духовнаго и Богодѣйственнаго устроенія новыхъ, собственно Христіанскихъ храмовъ.

Первоначальнымъ образцемъ ихъ послужила, безъ сомнѣнія, та *горница веліа* (Лук. XXII. 12.), въ который Господь установилъ, и въ первый разъ совершилъ таинство Тѣла и Крови Своея. Онъ Самъ ее для сего назначилъ, и, какъ верховный Архіерей, освятилъ: отсюда тотъ законъ Христіанскаго храма, по которому власть и назначить оный, и освятить, принадлежитъ Архіерею. Господь назначилъ горницу велію особенно для новозавѣтнаго таинства Тѣла и Крови Своея: отсюда законъ, по которому всякій храмъ Христіанскій назначается особенно для сего таинства, такъ что нѣкоторыя другія таинства могутъ по нуждѣ быть совершаемы и въ другихъ мѣстахъ; а сіе непремѣнно требуетъ храма, Іерархически освященнаго. Въ горницѣ веліей Господь совершилъ таинство только при двѣнадцати Апостолахъ, причастникахъ сего таинства: отсюда законъ, по которому во храмъ Христіанскій, особенно на время таинства Тѣла и Крови Хрістовы, допускаются только способные быть причастниками сего таинства, а не удостоившимся крещенія и отлученнымъ отъ таинствъ діаконъ велитъ изыти изъ храма на сіе время.

Но я не распространяюсь болѣе о законахъ Христіанскаго храма, которые впрочемъ также показываютъ, какъ важна потребность онаго, и какъ высоко достоинство.

Замѣчу о благопотребности храма въ Христіанствѣ еще одно, что и тѣ избранные подвижники Христіанства, которые въ совершенномъ удаленіи отъ міра, въ возможномъ отреченіи отъ всего чувственнаго, въ пустыняхъ и недоступныхъ мѣстахъ провождали равноангельную жизнь, входили въ общеніе съ небесными силами, получали откровенія вещей Божественныхъ, сподобились быть, и дѣломъ явились духовными и Богоносными, — и они при всемъ томъ еще должны были пользоваться благодѣяніями храма Божія, именно, пріобщеніемъ Тѣла и Крови Хрістовы, какъ можно примѣчать особенно изъ того, что Провидѣніе Божіе не рѣдко употребляло необычайныя, даже чудесныя, средства, чтобы доставить имъ сіе напутствіе предъ ихъ отшествіемъ въ вѣчность. Для примѣра именую Преподобную Марію Египетскую, которой и по толикихъ подвигахъ, и по толикой благодати, нуженъ былъ послѣдній даръ — причастіе Трапезы Господней; и, чтобы ей доставить сей даръ, какимъ непонятнымъ, но вмѣстѣ какимъ вѣрнымъ движеніемъ подвигнутъ былъ Богодвижимый воистину Зосима!

Сіи размышленія о происхожденіи, достоинствѣ и благопотребности храма Божія, и особенно Христіанскаго, да будутъ въ особенное утѣшеніе тѣмъ, которые здѣсь своимъ усердіемъ споспѣшествовали дѣлу столь Богоугодному и душеспасительному; всѣмъ же намъ да будутъ въ напоминаніе и побужденіе, чтобы тщательно пользоваться храмомъ Божіимъ, какъ великимъ для насъ даромъ Божіимъ, или паче, какъ великою сокровищницею многоразличныхъ даровъ Божіихъ. Посѣщайте Храмъ Божій прилѣжно; пребывайте въ немъ благоговѣйно; участвуйте здѣсь въ молитвахъ и славословіяхъ сердечно; слушайте возвѣщаемое Слово Божіе внимательно, не такъ чтобы только слышать и на время занимать свое любопытство, но такъ чтобы слышанное прилагать къ своему сердцу, сохранять въ памяти, возобновлять въ размышленіи, обращать въ дѣло и жизнь.

Требовать ли отъ нынѣшнихъ Христіанъ, чтобы они были *выну въ церкви, хваляще и благословяще Бога?* — Опасаюсь, что скажутъ: какъ это возможно? Когда же дѣлать дѣла домашнія! — Однако, братія, это какъ-то было возможно, и безъ требованія исполнялось въ началѣ Христіанства: *бяху выну въ церкви, хваляще и благословяще Бога.* Впрочемъ согласимся, что это не для всѣхъ. Церковь не требуетъ, чтобы всѣ вы отвергли ваши

домашнія дѣла: но желаетъ, чтобы всѣ привели въ порядокъ ваши дѣла душевныя. Дѣлайте ваши земныя дѣла во дни, которые всѣмъ Богъ для того предоставилъ: *шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя* (Исх. XX. 9.): хотя, правду сказать, между нами есть такіе, которымъ и шесть дней въ недѣлѣ не всѣ нужны для дѣлъ, и не всѣ на дѣла употребляются. Но я уже не оспориваю у васъ дней, которые предоставилъ вамъ Богъ. *Седьмый день Суббота Господу Богу твоему.* День Воскресный, день освященный для праздника, или для поста, долженъ рѣшительно и вполнѣ принадлежать Богу и его храму. По крайней мѣрѣ въ сей день будьте *выну въ церкви*, участвуйте, по возможности, во всякомъ Богослуженіи храма, и дома паче другихъ дней одушевляйте себя духомъ церковнымъ, духомъ молитвы и благоговѣнія къ Богу, возвышеніемъ сердца надъ всѣмъ земнымъ и мірскимъ. Если въ день праздничный церковь полна, домы пусты, улица и торжище безмолвствуютъ: вотъ прекрасный видъ Христіанскаго града, на который и отъ небеснаго града посмотрѣть не стыдно! Тогда благословеніе небесное, какъ *роса Аермонская на горы Сіонскія* (Псал. CXXXII. 3.), нисходитъ на храмъ, и на пребывающихъ въ немъ; отъ храма приносится ими въ домы; день праздничный благословляетъ дни работные, и дѣла человѣческія дѣлаются лучше и успѣшнѣе, потому что не пренебрежено дѣло Божіе, потому что освящена Суббота Божія. Но если и въ праздникъ къ утреннему Богослуженію храма не пускаетъ насъ лѣность и сонъ, къ дневному—неумѣстное дѣло мірское, къ вечернему—опять мірское веселіе, или лѣность и отвычка: отдаю на судъ вашей совѣсти, Христіанскіе ли это обычаи!

Господи! Даруй людемъ Твоимъ, на нихъ же наречеся имя Твое, духовно *возлюбити благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея* (Псал. XXV. 8.); да содѣлаются истинными чадами дому Твоего, *и въ кровъ крилу Твоею* не постыдно *надѣятися имутъ*; *да упіются отъ тука дома Твоего, и потокомъ сладости Твоея напоиши я* (Псал. XXXV. 8. 9.). Аминь.

## 13. СЛОВО

**По освященіи храма Святителя Іакова, въ первоклассномъ Ставропигіальномъ Іаковлевскомъ Монастырѣ, Іюня 14 дня 1836 года.**

Говорить ли мнѣ здѣсь? Тратить ли для сосѣдней нивы сѣмя слова, котораго запасъ въ моей малой копницѣ слишкомъ скуденъ для насѣянія участка земли, собственно мнѣ указаннаго Небеснымъ Земледѣльцемъ? Не дерзновенно ли отверзаю мои уста, здѣсь, гдѣ, кажется, еще не совсѣмъ замолкло духовное вмѣстѣ и витійственное слово Святителя Димитрія, гдѣ сильнѣе всякаго слова говорятъ дѣла его, и единочестныхъ предшественниковъ его, Іакова, Игнатія, Ісаіи, Леонтія,—не только учительныя дѣла святой и святительской жизни, но еще болѣе чудныя дѣла, совершаемыя среди гробоваго покоя? Не лучше ли въ благоговѣйномъ безмолвіи смотрѣть на сію, такъ давно святую землю, на сей древній вертоградъ и разсадникъ святыни и преподобія, гдѣ рано процвѣлъ Аврамій, откуда пересажденъ многоплодный добродѣтелями и дарованіями, многовѣтвистый учениками, Сергій, откуда Іовъ возрасъ до неизвѣстной прежде на Сѣверѣ высоты Патріаршества, гдѣ родоначальникъ Царей святительствовалъ, и готовился поддержать потрясенный первосвятительскій въ Россіи престолъ? И такъ умолкнуть? —

Но не само ли Слово Божіе изрекло законъ слова человѣческаго: *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Матѳ. XII. 34.)? Не хвалилось ли нѣкогда слово свободою искренности предъ Самимъ Богомъ: *се устнамъ моимъ не возбраню; Господи, Ты разумѣлъ еси; правду Твою не скрыхъ въ сердцѣ моемъ, истину Твою и спасеніе Твое рѣхъ, не скрыхъ милость Твою и истину Твою отъ сонма многа; благовѣстихъ правду въ церкви велицѣй* (Псал. XXXIX. 10. 11.)? Нѣтъ,

не возбраняйте устнамъ моимъ немощнымъ, сильные Богомъ служители и творцы слова, но паче, данною вамъ благодатію, врачуйте мою немощь, восполните мое оскудѣніе, какъ на не многія минуты настоящаго слова, такъ и на весь остатокъ моего недостойнаго служенія слову, если какой сохраняется еще мнѣ долготерпѣніемъ и благостію Небеснаго Пастыреначальника.

*Се устнамъ не возбраню. Отъ избытка сердца возглаголютъ уста* мои. Реку *истину Твою и спасеніе Твое*, Господи.

Благословенъ Богъ, Который даруетъ храмъ Свой человѣку! — Не подумайте, что я обмолвился. Точно, Богъ даруетъ храмъ свой человѣку, когда, повидимому, человѣкъ созидаетъ храмъ Богу. *Кій домъ созиждете Ми?*—вопрошаетъ Богъ чрезъ Пророка (Иса. LXVI. 1.). И человѣкъ не можетъ найти на сіе отвѣта. Какъ можно создать домъ Безконечному, Невмѣстимому? Какъ опредѣлить особое жилище Вездѣсущему и вся Исполняющему? Храмъ безъ присутствія Божества напрасно именовался бы храмомъ Божіимъ: но какъ ввести въ храмъ земный присутствіе Бога небеснаго, въ видимый невидимаго, въ вещественный высочайше духовнаго? Разумъ человѣческій, путемъ естественнаго разсужденія, не дошелъ бы до разрѣшенія сей задачи, какъ-бы ни сильно чувствовалъ потребность ближайшаго и удобнѣйшаго сообщенія съ Богомъ, яко источникомъ всякаго блага, если бы не разрѣшила оной премудрость Божія, въ тайнѣ сокровенная. Богъ безконечный Самъ примѣнилъ Себя къ мѣрѣ человѣка ограниченнаго; снизшелъ (не существомъ, а дѣйствіемъ) отъ вѣчности во время, отъ вездѣсущія въ мѣсто, явилъ свое присутствіе въ благодатныхъ знаменіяхъ и дѣйствіяхъ, какъ на примѣръ, Іакову въ видѣніи лѣствицы, соединяющей землю съ небомъ: и мысль объ особенномъ мѣстѣ присутствія Божія родилась, и домъ Божій основался, какъ сіе именно видно въ словахъ Іакова: *есть Господь на мѣстѣ семъ; страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная; и прозва Іаковъ имя мѣсту тому: домъ Божій* (Быт. XXVIII. 16. 17. 19.). Такъ *домъ Божій*, по благодати Божіей, явился между человѣками, сперва въ жертвенникахъ, потомъ къ скиніи Моисеевой, далѣе въ храмѣ Соломоновомъ, и наконецъ съ обиліемъ благодати является въ храмахъ Христіанскихъ.

Благословенъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ особеннымъ обиліемъ являющій милость Свою, и истину Свою, и спасеніе Свое, во храмахъ Новаго Своего Завѣта! Нѣкогда во всемъ мірѣ былъ одинъ только храмъ истиннаго Бога; но Господь нашъ и надъ храмомъ совершилъ нѣчто подобное притчѣ, которою изобразилъ Самаго Себя: *аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ; аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. XII. 24.). Судъ Божій надъ ветхозавѣтною Церковію повергъ на землю единственный въ мірѣ, Богоугодный нѣкогда и облагодатствованный храмъ, и ветхое зерно умерло: но вмѣсто того благодать Новаго Завѣта произрастила по всей землѣ безчисленные храмы Христіанскіе. Нѣкогда одинъ только Давидъ осмѣлился желать созданія храма, и одному только Соломону даровано исполнить сіе: какая же милость Господня, что нынѣ такъ невозбранно многіе, по мѣрѣ усердія, по благословенію Церковнаго Священноначалія, могутъ участвовать въ дѣлѣ Соломоновомъ, и одинъ человѣкъ можетъ соединить въ себѣ и Давидово желаніе и Соломоно исполненіе! Сколь щедро Зиждитель Христіанства разсыпаетъ по землѣ храмы новозавѣтные: столь же щедро полагаетъ въ нихъ сокровища благодати и спасенія. *Яже начатъ Іисусъ творити же и учити* (Дѣя. I. 1.) во храмѣ, въ Іерусалимѣ, по всей Іудеѣ и Галилеѣ, въ синагогахъ и домахъ, въ селеніяхъ и въ пустыняхъ,—не все ли сіе продолжается и повторяется въ нашихъ храмахъ посредствомъ чтенія Евангелія? Не преувеличиваю, когда говорю: продолжается и повторяется посредствомъ чтенія Евангенія; ибо это не просто слово и сказаніе, но вмѣстѣ сила и дѣйствіе, — слово, которое тогда, выходя изъ устъ Іисуса, на примѣръ, изгоняло бѣсовъ, и нынѣ, выходя изъ Евангелія, также ужасаетъ ихъ, караетъ и обращаетъ въ бѣгство. Чѣмъ дивна и не-

боподобна горница тайной вечери Господней, и домъ сошествія Святаго Духа: не тѣмъ же ли самымъ святы и наши храмы, куда еще приходитъ Христосъ пріобщать Своихъ Своего Тѣла и Крови, ибо пріобщеніе Тѣла и Крови Его конечно не можетъ быть въ Его отсутствіи; — гдѣ еще сходитъ Духъ Святый, освящая служителей слова и таинствъ, и тайнодѣйствія, ими совершаемыя, ибо какъ чрезъ рукоположеніе Апостольское продолжалось сошествіе Святаго Духа на рукополагаемыхъ, такъ и донынѣ въ рукоположеніи священства продолжается рукоположеніе Апостольское?

Благодарно благословимъ Господа и за то, что, даровавъ храмамъ новаго Своего завѣта высокую благодать своего Божественнаго, спасительно дѣйствующаго присутствія, благопромыслительно присовокупилъ къ тому посредствующій благодатный даръ — общеніе Святыхъ. Ибо если и въ небесной Іерархіи, какъ повѣдаютъ намъ Богопросвѣщенные созерцатели, не всѣ равно способны непосредственно принимать Божественный свѣтъ, но блаженные духи высшихъ чиновъ передаютъ оный блаженнымъ же духамъ низшихъ степеней; то кольми паче для насъ, сущихъ на земли, полезно и благопотребно быть можетъ, подъ единымъ верховнымъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ, Богочеловѣкомъ Іисусомъ, подчиненное благодатное посредничество Святыхъ, дабы всевышняя благодать Божія, часто неудобоосязаемая нами, по недостатку чистоты ума и возвышенія сердца, по отягченію духа плотію, по несообщимости высочайшей чистоты Божіей съ неочищеннымъ отъ грѣха естествомъ, — дабы благодать Божія сама нисходила къ нашей низости, и ближе приспособлялась къ частнымъ и постепеннымъ потребностямъ нашимъ, посредствомъ частныхъ и постепенныхъ дарованій, которыя Духъ Святый раздѣляетъ Святымъ. По сему-то, думаю, и въ семъ-то смыслѣ первенствующая Церковь *общеніе Святыхъ* явственно признавала членомъ вѣры, какъ то можно видѣть изъ нѣкоторыхъ древнихъ символовъ вѣры. По сему-то, думаю, и Апостолъ, какъ на важное преимущество Церкви Христіанской, указуетъ на ея общеніе съ Церковію небесною. *Приступисте*, говоритъ, *къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному и тьмамъ Ангеловъ, торжеству и Церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ* (Евр. XII. 22. 23.). Но если бы кто спросилъ насъ, когда же и гдѣ мы приступили, или приступаемъ къ торжествующей небесной Церкви, какъ является, и чѣмъ знаменуется наше съ нею общеніе: то сему испытанію не льзя удовлетворить очевиднѣе и простѣе, какъ развѣ указать на Христіанскій храмъ, справедливо и знаменательно называемый *Церковію*, не только по тому, что собираетъ въ себѣ Церковь земную, но и потому, что соединяетъ ее съ Церковію небесною. Въ немъ не только благоговѣйно чтится память Святыхъ, и призывается молитвенное ихъ предстательство съ такимъ постоянствомъ и порядкомъ, что, можно сказать, всѣ свѣтила духовнаго неба въ извѣстныхъ кругахъ времени обращаются окрестъ Церкви, сущей на земли; но и многоразличная благодать, данная Святымъ, какъ въ нѣкоей сокровищницѣ отъ всѣхъ временъ и мѣстъ собирается, неповрежденна сохраняется, щедро въ пользу всѣхъ и каждаго употребляется. Здѣсь даже донынѣ Духъ Святый ударяетъ въ струны Давидовой Псалтири, и оглашаетъ васъ ея Богодвижными звуками. Даже донынѣ Моисей, Анна, Аввакумъ, Исаія, Іона, Даніилъ, Захарія, воспѣваютъ съ нами свои пророческія пѣсни, и дышатъ на насъ духомъ своей молитвы. Даже донынѣ, каждый день, сама Пресвятая Дѣва отверзаетъ свое преисполненное Божественною любовію сердце къ нашему сердцу, и возглашаетъ свое превыше-серафимское величаніе Господа. Даже донынѣ Василій и Златоустъ влагаютъ въ наши священнослужащія уста свои священнодѣйственные глаголы. Даже донынѣ здѣсь Ефремъ поучаетъ, Дамаскинъ пѣснословитъ вмѣстѣ и богословствуетъ, Савва освященный управляетъ чиномъ Церковныхъ молитвословій, и — чтобы воспомянуть хотя одного и изъ нашихъ нѣкогда единоземцевъ, а теперь небожителей, видимо связующихъ земную Церковь съ небесною, — Димитрій еже-

дневною чредою призываетъ Святыхъ показать намъ для подражанія ихъ Богоугодную жизнь и подвиги. Что сказать о древнемъ священномъ установленіи полагать части тѣлесъ святыхъ Мучениковъ и другихъ Святыхъ въ наиболѣе священномъ мѣстѣ храма? Не представляется ли въ семъ осязательная точка благодатнаго соприкосновенія Церкви земной съ небесною, изъ коихъ одной принадлежитъ духъ праведника совершившагося, а другая еще обладаетъ его тѣломъ, не чуждымъ и духа, потому что оно оказываетъ дѣйствія въ высшемъ степени жизненныя, каковы суть цѣлебныя? Что сказать о другомъ Церковномъ обычаѣ, по которому храмъ, посвящаемый всегда собственно Богу, иногда приписуется имени одного изъ Святыхъ, какъ и освященный нынѣ храмъ приписанъ имени Святителя Іакова? Просто ли это обычай? Для различенія ли только и памяти наименованіе?—Нѣтъ. Богомудрые установители Церковныхъ обычаевъ не могли дѣйствовать безъ мысли; въ Церкви нѣтъ ничего не значущаго. Во всѣхъ явленіяхъ ея живетъ сокровенная благодатная сила; во всякомъ словѣ изрекается духъ. Если мы при освященіи наименовали храмъ сей храмомъ Святителя Іакова: то симъ самымъ поручили ему храмъ, благоговѣйно пригласили сего Святителя быть его покровителемъ и начальникомъ; и Святитель, живущій въ Богѣ человѣколюбцѣ, по человѣколюбію, безъ сомнѣнія, не отрекся отъ сего приглашенія. Какое утвержденіе храму! Какая помощь намъ немощно и недостойно служащимъ! Какое утѣшеніе вамъ предстоящимъ! Праведникъ совершенный невидимо настоятельствуетъ здѣсь посреди насъ; онъ, какъ достойный, пространнѣе отверзаетъ токи благодати, болѣе или менѣе преграждаемые нашимъ недостоинствомъ; онъ подкрѣпляетъ наше немощное служеніе, и дополняетъ недостатки онаго; онъ возноситъ и неокриленныя молитвы наши и ваши, въ пренебесный жертвенникъ Божій. Благословенъ Богъ, дивный во Святыхъ своихъ!

Наконецъ, братія святаго храма сего и обители сея, благодарственно благословимъ Бога и за сей собственно новосозданный храмъ: ибо *аще не Господь созиждетъ, всуе трудишася зиждущіи* (Пс. CXXVI. 1.). Онъ благословляетъ начинаніе, и даруетъ совершеніе. Онъ, владыка сердецъ Ему предающихся, и не имѣющую въ нашемъ храмѣ нужды руку движетъ на помощь вашей нуждѣ. Онъ и благоугодность дѣла, и благопріятіе приношеній, и благопромышленіе о нашемъ спасеніи запечатлѣлъ ново-ниспосланнымъ освященіемъ.

Скрою ли и остальное въ сердцѣ моемъ? — *Благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его* (Пса. CII. 1.). Благословени вы Господеви, Святителіе Іакове и Димитріе, благословеніемъ и молитвами вашими сподобившіе меня не только приппасти къ святынѣ вашей, но и священнослужить подъ вашимъ священноначаліемъ.

Всѣмъ же слышавшимъ теперь мои малыя помышленія о великой и многоразличной благодати Божіей во храмѣ, говорю словомъ Апостольскимъ: *да имамы благодать*, столь щедро намъ подаваемую; и *ею да служимъ благоугодно Богу, со благоговѣніемъ и страхомъ* (Евр. XII. 28.). Аминь.

## 14. СЛОВО

**По освященіи храма Преображенія Господня, что на Ордынкѣ, Сентября 20 дня 1836 года.**

*Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми? Чашу спасенія пріиму, и имя Господне призову.* Пс. CXV. 3. 4.

Если вѣрный подданный приноситъ Царю даръ отъ своего усердія, и даръ его пріемлется: кто, думаете, въ семъ случаѣ одолженъ и осчастливленъ, пріемлющій, или приносящій?—Думаю: приносящій. Ибо частное приношеніе частнаго человѣка можетъ ли быть важно для Царя, обладающаго всѣмъ? Напротивъ очень важно для усерднаго подданнаго снисхожденіе и благоволеніе Царя, изъявляемое пріятіемъ дара. Кольми паче, когда вѣрный рабъ Божій, отъ своего благоговѣнія приноситъ даръ Богу, Который

въ дарахъ нашихъ не имѣетъ никакой нужды, Который есть всевластный Владыка даровъ нашихъ и прежде ихъ приношенія, предъ безконечнымъ величествомъ Котораго всѣ тварные дары безмѣрно малы и ничтожны; — по справедливости долженъ думать приносящій, что не онъ одолжаетъ Бога, но что Богъ даруетъ ему милость, благодѣяніе, счастіе, сподобивъ его благодатію воспріять благоговѣйное желаніе, давъ провидѣніемъ Своимъ средства исполнить оное, и отъ пренебесной высоты крайнимъ снисхожденіемъ призрѣвъ на приношеніе земнороднаго.

Что и одно желаніе создать храмъ имени Божію есть благоугодный Богу даръ, сіе изъ устъ Самого Бога знаемъ мы чрезъ Давида и Соломона, который говоритъ: *и рече Господь къ Давиду отцу моему: понеже взыде на сердце твое, еже создати храмъ имени Моему, добрѣ сотворилъ еси, яко бысть на сердцы твоемъ* (3 Цар. VIII. 18.). Итакъ, кто сподобился не только имѣть на сердцѣ подобное желаніе, но и самымъ дѣломъ принести Богу подобный даръ: тотъ да взираетъ на даръ свой Богу, какъ на даръ себѣ отъ Бога, съ кроткимъ чувствомъ своего благополучія, съ чистою радостію, со смиреннымъ благодареніемъ Богу, Который единъ великодаровитъ и въ ниспосланіи даровъ человѣку, и въ пріятіи даровъ отъ человѣка.

Но не сіи ли же чувствованія приличествуютъ и всѣмъ, участвующимъ въ торжествѣ храма, Богу посвящаемаго, и Богомъ освящаемаго? Ибо храмъ Божій есть общій даръ Божій человѣкамъ, или, точнѣе сказать, великая сокровищница многоразличныхъ даровъ и благодѣяній Божіихъ человѣкамъ, какъ-то: духовнаго просвѣщенія, очищенія, исцѣленій, утѣшенія, возрожденія въ новую жизнь, питанія, возращенія, укрѣпленія сей новой жизни, всякаго благословенія, всякой силы, помощи, защиты, общенія съ Богомъ мысленнаго, сердечнаго, тайнодѣйственнаго, не рѣдко, по вѣрѣ и благопотребности, даже чудеснаго. И потому, когда съ новымъ храмомъ Господь даруетъ намъ новый ключь, отверзаетъ новую дверь къ толикимъ сокровищамъ Своея благодати: кто внимательный не воскликнетъ съ Давидомъ: *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми?*

Если подлинно, братія, ваше сердце, возбуждаемое къ благодарности за благодѣянія Божіи, изрекло теперь Давидовъ вопросъ: *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми?* то примите къ сердцу и Давидовъ на сіе отвѣтъ: *чашу спасенія пріиму, и имя Господне призову*.

Чудно! Желая благодарить Бога, что хочетъ онъ дѣлать? — *Чашу спасенія пріиму!* Но если онъ хочетъ въ изъявленіи благодарности Богу поступить, какъ обыкновенно въ его время поступали, *во дворѣхъ дому Господня, посредѣ Іерусалима* (Псал. CXV. 10.); то не свойственнѣе ли было бы ему сказать: принесу *жертву спасенія*, или *всесожженіе* тельца или овна? Какую вмѣсто того хочетъ онъ *принять чашу спасенія*? Левитскій законъ именно предписываетъ *жертву спасенія* (Лев. III. 1.) отъ говядъ, или отъ овецъ, или отъ козловъ: а наименованія *чаши спасенія* нѣтъ въ Левитскомъ уставѣ. Если между служебными сосудами храма Іерусалимскаго и упоминается о чашахъ: но не въ числѣ предметовъ первостепенной важности. Что-жъ? Не ужели Пророкъ не зналъ, что должно дѣлать, или на что обратить преимущественное вниманіе въ установленномъ Богослуженіи? Кто можетъ сіе подумать о Пророкѣ? Что жъ такое говоритъ онъ: *чашу спасенія пріиму?* — Мы поймемъ сіе, братія, если представимъ себѣ, что Давидъ сказалъ сіе именно, какъ Пророкъ, а не просто, какъ благодарный предъ Богомъ пѣснопѣвецъ. Тогда, какъ его сердце возжелало принести благодарственное служеніе Богу, духъ Пророческій пронесъ его сквозь тѣни и образы ветхозавѣтные къ новозавѣтной истинѣ, мимо храма Іерусалимскаго въ горницу Сіонскую; показалъ ему Господа, учреждающаго совершеннѣйшее благодарственное Богослуженіе, далъ узрѣть въ рукѣ Его таинственную чашу; далъ услышать слово Его: *сія чаша новый завѣтъ Моею кровію, яже за вы проливается* (Лук. XXII. 20.); восторженный Пророкъ воспламенился желаніемъ сдѣлаться причастникомъ грядущаго таинства, и воскликнулъ въ древнемъ Іеруса-

лимѣ, какъ будто здѣсь нынѣ съ нами предъ Святою чашею: *чашу спасенія пріиму!*

Дивлюсь тебѣ, святый Пророче, который *по вѣрѣ умеръ, не пріявъ обѣтованій*, намъ Христіанамъ предоставленныхъ, но тѣмъ не менѣе *издалеча видѣвъ я, и цѣловалъ* (Евр. XI. 13.).

Обращаясь же къ намъ самимъ, дивлюсь и скорблю, и даже ужасаюсь, помышляя, какъ святый Пророкъ, изъ отдаленія вѣковъ, стремился свою предъ Богомъ благодарность ознаменовать общеніемъ дарованнаго намъ таинства; и какъ напротивъ многіе изъ насъ, стоя при самыхъ дверяхъ сего таинства, предъ самою Святою чашею, не имѣютъ сердечной жажды, не хотятъ сказать съ рѣшительнымъ стремленіемъ духа: *чашу спасенія пріиму*, пріобщусь и я.

Слышите ли, что глаголетъ Господь, учреждая Свою Божественную трапезу? — *Пріимите, ядите* (Мар. XIV. 22.). Не довольно ли было бы сказать: *вкусите*; дабы можно было разумѣть, что довольно вкусить отъ трапезы Господней хотя однажды, или причащаться ея иногда, при особенной нуждѣ, подобно какъ употребляютъ врачевство; ибо трапеза сія и дѣйствительно заключаетъ въ себѣ могущественное врачевство для душъ и тѣлесъ; и могущество его, какъ Божественное, такъ велико, что *аще кто снѣстъ отъ хлѣба сего* и единожды, сего можетъ быть достаточно, да *живъ будетъ во вѣки* (Іоан. VI. 51.). Но нѣтъ! Господь предложилъ намъ Тѣло Свое не для единократнаго, или не частаго и случайнаго употребленія, какъ врачевство, но для питанія постояннаго и всегдашняго: *ядите*. Если бы Тѣло Христово предложено было намъ только какъ врачевство: и тогда, братія, надлежало бы намъ самимъ просить позволенія употреблять врачевство сіе чаще, подобно какъ часты наши немощи, особенно душевныя. Но когда Господь даровалъ намъ оное, какъ насущный хлѣбъ, по слову Его: *хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть* (Іоан. VI. 51.): то чрезъ сіе самое не только позволилъ, но и повелѣлъ, чтобы мы часто приступали къ Его трапезѣ. Мы не оставляемъ себя на долго безъ хлѣба обыкновеннаго, зная, что иначе ослабѣютъ наши силы, и жизнь тѣлесная продолжаться не можетъ: какъ же не боимся мы надолго оставлять себя безъ хлѣба животнаго, небеснаго, Божественнаго?

Вслушайтесь еще въ другое учредительное слово Господне, именно о Святой чашѣ: *пійте отъ нея вси* (Мат. XXVI.) Не пропустимъ безъ вниманія малаго слова: *вси*: ибо въ каждой чертѣ слова Божія скрывается свѣтъ, въ каждомъ звукѣ премудрость. Господь не сказалъ о таинственномъ хлѣбѣ: *пріимите, ядите* вси: и праведно, ибо нѣкоторые не могутъ ясти, на примѣръ, младенцы. Но о таинственной чашѣ сказалъ: *пійте отъ нея вси*, и такимъ образомъ устранилъ всякое исключеніе, разумѣется для пребывающихъ въ вѣрѣ и единеніи Церковномъ. Примѣчайте же, какъ отступаютъ отъ точности заповѣди Господней тѣ, которые не допускаютъ до святыхъ таинъ младенцевъ и малолѣтнихъ до извѣстнаго возраста; и какъ напротивъ вѣрна слову Господню Православная Церковь, когда она и младенцамъ подаетъ Святую чашу, да *піютъ отъ нея вси*, даже и тѣ, которые могутъ только *пити*, не имѣя крѣпости, чтобы *ясти*. Еще болѣе достойно примѣчанія, какъ Господь при первомъ преподаніи Святыя чаши, въ то же время обличаетъ ея отъятіе у народа, — нововведеніе позднихъ вѣковъ. Не знаю, чему здѣсь болѣе дивиться, многоразличной ли премудрости слова Божія, или дерзости мудрованія человѣческаго противъ яснаго слова Божія. Господь видитъ, что подаваемую Имъ чашу жизни самочиніе захочетъ похитить у меньшихъ братій Его; и предварительно поставляетъ преграду противъ сей дерзости опредѣлительнымъ повелѣніемъ: *пійте отъ нея вси*. Но самочиніе не внемлетъ; нѣтъ, *не вси*, говоритъ оно, простолюдины не должны причащаться отъ чаши. — Благословимъ, братія, Бога, что мы принадлежимъ къ Православной Церкви, которая непричастна сему самопроизвольному мудрованію, но съ вѣрнымъ послушаніемъ слову Христову всѣмъ вамъ предлагаетъ святую чашу: *пійте отъ нея вси*. Но чѣмъ болѣе утѣшаюсь я вѣрностію, съ которою возлюбленная матерь наша святая Церковь соблюдаетъ законоположительное слово Господа своего: тѣмъ съ большею

заботою смотрю на неточность и недѣятельность, съ которою то же слово Господне пріемлютъ многія чада Церкви. Тайная вечеря и здѣсь та же, какъ въ Сіонской Горницѣ; тотъ же Господь и нынѣ учреждаетъ ее; вы слышите собственное слово Его чрезъ уста священнодѣйствующаго: *пійте отъ нея вси*; вскорѣ послѣ сего священныя врата отверзаются, является служитель таинства, чтобы пригласить васъ къ исполненію повелѣнія Христова: *пійте отъ нея вси*; онъ зоветъ васъ: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите.* Но вы—приступаете ли *вси?*— Долготерпѣливе Господи! —часто, ни одинъ.—Не смущайтесь много; не укоряя, говорю сіе; знаю, что въ васъ это не дерзость самочинія, но недостатокъ дерзновенія въ вѣрѣ; что вы поступаете по обычаю, отъ предковъ принятому, вѣками распространенному: но будьте безпристрастны; сличите вашъ обычай съ заповѣдію Христовою: не можете не признать, что обычай могъ бы точнѣе слѣдовать заповѣди; что можно бы вамъ дѣятельнѣе исполнять слово Христово. Въ начальные вѣка Христіанства хожденіе въ воскресные и праздничные дни въ Церковь, и пріобщеніе Святыхъ таинъ составляло для вѣрныхъ одну почти нераздѣльную обязанность; такъ что есть церковныя правила, которыя осуждаютъ *ходящаго въ церковь* и *исходящаго вонъ* безъ *святаго причащенія* (Апост. Прав. 9. Антіох. Соб. прав. 2.). Вотъ обычай, очевидно болѣе совершенный, нежели нынѣшній! Что же касается до тѣхъ, которые ниже одинъ разъ въ годъ не приступаютъ къ Трапезѣ Господней, или совсѣмъ чуждаются ея: судъ ихъ написанъ въ Евангеліи: *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его; живота не имате въ себѣ* (Іоан. VI, 53.).

Не промолчимъ того, что говорятъ обыкновенно въ свое оправданіе рѣдко приступающіе къ Святымъ Тайнамъ: мы недостойны; мы не готовы. Мысль сія иногда подлинно происходитъ отъ смиренія; и тогда она конечно не повредитъ союзу сихъ душъ со Христомъ, подобно какъ сему не повредило смиренное чужденіе Петрово: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи* (Лук. V. 8.). Но надлежитъ осматриваться, чтобы подъ благовиднымъ покровомъ имени смиренія не притаилась наша холодность къ вѣрѣ, и нерадѣніе о исправленіи жизни. Ты не готовъ: не лѣнись, приготовься. Ты недостоинъ: недостоинъ и ни одинъ человѣкъ общенія со Всесвятымъ, потому что ни одинъ не безгрѣшенъ; но какъ всякому, такъ и тебѣ предоставлено вѣровать, каяться, исправляться, быть прощену, и уповать на благодать Спасителя грѣшниковъ и Взыскателя погибшихъ. Ты говоришь, что недостоинъ: напрасно ты пріемлешь на себя чужую должность; удостоить или не удостоить тебя таинства есть долгъ тайнодѣйствователя, а не причастника. Ты недостоинъ: согласимся, что это правда. Что же далѣе? Не ужели ты хочешь и оставаться недостойнымъ? Если ты безпечно оставляешь себя недостойнымъ общенія со Христомъ на земли: не подвергаешь ли ты себя явной опасности остаться недостойнымъ общенія съ Нимъ на небеси? Но если ты страшишься своего недостоинства, и хочешь отъ него избавиться: то избавишься ли, удаляя себя отъ Христа, отъ Его благодати, отъ Его силы, отъ Его жизни? Не лучше ли, посильно исправляя свое недостоинство, прибѣгать ко Христу въ таинствѣ, чтобы принимать отъ Него помощь и силу къ болѣе совершенному исправленію и преуспѣянію въ благоугожденіи Богу?

Христіане! Щедро и великодаровито, почти всегда и повсюду, Господь отверзаетъ для насъ храмъ Свой, уготовляетъ Свою Трапезу, призываетъ къ Своей Вечери. Надобно стыдиться неблагодарнаго на милостивое приглашеніе отзыва: *имѣй мя отречена* (Лук. XIV. 18.). Надобно страшиться приговора: *званніи не быша достойни* (Мат. XXII. 8.). Да возбуждаемъ себя, чтобы, какъ можно, не рѣдко приступать къ Трапезѣ Господней, со внимательнымъ очищеніемъ себя отъ всякія скверны плоти и духа, со страхомъ своего недостоинства, но съ вѣрою въ благодать, съ сердечнымъ алканіемъ и жаждою любви къ сладчайшему Іисусу, Котораго плоть и кровь есть истинный хлѣбъ жизни, и единственная чаша спасенія. Аминь.

## 15. СЛОВО

**Въ день обновленія храма Воскресенія Христова, что въ барашахъ, Сентября 13 дня 1837 года.**

*Быша же тогда обновленія во Іерусалимѣхъ.* Іоан. X. 22.

И нынѣ Православная Церковь празднуетъ обновленіе храма; и сей храмъ въ особенности, благодаря усердію Христолюбивыхъ душъ, торжествуетъ свое обновленіе. Отъ чего сей праздникъ, и къ чему онъ служить долженъ? — Ибо всякое учрежденіе Церковное должно быть утверждено на святомъ основаніи; должно имѣть цѣлію благо духовное. Праздникъ безъ основанія и безъ пользы, былъ бы не достоинъ не только мудрости Христіанской, но и простаго благоразумія человѣческаго. Обычай торжественно совершать обновленіе храма, и даже торжественно воспоминать совершеніе онаго, имѣетъ свое основаніе въ примѣрахъ глубокой и священной древности.

Когда явленіе Господа Іакову во снѣ надъ лѣствицею, соединяющею землю съ небомъ, подало ему первую, можетъ быть, на земли мысль о мѣстномъ присутствіи невмѣстимаго Бога: *есть Господь на мѣстѣ семъ* (Быт. XXVIII. 16.); и когда Іаковъ назвалъ мѣсто сіе *домомъ Божіимъ:* тогда онъ, одинокій странникъ, съ посохомъ въ рукѣ, и съ дорожнымъ запасомъ хлѣба и масла на плечахъ, конечно не могъ воздвигнуть сей домъ Божій въ огромномъ и великолѣпномъ видѣ; однако, еще будучи въ духѣ Богособщенія, побужденъ былъ, по крайней мѣрѣ вмѣсто олтаря, поставить камень, на которомъ спалъ, и возлить на него елей, какой имѣлъ съ собою. Что жъ это такое, какъ не опытъ безкровнаго олтаря, неожиданный во времена кровавыхъ жертвъ, и его обновленіе, посредствомъ помазанія, — дѣйствіе, которое и нынѣ видите вы въ мνропомазаніи олтаря, при освященіи храма Христіанскаго?

Послѣ того, какъ Моисей, по повелѣнію Божію, воздвигнулъ скинію свидѣнія, то есть, подвижный храмъ въ походномъ станѣ странствующаго народа Израильскаго, въ книгѣ Числъ о торжественномъ обновленіи сего храма пишетъ онъ слѣдующее: *и бысть въ день, въ оньже сконча Моисей, яко же поставити Скинію, и помаза ю, и освяти ю, и вся сосуды ея, и олтарь, и вся сосуды его, и помаза я, и освяти я, и приведоша Князи Израилтестіи — дары своя предъ Господа* (VII. 1—3.). И здѣсь видимъ помазаніе, но уже помазаніе не простымъ елеемъ, какъ у Іакова по нуждѣ, а мνромъ благоуханнымъ, по особенному повелѣнію Божію устроеннымъ, и назначеннымъ единственно для освящающаго помазанія, притомъ помазаніе не олтаря только, но и храма, съ его принадлежностями. Подобно сему и въ освященіи Христіанскаго храма видите вы не только помазаніе олтаря, но и помазаніе храма, крестообразно по четыремъ странамъ свѣта.

Когда вмѣсто скиніи созданъ былъ неподвижный храмъ во Іерусалимѣ: для обновленія онаго *сотвори Соломонъ праздникъ въ той день, и весь Израиль съ нимъ, соборъ велій* (3 Цар. VIII. 65.). Поелику въ сей новый храмъ должна была переселиться древняя святыня скиніи, Кивотъ завѣта Господня, который особенно представлялъ присутствіе Божіе: потому особенное дѣйствіе въ торжествѣ обновленія было то, что *внесоша Іереи кивотъ завѣта Господня на мѣстѣ его, во святая святыхъ, подъ крила Херувимовъ* (VIII. 6.). Сему при обновленіи Христіанскаго храма соотвѣтствуетъ торжественное внесеніе въ оный священныхъ останковъ святыхъ Мучениковъ или другихъ Святыхъ прославленныхъ, чрезъ которое представляется вступленіе въ оный Самого Царя славы, Іисуса Христа, во Святыхъ почивающаго.

Можно сказать, что обновленіе скиніи Моисеевой и храма Соломонова, не только служители святыни и народъ, но и Самъ Богъ торжествовалъ, исполнивъ святилище славою Своею въ подобіи облака, и ниспославъ небесный огнь на жертвы. Не позавидуемъ ли мы сей чудесной торжественности? — Да не будетъ. Тогда были времена видимыхъ образовъ и знаменій.

4*

Нѣмъ сказано: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX. 29.). И теперь свѣтлый облакъ благодати Божіей осѣняетъ не очи, но сердца вѣрующихъ; и теперь огнь любви Божественной воспаляетъ, не агнцевъ, но сердца кроткихъ; и вѣдаютъ опытно достойные, хотя не видятъ недостойные.

И чудесно обновленный храмъ Іерусалимскій разрушенъ, не столько враждебною силою Вавилонянъ, сколько гибельнымъ преобладаніемъ грѣховъ народа Іудейскаго. Но послѣ возвращенія его изъ плѣненія Вавилонскаго, паки новый храмъ, и паки *сотвориша сынове Израилевы, священницы и Левиты, и прочіи сынове преселенія обновленіе дому Божія въ радости* (1 Езд. VI. 16.).

Потомъ, когда и въ семъ храмѣ, хотя не разрушенномъ, но обнаженномъ отъ святыни Сирійцами, надлежало, и оказалось возможнымъ, вновь устроить святые сосуды и жертвенникъ, опять вси людіе *сотвориша обновленіе олтаря дній осмь, и принесоша всесожженія съ веселіемъ* (1 Мак. IV. 56.). Чѣмъ безнадежнѣе было предъ симъ состояніе Іудеевъ; тѣмъ сіе событіе было радостнѣе, и достойнѣе всегдашней предъ Богомъ благодарности: а потому *и устави Іуда и братія его, и весь соборъ Израилевъ да празднуются дніе обновленія олтаря во времена своя на всяко лѣто* (50.).

И вотъ праздникъ обновленія, о которомъ упоминаетъ Святый Евангелистъ Іоаннъ: *быша же тогда обновленія во Іерусалимѣхъ, и зима бѣ; и хождаше Іисусъ въ Церкви, въ притворѣ Соломони.* Изъ сего повѣствованія видно, что Самъ Іисусъ Христосъ уважилъ праздникъ обновленія, и посѣтилъ храмъ ради праздника, хотя время не благопріятствовало празднику: *зима бѣ*, и, что гораздо хуже воздушной непогоды, *зима бѣ невѣріа*, какъ дополняетъ Святаго Іоанна Богослов Святый Григорій Богословъ.

Послѣ того, какъ ветхозаконный праздникъ обновленія во Іерусалимѣ украшенъ и возвышенъ, поелику на немъ, — скажу опять словами Григорія Богослова — *Іисусъ присутствоваше, Богъ сый и храмъ, Богъ вѣчный, храмъ новый, единодневно разрушаемый, и тридневно возставляемый, и пребывающій во вѣки;* — послѣ сего неудивительно, и понятно то, что и въ Христіанскомъ мірѣ явилась подобная мысль, обновленіе храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ сдѣлать общимъ, ежегоднымъ праздникомъ вселенской Церкви. Надобно при семъ вспомнить, что языческая злоба, стараясь истребить Христіанство, и самые слѣды его на землѣ, святыя мѣста распятія, погребенія и воскресенія Господня, не только сдѣлала недоступными благоговѣнію Христіанъ, засыпавъ землею и камнями, но и поругала поставленіемъ на нихъ идоловъ. Какая же была, по долгой скорби, радость Христіанъ, когда святая Елена идоловъ сихъ низвергла, святыя мѣста открыла, истинный Крестъ Господень обрѣла, Голгоѳу и пещеру гроба Господня объяла однимъ обширнымъ храмомъ! Матерь Церквей передала сію радость Церквамъ всѣхъ мѣстъ и временъ, и всѣ онѣ приняли ее, въ праздникѣ обновленія сего храма. Иногда подражали сему и другіе храмы, ежегодно празднуя день обновленія своего: но нынѣ воспоминательный праздникъ обновленія храма обыкновенно скрывается въ празднованіи дня имени храма, болѣе извѣстнаго, и потому болѣе способнаго къ общественному торжеству.

Таково, братія, происхожденіе и послѣдовательное образованіе Церковнаго обычая и чинв священныхъ обновленій. Предложенныя вамъ воспоминанія и соображенія должны поставить васъ въ благоговѣйное вниманіе къ настоящему празднику.

Но то, къ чему благоговѣемъ, если подлинно достойно благоговѣнія, должно быть для насъ и благотворно. Какое же благо долженъ принести намъ праздникъ обновленія?

Священнодѣйствіе обновленія приноситъ храму благодать освященія, по которой онъ изъ простой храмины становится домомъ и жилищемъ Божіимъ, хранилищемъ всякаго благословенія и освященія для вѣрующихъ и для приступающихъ къ вѣрѣ. Для сего собственно назначенъ чинъ освященія хрвма: но это не все.

Праздственное воспоминаніе обновленіа храма исповѣдуетъ благодѣяніе освященія,

и славу Бога Освятителя. Достойно и праведно! Только и это еще не все.

Что жъ еще?—*И сами, яко каменіе живо, зиждитеся въ храмъ духовенъ* (1 Петр. II. 5.), взываетъ ко всѣмъ Христіанамъ, слѣдственно и къ намъ, Апостолъ. А другой Апостолъ и видитъ уже въ Христіанахъ то, чего сей требуетъ, *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III. 16.)? Должно и намъ, Христіане, достигать сего, если еще не достигли. О семъ своею торжественностію напоминаетъ намъ, къ сему призываетъ насъ праздникъ обновленія храма.

Но пусть вамъ и мнѣ говоритъ о семъ древняя Церковная книга: *обновляемся же и мы, суще Церкви Бога живаго, ветхаго отлагающе человѣка, въ новаго же облекающеся, уклонимся отъ обетшавшихъ въ насъ, золъ нашихъ, и сотворимъ благая дѣла, въ новости жизни ходити начеише; да якоже человѣцы рукотвореннаго, сице Ангели нерукотвореннаго душевнаго нашего храма празднуютъ обновленіе: радость бо бываетъ на небеси Ангеломъ о грѣшницѣ, покаяніемъ обновляющемся* (Пролог. Сент. 13.).

Легко ли, скажутъ иные, отложить цѣлаго *человѣка ветхаго?* Легко ли сдѣлаться совсѣмъ *новымъ человѣкомъ?* — Положимъ, что не легко; но если сіе достигнуто многими, то и намъ возможно. Не легко; но нужно для нашего спасенія: развѣ лучше погибнуть, когда это не такъ трудно? Не легко дѣло обновленія: но и дѣла ветхаго человѣка развѣ не имѣютъ своихъ трудностей? Не легко, для лѣниваго, для опирающагося на собственныя силы: но не слишкомъ трудно для ревностнаго, и очень не трудно для вѣрующаго въ помощь Божію, всегда готовую. Не должно преувеличеніемъ трудностей питать лѣность и малодушіе. Малыя плинѳы кладутъ одну по другой, и созидаютъ огромный храмъ: подобно сему назидай твою душу, какъ можно, непрерывно, посильными благими помышленіями, благими желаніями, благими дѣлами, и весь созиждешься въ храмъ духовенъ. Старайся каждый день отложить что нибудь ветхое, и воспріять новое: и наконецъ явишься всецѣло и вѣчно новымъ. Если вчера ты заботился только о плоти, которая ежедневно ветшаетъ, и рѣшительно изветшаетъ во гробѣ: позаботься нынѣ о духѣ, который страждетъ отъ ветхости твоей, и вѣчно можетъ страдать отъ нея, если не потрудишься надъ твоимъ обновленіемъ. Если вчера ты наслаждался вкусомъ избранныхъ яствъ: испытай нынѣ вкусъ простой снѣди, приправленной продолжительнымъ воздержаніемъ. Если вчера хвалилъ ветхое вино: предпочти сего дня новую воду. Если вчера блисталъ украшеніями: узнай сегодня, что несравненно покойнѣе простая, неизысканная одежда. Если вчера думалъ о корысти: нынѣ подумай о милостынѣ. Если вчера былъ любителемъ зрѣлищъ: нынѣ возлюби Церковныя собранія. Если вчера въ книгахъ празднословныхъ *поучался тщетнымъ* (Ис. II. 1.): начни нынѣ *испытывать писанія* (Іоан. V. 39.) Богомудрыя. Если сдѣлалъ и доброе дѣло: не останавливайся на немъ, чтобы не обветшило его самохваленіе и тщеславіе, *но задняя забывая, въ предняя простирайся* (Филип. III.15.), къ новымъ подвигамъ и добродѣтелямъ. Если тебѣ нравилось казаться добрымъ: не ищи болѣе казаться, но будь. Новый человѣкъ не мечта, не призракъ, но истина, существенность; не въ чужихъ глазахъ долженъ онъ жить, но въ твоей внутренности: *потаенный сердца человѣкъ, въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа, еже есть предъ Богомъ многоцѣнно* (I Петр. III. 4.). Долго ли суетиться для людей, для міра? Надобно наконецъ жить для Бога. Только живя для Бога, содѣлаемся мы храмомъ Божіимъ, и будетъ жить въ насъ Богъ, и мы въ немъ будемъ жить и блаженствовать во вѣки. Аминь.

## 16. СЛОВО

По освященіи храма Живоначальныя Троицы въ Московскомъ Даниловѣ Монастырѣ, Сентября въ 13-й день 1838 года.

---

*Хвалю же вы, братіе, яко вся моя помните и якоже предахъ вамъ, преданія держите.* 1 Кор. XI. 2.

Святый Апостолъ Павелъ, преподавая Коринѳскимъ Христіанамъ спасительныя наставленія, хвалитъ ихъ за то, что вѣрно сохраняютъ преданія. Какія это преданія?—Сіе можно усмотрѣть изъ тѣхъ его изреченій, которыми онъ напоминаетъ и дополняетъ преданія. Онъ говоритъ, что *мужъ не долженъ есть покрывати главу* во время молитвы: вотъ дополненіе преданія, которое показываетъ, что сему предшествовало преданіе о церковной молитвѣ. Далѣе говоритъ онъ: *еда домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о Церкви Божіей нерадите?* Сіе обличеніе случайнаго безпорядка и неблагочинія въ Церкви показываетъ, что сему предшествовало преданіе о святости Церкви, по которой она совсѣмъ не то, что простой домъ, и требуетъ благоговѣйнаго вниманія. Съ особенною же ясностію, какъ на предметъ преданія, указываетъ Апостолъ на таинство Тѣла и Крови Христовы, когда говоритъ о семъ: *азъ пріяхъ отъ Господа и предахъ вамъ.* Такимъ образомъ оказывается, что Апостолъ хвалитъ Коринѳскихъ Христіанъ за соблюденіе преданій о церковной молитвѣ, о святости храма, о Божественной литургіи.

Взирая на сей храмъ, благолѣпно устроенный, и нынѣ благодатію Божіею освященный, помышляя, что сіе сдѣлано не по какому либо требованію, или необходимости, но по свободному усердію къ Богу и святынѣ Его, по желанію, чтобы здѣсь непрерывно совершались церковныя молитвы, и приносима была безкровная жертва о душахъ живущихъ и преставльшихся, и чтобы мѣсто печальныхъ воспоминаній превратилось въ сокровищницу благодатныхъ и спасительныхъ утѣшеній, — хвалю въ душѣ моей предпріявшихъ и совершившихъ сіе Богоугодное дѣло. Но поелику похвала моей мѣрности не была бы для нихъ наградою, какой имъ желаю: то призываю на помощь святаго Апостола Павла, показую ему дѣло, подобное тому, что похвалилъ онъ въ Коринѳянахъ, и молю его преподать свою Апостольскую похвалу и благословеніе и здѣшнимъ братіямъ. *Хвалю вы, братіе, яко вся Апостольская помните, и якоже предаша* вамъ Богоносніи Отцы, *преданія держите.*

Заслужить Апостольскую похвалу за вѣрное соблюденіе истинныхъ преданій должно быть желательно всякому сыну Церкви. И такъ вниманія каждаго достойно ученіе о преданіяхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ученіе Христіанское заключено въ священныя книги, Святая Церковь, для вѣрнаго и неизмѣннаго сохраненія сего ученія, имѣетъ обычай и правило, не только мысли сего ученія на непреложномъ свидѣтельствѣ Богодухновеннаго Писанія утверждать, но и самыя слова и выраженія, для означенія важнѣйшихъ предметовъ и частей ученія заимствовать изъ того же чистаго источника Писанія. Такъ, если тщательно разберете Сѵмволъ Православныя Вѣры, и сличите его съ священнымъ Писаніемъ: то найдете, что Святые Отцы Никейскаго и Константинопольскаго Вселенскихъ Соборовъ изобразили въ немъ догматы Вѣры не своими словами и выраженіями, но взятыми изъ Священнаго Писанія, и такимъ образомъ Сѵмволъ Вѣры имѣетъ для насъ сугубую важность; ибо не только въ немъ изрекаютъ истину Отцы Церкви, но и само Священное Писаніе, само слово Божіе говоритъ ихъ устами. Подобно сему и въ ученіи о преданіяхъ самое сіе понятіе, и самое наименованіе *преданія* заимствуется изъ Священнаго Писанія, какъ уже и показали мы отчасти изъ словъ Святаго Павла.

Но главнѣйшимъ основаніемъ сего ученія можно принять слѣдующее изреченіе того же Апостола: *пѣмже убо братія, стойте и держите преданія, имже научистеся, или словомъ, или посланіемъ нашимъ.* 2 Сол. II. 15.

Вотъ вмѣстѣ, и ученіе для разумѣнія, и ученіе для исполненія, и заповѣдь о преданіяхъ, и введеніе въ познаніе преданій. *Стойте и держите преданія*, т. е. твердо и постоянно соблюдайте: вотъ заповѣдь, выраженіе непремѣнной обязанности, соблюдать преданія. *Преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ:* вотъ, вмѣстѣ съ наименованіемъ преданій, руководство къ истолкованію сего наименованія. *Преданіями* называетъ Апостолъ все то, чему отъ него *научились* Христіане, яко отъ Апостола, относительно вѣры, священноначалія, Богослуженія, благочинія церковнаго и правилъ жизни. Далѣе онъ различаетъ два вида преданія: преданіе посредствомъ *посланія*, или писанное преданіе, и преданіе посредствомъ *слова*, или неписанное преданіе. Но какъ преданіе писанное простѣе и обычнѣе означается наименованіемъ Священнаго Писанія: то наименованіе преданія обыкновенно употребляется для означенія того, чему не посредствомъ Священнаго Писанія, но посредствомъ слова и примѣра мы научились отъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ.

Достойно примѣчанія, что Апостолъ нераздѣльно и равно заповѣдуетъ держаться, и преданій посредствомъ посланія, или иначе сказать, велитъ нераздѣльно и равно держаться, и Священнаго Писанія и священныхъ преданій. Преданія и Богодухновенное Писаніе стоятъ у него рядомъ; онъ требуетъ отъ насъ не меньшаго вниманія и ревности къ преданіямъ, какъ и къ Богодухновенному Писанію. Нужно ли болѣе сего, для удостовѣренія о важности преданій, и для побужденія къ вѣрному соблюденію оныхъ?

Здѣсь могъ быть и конецъ ученію о преданіяхъ, если бы мы, подобно непосредственнымъ ученикамъ Апостоловъ, имѣли предъ глазами и непосредственное Апостольское, и потому несомнѣнно истинное, преданіе.

Но уже Христіанскія преданія прошли чрезъ многія страны, народы, языки, чрезъ многіе вѣки. Къ первоначальнымъ преданіямъ Апостольскимъ присоединились преданія Отеческія разныхъ степеней древности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ преданій оказалось разнообразіе, простирающееся до противорѣчія. Сдѣлалось нужно изслѣдованіе подлинности и достоинства преданій, — изслѣдованіе, не всегда удобное и не всякому доступное. Для удостовѣренія въ подлинности и достоинствѣ преданій, всего лучше было бы съ точностію знать ихъ начало: но оно нерѣдко скрывается въ туманной дали прошедшаго. Теперь что дѣлать?

Прежде, нежели скажемъ, что должно дѣлать,—посмотримъ, что дѣлаютъ. Одни обращаютъ все вниманіе на то, что въ преданіяхъ есть темнаго и недостовѣрнаго, и отсюда выводятъ догадку, не суть ли оныя дѣло, если не просто человѣческое, то по крайней мѣрѣ, преданное Провидѣніемъ произволу людей и случайностямъ временъ, и не позволительно ли освободить себя отъ дальней заботы о преданіяхъ, тогда какъ *имамы извѣстнѣйшее Пророческое* и Апостольское *слово* въ *Богодухновенномъ писаніи, могущее умудрити во спасеніе, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ.* Другіе, обращая вниманіе только вообще на заповѣдь соблюдать преданія, безъ изслѣдованія, безъ разсужденія, слѣпо держатъ преданія, какъ нибудь упадшія на ихъ руки, не стараясь дознать ихъ подлинность, достоинство и чистоту. Что же должно дѣлать?—Должно остерегаться обѣихъ крайностей, теперь указанныхъ.

Священное Писаніе начато чрезъ *Моvсея*. Какъ же до того, въ продолженіи столь многихъ вѣковъ отъ начала міра, сохранялась и распространялась истинная вѣра, и учреждалось сообразное съ нею Богослуженіе?—По преданію. Слѣдственно преданіе было точно такое же орудіе Божіе ко спасенію человѣковъ, какъ и Священное Писаніе.

Священное Писаніе Новаго Завѣта начато чрезъ Евангелиста Матѳея, спустя восемь лѣтъ по вознесеніи Господнемъ на небо. Гдѣ же до того было Евангеліе, основаніе догматовъ, ученіе жизни, уставъ Богослуженія, законы управленія церковнаго?—Въ преданіи. Богодухновенное Писаніе, по свидѣтельству одного изъ священныхъ писателей, именно, святаго Еван-

телиста Луки, есть только продолженіе и неизмѣннѣе особеннымъ устроеніемъ Духа Божія упроченный видъ преданія. *Якоже предаша намъ, иже испрва самовидцы и слуги бывшіи Словесе, изволися и мнѣ по ряду писати* (Лук. I. 2.).

Вы хотите все утверждать на незыблемомъ основаніи Священнаго Писанія. Очень хорошо. Такъ и должно. Между тѣмъ откуда извѣстно вамъ, какія книги суть священныя, и почему та или другая изъ нихъ точно принадлежитъ къ числу священныхъ?—Сіе извѣстно большею частію изъ преданія. И такъ самое Священное Писаніе пользуется пособіемъ преданія.

Если такъ важно истинное преданіе, прежде писанія, и вмѣстѣ съ писаніемъ: то когда же могла бы уменьшиться его важность? Развѣ тогда, когда писаніе, ставъ на мѣсто преданія, сказало бы намъ, что уже не нужно заботиться о преданіи? Но писаніе говоритъ противное сему: *стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ.*

Впрочемъ, если даже Апостоловъ должно было испытывать въ томъ, истинные ли они Апостолы, какъ сіе видно изъ того, что въ Откровеніи Святаго Іоанна Самъ Господь одобряетъ дѣло Ангела Ефесскія Церкви, *искусившаго глаголющіися быти Апостолы* и *обрѣтшаго ихъ ложныхъ:* то кольми паче послѣ Апостоловъ, чрезъ столь многія руки, чрезъ столь многіе вѣки прошедшія преданія, нужно испытывать, суть ли онѣ истинныя Апостольскія и Святоотеческія, и не подверглись ли неправымъ измѣненіямъ и чуждымъ примѣшеніямъ. Безъ сей осторожности наше служеніе Богу можетъ подвергнуться тому же осужденію, которымъ Господь поразилъ Фарисеевъ и книжниковъ Іудейскихъ, державшихъ преданія старцевъ: *всуе чтутъ Мя, учаще ученіемъ, заповѣдемъ человѣческимъ. Оставльще бо заповѣдь Божію, держите преданія человѣческая* (Мар. VII. 8.).

Спросятъ, можетъ быть: какъ же предохранить себя отъ сего осужденія? Какъ испытать преданія, и отличить несомнительное?—Надежнѣйшее для сего, и удобнѣйшее къ употребленію правило извлекаю изъ приведеннаго теперь изреченія Господня. Испытывай преданіе посредствомъ Слова Божія и посредствомъ заповѣдей Божіихъ. Если преданіе противорѣчитъ Слову Божію, если оно ведетъ тебя къ нарушенію заповѣди Божіей: то знай, что это человѣческое, не истинное преданіе, что такое преданіе соблюдалъ бы ты *всуе*, между тѣмъ какъ нарушеніе заповѣди Божіей осудило бы тебя.

Другое правило для испытанія преданій можно извлечь изъ слѣдующаго изреченія святаго Апостола Павла къ Тимоѳею: *да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. III. 15.). Если Церковь есть столпъ и утвержденіе истины: то въ ней должно искать истины, и ею можно повѣрять требующую дознанія истину, и особенно истину преданій, которыхъ Церковь есть единое вѣрное хранилище. Пріемля преданіе отъ единыя, Святыя, Соборныя и Апостольскія Церкви, *стойте* въ немъ, не колеблясь напрасными сомнѣніями, *держите* оное, съ упованіемъ благоугодить Богу. *Да держимъ*, поучаетъ Апостолъ, *исповѣданіе упованія неуклонное,—не оставляюще своего собранія* (Евр. X. 23. 25.), т. е. собранія Вселенскія Православныя Церкви, *якоже есть нѣкимъ обычай.* Примѣчайте, братія, что еще въ Апостольскія времена были нѣкіе, имѣвшіе обычай оставлять собраніе Вселенскія Церкви: не дивитесь, если и нынѣ встрѣчаете нѣкихъ, имѣющихъ сей несчастный обычай. А если такіе люди станутъ предлагать вамъ свое преданіе: то можете знать предварительно, что люди, оставившіе Церковь, *столпъ* и *утвержденіе* истины, конечно предложатъ вамъ преданіе или ложное, или поврежденное, или по крайней мѣрѣ, краденое и неблагословенное; и, конечно, ложное не спасетъ, поврежденное не исцѣлитъ, краденое не обогатитъ, неблагословенное не принесетъ благословенія.

Прославимъ, братія, Бога, сподобившаго насъ быть чадами и членами истинныя и Святыя Церкви, въ которой истинное и святое преданіе,—не просто видимое и словесное преданіе ученія, правилъ,

чиноположеній, обрядовъ, — но съ симъ вмѣстѣ и невидимое, дѣйствительное преподаяніе благодати и освященія, сходитъ съ неба на землю, *яко роса аермонская на горы Сіонскія,* течетъ непрерывно и неизсякаемо, и орошаетъ священноначаліе и священнодѣйствія, *яко мѵро на главѣ, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его* ( Псал. CXXXII. 2. 3. ), такъ что помазанные Духомъ Святымъ Апостолы помазуютъ тѣмъ же духовнымъ мѵромъ Святыхъ Отцевъ, и сіи своихъ преемниковъ изъ вѣка въ вѣкъ , Святители подаютъ освященіе храмамъ и таинствамъ, и взаимно храмы и таинства подаютъ освященіе Святителямъ, почему , прикасаясь къ нынѣшней святынѣ, вы прикасаетесь къ той же благодати, которая изліялась въ сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ.

Да держимся неуклонно сего чистаго и живаго источника. Яко чада послушанія, съ усердіемъ и любовію да пріемлемъ отъ устъ и рукъ Матери нашея Православныя Церкви, чистое ученіе вѣры и жизни, истинное благодатное освященіе, вѣрное руководство къ жизни вѣчной. Аминь.

## 17. СЛОВО

**По освященіи храма святаго праведнаго Филарета въ Спасобородинскомъ монастырѣ, и при обновленіи сей новоучрежденной обители, Іюля 23 дня 1839 года.**

*Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ.* Іоан. XIV. 23.

Молитвами , тайнодѣйствіемъ , торжественнымъ славословіемъ Божіимъ, обновляемъ мы нынѣ здѣсь и обитель Божію между человѣками, то есть, храмъ Божій, и обитель человѣковъ, посвящающихъ себя Богу.

Добрая была мысль , посвятить храмъ Богу на мѣстѣ, гдѣ столь многія тысячи подвизавшихся за Вѣру, Царя и Отечество положили временную жизнь, въ надеждѣ воспріять вѣчную. Тѣ изъ нихъ, которые принесли себя въ жертву, въ чистой преданности Богу, Царю и Отечеству, достойны мученическаго вѣнца и потому достойны участія въ церковной почести, которая издревле воздавалась Мученикамъ, посвященіемъ Богу храмовъ надъ ихъ гробами. Если же нѣкоторыя изъ сихъ душъ, оставляя тѣло, понесли на себѣ нѣкоторыя тяготы грѣховъ, нѣкоторыя нечистоты страстей, и, къ своему облегченію и очищенію, требуютъ силы церковныхъ молитвъ и безкровной жертвы, за нихъ приносимой: то, за свой подвигъ, паче другихъ усопшихъ достойны они получить сію помощь.

Мысль обитать здѣсь, родилась, можетъ быть, въ нѣдрахъ частной, семейственной печали. Что нужды ? Довольно на первый разъ, если печаль сія принесена Богу, и въ Немъ взыскано утѣшеніе. Въ совершенствѣ *никтоже благъ токмо единъ Богъ* (Лук. XVIII. 19. ). Немощь есть исходная точка человѣка; совершенство — цѣль, которую онъ не вдругъ даже усматриваетъ, въ усмотрѣвъ, и при усиленномъ стремленіи къ ней, всегда видитъ въ разстояніи отъ себя. Благій Богъ, вѣдающій человѣческаго естества немощь, милосердый Господь, *лена внемшася не угашающій,* видитъ и слабую искру искренно добраго намѣренія въ человѣкѣ, и Самъ подвизается, судьбами своего Провидѣнія, очистить ее отъ дыма естества, и напитать чистымъ свѣтомъ благодати, къ истинному благу и спасенію душъ. Не усомнимся признать дѣло Божія Провидѣнія въ томъ, что безъ исканія нашлись желающіе обитать на семъ мѣстѣ, когда оно было пусто, не утверждено никакимъ постановленіемъ, ни чѣмъ не обезпечено; что сіи люди вошли въ общество, которое не было еще учреждено, предали себя въ послушаніе, когда еще не было власти; что сіе новое жительство было потомъ утверждено церковнымъ благословеніемъ и Державною волею подъ необычайнымъ дотолѣ наименованіемъ Богоугоднаго Общежитія, а наконецъ возведено и въ чинъ обителей

монашествующихъ; что Царская щедрота пришла на помощь частнымъ приношеніямъ, дабы надгробный храмъ и смиренныя при немъ жилища облеклись въ видъ, обители свойственный, съ присовокупленіемъ и сего другаго храма, приспособленнаго собственно къ потребностямъ Обители.

Благословенъ Богъ, благословляющій добрыя начинанія во имя Его. Благодареніе Благочестивѣйшему Государю, всегда готовому покровительствовать благочестивымъ предпріятіямъ. Благодать, миръ и спасеніе притекающимъ во храмъ сей и въ Обитель сію искать благодати, мира и спасенія.

Господи Боже силъ! *Призри съ небесе и виждь, и посѣти виноградъ сей, и соверши и, егоже насади десница Твоя* (Псал. CXXIX. 15. 16.): ибо только Ты сѣешь доброе сѣмя; только Ты, хотя и не безъ рукъ человѣческихъ, насаждаешь, возращаешь, умножаешь и сохраняешь истинный и плодоносный виноградъ; только Ты, хотя не безъ насъ, созидаешь обитель, и сію рукотворенную, въ которой человѣкъ обитаетъ предъ Тобою, и нерукотворенную, въ которой Самъ благоволишь обитать въ человѣкѣ.

Да, обитатели обители, посѣтители храма! — когда обитель построена, когда храмъ освященъ; тогда еще не все сдѣлано. Есть еще обитель и храмъ, которые должно созидать и освящать. Какой храмъ?—Тотъ, о которомъ писалъ Апостолъ: *и сами, яко каменіе живо, зиждитеся въ храмъ духовенъ* (1 Пет. II. 5.). Какая обитель? Та, о которой самъ Господь сказалъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ.*

Человѣку быть храмомъ Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, и обителію, въ которой бы Онъ жилъ, или хотя гостилъ, — какая необмыслимая мысль! Плоть не вмѣститъ сего, разумъ не пойметъ, гордое мудрованіе найдетъ несообразнымъ, чтобы Безконечный обиталъ въ ограниченномъ; самое чувство смиренія скажетъ, что это безмѣрно много для ничтожной твари. Потому-то возвѣщающее столь высокія тайны Христіанство и требуетъ вѣры, которая бы плѣняла въ свое послушаніе разумъ человѣческій, которая бы низлагала всякое возношеніе помышленій, взимающееся на разумъ Божій, которая бы паче упованія уповала, когда ей скажутъ: *отъ человѣкъ сіе невозможно есть, отъ Бога же вся возможна.* Не духъ ли истины чрезъ Апостола говоритъ Христіанамъ съ такою увѣренностію: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III. 16.)? Не самосущая ли Истина, не Сынъ ли Божій изрекъ сіе высокое обѣтованіе о семъ ничтожномъ человѣкѣ, котораго мы, человѣки же, такъ часто ненавидимъ, или пренебрегаемъ или чуждаемся: *Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ?* Безъ сомнѣнія истинно то, что говоритъ Истина.

Иной, можетъ быть скажетъ: мнѣ ли домогаться высокихъ состояній духовныхъ, непосредственной близости къ Богу? Останусь хотя чѣмъ нибудь менѣе, нежели храмомъ Божіимъ и жилищемъ Духа Святаго. Нѣтъ, возлюбленный! Не совѣтую тебѣ отказываться отъ того, что Богъ даровать тебѣ желаетъ, хотя, безъ сомнѣнія, слишкомъ дерзновенно было бы удостоивать себя того. Не преувеличиваю, когда говорю, что Господь не только позволяетъ, но и желаетъ, чтобы ты Его имѣлъ твоимъ посѣтителемъ, гостемъ, обитателемъ. Онъ точно изъявилъ сіе желаніе, когда сказалъ: *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ и той со Мною* (Апок. III. 20.). О чудо снисхожденія! Живущій во свѣтѣ неприступномъ, сѣдящій на престолѣ славы, скрываетъ Свой свѣтъ, котораго и Херувимскія очи снести не могутъ, нисходитъ въ міръ дольній, чтобы приблизиться къ убогой, полуразрушенной хижинѣ, какова душа человѣка, во грѣхахъ рожденнаго и живущаго, прежде нежели Сотворившій ее храмомъ и образомъ Своимъ возсозиждетъ ее и украситъ Своимъ присутствіемъ; стоитъ при дверахъ ея Тотъ, Которому отверзаются страхомъ врата смертная, предъ Которымъ вземлются врата небесная, Который и затворенными дверемъ входитъ; какъ будто не

имѣющій дерзновенія странникъ, осторожно ударяетъ Онъ въ двери, предъ Нимъ затворенныя, и терпѣливо ждетъ быть услышанъ: и это потому такъ, что, принося человѣку новый даръ благодати, Господь желаетъ сохранить ненарушимымъ древній даръ свободы. Что жъ, смиренное чадо земли? Не ужели ты не потщишься принять столь высокаго посѣщенія, потому что чувствуешь себя недостойнымъ онаго? Это было бы не скромность, а дерзость, или безчувствіе; не смиреніе, а оскорбленіе величества. Не ужели ты не пожелалъ бы вечерять съ Господомъ? Не ужели не желаешь услышать гласъ Его? Не ужели оставишь Его за дверьми безполезно ударяющимъ въ оныя, какъ не поступаютъ и съ безвѣстнымъ странникомъ? И что сдѣлаешь ты съ душею своею, если не захочешь пещися, чтобы она *созидалась* вновь, какъ сотворена была вначалѣ, *въ жилище Божіе духомъ?* Не ужели оставишь ее домомъ запустѣлымъ, вмѣстилищемъ нечистотъ, обиталищемъ нетопырей, или даже разбойниковъ? Не ужели не страшишься видѣть, или увидѣть ее чуждою добра, полною темныхъ помысловъ и нечистыхъ желаній, оскверненною и отягченною идолами страстей, доступною духамъ злобы?—Сохрани Богъ! — скажешь ты. Сохрани Богъ!—говорю и я, и для сохраненія души твоей покажу тебѣ вѣрное средство въ томъ, чтобы ты со всякимъ вниманіемъ и вѣрностію, поколику можешь, уготовлялъ ее въ обитель Господу.

Если спросишь, что должно дѣлать для сего уготовленія; на основаніи слова Господня отвѣтствую: исполнять тѣ условія, подъ которыми Господь обѣщаетъ, къ кому бы то ни было, *пріити, и обитель у него сотворить;—аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ.* Возлюби Господа, толико любящаго тебя, толико къ тебѣ снисходящаго; и сія любовь возбудитъ въ тебѣ тонкое духовное чувство слышать гласъ Его, и она же отверзетъ Ему дверь сердца твоего, и пріимешь Его, и сотворишься обителію Его. Если вопрошаешь еще: какъ бы обучить себя любви Божіей, и содѣлать ее истинною, нелицемѣрною, крѣпкою; паки отвѣтствую изъ слова Господня: соблюдай слово Его, исполняй заповѣди Его; въ семъ состоитъ истина и сила любви къ Господу, какъ Онъ Самъ удостовѣряетъ: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. XIV. 21.). Если же и въ самомъ дѣланіи заповѣдей чувствуешь себя изнемогающимъ, или затрудняемымъ искушеніями и препятствіями, паки призови на помощь любовь Божію, и ею одушевляй себя: *ибо крѣпка, яко смерть, любы; — крила ея крила огня* (Пѣс. Пѣсн. VIII. 6.); съ нею *терпящіи Господа измѣнятъ крѣпость, окрылатѣютъ аки орли, потекутъ и не утрудятся* (Иса. XL. 31.).

Еще одинъ вопросъ нужно мнѣ разрѣшить, и тогда умолкну. Если нерукотворенной, невидимой, внутренней, духовной обители требуетъ себѣ Богъ: то для чего еще сія рукотворенная и видимая?— Для того, чтобы въ сей обители, тѣмъ удобнѣе услышать гласъ Господа, приближающагося къ нашей обители внутренней, чѣмъ менѣе здѣсь оглушаемся шумомъ и молвою міра;—для того, чтобы въ дверь сердца, отверзаемую Господу, не такъ легко вторгалось многое, что мы оставили за оградою обители видимой;—для того, для чего Пророку Иліи нуженъ былъ Кармилъ, и Іоанну Крестителю пустыня;—для того, чтобы жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы имѣла на земли подражательное продолженіе, и бывшее о ней пророчество ясно было въ исполненіи: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея* (Псал. XLIV. 15.);—для того, чтобы дать свободное мѣсто слову Господню: *могій вмѣстити, да вмѣститъ*; и другому: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и имѣти будеши сокровище на небеси* (Матѳ. XIX. 21.).

По сему-то святый Златоустъ, похваляя Христіанское благочестіе страны Египетской въ свое время, отдаетъ въ то же время преимущество пустынножителямъ. *И сія*, говоритъ, *не во градѣхъ токмо благая, но и въ пустыняхъ, паче нежели во градѣхъ. Ибо мощно видѣти во всей странѣ оной Христово воинство,* и *царское стадо, и горнихъ силъ гражданство. И сія не въ мужехъ*

*токмо, но и въ женской породѣ содержима обрѣтаются: ибо и онѣ не меньше мужей любомудрствуютъ; не щиты прiемлющiя, не на кони всѣдающiя, якоже славнiи Еллистiи повелѣваютъ законоположницы и любомудрцы, но ину много труднѣйшу рать имущiя. Обща бо женамъ и мужемъ брань къ дiаволу и ко властемъ тьмы, и нигдѣже естества немощь таковымъ сраженiемъ бываетъ препятiе. Не по естеству бо тѣлесъ, но по произволенiю души сiя судятся ратованiи. Сего ради и жены паче мужей подвизашася многажды, и свѣтлѣйшiя побѣды знаменiя оставиша.— Сего ради*, продолжаетъ онъ, *съ прилѣжнѣйшимъ ученiй храненiемъ, многу и житiемъ своимъ показуютъ добродѣтель: вещей бо имѣнiй совлекшеся, и всему мiру распеншеся, далѣе происходятъ, и тѣлесный трудъ свой въ пищу требующимъ истощевающе. Ниже бо, егда постятся и бдятъ, праздни во дни быти хощутъ: но нощи въ священныхъ пѣснехъ и всенощныхъ молитвахъ, дни же въ молитвахъ, купно и рукодѣлiи провождаютъ* (Злат. на Матѳ. нрав. 8.).

Въ сихъ изреченiяхъ златословеснаго учителя, пребывающiя въ сей обители да обрѣтутъ и законъ своего подвижничества, и поощренiе въ немъ; а мiръ да уразумѣетъ изъ оныхъ, что, устрояя святыя обители иночествующихъ, мы не произволомъ человѣческимъ изобрѣтенное жительство вводимъ, но древнее благочестiе и священный чинъ церковный соблюдаемъ. Аминь.

## 18. СЛОВО

**На освященiе храма Воскресенiя Христова, въ селѣ Гуслицахъ, 22 Сентября, 1840 года.**

Нынѣ прилично сей обновленный храмъ огласить Псаломскимъ возглашенiемъ: *се нынѣ благословите Господа вси раби Господни, стоящiи во храмѣ Господни, во дворѣхъ дому Бога нашего.* Пс. CXXXIII. 1.

Правда, и во всякое время, на всякомъ мѣстѣ должны хвалить и славить Бога. Ибо если неодушевленныя *небеса повѣдаютъ славу Божiю*; если *всякое дыханiе хвалитъ Господа*: то какъ не дѣлать сего существу разумному, паче прочихъ тварей Богомъ ущедренному? Но при особенныхъ благодѣянiяхъ Божiихъ, особенно прилично приносить хвалу и славу Богу благодарнымъ сердцемъ.

А сiе не есть ли новое благодѣянiе Божiе для братiй святаго храма сего, что многотрудное и многопопечительное дѣло храмодательства наконецъ добрымъ тщанiемъ довершено; что благолѣпный храмъ сей освященъ, и чрезъ то прiялъ новое освященiе, посѣщенiе и вселенiе благодати Божiей. Ибо что Богъ обѣщалъ храму Ветхозавѣтному, который имѣлъ въ себѣ только *сѣнь грядущихъ благъ*: то конечно даруетъ храму Новозавѣтному, который имѣетъ самыя блага, въ Ветхомъ Завѣтѣ обѣщанныя. *Будутъ*, рекъ Онъ, *очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3.).

И такъ *нынѣ* особенно, *благословите Господа вси раби Господни, стоящiи въ храмѣ Господни.* И какъ облагодѣтельствованные и благодарные, при новомъ благодѣянiи, охотно воспоминаютъ прежнiя милости благодѣтеля: то благословимъ Господа, въ началѣ даровавшаго роду нашему бытiе и жизнь, Свой Божественный образъ и блаженное райское пребыванiе, и райскую Церковь основавшаго. Восхвалимъ Господа, яко и грѣхопаденiемъ прародительскимъ въ конецъ разрушиться Церкви Своей не попустилъ, но ее обѣтованiемъ Спасителя вновь на вѣки утвердилъ, и человѣка грѣшника покаянiемъ въ нее паки призвалъ; и во времена невѣдѣнiя человѣческаго не несвидѣтельствованна Себе оставилъ, но благодѣянiями Своего промысла и чудесами Своими Свою благость и силу возвѣщалъ, Божественными судами и наказанiями пути грѣшныхъ пресѣкалъ, житiемъ Святыхъ Своихъ и словомъ Пророковъ Своихъ путь спасенiя показывалъ, жертвами, священствомъ и храмомъ Ветхаго Завѣта, единую всемiрную, крестную жертву Новаго Завѣта, священство Христово и Цер-

ковъ Хрістову спасительно предзнаменовалъ, озаряя единымъ свѣтомъ вѣры настоящее, прошедшее и будущее. Наипаче прославимъ Бога Отца, яко Онъ Единороднаго Своего Сына Господа нашего Іисуса Хріста для спасенія нашего въ міръ послалъ, и Его краеугольнымъ каменемъ Церкви Своея положилъ, съ такимъ утвержденіемъ, что *и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18.), и будетъ Ему *слава въ Церкви о Хрістѣ Іисусѣ во вся роды вѣка вѣковъ* (Ефес. III. 21.). Прославимъ Его, яко и Духа Своего Святаго на Апостоловъ и на всю Церковь Свою излiялъ, и Его благодатію таинства церковныя исполнилъ; а дабы благодать таинствъ, какъ требуетъ самое имя и понятіе таинства, имѣла чистое, вѣрное и ненарушимое тайнохранилище, для сего далъ намъ и освятилъ Свой благодатный храмъ, сіе хранилище таинствъ, сокровищницу благодати, чертогъ Тѣла Хрістова, домъ молитвы, училище Боговѣдѣнія и благочестія, источникъ освященія, пристанище обуреваемыхъ, прибѣжище бѣдствующихъ, врачебницу недугующихъ, утѣшеніе скорбящихъ, жилище радости духовныя, преддверіе обителей небесныхъ.

Такъ благодарно пріемля залогъ толикихъ благъ, подаваемый намъ въ освященіи храма, мы должны, братія, помыслить далѣе о томъ, какъ бы дѣйствительно воспользоваться благодатію святаго храма, да не безплоденъ будетъ человѣческій трудъ храмоздательства, да не потерянъ для насъ будетъ Божественный даръ освященія.

Какъ же должно намъ пользоваться святымъ храмомъ? — Дабы спасительно пользоваться святымъ храмомъ, надлежитъ вообще, подобающимъ образомъ посѣщать оный, въ особенности участвовать въ главнѣйшемъ достояніи храма — въ таинствѣ Тѣла и Крови Хрістовы, и наконецъ стараться и внѣ храма ходить достойно святыни храма.

Должно, говорю, посѣщать святый храмъ Божій.

Если строятъ домъ; то конечно для того, чтобы въ немъ жить: а иначе на что было бы и строить его? Такъ, если созидаютъ храмъ, то конечно для того, чтобы приходить въ него и освящаться отъ него; а иначе на что было бы и созидать его?

Должно посѣщать святый храмъ прилѣжно.

Правда, храмъ возноситъ молитву не только за предстоящихъ въ немъ, но и за сущихъ повсюду православныхъ: но сіе, безъ сомнѣнія, относится къ тѣмъ, которые, когда могутъ, съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входятъ въ оный. Если же ты забудешь посѣщать храмъ: то не будетъ ли справедливо, чтобы и онъ тебя забылъ, и чтобы не посѣтила тебя благодать его?

Должно посѣщать храмъ Божій съ благоговѣніемъ.

Если, пришедъ въ домъ царя, ты былъ бы въ опасеніи и въ заботѣ, чтобы не сдѣлать чего-либо несообразнаго съ достоинствомъ мѣста: то съ какимъ благоговѣніемъ долженъ ты входить въ домъ Царя небеснаго! Если со страхомъ находился бы ты въ домѣ царя, хотя онъ тебя и не видитъ, хотя, можетъ быть, нѣтъ его и дома: то съ какимъ страхомъ долженъ ты предстоять въ домѣ Божіемъ, гдѣ Вездѣсущій всегда присутствуетъ, гдѣ Всевидящій непрестанно тебя видитъ!

Должно посѣщать храмъ Божій со вниманіемъ.

Слышите вы во храмѣ молитву, Слово Божіе, псалмопѣніе, ученіе. Прекрасно учреждено, что все сіе, безъ вашего труда готовое, вы слышите: но и слышать надобно умѣть. *Блюдитеся, како слышите* (Лук. VIII. 18.), вразумляетъ самъ Господь. *Вонмемъ*, возглашаетъ нерѣдко священнослужитель: то есть, будемъ слушать съ полнымъ, съ глубокимъ вниманіемъ.

Когда слышишь въ Церкви молитву: старайся, чтобы слышало не только ухо твое, но и сердце, и чтобы молитва Церкви сдѣлалась твоею собственною молитвою.

Когда слышишь Слово Божіе: преклони предъ нимъ не главу только, по обычаю видимому, но и умъ твой невидимо. Слово Божіе есть сѣмя плода духовнаго: проведи глубокимъ вниманіемъ глубокую бразду въ сердцѣ твоемъ, чтобы принять оное, и возрастить, и принести плодъ Богови. Слово Божіе есть роса небесная: положи

предъ нимъ душу твою, какъ землю жаждущую. *Живо слово Божіе и дѣйственно* (Евр. IV. 12.): не препятствуй ему животворно дѣйствовать въ тебѣ; устрани безпорядочное движеніе помысловъ, желаній, страстей.

Когда слышишь церковное Псалмопѣніе: воспѣвай и ты, если можешь, и устами, но наипаче, и непремѣнно по изреченію Апостольскому, *воспѣвай* и *пой въ сердцѣ твоемъ Господеви* (Ефес. V. 19.).

Когда слышите въ Церкви ученіе: ревнуйте и уразумѣть оное, и сохранить, и и употребить въ пользу свою и другихъ. Не обезпечивайте себя лѣнивою мыслію: «мы люди простые:» безъ сомнѣнія, и простымъ такъ просто заповѣдуетъ Апостолъ: *не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершени бывайте* (1 Кор. XIV. 20.).

Должно посѣщать храмъ Божій съ вѣрою.

Только вѣрѣ дано великое обѣщаніе исполненія всякой молитвы, *вся елика аще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимете* (Матѳ. XXI. 22.). Только вѣра живоносно пріемлетъ дѣйствіе живаго Слова Божія, только чрезъ нее бываетъ полезно и плодоносно слово ученія: почему и сказано о слышавшихъ при горѣ Синайской слово Божіе, и ученіе Пророка Моисея: *не пользова оныхъ слово слуха, нерастворенное вѣрою слышавшихъ* (Евр. IV. 2.). Только вѣра обрѣтаетъ и объемлетъ благодать сокровенную въ таинствахъ: почему и взываетъ приглашающій къ великому таинству вѣры: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите*.

Должно посѣщать Церковь Божію съ вѣрностію, ей неизмѣнною.

Вопрошалъ нѣкогда Пророкъ Илія Израильтянъ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши* (3 Цар. XVIII. 21)? Сею притчею онъ укорялъ ихъ за то, что они хотя совсѣмъ отъ истиннаго Бога отрещись не дерзали, однако и Ваалу, по примѣру язычниковъ, жертвы приносили. И между вами, Новый Израиль, нѣтъ ли колеблющихся и непостоянныхъ, у которыхъ тогда, какъ истина и правая совѣсть ведутъ ихъ путемъ Церкви, неправыя внушенія и примѣры, виды корыстные и нечистые, преломляютъ твердость, и измѣняютъ направленіе; которые хотятъ, по видимому, быть учениками Евангелія, и между тѣмъ *прилагаются въ наученія странна и различна* (Евр. XIII. 9.); то держатся освященнаго Собора церковнаго, то уклоняются къ собраніямъ неосвященнымъ и самочиннымъ, или ищутъ, сами не зная, чего, въ скопищахъ тайныхъ, гдѣ, какъ обличаетъ Апостольская прозорливость, *тайна дѣется беззаконія* (2 Сол. II. 7.)? И на сихъ не падаетъ ли упрекъ Иліинъ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши*? Неблагопоспѣшенъ въ пути храмлющій на обѣ плеснѣ. *Мужъ двоедушенъ неустроенъ во всѣхъ путехъ своихъ* (Iак. I. 8.). Не такими стопами праведные идутъ къ Богу. Если желаете чрезъ святый храмъ достигнуть освященія неотъемлемаго, и благодатною на земли Церковію, какъ лѣствицею, взыти въ славную Церковь небесную: то прилѣпитесь къ Церкви искренно, постоянно, неизмѣнно, неколеблющеюся мыслію, нераздвоеннымъ сердцемъ. *Держите*, какъ учитъ Апостолъ, *исповѣданіе упованія неуклонное, не оставляюще своего собранія*, то есть, Церкви Апостольской (Евр. X. 23. 25.).

Дабы спасительно пользоваться святымъ храмомъ, въ особенности нужно не лишать себя участія въ важнѣйшемъ достояніи онаго,—участія въ Трапезѣ Господней.

Смотря на храмъ, подумайте, для чего наипаче онъ устроенъ. Для молитвы? — Такъ. Онъ есть домъ *молитвы*, по слову Господа. Однако молитва можетъ быть совершаема и совершается и въ простыхъ домахъ, и на открытыхъ мѣстахъ. Для поученія въ Словѣ Божіемъ?—И это правда. Однако и сіе возможно и кромѣ храма. Для совершенія таинствъ? — Справедливо. Но и нѣкоторыя таинства по нуждѣ совершаются безъ помощи храма. Напримѣръ, не въ храмѣ, а на рѣкѣ совершилъ таинство крещенія надъ каженикомъ святый Апостолъ Филиппъ. Для чего же наипаче храмъ? Къ чему особенно предназначено и приспособлено его устроеніе? Для чего кромѣ мѣстъ читающихъ, поющихъ, молящихся, святилище внутреннее, доступное только посвященнымъ? Для чего средоточіе святилища, на которое обращена вся сила освященія храма, имѣ-

етъ образъ трапезы?— Очевидно сіе приспособлено къ совершенію таинства Тѣла и Крови Хрістовы. Послѣ сего подумайте, какъ это странно, или лучше сказать, какъ печально, что сею-то существенною святынею храма, къ которой и созданіе и освященіе храма служитъ только приготовленіемъ, сею-то святынею недовольно стараются пользоваться братія храма!

Рече Господь: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. VI. 56.) Что можетъ быть вожделѣннѣе, какъ пребывать во Господѣ, и Его имѣть въ себѣ пребывающаго? Не ужели вы сего не желаете? А если желаете: то какъ же нѣкоторые долго не приходятъ вкусить Тѣла и Крови Господней, и даже приглашаемые къ тому отлагаютъ и уклоняются?

Рече Господь: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ вѣчный* (ст. 54). Не ужели вы не желаете живота вѣчнаго? А если желаете: то не оставляйте пользоваться средствомъ, которое Господь даровалъ намъ для пріобрѣтенія живота вѣчнаго; не оставляйте, въ приличныя времена, съ очищеніемъ совѣсти, приступать къ общенію Тѣла и Крови Хрістовы.

Не внимайте тѣмъ, которые говорятъ, будто можетъ Христіанинъ обойтись и безъ сей святыни, или замѣнить ее другимъ способомъ освященія. *Небо и земля прейдетъ, словеса же Моя не прейдутъ* (Марк. XIII. 31.), глаголетъ Господь. Кто дерзнетъ измѣнить непреходящее Слово Божіе? Можно ли замѣнить установленіе и дѣло Божіе примышленіемъ и дѣломъ человѣческимъ?

Нѣкоторые недовольно заботятся о частомъ общеніи со Хрістомъ въ таинствѣ, успокоивая себя надеждою, что сей недостатокъ восполнятъ при смерти, и соединятся съ Нимъ единожды на вѣки. — О Господи! Сподоби каждаго изъ насъ сего послѣдняго дара въ жизни настоящей, сего спасительнаго напутствія къ будущей, якоже и Твоя первообразная Тайная Вечеря была напутственная предъ Твоею спасительною для насъ смертію и славнымъ воскресеніемъ!—Но кто знаетъ, братія, будетъ ли отдано въ наше распоряженіе наше предсмертное время, и будемъ ли мы умѣть имъ воспользоваться, особенно послѣ того, какъ мы не умѣли, или небрегли пользоваться временемъ жизни? *Смерть не замедлитъ*, угрожаетъ Премудрый, *завѣтъ же адовъ не показанъ ти бысть* (Сир. XIV. 12.). Не льзя сказать смерти: помедли. Адъ не станетъ договариваться съ тобою, чтобы ему не разверзать челюстей до часа, который ты назначишь. Пока свободно пользуешься жизнію, питайся пищею жизни и благовременно предохраняй себя отъ опасности сдѣлаться самому пищею смерти и ада.

Наконецъ, мы должны, сокровища благодати, хранящіяся для насъ во храмѣ, охранять тщательно нашимъ хожденіемъ внѣ храма.

Отъ храма зависитъ судьба нашей жизни, которая имъ благословляется и освящается: но и отъ нашей жизни зависитъ судьба самаго храма. Щедро Богъ даруетъ благодать: но не расточаетъ ее напрасно. Вѣрующихъ, кающихся, исправляющихъ свою жизнь, благодать святаго храма очищаетъ и освящаетъ: а невѣрующіе, нераскаянно преданные грѣху, оскорбляютъ благодать, удаляютъ, и преумноженіемъ беззаконій самый храмъ оскверняютъ и разрушаютъ. *Аще отвращающеся отвратитеся вы, и чада ваша отъ Мене, и не сохраните заповѣдей Моихъ, и повелѣній Моихъ:—и храмъ сей, егоже освятихъ имени Моему, отвергну отъ лица Моего* (3 Цар. IX. 6. 7.), то есть: храмъ, лишенный благодати, будетъ опустошенъ и разрушенъ. Кто не знаетъ, какъ вѣрно, и какъ страшно, сей судъ Божій исполнился надъ храмомъ Соломоновымъ?

Сего-то провидящимъ духомъ предварительно страшась, и отъ сего предохраняясь, въ день освященія храма Іерусалимскаго, Соломонъ молился между прочимъ сею молитвою, которую да вознесутъ и нынѣ съ нами братія новоосвященнаго храма:—*да будутъ сердца наша совершенна ко Господу Богу нашему, преподобно ходити въ повелѣніихъ Его, и хранити заповѣди Его, якоже день сей* (3 Цар. VIII. 61.). Аминь.

## 19. СЛОВО

**Въ день сошествія Святаго Духа, по освященіи храма Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, болѣе извѣстнаго по придѣльному олтарю святыхъ безсребренниковъ Космы и Даміана, что въ шубинѣ, Іюня 8 дня 1842.**

Продолжая нынѣ торжествовать воспоминаніе сошествія Святаго Духа на Апостоловъ, и въ то же время сподобясь торжественно совершить освященіе храма сего, мы имѣемъ благопріятный случай сблизить въ нашихъ мысляхъ предметы того и другаго торжества, и чрезъ то войти въ размышленія, для насъ утѣшительныя и назидательныя.

Святый Евангелистъ Лука, излагая обстоятельства, предшествовавшія сошествію Святаго Духа на Апостоловъ, говоритъ, что по вознесеніи Господнемъ на небо, возвратились они отъ горы Елеона въ Іерусалимъ, *и егда внидоша, взыдоша на горницу, идѣ же бяху пребывающе;* что потомъ, *сіи вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ* и моленіи, *съ женами, и Маріею Матеріею Іисусовою и съ братіею Его* (Дѣян. І. 13. 14.); что наконецъ, *и егда скончавашася дніе пятдесятницы, бѣша вси Апостоли единодушно вкупѣ* (Дѣян. II. 1.). Что это за горница, въ которой пребывала сія первоначальная Церковь Христова? И что значитъ пребываніе Апостоловъ, и прочихъ, въ сей горницѣ? Была ли это простая жилая храмина, въ которой днюютъ и ночуютъ? Такъ думать не позволяетъ самое многолюдство тѣхъ, которые представляются пребывающими въ сей горницѣ. Двѣнадцати Апостоламъ, Пресвятой Матери Господней, Мѵроносицамъ и другимъ благочестивымъ женамъ, прочимъ ученикамъ Господнимъ, которыхъ всѣхъ Евангелистъ счисляетъ: *имень народа вкупѣ яко сто и двадесять* (Дѣян. І. 16.), было ли прилично, было ли удобно, было ли возможно помѣститься жительствомъ въ одной горницѣ? Что жъ это была за горница?—Напоминаетъ мнѣ она, упоминаемую тѣмъ же Евангелистомъ, *горницу велію постлану* (Лук. XXII. 12.), о которой Господь сказалъ Петру и Іоанну: *ту уготовайта* пасху; и въ которой Онъ установилъ, и въ первый разъ совершилъ таинство Тѣла и Крови Своея. Или это есть одна и та же горница, по самому мѣсту; или по крайней мѣрѣ, та и другая одинакова по назначенію и достоинству. Ея назначеніе было не то, чтобы въ ней дневать и ночевать, обѣдать и вечерять, сидѣть и почивать, но то, что пребывающіе въ ней *бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи;* въ ней совершалась тайная Вечеря Господня; въ ней произошло избраніе Матѳія въ священное служеніе и его причтеніе къ лику Апостольскому. Это была *горница*, которая возвышалась *горѣ* надъ всемъ земнымъ и житейскимъ; и благочестивымъ духомъ пребывающихъ въ ней касалась небеснаго и Божественнаго, почему и возъимѣла наконецъ то высочайшее преимущество, что въ ней торжественно и чудесно явилось Небо и Божество. Духъ Святый не только Своимъ всемогущимъ дыханіемъ одушевилъ Апостоловъ, и огненными языками просвѣтилъ ихъ умы, воспламенилъ сердца, образовалъ языки для всемірной проповѣди спасенія, но и самое мѣсто ихъ пребыванія исполнилъ Своея святыни и благодати: *исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще* (Дѣян. II. 2.).

Еще разъ вопрошаю: что это за горница?—И сказаннаго мною доселѣ, надѣюсь, довольно, чтобы оправдать окончательный отвѣтъ, который даю на предложенный вопросъ: горница Сіонская, Апостольская, горница сошествія Святаго Духа, есть не иное что, какъ первоначальный образецъ святаго Христіанскаго храма; и взаимно святый Христіанскій храмъ, слѣдственно и храмъ нынѣ освященный, есть повторенная, возобновленная, размноженная Апостольская горница сошествія Святаго Духа.

Правда, вы не слыхали нынѣ здѣсь шума, *яко носиму дыханію бурну* (Дѣян. II. 2.); не видали огненныхъ языковъ; никто не говоритъ здѣсь разными языками разноплеменныхъ народовъ. Но примите въ разсужденіе, что и въ Апостольской горницѣ, или иначе сказать, въ Апостольскомъ святомъ храмѣ, не

каждый день слышалось потрясающее дыханіе бурно: только однажды явились огненные языки; однако и въ другія времена храмъ сей не былъ лишенъ благодати, которою исполнилъ его Духъ Святый. Безъ первоначальнаго чудеснаго движенія и блистанія огненнаго, Святые Апостолы продолжали преподавать тотъ же даръ Святаго Духа, въ тихомъ возложеніи рукъ, которое другъ—другопріимательно простирается и до нынѣшнихъ священноначальственныхъ тайнодѣйствій въ нашихъ святилищахъ. *Языцы*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *въ знаменіе суть не вѣрующимъ, но невѣрнымъ* (1 Кор. XIV. 22.): то есть, чудесный даръ говорить разными неизученными языками ниспосланъ отъ Бога для людей еще неувѣровавшихъ, дабы чрезъ дарованное знаніе ихъ языка преподать имъ наставленіе въ вѣрѣ, и въ то же время чудеснымъ дарованіемъ удостовѣрить ихъ въ Божественности вѣры; но для тѣхъ, которые уже увѣровали, сіе знаменіе не нужно. По той мѣрѣ, какъ Божественная вѣра на земли распространялась, чудесное дарованіе языковъ сокращалось; и слѣдственно сокрытіе сего дарованія не есть оскудѣніе благодати, но прекращеніе нужды. Господь не одобряетъ въ вѣрующихъ исканія очевидныхъ, удостовѣряющихъ знаменій, но приписываетъ особенное достоинство вѣрѣ, которая ихъ не требуетъ. *Блажени*, глаголетъ, *не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX. 29.).

Что же, братія? Дерзнемъ ли мы требовать отъ Бога въ нашемъ храмѣ того, что и въ Апостольскомъ не всегда было, такъ какъ и не всегда было нужно? Почтемъ ли крайнимъ лишеніемъ неявленіе здѣсь чудесныхъ знаменій? Но слово Хрістово, которое вы слышите здѣсь въ Евангеліи, не такъ же ли Божественно, какъ огненные языки Святаго Духа? Не то же ли истинное Тѣло Хрістово, не та же ли истинная Кровь Хрістова предлежатъ на трапезѣ храма сего, какъ и на трапезѣ горницы Сіонской? Въ молитвахъ и священнодѣйствіяхъ, и здѣсь по Апостольскому преданію и чину совершаемыхъ, не Единый ли и Тойжде Духъ Святый дышетъ, освѣняетъ, освящаетъ, прелагаетъ земное въ небесное, вещественное проницаетъ духовнымъ, сотворенное Божественнымъ? Не Его ли наитіемъ освящается вода крещенія и кропленія, совершается мѵропомазаніе? Не Онъ ли вступилъ и вселился въ храмъ сей въ мощахъ Святыхъ, которыхъ тѣлеса, по собственному Его свидѣтельству, *храмъ живущаго* въ нихъ *Святаго Духа суть* (1 Кор. VI. 19.)? Нужно ли болѣе для нашей вѣры, благоговѣнія, любви, утѣшенія, надежды? Да вѣруемъ благодати храма, не домогаясь видѣнія чудесныхъ ея знаменій. Да благоговѣемъ: ибо воистинну *Господь во храмѣ святѣмъ Своемъ* (Пса. X. 3.). Да *возлюбимъ благолѣпіе дома Господня* (Пс. XXV. 8.), не столько естественное и видимое, сколько невидимое и благодатное. *Да веселимся съ Давидомъ* о *рекшихъ намъ: въ домъ Господень пойдемъ* (Пс. CXXI. 1). Да уповаемъ, что и насъ, подобно какъ многихъ прежде насъ, *сокроетъ Господь въ тайнѣ селенія Своего въ день золъ нашихъ* (Пс. XXVI. 5.),—въ день золъ грѣха, отъ ужаса правосудія, сокроетъ насъ въ тайнѣ благодати прощенія, — въ день золъ временнаго наказанія, сокроетъ насъ, прибѣгающихъ въ тайну селенія Его внутреннею, искренно-сердечною молитвою, —сокроетъ во благодати охраненія, облегченія, избавленія.

Утѣшительно находить, дознавать и разсматривать таинственное сближеніе благодатнаго храма Христіанскаго съ чудесною Апостольскою горницею сошествія Святаго Духа. Но дабы утѣшеніе сіе могло быть полнымъ и вѣрнымъ, надобно присовокупить другое сближеніе,— между пребывавшими въ оной горницѣ и между посѣтителями нашего храма.

То, что высокаго и вожделѣннаго имѣла въ себѣ горница Апостольская, было даръ Божій,—даръ, и Апостолами незаслуженный: потому что кто можетъ оказать заслугу Богу, Который не имѣетъ нужды ни въ какой заслугѣ, и Которому всѣ созданія Его служатъ не своею собственностію, но Его дарами?—даръ, въ которомъ и намъ не отказано; потому что *благъ Господь всяческимъ, и щедроты Его на всѣхъ дѣлѣхъ Его* (Пс. CXLIV. 9.). Но даръ сей не былъ бы данъ, если бы не встрѣтилъ простертыхъ къ нему рукъ;

сокровище сіе не было бы положено, если бы не обрѣло сосудовъ, по возможности очищенныхъ и уготованныхъ, каковы были Апостолы, и прочіе, пребывавшіе съ ними. Поколику приближаемся къ нимъ и мы, не мѣстомъ, не временемъ, что въ собственномъ смыслѣ невозможно, и не весьма нужно, потому что и нашъ храмъ есть мѣсто Апостольское по общенію Апостольской благодати,— но поколику приближаемся и мы къ Апостоламъ и ихъ сопричастникамъ расположеніями духа и сердца: потолику приближаемся къ Божественному сокровищу благодати.

Какія же это расположенія духа и сердца? — *Бѣша вси Апостоли*, сказуетъ Святый Лука, *единодушно вкупѣ. Вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи.*

Апостолы и ученики Господни пребывали *въ молитвѣ и моленіи* къ Богу, и тѣмъ приготовляли себя къ пріятію благодати Святаго Духа. Вспомнимъ при семъ, что Господь, предъ вознесеніемъ Своимъ, не далъ имъ особеннаго завѣщанія о молитвѣ, а только повелѣлъ *отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча* (Дѣян. I. 4.), то есть, обѣщаннаго Святаго Духа. Для чего жъ бы, кажется, молиться о томъ, что уже обѣщано, и не можетъ не быть исполнено вѣрнымъ въ Своихъ обѣщаніяхъ Богомъ? Однако Апостолы и ученики Господни, по собственному ощущенію нужды, молятся объ обѣщанномъ и ожидаемомъ, какъ бы только еще о искомомъ, и еще нечаемомъ. Такова необходимость молитвы для достиженія благодати. Молитва есть дыханіе духовнаго человѣка. Какъ дыханіемъ тѣлесный человѣкъ привлекаетъ окружающій воздухъ, и вдыхаетъ изъ него жизненность и силу: такъ молитвою душа отверзаетъ себя вездѣ-присутствующему Духу Божію, и пріемлетъ отъ Него жизнь и силу духовную. Да пребываемъ и мы въ молитвѣ и моленіи, да и намъ Отецъ Небесный, по обѣтованію Единороднаго Сына Его, *дастъ Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. XI. 13.).

Апостолы и ученики Господни *бяху терпяще* въ молитвѣ, то есть, пребывали въ ней постоянно, неутомимо, неослабно. Не одно всенощное бдѣніе, по вознесеніи Господнемъ, совершили они; день за днемъ проходилъ, а обѣщанное не являлось. Но не возроптали они на медленіе: не усомнились въ обѣщаніи, долго неисполняющемся; не изнемогли, не облѣнились, такъ же усердно молились въ десятый день, какъ и въ первый: *бяху терпяще.* И терпѣніе ихъ наконецъ оправдалось, и молитва торжественно исполнилась. Да не будемъ и мы въ молитвѣ нетерпѣливы, ни лѣностны, ни маловѣрны; да прибѣгаемъ къ молитвѣ, какъ можно чаще; да пребываемъ въ ней, какъ можно, постояннѣе; да не малодушествуемъ, не видя скороспѣлыхъ плодовъ молитвы: скорѣе, или медленнѣе, болѣе явственно, или болѣе сокровенно, даруетъ Господь и намъ, терпящимъ въ молитвѣ, благодать, довольную для нашего спасенія.

Апостолы и ученики Господни пребывали и молились *единодушно вкупѣ.* Сіе соединеніе ихъ устроилъ Самъ Господь, когда повелѣлъ имъ *отъ Іерусалима не отлучатися*; и еще ранѣе, когда поучалъ ихъ: *яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, ея же аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, Иже на небесѣхъ; идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мат. XVIII. 19. 20.). Важное пособіе въ молитвѣ,—единодушіе молящихся! Подобно какъ сила Святаго Духа въ Его чудесномъ сошествіи, сила соединенной молитвы Церкви Апостольской, не разъ простирала свое дѣйствіе отъ духовной до вещественной природы. Ею нѣкогда *подвижеся мѣсто, идѣже бяху собрани* (Дѣян. IV. 31.) Апостолы. Въ другое время она разрѣшила узы и заклепы, и отверзла двери темницы, въ которой заключенъ былъ Петръ Апостолъ. Для чего и нынѣ общая молитва церковная, если не для того наипаче, чтобы молитва каждаго была преумножена въ силѣ споспѣшествованіемъ множества *молящихся единодушно вкупѣ?* Не постыдимся, и не устрашимся признать, что моя или твоя молитва и немощна, и недостойна, чтобы достигнуть искомой благодати: но пріиди, положи твою лепту молитвы въ сокровище едино-

душной молитвы церковной, и сокровище сіе будетъ достаточно, чтобы и тебѣ, вмѣстѣ со всѣми, пріобрѣсти безцѣнный бисеръ благодати Божіей. Благодареніе Богу, не оскудѣваютъ и донынѣ опыты, какъ можетъ прилѣжная молитва Церкви, искренняя молитва единодушныхъ, не только мракомъ искушеній, но и узами заблужденій, страстей и грѣховъ одержимую *извести изъ темницы душу исповѣдатися имени Господню* (Пс. CXLI. 8.).

И сего ради, съ упованіемъ и дерзновеніемъ, общимъ гласомъ душъ вѣрующихъ, молимъ Тя и нынѣ, *Царю Небесный, Душе истины, пріиди и вселися въ ны.* Не преставай осѣнять благодатію Твоею сей храмъ, Тобою освященный въ день Твоего наитія; исполняй во благихъ желанія приходящихъ въ него съ вѣрою и молитвою; просвѣщай ихъ умы свѣтомъ истины; согрѣвай сердца любовію ко всему благому, наипаче же къ Тебѣ Самому, Источнику всякаго блага! Благо сотвори душѣ возлюбившаго благолѣпіе сего дома Твоего; и принесшаго въ жертву земное небесному благослови благословеніемъ земнымъ и небеснымъ. Спаси души всѣхъ насъ, да въ неотъемлемой радости славимъ Тебе купно съ Безначальнымъ Отцемъ и Собезначальнымъ Его Сыномъ во вѣки. Аминь.

## 20. СЛОВО

По освященіи храма явленія Божіей Матери Преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами Преподобнаго Михея, въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, въ 27 день Сентября 1842 года.

Благодатію всесвятаго и всеосвящающаго Духа совершилось нынѣ священное обновленіе сего храма, созданнаго прежде насъ въ честь и память явленія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Преподобному и Богоносному Отцу нашему Сергію, чему очевиднымъ свидѣтелемъ былъ и Преподобный Михей, во благоуханіи святыни здѣсь почивающій. Праведно было память сего благодатнаго событія почтить освященнымъ храмомъ, хотя впрочемъ и вся обитель сія есть памятникъ сего чуднаго посѣщенія; потому что вся судьба ея въ продолженіи вѣковъ есть исполненіе обѣтованія небесной Посѣтительницы: *неотступна буду отъ мѣста сего.*

Но если памятнику свойственно возвращать мысль ко временамъ и предметамъ, которые ознаменованы памятникомъ: то, прости мнѣ, великая Лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ Богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда поколебалась-было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же, и тѣмъ же богата сокровищемъ, то есть, Божіею благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ Его мощахъ, въ Его Лаврѣ: но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами Святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя. Укажите мнѣ еще другія

сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій, и въ награду за трудъ дня, и за гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрухъ согнивающаго хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, Преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое, безъ сомнѣнія, поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго Архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія.

Или это вамъ кажется только мечтаніемъ воображенія?—О, если бы мы достойны были, болѣе очищеннымъ окомъ ума созерцать сіе въ болѣе существенныхъ явленіяхъ свѣта духовнаго, а не въ представленіяхъ только собственнаго воображенія! — Но, мнѣ кажется, лучше хотя мечтать такимъ образомъ, нежели любомудрствовать противнымъ сему образомъ.

Братія сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена нѣкоторымъ образомъ въ подобіе града обительнаго: но не града же искать пришли вы сюда; слѣдственно пришли вы искать пустыни. Если она нѣсколько закрыта: тѣмъ внимательнѣе надлежитъ ее искать. Если шумъ житейской молвы не вдалекѣ слышенъ: тѣмъ нужнѣе заграждать отъ него слухъ. Если образы суетнаго міра движутся предъ лицемъ пустыни: тѣмъ ревностнѣе должно намъ предначертывать себѣ предъ очами образъ чистаго пустынножительства, и постоянно на него взирать, и съ нимъ сообразовать житіе наше.

И для сего хочу я показать вамъ теперь, не человѣческимъ художествомъ, но словомъ Божественнымъ начертанный образъ духовнаго любителя пустыни. Смотрите, какъ онъ самъ себя изображаетъ: *И рѣхъ: кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію. Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Псал. LIV. 7—9.).

Правда, тотъ, кто говорилъ сіе въ псалмѣ, былъ только временный пришлецъ пустыни по нуждѣ, а не постоянный житель ея по обѣту: но сіе не препятствуетъ намъ усматривать въ словахъ его черты добраго пустынножителя; и даже тѣмъ болѣе примѣчательна любовь его къ пустынѣ, и правильное изображеніе пустынножительства. Духъ Божій, который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его Самуиломъ, велъ его чрезъ разныя состоянія внѣшнія такъ, и для того, чтобы въ нихъ показать намъ поучительные образы духовныхъ состояній.

И такъ первая черта духовнаго пустынножителя есть желаніе пустыни, или усердіе къ благочестивому, отшельническому и уединенному жительству. *Кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію?*

Желаніе есть сѣмя или зародышъ всякаго свободнаго дѣла, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Какъ отъ души зависитъ жизнь, сила, достоинство тѣла: такъ жизнь, сила, достоинство всякаго дѣла зависитъ отъ желанія. Если желаніе нечисто: дѣло недостойно. Если желаніе слабо: и дѣло не сильно достигнуть своего совершенства. Если духовнаго желанія нѣтъ: дѣло есть мертвое. Дѣла, которыя мы дѣлаемъ безъ искренняго желанія, не утѣшаютъ насъ самихъ, и не приносятъ удовольствія другимъ. Если такъ судятъ и чувствуютъ люди, которые дѣла только видятъ, а о желаніяхъ только догадываются: что сказать о судѣ Бога всевидящаго, испытующаго сердца и утробы?—*Дастъ ти Господь по сердцу твоему*, а не по наружному твоему дѣлу (Псал. XIX. 5.).

Посему, кто желаетъ пустынножительствовать, или монашествовать съ утѣшеніемъ и пользою для себя, и со благоугожденіемъ Богу: тотъ долженъ какъ на-

чать сіе дѣло съ искреннимъ, духовнымъ и Божественнымъ желаніемъ, такъ и продолжать съ неослабнымъ усердіемъ. Надобно, чтобы еще въ мірѣ сказалъ онъ себѣ: *кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію?* И когда чистое и горящее желаніе дѣйствительно, какъ на крилахъ голубиныхъ, принесло его въ пустыню, или въ обитель отшельничествующихъ: онъ долженъ часто вновь возбуждать себя, расширять и приводить въ движеніе сіи крила, чтобы онѣ имѣли довольно легкости и крѣпости нести его далѣе,—изъ пустыни на небо.

Другая черта добраго пустыножителя или отшельника есть рѣшительное и совершенное удаленіе отъ міра. *Се удалихся бѣгая.*

Если бы не было нужды удаляться отъ міра: то не для чего было бы и водворяться въ пустынѣ, избирать отшельническое одиночество преимущественно предъ обыкновеннымъ образомъ жизни семейственнымъ и гражданскимъ. Не Богъ ли, сотворившій пустыню, созидаетъ и хранитъ грады, и самую пустыню не для того ли сотворилъ Онъ, чтобы населить ее? Не живутъ ли и въ городахъ Его рабы и чада, которыхъ пустыня едва ли достойна имѣть, подобно какъ напротивъ того другіе, которыхъ *недостоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитаюся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр. XI. 38.)? Не обиталъ ли самъ Господь во градѣ, такъ же какъ и въ пустынѣ, и не далъ ли граду Іерусалиму Своего храма, подобно какъ пустынѣ далъ Свою скинію? Не на всякомъ ли мѣстѣ можно поставлять Ему обитель въ душѣ, и покланяться Ему духомъ и истиною? — *На всякомъ мѣстѣ владычества Его: благослови душе моя Господа* (Псал. CII. 22.).

Но что дѣлать, если сіе благословенное приглашеніе, всюду и всегда благословлять Господа, не успѣшно повторяю я къ душѣ моей отъ того, что міръ въ то же время, не переставая, оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нуждъ, заботъ, страстей, похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать сему, или утомленная противоборствомъ, жаждетъ приближиться къ Богу безъ препятствій со стороны тварей, служить Ему безъ развлеченія? — Въ семъ случаѣ не остается иного, какъ расторгнуть всякія узы, привязывающія насъ къ міру, бѣжать изъ него, какъ Израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, и учредить для себя въ пустынѣ новое жительство добровольнаго изгнанничества, въ которомъ бы все внушало намъ, что не *имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII. 4.).

Такимъ образомъ истинное отшельничество и пустынножительство есть также истинное и совершенное отреченіе и удаленіе отъ міра, по заповѣди Апостола: *не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. II. 15.).

Кто приходитъ въ пустынножительство или отшельническое братство, какъ переселенецъ, желающій перенести сюда выгоды и удобство прежняго жительства, или замѣнить ихъ другими, а не какъ бѣглецъ, бросившій все, чтобы только избавиться отъ того, что было причиною бѣгства: тотъ не вполнѣ отшельникъ, не въ совершенствѣ пустынножитель.

Кто въ пустынножительствѣ ропщетъ на скудость въ чемъ либо, и, пользуясь необходимымъ, требуетъ излишняго, подъ благовиднымъ именемъ утѣшенія: тотъ еще не удалился отъ роскоши міра. Онъ подобенъ Израильтянамъ, которые въ пустынѣ воздыхали о мясныхъ котлахъ Египетскихъ; и долженъ вспомнить, что были нѣкоторые, которые, спасшись изъ погибающаго Египта, погибли въ спасительной пустынѣ, въ гробахъ похотѣнія.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе желаетъ поступать по своей волѣ, или даже повелѣвать, нежели покорятся: тотъ еще не удалился отъ гордости и честолюбія міра. Заботливо надлежитъ ему осмотрѣться, чтобы не приближиться къ сонму Корея, котораго конецъ показалъ, что чистая пустынная земля не хочетъ носить на себѣ властолюбивыхъ и мятежныхъ.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе радѣетъ себѣ, нежели братству и оби-

тели, усвояетъ, что не благословлено, или болѣе, нежели что благословлено; послѣ обѣта нищеты думаетъ богатиться для себя, а не для Бога, не для братства, не для нищихъ: тотъ не удалился отъ корыстолюбія міра. Въ какой образъ образуетъ онъ себя? Не въ образъ ли пророческаго ученика Гіезія, который, восхотѣвъ тайно и не благословенно усвоить сребро Неемана, явно усвоилъ себѣ его проказу.

Кто, вышедъ изъ міра въ отшельническое жительство, пристрастнымъ окомъ озирается на оный подъ предлогомъ невинной любви къ приснымъ, друзьямъ, знаемымъ: тому не безполезно взглянуть на жену Лотову, которая озрѣлась на оставленный ею Содомъ, и, какъ говоритъ Премудрый, *стоитъ столбъ сланъ невѣрныя души памятъ* (Прем. Сол. X. 7.).

Третія черта благонадежнаго пустынножителя есть упованіе на Бога. *Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури.*

Образъ духовнаго пустынничества былъ бы довольно страшенъ, если бы столь суровая черта его, какою представляется совершенное отреченіе отъ міра, не умягчалась и не покрывалась пріятною и свѣтлою чертою совершеннаго упованія на Бога.

Не случается ли даже, что удалившіеся отъ міра съ намѣреніемъ избѣжать трудностей и опасностей для души, сверхъ ожиданія встрѣчаютъ для нея новыя трудности, и самыя опасности въ отшельническомъ и пустынномъ уединеніи или общежительствѣ? И не должно сему дивиться. Израильтяне въ пустынѣ сколько перенесли трудностей, сколько видѣли опасностей! Едва ли не болѣе, нежели въ самомъ Египтѣ. Самъ Начальникъ нашего спасенія, и совершеннѣйшій для насъ образъ онаго, гдѣ испыталъ сильнѣйшую брань противъ врага душъ, какъ не въ пустынѣ? Гдѣ болѣе перенесъ духовныхъ страданій, какъ не въ уединеніи вертограда Геѳсиманскаго?

Но если такъ: то для чего же, скажутъ, и удаляться отъ міра въ пустыню, отъ трудностей къ трудностямъ, отъ опасностей къ опасностямъ?—Отвѣтствую: для того же, для чего Израильтяне вышли изъ Египта въ пустыню: ибо въ пустынѣ испытали они трудности и опасности, но очистились, научились и спаслись, вмѣсто того, что въ Египтѣ погибли бы въ мерзостяхъ язычества; и если бы они не вышли въ пустыню, то не пришли бы въ землю, текущую медомъ и млекомъ. Для того же, говорю, для чего и Спаситель Духомъ Святымъ возведенъ былъ въ пустыню, и для чего удалялся Онъ въ уединеніе Геѳсиманское: ибо въ пустынѣ побѣдилъ Онъ, непобѣжденнаго дотолѣ, врага душъ нашихъ, а въ Геѳсиманіи принесъ Онъ за преслушаніе человѣковъ духовную жертву послушанія волѣ Бога Отца Своего, и крѣпкую о нашемъ спасеніи молитву, въ которой и *услышанъ отъ благоговѣинства* (Евр. V. 7.). Такъ и для насъ, если и трудна и не безопасна пустыня: то все же полезно и спасительно бѣжать въ нее отъ міра погибельнаго.

А дабы и трудности преодолѣть, и опасности пройти невредимо, для сего не болѣе требуется, какъ только не быть нетерпѣливу, не унывать, не отчаяваться, но, каково бы ни было наше положеніе, непрестанно *чаять Бога спасающаго насъ отъ малодушія и отъ бури*. Если произвольнымъ нашимъ непостоянствомъ, или нетерпѣливостію не прервемъ сего чаянія: *упованіе не посрамитъ* (Рим. V. 5.), и помощь свыше пріидетъ непремѣнно тогда, и въ такой мѣрѣ, какъ сіе нужно для искренно желающихъ спасенія, какъ прилично славѣ Спасителя.

Братія святыя обители сея! если пустыня Сергіева, нѣкогда безлюдная, дикая, безлюдная, безводная, скудная, беззащитная, безпомощная, населилась, возрасла, процвѣла, благословилась отъ тука земли и отъ росы небесныя и пренебесныя, открыла въ себѣ источники водъ и благодати, возмогла защищать иногда грады и помогать народу: что все сіе значитъ? Не то ли, что поелику ея основатель, и его сподвижники, *чаяли Бога спасающаго:* то чаяніе ихъ оправдалось, и еще оправдывается, даже свыше чаянія? Какое подкрѣпленіе и для нашего упованія на Бога спасающаго?

Внимайте себѣ и званію вашему, и ходите достойно столь благаго призрѣнія Отца Небеснаго. Воскриляйте себя благочестивымъ желаніемъ, дабы летѣть во внутреннюю пустыню, — то есть, въ духовную область *Царствія Божія*, которое *внутрь васъ есть* (Лук. XVII. 21.). Отвращайте очи сердецъ вашихъ, еже не видѣти суеты міра, вами оставленнаго. Возбуждайте себя къ неослабнымъ подвигамъ для спасенія душъ вашихъ, упованіемъ на Бога спасающаго.

Мнѣ же, который недолго бесѣдую съ пустынею и о пустынѣ, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ, — *кто дастъ ми криле яко голубинѣ; и полещу, и почію?* Могу ли сказать себѣ, — или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни?* Когда облегчуся отъ бременъ чужихъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX. 27.)? О, дающій, иному крилѣ, яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустынѣ, а иному гласъ *кокоши*, чтобы созывать Твоихъ *птенцовъ* подъ Твои крилѣ! собирай самъ, и храни всѣхъ насъ подъ крилами Твоея благости, и, стогнами ли селеній, тропинками ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню. Аминь.

## 21. СЛОВО

**По освященіи храма Св. Іоанна Богослова, что въ Бронной, Октября 14 дня 1842 года.**

*Или о Церкви Божіей не радите?* 1 Кор. XI. 22.

Это упрекъ, подумаютъ, вѣроятно, братія храма сего, услышавъ сіе Апостольское слово; это выраженіе негодованія. Того ли теперь ожидать надлежало? То ли заслужили употребившіе и тщаніе, и трудъ, и щедрость для возобновленія и украшенія храма сего, и усердно собравшіеся на торжественныя молитвы освященія его?

Не опасайтесь, братія, чтобы Апостольская истина была когда либо жестока для любящихъ истину, чтобы отяготила творящихъ правду. Ея упрекъ нерадящему обращается въ похвалу тщательному. Ея негодованіе на недостойнаго заключаетъ въ себѣ утѣшеніе достойному. Если святый Апостолъ обличаетъ нерадящихъ о Церкви Божіей: то потому, что признаетъ должнымъ, и одобряетъ благочестивое попеченіе о Церкви Божіей. И такъ исполнившимъ священный долгъ таковаго попеченія не наше немощное, но твердое и вѣрное слово Апостольское свидѣтельствуетъ, что они дѣйствовали по правилу и образу первенствующихъ Христіанъ Церкви Апостольской, и что слѣдственно есть для дѣла ихъ Апостольское одобреніе, и для нихъ Апостольское благословеніе.

Впрочемъ сего довольно для утѣшенія, которое, какъ медъ, умѣренно и бережливо употреблять должно. За симъ обратимся къ слову Апостольскому для того, чтобъ извлечь изъ онаго предосторожности противъ нерадѣнія о Церкви Божіей, безъ сомнѣнія, никогда не излишнія. *Или о Церкви Божіей не радите?*

Нерадѣніе о Церкви Божіей, или иначе, невнимательность и неуваженіе къ ней, обличаемое Апостоломъ въ Христіанахъ Коринѳскихъ, къ которымъ онъ писалъ приведенныя нами слова, состояло въ томъ, что богатые изъ нихъ, принося въ Церковь хлѣбъ и вино для трапезы Господней, употребляли оныя въ Церкви на трапезѣ любви, безъ порядка, съ излишествомъ, съ пренебреженіемъ бѣдныхъ. Чтобы дать имъ почувствовать неприличность такого поведенія, онъ обращаетъ ихъ вниманіе на высокое достоинство Церкви Божіей, противополагая ее простымъ домамъ. *Еда*, говоритъ, *домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о Церкви Божіей не радите?* Обличительный вопросъ: *еда домовъ не имате?* очевидно предполагаетъ, рѣшительно принятое мнѣніе, что храмина, въ которой

поставляется трапеза Господня, для общенія Тѣла и Крови Господней, по сему не есть уже обыкновенный домъ, но мѣсто священное, требующее особеннаго вниманія и благоговѣнія; и такимъ образомъ открывается, что и въ Апостольскія времена, такъ же какъ нынѣ, для совершенія таинствъ были особенные святые храмы, или, какъ иначе называемъ, Церкви Божіи, хотя впрочемъ тогдашняя власть и сила враговъ христіанства не позволяла устроять оныхъ съ такимъ благолѣпіемъ, и съ такими явственными знаками священнаго ихъ назначенія, какъ нынѣ. Дальнѣйшимъ сему подтвержденіемъ служитъ другой обличительный вопросъ Апостола: *или о Церкви Божіей не радите?* Ибо здѣсь наименованіе *Церкви Божіей* прямо противополагается названію простыхъ *домовъ*; и чувство негодованія, которымъ Святый Павелъ вооружаетъ свое слово противъ небрегущихъ о Церкви Божіей, есть не иное что, какъ отразительно дѣйствующая сила глубокаго уваженія и благоговѣнія къ Церкви Божіей, которымъ исполнена душа его. При семъ не льзя оставить безъ замѣчанія и того, что Апостолъ не употребляетъ доказательствъ, дабы внушить Коринѳянамъ уваженіе къ Церкви Божіей, но говоритъ о сей обязанности, какъ уже всѣмъ извѣстной, и всѣми признанной: *или о Церкви Божіей не радите?* Какъ бы такъ говорилъ онъ имъ: «вамъ извѣстно, что Церковь Божія, домъ молитвы, святилище таинствъ, жилище Божіе, храмъ, хотя рукотворенный, но такой, въ которомъ созидаются нерукотворенные, живые храмы Божіи, въ которомъ, то есть, вѣрующіе просвѣщаются словомъ Божіимъ, и освящаются таинствами вѣры, такъ разнится отъ простыхъ домовъ, какъ небо отъ земли, какъ Божественное отъ человѣческаго; вамъ сіе извѣстно, и вамъ не нужно доказывать, что въ Церкви Божіей поступать должно благоговѣйно, какъ предъ лицемъ Самого Бога: посему я удивляюсь, и не понимаю, какъ позволяете вы себѣ поступать въ Церкви Божіей, какъ будто въ простомъ домѣ. Не ужели вы дошли до того, что потеряли должное вниманіе и уваженіе къ Церкви Божіей? *Или о Церкви Божіей не радите?*

При такомъ разумѣніи Апостольскаго изреченія, не трудно усмотрѣть каждому, что благоговѣйное почитаніе Церкви Божіей, какъ собранія вѣрующихъ, въ коихъ обитаетъ Духъ Божій, какъ святилища таинствъ вѣры, есть вѣрное преданіе Апостольское и общепринятый обычай первенствующихъ Христіянъ. Если нѣкоторые Коринѳяне въ поступкахъ своихъ показали нѣчто противное сему обычаю: то Апостолъ не далѣе, какъ въ ихъ же умѣ и сердцѣ, въ ихъ собственномъ убѣжденіи и внутреннемъ чувствѣ показалъ намъ свидѣтельство дѣйствительности и важности сего постановленія церковнаго.

Не думаю, братія, чтобъ и мнѣ нужно было далеко простиратися мыслями для изысканія причинъ къ убѣжденію вашему, что храмъ Божій требуетъ отъ Христіанина глубокаго вниманія и благоговѣйнаго почтенія.

Если вы обыкновенно признаете, что домъ господина требуетъ почтенія и уваженія преимущественно предъ домомъ раба, гостепріимная храмина дома преимущественно предъ его преддверіемъ, домъ царскій преимущественно предъ домомъ подданнаго: то не можете не признать, и не трудно вамъ восчувствовать, что домъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, требуетъ уваженія благоговѣйнаго, благоговѣнія трепетнаго.

Если училище дѣтей строго требуетъ молчанія и вниманія присутствующихъ: то какого безмолвія и вниманія требуетъ домъ молитвы и ученія Божественнаго!

Когда здѣсь, какъ нѣкогда во храмѣ Іерусалимскомъ, на семъ возвышеніи, какъ на горѣ Іудейской, какъ на кормѣ корабля Петрова, Тойжде Господь Іисусъ, то же слово жизни и спасенія, изрекаетъ и намъ въ Евангеліи Своемъ; когда и здѣсь, какъ нѣкогда въ горницѣ Сіонской, Тойжде Духъ Господень дышетъ въ словѣ Божіемъ и Божественныхъ пѣснопѣніяхъ: о, какъ самое безмолвное молчаніе, самое глубокое вниманіе, все еще мало предъ страшнымъ и вожделѣннымъ величіемъ слышимаго и дѣйствующаго! О, если бы человѣкъ весь содѣлался слухомъ, весь вниманіемъ, чтобы весь былъ проникнутъ

свѣтомъ слова Божія, чтобы весь объятъ былъ животворящею силою Духа Божія! Когда на сей священной трапезѣ, какъ на трапезѣ тайной вечери Господней, зрится Тѣло Господне за насъ ломимое, и Кровь Господня за насъ изливаемая, и возобновляется то самое, что на Голгоѳѣ всю тварь привело въ трепетъ, и землю потрясло, и камни сокрушило, и на животворное око міра навело смертный мракъ: тогда не наипаче ли свойственно намъ, чтобы сердце наше сокрушалось умиленіемъ, чтобы устремленное въ созерцаніе таинства, око исчезало въ общеніи страданій Христовыхъ, чтобы сквозь все существо наше проходилъ трепетъ благоговѣнія? Или человѣкъ можетъ быть нечувствительнѣе безчувственной природы? Или не только возможно сіе, но и дѣйствительно бываетъ съ нашимъ, жестче камней окаменѣлымъ сердцемъ?

Чѣмъ болѣе возвышенно достоинство храма Божія, и того, что въ немъ совершается; чѣмъ болѣе глубокаго благоговѣнія онъ отъ насъ требуетъ: тѣмъ болѣе тяжкимъ преступленіемъ почитать должно неблагоговѣніе во храмѣ, и тѣмъ болѣе важною — всякую предосторожность противъ преступленій сего рода.

По видимому, мы можемъ похвалиться предъ Коринѳскими Христіанами тѣмъ, что не дерзаемъ, какъ они, въ церкви Божіей ясти и пити, подобно какъ въ простыхъ домахъ. Безпорядокъ, пораженный Апостольскимъ обличеніемъ, кажется, исчезъ. Но будемъ осторожны; осмотримся, не вкрались ли на мѣсто его другіе, не меньшіе, даже, можетъ быть, большіе безпорядки.

Не случается ли у насъ въ Церквахъ Божіихъ, что пришедшіе на Богослуженіе, забывъ о Богѣ, Которому предстоятъ, обращаются другу къ другу, привѣтствуютъ, вступаютъ въ разговоры о мірскихъ дѣлахъ? Думаютъ, что дѣло еще въ порядкѣ, когда говорятъ тихо; забываются иногда до того, что грѣховный шумъ празднословія сражается съ святыми звуками церковнаго чтенія и пѣнія. Теперь Апостолъ говоритъ и намъ: *еда домовъ не имате?* Не ужели у васъ нѣтъ домовъ, для вашихъ свиданій, привѣтствій, разговоровъ и споровъ?

Не являются ль иногда въ Церкви Божіей люди, которыхъ невнимательный видъ, блуждающіе взоры, небрежное употребленіе молитвенныхъ знаменій обнаруживаютъ разсѣянность мыслей и холодность сердца, которые безъ заботы поздно входятъ, преждевременно уходятъ, тѣснятся любопытствуя видѣть, а не *стоятъ добрѣ*, какъ повелѣваетъ чинъ церковный, не стоятъ *со страхомъ*, не избираютъ себѣ въ образецъ мытаря, чтобы вдругъ погрузиться и въ смиреніе, и въ безмолвіе, и въ молитву? Не новые ли это Коринѳяне? И симъ не говоритъ ли Апостолъ: *или о Церкви Божіей не радите?* Не ужели вы думаете, что вмѣсто благоговѣнія, позволительно въ Церкви любопытство, разсѣянность, непостоянство, небрежность? — Менѣе иногда примѣтно человѣческому оку, но тѣмъ не менѣе, или еще болѣе, тяжко и бѣдственно достоинство храма Божія оскорбляется тѣмъ, что въ него входятъ нѣкоторые въ нечистотѣ грѣховныхъ страстей и дѣлъ беззаконныхъ, безъ сердечнаго раскаянія, безъ искренняго желанія исправленія. *Или о Церкви Божіей не радите?* Какъ не подумаютъ таковые, что внемлющій въ церкви гласу молитвы Господь слышитъ и вопль грѣховъ, который покаяніемъ только можетъ быть утишенъ, чтобы не заглушалъ молитвы? Какъ не страшатся они, когда живущій въ Церкви Всевидящій видитъ ихъ входящихъ въ священный чертогъ Сына Его, не облеченныхъ въ одѣяніе брачное, не облеченныхъ вѣрою въ заслуги Христовы и житіемъ въ добродѣтели Христіанскія? Видитъ, — и кто знаетъ, на долго ли еще отлагаетъ приговоръ правосудія о изверженіи неключимыхъ рабовъ во тьму кромѣшнюю?

Благость Божія да сотворитъ, чтобы грозная притча сія не ознаменовалась печальною истиною ни на комъ изъ насъ, братія; благости же Божіей да не содѣлается препятствіемъ наше произвольное нерадѣніе о удаленіи отъ зла и порока.

Да не вознерадимъ, братія, о Церкви Божіей, но да тщимся непрестанно украшать оную совершеннѣйшимъ и нетлѣн-

нымъ украшенiемъ,—духовнымъ вниманiемъ, благоговѣнiемъ, усердными молитвами, нелицемѣрнымъ покаянiемъ, вѣрою и благимъ житiемъ, да и сами будемъ *Церкви Бога жива*, и *Духъ Божiй живетъ въ насъ*, нынѣ и во вѣки. Аминь.

## 22. СЛОВО

По освященiи Богородице-Рождественскаго храма, что въ Столечникахъ, 29 Ноября 1842 года.

*И воста Iаковъ отъ сна своего; и рече: яко есть Господь на мѣстѣ семъ; азъ же не вѣдѣхъ. И убояся, и рече: яко страшно мѣсто сiе; нѣсть сiе, но домъ Божiй, и сiя врата небесная.* Быт. XXVIII. 16. 17.

Въ сихъ словахъ Праотца Iакова, и въ приключенiи, которое заставило его сказать оныя, представляется одинъ изъ самыхъ древнихъ примѣровъ того, какимъ образомъ благодатное ощущенiе присутствiя Божiя, испытанное благочестивымъ человѣкомъ на нѣкоторомъ извѣстномъ мѣстѣ, пораждало мысль о святости того мѣста и о Домѣ Божiемъ, или о храмѣ Божiемъ. Да послужатъ намъ оныя руководствомъ къ размышленiю, полезному и благовременному по совершившемся нынѣ освященiи храма сего.

Iаковъ былъ въ пути, одинъ со странническимъ жезломъ своимъ;—и тамъ, гдѣ оставило его заходящее солнце, и застигла ночь, онъ легъ спать, вмѣсто постели, на землѣ, вмѣсто возглавiя, на камнѣ, вмѣсто покрова, подъ высокимъ шатромъ неба. Не было тамъ не только ничего похожаго на домъ Божiй, но и никакого признака или принадлежности человѣческаго жилища.

Пробудился Iаковъ. Мѣсто все то же; ничто не перемѣнилось; ничего не прибавилось: но уже онъ находитъ тамъ новое и великое; находитъ—присутствiе Божiе. *Есть Господь на мѣстѣ семъ.* Съ удивленiемъ, или съ нѣкоторою скорбiю, признается онъ, что до сихъ поръ не зналъ сего. *Азъ же не вѣдѣхъ.* Высокая нечаянность поражаетъ его. *И убояся, и рече: яко страшно мѣсто сiе.* Нѣтъ, восклицаетъ онъ; это совсѣмъ не то, что вчера; *нѣсть сiе, но домъ Божiй, и сiя врата небесная.*

И на семъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ теперь, кто былъ вчера и смотрѣлъ только тѣлесными глазами, тотъ видѣлъ только камень, дерево, металлы, краски, произведенiя земной природы, дѣла рукъ человѣческихъ. Но теперь, кто пробужденнымъ духомъ воссталъ, чтобы созерцать окомъ духовнымъ, тотъ можетъ и долженъ примѣчать, *яко есть Господь на мѣстѣ семъ;* долженъ знать и признавать, что сiе есть *домъ Божiй, и сiя врата небесная.*

Что жъ за перемѣна тамъ въ очахъ Iакова? Что за перемѣна здѣсь въ очахъ духовнаго человѣка?

На мѣстѣ, гдѣ провелъ ночь Iаковъ, открылось ему присутствiе Божiе, въ сновидѣнiи. Увидѣлъ онъ лѣствицу, которая утверждена была на землѣ, и возвышалась до небесъ; Ангелы Божiи восходили по ней и нисходили, подобно какъ земные служители по лѣствицѣ ходятъ въ высокiй домъ господина своего; на верхнемъ концѣ ея стоялъ Самъ Господь, и благословилъ Iакова и потомство его. Когда Iаковъ проснулся: чудесная лѣствица еще стояла въ его памяти и воображенiи надъ головою его. Когда онъ вновь возводилъ мысленный взоръ до верхней степени сея лѣствицы: ему представлялась тамъ дверь невидимаго небеснаго дома, изъ которой исшелъ и явился Царь небесный благословить раба Своего на земли. Такимъ образомъ Iаковъ спалъ, и проснулся у крыльца Дома Божiя. Послѣ сего, и ясно, и очень естественно его восклицанiе: *нѣсть сiе, но Домъ Божiй.*

А здѣсь?—Не видѣли ль, не слышали ль вы, какъ и здѣсь, хотя и несовершенствами плоти обложенные, однако же *помилованные* служители Божiи быти, то восходя—въ молитвѣ, то нисходя—въ видимомъ земномъ служенiи, уготовляли мѣсто сiе Царю небесному, и возвѣщали

Ему готовность: *готовъ престолъ Твой?* Какъ и здѣсь, ожидали Его присутствія, и призывали оное: *воскресни Господи въ покой Твой?* Какъ и здѣсь, не однократно повелѣвали вратамъ *взяти князи своя,* то есть, открыться болѣе и болѣе въ высоту, *да внидетъ* Всевышній *Царь славы, Господь силы,* съ Своею невидимою славою, съ сонмомъ небесныхъ силъ Своихъ? И что же наконецъ? Примѣчаете ли и вы здѣсь, что дѣйствительно пришелъ Царь славы, вошелъ Господь въ покой Свой, сѣдитъ Богъ на престолѣ святѣмъ Своемъ? Видите ли духомъ и здѣсь духовную лѣствицу, которая соединяетъ землю съ небомъ, созданіе съ Создателемъ, человѣка съ Богомъ, которой нижняя степень лежитъ на землѣ, дабы на ней могли стоять земные человѣки;—которой посредствующія степени могутъ держать васъ въ духѣ надъ землею выше и выше, возводить ближе и ближе къ небесамъ, и взаимно низводить небесныя силы въ помощь вамъ;—на горнемъ мѣстѣ которой стоитъ Самъ Господь, и *речетъ миръ на люди Своя, и на обращающія сердца къ Нему?* Познали ль вы здѣсь такъ вѣрно, какъ вѣрно знаютъ то, что видятъ,—увѣдали ль вы присутствіе Божіе?

Іаковъ, когда увѣдалъ присутствіе Божіе на извѣстномъ мѣстѣ, тотчасъ ознаменовалъ сіе вѣдѣніе видимымъ, твердымъ памятникомъ, освятилъ его возліяніемъ елея, присвоилъ тому мѣсту навсегда имя Дома Божія, и неоднократно потомъ приходилъ туда совершать служеніе Богу, по установленіямъ своего времени. *И воста Іаковъ заутра и взя камень, его же положи тамо въ возглавіе себѣ, и постави его въ столпъ, и возлія елей верху его. И прозва Іаковъ мѣсту тому Домъ Божій.* И послѣ путешествія въ Месопотамію, возвратясь оттуда, *поставн Іаковъ столпъ на мѣстѣ, идѣже глагола съ нимъ Богъ, столпъ каменный, и пожре на немъ жертву.* Такимъ образомъ видимый освященный памятникъ, и нареченное на немъ имя дома Божія, свидѣтельствовали, что Іаковъ обрѣлъ здѣсь невидимое, но дѣйствительное присутствіе Божіе. Должно ли по сему примѣру заключить, что и наполняемый теперь нами Домъ Божій то же самое свидѣтельствуетъ о тѣхъ, которые нѣкогда воздвигли оный и освятили, и о тѣхъ, которые взявъ почти только камень древній, облекли его новымъ благолѣпіемъ, и новымъ помазаніемъ, и освященіемъ въ чинъ дома Божія возстановить споспѣшествовали?—*Да будетъ, Господи!*

Но — *яже глаголю, всѣмъ глаголю:* увѣдали ль вы дѣйствительно, *яко есть Господь на мѣстѣ семъ?* Или, какъ Іаковъ, получивъ вѣдѣніе, съ негодованіемъ на себя признавался въ своемъ прежнемъ невѣдѣніи: такъ намъ должно еще признаваться въ нашемъ невѣдѣніи настоящемъ: *азъ же не вѣдѣхъ?*

Въ самомъ дѣлѣ, должно признаться, что познаніе присутствія Божія на нѣкоторомъ опредѣленномъ мѣстѣ затрудняется не только невѣдѣніемъ чувственнаго человѣка, который не умѣетъ сквозь чувственное проникать въ духовное, чрезъ земное восходить къ небесному, но и другимъ познаніемъ человѣка мыслящаго, — познаніемъ вездѣприсутствія Божія. Какъ познать присутствіе Божіе на нѣкоторомъ мѣстѣ, гдѣ Божество также невидимо, какъ и вездѣ? Какъ познать присутствіе Божіе на мѣстѣ опредѣленномъ, когда никакое мѣсто не можетъ заключить въ себѣ Его присутствія, и никакое мѣсто исключить изъ себя онаго не можетъ? Само слово Божіе иногда представляетъ присутствіе Божіе столь удаленнымъ, что никому не можно достигнуть онаго. *Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Единъ имѣяй безсмертіе, и во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, Его же никто же видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI. 15. 16.). А иногда то же слово Божіе представляетъ присутствіе Божіе столь повсюду близкимъ, что не можно быть внѣ онаго. *Камо пойду отъ Духа Твоего? И отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси. Аще возму крилѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря: и тамо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя* (Псал. CXXXVIII. 7—10.). Присовокупимъ еще нѣкоторыя указанія присутствія Божія въ

словѣ Божіемъ. Иногда указуетъ оно присутствіе Божіе на небесахъ небесъ, и какъ-бы совсѣмъ устраняетъ отъ земли. *Небо небесе Господеви: землю же даде сыновомъ человѣческимъ* (Псал. CXIII. 24.). Но иногда Самъ Богъ низводитъ присутствіе Свое на землю, и полагаетъ оное навсегда во храмѣ Своемъ. *Будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3.). Наконецъ и еще меньшую и тѣснѣйшую обитель присутствію Божію, паче, можетъ быть, вѣроятія многихъ, созидаетъ слово Божіе во внутренности человѣка. *Вы бо есте Церкви Бога жива, яко же рече Богъ: яко вселюся въ нихъ* (2 Кор. VI. 16.).

И такъ, Богъ — въ неприступномъ свѣтѣ, Богъ—во всемъ мірѣ; Богъ — на небесахъ; Богъ—во храмѣ; Богъ — въ человѣкѣ:—какъ же столь разные образы познанія согласить въ одномъ, самимъ съ собою сообразномъ, вѣдѣніи единаго присутствія Единаго Бога?

Не трудно на сіе отвѣтствовать вообще, что какъ Богъ во внутреннихъ Своихъ свойствахъ, силахъ и дѣйствіяхъ есть непостижимъ и безконеченъ; таковъ же Онъ есть и во внѣшнихъ Своихъ откровеніяхъ и явленіяхъ: и потому нимало не странно, а весьма естественно, что откровенія единаго присутствія Его непостижимо различны, и явленія Его безконечно разнообразны, потому и не могутъ быть обняты однимъ какимъ-либо частнымъ образомъ познанія, но во всѣхъ возможныхъ образахъ познанія одно необъятное Боговѣдѣніе таинственно проявляютъ, и проявляя, оставляютъ таинственнымъ.

Но дабы невѣдущій не имѣлъ причины жаловаться, что ему неизвѣстное объясняютъ тѣмъ, что совсѣмъ недовѣдомо: испытаемъ, если можно, приблизить необъятное Боговѣдѣніе къ ограниченному познанію человѣческому.

Слово Божіе, явленіе Божества въ мірѣ, именно, Сына Божія, Которому особенно принадлежитъ *исповѣдывать* (Іоан. I. 18.), то есть, открывать, являть невидимое Божество, — изображаетъ подобіемъ благотворно возсіявающаго солнца: *возсіяетъ вамъ*, глаголетъ Богъ у Пророка, *боящимся имене Моего, солнце правды, и исцѣленіе въ крилѣхъ его* (Мал. IV. 2.). Подобно сему и въ молитвахъ совершившагося нынѣ тайнодѣйствія Богъ прославляется, какъ *солнце истиннаго дня*. Воспользуемся симъ естественнымъ подобіемъ для нѣкотораго созерцанія истины сверхъестественной.

Вы говорите: солнце на небѣ. Сіе очевидно всякому. Но разсматривайте далѣе: что есть присутствіе солнца? Присутствіе вещи есть ея непосредственное отношеніе къ другимъ, ея дѣйствованіе на другія вещи. Посему есть присутствіе солнца повсюду, гдѣ оно дѣйствуетъ своею силою свѣта, теплоты, движенія. И подлинно, когда ты, стоя на земли, видишь на небѣ свѣтлый кругъ солнечный: тогда ты не можешь сказать, что солнце отсутствуетъ; тогда и на земли есть для тебя присутствіе солнца. Но и тогда, когда облака закрываютъ отъ тебя образъ солнца, происходящій отъ него дневный свѣтъ не есть ли также дѣйствительное, хотя не столь явственное, присутствіе солнца, которымъ и отличается день отъ ночи? И еще, когда та же солнечная сила, которая дѣйствуетъ на всю подсолнечную вообще, особеннымъ образомъ дѣйствуетъ и оказываетъ свое дѣйствіе въ нѣкоторой особенной вещи, на примѣръ, во внутренности плода производитъ нѣжность, способность къ питанію, вкусъ, зрѣлость: не есть ли и сіе присутствіе солнца въ силѣ и дѣйствіи?

Дерзнемъ теперь, поколику возможно, возвести сіе подобіе къ тому, что выше всякаго подобія.

Какъ есть первоначальное и существенное присутствіе солнца на небѣ, въ свѣтоносномъ кругѣ онаго: такъ есть первоначальное и существенное присутствіе Божества на небесахъ небесъ, въ неприступномъ свѣтѣ, въ Его средоточной и всеобъемлющей вѣчности, для которой средоточіе—вездѣ, а окружія нѣтъ.

Какъ солнце, не оставляя мѣста своего на небѣ, дѣятельно присутствуетъ во всей подсолнечной, поколику всюду свѣтитъ грѣетъ, движетъ: такъ Богъ, живя въ неприступномъ свѣтѣ на небесахъ небесъ, тѣмъ не менѣе истинно и дѣйствительно присутствуетъ во всемъ мірѣ, и невиди-

момъ и видимомъ, поелику *носитъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I. 3.).

Какъ для находящихся на земли есть особенное присутствіе солнца, когда они, сквозь чистый воздухъ, видятъ свѣтоносный кругъ его, и примѣчаютъ, какъ оно восходитъ, идетъ и заходитъ: такъ для очищенныхъ отъ мглы плотскія душъ есть особенное присутствіе Божіе, которое является имъ въ чудныхъ образахъ Божественнаго свѣта, предъ очами духа ихъ открывающихся, преходящихъ и паки сокрывающихся. Такъ Исаія *видѣлъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ* и *превознесеннѣ* (Иса. VI. 1.); такъ Iезекiиль видѣлъ, надъ четырьмя животными, и надъ огненными, одушевленными колесами, *на подобiи престола подобiе яко видъ человѣчь* (Iезек. I. 26.); такъ Iаковъ видѣлъ Господа на высотѣ лѣствицы въ двери небесъ, и многіе Святые многообразно.

Впрочемъ, какъ и тѣ, отъ которыхъ образъ солнца закрывается туманомъ или облакомъ, по обыкновенному дневному свѣту, и по другимъ дѣйствіямъ солнца, познаютъ его присутствіе: такъ и тѣ души, отъ которыхъ или нижняя мгла собственной плоти заграждаетъ, или вышнее облако неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ закрываетъ чрезвычайный свѣтъ чудесныхъ откровеній и явленій Божественныхъ, могутъ однако же имѣть довольно ясное познаніе и живое ощущеніе присутствія Божія, по нѣкоторому, не столь опредѣленному, не столь поразительному, но, для ока неослѣпленнаго, дѣйствительному и ничѣмъ непомраченному свѣту Божества, непрестанно свѣтящему въ происхожденіи, возрастаніи, совершеніи, сохраненіи, управленіи, возобновленіи тварей, особенно въ дивномъ для внимательныхъ наблюдателей провидѣніи о человѣкѣ.

Далѣе, какъ есть нѣкоторое внутреннее присутствіе солнца въ земномъ плодѣ, въ который оно входитъ своею силою, и сообщаетъ ему нѣжность, питательность, вкусъ, зрѣлость: подобнымъ сему образомъ, —испытавшій знаетъ, а не испытавшій для поощренія себя къ опыту, можетъ предварительно догадываться, что есть внутреннее присутствіе Божіе въ человѣкѣ, котораго, по его свободному желанію, по его вѣрѣ и любви, по молитвѣ и преданности, Богъ посѣщаетъ Своею благодатною силою въ сердцѣ, внутренно умягчаетъ, питаетъ, услаждаетъ, и дѣйствіемъ духовнаго свѣта и теплоты,—истины и любви, постепенно приводитъ къ духовной зрѣлости, или совершенству.

Можно бы продолжать разностороннія примѣненія взятаго нами уподобленія: но лучше не простираться далеко на семъ пути. Не все можно и должно изъяснять: многому должно только вѣрить, потому что и можно только вѣрить. Видимыя созданія Божіи, по слову Самого Создателя, представляютъ только *задняя* Его: лица же Его показать не могутъ. Свѣтъ сотворенныхъ вещей есть не болѣе, какъ тѣнь Свѣта несотвореннаго; а тѣнь конечно не можетъ быть такъ ясна, какъ свѣтъ. Имѣютъ и твари свои таинства, которыхъ дѣйствія не можетъ не признать естествознаніе, встрѣчаясь съ онымъ въ опытѣ, но которыхъ истолковать оно не умѣетъ. Можно ли же быть не довольну, если непостижимый Богъ предлагаетъ намъ таинства, для которыхъ пытливый разумъ тщетно изощряетъ свою проницательность? Не сего ли надлежало и ожидать отъ Непостижимаго Бога? — Если я укажу вамъ на зрѣлый гроздъ, и скажу, что въ немъ есть благословеніе солнца: вы должны мнѣ повѣрить, потому что даже и по знаменіямъ наружности можете примѣтить его зрѣлость, и можете въ ней удостовѣриться вкушеніемъ, и при томъ знаете, что безъ солнца виноградъ не созрѣетъ: но тщетно стали бы вы требовать отъ меня изъясненія, или усиливались бы изъяснить сами себѣ, какъ солнце входитъ въ ягоду, и малыя частицы земли, воды, воздуха, претворяетъ въ кровь гроздову. Не испытуйте же таинъ Солнца духовъ, не требуйте отчета въ дѣйствіяхъ благодати Отца свѣтовъ. Когда Евангеліе и Церковь вводятъ васъ въ освященный храмъ, какъ въ Домъ Божій, приближаютъ васъ къ его престолу, яко къ престолу благодати, указуютъ вамъ на воду крещенія или кропленія, и сказуютъ, что есть надъ нею осѣненіе Духа Божія; указуютъ на мѵропомазаніе, и образуютъ

имъ печать дара Духа Святаго; указують на тайнодѣйствованные виды хлѣба и вина, и возглашають: сіе есть истинное Тѣло Господне, сія есть истинная Кровь Господня: вѣруйте не испытуя, пріобщайтесь вѣруемому съ любовію и преданностію; и вы обрящете въ видимомъ невидимое, въ чувственномъ духовное, въ знаменіяхъ и видахъ истину и силу, въ естественномъ свышеестественное, приближитесь къ Божественному даже до *причастія*, какъ говоритъ Апостолъ, *Божественнаго естества* (2 Петр. I. 4.); *вкусите и увидите*, только не окомъ тѣла, *яко благъ Господь*, получите участіе въ *блаженствѣ невидѣвшихъ и вѣровавшихъ*.

Таковыми различными, но между собою согласными, и единое спасительное и блаженное вѣдѣніе составляющими образами познанія, если не всѣми, то нѣкоторыми, увѣдали ли мы, братія, присутствіе Божіе, не словесно и мысленно только, но дѣйствительно и опытно?

Кто истинно позналъ присутствіе Божіе во всемъ мірѣ: тотъ надъ всемъ, происходящимъ въ мірѣ, видитъ всемогущую, благую и праведную руку Божію: и потому на всѣ, особенно важнѣйшія происшествія міра взираетъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ; всякое благополучіе въ мірѣ пріемлетъ, какъ даръ Божій, съ благодареніемъ; всякое бѣдствіе въ мірѣ, какъ дѣйствіе суда Божія, съ покорностію, съ терпѣніемъ и упованіемъ. Но если мы вообще къ дѣламъ Божіимъ невнимательны, къ благодѣяніямъ Божіимъ неблагодарны, судамъ Божіимъ непокоривы; то не познали мы вседѣтельнаго присутствія Божія; *нѣсть Бога предъ очима нашима*.

Кто дѣйствительно позналъ присутствіе Божіе въ человѣкѣ, и внутренно принялъ силу несозданнаго Солнца: въ томъ непрестанно возрастаетъ и созрѣваетъ *плодъ духовный, любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. V. 22.). Напротивъ того, если мы еще любимъ и дѣлаемъ грубыя дѣла плоти, темныя дѣла діавола, дѣла невоздержанія, корыстолюбія, гордости, жестокости, ненависти: то не познали еще мы благодатнаго присутствія Божія; не вкусили еще силы грядущаго вѣка; чуждо еще для насъ реченное отъ Господа: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII. 21.).

Кто живо позналъ и ощутилъ невидимое присутствіе Божіе въ видимомъ храмѣ и его священныхъ знаменіяхъ и таинствахъ: тотъ со Псалмопѣвцемъ *веселится о рекшихъ ему: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. CXXI. 1.); тотъ, согласно съ чувствованіемъ другаго церковнаго Пѣснопѣвца, *стоя въ храмѣ славы Божіей, на небеси стояти мнитъ*. Но если мы неохотно идемъ во храмъ, или даже удаляемся отъ него: то должно заключить одно изъ двухъ, или что мы совсѣмъ не знаемъ, *яко есть Господь на мѣстѣ семъ*, или что мы рабы невѣрные, бѣгающіе отъ дома Господа своего. Если мы стоимъ во храмѣ неблаговѣйно и безъ вниманія; то видно не разумѣемъ мы, *яко страшно мѣсто сіе*: а оно, если страшно и для благоговѣйныхъ, какъ подобное сему страшно было для Іакова; то колико должно быть страшнѣе для виновныхъ въ безстрашіи! Если мы стоимъ здѣсь съ помыслами не о Божественномъ, а о человѣческомъ, и занимаемся другъ другомъ, какъ будто въ домѣ человѣческомъ: то не явно ли, что мы забываемъ достоинство *Дома Божія*, и оскорбляемъ владычество Живущаго въ немъ?

*Взыщите Господа, и утвердитеся; взыщите лица Его выну* (Псал. CIV. 4.), дабы Онъ *исполнилъ васъ радостію съ лицемъ Своимъ*.

Ищите присутствія Божія въ мірѣ — здравымъ и безстрастнымъ разсужденіемъ о дѣлахъ Божіихъ; въ сердцѣ — вѣрою, молитвою, чистотою, смиреніемъ; во храмѣ — благоговѣніемъ къ святынѣ и таинствамъ, и глубокимъ вниманіемъ Слову Божію.

*Господи силъ, съ нами буди! Буди Господи на мѣстѣ семъ*; и *мы невѣдущіе* да познаемъ Твое присутствіе святое и освящающее. Аминь.

## 23. СЛОВО

**По освященіи храма Пресвятыя Богородицы, Взыскательницы погибшихъ, устроеннаго при Замкѣ пересыльныхъ арестантовъ, 1843 года Декабря 23 дня.**

*Всади ихъ во внутреннюю темницу, и ноги ихъ заби въ кладѣ. Въ полунощи же Павелъ и Сила молящеся пояху Бога: послушаху же ихъ юзницы.* Дѣян. XVI. 24. 25.

Вотъ и мы *молящеся поемъ Бога,* если не въ самой темницѣ, то близъ самой темницы, и ради темницы, и *слушаютъ* насъ *юзницы.*

Помышляя о томъ, что̀ здѣсь нынѣ совершилось, хочу радоваться, радостію человѣколюбія: но нѣсколько и страшусь, страхомъ Божіимъ.

Если бы кому пришло на мысль, во дворѣ темничномъ построить царскій домъ: кто не сказалъ бы, что это несообразно съ достоинствомъ дома царскаго? Какъ же дерзнули мы во дворѣ темничномъ устроить домъ болѣе, нежели царскій,—домъ Божій?

Чистота и святость принадлежатъ дому Божію преимущественно предъ всякимъ другимъ мѣстомъ, хотя впрочемъ не лишеннымъ своей чистоты. Напротивъ того темница, и особенно темница осужденныхъ, не есть ли такое мѣсто, куда общество человѣческое повергаетъ отъ себя нравственную нечистоту? Итакъ сохранится ли чистота, не оскорбится ли святость дома Божія, когда мы поставляемъ его въ соприкосновенности съ темницею осужденныхъ?

Правила Святыхъ удаляютъ отъ святыхъ Христовыхъ Таинъ, и едва допускаютъ переступать чрезъ прагъ святаго храма, людей, обремененныхъ тяжкими грѣхами, доколѣ не очистятъ ихъ совѣсти покаяніе, слезы и время, иногда довольно продолжительное. И не удивительна сія строгость, когда и человѣческій законъ тѣхъ же людей, за тѣ же грѣхи, которые онъ, обнаруживъ, называетъ преступленіями, удаляетъ отъ домовъ и селеній непорочныхъ гражданъ, даже навсегда. Какъ же теперь святый храмъ, со святыми Тайнами, самъ пришелъ къ симъ людямъ, которымъ строгость священныхъ правилъ не даетъ права приступать къ святымъ Тайнамъ, и едва позволяетъ входить во храмъ?

Милостивъ буди къ немощнымъ служителямъ Твоея святыни, Единый Святый, Единый Господь, Іисусъ Христосъ, если мы не довольно строго удаляемъ отъ святыни Твоея то, что ея недостойно; если, научаясь отъ Апостола Твоего, *поминать юзники, аки съ ними связани* (Евр. XIII. 3.), мы хотимъ раздѣлить съ ними, что только знаемъ утѣшительнѣйшаго для себя, —именно, благодать святаго храма, и спасительное общеніе, или по крайней мѣрѣ, благотворную близость животворящихъ таинъ. Не въ темницу ли, не къ осужденнымъ ли, не къ изгнанникамъ ли, не къ узникамъ ли пришелъ и Самъ Ты на землю, чтобы основать Твой живый храмъ, Твою святую Церковь! Ибо, что такое вся земля, послѣ рая, какъ не пространная темница? Что человѣкъ вообще, какъ не осужденный преступникъ райскаго закона, изгнанникъ рая, плѣнникъ грѣха, узникъ бренной плоти, отягощающей душу? И не гнушалась чистота Твоя; не чуждалась святыня Твоя. Ты пришелъ; и въ сей темницѣ, для сего преступника, изгнанника, плѣнника, узника, поставилъ Твой Голгоѳскій крестный жертвенникъ; Твоимъ страданіемъ и смертію совершилъ на немъ Твою вселенскую Божественную литургію; принесъ Твою вѣчную жертву, которая одна и та же, и здѣсь, и нынѣ, совершается. И кто были ближайшіе къ сему Твоему жертвеннику?—Разбойникъ одесную; разбойникъ ошуюю. Если сія близость шуяго возбуждаетъ негодованіе: то какое утѣшеніе подаетъ близость деснаго, который и крестныя жертвы Твоея вѣрою пріобщился, и Тебя прославилъ, и самъ спасся, и самымъ безнадежнымъ грѣшникамъ подалъ примѣръ и надежду спасенія! И нынѣ, Господи Іисусе Христе Боже нашъ! Святый и освящающій, Архіерей, и Жертва, Спаситель грѣшныхъ, Взыскатель погибшихъ, Датель благодати и славы! Да не удалится и отъ здѣшняго жертвенника святыня Твоя; да

почиваетъ на немъ благодать Твоя. И если между приближающимися къ нему, предъ зрящимъ на сердца окомъ Твоимъ, явятся и разбойники, или такіе, которые не лучше разбойниковъ: взыскуй и обрѣтай между ими подобныхъ благоразумному распятому съ Тобою разбойнику. Пронзай души ихъ взоромъ Твоего всевѣдѣнія и правосудія, да уязвятся сердца ихъ спасительною скорбію покаянія. И когда отъ сокрушеннаго сердца возопіютъ къ Тебѣ: *помяни ихъ во царствіи Твоемъ* памятію милосердія; даруй имъ благую надежду; и скоро начни отверзать имъ тайную дверь *рая*—въ умиротворенной совѣсти.

А вы, которыхъ законъ и правосудіе сдѣлали чуждыми для насъ, но которыхъ еще братіями называть побуждаетъ любовь Христіанская! Поймите любовь сію, въ ея опытахъ, которые передъ вами.

За чѣмъ пришли къ вамъ, узникамъ, сіи люди свободные, обилующіе, люди почетныхъ званій? Какъ вы съ удовольствіемъ исторглись бы изъ вашей темницы: такъ они съ удовольствіемъ отторглись отъ своихъ дѣлъ и занятій, и поспѣшили къ вамъ, въ темницу. Не имѣютъ ли они въ васъ какой нужды?—Безъ сомнѣнія, никакой. Какая же сила привлекла ихъ сюда?—Сила любви Христіанской. Видно, могущественна сія сила; видно, пріятно слѣдовать ея влеченію. По любви Христіанской, они находятъ приращеніе своего благополучія въ томъ, чтобы сострадать вашему несчастію, чтобы трудиться для вашихъ нуждъ, чтобы по возможности, облегчать ваши тягости, наипаче же, чтобы указать вамъ единственное вѣрное средство для вашего примиренія съ вашимъ жребіемъ,—въ вашемъ внутреннемъ примиреніи съ самими собою и съ Человѣколюбцемъ Богомъ.

Для чего такъ торжественно явился среди васъ и Церковный Соборъ, и такъ близко къ вамъ водворилъ святыню храма Христіанскаго? Почему правосудіе Церковное не такъ для васъ рѣшительно и неумолимо, какъ гражданское, хотя Церковь требуетъ не только непорочности во внѣшнихъ отношеніяхъ, но и внутренней святости, и потому, могла бы строже судить виновныхъ? Почему тогда, какъ гражданское общество изгоняетъ васъ, Церковь какъ-бы гонится за вами? Одно изъясненіе сихъ неожиданностей — любовь Христіанская. Даже и грозною строгостію церковныхъ правилъ не иной кто вооружилъ служителей вѣры, какъ любовь по реченному Апостоломъ: *страхомъ спасайте отъ огня восхищающе:* любовь же повелѣла и умягчать строгость правилъ: *милуйте разсуждающе* (Іуд. I. 22.). Любовь во Христѣ избрала и провозгласила сей неожиданный образъ дѣйствованія: *не пріидохъ призвати праведники*, но *грѣшники на покаяніе* (Мат. IX. 13.). *Пріиде сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (Мат. XVIII. 11.). Та же любовь и нынѣ, отъ девятидесяти девяти овецъ незаблуждшихъ, идетъ искать одной заблуждшей.

Братія, и въ семъ уничиженномъ состояніи вашемъ, намъ ради Христа возлюбленные! Не будьте къ сей любви невнимательны и холодны. Если есть въ васъ нѣкоторое расположеніе къ благодарности, какъ оно есть въ общей природѣ нашей: не ужели вы попустите себѣ оказаться не добрыми для тѣхъ, которые такъ дѣятельно добры для васъ? Не ужели не захотите доставить нѣкоторое утѣшеніе тѣмъ, которые заботятся о вашемъ утѣшеніи? Заботьтесь же сколько нибудь и вы, чтобы доставить имъ утѣшеніе, котораго они ищутъ,—въ вашемъ нравственномъ и духовномъ улучшеніи.

Когда примѣчаете близъ себя, что Христіанство раскрываетъ въ людяхъ способность находить благополучіе въ томъ, чтобъ итти въ темницу, заботливо заниматься осужденными; догадайтесь изъ сего, что есть въ Христіанствѣ сила, и въ самихъ осужденныхъ, и въ самихъ заключенныхъ въ темницѣ, или странствующихъ въ изгнаніе или заточеніе, открыть способность къ благополучію, котораго и темница не помрачитъ, которое и на пути въ изгнаніе, назади не останется. Источникъ сей побѣдоносно благотворной силы есть благодать Божія; хранилища благодати суть: Слово Божіе, Церковь и ея Таинства; средства привлекать и пріобрѣтать оную суть: сердечная молитва, поученіе Слова Божія, благоговѣйное участіе въ церковномъ Бого-

служеніи и, въ установленномъ порядкѣ, общеніе таинствъ, съ вѣрою и любовію.

Не удивился бы я, если бы вы стали жаловаться, какъ трудно вамъ возвышать духъ вашъ, изъ-подъ тяжести бѣдствія. Не оспориваю сей трудности: но утверждаю, что есть вѣрная возможность преодолѣть ее; и чтобы доказать сіе несомнѣнными опытами, указываю вамъ на темницу, или, если угодно, и на нѣсколько темницъ и изгнаній, или заточеній, которыя несравненно тяжеле вашей темницы и вашего изгнанія, но которыя не препятствовали возвышаться духу, когда онъ того желаетъ.

Апостолы Павелъ и Сила, въ городѣ Филиппахъ, за проповѣдь Евангелія, и за изгнаніе духа пытливаго, возмутившимся народомъ битые, израненные, отданы въ темницу подъ крѣпкую стражу. Темничный стражъ, не довольствуясь заключеніемъ ихъ во внутреннюю темницу, *ноги ихъ заби въ кладѣ*. Что же они дѣлаютъ,— изнуренные біеніемъ, страждущіе отъ ранъ, не могущіе дать удобнаго положенія тѣлу, отъ стѣсняющей ноги обоихъ колоды,—что дѣлаютъ они тогда, какъ и не изнуренные уступаютъ немощи тѣла? — *Полунощи Павелъ и Сила молящеся пояху Бога.* Можетъ быть, вы думаете, что Апостольскій только духъ могъ быть такъ возвышенъ и не преодолѣваемъ ни бѣдствіемъ, ни немощію. Не совсѣмъ такъ. По гласу молитвы Апостольской, и прочіе заключенные въ той же темницѣ, не только не апостолы, но, по всей вѣроятности, даже не Христіане (потому что это было въ языческомъ городѣ), возвысились духомъ и надъ бѣдствіемъ, и надъ немощію плоти, не предались сну въ полунощи: *послушаху ихъ юзницы.* И видно, сильно ихъ объялъ восторгъ молитвы Апостольской: потому что и чудо надъ ними совершилось: *весьмъ юзы ослабѣша.*

Кто не слыхалъ о юномъ, невинномъ Іосифѣ, отторгнутомъ отъ отца, проданномъ братьями въ плѣнъ и въ рабство, увлеченномъ въ дальнюю страну, къ иноплеменникамъ, оклеветанномъ, вверженномъ въ темницу? — Знаете конечно и то, что столько бѣдствій не могли унизить духа юноши, ни поколебать его добродѣтели, но и въ рабствѣ она была свободна, и въ темницѣ просіяла. Не видите ли, что и въ темницѣ, и въ заточеніи можно находиться, безъ упадка духа, не безъ надежды, и даже съ достоинствомъ и славою?

Осмотрите еще одну темницу и узы, которыя должны показать вамъ, что темница и узы не только не погубляютъ невиннаго, но еще могутъ способствовать спасенію виновнаго, если онъ благоразумно ими воспользуется. Манассію, виновнаго въ отступленіи отъ Бога и въ другихъ тяжкихъ преступленіяхъ, *яша въ узахъ, и связаша его оковы ножными*, и *отведоша его въ Вавилонъ. И егда озлобленъ бысть, взыска лице Господа Бога Своего, и смирися зѣло предъ лицемъ Бога Отецъ своихъ, и молися къ Нему, и послуша его* (2 Парал. XXIII. 11—13.).

И такъ, если вы не можете, какъ Іосифъ, сдѣлать свою темницу, изгнаніе, заточеніе, почтенными и славными посредствомъ невинности и непоколебимой добродѣтели: по крайней мѣрѣ, какъ Манассія, старайтесь сдѣлать ваши бѣдствія и трудности спасительными для васъ, посредствомъ покаянія, исправленія жизни и безропотной покорности закону, власти и судьбѣ Божіей.

Что скажу наконецъ соединеннымъ подвижникамъ Христіанскаго человѣколюбія, посѣтителямъ темницъ, попечителямъ ихъ обитателей и переселенниковъ? Что въ особенности соработникамъ дѣла благочестія, которое нынѣ запечатлѣла благодать?—Не многое потребно слово тамъ, гдѣ уже довольно дѣла благонамѣренно совершилось или совершается. *Не обидливъ Богъ забыти дѣла вашего и труда любве, юже показасте во имя Его* (Евр. VI. 10.). Любовь Божія да не престаетъ одушевлять и услаждать вашъ трудъ. Имя Господа Іисуса да исполняетъ силою слова и дѣйствія вашего человѣколюбія. Въ благоуспѣшномъ утѣшеніи бѣдствующихъ, въ обращеніи заблуждающихъ, въ радостномъ о семъ свидѣтельствѣ совѣсти вашей, да является вамъ и въ темницѣ Тотъ, Который отъялъ отъ нея поношеніе, и украсилъ ее, Своимъ увѣреніемъ, что Онъ въ ней былъ: *въ темницѣ бѣхъ.* Аминь.

## 24. СЛОВО

**По освященіи храма Святителя Николая, въ Перервенскомъ Монастырѣ.**

*Исполню храмъ сей славы, глаголетъ Господь Вседержитель. Мое сребро и Мое злато, глаголетъ Господь Вседержитель. Зане велія будетъ слава храма сего послѣдняя паче первыя, глаголетъ Господь Вседержитель.* Агг. II. 8. 9. 10.

Такова была проповѣдь Пророка Аггея, при возобновленіи храма Іерусалимскаго. Извѣстно, что храмъ сей, Соломономъ великолѣпно созданный, Вавилонянами разрушенный, былъ потомъ возстановленъ возвратившимися изъ плѣна Вавилонскаго Іудеями, подъ начальствомъ Іисуса и Зоровавеля, при скудныхъ средствахъ, при многихъ препятствіяхъ. Для поощренія возстановителей храма въ ихъ подвигѣ и въ награду за него, Пророкъ именемъ Божіимъ возвѣщаетъ имъ неожиданную новость, что храмъ сей не только будетъ имѣть славу, какъ прежній Соломоновъ, но даже большую славу, нежели прежній Соломоновъ.

Храмъ, въ которомъ теперь мы находимся, имѣлъ своего рода и степени прежнюю славу, или, скромнѣе сказать, достоинство, достопамятность. Съ уваженіемъ воспоминаемъ, что его создателемъ былъ Святѣйшій Патріархъ Адріанъ. Не враждебная рука, но время, которое раньше или позже дѣлается враждебнымъ всему, что родится и пребываетъ подъ закономъ времени, было причиною, что онъ потребовалъ возобновленія: и сіе, по благости Божіей, посильно совершилось. Отъ почтительнаго воспоминанія о прошедшемъ, отъ мгновеннаго воззрѣнія на настоящее, которое и само мгновенно, мысль почти невольно простирается въ будущее: потому что не для настоящей только минуты предпринятъ трудъ возобновленія.

Что жъ? Дерзнемъ ли уповать, что и здѣсь возглаголетъ Господь Вседержитель: *исполню храмъ сей славы?* Не только можемъ уповать, но и должны вѣровать, что Господь уже исполнилъ и здѣсь свое обѣтованіе о исполненіи Своего храма Своею невидимою славою, что, внемля молитвамъ Церкви, и пріемля предстательство добропобѣдныхъ Мучениковъ и Святыхъ, соприсутствующихъ намъ во святыхъ мощахъ своихъ, вступилъ онъ благодатнымъ своимъ присутствіемъ въ сіе святилище, и утвердилъ здѣсь пребываніе Своей Святыни.

А будетъ ли *велія слава храма сего послѣдняя паче первыя?* Какой человѣкъ можетъ сіе провидѣть и предсказать, если не покажетъ и повелитъ Господь Вседержитель? Даже и желать сего не было ли бы дерзновеніе чрезмѣрное?

Въ смиреніи духа и признаніи нашего недостоинства, вознесемъ ко Господу Вседержителю менѣе дерзновенныя, и болѣе умѣренныя желанія, да пребываетъ неотступно во храмѣ семъ благодать Его древняя и новая, да возвѣщается здѣсь выну слава Божія, свѣтъ Слова Божія, живаго и дѣйственнаго, да озаряетъ сердца, осѣненіе Духа Святаго да покрываетъ ихъ миромъ, да возжигается здѣсь не одинъ огнь свѣтильниковъ, но и огнь Божественнаго желанія, да исправляются молитвы вѣрныхъ, яко кадило предъ Богомъ, и да низводятъ всякій даръ совершенный свыше отъ Отца свѣтовъ, при предстательствѣ преблагословенныя Богородицы, и Святителя Николая, и Преподобнаго Сергія, призванному сему храму и сей обители, благочестіемъ и вѣрою предшественниковъ нашихъ.

Но, можетъ быть, мы поспѣшили мнѣніемъ о славѣ храма первой и послѣдней, не вникнувъ предварительно, что такое слава храма первая и послѣдняя. Возвратимся къ проповѣди Пророка, и къ храму Іерусалимскому, на который можно взирать частію, какъ на образецъ храмовъ и судебъ ихъ: поелику онъ созданъ Соломономъ по образу скиніи Моисеевой, а сія по образу, показанному на горѣ Богомъ.

Поклонники храма Іерусалимскаго славу храма полагали, кажется, наиболѣе въ его великолѣпіи. Къ сему народному понятію примѣняется Пророкъ, когда говоритъ Іудеямъ: *кто отъ васъ, иже видѣ*

*храмъ сей въ славѣ его прежней? И како вы видите его нынѣ, якоже не суща предъ вами?* Сіе сказано потому, что храмъ, который они созидали, былъ малъ и скуденъ въ сравненіи съ прежнимъ разрушеннымъ.

Но далѣе, когда Пророкъ возвѣщаетъ пророчески провидѣнную и разумѣваемую славу храма, онъ уже не держится народнаго мнѣнія, а исправляетъ оное и возвышаетъ. Къ сему, безъ сомнѣнія, клонятся слѣдующія слова: *Мое сребро и мое злато, глаголетъ Господь Вседержитель.* То есть: не думайте, чтобы храмъ былъ славенъ только тогда, когда исполненъ сребромъ и златомъ, и напротивъ безславенъ, когда скуденъ. Не много въ семъ разности для Бога, Который обладаетъ не только сребромъ и златомъ храма, но сребромъ и златомъ всего міра. Онъ и обогащаетъ храмъ Свой, когда восхощетъ, и безъ видимаго великолѣпія можетъ дать ему славу, которая выше всякаго великолѣпія.

Но въ чемъ же, по лучшему разумѣнію, состояла слава Іерусалимскаго храма, которую Пророкъ называетъ первою? Отвѣтъ на сіе можно найти въ повѣствованіи объ освященіи сего храма при Соломонѣ. *И бысть*, повѣствуетъ книга Царствъ, *егда изыдоша Іереи изъ Святилища*, и *облакъ исполни храмъ Господень. И не можаху Іереи стати служити отъ лица облака, яко исполни слава Господня храмъ* (3 Цар. VIII. 10. 11.). Очевидно, что здѣсь *славою Господнею* называется чудесный *облакъ*, осѣнившій и наполнившій храмъ, и бывшій видимымъ знаменіемъ невидимаго, благодатнаго присутствія Божія.

Слѣдуетъ другой вопросъ: что значитъ возвѣщаемая Пророкомъ Іерусалимскому храму *велія слава послѣдняя паче первыя?*—Вопросъ не такъ легкій къ разрѣшенію, какъ первый, даже затрудняемый разрѣшеніемъ перваго. Если первую славу храма Іерусалимскаго, или важнѣйшую часть ея составлялъ чудесный облакъ, знаменующій присутствіе Божіе; но сего чудеснаго знаменія не видно во второмъ храмѣ Іерусалимскомъ, воздвигнутомъ послѣ плѣненія Вавилонскаго: то гдѣ же *велія слава послѣдняя паче первыя?* Кажется, здѣсь нѣтъ даже и равной съ первою славы. Вспомнимъ еще, что въ первомъ храмѣ Іерусалимскомъ былъ кивотъ завѣта съ Богоначертанными скрижалями, хранилсь чудесная манна и жезлъ Аароновъ, чудесно прозябшій: все сіе скрылось съ разрушеніемъ перваго храма, и во второмъ уже не явилось. Гдѣ же *велія слава послѣдняя паче первыя?* Развѣ она еще впереди? Но храмъ, на который указывалъ Пророкъ Аггей, когда говорилъ отъ имени Божія: *исполню храмъ сей славы*, давно разрушенъ язычниками, бѣдственнѣе перваго. Гдѣ же его послѣдняя слава велія паче первыя?—Вотъ не разрѣшимая загадка для невѣрующаго Іудея. Вамъ, Христіане, надобно было видѣть трудность ея для того, чтобы тѣмъ яснѣе видѣть силу Пророческаго слова, тѣмъ радостнѣе чувствовать торжество вѣры. Ключь къ разрѣшенію загадки Аггея подаетъ намъ другой, слѣдовавшій за нимъ Пророкъ, когда говоритъ: *внезапу пріидетъ въ Церковь Свою Господь, Его же вы ищете, и Ангелъ завѣта, Его же вы хощете: се грядетъ, глаголетъ Господь Вседержитель* (Мал. III. 1.). Не трудно понять, что сіе послѣднее пророчество указуетъ на пришествіе Господа нашего Іисуса Христа во вторый Іерусалимскій храмъ: Онъ есть *Господь*, Котораго столь долго *искали*, то есть, ожидали вѣрующіе Ветхаго Завѣта; Онъ *Ангелъ* благодатнаго *Завѣта*, Котораго желали они, какъ своего, равно какъ и нашего, Спасителя. Теперь понятно и Аггеево Пророчество о преимущественной послѣдней славѣ храма, и оказывается удивительно точнымъ. Не величайшая ли та слава храма, когда въ немъ является Самъ Господь славы съ Своимъ животворнымъ словомъ, съ Своими Божественными чудесами? И явился въ немъ Господь нашъ, точно въ послѣднее время, предъ его разрушеніемъ.

И такъ невидимое присутствіе Божіе въ видимыхъ знаменіяхъ—вотъ *первая слава* храма Іерусалимскаго! Видимое присутствіе Бога, явившагося во плоти — вотъ *послѣдняя* слава храма Іерусалимскаго, *велія паче первыя!*

Что посему должно думать о славѣ храма Христіанскаго? — Нѣчто подобное

сказанному о славѣ храма Ветхозавѣтнаго, который былъ *сѣнь грядущихъ*, и котораго существенность совершеннѣе познается въ Христіанствѣ.

Мысль о славѣ храма Христіанскаго, конечно, не должно смѣшивать съ мыслію о его благолѣпіи и великолѣпіи. Благословенно и въ Христіанинѣ чувство древняго любителя храма: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего* (Псал. XXV. 8.). Благо душѣ, сочувствующей душѣ возлюбленнаго Давида, который говорилъ Пророку Наѳану: *се азъ живу въ дому кедровѣ, кивотъ же Завѣта Господня подъ кожами* (1 Парал. XVII. 1.). Стыдно, думалъ онъ, жить въ прекрасномъ домѣ, и видѣть домъ Божій безъ свойственнаго ему благолѣпія и великолѣпія; если Богъ благословилъ меня обиліемъ, надобно, чтобы лучшая часть онаго посвящена была дарователю. Такъ размышляющему не усумнюсь и я сказать съ Пророкомъ: *добрѣ сотворилъ еси, яко бысть на сердцѣ твоемъ сіе. Все, еже въ сердцы твоемъ, твори, яко Господь съ тобою есть.* Но если бы кто сказалъ, что онъ щедрыми приношеніями храму Божію составилъ славу его: то я повторилъ бы ему проповѣдь Аггея Пророка: *Мое сребро, и мое злато, глаголетъ Господь Вседержитель.* Не ты обогатилъ Бога, и прославилъ Его храмъ: Богъ даровалъ тебѣ и дары, которые ты принесъ Ему, и благую мысль посвятить ихъ. Его благодари, о Немъ радуйся, Его прославляй; а въ себѣ смиряйся. Единъ Господь Вседержитель силенъ и властенъ исполнить храмъ Свой славою. Онъ сказалъ о храмѣ Іудейскомъ: *исполню храмъ сей славы*; и дабы знали, откуда произойдетъ она не въ одномъ знаменіи, но въ существѣ и силѣ, Онъ сказалъ еще въ то же время: *зане Азъ съ вами есмь, глаголетъ Господь Вседержитель: слово, еже завѣщахъ съ вами, егда исходисте изъ земли Египетскія, и Духъ Мой настоитъ посредѣ васъ.* Подобно и намъ, Христіане, сказалъ Господь нашъ: *идѣже аще два или тріе собрани будутъ во имя Мое; ту есмь и Азъ посредѣ ихъ;* и въ семъ завѣтномъ словѣ, дѣйственномъ и непреходящемъ, положилъ неоскудѣвающее начало славы для храмовъ Христіанскихъ, которые для того и существуютъ, чтобы собирать вѣрующихъ въ имя Его. Здѣсь Онъ, посреди насъ, во словѣ Евангелія, въ облакѣ таинствъ, въ духѣ и пламени молитвъ единодушныхъ. И поелику, гдѣ Богъ и прославленный Богочеловѣкъ, тамъ и небо, всегда исполненное славы: то воистину, Господи, *во храмѣ стояще славы Твоея на небеси стояти мнимъ.* Вотъ существенная слава храма Христіанскаго.

Но какъ слово Пророческое дало намъ мысль о славѣ храма первой и послѣдней, большей первыя: то не ожидаетъ ли чего подобнаго и Христіанскій храмъ? — Ожидаетъ и онъ втораго славнаго пришествія Христова: но оно послѣдуетъ не для того, чтобы дать высшую степень славы земнымъ храмамъ Христіанскимъ, а для того, чтобы истинныхъ поклонниковъ сихъ храмовъ возвести въ нерукотворенный храмъ небесной славы, которая и есть *послѣдняя*, потому что ею все заключается, и вмѣстѣ никогда не будетъ *послѣднею*, потому что есть вѣчная.

Приготовляя насъ къ славѣ храма небеснаго, храмъ славы Божіей на земли ожидаетъ еще нѣкоей посредствующей славы, которая, какъ и всякая истинная слава, дарується Богомъ, но которой обрѣтеніе предоставлено нашей вѣрѣ и нашей ревности. Какъ въ Ветхозавѣтномъ храмѣ слава знаменій, чудесъ, прообразованій должна была вести къ славѣ явленія Іисусъ Христова: такъ въ Новозавѣтномъ храмѣ слава благодатнаго присутствія Господня въ Словѣ Его, въ таинствахъ, въ молитвахъ, должна вести къ славѣ *вселенія Христа вѣрою въ сердца наша*, какъ изъясняется святый Апостолъ Павелъ (Ефес. III. 13.). Надлежитъ намъ, входящимъ въ храмъ Божій, по другому изреченію Апостола, и самимъ содѣлаться *Церквами Бога жива* (2 Кор. VI. 16.), и *Духу Божію жить въ насъ* (1 Кор. III. 16.), или, по изреченію другаго Апостола, надлежитъ приходящимъ во храмъ ко Господу, *камени живу, отъ человѣкъ убо уничижену, отъ Бога же избранну, честну, и самимъ, яко каменію живому, созидатися въ храмъ духовенъ* (1 Пет. II. 4. 5.). Еще и въ Ветхомъ Завѣтѣ, из-

далека, но уже ясно, Богъ показываетъ сіе послѣднее назначеніе Христіанъ, быть живыми храмами Божіими: *вселюся въ нихъ*, и *похожду*, *и буду имъ Богъ*, и *тіи будутъ мнѣ людіе* (Лев. XXVI. 5.). Подумайте, какая была бы это слава для храма, когда бы наполняющіе пространство его были вообще духовными, живыми храмами Божіими, исполненными Духа Божія. Какъ разливался бы свѣтъ Христовой истины! Какъ многоплодны были бы молитвы! Какъ ощутительна сила таинствъ! Какъ сладостны духовныя общенія! Какъ сильна взаимная духовная помощь! Какъ легки чудеса, когда только нужны! И было такъ въ Церкви: потому что Апостолъ утвердительно, и вообще говоритъ Христіанамъ своего времени: *вы есте Церкви Бога жива. Егда сходитеся*, то есть во храмъ на Богослуженіе, *кійждо васъ псаломъ иматъ*, то есть, пѣснь, вдохновенную ему Духомъ Святымъ, *ученіе иматъ, языкъ иматъ*, то есть, чудесный даръ говорить неизученнымъ языкомъ, *откровеніе иматъ, сказаніе иматъ* (1 Кор. XIV. 26.), то есть, истолкованіе невразумительнаго другимъ. Такъ же ли въ Церкви нынѣ? Кажется, намъ уже не до того въ храмахъ нашихъ, чтобы домогаться *велией славы послѣдней, паче первыя.* Не должно ли оплакивать оскудѣніе *славы первыя*?

Позаботимся, братія, о душахъ нашихъ, предназначенныхъ быть храмами Божіими. Утѣшительно помыслить, что Господь отчасти, хотя сокровенно, уже обитаетъ въ насъ благодатію крещенія и другихъ таинствъ: но если мы не печемся охранять Его въ насъ жилище въ чистотѣ и святынѣ, то есть, *очищать себя отъ всякія скверны плоти и духа* и *творить святыню въ страсѣ Божіи* (2 Кор. VII. 1.); если небрежемъ оглашать внутренно нашъ душевный храмъ Словомъ Божіимъ, возжигать въ немъ свѣтильникъ вѣры и любви, облагоухать его молитвою: опасно, братія, чтобы Святый, и во Святыхъ почивающій, не возгнушался недостойною обителію, и не изрекъ, подобно какъ на древній храмъ и Іерусалимъ, рѣшительнаго суда: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѳ. XXIII. 38.). Неослабными усиліями да отражаемъ приражающихся Вавилонянъ, то есть, лукавые помыслы, нечистыя страсти, плотскія похоти, чтобы не возобладали нами, и не разорили въ насъ храма Божія; если же по несчастію и сіе случилось, да возстанемъ, какъ Іисусъ и Зоровавель, и да возставимъ въ себѣ храмъ Божій невозвратнымъ покаяніемъ, слезными молитвами, дѣлами человѣколюбія и милосердія, и всякаго рода благимъ духовнымъ дѣланіемъ, и да исполнитъ Господь храмъ Свой славы отъ времени до вѣчности. Аминь.

## 25. СЛОВО

### По освященіи храма.

*Ты же сыне человѣчь, покажи дому Ізраилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.* Іез. XLIII. 10.

Если слово сіе не даромъ лежитъ въ священныхъ книгахъ; если, какъ увѣряетъ Апостолъ, *елика преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася* (Рим. XV. 4.): то къ кому изъ насъ сіе слово? Кому дается сіе повелѣніе? Къ кому препосылается сіе увѣщаніе?

Послѣ другихъ, не простирается ли, можетъ быть, и ко мнѣ повелѣніе: показать храмъ тѣмъ, которые могутъ смотрѣть на него со вниманіемъ, особенно теперь, когда храмъ только что явился въ своемъ существѣ и дѣйствіи, потому что *слава Господня вниде въ храмъ* (Іез. XLIII. 4.)?

Не должно ли, можетъ быть, и предстоящимъ въ семъ храмѣ, и видящимъ новоявленную святыню сію, напомнить древнее увѣщаніе: *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ*?

Грѣхи народа Іудейскаго,—холодность къ истинной вѣрѣ, пристрастіе къ суевѣріямъ языческимъ, корыстолюбіе, роскошь, неправда, угнѣтеніе сильными слабыхъ, непослушаніе подчиненныхъ властямъ, возрастшія до разстройства жизни частной и общественной, послѣ безплодныхъ обличе-

ній отъ Пророковъ, послѣ частныхъ и непродолжительныхъ наказательныхъ посѣщеній Божіихъ, привлекли наконецъ рѣшительный судъ Божій. Іерусалимъ взятъ и разрушенъ Вавилонянами. Храмъ Соломоновъ сожженъ. Іудеи отведены въ плѣнъ Вавилонскій. Прекратилось законное Богослуженіе: потому что хотя оставались священники, но не было закономъ опредѣленнаго и освященнаго мѣста для Богослуженія. Неудивительно, если горесть Іудеевъ доходила до отчаянія: потому что въ прежнихъ наказаніяхъ Божіихъ гладомъ, войною, моромъ, они имѣли утѣшеніе и надежду въ святомъ храмѣ, который показывалъ, что союзъ ихъ съ Богомъ не вовсе прерванъ, и что путь къ умилостивленію Его еще открытъ; но когда Богъ, отвергая согрѣшившій народъ, отвергъ и мѣсто Свое Святое, тогда отверженіе казалось окончательнымъ и гнѣвъ неумолимымъ. Въ сіе-то безнадежное, по видимому, время Богъ беретъ между плѣнниками Вавилонскими Пророка Іезекіиля, ведетъ его въ духѣ въ опустошенный Іерусалимъ; на развалинахъ и пепелищѣ храма показываетъ ему цѣлый храмъ, его устройство, размѣры, законы, присутствіе въ немъ славы Божіей; и повелѣваетъ тайновидцу, посредствомъ повѣствованія, показать прочимъ Іудеямъ сіе сколь величественное, столь же утѣшительное зрѣлище, котораго не могли они видѣть обыкновенными глазами. *Ты же сыне человѣчь, покажи дому Ізраилеву храмъ.*

То есть: скажи дому Израилеву, что храмъ Божій не въ конецъ разрушенъ; что можно видѣть его въ духѣ, хотя и нѣтъ его для очей тѣлесныхъ; что надъ развалинами его носится его таинственный образъ; что тамъ дѣло идетъ о его устройствѣ, размѣрахъ, законахъ, а сіе бываетъ тогда, когда готовится созидать новый храмъ; что слѣдственно есть надежда видѣть новый храмъ Божій, и есть надежда Іудеямъ вновь быть народомъ Божіимъ, потому что Богъ не станетъ созидать безлюдный храмъ. *Покажи дому Ізраилеву храмъ.*

Слышащіе сіе теперь, могутъ подумать, что сіе до нихъ не касается. Мы не Іудеи, скажутъ они, не имѣли несчастія по грѣхамъ лишиться своего храма; но имѣемъ благословеніе Божіе видѣть храмъ, благочестивымъ усердіемъ воздвигнутый, и благодатію Божіею освященный. Признаю и я надъ дѣломъ вашимъ благословеніе Божіе: сорадуюсь вамъ; призываю продолженіе благословенія Божія. Но не торопитесь съ вашими прекословными помыслами. Вы тотчасъ услышите то, что вѣрно не до однихъ Іудеевъ касается.

*Покажи храмъ,* глаголетъ Господь, *и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.* Покажи храмъ: но не просто, не для одного любопытства, не для одного утѣшенія симъ видѣніемъ, но для того, чтобы сіе видѣніе произвело въ видящихъ дѣйствіе, и дѣйствіе сильное и рѣшительное: *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

О Господи, *обличай,* и *наказуй,* и *научай, и обращай, яко пастырь стадо свое* (Спр. XVIII. 13.)! Развѣ можетъ видѣніе храма Твоего имѣть сію врачебную и спасительную силу? Развѣ моможетъ оно способствовать согрѣшающимъ, *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ?* О, если бы Ты научилъ насъ, какъ съ успѣхомъ употребить сіе средство къ нашему исправленію,—насъ, которые послѣ желанія и вознамѣренія престать отъ грѣховъ своихъ, даже и не примѣчаемъ иногда, какъ впадаемъ во грѣхи, то прежніе, то новые!

Нѣтъ сомнѣнія, что сіе размышленіе и желаніе раздѣляютъ со мною многіе, и такимъ образомъ открывается, что слово Божественнаго откровенія, которымъ теперь мы занимаемся, касается не до однихъ Іудеевъ, но съ пользою можетъ коснуться до сердца всякаго, согрѣшившаго предъ Богомъ. Будьте же внимательны. Дѣло точно до насъ касается.

Представляемое Іудеямъ чрезъ Пророка видѣніе новаго храма, по необходимости должно было привесть имъ на память прежній храмъ, созданный Соломономъ, и непремѣнную судьбу бывшаго храма, которая не можетъ измѣниться и для будущаго. Судьбу сію опредѣлилъ Богъ, когда, по совершеніи и освященіи храма, въ видѣніи Соломону сказалъ между прочимъ: *аще отвращающеся отвратитеся вы* и *чада ваша отъ Мене,* и *не сохраните запо-*

*вѣдей Моихъ и повелѣній Моихъ; — и храмъ сей, егоже освятихъ имени Моему, отвергу отъ лица Моего* (3 Цар. IX. 67.). Сколь непреложна судьба сія, Іудеи дознали печальнымъ опытомъ, въ разрушеніи сего храма Вавилонянами. На все сіе указуетъ Богъ, когда глаголетъ Іезекіилю: *покажи дому Іздраилеву храмъ.*

То есть: представь дому Израилеву образъ новаго храма, и тѣмъ самымъ приведи на память судьбу храма прежняго, которая, какъ основанная на правдѣ вѣчной, не можетъ не быть судьбою и новаго; и пусть помыслятъ Іудеи, что должно имъ дѣлать. Если пріятно и вожделѣнно имъ видѣніе новаго храма: то пусть позаботятся о сохраненіи храма. Если заботятся о сохраненіи храма: то пусть вспомнятъ, что грѣхи разрушили храмъ. Если знаютъ, что грѣхами разрушается храмъ: то пусть перестанутъ быть разрушителями храма. *Покажи дому Іздраилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

Видите, какъ сильно увѣщевало Іудеевъ видѣніе храма, чтобы они престали отъ грѣховъ своихъ. Но не то же ли, Христіане, и намъ говоритъ видѣніе нынѣ новаго храма?

Господь Христіанскаго храма, Господь сего храма, не есть ли тотъ самый Богъ, Который нѣкогда храмъ Іудейскій, по благоволенію Своему воздвигнулъ, благодатію Своею освятилъ, во гнѣвѣ Своемъ за грѣхи дважды отвергнулъ, и предалъ опустошенію? Правда, во храмѣ Христіанскомъ, преимущественно предъ древнимъ Іудейскимъ, Богъ является Богомъ милосердія и благодати въ Единородномъ Сынѣ Своемъ Іисусѣ Христѣ, Спасителѣ грѣшныхъ: но перестаетъ ли Онъ, — можетъ ли вѣчный перестать — быть также и *Богомъ правды?* Итакъ судьба перваго храма въ мірѣ не простирается ли на всѣ храмы до послѣдняго въ мірѣ? И надъ симъ новоосвященнымъ храмомъ не изрекается ли отъ Вышняго, угрожающее вмѣстѣ и предохраняющее, опредѣленіе: *аще отвращающеся отвратитеся вы и чада ваша отъ Мене, и не сохраните заповѣдей Моихъ, — и храмъ сей, его же освятихъ имени Моему, отвергу отъ лица Моего,* или видимымъ отверженіемъ оскверненія и опустошенія, или невидимымъ отъятіемъ благословляющей и благодѣющей руки, сокрытіемъ благодатной силы святилища? А изъ сего не слѣдуетъ ли уже само собою и сіеувѣщаніе: *покажи храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ?* Пусть берегутся устроители храма, чтобы не быть его разрушителями. Утѣшающіеся благодатнымъ видѣніемъ храма да отвергаются того, что ведетъ къ лишенію сего видѣнія, сея благодати. *Да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

Скажетъ ли кто: желаю престать отъ грѣховъ, но не знаю, какъ сего достигнуть? — Хорошо. Я покажу тебѣ одно изъ ближайшихъ средствъ для наученія сему. Сіе средство есть храмъ. Ибо, сверхъ прославленія Бога, во храмѣ не инымъ чѣмъ занимаются, какъ тѣмъ, чтобы отвести человѣка отъ грѣховъ, и обратить къ добродѣтели. Не сему ли учатъ Пророческія и Апостольскія писанія, которыя здѣсь читаютъ? Не сему ли учатъ священныя пѣсни, которыя здѣсь воспѣваются? Не сему ли учатъ примѣры Святыхъ, которые здѣсь ежедневно представляются? Приходи, внимай, и научишься и умудренъ будешь. Показую тебѣ храмъ, да престанешь отъ грѣховъ своихъ.

Скажетъ ли кто еще: желаю престать отъ грѣховъ, но не имѣю силы освободиться отъ нихъ! Не спорю противъ сего признанія, и поспѣшаю показать тебѣ близкое, отверзтое хранилище силы духовной. Сіе хранилище есть храмъ. Что могущественнѣе Слова Божія, которымъ сотворено все, и которымъ возсозидается все? Здѣсь оно дѣйствуетъ. Что сильнѣе молитвы, которая проходитъ облаки и преклоняетъ къ себѣ Вышняго? Здѣсь она живетъ, какъ въ своемъ домѣ: ибо храмъ, по слову Писанія, есть *домъ молитвы* (Лук. XIX. 46.). Что благотворнѣе присутствія Господа нашего Іисуса Христа, Который для того и *пріиде въ міръ, чтобы грѣшныя спасти* (1 Тим. I. 15.)? Здѣсь Онъ присутствуетъ и духовно, по Своему непреложному обѣтованію: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 20.), и ощутительнѣе, нежели духовно, въ пречистомъ Тѣлѣ Своемъ, за

насъ ломимомъ, во оставленіе грѣховъ, и въ Божественной Крови Своей, за насъ изливаемой во оставленіе грѣховъ. Что суть и всѣ совершаемыя здѣсь таинства, какъ не сосуды, въ коихъ благодатная Божественная сила, побѣдоносная надъ зломъ, благопомощная для добра, заключена и открыта—заключена видимо, открыта невидимо; заключена для испытующаго разума, открыта для вѣрующаго сердца; заключена для невнимательнаго и некающагося грѣшника, открыта для искренно кающагося, и подвизающагося о своемъ исправленіи? Приходи, приступай, очищайся, укрѣпляйся и побѣдишь зло, и успѣешь во благѣ. Показую тебѣ храмъ; да престанешь отъ грѣховъ своихъ.

*Се гласъ отъ храма глаголющаго ко мнѣ, и мужъ*, то есть, Ангелъ, *стояше близъ мене*,—сказуетъ тайновидецъ храма. Если бъ и наши очи, братія святаго храма сего, были отверзты для видѣнія тайнъ: и мы увидѣли бы въ семъ храмѣ Ангеловъ, съ нами входящихъ, съ нами служащихъ, какъ *посылаемыхъ въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I. 14.). Что же, думаете, сіи чистые и вѣрные служители Божіи глаголютъ, когда видятъ насъ во храмѣ невнимательныхъ, неочищенныхъ, лѣностныхъ къ молитвѣ, не приступающихъ къ таинствамъ, не отложившихъ всякое житейское попеченіе, не возненавидѣвшихъ грѣха совершенною ненавистію? Не дивятся ли они несообразности нашихъ расположеній? На что жъ, говорятъ они,—на что симъ людямъ святый храмъ, если они не пекутся о своемъ освященіи? Не ужели для того, чтобы онъ былъ только свидѣтелемъ ихъ нерадѣнія, къ горшему осужденію за то, что не пользуются столь близкимъ и удобнымъ пособіемъ ко спасенію? *Сыне человѣчь, покажи сему новому дому Ізраилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

Сколько дано моей мѣрности, я показалъ вамъ, братія, храмъ, какъ средство и пособіе освященія. Благодать Божія, отнынѣ здѣсь обитающая, и отсюда исходящая, да споспѣшествуетъ вамъ, если кто изъ васъ еще не оставилъ, оставить небрежную жизнь грѣховную, и утвердиться во благочестіи и во всякой добродѣтели, да въ Церкви Бога жива, и сами будете Церкви Бога жива, въ нихже Духъ Божій живетъ и жить будетъ во вѣки. Аминь.

## 26. СЛОВО

### По освященіи храма на кладбищѣ.

*Скры мя въ селеніи въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія своего.* Пс. XXVI. 5.

Благодатію Всесвятаго и всеосвящающаго Духа, освященъ нынѣ храмъ сей, чтобы ему быть небоподобнымъ жилищемъ Божіимъ, святилищемъ таинствъ, прорицалищемъ Слова Божія, лѣствицею, досязающею до небесъ, для восхожденія молитвъ вѣры къ престолу Всевышняго.

Благословенъ Богъ благоволившій тако, ради споспѣшествованія спасенію душъ нашихъ. Благословенны раби Божіи, споспѣшествовавшіе сему дѣлу благодати, попеченіемъ, трудомъ, соединеніемъ доброхотныхъ даяній, изъ коихъ и малая лепта будетъ имѣть не низкую, а можетъ быть, и очень высокую цѣну предъ очами Бога, взирающаго на сердце дателя. Благословеніе Бога Отца да осѣняетъ, свѣтъ Іисуса Христа, Сына Божія, да просвѣщаетъ, крило Святаго Духа да покрываетъ, нынѣ и присно, всякую душу человѣка, входящаго во святилище сіе съ вѣрою и любовію къ Богу, съ молитвою и упованіемъ на Него, съ признаніемъ своея немощи и грѣховности, съ желаніемъ Благодати Его, для исполненія заповѣдей Его. Истинный Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который есть воскрешеніе, и животъ, и покой умершихъ о Господѣ, ю молитвамъ вѣры, здѣсь приносимымъ, да исполняетъ до совершенія мѣру покоя, да утверждаетъ надежду блаженнаго воскресенія, душамъ, въ покаяніи и вѣрѣ скончавшихся, коихъ тѣлеса окрестъ храма сего почиваютъ на упованіи воскресенія.

Поелику же особенность освященнаго нынѣ храма есть та, что онъ созданъ на мѣстѣ погребенія усопшихъ о Господѣ: то сіе подаетъ намъ случай и побужденіе, нѣчто сказать о благочестивомъ обыкновеніи созидать храмы Божіи на мѣстахъ погребенія усопшихъ, и погребать усопшихъ при храмахъ Божіихъ.

Храмъ нуженъ не Богу, Котораго престолъ есть небо, и земля подножіе, и Котораго вселенная не вмѣщаетъ, но человѣку для прибѣжища къ Богу, чрезъ всевозможное устраненіе отъ суеты тварей, въ которой чувство присутствія Божія потеряно. Такъ опредѣляется мѣсто храма: подобнымъ образомъ опредѣлены быть могутъ и особенные часы храма. Особенно нуженъ человѣку храмъ Божій, во-первыхъ, въ часъ благоговѣнія, для принесенія славы Богу, яко Богу, Всевышнему, Всесовершенному, славословіе Котораго есть рай и блаженство даже на земли; во-вторыхъ, въ часъ радости, для принесенія благодаренія Богу Творцу, Промыслителю, Спасителю; въ-третьихъ, въ часъ душевной скорби, для изліянія души предъ Богомъ, Который, въ откровеніи Своемъ, благоволилъ между прочимъ явить себя въ имени *Утѣшителя*.

На сіе послѣднее употребленіе храма Божія, то есть, на употребленіе онаго во время печали, указуетъ Святый Давидъ, когда, паче всего прося и взыскуя отъ Господа, чтобы *посѣщати храмъ святый Его* (Псал. XXVI. 4.), поставляетъ сему въ причину: — *яко скры мя въ селеніи Своемъ въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія Своего*. Слова сіи, можетъ быть, относятся къ тому дню житія Давидова, когда онъ, въ смертной опасности отъ Саула, въ бѣгствѣ, одинъ, безъ оружія, безъ хлѣба, безъ помощи, пришелъ въ скинію Божію въ Номвѣ, и хотя тутъ былъ на то время Доикъ, сдѣлавшійся послѣ доносителемъ Саулу на Давида, и проливиій за него кровь многихъ невинныхъ, однако и Доикъ Давиду въ сіе время не повредилъ, и Саулу его не предалъ, и Первосвященникъ Авимелехъ, даже съ отступленіемъ отъ закона, снабдилъ Давида хлѣбомъ освященнымъ, и мечемъ Голіаѳа, для защиты въ случаѣ нападенія. Сей случай есть одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ Богъ вѣру и благочестивое довѣріе человѣка, прибѣгающаго ко храму Его въ труднѣйшіе часы жизни, оправдываетъ, по видимому, случайнымъ, но удивительно вѣрнымъ въ его пользу направленіемъ и обстоятельствъ, и свободныхъ расположеній другихъ человѣковъ. Впрочемъ сей ли точно случай былъ въ мыслахъ Псалмопѣвца, или нѣтъ: но поелику онъ желаетъ всегда посѣщать храмъ Божій, и даже *жить въ дому Господнемъ*, по той причинѣ, что Господь скрылъ его въ селеніи своемъ въ день золъ: то изъ сего видно, что онъ приписываетъ храму Божію постоянное преимущество, быть прибѣжищемъ для бѣдствующихъ и печальныхъ, крѣпкою оградою безопасности, сокровищницею благодатнаго утѣшенія.

Смерть, по обыкновенному понятію, и по естественному чувствованію, не есть ли верхъ золъ? Смерть любезныхъ намъ не есть ли полнота скорбей? — Итакъ полезно и благодѣтельно, чтобы на краю могилы, гдѣ съ любезными намъ погребается наше благополучіе, наши радости, надежды, стоялъ храмъ Божій, куда можно принести самую горькую печаль, чтобы получить, колико сладостное, толико же вѣрное утѣшеніе. Да внидетъ сюда препровождающій новопреставленнаго, или еще скорбящій о давно умершемъ, и да услышитъ сострадательное увѣщаніе Апостола: *братіе, о умершихъ да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. IV. 13.). Да внидетъ осиротѣвшій, и падетъ въ объятія *Отца сирыхъ*. Да внидетъ вдовица, и, съ надеждою неизмѣннаго покровительства, прииадетъ къ *Судіи вдовицъ* (Псал. LXVII. 6.). Да внидетъ лишившійся дѣтей, и найдетъ ихъ въ вѣрныхъ рукахъ неизреченно благаго и благодѣтельнаго Любителя дѣтей, глаголющаго и нѣкоторымъ родителямъ, какъ нѣкогда сказалъ Апостоламъ: *оставите дѣтей, и не возбраняйте имъ пріити ко Мнѣ, таковыхъ бо есть царство небесное* (Мат. XIX. 14.). Всякъ, пораженный зрѣлищемъ смерти, да внидетъ сюда, во храмъ за насъ Умершаго, и ра-

ди насъ Воскресшаго, и да воскреснетъ духомъ, внявъ слову воскресенія: *аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ,* то есть, съ вѣрою въ Него, *приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV. 14.). Изъ сего краткаго разсужденія можете усмотрѣть, братія, какъ сообразенъ съ назначеніемъ храма, какъ нравственно полезенъ, обычай устроять храмы при мѣстахъ погребенія, и погребать при храмахъ.

Но должно признаться, что сіе изъясненіе не будетъ еще удовлетворительно для тѣхъ, которые знаютъ, что для обычая Церковнаго, дабы онъ былъ правиленъ и чистъ, не довольно того, чтобы онъ основанъ былъ на благовидныхъ соображеніяхъ и чаемой пользѣ; а надобно, чтобы онъ глубже и непоколебимѣе утвержденъ былъ на непреложномъ и прямомъ свидѣтельствѣ Слова Божія, или по закону единства Церкви, на вѣрномъ преданіи отъ первыхъ образцовыхъ временъ Христіанства. Войдемъ въ нѣкоторое изъясненіе, чтобы, по возможности, удовлетворить и сему требованію.

Обычай Іудейской Церкви въ обращеніи съ умершими, утвержденный Моисеевымъ закономъ, далеко разнится отъ обычая Церкви Христіанской. Тамъ прикоснувшійся къ умершему почитался нечистымъ, и мѣсто, гдѣ лежалъ умершій, почиталось нечистымъ. Посему тамъ, положить умершаго во дворѣ храма, значило бы осквернить храмъ. Почему такъ было въ Церкви Ветхозавѣтной, а не такъ въ Церкви Новозавѣтной?— Смерть была нечиста отъ Адама, какъ нечистый плодъ грѣха его. Но Хрістосъ очистилъ и освятилъ смерть Своею пречистою и пресвятою смертію. Отъ Его Богопричастнаго тѣла, за насъ пострадавшаго, отъ Его Божественныя крови, за насъ изліянныя, простерлась очистительная сила на все человѣчество, преимущественно же на тѣхъ, которые пріобщены къ таинственному тѣлу Его, чрезъ таинства святаго Крещенія и святыя Евхаристіи. Посему для насъ, Христіане, смерть можетъ быть также чиста, какъ жизнь; и умершіе, наравнѣ съ живыми, могутъ принадлежать храму Господню; потому что, наравнѣ съ живыми, принадлежатъ Господу. *Никтоже бо насъ,* по ученію Апостола, *себѣ живетъ, и никтоже себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. XIV. 7. 8.). По сей принадлежности всѣхъ Единому Господу, тогда, какъ живые стоятъ во храмѣ Господнемъ, умершіе, какъ-бы продолжая пребывать въ общеніи Церковномъ, почиваютъ окрестъ храма; нѣкоторые же, которые достовѣрнѣе и совершеннѣе другихъ усвоены Господу, и которыхъ *смерть* преимущественно *честна предъ Господемъ* (Псал. CXV. 6.), какъ то, святые мученики, по обычаю сохраненному священнымъ преданіемъ, почиваютъ тѣлесами своими подъ самымъ олтаремъ храма. Одни упокоиваются тайнодѣйственною и молитвенною силою олтаря: другіе самому освященію олтаря споспѣшествуютъ силою своихъ молитвъ и данныя имъ благодати.

Можемъ и въ Словѣ Божіемъ показать основаніе сего обычая, преданіемъ въ Церкви сохраненнаго. *Глаголано бысть Моисею хотящу сотворити скинію: виждь бо, рече, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ* (Евр. VIII. 5.). Но что показано ему на горѣ?— *образъ и тѣнь небесныхъ вещей,* какъ сказуетъ Апостолъ. Итакъ вотъ коренный законъ храма, который нѣтъ причины отмѣнить и для храма Христіанскаго: храмъ долженъ быть сотворенъ во всемъ, какъ можно, по образу вещей небесныхъ, показанныхъ достойному созерцателю. Какъ образъ небесныхъ вещей для храма Ветхозавѣтнаго созерцалъ Моисей на горѣ Синаѣ: такъ образъ небесныхъ вещей для храма Новозавѣтнаго показанъ былъ Іоанну Богослову въ откровеніи, гдѣ онъ между прочимъ сказуетъ: *видѣхъ подъ олтаремъ души избіенныхъ за слово Божіе, и за свидѣтельство, еже имѣяху,* то есть, душъ святыхъ мучениковъ (Апок. VI. 9.). Не намъ, и не теперь открывать тайну, для чего тамо души святыхъ мучениковъ сокрыты до времени подъ олтаремъ, а не ликуютъ окрестъ олтаря: довольно для настоящаго разсужденія замѣтить, какъ вѣрно въ видимой

православной Церкви все сотворено по образу небесныхъ вещей. Тамъ, въ славномъ храмѣ небесномъ, души святыхъ мучениковъ подъ олтаремъ: и здѣсь, въ земномъ таинственномъ храмѣ, мощи Святыхъ подъ олтаремъ. Если же прилично тѣлесамъ Святыхъ почивать подъ самымъ олтаремъ святаго храма: то не неприлично и то, чтобы тѣлеса вѣрныхъ почивали окрестъ олтаря и храма.

Примѣчай, душа Христіанская, священную и даже таинственную важность обыкновенія, тѣла усопшихъ о Господѣ полагать при храмѣ Господнемъ. Онѣ достойны сей почести потолику, поколику сами суть храмы Божіи, члены тѣла Христова, жилища Святаго Духа. Помышляй о семъ часто, со вниманіемъ, пока носишь земное тѣло; и со тщаніемъ очищай свое тѣло воздержаніемъ, освящай упражненіями благочестія, устрояй ему нетлѣнную одежду изъ дѣлъ вѣры и добродѣтели, дабы, когда ты отложишь свое тѣло, и его положатъ близъ святилища Господня, не возгнушалась онымъ святыня Господня, какъ неочищеннымъ отъ растлѣнія Адамова и твоего собственнаго, и не отринула отъ себя жребія твоего ко жребію тѣхъ, *иже расточишася кости при адѣ* (Пс. CXL. 7.), но воспріяла тебя *въ наслѣдіе нетлѣнно, и нескверно, и не увядаемо, соблюдено на небесѣхъ* (1 Пет. 1. 4.). Аминь.

## 27. СЛОВО

**На обновленіе древняго храма Успенія Пресвятыя Богородицы, 1844 г., Сентября въ 28 день.**

*Ты воскресъ ущедриши Сіона: яко время ущедрити его, яко пріиде время. Яко благоволиша раби Твои каменіе его: и персть его ущедрять.* Псал. CI. 14. 15.

Что это за камни Сіона, о которыхъ благоволятъ рабы Господни? — Что за персть, которая имъ любезна? — Это камни и персть разрушеннаго Іерусалима, и особенно разрушеннаго древняго святаго храма Іерусалимскаго. Пророкъ смотритъ на сіи развалины во времена плѣненія Вавилонскаго; смотритъ въ то же время на душевныя расположенія народа Іудейскаго: и на семъ воззрѣніи основываетъ надежду новаго благоволенія Божія къ Іерусалиму и храму.

*Ты воскресъ ущедриши Сіона.* То есть: Богъ умилосердится надъ Іерусалимомъ, и возстановитъ Свой храмъ.

Пророкъ дерзаетъ даже опредѣлить, что сіе должно совершиться вскорѣ. *Яко время ущедрити его, яко пріиде время.*

Но почему онъ знаетъ, что сіе будетъ, и должно быть вскорѣ? — *Яко благоволиша раби Твои каменіе его, и персть его ущедрять.* То есть: поелику Іудеи, своими душевными расположеніями, являютъ теперь себя достойными наименованія рабовъ Божіихъ; поелику они даже предъ развалинами храма Божія благоговѣютъ къ его древней святынѣ; съ любовію, съ умиленіемъ взираютъ на самые камни и персть, какъ на остатки святилища, въ которомъ обитала благодать Божія: то должно уповать, что Богъ вскорѣ умилосердится надъ Іерусалимомъ, возстановитъ храмъ Свой, и вновь будетъ обитать въ немъ Своею благодатію.

Надежда сія самымъ дѣломъ исполнилась при Первосвященникѣ Іисусѣ и Князѣ Зоровавелѣ.

Но умѣстно ли говорю я о судьбѣ столь великаго храма, когда думаю о судьбѣ столь малаго храма, какъ сей, въ которомъ теперь мы находимся? — Думаю, что не совсѣмъ неумѣстно. Тотъ и другой суть храмы Единаго истиннаго Бога: потому естественно предполагать нѣкое въ судьбѣ ихъ единство, хотя и при разности многихъ обстоятельствъ. Притомъ и малый храмъ Христіанскихъ таинствъ и Христіанской истины не слишкомъ малъ предъ великимъ храмомъ сѣней и гаданій.

Двѣсти двадцать семь лѣтъ стоялъ сей древяный храмъ, бывъ созданъ Лаврою Преподобнаго Отца нашего Сергія, въ начальствованіе Преподобнаго Отца нашего Діонисія; и тогда еще представленъ въ покровительство Пресвятыя Владычицы

нашея Богородицы, въ память славнаго Ея Успенія, дабы, по сей памяти, Она со благоволеніемъ призирала на него, какъ бы на Свою Гефсиманію. Время, съ своимъ закономъ истлѣнія, осторожно прикасалось къ тлѣнному веществу, на которомъ положено было благословеніе Святыхъ. Но какъ человѣкъ иногда самъ не довольно бережетъ то, что бережетъ для него природа и Провидѣніе: то наконецъ храмъ сей обреченъ былъ опустѣнію, и въ слѣдъ за тѣмъ и конечному разрушенію огнемъ. Въ сіе время воспомянули мы древнихъ почитателей древняго Іерусалимскаго храма: и какъ они *благоволиша каменіе его*; такъ и намъ самое древо сего нашего храма, и нѣкоторые въ немъ останки древнихъ священныхъ изображеній, показались драгоцѣнными, достойными благоговѣйнаго сохраненія. Но какъ уже не можно было сохранить сей храмъ на прежнемъ его мѣстѣ: то здѣсь, древнее купно и новое, мы *обрѣли мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю* (Псал. CXXXI. 5.).

Боже Отецъ нашихъ! *Ты воскресъ ущедриши Сіона*. Ты *воскресишь* во храмѣ семъ древнее благословеніе, и *ущедришь* его новою благодатію. Да будетъ, Господи!

Но что далѣе будетъ съ симъ обновленнымъ храмомъ, и съ новыми окрестъ его смиренными жилищами? — Ты вѣси, Господи! Будетъ то, чему повелитъ быть Твое вседѣтельное Слово, которое нарицаетъ не сущая, яко сущая, возсозидаетъ разрушенное, возставляетъ падшее, возвышаетъ смиренное, воскрешаетъ умершее, спасаетъ погибшее. Будетъ то, что испросятъ молитвы Святыхъ и Преподобныхъ Отецъ нашихъ, Сергія, Никона, Михея, Іоасафа, Серапіона, Максима, Діонисія, и прочихъ сподвижниковъ ихъ и сообитателей въ земной, и въ небесныхъ обителяхъ. Будетъ то, чему не воспрепятствуютъ быть наши грѣхи, наши немощи, наше недостоинство.

Нѣкто изъ Отцевъ вопросилъ нѣкоего великаго изъ Отцевъ: какое есть доброе дѣло, которое бы мнѣ сдѣлать, такъ чтобы оно было дѣломъ моей жизни? Авва отвѣтствовалъ: не всѣ дѣла равны для всякаго. Книги говорятъ, что Авраамъ былъ страннолюбивъ, и Богъ былъ съ нимъ. Давидъ былъ смиренъ, и Богъ былъ съ нимъ. Итакъ въ чемъ душа видитъ для себя хотѣніе Божіе: то и дѣлай. Паипаче же храни сердце свое.

Кто хочетъ подражать Авраамову страннолюбію, Давидову смиренію: тотъ какъ самые сіи примѣры показываютъ, можетъ упражняться въ сихъ добродѣтеляхъ повсюду: на пути, въ домѣ, въ деревнѣ, въ городѣ, на престолѣ. Такъ ли легко найдетъ себѣ открытое и нестѣсненное поприще тотъ, кто изберетъ дѣломъ жизни своей Иліину любовь къ безмолвію? Гдѣ теперь Иліинъ Кармилъ, или Хоривъ? Гдѣ Іоаннова пустыня? Гдѣ дикія мѣста Палестинскія и Египетскія, которыя чуднымъ образомъ угождающая благодати природа сдѣлала неспособными для обыкновенныхъ селеній человѣческихъ, чтобы сберечь для жительства земныхъ Ангеловъ? Сонмы сихъ Ангеловъ переселились въ сродное небо; земныя жилища ихъ, едва не безъ остатка, пришли въ запустѣніе; и на поприщѣ духовнаго безмолвія вновь рыщетъ одинокій звѣрь, или скитается полудикій человѣкъ. Переселилась любовь къ безмолвію и въ наши страны, и избрала для себя пещеры, лѣса, мѣста, удаленныя не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ, чего близкій примѣръ имѣемъ въ Преподобномъ Сергіи: но какъ, по непреложному слову Христову, *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѳ. V. 14.); то высоко возрастная и созрѣвшая любовь къ безмолвію, обыкновенно не оставалась сокрытою; привлекала учениковъ, почитателей, посѣтителей; и отъ самаго множества любителей или почитателей безмолвія, кромѣ другихъ причинъ, почти по необходимости, стало тѣсно безмолвію. Между тѣмъ и пустыни нашихъ странъ, по самой природѣ, менѣе южныхъ удобныя для безустройственнаго пустынножительства, съ теченіемъ времени сдѣлались для него менѣе прежняго пространными и свободными, по дѣйствію распространившагося народонаселенія.

Чего же по сему ожидать? Путь Иліи, путь Іоанна Крестителя, путь Антонія Великаго, долженъ ли увидѣть себя остав-

ленньмъ, и возрыдать, подобно какъ нѣкогда, по сказанію Іереміи, *путіе Сіони рыдали, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ* (Плачь Іерем. I. 4.)? Міръ, вѣроятно, не почелъ бы сей потери тяжкою: но не такъ думать поучаетъ опытъ вѣковъ. Никто въ городахъ и селеніяхъ Израилевыхъ не нашелъ столько силы, — одинъ Илія въ пустынѣ нашелъ столько силы,—чтобы одному, одною силою духа, побѣдоносно сражаться съ господствовавшимъ въ его время идолопоклонствомъ. Пустыня, а не вселенная, должна была уготовать Іоанна, чтобы онъ сдѣлался способнымъ уготовать путь Господень для спасенія вселенной. Глубокая пустыня и совершенное безмолвіе воспитали Антонія, до возраста великаго, чтобы онъ могъ потомъ духовно родить, такъ сказать, племя и поколѣніе земныхъ Ангеловъ, пустынножительствовавшихъ, общежительствовавшихъ, священноначальствовавшихъ въ Церкви. Сказанное теперь о Святомъ Антоніи можемъ сказать въ другой разъ, если на мѣсто его имени поставимъ имя Святаго Сергія.

Итакъ, если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ не совсѣмъ свободно, а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде: то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семъ вѣкѣ молвы многія? Не будетъ ли, можетъ быть, ей пріятно поселиться въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнію обители великой, подобно какъ нѣкогда безмолвствующій Варсанофій Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи, подъ тѣнью обители аввы Серида?

Пріиди благословенная любовь къ безмолвію Иліина, Іоаннова, Антоніева, Сергіева? Скрывайся отъ молвы: но не скрывайся отъ ищущихъ путей твоихъ и слѣдовъ твоихъ,—твоихъ правилъ и твоихъ примѣровъ. Являйся иногда и неищущимъ, способнымъ принять тебя. Ты устраняешь человѣка отъ видѣнія другихъ, и тѣмъ удобнѣе даешь ему увидѣть самого себя; а *сподобившійся увидѣти себе*, по слову одного изъ твоихъ таинниковъ, *лучшій есть сподобшагося увидѣти Ангеловъ* (Исаак. Спр. сл. 41.). Ты пресѣкаешь бесѣды съ человѣками, и тѣмъ искреннѣе вводишь въ бесѣду со Христомъ. Ты затворяешь дверь внѣшнія храмины, и отверзаешь внутреннюю храмину сердца. Ты подаешь, и научаешь употреблять оружіе противъ страстей. Ты собираешь разсѣянные помыслы. Ты погружаешь умъ во глубину писаній, и почерпаешь свѣтъ. Ты обрѣтаешь источникъ слезъ. Ты возводишь къ чистой молитвѣ. Ты учишь *молчанію*, которое *есть таинство будущаго вѣка* (Исаак. Спр. сл. 42.).

Не для всѣхъ равно призываю любовь къ безмолвію. Жизнь безмолвія не для многихъ. Но посѣщеніе безмолвія для всякаго должно быть вожделѣнно. Кто не упраздняетъ себя, хотя однажды въ день, хотя на непродолжительное время, отъ всякаго внѣшняго земнаго занятія, попеченія, пристрастія; и не вводитъ своей души въ благоговѣйное безмолвіе предъ Богомъ: тотъ еще не позналъ пути мира для души своей. Ибо тако глаголетъ Господь: *упразднитеся, и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Псал. XLV. 11.). Аминь.

## 28. СЛОВО

**По освященіи храма Святителя Николая въ домѣ Московской Духовной Семинаріи, Ноября 1 дня, 1844 года.**

*Самуилъ спаше въ церкви Господни, идѣже кивотъ Божій. И воззва Господь: Самуиле, Самуиле. И рече: се азъ.* I Цар. III. 3. 4.

Благоволеніемъ и отеческою благопопечительностію Благочестивѣйшаго Самодержца уготованный, обновляемъ нынѣ мы домъ ученія и жительства для дѣтей Церкви, уготовляемыхъ на служеніе Церкви, и не только домъ, но и храмъ Божій, въ ближайшей сопредѣльности, подъ однимъ кровомъ съ домомъ ученія и жительства.

Благословенъ Богъ, дающій *еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи*

(Фил. II. 13.), давній державной и священной власти благочестивое попеченіе о потребномъ для священнаго служенія, вмѣстѣ съ человѣколюбивымъ попеченіемъ о вспоможеніи служителямъ Олтаря въ воспитаніи дѣтей, да, облегченные отъ близкой сердцу заботы, *съ радостію, бдять о душахъ* ( Евр. XIII. 17. ) паствы духовныя, да *творять молитвы за Царя* (1 Тим. VI. 1.), при всегдашнемъ непреложномъ долгѣ вѣрности и любви, съ новыми свободными движеніями сердца благодарнаго!

Дѣти! спросите родителей, или отцевъ ихъ: съ такою ли, какъ нынѣ, многообразною заботливостію были они призрѣваемы, когда, полувѣкомъ ранѣе, проходили поприще, вами теперь проходимое? Изъ неблагоустроенныхъ жилищъ не рѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы неблагоустроенный путь до дома ученія; и случалось, что только *въ поученіи нашемъ разгорался огнь* (Псал. XXXVIII. 4.), когда въ согрѣвающемъ или освѣщающемъ огнѣ нуждалась учебная храмина. Воспоминаю сіе не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имѣетъ свои добрыя и достопочтенныя воспоминанія, но чтобы отдать справедливость настоящему. Вамъ предоставляется жилище, устроенное покойно, благолѣпно, величественно; и намъ открывается совсѣмъ новая надобность напоминать вамъ, чтобы вы были въ немъ, какъ обласканные, но скромные гости, и чтобы не слишкомъ привыкали утѣшаться онымъ. Надлежитъ вамъ помышлять и пріучать себя помышлять съ любовію, что, послѣ сего, можно сказать, вельможескаго дома, множайшимъ изъ васъ должно будетъ вновь обитать въ смиренныхъ жилищахъ, посѣщать убогія хижины; и къ сему должно вамъ перейдти не съ чувствомъ тяготящей нужды, но съ чувствомъ священнаго и вожделѣннаго долга.

Но теперь мы во храмѣ: и о храмѣ наипаче прилично теперь помыслить.

Когда думаю, что здѣсь водворяются дѣти, которыя нѣкогда, прошедъ состояніе дѣтства, бывъ образованы ученіемъ, испытаны въ познаніяхъ, нравахъ и жизни, должны будутъ со страхомъ вступить въ служеніе храму; и когда вижу, что храмъ уже самъ приближился къ нимъ, вступилъ въ ихъ жилище, водворился посреди ихъ: дивлюсь снисхожденію благодати, утѣшаюсь близостію святилища для уготовляемыхъ къ особенному освященію; но утѣшеніе переходитъ въ заботу. Какъ воспользуемся мы симъ снисхожденіемъ благодати, сею близостію святыни? Не столько ли же страшна ея близость, сколько утѣшительна?

Возжелалъ нѣкогда мужъ по сердцу Божію, Давидъ, приближить къ себѣ священный Кивотъ Завѣта Божія, не въ свѣмый домъ свой, а только въ свой градъ: но когда церковнослужитель Оза, дерзновеннымъ, хотя и благонамѣреннымъ, прикосновеніемъ къ святынѣ, извлекъ отъ нея себѣ, вмѣсто благословенія, смерть; *убояся Господа Давидъ въ день той, глаголя: како внидетъ ко мнѣ кивотъ Господень* ( 2 Цар. VI. 9. )? И только по времени, послѣ новыхъ особенныхъ знаменій благодатнаго снисхожденія, возобновилъ и исполнилъ свое благочестивое предпріятіе. Храмъ истины и таинъ христіанскихъ заключаетъ въ себѣ или не меньшую, или даже большую святыню, нежели прообразовательный Кивотъ Завѣта Ветхаго. Итакъ есть причина и обитателямъ сего дома убояться Господа въ день сей, и рещи: како внидѣ къ намъ храмъ Господень? Какъ будемъ мы жить въ такой близости къ святынѣ Бога, Который наипаче *въ приближающихся* къ Нему *освящается*, и какъ свѣтъ, просвѣщающій достойныхъ, но и какъ огнь, попаляющій недостойныхъ?

Чада! Не позволяйте себѣ забыться и потерять вниманіе къ близкому храму Божію. Помните о немъ со страхомъ: впрочемъ такъ, чтобы страхъ сей не отражалъ васъ отъ дома Божія, а отражалъ отъ васъ все недостойное дома Божія. Помышляйте, что Ангелъ храма видитъ васъ и слышитъ, и берегитесь того, отъ чего съ негодованіемъ отвратился бы его небесный взоръ, чѣмъ оскорбился бы его чистый слухъ. Сердце обращенное къ Богу, воля покорная заповѣдямъ Его, умъ направленный къ истинѣ, жизнь тихая, обращеніе кроткое и миролюбивое, слово

разсудительное и чистое, послушаніе начальству совершенное, любовь къ дѣлу своего званія, трудъ неленостный, покой умѣренный, веселіе невинное, — вотъ что можетъ сосѣдствовать съ домомъ Божіимъ, безъ оскорбленія его достоинства; и при семъ, подъ его сѣнію и при его свѣтѣ, конечно, лучше, нежели гдѣ либо, можетъ юность расти духовно, процвѣтать и приносить плодъ во спасеніе.

Сколько близость храма Божія страшна, по неприкосновенной святости Живущаго въ немъ: столько же должна быть и вожделѣнна, по щедроподательной благодати Живущаго въ немъ.

Чтобы страхъ святыни растворить и усладить надеждою благодати, указую вамъ на отрока, который жилъ не только близъ храма, но и во храмѣ, и даже спалъ во храмѣ, и не только не осужденъ за дерзость, но и обрѣлъ высокое, благодатное дерзновеніе предъ Богомъ. *Самуилъ спаше въ церкви Господни, идѣже кивотъ Божій. И воззва Господь: Самуиле, Самуиле. И рече: се азъ.*

Чтобы воспользоваться симъ примѣромъ, надобно его вѣрно выразумѣть. — Не крайняя ли это, по видимому, небрежность, что былъ допущенъ, и позволилъ себѣ отрокъ Самуилъ, *спать въ церкви Господни, идѣже кивотъ Божій?* И для служенія туда входить Законъ предписывалъ только Первосвященнику и Священникамъ: а Самуилъ не принадлежалъ и къ низшему чину Левитовъ, которые, притомъ, не въ отроческомъ, а уже въ совершенномъ возрастѣ вступали въ служеніе храма. Если положить, что это была небрежность, принадлежавшая къ числу безпорядковъ, которые допустилъ во храмѣ слабый Первосвященникъ Илій, и которые привлекли внезапную гибель ему и дѣтямъ его: то какъ могло случиться, что Самуилъ не подвергся съ ними прещенію Божію, а, напротивъ, посѣщенъ особеннымъ благоволеніемъ Божіимъ? — Выходъ изъ темноты сихъ недоумѣній на свѣтъ истины можно найдти въ слѣдующихъ словахъ дѣеписанія: *прежде неже угасе свѣтильникъ Божій, и Самуилъ спаше въ церкви Господни.* Къ чему здѣсь упоминается о горящемъ свѣтильникѣ Божіемъ? Думаю, къ объясненію того, по какому случаю *Самуилъ спаше въ церкви Господни.* Видно, по особенной любви къ святынѣ, рано въ немъ усмотрѣнной, сверхъ обычая былъ онъ или посланъ, или допущенъ охранять свѣтильникъ Божій, всю ночь горѣвшій во храмѣ: — служеніе, для котораго могло бы недостать на цѣлую ночь бдительности одного человѣка, кольми паче бдительности отрока. Но видно, любовь ко святынѣ храма и къ молитвѣ была въ отрокѣ Самуилѣ сильнѣе сна; и онъ, при свѣтильникѣ Божіемъ, бодрствовалъ, служилъ, благоговѣлъ, молился, одинъ во всю ночь, не много уступая немощи природы и подкрѣпляя себя краткимъ только сномъ, совмѣстнымъ съ неослабнымъ охраненіемъ свѣтлости свѣтильника Божія. Теперь понятно, какимъ образомъ сонъ отрока Самуила во храмѣ не только не былъ осудителенъ, но и сдѣлался путемъ для откровенія Божія. Это не была небрежность, оскорбляющая храмъ, но любовь къ его святынѣ, свято почивающая.

Вспомнимъ при семъ, что Самуилъ, въ послѣдствіи времени Пророкъ, составилъ родъ духовнаго училища или образовательнаго общества *сыновъ пророческихъ.* Вѣроятно, что сему учрежденію обязано своимъ образованіемъ немалое число пророковъ слѣдующаго за тѣмъ времени: такъ какъ съ сего времени являются они у народа Божія въ большемъ числѣ, нежели прежде. Но гдѣ училище, въ которомъ образовался самъ образователь пророковъ — Самуилъ? Не можемъ указать инаго, какъ только храмъ Божій. Въ храмѣ съ младенчества пребывалъ онъ, и не внѣшнимъ ученіемъ образовался, но, посредствомъ благоговѣнія и вѣры, напитался Духомъ Живущаго въ немъ такъ, что еще въ юности явился уже и самъ храмомъ *Духа Святаго, Господа, глаголавшаго пророки.*

Чада храма, чада ученія! Пріимите наставленіе отъ Пророка Самуила. И вы водворяетесь, частію для ученія, частію и для жительства, почти въ преддверіи храма. Любите и вы храмъ и его служеніе, питайтесь Духомъ Живущаго въ немъ, посредствомъ благоговѣнія и вѣры. Если

тебѣ падетъ жребій, хотя только чтеніемъ, или пѣніемъ, или возженіемъ свѣтильника, или уготовленіемъ кадила, служить храму: исполняй сіе съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ усердіемъ, съ радостію; вспомни, что одно изъ сихъ простыхъ служеній образовало нѣкогда свѣтильника Церкви, что служеніе свѣтильнику Божію засвѣтило въ Самуилѣ пророческій свѣтъ.

Имѣете наставниковъ, ученіе, книги. Это—сокровище для юности. Но земное ученіе требуетъ помощи небеснаго Наставника, подобно какъ сѣмя и произрастеніе требуетъ солнца, чтобы возрасти и принести плодъ. *Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его познаніе и разумъ* (Притч. II. 6.). Къ Нему возводите взоръ ума, къ Нему простирайте воздыханія сердца, когда приступаете къ ученію, или когда встрѣчаете трудности въ ученіи. Къ Нему возносите благодарное сердце, когда разумѣваете ученіе и обрѣтаете успѣхъ. Наипаче же храните чистоту и непорочность сердца, дабы не затмѣвалъ входящій въ душу свѣтъ Божій. *Яко въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повиннѣмъ грѣху* (Премудр. 1. 4.). *Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи* не только премудрость Божію, но и самого *Бога узрятъ* (Матѳ. V. 8.). Аминь.

## 29. СЛОВО

**По освященіи храма Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ.**

*Декабря 3-го дня 1844 года.*

*И Азъ же тебѣ глаголю: яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей.* Матѳ. XVI. 18.

Каждый разъ, когда освящается храмъ, и о немъ приносится молитва, да сотворитъ Богъ до вѣка непоколебимымъ, провозглашаются слова Христовы, обѣщающія непоколебимость Церкви Христовой.

Что помышляли богомудрые Отцы наши, когда предписали намъ соединять такимъ образомъ, съ молитвою о непоколебимости храма, обѣтованіе о непоколебимости Церкви?—Безъ сомнѣнія, они думали, что сіе обѣтованіе можетъ подкрѣпить сію молитву. Храмъ освящается и бываетъ богохранимъ не ради себя, но ради собирающейся въ немъ Церкви, то есть большаго или меньшаго собора Православныхъ Христіанъ, съ ихъ Священноначаліемъ; почему храмъ и называется также церковію. Слѣдственно, чтобы съ надеждою молиться о непоколебимости храма, для сего нужно имѣть основаніе въ надеждѣ видѣть непоколебимою Церковь, и сего-то основанія, сего утвержденія надежды ищемъ въ обѣтованіи, которое далъ Господь Церкви Своей, что и *врата адова не одолѣютъ ей.*

Но когда имѣемъ непреложное обѣтованіе Господне о непоколебимости Церкви: то нужна ли уже молитва о семъ? Однако мы молимся о семъ, и кромѣ настоящаго случая, какъ напримѣръ, когда поемъ: *утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь.* И что не излишня сія молитва, въ томъ печальную увѣренность доставляетъ намъ дѣйствительно случившееся паденіе нѣкоторыхъ даже великихъ Церквей. Гдѣ, напримѣръ, Церковь Африканская, въ которой нѣкогда такъ свѣтло сіялъ Священномученикъ Кипріанъ, и которая сообщила Вселенской Церкви не мало достопамятныхъ Соборныхъ правилъ? — Она разрушена такъ, что и останковъ ея не видно. Если же самый опытъ свидѣтельствуетъ, что и великая Церковь не безопасна отъ паденія и разрушенія: то куда относится обѣтованіе: *врата адова не одолѣютъ ей?* И на чемъ утверждаться можетъ безопасность чадъ Церкви? — Сіи вопросы не могутъ быть посторонними ни для кого изъ насъ: потому что мы въ Церкви, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ; если ковчегъ сокрушится и погрузится въ бездну, что можетъ удержать насъ надъ бездною?

Не охотно вхожу въ разсужденіе о предметѣ спорномъ. Знаю совѣтъ святаго

Павла: *не словопрѣтися ни на кую же потребу, на разореніе слышащихъ* (2 Тим. II. 14.). Но знаю и то, что сей мирный увѣщатель иногда самъ принужденъ былъ входить въ споръ, не *на разореніе*, но для назиданія *слышащихъ*, когда видѣлъ, что молчаніе было бы хуже спора. Случилось, что и Первоверховному Апостолу Петру, впрочемъ, конечно, безъ нарушенія единства вѣры и любви, воспрекословилъ Первоверховный Апостолъ Павелъ. *Въ лице*, говоритъ, *ему противустахъ, яко зазоренъ бѣ* (Гал. II. 11.). Желательно употреблять слово Господне, преимущественно какъ свѣтильникъ для путей познанія и для путей жизни, какъ пищу для души: но не напрасно представляется оно и подъ образомъ *меча духовнаго* (Еф. VI. 17.); необходимо иногда употреблять его на разсѣченіе хитросплетеній, которыя угрожаютъ опутывать души сѣтьми не Апостольскими.

На вопросъ: какимъ образомъ Церковь Христова непоколебима и неразрушима, когда нѣкоторыя Церкви очевидно поколебались и разрушились? — Православная Восточная Каѳолическая Церковь отвѣтствуетъ: Церковь Христова непоколебима, во-первыхъ, въ самомъ Іисусѣ Христѣ, на Которомъ, какъ на вѣчномъ основаніи, на вѣки утверждена, и съ Которымъ, какъ тѣло съ главою, соединена союзомъ безсмертной жизни; во-вторыхъ, она непоколебима въ своемъ вселенскомъ единствѣ, не такъ, чтобы никакая часть, большая или меньшая, не могла отпасть отъ сего единства, но такъ, что, не смотря на отпаденіе иногда нѣкоторыхъ частей, всегда остается единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, сохраняющая чистое исповѣданіе вѣры и ученіе жизни, неповрежденное Священное Писаніе и священное преданіе, и непрерывное преемство Священноначалія и таинствъ.

Сіе разрѣшеніе вопроса такъ прямо и близко выводится изъ Свящ. Писанія, что для удостовѣренія довольно почти только повторить слова Христовы, и прочитать нѣкоторыя свидѣтельства Священныхъ писателей.

*Созижду*, глаголетъ Господь, *Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей.* Апостолъ Павелъ Церкви Коринѳской объ основаніи Церкви пишетъ: *основанія иного никтоже можетъ положити, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. III. 11.). Замѣтьте, что Апостолъ не только признаетъ Іисуса Христа первоначальнымъ и незыблемымъ основаніемъ Церкви, но и отрицаетъ возможность другаго подобнаго основанія; и какъ онъ пишетъ, между прочимъ, противъ тѣхъ, которые говорили: *азъ же Кифинъ*, то въ общемъ изреченіи его заключается и сія частная мысль, что *Кифа*, то есть Апостолъ Петръ, не можетъ быть признаваемъ первоначальнымъ и незыблемымъ основаніемъ Церкви, хотя впрочемъ онъ и можетъ и долженъ быть признаваемъ вторичнымъ, на Христѣ утвержденнымъ, и во Христѣ только не поколебимымъ основаніемъ, но въ семъ положеніи уже не одинъ, а со всѣми Апостолами и Пророками, по другому изреченію святаго Павла: *наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу* (Еф. II. 20.).

Къ Христіанамъ Ефесскимъ тотъ же Апостолъ о Церкви и о Христѣ пишетъ: и *Той далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова,—да возрастимъ въ Него всяческая, иже есть глава Христосъ, изъ Негоже все тѣло составляемо и счиняваемо приличнѣ, всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коегождо части, возращеніе тѣла творитъ въ созданіе самаго себе любовію* (Ефес. IV. 11. 12. 15. 16.). Изображеніе Церкви сколько живое, столько же глубокое и знаменательное! Если Церковь должна быть тѣломъ Христовымъ: то симъ должна быть, безъ сомнѣнія, едина Вселенская Церковь: потому что никто никогда не приписывалъ Христу многихъ тѣлъ. Если Вселенская Церковь есть тѣло Христа, Сына Божія: то сіе тѣло, безъ сомнѣнія, есть всегда чистое, всегда здравое, никогда неразрушимое; потому что противное сему было бы недостойно Сына Божія. Если изъ *Него все тѣло* Церкви

Вселенскія, *составляемо и считтаваемо приличнѣ всцѣмъ освзаніемъ подаянія, возращеніе творитъ:* то, безъ сомнѣнія, отъ Него исполняется оно не инымъ чѣмъ, какъ только жизнію, силою, свѣтомъ, чистотою, нетлѣніемъ. Если *въ созиданіе сего тѣла Хрістова даны Апостолы, Пророки, благовѣстники, пастыри, учители:* то пастыри и учители, или иначе, Священноначаліе Церковное, должны сохраняться въ Церкви непрерывно, такъ какъ непрерывно должно продолжаться созиданіе тѣла Хрістова. Какъ тѣлу, растущему и продолжающему жить, нѣкоторыя вещества принадлежатъ только временно, и по времени, даже во множествѣ, отдѣляются отъ него, не препятствуя тѣмъ его возрастанію и совершенству: такъ возрастанію и совершенству тѣла Церкви не препятствуютъ, хотя бы и многочисленны были, люди, которые *во время вѣруютъ*, и *во время напасти*, или другаго рода искушеній, *отпадаютъ* (Лук. VIII. 13.), которые *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ* (1 Іоан. II. 19.).

Сіе ученіе о непоколебимости Церкви имѣетъ то преимущество очевидной истины, что его большею частію не отвергаютъ и размышляющіе съ нами; а усиливаются только прибавить къ оному то, чего мы не говоримъ, и чего не говорили Евангелисты и Апостолы.

Говорятъ на Западѣ: Церковь непоколебима, во-первыхъ, во Хрістѣ, во-вторыхъ, опредѣлительно и почти единственно, въ Апостолѣ Петрѣ, въ-третьихъ, въ его преемникѣ, котораго еще называютъ видимою главою ея; и къ сему присовокупляютъ, что единственно на сихъ опорахъ можетъ безопасно быть утверждено спасеніе Христіанъ.

Что думать о двухъ послѣднихъ прибавочныхъ частяхъ ученія? Нужны ли онѣ? Согласны ли съ ученіемъ Апостоловъ и Апостольской Церкви, которое мы предъ симъ изложили?

Божественный Петре! первоначальный чистый исповѣдникъ единаго *Имени*, о *Немже подобаетъ спастися намъ!* Благослови насъ единое спасительное имя *Хріста, Сына Бога живаго*, единыя Главы единаго тѣла Церкви, превозносить, согласно съ тобою, надъ всякимъ именемъ человѣческимъ.

Если, по строгому сужденію Апостола Павла, *основанія иного никтоже можетъ положити, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Хрістосъ:* то какимъ образомъ думаютъ приложить еще другое и третье основаніе?

Если, по дальнѣйшему изъясненію того же Апостола, мы *наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Хрісту:* то для чего хотятъ извергнуть изъ сего основанія одиннадцать Апостоловъ, и вмѣсто нихъ положить не принадлежащаго къ лику Апостольскому?

Если, по Апостольскому же слову, *къ совершенію святыхъ, въ созиданіе тѣла Хрістова, даны*, между прочимъ, *Апостолы*, многіе—для множества призываемыхъ къ вѣрѣ, всѣ купно и непосредственно пріявшіе благодать отъ Хріста и отъ Духа Святаго: то какая разность въ томъ, что изъ ихъ преемниковъ одному преподалъ освященіе Петръ Первоверховный, другому Іаковъ или Іоаннъ, на равнѣ съ Петромъ *мнимін столпи быти* (Гал. II. 9.), иному *не разнствующій* (6) отъ сихъ Павелъ, по древнему признанію Церкви, купно съ Петромъ Первоверховный, иному Андрей Первозванный, и такъ далѣе? Чтобы поставить Тимоѳея Епископомъ въ Ефесѣ, Павелъ не требовалъ Петра, подобно какъ и Петръ Павла, чтобы поставить Марка Епископомъ въ Александріи. Тимоѳей и его преемники такъ же твердо *наздани были на основаніи Апостола* Павла, какъ Маркъ и его преемники — *на основаніи Апостола* Петра. Когда же Петръ сдѣлался единственною опорою непоколебимости Церковной? Когда, кто, и гдѣ, въ такомъ же смыслѣ, сдѣлался преемникомъ Петровымъ? Свящ. Писаніе не показываетъ намъ сего. Напротивъ того, Писаніе и преданіе показываютъ, что, послѣ мученической кончины святаго Петра, долго еще пребывали, и своимъ Апостольскимъ достоинствомъ первоначальствовали въ Церкви — великій таинникъ Хрістовъ Іоаннъ Богословъ, и Симонъ сродникъ Господень, Епископъ Іерусалимскій. И сколь вѣрно

то, что они не имѣли нужды въ Римскомъ Епископскомъ престолѣ, столь же несомнительно и то, что Римскій Епископскій престолъ вмѣстѣ съ прочими преклонялъ свое достоинство предъ ихъ Апостольскимъ первоначаліемъ. И далѣе въ теченіи времени преданіе Церковное представляетъ намъ не одного и единственнаго преемника Петрова, но трехъ, въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Доказательство на сіе можемъ взять изъ сокровищъ древности у тѣхъ самыхъ, которые сему нынѣ прекословятъ. Святый Григорій Двоесловъ, занимавшій въ священноначаліи мѣсто, которое нынѣ хотятъ представить единственнымъ престоломъ Апостола Петра, въ посланіи къ Евлогію, Патріарху Александрійскому (Париж. изд. 1675. Том. 2. кн. VI. Посл. 37.), пишетъ: *хотя многіе суть Апостолы, однако въ отношеніи къ начальствованію единый престолъ Первоверховнаго Апостола возъимѣлъ силу въ общемъ уваженіи, — единый въ трехъ мѣстахъ. Ибо онъ возвысилъ престолъ, на которомъ и почить и настоящую жизнь окончить благоволилъ,* — то есть престолъ Римскій. *Онъ украсилъ престолъ, на который послалъ ученика Евангелиста,* — то есть престолъ Александрійскій. *Онъ укрѣпилъ престолъ, на которомъ седмь лѣтъ возсѣдалъ, хотя послѣ и отшелъ отъ него,* — то есть престолъ Антіохійскій. *Единаго*, продолжаетъ св. Григорій, *и единый есть престолъ, на которомъ, по власти Божественной, три Епископа нынѣ предсѣдательствуютъ.* Услышавъ о наименованіи *вселенскаго* Патріарха (впрочемъ для почести только употребленномъ на Востокѣ), тотъ же св. Папа устранился обширности знаменованія сего имени, и возревновалъ за честь всѣхъ Патріарховъ, а не одного западнаго. Онъ писалъ къ Патріархамъ — Евлогію Александрійскому и Анастасію Антіохійскому (кн. IV. Посл. 36.), такъ: *если попускаютъ сіе говорить невозбранно: то симъ честь всѣхъ Патріарховъ отрицаютъ.* Вотъ ученіе Восточной Церкви о патріаршихъ престолахъ, въ устахъ Патріарха Западной Церкви! Потому что въ его время Востокъ и Западъ были едино, какъ повелѣлъ имъ Вѣчный Востокъ свыше.

Если Слово Божіе знаетъ единую токмо Главу Церкви — Христа: то по какому праву человѣческое мудрованіе хочетъ, сверхъ сей Божественной Главы, дать сему безсмертному тѣлу еще другую главу — смертную?

Если Вселенская Церковь, по слову Господню, должна быть такова, что и *врата адова не одолѣютъ ей*: сообразно ли съ симъ давать ей такую главу, при которой врата адовы могли бы обезглавить Церковь?

*Къ чему послужало Монофелитской ереси,* вопрошаетъ ученый Богословъ и Епископъ новаго Запада (Боссюет. слов. о единст. Церк.) *то, что она по нечаянности похитила Папу?* На сіе древній и новый Востокъ отвѣтствуетъ: да, не много пріобрѣла Монофелитская ересь, похитивъ Папу Гонорія: потому что Папа не есть глава Церкви; потому что, при впаденіи его въ ересь, Православная Церковь сохранила, на защиту истины, не зависящихъ отъ его власти, другихъ Патріарховъ и Соборы. Но если бы ересь похитила дѣйствительно главу Вселенской Церкви; если бы ересь пріобрѣла себѣ вселенскую главу и ея власть: что было бы тогда съ достоинствомъ и непоколебимостію Церкви?

Благословенъ Пребожественный Основатель Церкви, Который не ввѣрилъ ея безопасности одному человѣку, смертному и, кто бы ни былъ, не безгрѣшному. Не сказалъ Онъ Петру, слѣдственно не сказалъ и никакому его преемнику: *врата адова не одолѣютъ* тебя. Но сказалъ о Своей Церкви: *врата адова не одолѣютъ ей*, хотя бы многократно одолѣли того или другаго человѣка, хотя бы одолѣли долженствовавшаго быть опорою для многихъ, только не для всей Церкви.

Кто пріемлетъ въ особенное замѣчаніе то, что слово Господне объ основаніи Церкви обращено къ Апостолу Петру, и къ одному ему: тотъ пусть вникнетъ въ обстоятельства, въ какихъ сіе произошло. Петръ одинъ, предваряя прочихъ Апостоловъ, исповѣдалъ Христа новымъ исповѣданіемъ христіанскимъ: *Ты еси Хри-*

*стосъ, Сынъ Бога Живаго;* и потому одинъ, преимущественно предъ другими Апостолами, услышалъ новое слово Христа о Церкви: и *Азъ же тебѣ глаголю;* и, на первоначальномъ всеобщемъ камнѣ основанія—Хрістѣ положенъ первымъ изъ послѣдующихъ, меньшихъ камней основанія, то есть Апостоловъ, и притомъ не столько самъ онъ, сколько его вѣра и его исповѣданіе. Такъ слово Хрістово толкуетъ Св. Златоустъ: *на семъ камени созижду Церковь Мою, сіе есть, на вѣрѣ исповѣданія* (на Матѳ. Бесѣд. 54.).

Тѣ, которые ревнуютъ о св. Петрѣ болѣе, нежели онъ того отъ нихъ желаетъ, пусть послушаютъ сего Первоверховнаго Апостола болѣе, нежели своего или посторонняго мудрованія. Св. Петръ не на Петрѣ, но на Хрістѣ основать и утвердить васъ желаетъ. *Къ Немуже,* говоритъ, *приходяще, Камени живу, отъ человѣкъ убо уничижену, отъ Бога же избрану, честну, и сами, яко каменіе живо, зиждитеся въ храмъ духовенъ* (1 Петр. II. 4. 5.). Св. Петръ знаетъ одно только имя, безъ котораго не льзя спастися,—имя Хріста, а не три имени—Хріста, Петра и преемника Петрова. *Нѣсть бо,* говоритъ, *иного имени подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ,* о *немже подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. IV. 12.).

Хрістосъ, *Камень живый,*—вотъ, братіе, первоначальное, глубочайшее, единое, всеобщее, вѣчно неколебимое, все на Себѣ носящее, Основаніе, на которомъ должны мы утверждать наши сердца, нашу вѣру, нашу жизнь, нашу надежду спасенія, назидаясь послѣдовательно на основаніи Апостоловъ, Пророковъ, Пастырей и Учителей Православной Вселенской Церкви! Въ семъ Основаніи наша непоколебимость; въ семъ наша безопасность. Если же не тщимся на семъ Основаніи утверждать нашу вѣру и нашу жизнь: то никакіе мнимые столпы, никакія опоры человѣческаго мудрованія и силы не могутъ поддержать нашей храмины, зиждемой на пескѣ мнѣній, предубѣжденій, страстей, угрожаемой неизбѣжно разрушеніемъ велимъ.

Если дивимся тому, какая великая благодать и сила дана Петру въ словѣ Господнемъ: *ты еси Петръ,* и *на семъ камени созижду Церковь Мою,* то помыслимъ о томъ, какъ сія благодать пріобрѣтена. Она пріобрѣтена не отъ плоти и крови заимствованнымъ, но отъ Отца Небеснаго, внутренно *явленнымъ,* отъ полной души происшедшимъ, искреннимъ, несомнѣннымъ, безбоязненнымъ, исповѣданіемъ вѣры: *Ты еси Хрістосъ, Сынъ Бога живаго.* Дѣло созданія Церкви Вселенскія превыше нашихъ усилій и заботъ, хотя впрочемъ не должно быть чуждо для нашихъ молитвъ: но есть часть сего дѣла, ближе касающаяся до каждаго изъ насъ, и требующая полной заботливости нашей; это—дѣло созданія той церкви, о которой написалъ Апостолъ: *вы есте церкви Бога жива,*—дѣло духовнаго созданія нашей душевной храмины, устроеніе спасенія души нашей. Великъ благодатію Петръ для Церкви великой: для сей малой церкви надобно, чтобы каждый изъ насъ былъ хотя малымъ,—но и не слишкомъ малымъ,—подражателемъ Петру и преемникомъ его благодати. Надобно, чтобы и ты былъ *ученикомъ* Хрістовымъ, то есть, употреблялъ всѣ возможныя для тебя средства пріобрѣтать вѣрное познаніе Бога и Хріста. Надобно, чтобы и ты молитвою испрашивалъ отъ Отца Небеснаго *явленія* сего познанія въ живомъ ощущеніи сердца. Надобно, чтобъ и твоя душа исполнялась вѣрою *во Хріста, Сына Бога живаго.* Надобно, чтобъ и ты искренно, несомнѣнно, безбоязненно исповѣдывалъ *Хріста, Сына Бога живаго,* когда нужно, словомъ, а всегда жизнію, какъ твоего Учителя и Спасителя; чтобъ и ты старался во всемъ поступать по Его ученію и по Его заповѣдямъ. И если когда, по немощи, или неосторожности, будешь погружаться въ искушенія, какъ Петръ въ волны, надобно, чтобъ и ты, какъ онъ, немедленно къ Хрісту же простиралъ руки съ покаяніемъ, молитвою и надеждою. Только при таковыхъ расположеніяхъ и дѣлахъ вѣры и тебѣ принадлежать будетъ участіе въ данномъ Петру обѣтованіи: *созижду въ тебѣ Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей!* Аминь.

## 30. СЛОВО

По освященіи храма Господа нашего Іисуса Хріста, въ честь и память Гевсиманскаго моленія Его.

*Іюля 8-го дня 1845 года.*

*Тогда пріиде съ ними Іисусъ въ весь, нарицаемую Гевсиманія, и глагола ученикомъ: сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо.* Матѳ. XXVI. 36.

Созидающіе храмы во славу Господа нашего Іисуса Хріста, для нихъ наименованія и торжественнаго въ нихъ воспоминанія, обыкновеннѣе избираютъ славныя и радостныя событія Его земной жизни. И хорошо, чтобы въ самомъ наименованіи храма являлась слава Божественнаго Спасителя, и озаряла входящихъ въ него надеждою и радостію спасенія.

Пусть входящіе во храмъ, посвященный воспоминанію Рождества Хрістова, радостно воспоминаютъ, *яко Отроча родися намъ, Сынъ, и дадеся намъ* (Иса. IX. 6.), что Онъ есть *Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ* (Иса. VII. 14. Матѳ. 1. 23.), *Начальникъ* нашего *мира, Отецъ будущаго вѣка* (Ис. IX. 6.), пріемлющимъ Его вѣрою *дающій область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. 1. 12.).

Пусть входящіе во храмъ, посвященный славѣ Богоявленія, благоговѣйно воспоминаютъ, что *Троицы явленіе во Іорданѣ бысть*; и при семъ, къ утвержденію надежды, да помышляютъ, какая Божественная сила, яже къ животу и благочестію, намъ даробана въ Крещеніи, которое освящено не только примѣромъ воплощеннаго Единороднаго Сына Божія, но и наитіемъ Бога Отца и Святаго Духа, присутствіемъ и дѣйствіемъ всея Пребожественныя Единосущныя Троицы.

Пусть входящіе во храмъ свѣтоноснаго Преображенія Господня радуются о сей предначинательной славѣ естества человѣческаго въ Лицѣ Богочеловѣка, и надеждою одушевляются къ подвигу, для достиженія того, чтобы Онъ *преобразилъ тѣло смиренія нашего, во еже быти ему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. III. 21.).

Пусть входящіе во храмъ Воскресенія Хрістова торжествующимъ окомъ взираютъ на побѣду надъ смертію и адомъ, уже для насъ готовую (ибо только для насъ потребно было *умерщвлену быть плотію, ожить же духомъ* (1 Петр. III. 18.) Безсмертному и Присноживущему); и въ уповаши на сію побѣду *да не стужаютъ душами своими ослабляеми*, хотя бы должны были *стать до крове противу грѣха подвизающеся* (Евр. XII. 3. 4.).

Пусть входящіе во храмъ Вознесенія Господня слѣдуютъ взоромъ вѣры за Прошедшимъ небеса, и видятъ путь неба открытымъ и для насъ (ибо для сего самаго торжественно *взыде на небо Сынъ человѣческій сый на небеси* (Іоан. III. 13.); и да воскриляются умомъ и сердцемъ *вышнихъ искать, идѣже есть Хрістосъ одесную Бога сѣдя, горняя мудрствовать, а не земная* (Колос. III. 1. 2.).

Но не должно быть ни для кого страннымъ и то, что храмъ, нынѣ освященный, посвящается благоговѣйному воспоминанію Гевсиманскаго моленія Іисусъ Хрістова, принесеннаго со скорбію и тугою, и съ подвигомъ, простертымъ до кроваваго пота. Ибо какъ радостныя и торжественныя событія земной жизни Спасителя нашего имѣютъ дѣйствительное отношеніе къ нашему спасенію, такъ равно и скорбныя и страдательныя, сопряженныя съ состояніемъ совершеннаго истощанія или уничиженія, которое Онъ благоизволилъ на Себя принять. Благопотребно и совершенно необходимо для нашего спасенія со Апостоломъ мудрствовать о Хрістѣ Іисусѣ, что Онъ, *во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Филип. II. 6.): ибо, безъ естества Божественнаго и силы Творческой, какимъ образомъ могло бы совершиться спасеніе человѣчества, грѣхомъ погибшаго, низверженнаго ниже ничтожества? Но такъ же благопотребно и совершенно необходимо мудрствовать о единомъ и томъ же Хрістѣ Іисусѣ и то, что Онъ *Себе умалилъ*,

*зракъ раба пріимъ, и образомъ обрѣтеся, якоже человѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. II. 7.): ибо какимъ образомъ низверженное, немощное и недостойное человѣчество возникло бы, и достигло къ общенію съ Божественною спасающею силою, если бы Сынъ Божій не низшелъ во глубину нашей немощи и недостоинства Своимъ воплощеніемъ, не очистилъ нашей смертоносной заразы грѣха, не загладилъ нашей смертной виновности, Своимъ неистлѣннымъ страданіемъ въ соестественномъ намъ, но безгрѣшномъ тѣлѣ, и Своею смертію и воскресеніемъ не отверзъ намъ заключенныхъ вратъ благодати и жизни Божественной? Апостолъ, поставляя цѣлію стремленія для себя, безъ всякаго сомнѣнія также и для насъ, *сущую отъ Бога правду въ вѣру*, относитъ къ сему совершенству Христіанскому два образа познанія Іисусъ Христа, — одинъ, болѣе торжественный: *еже разумѣти Его и силу воскресенія Его;* другой, болѣе страдательный: *еже разумѣти сообщеніе страстей Его, сообразуясь смерти* Его (Филип. III. 9. 10.). Сему послѣднему разумѣнію Іисуса Христа споспѣшествовать, да даруетъ благодать освященному нынѣ храму Онъ Самъ, благословляяй и освящаяй всяческая, Христосъ Богъ нашъ!

Не можемъ обѣщать себѣ полнаго постиженія тайны Геосиманскаго событія, которой неприкосновенность нашему испытанію Господь Самъ ознаменовалъ тѣмъ, что изъ самыхъ Апостоловъ только немногихъ къ ней приближилъ, и только что приближилъ. Но поелику въ Геосиманіи, такъ же какъ и на Голгоѳѣ, *Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. II. 21.): то въ какія особенныя помышленія и расположенія долженъ вводить насъ образъ Геосиманскаго многострадальнаго моленія Іисусъ Христова?

Во-первыхъ, онъ дастъ намъ руководительныя мысли о молитвѣ уединенной. Когда Господь глаголетъ ученикамъ Своимъ: *яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, Иже на небесѣхъ: идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 19. 20.): тогда Онъ показуетъ потребность и пользу молитвы общественной, въ которой соединеніе многихъ подкрѣпляетъ каждаго. Но когда Онъ Самъ, среди Своего великаго служенія спасенію человѣческому, прерывая Свою проповѣдь и Свои чудодѣйствія, *бѣ отходя въ пустыню и моляся* (Лук. V. 16.); и когда, наконецъ, приближаясь къ предѣлу Своего земнаго поприща, дабы принести Богу Отцу молитву, сколь важную и таинственную по предмету, столь же трудную по обстоятельствамъ, удалился сперва съ треми избранными учениками отъ собора прочихъ, а потомъ и отъ трехъ избранныхъ, въ совершенное уединеніе, рекши: *сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо:* тогда показалъ намъ потребность и важность молитвы уединенной, во всевозможномъ отлученіи отъ всего сотвореннаго, погружающей душу въ единое присутствіе Божіе.

Братіе! Съ надеждою да входимъ въ молитву общественную; поелику она благословлена словомъ обѣтованія Христова: съ любовію да входимъ въ уединенную молитву; поелику она освящена примѣромъ Христовымъ.

Во-вторыхъ, Геосиманское моленіе Христово должно вводить насъ въ умилительныя помышленія о глубоко-смиренномъ образѣ моленія Христова. *Поклонь колѣна моляшеся* (Лук. XXII. 41.). *Паде на лицѣ Своемъ моляся* (Матѳ. XXVI. 39.). *Паде на земли, и моляшеся* (Марк. XIV. 35.). Когда подумаешь, что это Единородный Сынъ Божій, отъ вѣчности со Отцемъ и Святымъ Духомъ царствующій на пренебесномъ престолѣ, и теперь сего престола не оставившій, — что Онъ, облекшись въ нашу нищету, немощь, низость, повергается въ молитвѣ на землю, чтобы молитвою исходатайствовать намъ спасеніе, а смиреніемъ обличить, загладить и уврачевать нашу гордость: тогда пораженная мысль ищетъ, есть ли въ мірѣ довольно униженное мѣсто или положеніе, въ которое бы человѣкъ могъ себя уни-

чижительно повергнуть, дабы ему не слишкомъ стыдно было предъ симъ Божественнымъ уничиженіемъ?

При такомъ размышленіи, какъ должны быть для насъ легки и сладостны наши молитвенныя колѣнопреклоненія и земнопоклоненія, которыя такъ тяжкими кажутся иногда для нашей немощи, и, можетъ быть, для нашей лѣности!

Въ-третьихъ, Геѳсиманія, исполненная духомъ моленія Христова, орошенная кровавымъ потомъ Его Богочеловѣческаго молитвеннаго подвига въ навечеріе дня Его распятія, представляетъ благопріятнѣйшее и благонадежнѣйшее мысленное мѣсто молитвы, для сокрушеннаго грѣшника, для возмущаемаго скорбію, тугою, уныніемъ, страхомъ, для боримаго всякимъ искушеніемъ. Ибо тамъ сила всѣхъ возможныхъ искушеній побѣждена силою молитвы Христовой: и сія побѣдоносная сила не прешла, но пребываетъ и пребудетъ; потому что *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки* (Евр. XIII. 8.). Отъ чего Онъ, вступя на Геѳсиманское поприще, *начать скорбѣти и тужити* (Матѳ. XXVI. 37.), *ужасатися и тужити* (Марк. XIV. 33.)? Отъ предусмотрѣнія ли приближающихся оскорбленій, и тѣлесныхъ страданій въ Іерусалимѣ и на Голгоѳѣ? Но Онъ самыя сіи оскорбленія и страданія, не въ воображеніи, а въ самомъ ихъ дѣйствіи, въ продолженіе многихъ часовъ сей же ночи и слѣдующаго дня, предъ Синагогою и предъ Пилатомъ, отъ Іудеевъ и отъ язычниковъ, въ Іерусалимѣ и на Голгоѳѣ, переносилъ, не изъявляя никакого страха, съ побѣдоносною твердостію, съ высокимъ спокойствіемъ, то съ величіемъ молчанія, то съ словомъ любви и молитвы о другихъ, а не скорби о Себѣ. И если въ одну новую таинственную минуту допустилъ услышаться воплю: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ?* (Матѳ. XXVII. 46.): то немедленно покрылъ оный торжественнымъ гласомъ: *совершишася* (Іоан. XIX. 30.). Отъ чего же еще прежде видимыхъ страданій — скорбь, туга, ужасъ, прискорбіе души даже до смерти? Какую горечь, какую тягость заключала въ себѣ сія таинственная чаша, о которой Онъ и молился, *да мимоидетъ*, являя тѣмъ истинное воспріятое человѣчество, не чуждое немощи, хотя чуждое грѣха, и которую въ то же время принималъ по предвѣчной волѣ Отца Своего, глаголя: *не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI. 39.)? Увы! это горечь нашихъ грѣховъ, это тягость нашей виновности предъ Богомъ, и заслуженныхъ нами казней, которыя все принялъ на Себя *Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I. 29.); и такимъ образомъ Онъ скорбѣлъ, тужилъ, ужасался, прискорбенъ былъ душею даже до смерти, не потому, чтобы истощалось Его терпѣніе, но потому, что Своими внутренними страданіями очищалъ Онъ наши внутреннія нечистоты, заглаждалъ нашу виновность, удовлетворялъ раздраженному на насъ Правосудію Божію, и съ тѣмъ вмѣстѣ молился о нашемъ помилованіи, прощеніи и спасеніи,— и былъ услышанъ. Такъ изъясняетъ Апостолъ Павелъ Геѳсиманское моленіе Іисуса Христа, когда пишетъ къ Евреямъ, что Онъ, *во днехъ плоти Своея, моленія и молитвы къ Могущему спасти Его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣнства* (Евр. V. 7.). Какъ услышанъ, когда не избавленъ отъ смерти крестныя? Услышанъ тѣмъ образомъ, что Ему предоставлено Своею крестною смертію и воскресеніемъ избавить насъ отъ владычества грѣха и смерти вѣчныя. И такъ не правда ли, что въ Геѳсиманіи сила всѣхъ возможныхъ искушеній побѣждена молитвою Христовою?

И потому, кто бы ты ни былъ немоществующій и бѣдствующій вмѣстѣ со мною братъ мой, если ты уязвляешься печалію грѣха; если стѣсняешься тугою души, не удобно возвышаемой вѣрою, не удобно расширяемой любовію, не благоподвижной на добродѣтель; если поражаешься страхомъ суда Божія; если искушаешься прискорбіемъ души, простирающимся, по видимому, даже до смерти: не предавайся унынію безнадежному; не дай скорби, тугѣ и страху совсѣмъ одолѣть тебя; собери остатки твоихъ изнемогающихъ силъ, бѣги мысленно на побѣдоносное Геѳсиманское поприще Іисусово, — и

тамъ, гдѣ Сынъ благоволенія и любви Отчей *паде на лицѣ Своемъ моляся;* гдѣ потъ Его молитвеннаго труда, яко капли крове, каплетъ на землю; гдѣ Ангелъ укрѣпляетъ Его въ превышающемъ силу человѣчества подвигѣ, а двенадесять легіоновъ другихъ Ангеловъ ожидаютъ повелѣнія для Него, и отъ Него; откуда діаволъ бѣжитъ, поражаемый многообразною Божественною силою послушанія Богу Отцу, человѣколюбія, смиренія, молитвы, самопожертвованія, — тамъ, недалеко отъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, повергнись съ твоими грѣхами, скорбію, тугою, страхомъ отъ разверстыхъ челюстей смерти и ада; и помяни, что горечь твоей чаши уже наибольшею частію испита въ великой чашѣ Хрістовыхъ страданій; что подъ бремя, на тебѣ тяготѣющее, уже подложилъ Свою облегчающую руку крѣпкій Геѳсиманскій Подвижникъ; что твой Спаситель, совершившій для тебя всецѣлое дѣло твоего спасенія, ожидаетъ отъ тебя только *сообщенія страстей Его*, какое возможно для твоей, хотя немощной, вѣры, любви и благодарности. Предайся же сему благодатному общенію, и не преставай предаваться всѣмъ сердцемъ. Если хотя съ малою вѣрою, упованіемъ и любовію къ сему приступишь: отъ самаго сего упражненія получишь приращеніе вѣры, упованія и любви, а съ ними и побѣду надъ искушеніями; потому что *вѣра есть побѣда побѣждающая міръ* (1 Іоан. V. 4.); потому что *упованіе не посрамляетъ* (Римл. V. 5.); потому что *ни высота,* повидимому, для насъ недоступная, *ни глубина*, по видимому, насъ поглощающая, *ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. VIII. 39.).

Благодарнымъ ко Хрісту Господу сердцемъ да памятуемъ, братія, что *Той язвенъ бысть за грѣхи наша*, и *мученъ бысть за беззаконія наша*, что *наказаніе мира нашего на Немъ* было (Исаіи LIII. 5.). И посему да блюдемся всемѣрно, чтобы не нарушать нашего въ Немъ мира, и не наносить Ему новыхъ язвъ, дѣлами, уязвляющими нашу совѣсть, но внимательнымъ храненіемъ заповѣдей и вѣрностію къ благодати, да утверждаемъ себя въ мирѣ и общеніи со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ! Аминь.

## 31. СЛОВО

По освященіи устроеннаго при Московской глазной больницѣ храма Хріста Спасителя, отверзающаго очи слѣпому.

*Октября 28-го дня 1845 года.*

Слава Господу Человѣколюбцу! Слава Господу Свѣтодавцу! Призрѣлъ Онъ окомъ Божественнаго человѣколюбія на бѣдствующихъ братій нашихъ, лишенныхъ, или угрожаемыхъ лишеніемъ свѣта очей, и подвигнулъ человѣколюбіе человѣческое, устроить для оныхъ сіе прибѣжище, и доставить имъ надежныя средства врачеванія. Но сего не довольно было для человѣколюбія Христіанскаго. Еще позаботилось оно, чтобы здѣсь не повторился обоюдный *судъ*, на который Господь указалъ во днехъ плоти Своея, *да невидящіи видятъ*—тѣлесно, *и видящіи слѣпи будутъ*—духовно (Іоан. IX. 39.), чтобы ищущіе здѣсь облегченія въ общеніи съ свѣтомъ солнечнымъ не встрѣчали затрудненія въ общеніи съ свѣтомъ Хрістовымъ. И вотъ, среди врачебницы тѣлесной явилась врачебница душевная, открытая сокровищница благодатнаго свѣта. Слава Господу Свѣтодавцу! Слава Господу Человѣколюбцу! Благословенны да будутъ орудія Его человѣколюбія. Да изливается обильно животворящій свѣтъ Его на нихъ, и чрезъ нихъ. Да дѣйствуетъ здѣсь всегда судъ милости: *да невидящіи видятъ*. Да сохранитъ насъ Свѣтодавецъ отъ суда отверженія: *да видящіи слѣпи будутъ*.

Чтобы предохранить себя отъ сего послѣдняго, весьма печальнаго суда, мы должны памятовать, братія, что источникъ свѣта и духовное глазное врачевство имѣемъ мы въ Евангеліи. Не упустимъ на-

стоящаго случая, чтобы воспользоваться симъ врачебнымъ пособіемъ, которое никому и никогда неизлишне, потому что и невидящимъ даетъ видѣть, и видящимъ умножаетъ свѣтъ.

Изъ Евангелія слышали мы нынѣ повѣствованіе о томъ, какимъ образомъ Спаситель нашъ даровалъ зрѣніе слѣпому отъ рожденія, употребивъ для того бреніе отъ плюновенія, и умовеніе въ купѣли Силоамской.

Дивно сіе чудо, а притомъ и способъ чудодѣйствія примѣчателенъ, и возбуждаетъ размышленіе.

Хотя мы не можемъ испытать глубинъ премудрости Божіей, однако и то справедливо, что имѣемъ повелѣніе *испытывать писанія*; и, какъ говоритъ Святый Златоустъ (на Іоан. Бесѣд. 57.), *кто хощетъ отъ чтенія какую либо пользу пріобрѣсти, тотъ ни малыхъ глаголовъ опускати не долженъ*. Что же значитъ глаголы: *плюну на землю, и сотвори бреніе отъ плюновенія*, и *помаза очи бреніемъ слѣпому;* и потомъ: *иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣй* (Іоан. IX. 6. 7.)? Для чего въ другихъ случаяхъ Господь исцѣлялъ словомъ, иногда прикосновеніемъ; а теперь употребляетъ еще постороннія вещества, земную персть и воду? Для чего не одну персть, и не одну воду, но и ту, и другую?

Во-первыхъ, вѣроятно, для того, чтобы возбудить, испытать и явить вѣру исцѣляемаго, потребную для исцѣленія, и назидательную для насъ. Такъ поступалъ Онъ и въ другихъ случаяхъ. Для чего, напримѣръ, вопросилъ разслабленнаго: *хощеши ли цѣлъ быти?* Не вѣдалъ ли, по всевѣдѣнію, что хочетъ? И просто, не понятно ли, что разслабленному хочется быть здоровымъ? Слѣдственно вопросилъ не для того, чтобы узнать, но чтобы упадшій отъ безпомощности въ безнадежность духъ восподнять, чтобы вѣру возбудить, и тѣмъ положить начало исцѣленію. Подобно и слѣпому, положивъ бреніе на очи, далъ ощутить Свое человѣколюбіе и снисхожденіе къ нищему, возбудилъ въ немъ довѣріе и надежду; и потому, когда вслѣдъ за симъ послалъ его къ купѣли Силоамской, слѣпой не усомнился отъ того, что бреніе не оказало никакого дѣйствія, не подумалъ, что и вода Силоамская не болѣе обѣщаетъ, но пошелъ безпрекословно, и такимъ образомъ сдѣлалъ дѣло вѣры.

Во-вторыхъ, бреніе отъ плюновенія и Силоамъ употреблены были Господомъ, вѣроятно для того, чтобы чудодѣйствію, къ затмѣнію котораго усилія Іудейскаго сонмища Онъ провидѣлъ, пріобрѣсти многихъ свидѣтелей. Сколько постороннихъ глазъ обратилъ на себя слѣпецъ, когда шелъ къ купѣли въ странномъ видѣ, съ помазанными бреніемъ глазами, сколько глазъ при самой купѣли, во время самаго прозрѣнія, и при возвращеніи съ глазами, уже видящими! Всѣ, видящіе сіе, знали, что вода Силоамская не даетъ зрѣнія, а пыль съ дороги еще менѣе: слѣдственно всѣ узнали въ прозрѣніи слѣпорожденнаго Божественное чудо.

Въ-третьихъ, есть, вѣроятно, въ вещественныхъ знаменіяхъ чудодѣйствія Христова и еще,—скажу опять словами Святаго Златоуста,—*великій и во глубинѣ сокровенный разумъ*. Земная персть, которую взялъ Іисусъ, и сотворилъ зрѣніе слѣпому, не говорила ли о Немъ Іудеямъ: узнайте въ Немъ того первоначальнаго и верховнаго Чудотворца, Который, по сказанію древнѣйшей изъ вашихъ священныхъ книгъ, взялъ земную персть, и сотворилъ человѣка? *Силоамъ, еже сказается, посланъ*, то есть, котораго наименованіе означаетъ *посланника*, — Силоамъ, который передалъ слѣпому зрѣніе, посланное отъ Іисуса, не говорилъ ли о Немъ Іудеямъ: узнайте въ Немъ *Посланника* Божія, Котораго я предвѣщалъ вамъ издавна моимъ до сихъ поръ не разгаданнымъ, и теперь только разгаданнымъ именемъ?

Сего довольно о сокровенномъ разумѣ глаголовъ и знаменій Евангельскихъ. Возмемъ изъ того-же повѣствованія Евангельскаго болѣе открытое изреченіе Господне, которое можетъ ввести насъ въ размышленія, болѣе близкія къ руководству и управленію нашей жизни.

*Мнѣ*, сказалъ Господь предъ исцѣленіемъ слѣпорожденнаго, *подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя, дондеже*

*день есть: пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати.* Сынъ Божій, всевластный и всесвободный, провозглашаетъ Свою обязанность дѣлать дѣла Отца Своего небеснаго ради спасенія человѣковъ, и Свою покорность сей обязанности; Онъ какъ бы побуждаетъ Себя къ дѣланію неотлагательному, пока есть время, *дондеже день есть.* Для чего это?—Безъ сомнѣнія, для того, чтобы намъ дать примѣръ и наставленіе уважать наши обязанности, смиренно покаряться имъ, исполнять ихъ ревностно и безъ отлагательства.

Чтобы глубже ощутить силу сего наставленія, и примѣнить оное къ нашей жизни, обратимъ вниманіе, во-первыхъ, на то обстоятельство, что Господь подвизаетъ Себя къ дѣланію, по случаю, мимоходно встрѣченному. *Мимоидый*, сказуетъ Евангелистъ, *видѣ человѣка слѣпа отъ рождества.* Слѣпой нищій сидѣлъ на дорогѣ: Господь Іисусъ проходилъ мимо. Не видно, чтобы слѣпой призывалъ Его, или просилъ о исцѣленіи. Не было, по видимому, причины останавливаться; не было нужды дѣйствовать. Но Господь Іисусъ останавливается, и говоритъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати.* Почему такъ? Потому что благость побуждаетъ; потому что человѣколюбіе требуетъ; потому что есть случай сдѣлать доброе дѣло; потому что добраго дѣла, которое можно сдѣлать въ нынѣшній день и въ теперешній часъ, не должно отлагать до другаго; потому что случай къ добру можетъ пройти, и съ утраченнымъ случаемъ утратилось бы добро, которому онъ благопріятствовалъ.

Надобно ли напоминать вамъ, Христіане, чтобы, по образу Хрістову, вы не проходили мимо нищаго, или инымъ образомъ несчастнаго, не оказавъ ему помощи, если можете, и чтобы не дожидались вопля и слезъ, когда самый видъ несчастія, безъ словъ напоминаетъ о помощи? Или и безъ меня, при случаѣ, напомнитъ вамъ о семъ ваше сердце?

Есть дѣло не такъ случайное, и болѣе къ каждому изъ насъ близкое, требующее всей нашей заботливости. Одного ли Хріста послалъ Богъ Отецъ, однихъ ли Апостоловъ избралъ Хрістосъ дѣлати дѣла Пославшаго ихъ? И тебя, кто бы ты ни былъ, не послалъ ли въ міръ сей Богъ, Творецъ твой и Промыслитель путей твоихъ? И если послалъ, то не далъ ли тебѣ и дѣла Пославшій тебя? Хріста послалъ Богъ Отецъ, Апостоловъ призвалъ Хрістосъ, дѣлать дѣло спасенія всѣхъ душъ человѣческихъ,—по крайней мѣрѣ, всѣхъ, которыя согласятся принять спасеніе: Тебя Богъ послалъ въ міръ сей, тебя Хрістосъ призвалъ въ Церковь Свою, чтобы дѣлать дѣло спасенія, по крайней мѣрѣ, одной твоей собственной души,—дѣло, котораго ты не совершишь безъ Хріста, но котораго и Хрістосъ не совершитъ безъ тебя, безъ участія свободы, при сотвореніи тебѣ дарованной, и у тебя не отъемлемой. О семъ дѣлѣ вопрошали нѣкогда Господа Іудеи: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія?* и получили ясный отвѣтъ: *се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Егоже посла Онъ* (Іоан. VI. 28. 29.). Надъ слѣпцомъ Іерусалимскимъ совершилось дѣло Божіе тѣмъ, что онъ прозрѣлъ, но еще болѣе тѣмъ, что увѣровалъ во Хріста: совершилось ли подобное сему и надъ твоею душею, сынъ Іерусалима новаго? Не сидитъ ли еще твой внутренній человѣкъ, подобно слѣпцу, на распутіи, — не сидитъ ли во тмѣ невѣдѣнія и въ смертной сѣни грѣха, не видя свѣта Божія, ни пути спасенія, едва зная имя Хріста Спасителя, не испытывая надъ собою дѣйствія спасительной силы Его? Хрістосъ Спаситель съ Своей стороны не проходитъ мимо никого изъ насъ. Въ безпредѣльной премудрости Своей непрестанно шествуя къ безчисленнымъ цѣлямъ облаготворенія и облаженствованія различныхъ Своихъ твореній, въ безпредѣльномъ милосердіи Своемъ Онъ останавливается надъ каждымъ изъ насъ; приближается съ готовою каждому спасительною помощію: но какъ часто мы, въ легкомысліи нашемъ, не познаемъ Его къ намъ близости, не пріемлемъ помощи Его, или принятой не сохраняемъ! Не омылъ ли уже Онъ насъ въ купѣли, лучшей, нежели Силоамская,—въ купѣли святаго крещенія? И для несохранившихъ чистоты по крещеніи, не уготовалъ ли новой бани покаянія? Въ таинственныхъ образахъ и священныхъ знаменіяхъ не предлагаетъ ли

Онъ намъ Свою спасительную силу, подобно какъ нѣкогда свѣтодательную силу слѣпому въ брепіи отъ Своего плюновенія? Не сіяетъ ли Онъ на насъ Своимъ Божественнымъ свѣтомъ изъ Своего Евангелія? Какъ много сдѣлалъ и дѣлаетъ Онъ для насъ: а много ли мы для Него, и вмѣстѣ для нашего истиннаго блага? Какъ много у насъ дѣлъ нужды и произвола, дѣлъ временной выгоды и мимутнаго удовольствія, дѣлъ суеты и страсти! Какъ охотно мы ихъ изыскиваемъ, умножаемъ, изнуряемъ себя ими: а между тѣмъ, какъ мало, какъ несовершенно многіе изъ насъ пользуются удобными и готовыми средствами спасительнаго дѣланія? Надобно намъ, братія, уменьшать, сокращать отсѣкать заботы о дѣлахъ плоти тлѣющей и міра преходящаго, и возбудить себя къ дѣятельному попеченію о безсмертной душѣ нашей. Надобно поставить себѣ въ основаніе дѣятельности ту истину, что изъ всѣхъ дѣлъ на свѣтѣ важнѣйшія суть тѣ, которыя совершаются между Богомъ и душею, — дѣло покаянія, дѣло вѣры, дѣло молитвы, дѣло нашего духовнаго просвѣщенія и освященія. *Подобаетъ дѣлати дѣла Божія.*

Другое примѣчательное обстоятельство Господня изреченія о спасительномъ дѣланіи есть то, что Онъ симъ изреченіемъ пресѣкъ любознательный разговоръ, и поспѣшилъ къ дѣлу исцѣленія. При видѣ слѣпорожденнаго, ученики вопросили Господа: *сей согрѣши или родители его, да слѣпъ родися?* Вопросъ, по видимому, достойный обстоятельнаго разрѣшенія; поелику клонился къ познанію путей Провидѣнія. Но Господь немногими словами отвергъ догадки человѣческія: *ни сей согрѣши, ни родители его*; и еще съ болѣе усиленною краткостію указалъ путь Божій: *да явятся дѣла Божія на немъ.* Отвѣтъ сей подавалъ случай къ новому вопросу: для чего же онъ терпѣлъ слѣпоту прежде, нежели явились на немъ дѣла Божіи? Но Господь не допустилъ продолжаться состязанію, и тотчасъ присовокупилъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя*, и приступилъ къ исцѣленію слѣпорожденнаго. Сей быстрый переходъ отъ любознательной бесѣды къ спасительному дѣлу, весьма знаменателенъ. Онъ говоритъ Апостоламъ: не должно коснѣть въ испытаніи сокровеннаго, когда надлежитъ дѣлать полезное; не испытаніе судебъ нужно несчастному, а помощь; слѣпорожденный самъ оправдаетъ судьбу свою, когда прозритъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ за кратковременное лишеніе свѣта видимаго получитъ блаженное просвѣщеніе вѣчнымъ Божественнымъ свѣтомъ; Христосъ явился не удовлетворять любопытствующихъ, но спасать погибающихъ; да будетъ менѣе словъ, но болѣе дѣла: *Мнѣ подобаетъ дѣлати.*

Не сказано ли симъ нѣчто и для нашихъ дѣлъ, какъ для дѣлъ пользы и милости, такъ и для главнаго дѣла спасенія?

Иногда, при видѣ нищаго, испытующій помыслъ говоритъ намъ: не сей ли согрѣши? Не отъ своего ли грѣха онъ нищъ? Не отъ праздности ли? Не отъ невоздержанія ли? Не притворно ли является нищимъ? Кто легко предается такимъ помысламъ: тотъ подвергаетъ себя опасности осуждать невинныхъ, и притомъ несчастныхъ, пропускать случаи къ благотворенію, и наконецъ потерять расположеніе къ благотворенію. Какъ же охранить себя отъ сей опасности?—Должно помнить, что въ отношеніи къ бѣдствующимъ долгъ и польза не въ томъ состоитъ, чтобъ испытывать и судить, а въ томъ, чтобъ благотворить: *подобаетъ дѣлати.* Лучше добродушное дѣло, нежели тонкое испытаніе. Лучше слѣпая лепта нищему отъ сердца, нежели проницательная холодность сердца.

И въ отношеніи къ дѣлу спасенія нашего, люди, мнящіеся быть разборчивѣе другихъ, не предлагаютъ ли себѣ вопросовъ, которые болѣе затрудняютъ, нежели приносятъ пользу? Какъ могло случиться, что согрѣшили Прародители? Какъ мы отъ нихъ наслѣдовали грѣхъ и наказаніе? Какъ смерть Іисуса Христа заглаждаетъ всѣ грѣхи, и уничтожаетъ ихъ послѣдствія? Кто безъ нужды много вдается въ подобныя испытанія: тотъ легко можетъ въ нихъ запутаться, и быть остановленъ на пути къ дѣлу. Поспѣши же разрѣшить все вкратцѣ. Что есть въ мірѣ грѣхъ, ты видишь. Что есть грѣхъ и въ

тебѣ, ты чувствуешь. А какимъ образомъ Христосъ исцѣляетъ отъ грѣха и освобождаетъ отъ вѣчнаго осужденія, иди, узнай самымъ дѣломъ. Покайся, вѣруй, начни дѣятельно вести жизнь Христіанскую. *Подобаетъ дѣлати.* На твое усердное дѣло, безъ сомнѣнія, пріидетъ чудное дѣло Божіе, и въ немъ явится тебѣ и премудрость Божія, въ тайнѣ сокровенная.

Еще назидательное для насъ обстоятельство изреченія Господня о спасительномъ дѣланіи заключается въ томъ, что Онъ подвигнулъ Себя къ дѣланію, не смотря на предвидимыя затрудненія со стороны человѣковъ. Извѣстно, что Іудеи *гоняху Іисуса, и искаху Его убити* (Іоан. V. 16.) за совершеніе исцѣленій въ день субботный, по тогдашнему времени, праздничный, признавая сіе нарушеніемъ святости праздника; хотя не трудно понять, что если день святится воспоминаніемъ прошедшихъ благодѣяній Божіихъ; то кольми паче святится онъ настоящимъ чудеснымъ благодѣяніемъ Божіимъ. Сіе неблагопріятное послѣдствіе, безъ сомнѣнія, было предъ очами всевѣдѣнія Іисусова, когда Онъ приступалъ къ исцѣленію слѣпорожденнаго: и, кажется, почему бы не отложить дѣла до слѣдующаго дня, чтобы не дано было повода прерѣканію и клеветѣ? Такое разсужденіе благоразумнымъ было бы почтено у сыновъ человѣческихъ: но его не приняла премудрость Сына Божія. Она учитъ насъ, что дѣлъ, возложенныхъ на насъ Богомъ, не льзя отлагать въ угодность человѣкамъ; что должно исполнять оныя неукоснительно и неуклонно, пока есть благовременность. *Подобаетъ дѣлати, дондеже день есть.*

Господствующій нынѣ образъ мыслей, конечно, не потребуетъ большой строгости въ соблюденіи праздниковъ. Онъ скорѣе возстанетъ противъ сей строгости. Ты хотѣлъ бы весь праздничный день посвятить молитвѣ, помышленію о Богѣ, дѣланію добра, какъ и должно по назначенію праздника: но тебѣ уступаютъ для сего только немногіе часы праздничнаго утра; и почти не весь день приглашаютъ тебя къ участію въ обществахъ и занятіяхъ, совершенно мірскихъ и суетныхъ, если не совершенно грѣховныхъ; и если откажешься, имѣешь причину опасаться, что покажешься страннымъ, и что на тебя негодовать будутъ. Что же ты сдѣлаешь? На что рѣшишься? Будь довольно благоразуменъ, возлюбленный; скажи себѣ: мнѣ подобаетъ и всегда, тѣмъ необходимѣе въ день Господень, дѣлать дѣла, угодныя Господу. О, если бы ты былъ и довольно твердъ, чтобы обратить сіи слова въ самое дѣло!

Но чтобы не слишкомъ продолжить слово, поспѣшимъ обратить вниманіе на то, что Господь и Самъ поспѣшаетъ Своимъ спасительнымъ дѣланіемъ. *Мнѣ подобаетъ дѣлати, дондеже день есть; пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати.* О Господи! Тебѣ ли поспѣшать, и беречь какой нибудь день; — Тебѣ ли, сотворившему всѣ дни, имѣющему цѣлую вѣчность для Твоихъ чудныхъ дѣлъ? Что за день, въ который Ты хочешь вмѣстить дѣла Твои? Что за ночь, которая можетъ угрожать Твоему дню? Господь изъясняетъ Свою притчу, когда говоритъ: *егда въ мірѣ есмь, Свѣтъ есмь міру.* Присутствіе солнца опредѣляетъ день естественный: видимое на земли присутствіе Солнца правды, Бога явльшагося во плоти, опредѣляетъ благодатный день особеннаго Божественнаго дѣланія. Нощь послѣ сего дня есть время страданія и смерти Христовой. О нощь, въ которую подлинно никто же можетъ дѣлати! Въ продолженіе земнаго дня Христова, не только Христосъ, но и Апостолы Его, подъ руководствомъ сего Великаго Дѣлателя, дѣлали многое. Они увѣровали въ Него, послѣдовали за Нимъ, проповѣдывали, исцѣляли: все сіе пресѣклось, когда наступила грозная ночь, до новаго дня воскресенія Христова. *Нощь, егда никтоже можетъ дѣлати.* Какъ сильно бурная ночь сія колебала вѣру, насажденную Господомъ Іисусомъ въ сердцахъ учениковъ Его! Какъ не далеко уже было до того, чтобы сатана, который проситъ сѣять ихъ, яко пшеницу, разсѣялъ ихъ въ конецъ, и чтобы дѣло спасенія, содѣлываемое посреди земли на крестѣ, въ то же самое время разрушено было въ душахъ избранныхъ для распространенія онаго! Чтобы не допустить сего, много надлежало предварительно сдѣлать Спа-

сителю нашему, глубоко положить основанія вѣры въ первыхъ ученикахъ Своихъ, и сильно укрѣпить, то ученіемъ, то чудесами, то Своею всемощною молитвою. Имѣя все сіе предъ очами Своего всевѣдѣнія, Онъ, какъ бы дорожа временемъ и поспѣшая, говоритъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаго Мя, дондеже день есть.*

Видишь ли, кратковременный сынъ времени, какъ Самъ Вѣчный бережетъ время, которое ты расточаешь? Онъ не коснитъ дѣломъ твоего спасенія: а ты медлишь дѣломъ твоего собственнаго спасенія. Онъ поспѣшаетъ: а ты откладываешь. Утромъ говоришь: начну дѣло съ полудня; въ полдень даешь себѣ то же обѣщаніе для вечера; вечеромъ еще отсрочиваешь, думая, что это еще не послѣдній часъ. Въ юности говоришь: попекусь о душѣ въ лѣтахъ зрѣлости; въ зрѣлыхъ лѣтахъ, развлеченный болѣе прежняго дѣлами житейскими, успокоиваешь себя надеждою въ старости пожить для Бога и для души; въ старости обезпечиваешь себя мыслію, что еще можно принести чистое покаяніе во время послѣдней болѣзни. Такъ проходитъ утро, и полдень, и вечеръ, и послѣ сего, конечно, весьма вѣроятно, что не готоваго застанетъ тебя смертная *нощь, егда никтоже можетъ дѣлати.* Не указывай мнѣ на разбойника, который въ послѣдніе минуты своего дня сдѣлалъ болѣе, нежели другіе въ цѣлый день свой. Такой успѣхъ не довольно надеженъ, потому что рѣдокъ, и можетъ быть, дается не просто, а въ особенности людямъ, у которыхъ въ прошедшей мірской жизни были нѣкоторыя дѣла, сокровенно привлекавшія благодать. Но вотъ, что извѣстно гораздо вѣрнѣе: день земли всегда оканчивается вечеромъ: а день жизни человѣческой не рѣдко прежде вечера, прежде полудня, пресѣкаетъ нощь смертная. Въ такомъ случаѣ, куда пойдутъ надежды откладывающаго, если не въ адскую нощь, въ которой никто не можетъ дѣлать, чего не сдѣлано въ продолженіе дня земной жизни, невозвратно прошедшаго? Притомъ не надобно терять изъ вида, что и благовременность дѣлать нѣкоторыя дѣла, служащія къ нашему спасенію, встрѣчаетъ иногда свою нощь прежде, нежели оканчивается день жизни. Теперь, напримѣръ, ты живешь въ изобиліи: благо тебѣ, если поспѣшаешь дѣлать дѣла милосердія, *дондеже день есть.* Можетъ быть, буквально, въ слѣдующую ночь тать или огонь, или другая нечаянность сдѣлаетъ то, что ты не въ состояніи будешь *сотворити себѣ други отъ мамоны неправды, да егда оскудѣеши* другими добродѣтелями, *пріимутъ тя въ вѣчныя кровы* (Лук. XVI. 9.).

Молитвами Святыхъ Отецъ нашихъ, да возбудитъ благодать Божія всѣхъ насъ *дѣлати дѣла* угодныя Богу, и полезныя душамъ нашимъ, *дондеже день есть*, и доводитъ оныя до такого совершенства, чтобы онѣ могли *ходить въ слѣдъ съ нами* (Апок. XIV. 13.), и сквозь смертную нощь проникнуть съ нами до новаго, лучшаго, невечерняго дня блаженнаго воскресенія и жизни вѣчныя. Аминь.

## 32. СЛОВО

**На освященіе храма Пресвятыя Богородицы, въ честь иконы Ея Іерусалимскія, въ городѣ Бронницахъ.**

*Февраля въ 3 день 1846 года.*

*Токмо на мѣстѣ, идѣже изберетъ Господь Богъ вашъ, во единомъ отъ племенъ вашихъ, нарещи имя Его тамо, и призвати, и взыщете, и внидете тамо.* Второз. XII. 5.

Многократно, братія, посѣщалъ я градъ вашъ: и каждый разъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ; потому что въ краткой только молитвѣ участвовалъ съ вами, въ вашемъ древнемъ храмѣ, будучи скоро увлекаемъ другими требованіями моего служенія. Посему ваше желаніе встрѣтилось съ моимъ собственнымъ желаніемъ, чтобы намъ имѣть болѣе обильное съ вами общеніе въ соборной молитвѣ, при благодатномъ тайнодѣйствіи освященія храма, вами созданнаго.

Что жъ, если и теперь желаемое исполнится не можетъ, и я долженъ сказать съ Апостоломъ: *восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ* (Рим. I. 13.)? Не будемъ смущены или огорчены неисполненіемъ нашихъ смиренныхъ желаній, если и апостольскія желанія, по судьбамъ Божіимъ, не всегда исполняются! Скажемъ съ псалмопѣвцемъ: *не Богу ли повинется душа моя* (Псал. LXII. 2.)? Дѣло освященія есть дѣло Божіе. Благодать одинаково совершаетъ оное тѣмъ или другимъ орудіемъ, по установленному сею чину. Я же хощу сдѣлать, что могу: побесѣдовать съ вами, если нельзя самолично, то хотя чрезъ другія уста.

Съ утѣшеніемъ признаю въ новосозданномъ и освященномъ храмѣ вашемъ дѣло вашего благочестиваго усердія, довольно великое для вашего не великаго града, такъ что, можетъ быть, не будетъ несправедливо свидѣтельствовать о васъ, какъ свидѣтельствовалъ святый Апостолъ Павелъ о христіанахъ Македонскихъ, что вы, какъ они, явились *по силѣ, и паче силы доброхотни* (2 Кор. VIII. 3.).

Съ утѣшеніемъ вѣры помышляю, что жертвы, принесенныя вами въ созиданіи дома Божія, благоугодны Богу, чего знаменіе имѣете въ томъ самомъ, что вашему начинанію даровалъ Онъ совершеніе, и ваше Ему посвященіе принялъ, даровавъ оному Свое освященіе.

Съ упованіемъ пріемлю для васъ благословеніе отъ устъ пророка: *Боже силъ, обратися убо, и призри съ небесе, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и соверши и, егоже насади десница Твоя* (Псал. LXXIX. 15. 16.)! Воистину, Господи Боже силъ, сей народъ вѣрующихъ есть Твой духовный виноградъ; Ты насадилъ его Твоею вседѣтельною десницею: обратися убо къ нему нынѣ и во грядущее время Твоею благодатію, якоже онъ обращается къ Тебѣ вѣрою и молитвою; призри на него Твоимъ провидѣніемъ; виждь, Всевидящій, его истинныя потребности, очевидныя и сокровенныя; и посѣти его щедротами Твоими, утверди его православіемъ; огради отъ татей, прелазящихъ или подкапывающихъ Твою священную ограду, — отъ ересей и соблазновъ; возрасти въ познаніи Твоея истины; оплодотвори обиліемъ дѣлъ благихъ, по заповѣдямъ Твоимъ святымъ; соверши всякою добродѣтелію въ совершенное спасеніе!

Обращаясь паки къ утѣшительному предмету настоящаго торжества, чтобы настоящее утѣшеніе сдѣлать болѣе твердымъ и полнымъ, благовременнымъ нахожу предложить вамъ нѣкоторыя мысли о томъ, какое благо пріобрѣли мы, когда пріобрѣли освященный храмъ Божій.

Молиться можно, и должно, на всякомъ мѣстѣ, какъ учитъ святый Апостолъ. *Хощу*, говоритъ, *да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (1 Тим. II. 8.), то есть, не имѣя во время молитвы гнѣва на ближнихъ, и не смущая себя колеблющимися мыслями о дѣйствительности молитвы. И самъ Господь Спаситель повелѣваетъ молиться всякому въ своей храминѣ, какая у кого есть, только въ уединенной и безмолвной. *Егда молишися, вниди въ клѣть твою, и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже въ тайнѣ* (Матѳ. VI. 6.).

Будьте вѣрны повелѣнію Господню: молитесь въ уединеніи. Держитесь апостольскаго ученія: молитесь на всякомъ мѣстѣ. Особенно когда утромъ пробуждаешься отъ сна; помысли, что Богъ даетъ тебѣ день, котораго ты самъ себѣ не могъ бы дать, и отдѣли первый часъ, или хотя первую четверть часа даруемаго тебѣ дня, и принеси ее въ жертву Богу, въ благодарной и въ благопросительной молитвѣ. Чѣмъ усерднѣе ты сіе сдѣлаешь, тѣмъ болѣе освятишь свой день, тѣмъ крѣпче оградишь себя отъ искушеній, каждый день встрѣчающихся. Подобно сему, когда отходишь ко сну: помысли, что Богъ даетъ тебѣ покой отъ трудовъ, и отъими начатокъ отъ времени твоего покоя, и посвяти его Богу, чистою и смиренною молитвою. Ея благоуханіе приближитъ къ тебѣ Ангела, для охраненія твоего покоя.

Упражненіе въ сихъ и подобныхъ видахъ домашней и уединенной молитвы необходимо, и благотворно для души на-

ней: но это еще не все, что намъ нужно, и чего Богъ отъ насъ требуетъ.

Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ написано: *вкупѣ же Петръ и Іоаннъ восхождаста во святилище на молитву въ часъ девятый* (III. 1.). Что это значитъ? Апостолы слышали повелѣніе Господне о молитвѣ въ уединенной храминѣ: почему же не довольствуются такою молитвою? Почему идутъ на молитву во святилище, то есть, во Іерусалимскій храмъ, еще святый, хотя долженствовавшій вскорѣ уступить святость храмамъ христіанскимъ? Почему это? — Потому что, кромѣ молитвы домашней и уединенной, нужна еще молитва общественная, церковная, во святилищѣ, во храмѣ, получившемъ особенное божественное освященіе; и сей родъ молитвы также основанъ на повелѣніи Божіемъ. Сіе повелѣніе въ книгѣ Моисеевой читается такъ: *токмо на мѣстѣ, идѣже изберетъ Господь Богъ вашъ, во единомъ отъ колѣнъ вашихъ, нарещи имя Его тамо, и призвати, и взыщете, и внидете тамо.* То есть: Богу не угодно, чтобы общественное призываніе имени Его, или, иначе сказать, церковное богослуженіе совершаемо было на какомъ нибудь простомъ, неосвященномъ мѣстѣ, а должно сіе дѣлать только на томъ мѣстѣ, которое Богъ для сего изберетъ и освятитъ; и на сіе Богомъ избранное и освященное мѣсто всѣ должны приходить, и тамъ призывать Бога. Сіе повелѣніе Божіе исполнить предпринялъ царь Давидъ, а царь Соломонъ дѣйствительно исполнилъ, создавъ храмъ въ Іерусалимѣ, на мѣстѣ, которое Богъ избралъ, и указалъ чрезъ Ангела. Первосвященникъ со священниками освятилъ сей храмъ, внесши въ него священный кивотъ, въ которомъ хранились заповѣди, перстомъ Божіимъ написанныя; слава Божія осѣнила его; Богъ далъ ему высокое обѣтованіе Своего благодатнаго присутствія: *будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3.); и послѣ сего Богъ неоднократно изъявлялъ чрезъ Пророковъ негодованіе Свое на тѣхъ, которые истинному Богу приносили жертвы, но не въ Его святомъ храмѣ, а на высокихъ мѣстахъ, по произволу избранныхъ и неосвященныхъ.

Храмъ Іерусалимскій, какъ ветховавѣтный и прообразовательный, упраздненъ явленіемъ прообразованной Истины, то есть, Христа Спасителя, и устроеніемъ Новаго Завѣта. Отъ Христа Спасителя получили Апостолы, и предали своимъ преемникамъ, власть созидать храмы христіанскіе во всякомъ градѣ и селеніи. Но божественное правило, чтобы храмъ всегда былъ мѣстомъ избраннымъ и освященнымъ по богопреданному чину, сохранено и въ христіанской Церкви. Посему правила Вселенскихъ Соборовъ не позволяютъ иначе поставлять храмъ, какъ по благословенію Епископа, наслѣдовавшаго сію власть отъ Апостоловъ (IV Всел. Соб. пр. 4.), и предписываютъ освящать оный со священнымъ мѵропомазаніемъ, и съ положеніемъ мощей святыхъ (VII Всел. Соб. пр. 7.). По силѣ сего богопреданнаго освященія, христіанскому храму вполнѣ принадлежитъ древнее обѣтованіе особеннаго благодатнаго присутствія Божія: *будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни.* Ему также преимущественно принадлежитъ обѣтованіе Христово: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 20.).

Если христіанскій храмъ сравнимъ съ ветхозавѣтнымъ: то легко усмотримъ, что и начинательное освященіе, и постоянная потомъ святыня, свойственны христіанскому, не только въ равной съ ветхозавѣтнымъ, но и въ высшей степени. Великою святынею храма ветхозавѣтнаго были заповѣди, написанныя перстомъ Божіимъ; не такъ же ли божественную, и болѣе обильную, святыню имѣемъ мы на престолѣ нашего храма въ Евангеліи, въ которомъ заключается непосредственное слово Бога-Слова, написанное чрезъ Евангелистовъ Духомъ Святымъ? Тамъ на трапезѣ хлѣбы предложенія, образъ хлѣба животнаго, сходящаго съ небесе; здѣсь на трапезѣ самый хлѣбъ животный, по слову Господа: *хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра* (Іоан. VI. 51.). Тамъ жертвы кровавыя, безсловесныя, несовершенныя предвѣстія единой всемірной Жертвы, всеспасительнаго страданія, смерти и воскресенія Христова; здѣсь Жертва безкровная, словесное слу-

женіе, всегдашнее возобновленіе живыя Жертвы Христа Спасителя, въ таинствѣ тѣла и крови Его. Тамъ были Ангелы хранители храма; почему, когда храму Іерусалимскому надлежало быть упраздненну и разрушену, въ немъ слышанъ былъ гласъ невидимыхъ Силъ: *прейдемъ отсюда:* здѣсь также сослужатъ намъ Ангелы, и охраняютъ святыню, здѣсь обитающую. Такъ Авва Леонтій, въ Лаврѣ преподобнаго Ѳеодосія, пришедши въ воскресный день въ церковь для пріобщенія святыхъ таинъ, видѣлъ Ангела, стоящаго на правой сторонѣ престола, и какъ старецъ, убоявшись, обратился, чтобы бѣжать въ свою келлію, то пришелъ къ нему гласъ отъ Ангела: съ тѣхъ поръ, какъ освященъ сей престолъ, мнѣ поручено пребывать при немъ (Алфавит. Патерик. зн. Л. гл. 4.).

Сказаннаго доселѣ, надѣюсь, довольно, для показанія вамъ, братія, какъ того, что, кромѣ молитвы домашней и уединенной, непреложное слово Божіе и самое наше спасеніе требуютъ отъ насъ еще молитвы церковной, во храмѣ по богопреданному чину освященномъ, тайнодѣйствуемой; такъ и того, какія блага заключаетъ въ себѣ, и предлагаетъ намъ, святый христіанскій православный храмъ. Въ немъ обрѣтаемъ мы особенное благодатное присутствіе Божіе, божественный свѣтъ и спасительную силу Евангелія, пріискреннее соединеніе со Христомъ въ таинствѣ тѣла и крови Его, небесную помощь ангельскую, осѣненіе Духа Святаго, святыню пребывающую, и со благоговѣніемъ и вѣрою входящихъ освящающую.

Прославимъ Господа, щедраго Подателя толикихъ благъ! *Возлюбимъ благолѣпіе дому* Господня, *и мѣсто селенія славы Его* (Пс. XXV. 8.)! Да притекаемъ въ домъ Божій охотно и съ любовію, какъ дѣти въ домъ отца своего! Съ простотою и смиреніемъ сердца, съ безмолвіемъ ума, съ отложеніемъ всякаго житейскаго попеченія, да предаемся здѣсь дѣйствію Духа Божія, одушевляющаго божественную службу! Да не нерадимъ очищать и освящать себя таинствами! Да блюдемся, чтобы въ сіе мѣсто благоуханія святыни не привносить смрада нечистаго житія!

Нельзя при семъ не вспомнить съ сожалѣніемъ о тѣхъ, которые или долго уклоняются отъ святаго храма, по нерадѣнію, или совсѣмъ удаляются отъ онаго, потому что, въ слѣдствіе погрѣшительныхъ мнѣній, хотятъ молиться не въ святомъ храмѣ, но на мѣстѣ, котораго Богъ не избралъ, и котораго никто не освятилъ. Какихъ благъ лишаютъ они сами себя! И какому отвѣту подвергаютъ себя предъ Богомъ!

Удаляющіеся отъ святыни Церкви говорятъ, что сіе дѣлаютъ они по старой вѣрѣ. Удивительно, какъ люди могутъ извращать истину, если того пристрастно захотятъ. Гдѣ нашли они старую вѣру безъ священноначалія и безъ освященныхъ храмовъ? Эта вѣра очень новая; двухъ сотъ лѣтъ не прошло еще, какъ она возникла. Истинно старая вѣра отъ начала христіанства имѣла и имѣетъ непрерывное священноначаліе и освященные храмы.

Знаю старый примѣръ удаленія отъ святаго храма и отъ поставленнаго Богомъ священноначалія, съ мыслію о старой вѣрѣ: но онъ, конечно, не будетъ угоденъ тѣмъ, которые у насъ провозглашаютъ себя послѣдователями старой вѣры. Самарянамъ не захотѣлось ходить въ Іерусалимскій храмъ, и повиноваться тамошнему священноначалію; они построили для себя нѣчто, имѣющее видъ храма, но не святыню его, на горѣ Гаризинъ; нѣкоторые священники отбѣжали къ нимъ изъ Іерусалимскаго храма, и открылось новое неблагословенное богослуженіе. Чтобы пріобрѣсти сему незаконному дѣйствованію сколько нибудь довѣрія отъ народа, нововводители говорили, что они дѣлаютъ сіе по старой вѣрѣ, и только старыя книги принимаютъ, именно, пять книгъ Моисеевыхъ; а прочія книги пророческія они отвергали, какъ уже не старыя. Не имѣя у себя древней церковной святыни, они хвалились, что имѣютъ старый колодезь, изъ котораго пилъ патріархъ Іаковъ. Благовидныя указанія на древность, и упоминаніе глубоко уважаемаго имени патріарха Іакова, увлекли немалое число неразсудительныхъ; и разсудительнѣйшая изъ Самарянъ жена, упоминаемая въ Евангеліи, хотя чувствовала слабость сего ученія,

однако сомнѣвалась, не лучше ли, подлинно, молиться въ горѣ самарійской, нежели во храмѣ Іерусалимскомъ. Но, чтобы никто не увлекался подобными прельщеніями, Христосъ Спаситель сказалъ женѣ самарійской: *вы кланяетеся, Егоже не вѣсте: мы кланяемся, Егоже вѣмы; яко спасеніе отъ Іудей есть* (Іоан. IV. 22.). То есть, вы въ горѣ самарійской молитесь, не зная кому; мы, молящіеся во храмѣ Іерусалимскомъ, молимся Богу, Котораго знаемъ, и отъ Котораго имѣемъ обѣтованіе спасенія.

Никого не желаю оскорблять сравненіемъ съ Самарянами: но вамъ, послушныя чада новаго Іерусалима, вамъ, молитвенники освященнаго Богомъ храма, полагаю предъ очи примѣръ Самарянъ, для вашей осторожности, дабы *вы блюлися отъ творящихъ распри* и *раздоры*, которые, какъ говоритъ Апостолъ, *благими словесы прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Рим. XVI. 17. 18.). *Словеса* говорятъ, по видимому, *благія*: но въ самомъ дѣлѣ *прельщаютъ*, и отводятъ отъ истины. Старая вѣра, старыя книги, патріархъ,— прекрасныя слова; но сими словами, обманчиво употребленными, *прельщены* были Самаряне, и удалились отъ истинной церкви и отъ пути спасенія. Блюдитеся и охраняйте другъ друга, чтобы подобными, неправо употребляемыми, словами не прельстилось чье либо сердце. Держитеся древнихъ, или, лучше сказать, вѣчныхъ православныхъ догматовъ вѣры, которые и въ старыхъ и въ новыхъ книгахъ равно проповѣдуются: и съ тѣмъ вмѣстѣ держитесь установленнаго Богомъ священноначалія и освященнаго Богомъ храма. Храните себя въ постоянномъ искреннемъ общеніи съ благодатію и святынею, обитающею во святой Церкви, въ которой, по божественному слову, пребываетъ и пребудетъ Богу *слава* о *Христѣ Іисусѣ, во вся роды вѣка вѣковъ, аминь* (Ефес. III. 21.)!

# ОТДѢЛЕНІЕ VI.

## СЛОВА

## ВО ВРЕМЯ ГУБИТЕЛЬНОЙ БОЛѢЗНИ.

СЛОВА И РѢЧИ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

# СЛОВА

## ВО ВРЕМЯ ГУБИТЕЛЬНОЙ БОЛѢЗНИ.

### 1. СЛОВО

**По освященіи храма и по принесеніи Господу Богу молитвъ о предохраненіи отъ губительныя болѣзни, говоренное Сентября 18 дня, 1830 года.**

Вкратцѣ буду бесѣдовать съ вами, братія; хотя не мало сказать надобно. Продолжившіяся молитвы не позволяютъ быть долгому слову. Послушайте не долго, но внимательно.

Въ молитвахъ упоминалось о губительной язвѣ во дни Давида, и о чудесномъ ея прекращеніи (2 Цар. XXIV.). Воспоминаніе сіе здѣсь къ мѣсту, теперь ко времени.

Царь Давидъ впалъ въ искушеніе тщеславія: хотѣлъ показать силу своего царства, и повелѣлъ исчислить всѣхъ способныхъ носить оружіе, тогда какъ такое исчисленіе совсѣмъ не было въ употребленіи у Евреевъ. И праведникъ не безопасенъ отъ паденія, если вознерадитъ.

Еще не кончилось исчисленіе народа, какъ Царь почувствовалъ въ совѣсти своей обличеніе грѣха и страхъ наказанія отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ явился Пророкъ, и, по повелѣнію Божію, предложилъ Давиду на выборъ одно изъ трехъ наказаній: войну, голодъ, моръ. Примѣчайте изъ сего примѣра, что война, голодъ, моръ, и подобныя бѣдствія, хотя кажутся приключеніями случайными; хотя происходятъ частію отъ извѣстныхъ причинъ естественныхъ: тѣмъ не менѣе однако суть орудія правосудія Божія, употребляемыя для наказанія согрѣшившихъ человѣковъ.

Давидъ смирился предъ Богомъ; безропотно покорился суду Его, и совершенно предался въ волю Его. *Да впаду убо въ руцѣ Господни,* сказалъ онъ. *И даде Господь смерть во Израили отъ утра до часа обѣдняго.* Здѣсь примѣтьте скорый плодъ смиренной покорности судьбамъ Божіимъ. Не три мѣсяца не-

счастной войны послалъ Богъ, не три года голода, и моръ не на три дни, какъ угрожалъ Пророкъ сначала, но уже только *отъ утра до часа обѣдняго.*

Открылось наказаніе грѣха, и совершилось покаяніе Давида. *И рече Давидъ ко Господу, егда видѣ Ангела біюща люди,* и *рече: се азъ есмь согрѣшивый.* Давидъ совершенно покаялся во злѣ грѣха, и тотчасъ *раскаялся Господь* о *злѣ* наказанія. *И рече Ангелу погубляющему люди: довольно нынѣ, отъими руку твою.* Примѣчайте спасительное дѣйствіе покаянія.

Чтобы довершить дѣйствіе помилованія, избавленія и спасенія, Пророкъ, по наставленію Ангела, побудилъ Давида поставить Господеви олтарь, на гумнѣ Орны Іевусеанина, тамъ, гдѣ въ послѣдствіи времени созданъ и храмъ Соломоновъ. *И созда тамо Давидъ олтарь Господеви, и вознесе всесожженія и мирная. И послуша Господь земли, и отъятъ язву отъ Израиля.* Примѣчайте необходимость молитвы во время общественныхъ бѣдствій, и въ особенности пользу молитвы, приносимой торжественно предъ олтаремъ, по наставленію духовному и небесному, по установленію Божественному.

Братія! не видится ли намъ нѣчто подобное грозному видѣнію Давида? Не видимъ ли и мы *Ангела Господня стояща между землею* и *небомъ,* и *мечь его извлеченъ въ руку его, простертъ на Іерусалимъ* (1 Пар. XXI. 16.)? Не смотрите больными глазами страха, которые обыкновенно видятъ то, чего нѣтъ, и не видятъ того, что есть: взирайте острымъ и мужественнымъ окомъ промысла и благоразумной предосторожности. Губительная болѣзнь, нѣсколько лѣтъ опустошавшая не Христіанскія страны Азіи, простерлась и на Христіанскія страны Европы. Въ прошедшемъ году показалась она въ предѣлахъ отечества нашего: уступила предохранительнымъ средствамъ попечительнаго Правительства: но въ нынѣшнее лѣто явилась вновь. Мы, до сего дня пощаженные, благословимъ долготерпѣливаго къ намъ Бога! Но *Ангелъ погубляющій* видѣнъ, *мечь его извлеченъ;* онъ угрожаетъ.

Что же намъ дѣлать? Я думаю, то же, что сдѣлали Давидъ и жители Іерусалима при видѣ Ангела погубляющаго. *Паде Давидъ и старѣйшины Израилевы, облеченніи во вретище, на лице свое.* То же должно намъ дѣлать, чѣмъ Ниневитяне отвратили не по догадкамъ и опасеніямъ ожиданную бѣду, но опредѣлительно предсказанную погибель. *Вѣроваша мужіе Ниневійстіи Богови, и заповѣдаша постъ. И возопиша прилѣжно къ Богу, и возвратися кійждо отъ пути своего лукаваго, и отъ неправды сущія въ рукахъ ихъ* (Іон. III. 5—8.).

Повергнемъ, братія, сердца наши предъ Богомъ во смиреніи, въ покорности неисповѣдимымъ судьбамъ Его. Признаемъ не только правосудіе Бога, готоваго карать грѣхи наши, обличающаго наше житіе, недостойное имени Христіанскаго, но и Его милосердіе и долготерпѣніе, которое не вдругъ, не прежде другихъ, поражаетъ насъ, а показуетъ поразившее другихъ, намъ же только грозящее наказаніе, и, какъ бы предохраняя, говоритъ: *аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII. 5.). Покаемся, братія, и принесемъ плодъ достойный покаянія, то есть, исправленіе житія. Отложимъ гордость, тщеславіе и самонадѣяніе. Возбудимъ вѣру нашу. Утвердимся въ надеждѣ на Бога и на имя Іисуса Христа, Ходатая Бога и человѣковъ, Спасителя грѣшныхъ и погибающихъ. Исторгнемъ изъ сердецъ нашихъ корень золъ, сребролюбіе. Возрастимъ милостыню, правду, человѣколюбіе. Прекратимъ роскошь. Откажемъ чувственнымъ желаніямъ, требующимъ ненужнаго. Возлюбимъ воздержаніе и постъ. Облечемся, если не *во вретище,* то въ простоту. Отвергнемъ украшенія изысканныя, ознаменованныя легкомысліемъ и непостоянствомъ. Презримъ забавы суетныя, убивающія время, данное для дѣланія добра. Умножимъ моленія, тайныя на всякомъ мѣстѣ, и во всякое время, общественныя, по руководству Святыя Церкви. Употребимъ внимательно, благовременно, благонадежно, всегда благотворное и всецѣлебное врачевство, мирную, безкровную жертву, пріобщеніемъ Пресвятаго Тѣла и Крови Христовы.

Хотя ни Ангелъ, ни Пророкъ не приходилъ побудить насъ къ созданію благопріятнаго Богу, а для насъ благодатнаго олтаря: но, благодареніе Богу, Христолюбивое усердіе не престаетъ созидать олтари и храмы; и на одной недѣлѣ, не одинъ олтарь освященъ, и еще не одинъ готовится къ освященію (*).

Господи! *послушай земли*, смиренно призывающей Твое пренебесное Имя, и *отъими язву* отъ Россіи. Сохрани градъ сей, и вѣрою живущихъ въ немъ. Благослови плодоносящихъ и добродѣющихъ во Святыхъ храмахъ Твоихъ!

*Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя!* Аминь.

## 2. СЛОВО

**Въ день Святыхъ тріехъ Святителей Московскихъ, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни, говоренное въ Успенскомъ Соборѣ, Октября 5 дня, 1830 года.**

И въ праздникъ теперь не время торжествовать: потому что исполняется надъ нами слово Господне: *превращу праздники ваша въ жалость* (Амос. VIII. 10.). И въ день Господень, въ домѣ Божіемъ несвободно богословствовать: потому что свѣтъ созерцанія закрывается туманомъ скорби, и заботливые помыслы прерываютъ нить размышленія и слова. Должно нести то, что раждаетъ находящій день; надобно, безъ попеченія о чинѣ слова, говорить то, что внушаетъ, и чего требуетъ настоящее время.

И гнѣвъ, и милость, и наказаніе, и пощада, и грозное прещеніе противу грѣховъ нашихъ, и долготерпѣливое ожиданіе нашего покаянія, ежедневно и ежечасно предъ очами нашими. Ангелъ погубляющій ходитъ по стогнамъ и по домамъ; большую часть обитателей оставляетъ неприкосновенными; не многихъ касается; нѣкоторыхъ поражаетъ. Видите, что мѣра грѣховъ нашихъ полна: ибо начинается необычайное наказаніе. Но видите и то, что бездна милосердія Божія неисчерпана и не заключена: ибо не *вскорѣ возгарается ярость Его* (Псал. II. 12.).

Помыслимъ, братія, о важности для насъ настоящаго времени. Важно и всякое время; и нѣтъ времени, которое безопасно можно было бы пренебрегать: ибо во всякое время можно спастися или погибнуть. Но особенно и необыкновенно важно для насъ сіе время, когда Богъ уже положилъ насъ на вѣсы правосудія Своего, такъ что одна пылинка, прибавленная къ тяжести грѣховъ нашихъ, одна минута, не употребленная для облегченія сей тяжести, могутъ низринуть насъ; когда путь житія нашего стѣснился такъ, что съ каждымъ шагомъ мы поставляемъ ногу между жизнію и смертію, между надеждою спасенія и страхомъ погибели; когда *Богъ Судитель праведенъ и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день*, по неисповѣдимымъ, но, безъ сомнѣнія, премудрымъ и праведнымъ судьбамъ Своимъ, въ сіи дни, особенно, близко, прямо на насъ навелъ гнѣвъ, и, *аще не обратитеся, оружіе Свое очиститъ, лукъ Свой напряже и уготова и, и въ немъ уготова сосуды смертныя, стрѣлы Своя палящими содѣла* (Псал. VII. 12—14.).

Когда тутъ медлить? Куда откладывать спасительныя намѣренія? У мѣста ли дремать безпечно на краю пропасти? Надобно каждому изъ насъ немедленно и ревностно попещись, какъ бы облегчить тяжесть прежнихъ грѣховъ своихъ, покаяніемъ и дѣлами человѣколюбія; какъ бы отъ умноженія сей гибельной тяжести предохранить себя чрезъ пресѣченіе дѣлъ неправедныхъ рѣшительнымъ и твердымъ намѣреніемъ исправленія; какъ бы чрезъ живую вѣру и непрестанную молитву *открыть ко Господу путь* свой духовный (Псал. XXXVI. 5.), и утвердиться въ немъ, дабы и сомнительною стезею жизни временной могли мы проходить съ бод-

(*) 14 Сентября сего 1830 года освященъ храмъ Св. Великомученицы Екатерины, въ Екатерининскомъ Институтѣ; 18 дня храмъ Св. Василія Великаго, на Тверской; 19 дня храмъ Св. Чудотворцевъ Черниговскихъ, на Московою рѣкою; 20 олтарь Св. Священномучениковъ Херсонскихъ, на Даниловскомъ кладбищѣ.

ростію, и въ темный путь смерти тѣлесной вступать безъ боязни; какъ бы возгарающійся гнѣвъ Божій угасить слезами умиленія; какъ бы отъ стрѣлъ правосудія Божія укрыться подъ непроницаемымъ щитомъ креста Хрістова.

Повторяю, и не могу довольно повторять: покаяніе, исправленіе житія, молитва, вѣра во Хріста Спасителя, и какія кому по состоянію и дару возможны добродѣтели Христіанскія и плоды духовные, — вотъ истинныя потребности наши во всякое, и наипаче въ настоящее время! Вотъ вѣрныя средства нашей безопасности во всякой видимой опасности, и благонадежные залоги неотъемлемой жизни въ самой смерти! По благодати Божіей спасительныя средства сіи всегда готовы для насъ; никогда не удалены отъ насъ: войди только каждый въ себя; взирай умомъ, обращайся сердцемъ, воздыхай духомъ къ Богу крѣпкому, живому, многомилостивому.

Господи! Ты единъ *вѣси сущихъ Твоихъ* (2 Тим. II. 19,), также и начинающихъ быти Твоими; однако, поелику Ты показалъ намъ возможность познавать древо по плодамъ, и духовное состояніе человѣка по явленіямъ онаго; дерзаемъ утѣшать себя мыслію, что есть между нами такіе, которыхъ настоящій гнѣвъ Твой обратилъ къ милосердію Твоему, и страхъ близкой погибели приближилъ ко спасенію. Сего ради буди благословенъ и во гнѣвѣ Твоемъ, якоже и въ милосердіи Твоемъ! Но, Господи, обѣщавшій нѣкогда не погубить цѣлаго града десяти ради въ немъ праведниковъ, и ради покаянія единаго Давида повелѣвшій Ангелу погубляющему отъяти руку свою отъ Іерусалима, пощади и спаси градъ сей ради извѣстнаго Тебѣ въ немъ числа покаявшихся отъ грѣховъ своихъ!

Много должно утѣшать и ободрять насъ, братія, и то, что творитъ среди насъ Помазанникъ Божій, Благочестивѣйшій Государь нашъ. Онъ не причиною нашего бѣдствія, какъ нѣкогда былъ первою причиною бѣдствія Іерусалима и Израиля Давидъ (хотя конечно по грѣхамъ и всего народа): однако съ Давидовымъ самопожертвованіемъ пріемлетъ Онъ участіе въ нашемъ бѣдствіи. Видитъ нашу опасность: и не думаетъ о Своей безопасности; устремляется къ намъ въ ту самую минуту, какъ примѣчаетъ опасность. Государь! Тебѣ нѣтъ нужды подвергать Себя нашей опасности; наши грѣхи привлекли на насъ бѣдствіе; облегчай оное, поколику можешь, но не приближайся къ мѣстамъ, кои посѣщаетъ гнѣвъ Божій. Нѣтъ, говоритъ Онъ, *да впаду въ руцѣ Господни*; иду туда, гдѣ вознесена грозная рука Господня, чтобы какъ можно болѣе раздѣлять скорбь, какъ можно дѣятельнѣе облегчать бѣдствіе возлюбленнаго Мнѣ народа. Государь! мы знаемъ, какъ близка къ сердцу Твоему Твоя древняя Столица: но Россія на раменахъ Твоихъ; Европа предлежитъ заботливымъ очамъ Твоимъ, Европа, зараженная, гораздо болѣе смертоноснымъ, повѣтріемъ безвѣрнаго и буйнаго мудрованія; противъ сей язвы нужно Тебѣ укрѣпить преграду; для сего потребно бдительное наблюденіе происшествій, многіе совѣты, дополненіе рядовъ Твоего воинства. Такъ, говоритъ Онъ, Мой долгъ предупреждать и ту опасность; но непреодолимая сила отеческой любви и сострадания влечетъ Меня къ сердцу Россіи, болѣзненно трепещущему.

*Защитниче нашъ, виждь, Боже, и призри на лице Хріста Твоего* (Псал. LXXXIII. 10.); пріими жертву Его человѣколюбія, и умилосердися надъ народомъ Его!

О какъ, братія, желалъ бы я совсѣмъ успокоить себя таковыми утѣшеніями, и почить на упованіи. Но еще страшусь, чтобы предъ очами Всевидящаго и нелицепріятнаго Судіи число кающихся и смиряющихся не оказалось слишкомъ малымъ, и покаяніе слишкомъ несовершеннымъ; чтобы множество не поболѣвшихъ и не сокрушившихся, когда бичь Божій поразилъ не многихъ, не низвело на себя умноженныхъ ударовъ, чтобы на непріемлющихъ наказанія Божія сильнѣе не возгорѣлась ярость Божія.

Къ вамъ обращаюсь и мысленно припадаю, Богоутвержденные столпы здѣшняго Священноначалія, Петре, Алексіе, Іоно, Филиппе! Чего не можетъ сдѣлать сіе скудное и безсильное слово: чего не-

достаетъ въ моемъ собственномъ немощномъ и неплодотворномъ покаяніи: да сотворитъ то, да восполнитъ ваша благоприступная къ Богу молитва, и обиліе данныя вамъ благодати. Да не упасетъ смерть стада вашего. Да сохранится оно, и почіетъ въ мирѣ, въ безопасности жизни временной, въ надеждѣ жизни вѣчной, не сокрушаемое, но руководимое и ограждаемое жезломъ Верховнаго Пастыре-Начальника, Іисуса Христа, Начальника жизни, прославленнаго во Святыхъ, во вѣки. Аминь.

## 3. СЛОВО

**Въ недѣлю двадесятую по Пятдесятницѣ, при воспоминаніи освобожденія Москвы отъ нашествія галловъ, и при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни, въ Успенскомъ соборѣ говоренное октября 19 дня, 1830 года.**

Еще праздникъ; и еще слышится мнѣ грозное слово Господне: *превращу праздники ваша въ жалость, и вся пѣсни ваша въ плачь* (Амос. VIII. 10.).

Мы воспоминаемъ нынѣ, и хотѣли бы праздновать освобожденіе сего града отъ четыредесятидневнаго одержанія жестокими врагами. Хотимъ торжественными пѣснями славословить Бога избавителя. *Востани, слава моя; исповѣмся Тебѣ въ людехъ, Господи* (Псал. CVII. 3. 4.).

Но что градъ? Что тамъ люди? Не новое ли трудное поприще времени проходятъ? Нѣсколько сотъ болящихъ страждутъ: многіе здравые состраждутъ болящимъ; нѣкоторые оплакиваютъ умершихъ; малодушные связаны страхомъ; благоразумные не столько, какъ обыкновенно, свободны, по причинѣ осторожности; человѣколюбивые носятъ въ сердцѣ чувствованіе общаго бѣдствія; благоговѣйные поникли предъ грозящимъ перстомъ Вышняго.

Что же превозможетъ? *Праздникъ, или жалость? Пѣсни* торжественныя или *плачь?* — Ибо трудно согласить и соединить сіи противоположности. Почему премудрый Соломонъ и распредѣляетъ оныя на разныя времена. *Время*, говоритъ, *рыдати, и время ликовати* (Екк. III. 4.).

Видно, не славу пробуждать, и не торжественныя пѣсни воспѣвать намъ нынѣ. И сіе не потому, чтобы позволительно было во время прещенія Божія прекратить благодареніе Богу за Его прежнія благодѣянія. Нѣтъ! должно и во дни гнѣва Божія съ благодареніемъ воспоминать прежнія по гнѣвѣ милости Божіи, какъ потому, что сего требуетъ справедливость, такъ и потому, что сіе должно подавать намъ надежду возобновленія милости къ намъ Божіей и по настоящемъ гнѣвѣ Его. И не только за прежнія благодѣянія Божія, но и за настоящее скорбное посѣщеніе Божіе должно благословлять Бога по примѣру Іова: *яко Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. I. 21.). Но какъ и праведный Іовъ, при столь благодатномъ чувствованіи сердца, уступилъ немощи естества человѣческаго, и съ самымъ посѣщеніемъ Божіимъ, которое было скорбное, а не радостное, сообразовался, тѣмъ, что *воставъ растерза ризы своя, и остриже власы главы своея, и посыпа перстію главу свою*, въ знаменіе печали: то и намъ приличнѣе нынѣ образъ печали, нежели радости, и по духовной немощи нашей, и по смиренію предъ грознымъ посѣщеніемъ Божіимъ, и наипаче по грѣховности нашей. Ибо какъ посѣщаетъ нынѣ насъ Богъ, безъ сомнѣнія, по грѣхамъ нашимъ: то всего паче потребно для насъ покаяніе: а съ покаяніемъ сообразнѣе печаль, нежели радость, только бы печаль была по Богѣ, Котораго мы оскорбили грѣхами нашими. *Печаль бо*, говоритъ Апостолъ, *яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10.).

Покоримся судьбѣ Божіей во всемъ; послѣдуемъ всякому мановенію Провидѣнія. Примемъ, какъ часть наказанія Божія и то, что во славу Божію совершаемое нами служеніе не можетъ нынѣ совер-

шиться съ подобною прежней радостію, торжественностію и пространствомъ общенія (*).

Переймемъ приличное настоящему времени слово и гласъ, отъ болѣвшаго до смерти, но потомъ чудесно исцѣлившагося Езекіи: *яко ластовица, тако возопію, и яко голубь, тако поучуся; исчезоста бо очи мои, еже взирати на высоту небесную ко Господу* (Исаіи XXXVIII. 14.). Не для того извлекаю изъ Священныхъ книгъ сіи давніе жалобные звуки, чтобы сдѣлать болѣе горькою нашу настоящую печаль, но чтобы показать образъ печали спасительной. Тяжкая болѣзнь и преждевременная близость смерти опечалила Езекію: однако печалился онъ безъ ропота на Бога, безъ нетерпѣливости, не теряя надежды. Онъ вошелъ къ Богу со страхомъ Божіимъ: въ семъ разумѣ уподобляетъ онъ себя робкой *ластовицѣ*. Онъ молился съ кротостію и смиреніемъ: сіе изображаетъ онъ подобіемъ *голубя*, тихо стенающаго. И когда первыя молитвенныя взыванія его казались не услышанными: онъ не предался отчаянію, но продолжалъ возносить прилѣжную и непрестанную молитву, и даже тогда, какъ молитвенный гласъ оскудѣвалъ въ устахъ его, не преставалъ *исчезающими*, но еще умоляющими *очами взирати на высоту небесную ко Господу*. И что же наконецъ?—Милосердый Господь не презрѣлъ печали благочестивой, не отвергъ молитвы усердной и постоянной. *Избави мя*, сказуетъ Езекія, *и отъ болѣзнь души моея; и Той сотвори путеводство во вся лѣта моя.*

Да вопіемъ, братія, и мы въ настоящей печали нашей къ Богу со страхомъ и смиреніемъ, съ вѣрою и упованіемъ, съ усердіемъ и постоянствомъ: *яко у Господа милость, и многое у Него избавленіе* (Псал. CXXIX. 6.). *Господь мертвитъ, и живитъ; низводитъ во адъ, и возводитъ* (1 Цар. II. 6.).

Господи Іисусе Христе! въ Тебѣ *животъ бѣ* отъ вѣка; въ Тебѣ *животъ явися* во времени; Ты *имаши ключи ада и смерти*. Ты во днехъ плоти Твоея многими и различными образы подавалъ человѣкамъ жизнь и исцѣленіе, дабы никто, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не оставался безъ надежды Твоея помощи. Ты не только возложеніемъ рукъ и прикосновеніемъ ризъ исцѣлялъ болящихъ, но и ставшимъ издалеча прокаженнымъ, безъ прикосновенія цѣлебную силу преподалъ; и сыну мужа царева, не являя лица Твоего, заочно не менѣе дѣйствительное слово исцѣленія послалъ. Ты и языческой жены Хананейской докучливую молитву не отвергъ, и исповѣдуемую отцемъ отрока бѣснуемаго скудость вѣры благодатію Твоею дополнилъ. Ты для воскрешенія дщери Іаировой на призываніе отца ея склонился; для воскрешенія Лазаря, не призванный, пришелъ, и сына вдовицы Наинской, ни кѣмъ кромѣ Твоего милосердія, не умоляемый воскресилъ. *Гдѣ суть милости Твоя древнія, Господи* (Псал. LXXXVIII. 50.)? Ибо хотя не обитаеши съ нами видимо: но, по непреложному Твоему обѣтованію, *се съ нами еси во вся дни до скончанія вѣка.* Если по грѣхамъ нашимъ такъ сильно возмогаетъ смерть: да не престанетъ *являться и животъ Твой въ мертвеннѣй плоти нашей*, славы ради Твоего имени. Не отвергни нашихъ моленій несовершенныхъ и недостойныхъ; не умножи гнѣва Твоего за наше маловѣріе, и нечувствіе или нетерпѣніе; пріими исповѣданіе нашего маловѣрія, какъ вѣру, и печаль нашу, какъ молитву; и когда очи наши, къ Тебѣ взирающія, исчезаютъ отъ немощи, да ходатайствуетъ предъ Тобою за насъ само Твое безпредѣльное милосердіе. Виждь вдовицъ, угрожаемыхъ безчадіемъ; виждь младенцевъ, *иже не познаша десницы своея, ниже шуйцы своея*, не понимающихъ также ни вины, ни бѣдствія сиротства, имъ предстоящаго. Виждь, и милосердуй, и невидимо посли

(*) Въ прежніе годы въ сей день собиралось въ Успенскій Соборъ все Духовенство Столицы. Нынѣ все приходское Духовенство оставлено при своихъ мѣстахъ, дабы находилось въ близости и готовности для подаванія пособій Вѣры внезапно занемогающимъ. Въ Успенскій Соборъ созвано было только Духовенство Соборовъ и мужескихъ Монастырей.

въ насъ слово Твое утѣшающее, исцѣляющее, животворящее, и *глаголь Твой да не возвратится къ тебѣ тощь.* Аминь.

## 4. СЛОВО

**Въ недѣлю двадесять вторую по Пятдесятницѣ, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни въ Троицкой церкви страннопріемнаго графа Шереметева дома, по случаю возобновленія оныя, говоренное Октября 26 дня, 1830 года.**

Читанная нынѣ изъ Евангелія притча, или повѣствованіе о богатомъ и Лазарѣ такъ извѣстно, что, при вступленіи въ поученіе, не нужно вновь читать или пересказывать написанное въ Евангеліи, а можно прямо приступить къ размышленіямъ, какія оно внушаетъ.

Но прежде всего, сіе мѣсто приводитъ мнѣ на память *человѣка богатаго*, который не потерялъ своего имени въ дѣлахъ ничтожныхъ, который не оставилъ безъ вниманія бѣднаго и больнаго *Лазаря* у воротъ своего великолѣпнаго дома, но заботливо искалъ его по чужимъ домамъ, и бѣдному и больному Лазарю построилъ сей пространный домъ, приготовилъ неистощимыя пособія для жизни и врачеванія, и сіе великолѣпное дѣло человѣколюбія довершилъ устроеніемъ сего величественнаго Храма, чтобы Лазарь имѣлъ удобность не однимъ терпѣніемъ до конца, но и другими упражненіями благочестія готовиться *къ лону Авраамову. Отче Аврааме*, отче вѣрующихъ и человѣколюбивыхъ! обыми, если можно, и за насъ въ блаженныхъ нѣдрахъ твоихъ, вмѣстѣ съ душею, терпѣніемъ спасавшагося Лазаря, душу человѣколюбіемъ спасавшагося раба Божія Болярина Графа Николая; и да почіетъ она въ свѣтлыхъ обителяхъ вѣчно благословеннаго и благословляющаго твоего сѣмени, Господа нашего Іисуса Христа, Которому ты берегъ души древнія, и Который, для душъ древнихъ и новыхъ, Единъ есть воскресеніе и жизнь и покой!

Обратимся, братія, къ себѣ. — Кто богатъ, и любитъ свое богатство; кто склоненъ къ роскоши; кто чувствуетъ въ себѣ порывъ возноситься преимуществами своего имени и состоянія: тотъ пусть поставитъ себя предъ Евангельскою притчею, какъ предъ зеркаломъ, и пусть посмотрится, не походитъ ли онъ на богатаго Евангельскаго, и такое сходство нравственнаго лиценачертанія, не предвѣщаетъ ли съ вѣроятностію той же участи, какая постигла богатаго Евангельскаго по его смерти?

*Бѣ богатъ*: это походитъ на многихъ изъ насъ; и это, кажется, не есть несчастная черта, потому что ее видѣли въ лицѣ самого Авраама, который однако не только себѣ обрѣлъ по смерти утѣшеніе, но и котораго лоно представляется хранилищемъ вѣчнаго утѣшенія для другихъ. *Облачашеся въ порфиру и виссонъ*, то есть, въ самыя изящныя и драгоцѣнныя ткани, какія въ древнія времена употребляемы были людьми знатными и богатыми: и это на многихъ изъ насъ походитъ; и также, кажется, не бѣда, что человѣкъ богатый носитъ одежду, по приличію своего состоянія, чистую, тонкую, отличную отъ простонародной. *Веселяся по вся дни свѣтло*: кажется, и это не тяжкое преступленіе, что живущій въ изобиліи живетъ весело, и законно купленныя удовольствія раздѣляетъ съ людьми, ему пріятными.

Въ семъ состоитъ все Евангельское изображеніе жизни богатаго. Прибавимъ изображеніе и смерти его: *умре же и богатый; и погребоша его.* Тутъ еще менѣе можно примѣтить что либо, на чемъ бы основаться могло худое предвѣщаніе.

Что же потомъ? Блаженъ ли умершій богатый? по крайней мѣрѣ, свободенъ ли отъ наказанія? — Нѣтъ! *во адѣ, — сый въ мукахъ.*

О Боже! — подумаетъ кто нибудь, — какъ легко погибнуть, и слѣдственно, какъ трудно спастися! Евангельскій богатый, кажется, ничего не сдѣлалъ, за что бы осудить его на погибель. — Такъ, возлюбленный! подлинно легко погибнуть. Кто рѣшительнымъ направленіемъ своей воли, склонностію, страстію, совратился и двиг-

нулся на путь неправый, — на путь богатолюбія, роскоши, тщеславія: тотъ легко и непримѣтно катится по наклонности сего пути, не примѣчая, что наклонность сія простирается до самаго ада. Впрочемъ примѣръ богатаго Евангельскаго не показываетъ того, сколько трудно спастися: ибо какъ совсѣмъ не видно, чтобы онъ дѣлалъ что нибудь для своего спасенія, то изъ сего примѣра совсѣмъ не льзя заключить, сколько труда для сего потребно. Ты думаешь извинить сіе тѣмъ, что онъ ничего не сдѣлалъ для своей погибели; но не слишкомъ ли много безумія требуешь ты отъ каждаго погибающаго, чтобы онъ самъ дѣйствовалъ прямо для своей погибели? Погибаютъ обыкновенно не потому, чтобы старались погибнуть, но потому, что не стараются спастися. Ничего не сдѣлалъ? Въ томъ-то и преступленіе, отъ того-то и бѣда, что ничего не сдѣлалъ. Если кто ничего не дѣлаетъ для временнаго благополучія, для земной выгоды: не признаешь ли ты справедливымъ, когда таковый ничего не получаетъ? Какъ же можно требовать, чтобы праведный, свободно свободными владычествующій Богъ, такъ сказать, насильно далъ небесное, вѣчное блаженство человѣку, который ничего не дѣлаетъ для полученія сего блаженства, и не имѣетъ къ оному дѣятельнаго желанія и стремленія свободной воли?

И такъ, вотъ нѣкоторыя изъ наставленій, какія внушаетъ Евангельская притча о богатомъ. Не должно слишкомъ много успокоивать себя внѣшнею непорочностію своей жизни: не дѣлать грубыхъ, явныхъ преступленій, не убивать, не грабить, не притѣснять, не значитъ еще быть добродѣтельнымъ и достойнымъ блаженства; въ нѣкоторыхъ людяхъ это есть только внѣшняя благовидность жизни, еще не означающая души, въ добрѣ утвержденной; это есть только преддверіе, которымъ входятъ въ храмъ непорочности, только подножіе, которымъ восходятъ къ добродѣтели, стоящей гораздо выше. Благами вѣка сего должно пользоваться съ умѣренностію, даже съ нѣкоторою недовѣрчивостію, съ опасеніемъ, чтобы *не воспріять благая своя въ животѣ своемъ*, безъ остатка утѣшенія для жизни будущей. Вести жизнь *по вся дни веселую*, по вся дни блистательную, въ которой дни работные не отличаются отъ праздниковъ ни трудомъ, ни простотою, въ которой праздники не имѣютъ покоя отъ увеселеній, есть *путь*, по самому снисходительному сужденію, рѣже невинный, чаще сомнительный, очевидно *широкій*: а потому если видимая широта его не стѣсняется тайнымъ отчужденіемъ сердца отъ мірскихъ прелестей, сокровенными духовными подвигами и пренебрѣгающими суету добродѣтелями, то конецъ сего пути не иной можетъ быть, какъ указанный Христовымъ изреченіемъ: *широкій путь сводяй въ пагубу* (Матѳ. VII. 13.).

Дабы лучше усмотрѣть, чего не доставало въ лицѣ Евангельскаго богатаго, для благопріятныхъ предзнаменованій будущей участи, поставимъ противъ него лице Лазаря. *Нищь же бѣ нѣкто именемъ Лазарь*. Видите ли, чего не доставало богатому, противъ Лазаря?—Ему не доставало самаго имени. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ*, говоритъ Евангеліе. О, какъ стремглавъ превращается здѣсь образъ міра сего! Кому была нужда узнавать и дѣлать извѣстнымъ имя больнаго нищаго, поверженнаго на землѣ, на котораго никто не обращалъ вниманія? Единственные собесѣдники его, псы, лизавшіе гной его, вѣрно не называли его по имени. Но имя Лазаря написано въ Евангеліи: извѣстно Аврааму; слышно на небесахъ. А имя богатаго, на пиршествахъ и въ собраніяхъ переходившее изъ устъ въ уста его многочисленныхъ друзей, почитателей и знакомыхъ, пропало безъ вѣсти. *Человѣкъ нѣкій*: и только! Что же сіе значитъ?—Безъ сомнѣнія, надлежитъ сіе изъяснить, какъ послѣдствіе обыкновеннаго начала, что имя человѣка является и скрывается, помнится и забывается, по роду и достоинству дѣлъ его. Предметами жизни и дѣятельности богатаго были вещи тлѣнныя, удовольствія скоропреходящія, слава суетная: все поглощено суетою, временемъ, тлѣніемъ; не на чемъ было устоять праздному имени празднаго человѣка.

Да помыслятъ посему человѣки, болѣе пристрастные къ чести и славѣ своего имени, нежели ревностные къ дѣламъ

достойнымъ чести и славы; — да помыслятъ, что будетъ и съ ихъ именемъ? Если они стараются только какъ нибудь распространить и возвысить имя свое на земли, между человѣками; а не дѣлаютъ ничего такого, по чему бы ихъ узнали, почтили и приняли на небесахъ; то чего можно имъ ожидать для своего имени, развѣ что оно умретъ со смертными, исчезнетъ въ земномъ воздухѣ, или наконецъ промелькнетъ, можетъ быть, нѣкогда предъ ними сквозь пламя преисподнее, для увеличенія наказанія ихъ неукрощеннаго самолюбія и ложнаго славолюбія? Но на небесахъ или не будутъ знать ихъ именъ, или не осмѣлятся произнести, чтобы не осквернить святыхъ устъ и слуха небожителей, и чистаго воздуха небеснаго. Сюда принадлежатъ слова Пророческія: *ни помяну же именъ ихъ устнама моима* (Псал. XV. 4.).

Станемъ еще на краткое время между богатымъ и Лазаремъ. — *Лежаше предъ враты его гноенъ, и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго*; *но и пси приходяще облизаху гной его.* Теперь открываются въ лицѣ богатаго черты, которыя обнажаютъ его нищую внутреннимъ добромъ душу, и обнаруживаютъ тайну его погибели. Лазарь *предъ вратами:* хозяину дома не льзя не примѣтить его при каждомъ своемъ выходѣ и входѣ: но богатый какъ будто не примѣчаетъ его. Лазарь не только бѣденъ, но и боленъ: и сіе не трогаетъ жестокой души богатаго. Больному не много надобно; слишкомъ довольно было бы для Лазаря остатка отъ ломтя хлѣба, котораго богатый мало ѣстъ, сберегая остатки голода для снѣдей болѣе лакомыхъ: и сего бѣдный Лазарь тщетно *желаетъ.* Псы, по непонимаемому ими внушенію благодѣтельной природы, приходятъ отправлять должность врачей надъ ранами Лазаря: богатый все не хочетъ догадаться, что въ немъ нѣтъ и столько состраданія, сколько есть въ безсловесныхъ. *О человѣкъ*, чуждый человѣчества! — Но удержимся. Мы стоимъ здѣсь, братія, не для того, чтобы негодовать на пороки другихъ, но чтобы учиться предохранять себя отъ пороковъ, или исправлять себя отъ нихъ, и уклоняться отъ пропасти, въ которую другіе по небрежности низринулись.

Вотъ еще очень нужное наставительное размышленіе, которое мы должны почерпнуть изъ Евангельскаго сказанія о несчастномъ богатомъ. Жизнь чувственная, если небрежно предаются ей, занимая душу плотскими и суетными удовольствіями, непримѣтно разслабляетъ ея внутреннюю силу и притупляетъ нравственное и духовное чувство, такъ что человѣкъ наконецъ дѣлается тупъ, тяжелъ и почти неспособенъ къ возвышеннымъ побужденіямъ и чистымъ удовольствіямъ истинной добродѣтели. А какъ, напротивъ, легко было бы то самое богатство, которое обыкновенно служитъ пищею жизни чувственной и плотской, обратить на то, чтобы питать побужденія возвышенныя, чтобы достигать удовольствій чистыхъ, посредствомъ благотворенія нуждающимся и бѣдствующимъ ближнимъ!

Братія! какъ много въ сіи дни *Лазарей!* Одни больны; другіе бѣдны; нѣкоторые и то и другое. Благодареніе человѣколюбію Благочестивѣйшаго Государя, и имъ одушевляемаго и движимаго Правительства! Благодареніе и человѣколюбію народа! Никто не остается не только *предъ вратами,* на улицѣ, но не оставляется и въ жилищѣ, неудобномъ или небезопасномъ; врачующіе и пекущіеся охотно приближаются къ больнымъ такою болѣзнію, о которой одна мысль въ иныхъ возбуждаетъ отвращеніе или страхъ; *крупицы отъ трапезъ богатыхъ*, довольно часто падаютъ въ уста бѣдныхъ; даже бѣдные своими лептами дѣлятся съ другими бѣдными или отдаютъ въ милостыню свой трудъ, и себя въ служеніе болящимъ; служители чистоты и Святыни всюду текутъ очищать, умягчать и заживлять душевныя раны страждущихъ, и еще не страждущихъ тѣлесно. Кажется, и Самъ Врачь душъ и тѣлесъ преклоняется къ молитвамъ Вѣры и къ подвигамъ человѣколюбія, и простираетъ милующую руку. Смерть уже не распространяетъ власти, ей попущенной; и болѣзнь начинаетъ уступать здравію.

Однако дерзнемъ ли мы подумать, что

у насъ происходитъ уже нѣчто лучшее, нежели что видимъ въ Евангеліи?—Тамъ одинъ больный и бѣдный; одинъ богатый, осужденный, и у сего *пять* братьевъ, подобныхъ ему въ томъ, что жили только для себя, а не для Бога и ближняго. Богъ да помилуетъ насъ, братія, чтобы не нашлось и у насъ, противъ одного требующаго милости, шесть немилостивыхъ! Раздѣлимъ, по возможности, каждый съ которымъ нибудь, а всѣ со всякимъ злострадающимъ Лазаремъ, *благая наша, воспріемлемая въ животѣ нашемъ* временномъ, дабы принятые прежде насъ на лоно Авраамле не отреклись раздѣлить съ нами благая Божія, въ жизни вѣчной. Аминь.

## 5. СЛОВО

**Въ день восшествія на Все-Россійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Каѳедральной церкви Чудова монастыря, Ноября 20 дня, 1830 года.**

*Вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его.* Псал. XXIV. 10.

Настоящій день Господь сотворилъ намъ, сынове Россіи, да возрадуемся о Царѣ, намъ дарованномъ: и, благодареніе Богу, что сему радостному дню довольно почтительно уступаютъ дни скорби, внезапно нашедшіе на градъ сей. Градъ Царевъ выздоравливаетъ, чтобы не проводить дня Царева въ неблаговременномъ уныніи.

Предоставляю испытателямъ природы, по должности, или по охотѣ, потрудиться надъ изысканіемъ причинъ сей благопріятной перемѣны: они найдутъ, вѣроятно, болѣе одной, и будутъ имѣть случай состязаться о томъ, которая изъ нихъ истинная, или которая сильнѣе другой. Что касается до меня, безъ труда нахожу одну причину, которая удовлетворительнѣе и пріятнѣе многихъ изысканныхъ изъясняетъ происходящее. Сія благотворная причина есть милость Божія къ Царю и Царству.

Такъ, по выраженію Пророка, *день дни отрыгаетъ глаголъ* (Псал. XVIII. 3.), одинъ день говоритъ другому, всѣ происшествія каждый день говорятъ людямъ то, что написано у Пророка: *вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его.*

Что такое *путіе Господни?* Неограниченному не льзя опредѣлять путей; Вездѣсущему некуда шествовать: Онъ уже вездѣ присутствуетъ. Соединеніе понятій *милости* и *истины* съ понятіемъ *путей* даетъ разумѣть, что Пророкъ сіе послѣднее слово употребилъ въ значеніи нравственномъ.

*Путіе Господни* суть дѣйствія Провидѣнія Божія въ отношеніи къ нравственнымъ существамъ, направленіе управляемыхъ Богомъ средствъ къ достойнымъ Божества цѣлямъ.

На какихъ же *путяхъ Господнихъ*, или въ какихъ дѣйствіяхъ Провидѣнія, указуетъ намъ Пророкъ *милость и истину?* Добрый благополученъ: очевидно, что тутъ есть истина взыскающимъ завѣта Божія. И грѣшный не лишенъ временнаго благополучія: очевидно, что это милость. Но милость и истина въ сихъ случаяхъ такъ видимы, что, кажется, Пророку не стоило бы труда указывать на сіи явленія, довольно понятныя и безъ Пророка.

Пророкъ говоритъ выразительно: *вси путіе Господни милость и истина.* Здѣсь примѣтно опасеніе, чтобы нѣкоторые непроницательные люди не усомнились о нѣкоторыхъ путяхъ Господнихъ. О какихъ же дѣйствіяхъ Провидѣнія могутъ усомниться непроницательные? Приходитъ на людей бѣдность, болѣзнь, голодъ, смерть: путь ли это Господень? Гдѣ тутъ милость? Бѣдствія сіи постигаютъ многихъ, злыхъ и добрыхъ, безъ примѣтнаго разбора: путь ли это Господень? Гдѣ тутъ истина? Зло естественное отъ естественныхъ причинъ раждается, естественными же средствами не рѣдко и отвращается: гдѣ же тутъ путь Божій? Не примѣчаемъ ли, какъ недоумѣнія сего рода охотно

выдумываются и проповѣдуются людьми вѣка сего, какъ будто новыя открытія, какъ будто познанія законовъ естества? Подлинно, здѣсь не излишенъ чистый, возвышенный взоръ Пророка, чтобы усмотрѣть путь Божій въ дѣлахъ природы, чтобы открыть милость и истину Господню сквозь смѣшеніе невинности и виновности человѣческой. И Давидъ сіе видитъ; и задолго предупреждаетъ нашихъ позднихъ мудрователей, чтобы они не дѣлали неумѣстныхъ исключеній изъ законовъ и власти, сколько всеблагаго, столько же и всеобъемлющаго Провидѣнія. *Вси путіе Господни милость и истина.*

Поелику Богъ безконеченъ, вездѣсущь и всемогущь: то нѣтъ во вселенной никакого состоянія тварей, которое было бы Ему недоступно, чрезъ которое бы не лежалъ какой нибудь путь Господенъ; нѣтъ происшествія, которое бы не было ведено путемъ Господнимъ, впрочемъ такъ, что путь Господень никогда не стѣсняетъ путей свободы для существъ нравственныхъ. Поелику Богъ вездѣсущій и всемъ управляющій есть также Богъ премудрый, праведный и всеблагій: то всѣ дѣйствія Провидѣнія Его, всѣ происшествія міра, касающіяся существъ нравственныхъ, ведутся такъ, чтобы все было средствомъ къ добру и противу зла; чтобы то, что называютъ зломъ по непріятному ощущенію и разрушительнымъ дѣйствіямъ въ видимой природѣ, сіе, такъ сказать, поверхностное явленіе зла, было врачевствомъ или противуядіемъ противъ зла болѣе глубокаго и подлиннаго, которое, раждаясь изъ злоупотребленія свободы существъ нравственныхъ, повреждаетъ ихъ внутренно и дѣлается источникомъ безчисленныхъ и безконечныхъ злыхъ послѣдствій, внутреннихъ и внѣшнихъ, если пути онаго не пресѣкаются путями Господними. *Вси путіе Господни*, въ семъ числѣ и, такъ названныя, *стези гнѣва* (Псал. LXXVII. 50.), или карательныя дѣйствія, по видимому, случайно находящія, по видимому, безъ разбора поражающія суть *милость и истина*, относящаяся преимущественно ко *взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его*;—истина, когда поражается грѣшникъ, и предупреждается умноженіе грѣховъ и распространеніе грѣховной заразы;—истина, когда въ общемъ бѣдствіи спасается праведникъ; — милость, когда пощаженъ бываетъ грѣшникъ, въ которомъ или уже возбуждено, или предусматривается имѣющее возбудиться покаяніе;—милость и истина вмѣстѣ, когда бѣдствіемъ, которое угрожало многимъ, и постигло не многихъ, многіе приведены въ познаніе своего грѣховнаго состоянія и возбуждены къ исправленію.

Еще Іовомъ *слышанные*, и еще нынѣ слышимые *утѣшителіе золъ* (Іов. XVI. 2.), (то есть, такіе утѣшители, которые, думая утѣшить во злѣ, ложнымъ утѣшеніемъ производятъ новое зло) говорятъ: будьте спокойны; истребительная болѣзнь совсѣмъ не есть гнѣвъ и наказаніе Божіе. Такъ что же она, други мои? Развѣ благоволеніе и награда отъ Бога? вѣроятно, что такой награды не пожелалъ бы себѣ такой утѣшитель: а то вѣрно, что намъ не позволитъ человѣколюбіе пожелать оной для него.

Когда въ храминѣ добраго отца покажется розга: увидѣвшій ее тотчасъ подумаетъ: видно, между дѣтьми есть провинившіяся. Вселенная есть домъ Отца небеснаго. Человѣковъ, особенно дѣтей вѣры, бережетъ Онъ болѣе, нежели мать дѣтей своихъ (Иса. XLIX. 15.). Общественное бѣдствіе, безъ сомнѣнія, не вѣнокъ, а розга. И такъ когда вижу сію розгу; не умѣю думать иначе, какъ что земныя чада, видно, заслужили наказаніе отъ Отца небеснаго.

Возражаютъ: какъ можетъ быть наказаніемъ, на примѣръ, болѣзнь, отъ которой въ числѣ прочихъ и невинный младенецъ умираетъ? — Уже много вѣковъ прошло, какъ сіе возраженіе рѣшилъ Премудрый: *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его или лесть прельститъ душу его* (Прем. IV. 11.). Иное умертвить невиннаго; — не льзя довольно ужасаться жестокой несправедливости человѣка, отъемлющаго у безвиннаго ближняго даръ Божій, коего отъемлющій ни возвратить, ни замѣнить не въ силахъ;—иное умереть безвинно, подъ владычествомъ Провидѣнія, которое путемъ жизни временной, краткимъ или долгимъ, ведетъ къ блаженному

покою жизни вѣчной; безвинно умирающій ничего не теряетъ, а пріобрѣтаетъ жизнь безопасную и лучшую, и въ ней блаженство, или приготовленіе къ блаженству, по способности, награду по достоинству; слѣдственно человѣкъ не обиженъ; Провидѣніе право. Такимъ образомъ, поздняя или ранняя, легкая или тяжкая, всегда *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. CXV. 6.), и спасительна: но также всегда *смерть грѣшниковъ люта* (Псал. XXXIII. 22.) и наказательна. И поелику отъ начала міра *грѣхомъ смерть во вся человѣки вниде* (Рим. V. 12.), какъ наказаніе: то и нынѣ увеличеніе власти ея надъ человѣками вообще означаетъ увеличеніе ихъ наказанія. И Владычествующій жизнію обыкновенно угрожаетъ смертію, какъ наказаніемъ за грѣхи и беззаконія: *беззаконія сотвори; смертію умретъ* (Іезек. XVIII. 13.)! Посему какъ смерть *не согрѣшившихъ по подобію преступленія Адамова* не препятствовала всеобщей смерти человѣковъ быть слѣдствіемъ всеобщаго осужденія (Рим. V. 14—18.): такъ смерть невиннаго младенца отъ истребительной болѣзни не препятствуетъ сей болѣзни оставаться общественнымъ наказаніемъ Божіимъ, и, можетъ быть, сверхъ того въ частности, наказаніемъ, или средствомъ духовнаго возбужденія, для тѣхъ, которые лишились сего младенца, и его будутъ оплакивать.

Если думаютъ, что бѣдствіе пришло не путемъ истины и милости Господней, наказующей зло, и обращающей къ добру: то спрашиваю: какъ же пришло въ міръ бѣдствіе? Украдкою?—Не льзя. Богъ всевѣдущъ. Насильственно? — Не льзя. Богъ всемогущъ. По слѣпому движенію силъ природы?—Не льзя. Ими управляетъ Богъ премудрый и всеблагій. Куда ни обращайся съ догадками, отвсюда принужденъ будешь возвратиться къ одной неоспоримой истинѣ, что, если какъ нибудь допущено въ міръ бѣдствіе, то допущено не иначе, развѣ какъ средство Провидѣнія, наказательное и исправительное, а иногда испытательное и усовершительное, —какъ истина и милость путей Господнихъ.

Но еще говорятъ: если бы болѣзнь была наказаніемъ Божіимъ; то непозволительно было бы избавляться отъ нея врачеваніемъ: ибо когда Государь опредѣляетъ преступнику наказаніе, тогда покушеніе избавиться отъ сего наказанія почитается новымъ преступленіемъ. Невѣрное уподобленіе, и отъ того ложное заключеніе! Въ томъ самомъ случаѣ, когда болѣзнь дѣйствительно есть наказаніе Божіе, врачеванія отъ болѣзни отнюдь не должно сравнивать съ побѣгомъ отъ наказанія. Можно виновному избѣжать отъ рукъ правосудія человѣческаго; и тѣмъ сдѣлать новое преступленіе, тѣмъ болѣе тяжкое, что имъ пролагается путь къ другимъ преступленіямъ: побѣгъ отъ правосудія всевидящаго и всемогущаго Бога невозможенъ; симъ правосудіемъ можно только быть прощену и отпущену; а о семъ стараться не есть преступленіе. Убѣгающій отъ опредѣленнаго ему наказанія человѣческаго есть мятежникъ: совсѣмъ не то врачующійся отъ болѣзни; онъ дѣлаетъ сіе по дару и власти Того же Господа, Который наказуетъ его: ибо *Господь созда отъ земли врачеванія* (Сир. XXXVIII. 4.); *отъ Вышняго есть исцѣленіе* (2). Убѣгающій отъ опредѣленнаго человѣческою властію наказанія нарушаетъ опредѣленіе сея власти; сего никакъ не дѣлаетъ врачующійся отъ болѣзни; успѣхомъ врачеванія открывается только то, что ему опредѣлена была болѣзнь не смертная. Исправимъ уподобленіе, и окончимъ споръ. Оковы суть одно изъ такихъ орудій правосудія человѣческаго, которыя не для невинныхъ назначены, хотя впрочемъ пребываніе въ оныхъ Іосифа не виною его должно быть изъясняемо. Подобно сему болѣзнь тѣлесная есть одно изъ орудій правосудія Божія, хотя болѣзнь Іова, Езекіи и многихъ другихъ, приходила и приходитъ особенными путями Господними, въ которыхъ впрочемъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, всегда открывается милость и истина.

Случаи сыновъ человѣческихъ, которые многоразличная премудрость Божія ведетъ путями праведнаго и благаго Провидѣнія, такъ многочисленны, такъ разнообразны, такъ сплетены взаимными отношеніями, такъ глубоко сокрыты своими началами въ сердцахъ, которыя единъ Сердцевѣдецъ

испытуетъ, такъ далеко простерты своими послѣдствіями по смертному и безсмертному бытію человѣковъ, что желать все темное въ оныхъ понять, все трудное изъяснить, значило бы хотѣть пересчитать песокъ, или горстью вычерпать море.

Умѣй же и мудрствовать, и добровольно мудрованію своему полагать границу, по необходимости ограниченный человѣкъ! Повѣрь здравымъ понятіямъ о Богѣ вседромыслителѣ, которыя согласно тебѣ внушаютъ и разумъ и откровеніе; удовлетворись несомнительными примѣрами людей, надъ которыми, и естественно, и чудесно, не надъ всѣми одинаково, надъ каждымъ вѣрно, явилась правда и благость Божія; согласись, не только умомъ, но и сердцемъ, съ словомъ Пророка, и съ неисчислимыми свидѣтельствами слова Божія, что *вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его.* Увѣренность, сколь удовлетворительная для ума, столь же отрадная для сердца, и благотворная для жизни!

Мудрствующій по стихіямъ міра скажетъ: «воздухъ былъ зараженъ; — воздухъ освобождается отъ заразы.» Первое горько; да и во второмъ не много вкуса. Но когда говорятъ, что Отецъ Небесный умилосердился надъ нами, и когда слушаютъ сіе съ вѣрою: человѣкъ получаетъ такія чувствованія, по которымъ онъ становится въ одно время и счастливѣе, и нравственно лучше прежняго.

*Благо есть исповѣдатися Господеви, и пѣти имени Твоему, Вышній, возвѣщати заутра милость Твою и истину Твою, на всяку нощь* (Псал. XCI. 2. 3.).

Да неизмѣняемъ никогда сей, сколько священной, столько же блаженной обязанности. Исповѣдаемъ истину Божію, наказующую бѣдствіями грѣшниковъ, и освящающую оными праведниковъ; исповѣдаемъ милость Божію, являемую намъ нынѣ; призовемъ благоподательную милость и истину Господню на дни грядущіе, Благочестивѣйшему Государю нашему и Августѣйшему Дому Его, царствующему Граду сему, Россіи, и наконецъ всякой душѣ, по вѣрѣ и взысканію завѣта Божія способной къ причастію милости Божіей. Аминь.

## 6. СЛОВО

**Въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, по полученіи Высочайшаго повелѣнія о возстановленіи сообщеній Москвы, прерванныхъ по предосторожности противъ губительныя болѣзни, говоренное въ Каѳедральной церкви Чудова монастыря, Декабря 6 дня, 1830 года.**

Утомились мы, такъ долго и часто говоря и слыша, все о болѣзни, все о смерти. Но кто можетъ прекословить волѣ Владѣющаго жизнію, Который сіи уже малые, только что примѣтные остатки сѣни смертной не спѣшитъ совсѣмъ удалить отъ глазъ нашихъ, можетъ быть, для того, чтобы, обезпечась скорымъ помилованіемъ, не поспѣшили мы забыть праведнаго наказанія? Благословенъ Онъ и за то, что наказалъ, и за то, что милуетъ, и за то, что милуетъ постепенно, дабы тѣмъ болѣе упрочить намъ Свою милость.

Мнѣ представляется, что, какъ Лазарь изъ гроба, востаетъ въ сіе время сей градъ, правда не многими своими членами дѣйствительно умершій, однако весь всецѣло воскресшій отъ страха смерти. Но чего еще недостаетъ сему воскресшему, чтобы пользоваться обновленною жизнію? — Да! еще нужно для него то же владычественное повелѣніе, которое дано было для воскресшаго Лазаря: *разрѣшите его и оставите ити* (Іоан. XI. 44.). Внемли же, воскресшій градъ! Се и для тебя исходитъ отъ Престола Царева разрѣшающій гласъ: *разрѣшите его, и оставите ити;* разрѣшите его отъ обязаній, которыми любящая рука принуждена была связать его предохранительно, чтобы область смерти не распространилась; оставьте его безпрепятственно, незаключенными вратами, непрегражденными путями, идти въ села и окрестные грады, и принимать приходящихъ, чтобы жизнь естественная не затруднялась въ своихъ потребностяхъ, чтобы жизнь общественная не стѣснялась въ своихъ движеніяхъ. Благословенна благость Царева, и за намѣреніе связать смерть, и за поспѣшность разрѣшить жизнь.

Поздравляю тебя, отъ страха смертнаго воскресшій, отъ болѣзни смертной исцѣлѣвшій, отъ трудностей жизни разрѣ-

шенный градъ! Но послушай, что еще, при сихъ благопріятныхъ для тебя событіяхъ, тебѣ сказать внушаетъ истина, что совѣтовать тебѣ, побуждаетъ желаніе твоего блага. *Взыскахъ благая тебѣ* (Псал. CXXI. 9.). Если ты воскресъ: то умѣй беречь безопасность жизни, тебѣ возвращенную. Если ты исцѣлѣлъ: то вспомни слово Исцѣлителя, сказанное *въ Церкви: се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. V. 14.). Если ты разрѣшенъ: то умѣренно и осторожно приводи въ движеніе члены твои, дабы чадолюбивая мать не увидѣла необходимости вновь спеленать дитя, во вредъ себѣ употребляющее разрѣшенные члены.

Кажется, кому бы лучше понимать высокую цѣну жизни и безопасности, какъ не тому, кто только выходитъ изъ смертной опасности? Кому свойственнѣе быть осторожну въ употребленіи здравія, какъ не тому, кто недавно видѣлъ окрестъ себя, или даже испыталъ надъ собою, жестокость болѣзни? Разрѣшенный отъ узъ, или отпущенный изъ-подъ стражи, не больше ли другаго знаетъ непріятность неволи; а потому не больше ли другаго долженъ беречься, чтобы вновь не заслужить оную? Грѣшникъ, наказанный и помилованный, къ удаленію отъ грѣха, не сугубое ли побужденіе, не два ли крыла, имѣетъ, — въ воспоминаніи наказанія, и въ благодарности за помилованіе?

Подлинно такъ бы надлежало быть: но какъ часто бываетъ совсѣмъ иначе! Едва не потонувшій подлѣ берега, вскорѣ безъ нужды пускается въ глубину. Тотъ, надъ кѣмъ уже сбылось врачебное предвѣщаніе мудраго: *во многихъ брашнахъ недугъ будетъ и пресыщеніе приближитъ даже до холеры* (Сир. XXXVII. 33.), — какъ скоро чувство глада является вѣстникомъ возвращающагося здравія, опять по прежнему *разливается на различіе брашна* (32). Тотъ, который вчера, какъ милостыню, получилъ свободу, сего дня не хочетъ положить предѣловъ своему своеволію. Сколько людей, городовъ, народовъ, временъ, въ которыхъ повторялось то, въ чемъ пѣвецъ Израилевъ такъ давно, такъ горько, упрекалъ своихъ соотечественниковъ! *Егда*, говоритъ, *убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху къ Богу; и помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть, и Богъ вышній избавитель имъ есть.* — Но что далѣе? — *И возлюбиша Его усты своими* — только, *и языкомъ своимъ солгаша Ему; сердце же ихъ не бѣ право съ Нимъ* (Псал. LXXVII. 34—37.).

Какіе несчастные опыты! Какая неблагодарность и несправедливость! Какое отсутствіе благоразумія! Послѣ такого поведенія, чего добраго ждать, и по естественному дѣйствію недобрыхъ началъ, и по правосудію земному, а гдѣ сего не достанетъ, то по правосудію небесному, котораго ни избѣжать, ни обмануть невозможно? — *Горше что будетъ!*

Градъ возлюбленный! Горько тебѣ было; но много услаждена чаша твоя: — благодарно сохрани дарованное; благоразумно заслужи лучшее; берегись грѣховъ и погрѣшностей, *да не горше ти что будетъ*. Утвердимъ себѣ, братія, и не престанемъ исполнять благіе обѣты, которые вдохнуло намъ спасительное время скорби. Не съ ропотомъ воспомянемъ трудности, насъ постигшія, но съ утѣшеніемъ-трудности перенесенныя. Благодушно перенесемъ нѣкоторыя неудобства, которыя еще перенести остается. Употребимъ дарованныя облегченія и вспоможенія въ пользу, а не въ удовлетвореніе страстей и прихотей. Со вниманіемъ и чистосердечною вѣрностію да ходимъ въ послушаніи заповѣдямъ Божіимъ и повелѣніямъ власти, отъ Бога поставленной. Такъ будемъ благодарны Богу, насъ милующему. Такъ будемъ достойны Царя, о насъ пекущагося.

*Господи, спаси Царя* (Псал. XIX. 10.)! Господи! *на людехъ Твоихъ благословеніе Твое* (Псал. III. 9.). Аминь.

# ОТДѢЛЕНІЕ VII.

## СЛОВА

## НА ЦАРСКІЕ ДНИ.

# СЛОВА

## НА ЦАРСКІЕ ДНИ

### 1. СЛОВО

Въ день торжественнаго Вѣнчанія и священнаго Помазанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича, говоренное въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, Сентября 15 дня, 1821 года.

*Не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ.* Псал. CIV. 15.

Среди торжества о Помазанникѣ Божіемъ, при воспоминаніи помазанія Его, ко времени слово о помазанныхъ Божіихъ.

И какое слово! Пророкъ, между *судьбами Божіими* по *всей земли*, отличая особенную судьбу помазанныхъ, не довольствуется собственнымъ указаніемъ на то очевидное дѣйствіе сея судьбы, что Богъ *не оставилъ человѣка обидѣти ихъ*; Онъ отверзаетъ небо, и даетъ услышать оттолѣ Творческое слово, созидающее ихъ безопасность: *не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ.*

Подъ именемъ *помазанныхъ* въ семъ изреченіи первоначально разумѣются нѣкоторые начальники избраннаго Богомъ племени. Но поелику тоже имя помазанныхъ, тѣмъ же Словомъ Божіимъ, усвоено предержащимъ властямъ, отъ Бога поставленнымъ: то мы не погрѣшимъ теперь, если, возведя умъ свой на небо, представимъ себѣ, что Царь царей и Господь господей, съ Высочайшаго Престола Своего, указуетъ на всѣхъ помазанныхъ отъ Него властителей, и заповѣдуетъ всѣмъ подвластнымъ: *не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ!*

Не удивительно, что громовымъ гласомъ нужно было возвѣщать сію заповѣдь народамъ языческимъ, глухимъ для кроткаго слова Божія. Кто бы подумалъ, что для Христіанскихъ народовъ нужно будетъ вновь написать ее, кровію Христіанскихъ народовъ? Но она написана кровію и огнемъ на жесткой скрижали Европы; и въ просвѣ-

щенномъ вѣкѣ есть мудрецы, которые донынѣ еще не умѣютъ прочитать сихъ грозныхъ и вмѣстѣ спасительныхъ письменъ!

Благочестивые Россіяне! кто, какъ вы нынѣ, *творитъ молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за Помазаннаго Царя и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. II. 1. 2.): тотъ, если дѣлаетъ сіе искренно и усердно, являетъ дѣломъ, что на сердцѣ его написанъ законъ благоговѣнія и любви къ помазаннымъ Божіимъ. Посему можно быть увѣрену, что здѣсь нѣтъ никого, для кого бы нужно было заповѣдь о неприкосновенности помазанныхъ Божіихъ проповѣдывать, какъ новую заповѣдь. Но какъ во время заразы желающіе предохранить себя умножаютъ очистительный огнь и куреніе: такъ во времена, когда зараженный духъ вѣка распространяетъ мнѣнія тлетворныя, не безполезно и намъ, размышленіемъ воздувать хранящуюся у насъ искру истины, дабы чистыми и неповрежденными сохранить чувствованія сердечныя.

Если бы слово Божіе не провозглашало неприкосновенности помазанныхъ Божіихъ: тѣмъ не менѣе надлежало бы обществу человѣческому закономъ постановить и освятить неприкосновенность власти Государственной. Правительство, не огражденное свято почитаемою отъ всего народа неприкосновенностію, не можетъ дѣйствовать ни всею полнотою силы, ни всею свободою ревности, потребной для устроенія и охраненія общественнаго блага и безопасности. Какъ можетъ оно развить всю свою силу въ самомъ благодѣтельномъ ея направленіи, когда его сила непрестанно находится въ ненадежной борьбѣ съ другими силами, пресѣкающими ея дѣйствіе въ столь многоразличныхъ направленіяхъ, сколько есть мнѣній, предубѣжденій и страстей, болѣе или менѣе господствующихъ въ обществѣ? Какъ можетъ оно предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно дѣлить свое вниманіе, между попеченіемъ о благосостояніи общества, и между заботою о собственной своей безопасности! Но если такъ нетвердо Правительство: нетвердо также и Государство. Такое Государство подобно городу, построенному на огнедышущей горѣ: что значатъ его твердыни, когда подъ ними кроется сила, которая можетъ каждую минуту все превратить въ развалины? Подвластные, которые не признаютъ Священной неприкосновенности владычествующихъ, надеждою своеволія побуждаются домогаться своеволія; власть, которая не увѣрена въ своей неприкосновенности, заботою о своей безопасности побуждается домогаться преобладанія: въ такомъ положеніи Государство колеблется между крайностями своеволія и преобладанія, между ужасами безначалія и угнѣтенія, и не можетъ утвердить въ себѣ послушной свободы, которая есть средоточіе и душа жизни общественной.

Но не простираясь далѣе въ сихъ гражданскихъ соображеніяхъ, обратимъ вниманіе къ Слову Божію, которому внимать мы призваны, и которое немногими чертами, или звуками, открываетъ великій свѣтъ.

*Не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ.* Краткая заповѣдь, но премудро соединяющая въ себѣ съ требованіемъ повиновенія глубокое изъясненіе сего требованія и убѣжденіе къ послушанію! *Не прикасайтеся* властямъ предержащимъ, глаголетъ Вседержитель, ибо онѣ суть *Мои*; не прикасайтеся, ибо онѣ суть *помазанные* отъ Меня.

И такъ одно изъ глубокихъ основаній неприкосновенности предержащихъ властей есть то, что онѣ суть Божіи. *Нѣсть бо власть*, какъ говоритъ Апостолъ, *аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII. 1.).

При сей мысли, опять удивляюсь и сѣтую, воспоминая, какъ нѣкоторые, вопреки столь ясному ученію первыхъ, истинныхъ, Богодухновенныхъ учителей Христіанскихъ, что *власть отъ Бога*, среди Христіанства вздумали учить, что власть отъ народа. Спросилъ бы я сихъ людей, которые сами себя провозглашали мудрецами за то, что по обдуманному плану были совершенными невѣждами въ Христіанствѣ, и учили сему невѣжеству другихъ; — спросилъ бы я ихъ: гдѣ же видѣли вы народъ, который бы сперва не имѣлъ надъ собою власти, и потомъ сотворилъ ее для себя? Въ какихъ мѣстахъ? Въ какія времена? Не думаю,

чтобы вы рѣшились указать на скопища бѣглецовъ или разбойниковъ, какъ на первоначальный и совершеннѣйшій образецъ общества человѣческаго. Можете ли вы, хотя въ другомъ родѣ вещей, показать намъ образъ того, какъ, по вашему понятію, происходитъ власть въ обществѣ? Если, на примѣръ, уподобимъ общество зданію, а власть сравнимъ съ основаніемъ, которымъ все поддерживается, или со сводомъ, который все покрываетъ: зданіе ли полагаетъ свои основанія, или возноситъ надъ собою сводъ? Не художникъ ли устроеваетъ все сіе? Или, если представимъ себѣ общество въ видѣ членовнаго тѣла; и власть, какъ орудіе управленія и охраненія, какъ возбудительную силу общественной жизни и дѣятельности, назовемъ главою или сердцемъ: глава и сердце рукамъ ли и ногамъ обязаны своимъ происхожденіемъ и достоинствомъ? Не основательнѣе ли признать общее и высшее начало образованія для всего состава членовъ?— Но поспѣшимъ опять, по совѣту Апостола, *уклониться отъ прекословій лжеименнаго разума* (1 Тим. VI. 20.), *и внимать ученію* (1 Тим. IV. 16.).

Изыскателю безпристрастному не трудно уразумѣть, какимъ образомъ власть, по ученію Христіанскому, происходитъ отъ Бога. Откуда сіе множество людей, соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ?* Очевидно, что сіе множество *народилось* отъ нѣкоего меньшаго племени, а сіе произошло отъ семейства. И такъ въ семействѣ, собственно такъ называемомъ, лежатъ сѣмена всего, что потомъ раскрылось и возрасло въ великомъ семействѣ, которое называютъ Государствомъ. Слѣдственно тамъ должно искать начатковъ и перваго образа власти и подчиненія, видимыхъ нынѣ въ обществѣ. Отецъ, который естественно имѣетъ власть дать жизнь сыну, и образовать его способности, есть первый властитель; сынъ, который ни способностей своихъ образовать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновенія родителямъ и воспитателямъ, есть природно подвластный. Но какъ власть отца не сотворена самимъ отцемъ, и не дарована ему сыномъ, а произошла вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того, Кто сотворилъ человѣка: то и открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее начало первой, а слѣдственно и всякой послѣдующей между человѣками власти, есть въ Богѣ. *Изъ Него*, во-первыхъ, какъ изъясняется Апостолъ, *всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Ефес. III. 15.); потомъ, когда сыны сыновъ разраждаются въ народъ, и изъ семейства возрастаетъ Государство, необъятное для естественной власти отеческой, Богъ даетъ сей власти новый искусственный образъ и новое имя, и такимъ образомъ Его Премудростію *царіе царствуютъ* (Прит. VIII. 15.); и далѣе, сколько бы ни продолжались народы, какъ бы ни измѣнялись Государства, всегда посредствомъ вседѣйствующаго Промысла *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ* (Дан. IV. 22.). Поелику во времена невѣдѣнія, какъ человѣки забыли Творца своего, такъ и общества человѣческія не познавали верховнаго своего Владыки: то Богъ, вмѣстѣ съ другими тайнами Своими, и тайну происхожденія предержащихъ властей, даже чувственнымъ образомъ представилъ предъ очи міра въ избранномъ для сего народѣ Еврейскомъ. Въ Авраамѣ чудесно вновь сотворилъ Онъ качество отца, и постепенно произвелъ отъ него племя, народъ и царство; Самъ руководствовалъ Патріарховъ сего племени; Самъ воздвигалъ вождей и судей сему народу; Самъ *царствовалъ* (1 Цар. VIII. 7.) надъ симъ царствомъ; Самъ воцарилъ надъ нимъ царей, и долго являлъ надъ ними чудесныя знаменія Своей верховной власти.

Если такимъ образомъ всякая предержащая власть открыто, или сокровенно, исходитъ отъ Бога, и Ему принадлежитъ: то какъ дерзнуть прикасаться къ ней? Если мы требуемъ, чтобы наше произведеніе неприкосновенно было для другихъ, и наша собственность ненарушима: кто можетъ ненаказанно нарушить устроеніе и собственность Вседержителя?

Другое священное основаніе неприкосновенности предержащихъ властей есть то, что они суть *помазанные* отъ Бога.

Имя *помазанныхъ* Слово Божіе нерѣдко даетъ Царямъ, по отношенію къ Священ-

ному и торжественному помазанію, которое они пріемлютъ, по Божественному установленію, при вступленіи на Царство. Какъ бы мы ни разсуждали о семъ дѣйствіи, значитъ ли оно посвященіе помазуемаго Богу, или его освященіе отъ Бога, созерцаемъ ли мы въ семъ дѣйствіи таинство, приносящее помазуемому Божественный Духъ и силу духовную, или только видимъ дѣйствіе торжественное, предъ очами народа, полагающее на Царя несокрушимую печать Вышняго избранія; если только имя помазанника Божія не есть слово безъ значенія, то оно представляетъ лице, запечатлѣнное Богомъ, священное, превознесенное, достойное благоговѣнія, и потому неприкосновенное.

Но достойно особеннаго примѣчанія, что Слово Божіе именуетъ помазанными и такихъ земныхъ владыкъ, которые никогда не были освящены видимымъ помазаніемъ. Такъ Исаія, возвѣщая волю Божію о царѣ Персидскомъ, говоритъ: *сице глаголетъ Господь помазанному Своему Киру* (Иса. XLV. 1.); тогда какъ сей царь языческій еще и не родился, и родясь, не познаетъ Бога Израилева, въ чемъ и обличается отъ Него предварительно: *укрѣпихъ тя*, и *не позналъ еси Мене* (5.). Какимъ же образомъ сей самый Киръ, въ то же время, нареченъ помазаннымъ Божіимъ? Самъ Богъ изъясняетъ сіе, когда предрекаетъ о немъ чрезъ того же Пророка: *Азъ возставихъ его; сей созиждетъ градъ Мой, и плѣненіе людей Моихъ возвратитъ* (13.). Проникни здѣсь, Христіанинъ, въ глубокую тайну предержащей власти! Киръ есть царь языческій; Киръ не знаетъ истиннаго Бога: однако Киръ есть помазанникъ истиннаго Бога. Почему? Потому что Богъ, *сотворивый грядущая* (11), назначилъ его для исполненія судьбы Своей о возстановленіи избраннаго народа Израильскаго; сею Божественною мыслію, такъ сказать, помазалъ духъ его еще прежде, нежели произвелъ его на свѣтъ: и Киръ, хотя не знаетъ, кѣмъ, и для чего помазанъ, движимый сокровеннымъ помазаніемъ въ царствѣ языческомъ, совершаетъ дѣло Царствія Божія. Какъ могущественно помазаніе Божіе! Какъ величественъ помазанникъ Божій! Если только не изглаждаетъ онъ въ себѣ помазанія Божія упорнымъ противленіемъ помазавшему его Богу: то онъ есть живое орудіе Божіе; сила Божія исходитъ чрезъ него во вселенную, и движетъ большую или меньшую часть рода человѣческаго, къ великой цѣли всеобщаго совершенія. Если таковъ можетъ быть даже невѣдущій Бога: не много ли паче священно велики тѣхъ помазанниковъ, которые познали Помазавшаго ихъ, и даръ помазанія не только пріяли для другихъ, но и для себя объяли вѣрою и благочестіемъ, какъ Давидъ, Іосія, Константинъ Великій, помазанные для того, чтобы съ собою воцарять благочестіе, и—не усумнимся присовокупить — какъ Александръ Благословенный, помазанный разрушить мятежное могущество нечестія въ сіи послѣдніе времена?

О таковыхъ сугубо священныхъ помазанникахъ, если бы грозная заповѣдь не возвѣщала, благоговѣйная любовь сама собою чувствуетъ, что *касайся ихъ, яко касайся въ зѣницу ока Господня* (Зах. II. 8.).

Храните же внимательно зѣницу ока Господня; *не прикасайтеся Помазанным Его*. Заповѣдь Господня не говоритъ: не возставайте противу предержащихъ властей. Ибо подвластные и сами могутъ понимать, что, разрушая власть, разрушаютъ весь составъ общества, и слѣдственно разрушаютъ сами себя. Заповѣдь говоритъ: *не прикасайтеся* даже такъ, какъ прикасаются къ чему либо безъ усилія, безъ намѣренія, по легкомыслію, по неосторожности; ибо случается нерѣдко, что въ семъ непримѣтно погрѣшаютъ. Когда власть налагаетъ на подвластныхъ нѣкое бремя, хотя и легкое и необходимое: какъ легко возбуждается ропотъ! Когда подвластные видятъ дѣло власти, несогласное съ ихъ образомъ понятія: какъ стремительно исторгаются изъ устъ ихъ слова осужденія! Какъ часто необученная послушанію мысль подчиненнаго, нечистымъ прикосновеніемъ, касается самыхъ намѣреній власти, и полагаетъ на нихъ собственную свою нечистоту! Клевретъ мой! Кто далъ тебѣ власть надъ твоими владыками? Кто поставилъ тебя судіею твоихъ судей? Христіанская душа! ты призвана *повиноватися за со-*

*вѣсть* (Рим. XIII. 5.): елико можно, не прикасайся власти, ниже словомъ ропота, ниже мыслію осужденія; и вѣруй, что *якоже возвеличися душа Помазанныхъ во очію твоею, тако возвеличишься ты предъ Господемъ, и покрыетъ тя, и изметъ тя отъ всякія печали* (1 Цар. XXVI. 24.). Аминь.

## 2. СЛОВО

**Въ день Вѣнчанія на царство, и Мѵропомазанія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича, говоренное 1823 года.**

*Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.* 1 Тим. II. 1. 2.

О чемъ такъ настоятельно проситъ Апостолъ ученика своего Тимоѳея, Епископа Ефесскаго; или лучше сказать, что такъ непремѣнно заповѣдуетъ чрезъ Епископа и всей церкви: то самое, Христіане, съ особенною торжественностію исполняемъ мы нынѣ въ семъ домѣ молитвы. *Совершая молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ*, особенно мы приносимъ оныя за помазаннаго нынѣ Богомъ Царя нашего, который не только скипетромъ и мечемъ ограждаетъ нашу жизнь и безопасность, но духомъ и всею жизнію своею подвизается, *дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Не благодарно было бы предъ Богомъ и предъ нимъ, не вспомнить теперь, какой недавно примѣръ подалъ онъ намъ въ дѣлѣ молитвы, когда, не смотря ни на утомленіе отъ пути, ни на многоразличныя занятія кратковременнаго пребыванія въ обширномъ городѣ, въ шесть дней четырекратно посѣтилъ здѣшніе храмы въ часы возношенія безкровной жертвы.

Какъ пріятно должно быть подданнымъ молиться за Царя, который такъ прилѣжно молится за подданныхъ!

Но между тѣмъ, какъ дѣло сіе совершается усердіемъ всѣхъ и каждаго, Церковь не почитаетъ излишнимъ, часто среди самаго дѣла молитвы, повторять намъ заповѣдь Апостола о молитвѣ: *молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Посему не излишнимъ почелъ и я, не только повторить сію заповѣдь, но и разрѣшить ее на содержащіяся въ ней особенныя наставленія о молитвѣ.

Первое наставленіе въ изреченіи Апостола о молитвѣ есть то, что онъ поставляетъ дѣло молитвы прежде всего: *молю прежде всѣхъ творити молитвы.*

Много дѣлъ благихъ, которыхъ требуетъ отъ Христіанина Христіанство, и которыя оно въ немъ совершаетъ: но дѣло молитвы должно быть прежде всѣхъ; потому что безъ него не можетъ совершиться никакое другое дѣло благое. Найти, и самымъ дѣломъ пройти путь Господень, уразумѣть истину, увидѣть жизнь, или иначе сказать, покаяніемъ распять плоть со страстми и похотьми, чтобы очистить себя отъ всякія скверны плоти и духа, посредствомъ вѣры воскреснуть и просвѣтиться въ сердцѣ свѣтомъ Хрістовымъ, наконецъ Божественною любовію быть вознесену къ соединенію съ Божествомъ и къ обоженію посредствомъ сего соединенія: вотъ въ немногихъ словахъ сокращеніе великихъ дѣлъ, которыя должны совершиться въ Христіанинѣ; и какъ можно имъ совершиться, когда низшее изъ оныхъ не можетъ быть совершено безъ высшихъ; а высшее, обыкновенно, недостижимо для того, кто не могъ еще вступить на низшій степень? Какъ можетъ найти путь тотъ, кто не видитъ истины? Или, какъ можетъ идти путемъ тотъ, въ комъ нѣтъ жизни? А истиною и жизнію не прежде можетъ для насъ содѣлаться Іисусъ Хрістосъ, развѣ когда содѣлается путемъ: ибо въ семъ точно порядкѣ обѣщалъ Онъ намъ открыться, какъ сказалъ: *Азъ есмь путь и истина и животъ* (Іоан. XIV. 6.). Какъ

же разрѣшить сей многосплетенный узелъ, котораго всѣ концы скрываются внутри его? Какъ отверзть сію заключенную сокровищницу, которая съ перваго взгляда не представляетъ ни ключа, ни отверзтія, гдѣ бы оный влагался? Главная нить, которою разрѣшается весь узелъ духовныхъ таинъ, и ключъ, которымъ отверзаются всѣ сокровища благодати, есть молитва. Молись съ Давидомъ: *скажи ми, Господи, путь, въ оньже пойду, яко къ Тебѣ взяхъ душу мою* (Псал. CXLII. 8.): — и откроется тебѣ истинный путь Господень. *Аще кто отъ васъ лишенъ есть премудрости*, или, что тоже, познанія спасительной истины: *да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ нелицепріемнѣ, и не поношающаго, и дастся ему* (Іак. 1. 5.). Если кто и *живота просилъ есть у Тебе*, Господи, молитвою крѣпкою и чистою: *далъ еси ему* (Пс. XX. 5.), и даруешь всегда, *исполняя во благихъ желанія* любящихъ Тебя (Псал. CII. 5.). И что есть самая молитва въ сущности своей, какъ не дыханіе Божественной жизни въ человѣкѣ, по реченному: *самъ Духъ воздыхаетъ въ насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. VIII. 26.)? Гдѣ есть хотя слабые начатки дыханія, тамъ есть признаки жизни: а гдѣ нѣтъ дыханія, тамъ нѣтъ и жизни. Такъ, въ комъ есть хотя начатки молитвы, въ томъ есть признаки жизни духовной: состояніе человѣка безъ духа молитвы есть состояніе бездыханнаго по внутреннему человѣку. Посему, какъ для жизни естественной прежде всего нужно возбудить дыханіе: такъ для жизни духовной прежде всего нужно возбуждать духъ молитвы.

Второе наставленіе въ разсматриваемомъ теперь изреченіи Апостола заключается то, что онъ даетъ понятіе о разныхъ видахъ молитвы. *Молю*, говоритъ онъ, *творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія.*

Молитвы должны мы приносить Богу, яко Богу, моленія, какъ Судіи, прошенія, какъ Царю, благодаренія, какъ Творцу и Подателю благъ. Прошеніями можемъ просить отъ Него благъ, преимущественно вѣчныхъ, а частію и временныхъ; моленіями нужду имѣемъ умолять Его, да избавитъ насъ отъ золъ, отъ грѣха и отъ наказанія за грѣхъ: за исполненіемъ прошеній и моленій естественно слѣдуютъ благодаренія; молитва въ собственномъ и высшемъ ея знаменованіи забываетъ нѣкоторымъ образомъ и зло и собственное благо, и устремляется къ созерцанію верховнаго и всеобщаго блага въ Богѣ, такъ что въ ней душа человѣка, по выраженію таинственнаго Пѣснопѣвца, *восходитъ* къ Богу, *аки стебло дыма кадильнаго* (Пѣсн. Пѣсн. III. 6.). Моленія сѣтуютъ предъ Богомъ и утѣшаются; прошенія дерзаютъ и смиряются предъ Нимъ; благодаренія веселятся и торжествуютъ; молитва благоговѣетъ предъ Нимъ, и горитъ въ любви, какъ жертва всегда живая и всесожигаемая. Молитва вообще есть душа всѣхъ особенныхъ моленій, прошеній и благодареній: впрочемъ и сіи, смотря по состоянію Христіанина, соединять съ молитвою не только позволительно для него, но полезно и даже необходимо. — Кто не приноситъ моленій о прощеніи грѣховъ, тотъ или по невѣжеству не знаетъ ихъ, или закрываетъ ихъ отъ себя гордостію, какъ фарисей, и, въ томъ и другомъ случаѣ, не принадлежитъ къ царствію Божію, которое, съ тѣхъ поръ, какъ *вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. III. 23), не пріемлетъ никого, кромѣ умоляющихъ и помилованныхъ. — Кто никогда не приноситъ Богу прошеній, тотъ мало вѣруетъ въ Его благость и силу, или совсѣмъ не вѣруетъ. *Доселѣ*—такъ обличаетъ въ семъ недостаткѣ молитвы самихъ Апостоловъ Іисусъ Христосъ—*доселѣ не просисте ничесоже во имя Мое: просите и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ* (Іоан. XVI. 24.). Кто не приноситъ благодареній, тотъ оказываетъ небесному Подателю всѣхъ благъ такую несправедливость, которая и между человѣками, въ отношеніи къ земнымъ благодѣтелямъ, осуждается и наказуется общимъ презрѣніемъ.

Третіе наставленіе разсматриваемаго изреченія Апостольскаго состоитъ въ томъ, что онъ опредѣляетъ, за кого и въ какомъ порядкѣ должно совершать молитвы. *Молю*, говоритъ онъ, *творити молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть.*

Слыхалъ я нѣкоторыхъ, которые говорятъ: «гдѣ уже намъ за другихъ молиться, когда мы за себя умолить не можемъ?» Такіе люди, конечно, думаютъ, что за себя должно молиться прежде всего, а за другихъ можно и не молится. Что должны они подумать, что должны думать и всѣ мы, когда слышимъ, что Боговдохновенный наставникъ въ молитвѣ заповѣдуетъ молиться за всѣхъ другихъ безъ изъятія: *за вся человѣки*; заповѣдуетъ молиться за нѣкоторыхъ преимущественно: *за царя, и за всѣхъ, иже во власти сутъ*; а о молитвѣ за себя самихъ совсѣмъ не упоминаетъ? Что сіе значитъ? То, что молитва о себѣ самихъ, взятая отдѣльно отъ молитвы за другихъ, какъ плодъ духовнаго своекорыстія, не можетъ составить чистой Христіанской добродѣтели, а потому и не стоитъ особенной заповѣди; между тѣмъ какъ молящійся о всѣхъ молится въ то же время и о себѣ, и тѣмъ съ большею чистотою и безкорыстіемъ, чѣмъ менѣе отдѣляетъ свое особенное благо и спасеніе отъ всеобщаго блага и спасенія всѣхъ человѣковъ. Посему и Самъ Іисусъ Христосъ далъ всѣмъ намъ одну молитву, не каждому за себя, но всѣмъ и каждому за всѣхъ, повелѣвъ просить у *Отца нашего* небеснаго *воли Его* для всей *земли*, и *насущнаго хлѣба, прощенія долговъ, избавленія отъ искушеній* для всѣхъ *насъ* (Лук. XI. 2. 3. 4.). Даже въ частныхъ нашихъ случаяхъ Онъ желалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, *два* или *тріе совѣщались просить* о *всякой вещи Отца небеснаго* (Матѳ. XVIII. 19.). И такъ, не отрекайся отъ молитвы за другихъ подъ предлогомъ опасенія, что за себя умолить не можешь: но въ самомъ дѣлѣ опасайся, что не умолишь о себѣ, если за другихъ молиться не будешь. Если каждый о себѣ только молиться будетъ; то каждый останется только съ своею молитвою, хладный съ хладною, немощный съ немощною: но если каждый будетъ молиться за всѣхъ; то каждый вспомоществуемъ будетъ многомощною молитвою всея Церкви Христовы и всѣхъ Святыхъ Божіихъ. *Молю убо творити молитвы за вся человѣки.*

Что касается до молитвъ, предписанныхъ въ особенности *за царя, и за всѣхъ, иже во власти сутъ*: не безполезно въ настоящее время обратить вниманіе на то, что когда писалъ Апостолъ сію заповѣдь къ Церкви Ефесской, тогда цари и власти, отъ которыхъ могло зависѣть ея внѣшнее благосостояніе, были не христіане, а язычники, не защитники, а большею частію гонители Церкви. Если за таковыхъ молиться есть обязанность Христіанская: то сколь противно было бы Христіанству нерадѣть о молитвѣ за Царя, который есть Христовъ помазанникъ, и который властію и примѣромъ утверждаетъ и распространяетъ благочестіе! Нерадѣніе сіе не можетъ остаться ненаказаннымъ по той сокровенной связи, которою Провидѣніе Божіе въ судьбѣ царей и народовъ не всегда близко, но всегда дивнымъ образомъ точно соединяетъ благочестіе съ благоденствіемъ, и пороки съ бѣдствіями. Почему столь благочестивые и благодѣтельные цари, какъ Езекія и Іосія, не могли отвратить погибели царства Іудейскаго?—Потому, что недостойный народъ не хотѣлъ вмѣстить духа благочестія, который они въ немъ возбудить столь усильно старались.

Четвертое наставленіе въ разсматриваемомъ изреченіи Апостола есть то, что онъ постановляетъ для дѣла молитвы правильную цѣль: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Послѣдствія молитвы, съ неправильною цѣлію приносимой, изображаетъ другой Апостолъ, когда говоритъ: *просите и не пріемлете, зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете* (Іак. IV. 3.). Онъ показываетъ молитву безплодную: *просите*, и *не пріемлете*. Но почему она безплодна? — Потому что не имѣетъ потребной доброты и достоинства: *зане злѣ просите*. А почему она недостойна? — Потому что молящіеся имѣютъ неправильную цѣль, дабы удовлетворить собственнымъ вожделѣніямъ: *да въ сластехъ вашихъ иждивете*. Предупреждая сіе злоупотребленіе и, можно сказать, оскверненіе святыни, какова есть молитва, святый Павелъ предписываетъ, чтобы мы при молитвахъ и прошеніяхъ нашихъ имѣли

въ виду не собственныя вожделѣнія, но общее всѣхъ Христіанъ житіе, благосостояніе Церкви и отечества; чтобы предметомъ желаній нашихъ была не жизнь пріятная, для угожденія грубому или тонкому сластолюбію, не жизнь изобильная, для удовлетворенія корыстолюбію, не жизнь блистательная и славная, которая питала бы нашу гордость и честолюбіе; но жизнь тихая и безмятежная; чтобы наконецъ и сія самая не была послѣднею цѣлію желаній, такъ какъ мы, не имѣя въ сей временной, внѣшней жизни *пребывающаго града* (Евр. XIII. 14.), не можемъ здѣсь поставить послѣдней меты для нашего стремленія, но чтобы мы, достигая тихаго и безмятежнаго состоянія временной и внѣшней жизни, тѣмъ безпрепятственнѣе простирались къ достиженію дальнѣйшихъ успѣховъ въ жизни внутренней, для пріобрѣтенія права на жизнь вѣчную въ грядущемъ небесномъ градѣ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ*.

Воспользуемся, братія, сими Апостольскими наставленіями, если кто до сихъ поръ не довольно ими пользовался.

Не попустимъ, чтобы праздность или суетныя увеселенія удаляли насъ отъ священнаго дѣла молитвы общественной и частной, церковной и домашней; не допустимъ самыя дѣла мірскія разрушать въ насъ сіе дѣло Божіе. Есть *время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. III. 1.): какъ не быть времени для молитвы, которая есть первая вещь подъ небесемъ? Есть время для зрѣлищъ: какъ не быть времени для храма? Если поспѣшаешь и на добрыя и на законныя дѣла: поспѣши еще паче предварить ихъ молитвою, чтобы доброе и законное содѣлалось святымъ; ибо *все освящается молитвою* (1 Тим. IV. 5.). *Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы.*

Будемъ, сколько можно, внимательны къ разнымъ случаямъ, къ которымъ благоразумно примѣняемое дѣло молитвы становится полнымъ и совершеннымъ. Чувствуя себя повинными предъ правосудіемъ Божіимъ, принесемъ Ему моленія, да проститъ намъ долги наши; а если бы и все повелѣнное сотворили, не престанемъ и тогда умолять о милости, признавая себя рабами неключимыми, которые ничего еще не заслужили, исполнивъ только должное. Мысль, что небесный Отецъ знаетъ наши нужды, сія сладкая пища Христіанской надежды, да не превращается у насъ въ пищу лѣности или невѣрія; то, что Отецъ всевѣдущъ, да не препятствуетъ чадамъ быть искренними; будемъ приносить Ему дѣтскія прошенія наши, дабы Тотъ, Который по своему всевѣдѣнію предвидѣлъ оныя, могъ исполнить оныя сообразно съ правдою Своею. Но какъ чада послушанія, получимъ ли просимое въ полную мѣру прошенія, или совсѣмъ не получимъ онаго, или даже лишимся и того, что имѣли, во всѣхъ сихъ случаяхъ не престанемъ приносить наши благодаренія Отцу, Который сколько щедръ тогда, когда подаетъ хлѣбъ, столько же благъ и тогда, когда не даетъ горящаго угля несмысленному дѣтищу, или отъемлетъ у него смертоносное орудіе. Дерзнемъ приступать ближе и ближе къ сему всеблагому Отцу, даже безъ посредства нашихъ нуждъ и Его даровъ: довольно услышать одно слово Его, или одно имя Его, *да изыдетъ душа наша въ слово Его* (Пѣсн. Пѣсн. V. 6.), и вся изліется предъ Нимъ въ молитвѣ любви и радости. Тако *молю творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія.*

Разширимъ сердце наше молитвою, и обымемъ ею всѣхъ человѣковъ. Въ ней и отдаленное да содѣлается близкимъ, и чуждое собственнымъ, высокое и низкое равнымъ предъ лицемъ Всевышняго; въ ней да угаснетъ вражда, и любовь да воспламенится болѣе сильнымъ и чистымъ пламенемъ. Особенно взыщемъ чрезъ молитву блага тѣмъ, которыхъ Богъ поставилъ особенными подвигами созидать наше благо. Кто знаетъ, сколько можетъ молитва вѣры за Царя и отечество? Нѣкогда молитва одного Елисея для царя и царства Израильскаго была сильнѣе войска; ибо привела цѣлое непріятельское войско плѣннымъ въ столицу Израиля. *Молю убо творити молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть.*

Наконецъ, будемъ остерегаться, чтобы нечистое намѣреніе, какъ червь, не повредило плода молитвы въ самой его вну-

тренности. Какъ недостойна была бы, напримѣръ, молитва за Царя, если бы кто предсталъ въ ней съ прочими только для того, чтобы исполнить обычай и гражданскую обязанность! Нѣтъ! Не того требуетъ Христіанство; не того достоинъ Царь. Искреннимъ сердцемъ, и всею душею да приносимъ *молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть*, съ чистымъ намѣреніемъ, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ* (1 Тим. II. 1 — 4.), Которому да воздается молитва непрестанно, благодареніе за все, и слава во вѣки. Аминь.

## 3. СЛОВО

**Въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи, говоренное въ Каѳедральной церкви Чудова монастыря, Іюня въ 25 день, 1826 года.**

*Правда вызвышаетъ языкъ: умаляютъ же племена грѣси.* Притч. XIV. 34.

Священная обязанность собрала насъ нынѣ во святый храмъ, дабы Виновнику всѣхъ благъ Богу торжественно принести благодареніе и молитву: благодареніе за даръ, низпосланный отечеству нашему въ рожденіи Государя, праведно нынѣ царствующаго надъ нами; молитву о продолженіи сего благодѣянія Божія, то есть, о благополучномъ продолженіи настоящаго царствованія. Сынамъ отечества, которые не младенчествуютъ умомъ, не трудно уразумѣть, справедливо ли называю даромъ Божіимъ рожденіе Государя, законно и праведно царствующаго, и благодѣяніемъ Божіимъ въ особенности такое царствованіе, коего первый день содѣлался днемъ спасенія царственнаго благоустройства, отъ разрушительнаго вихря злобы, который внезапно изторгся-было изъ пропастей безумія. Поелику даръ для всѣхъ и каждаго: то да будетъ и благодареніе за оный отъ всѣхъ и каждаго. Чѣмъ спасительнѣе благодѣяніе; тѣмъ пламеннѣе да будетъ молитва о продолженіи онаго.

Но какъ и добрая по своему видимому предмету молитва не всегда равно бываетъ благопріятна Богу, Который *даетъ* просящимъ *по сердцу ихъ* (Псал. XIX. 5.), и *воздаетъ каждому по дѣламъ его* (Рим. II. 6.): то надлежитъ знать, что тогда только можетъ имѣть вѣрный доступъ къ престолу Благодати молитва о царѣ и царствѣ земномъ, когда ей предшествуетъ или сопутствуетъ дѣятельная любовь къ Царю и царствію небесному.

Давидъ, передая царство сыну своему Соломону, сказалъ между прочимъ: *да утвердитъ Господь слово Свое, еже рече о мнѣ, глаголя: аще сохранятъ сынове твои пути своя, еже ходити предо Мною во истинѣ всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, не искоренится тебѣ мужъ съ престола Израилева* (3 Цар. II. 4.). Вотъ судьба Царя и царскаго племени, которыя въ Словѣ Божіемъ представляются образцемъ царей и племенъ царскихъ!

Соломонъ въ свою чреду написалъ: *правда возвышаетъ языкъ, умаляютъ же племена грѣси.* Вотъ общая судьба царствъ и народовъ!

Въ увѣреніи, что Благочестивѣйшій Государь хранитъ и сохранитъ завѣщаваемое Словомъ Божіимъ Ему для насъ, помыслимъ и попечемся о томъ, что заповѣдуетъ намъ то же Слово Божіе для Него и для насъ вмѣстѣ.

Кто не совсѣмъ омраченъ грубымъ невѣдѣніемъ о Богѣ: того не нужно доказательствами руководствовать къ сей очевидной истинѣ, что Богъ есть верховный Царь царей и царствъ. Будучи Богъ всеблагій, всеправедный, премудрый, всемогущій, безъ сомнѣнія, Онъ есть и Царь Всеблагій, Всеправедный, Премудрый, Всемогущій. Какъ Царь Всеблагій и Всеправедный, не можетъ Онъ попустить, чтобы въ Его Царствіи правда была унижена предъ грѣхомъ, чтобы добродѣтель была несчастнѣе порока и беззаконія; какъ Царь Премудрый, не можетъ Онъ имѣть недостатка въ средствахъ, для удовлетворенія Свое-

му правосудію и благости; какъ Царь Всемогущій, не можетъ быть остановленъ никакими препятствіями въ дѣлахъ Своего царствія. И какъ царь земный поступилъ бы противно справедливости, порядку и благосостоянію царства, если бы, награждая вѣрность и заслуги въ нѣкоторыхъ лицахъ, не оказалъ особеннаго благоволенія цѣлой области, отличившейся вѣрностію; или, если бы, наказывая преступниковъ за частныя преступленія, не употребилъ средствъ укротить цѣлую область, возмутившуюся противъ законовъ царства: такъ не льзя подумать и о Царѣ небесномъ, чтобы Онъ, воздая каждому человѣку по дѣламъ его, не воздавалъ цѣлымъ царствамъ и народамъ, по дѣламъ правды или грѣха, по господствующему въ нихъ благочестію или злочестію, по добродѣтелямъ или порокамъ, ознаменовывающимъ свойство того или другаго народа, состояніе того или другаго царства. Даже удобнѣе представить человѣка безъ воздаянія по дѣламъ его въ настоящей жизни, поелику для него есть другая жизнь, въ которой воздаяніе сіе совершится, нежели представить царство и народъ, безъ воздаянія по правдѣ или грѣхамъ царства и народа: ибо какъ для земныхъ царствъ и народовъ нѣтъ другаго царственнаго и народнаго бытія, кромѣ земнаго; то не иначе, какъ въ семъ ихъ бытіи, должно совершиться надъ ними все дѣло правды Божіей. Такимъ образомъ по свойствамъ Божіимъ, дѣйствующимъ въ Божественномъ правленіи міра, и по кореннымъ законамъ царствія Божія, необходимо то, чтобы добро или зло въ нравственной жизни царства и народа вело за собою добро или зло въ бытіи государственномъ, чтобы *правда*, или добродѣтель, *возвышала языкъ*, то есть, доставляла благоденствіе народу; чтобы *умаляли*, то есть, въ низкое и бѣдственное состояніе приводили, *племена грѣси*.

Что такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ, сіе можно видѣть въ дѣйствительномъ бытіи царствъ и народовъ, особенно тѣхъ, и въ тѣ времена, въ которыхъ, и въ которыя, правда или грѣхи, достигаютъ высокой степени силы и дѣйствія.

Народъ Египетскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ въ древности, что могло умалить или унизить предъ малочисленнымъ и порабощеннымъ племенемъ Еврейскимъ, если не грѣхи вопіющаго на небо угнѣтенія невинныхъ и ожесточенія противъ Бога?

Семь народовъ Хананейскихъ, отличавшихся исполинскою породою, свѣдущихъ въ войнѣ, обитавшихъ на землѣ обильной и защищаемой природою, что могло умалить и низложить предъ изнуреннымъ трудностями и бѣдствіями четыредесятилѣтняго странствованія народомъ Еврейскимъ, если не грѣхи, надъ которыми еще за нѣсколько столѣтій видѣлъ Авраамъ вознесенную руку Божію, готовую низвести карательный ударъ, но удерживаемую долготерпѣніемъ до предопредѣленной минуты правосудія; *не бо*, какъ сказано ему въ то время, *исполнишася грѣси Аморреовъ до нынѣ* (Быт. XV. 16.).

Малый, и многими многократно покаряемый, народъ Іудейскій, что сдѣлало сильнымъ при Давидѣ, счастливымъ при Соломонѣ, непобѣдимымъ для побѣдоносныхъ Ассиріянъ при Езекіи,—что, какъ не благочестіе и правда Царей, которые и въ народѣ примѣромъ и властію правду возращали, а грѣхи искореняли? Напротивъ того сей же избранный Богомъ народъ, сіе священное царство, чѣмъ раздѣлено, ослаблено, умалено, унижено, разрушено, и почти безъ остатка свержено съ священной земли въ языческій плѣнъ,—чѣмъ, если не многими грѣхами, въ подражаніе язычникамъ содѣваемыми? Сіе такъ вѣрно, что Пророкъ Іеремія, предвѣщая Іерусалиму и Израилю наказаніе за грѣхи, не представляетъ сего нѣкимъ особеннымъ дѣйствіемъ карающаго Бога, но какъ-бы естественнымъ только дѣйствіемъ самыхъ грѣховъ; не говоритъ: накажетъ тебя Богъ; но говоритъ: грѣхи тебя накажутъ. *Накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя* (Іер. II. 19.).

Нужно ли умножать примѣры? Спросимъ вообще: какъ изъ малыхъ племенъ возникаютъ и возрастаютъ народы, не подавляются сильнѣйшими сосѣдами, но и сильнѣйшихъ по временамъ преодолѣваютъ, или себѣ подчиняютъ? Какъ напротивъ того великіе народы, которыхъ естественная

сила увеличивается искусствами, ей служащими, не всегда возвышаются, но въ свою чреду падаютъ и разсыпаются? — И не посвященная въ таинства судебъ Божіихъ исторія на сіе отвѣтствуетъ, что благочестіе, хотя иногда недовольно просвѣщенное, но искреннее, правота и доброта нравовъ возвышаютъ и облекаютъ побѣдоносною силою духъ народа; что напротивъ того уменьшеніе въ народѣ благочестія, повреждепіе нравовъ, преобладаніе пороковъ, разрушаютъ единодушіе, ослабляютъ вѣрность и мужество, похищаютъ у законовъ силу, и, почитаемыя средствами общественнаго благоустройства, образованность и просвѣщеніе обращаютъ въ орудія дерзости, безпорядка и разрушенія.

И такъ, Россіяне! ожидая блага Россіи отъ Царя—справедливо, и прося отъ Бога—благочестно, помыслимъ и о томъ,— безпристрастно,—какимъ образомъ достиженіе сего блага и отъ насъ самихъ зависѣть можетъ.

Если молящіеся за Царя и царство, и наипаче предшествующіе прочимъ въ молитвѣ служители олтаря, болѣе устами, нежели сердцемъ и Богоугоднымъ житіемъ, приближаются къ Богу: въ такомъ случаѣ царство земное не тѣсно соединяется съ Царствіемъ небеснымъ, слѣдственно тлѣнному и несовершенному земному не довольно сообщается совершенства и твердости небеснаго.

Если невнимательность и холодность къ вѣрѣ уменьшаетъ благоговѣніе къ священной клятвѣ, и такимъ образомъ ослабляетъ союзъ вѣрности, соединяющій подданныхъ съ Царемъ и царствомъ: а хитрость, еще къ большему ослабленію сего союза, не страшится употреблять клятву, чтобы связать сю въ общемъ составѣ Государства особенные узлы своевольныхъ соумышленій и беззаконныхъ сонмищъ: великая утрата общественной силы, которая состоитъ въ соединеніи!

Если склонность къ роскоши, праздности, забавамъ, разстроиваетъ порядокъ въ семействахъ, истощаетъ богатства ихъ, дѣлаетъ то, что дѣти, забытые родителями во время воспитанія, взаимно забываютъ ихъ послѣ воспитанія: не простреться ли сіе разстройство и на семейство семействъ? Гдѣ будетъ богатство Государства, которое изъ богатствъ подданныхъ слагается? Гдѣ будутъ сыны отечества, когда дѣтей семействъ не будетъ?

Если различныя состоянія общества, отъ неправильнаго движенія страстей, подобнаго вывихнутію членовъ тѣла, выходятъ изъ свойственныхъ имъ мѣстъ и предѣловъ, не столько занимаются своими обязанностями, сколько чужими, втѣсняются въ дѣла, совсѣмъ до нихъ не принадлежащія, на примѣръ, воинъ хочетъ законодательствовать; не призванный Церковію поставляетъ себя учителемъ вѣры; поселянинъ прилагаетъ ухо къ молвѣ о вольности, которой не понимаетъ, и которою не умѣетъ пользоваться; гражданинъ мечтаетъ о благородствѣ имени, не принадлежащемъ его званію, не поставляя въ справедливую цѣну благородства духа, въ пріобрѣтеніи котораго никто ему не препятствуетъ: что можетъ отъ сего послѣдовать, какъ не то, что и весь составъ тѣла государственнаго производить будетъ нестройныя и нездравыя движенія?

Если въ служеніи Царю и царству явно поставляютъ цѣлію личную честь и выгоду: къ чему такое стремленіе приведетъ удобнѣе, къ пожертвованію ли собою отечеству, или, напротивъ, къ пожертвованію себѣ отечествомъ?

*Имѣяй уши слышати, да слышитъ.* У кого внутренній слухъ сердца не загражденъ духовнымъ нечувствіемъ; тотъ да слышитъ, что при сихъ размышленіяхъ говоритъ ему внутренній свидѣтель и судія правды и грѣха,—совѣсть: и если она обличаетъ въ недостаткѣ подвиговъ для *правды, возвышающей языкъ*, или въ недостаткѣ осторожности противъ *грѣховъ, умаляющихъ племена*; то присоединимъ къ молитвѣ покаяніе, къ покаянію подвиги исправленія, да пріимемъ или благое воздаяніе отъ правды Божіей, или помилованіе отъ милосердія Божія.

Благословенъ Богъ, Который донынѣ *правдою возвышалъ языкъ* нашъ! Сила благодати Его да умалитъ въ насъ *умаляющіе племена грѣхи!* Аминь.

## 4. СЛОВО

**Въ день рожденія Его Императорскаго Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Успенскомъ Соборѣ, Іюня 25 дня, 1834 года.**

*Вѣмъ бо, яко заповѣсть сыномъ своимъ, и дому своему по себѣ: и сохранятъ пути Господни творити правду и судъ.* Быт. XVIII. 19.

Поелику годъ Царя, принадлежа Ему, какъ годъ жизни, принадлежитъ вмѣстѣ и царству, какъ годъ царствованія: то не удивительно, что въ настоящій день, граничный между окончавшимся и начинающимся годомъ Благочестивѣйшаго Самодержца нашего, востаетъ вся Россія, и устремляетъ изощренное око на прошедшее, на будущее, на небо, съ благодареніемъ, съ надеждою, съ молитвою.

Одна изъ особенностей совершившагося года Царева состоитъ въ томъ, что рядомъ съ симъ годомъ, какъ юная луна при солнцѣ на ясномъ небѣ, явился начальный годъ совершеннолѣтія Наслѣдника Престола.

Какъ теперь еще вижу я сей прекрасный вечеръ, поистинѣ достойный дня Христова.

Среди величественнаго храма, среди пѣснопѣній и молитвъ предъ открытымъ олтаремъ Воскресшаго, на минуту прерванныхъ, къ открытому Слову жизни, къ спасительному Кресту Христову, Царь настоящій ведетъ юнаго Царя будущаго, между тѣмъ какъ вѣнецъ, и скипетръ и держава, какъ знаменія будущаго царствованія, покоятся о страну. Сколько важныхъ мыслей можно прочитать въ семъ зрѣлищѣ, когда оно еще безмолвствуетъ! Итакъ вступленіе Порфиророднаго на путь къ Престолу должно быть на пути къ Олтарю. Итакъ заповѣдь, обѣтъ, молитва, суть предобрученіе вѣнца, скипетра, державы. Итакъ крестъ есть предварительный вѣнецъ вѣнца, и силу будущей власти Царской надлежитъ извлечь изъ лобзаемаго Евангелія. Итакъ, чтобы благонадежно завѣщавать Царство, для сего, видно, надлежитъ прежде крѣпко завѣщать благочестіе.

Слышу священный обѣтъ Сына Царева, и вдругъ открывается, что совершеннолѣтіе, которое Самъ вступающій въ оное съ толикою скромностію назвалъ *раннимъ*, есть, напротивъ того, вполнѣ зрѣлое: потому что Онъ возвышенно понялъ высокіе помыслы Своего Родителя, и глубоко почувствовалъ важность настоящаго мгновенія. Онъ стоитъ предъ Богомъ, какъ живая жертва, приносимая Царемъ-Отцемъ за будущее благосостояніе царства, и, согласно съ волею Родителя, Самъ представляетъ Себя въ жертву, и облакъ слезъ, восходящій въ очахъ Его, даетъ примѣтить, что ѳиміамъ непорочнаго сердца Его восходитъ горѣ.

Мнѣ кажется, что и вы были при семъ царственномъ жертвоприношеніи, поелику въ то же время приносили ту же молитву: такъ хотѣлъ Благочестивѣйшій Государь, Который любитъ, поколику возможно, быть съ вами во всемъ единно. Но я былъ при ономъ ближе, и могу вамъ свидѣтельствовать, что сколь поразительно нѣкогда чудна была жертва, орошенная удвоеннымъ и утроеннымъ возліяніемъ воды, чтобы потомъ пришелъ на нее небесный огнь, столь сладостно чудною явилась наша безцѣнная живая жертва, орошенная всеобщими слезами любви, радости и молитвы, дабы пришелъ на нее животворный огнь благословенія свыше.

Ты призрѣлъ на сіе мгновеніе, Царю небесъ и вѣчности, предъ Которымъ и ниодно земное мгновеніе нѣсть забвено. Тебѣ принесены сіи слезы, столь искреннія, столь единодушныя, столь чистыя, какія только можетъ проливать Отецъ Отечества вмѣстѣ съ сынами царства. Когда жребій нашъ пріидетъ предъ лице Твое; когда судьбы Твои вопросятъ у Тебя, открыть ли на насъ сокровища гнѣва по грѣхамъ нашимъ, или сокровища щедротъ, по вѣрѣ въ Тебя: тогда, Господи, помяни вновь сіе мгновеніе, призри еще на сіи слезы; и еще изреки на насъ судъ милосердія; еще изнеси намъ державный жребій спасенія и мира. Благочестивѣйшему же Царю нашему, Который

царствуетъ не только для современниковъ, но и для потомства, Который такъ же печется о царствованіи будущемъ, какъ о настоящемъ, и попеченія Свои о будущемъ предъ Тобою, вѣчный Царю, полагаетъ, и Тобою обезпечиваетъ, — умножи и лѣта Его царствованія, и благословенія Твои на нихъ, тѣмъ обильнѣе, чѣмъ благоизволильнѣе ввѣряетъ Онъ Себя, и Своего Наслѣдника, и Свое царство державѣ Твоего Провидѣнія.

Братія! Случай, который такъ пріятно намъ разсматривать, заключаетъ въ себѣ истину, которую желательно видѣть болѣе и болѣе открытою для нашего вниманія, для нашего убѣжденія, для нашей дѣятельности: благо Царю и народу, царству и дому, родоначальнику и роду, которые благонадежную будущность упрочиваютъ себѣ Богомъ и благочестіемъ.

Почти одинокъ былъ Авраамъ, и притомъ былъ странникъ, безъ отечества, безъ дома, когда Богъ сказалъ при немъ, какъ будто безъ него: *Авраамъ же бывая будетъ въ языкъ великъ* и *многъ*, и *благословятся* о *немъ вси языцы земніи*. То есть: одинокій, кочующій Авраамъ сдѣлается Еврейскимъ народомъ, сильнымъ царствомъ, прострется отъ Египта до Ливана, потомъ разсыплется отъ Вавилона до Египта, до Антіохіи, до Рима; вновь сосредоточится въ новомъ, духовномъ, Божественномъ *Сынѣ Авраамли* (Матѳ. I. 1.), — въ Іисусѣ Христѣ; и вновь паче прежняго распространится въ новомъ, духовномъ Израилѣ, — въ Христіанствѣ, и въ семъ благословятся высочайшимъ и обширнѣйшимъ благословеніемъ точно всѣ народы земные. Какое величественное древо, вселенную нынѣ осѣняющее, въ какомъ маломъ зернѣ обѣтованія скрыто было! И какъ чудно изрекаетъ Богъ сіе обѣтованіе! *Авраамъ же бывая будетъ*, то есть, вѣрно и непремѣнно будетъ, *въ языкъ великъ*. Не глаголетъ: *ты будешь*, хотя говоритъ въ лице Аврааму, но: *Авраамъ будетъ*, какъ-бы его тутъ не было, давая симъ разумѣть, что дѣло обѣтованія сдѣлается, какъ-бы безъ него, не по его предусмотрѣнію, не его силою, не по его заслугамъ; ибо такъ дѣйствуетъ благодать. А что еще удивительнѣе, Богъ не глаголетъ даже: *азъ сотворю Авраама въ языкъ великъ:* но *Авраамъ будетъ*, какъ будто дѣло сдѣлается само собою. Господь скрываетъ нѣкоторымъ образомъ Свою вседѣйствующую силу, дабы показать Аврааму основаніе доброй будущности, которое особенно нужно сдѣлать очевиднымъ. Какое основаніе?—Благочестіе, и на немъ основанную правду, или добродѣтель. *Вѣмъ бо*, продолжаетъ Всевѣдущій слово Свое къ Аврааму, *яко заповѣсть сыномъ своимъ, и дому своему* по *себѣ; и сохранятъ пути Господни творити правду* и *судъ*. Авраамъ посѣетъ благочестіе въ сынахъ своихъ и въ домѣ своемъ, и произрастетъ многоплодіе и величіе потомства. Завѣщаетъ имъ правду: и они получатъ неисчислимое и неописанное наслѣдіе всемірнаго благословенія.

Вотъ древнѣйшее умозрѣніе, или, точнѣе сказать, вотъ Самимъ Богомъ преподанная ѳеорія обезпеченной будущности, объясненная, и до сихъ поръ подтверждаемая тысячелѣтними опытами!

Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что жребій Авраама есть особенный и единственный во всемъ человѣчествѣ. Да, онъ есть особенный, по чистотѣ и превосходству вѣры Авраамовой, среди господствовавшаго суевѣрія и беззаконія; и единственный по цѣли обѣтованія, которая есть Христосъ: но въ отношеніи къ указанному основанію доброй будущности, это не есть единственный случай, или исключеніе изъ правила общаго, а напротивъ есть только весьма ясный примѣръ общаго правила, по которому дѣйствуетъ Провидѣніе. Богъ, Который такъ благословляетъ *правду* и *судъ* въ человѣкѣ, не можетъ Самъ отступать отъ правды и суда, ниже измѣнять Своихъ вѣчныхъ правилъ. Если Онъ обѣщалъ, и по обѣщанію дѣйствительно даровалъ Аврааму благословенную будущность на томъ основаніи, *яко заповѣсть сыномъ Своимъ и дому своему по себѣ; и сохранятъ пути Господни:* то, безъ сомнѣнія, также даруетъ благую будущность, личную ли, потомственную ли, каждому, кто, заповѣдавъ благочестіе вопервыхъ себѣ самому, силою благочестія же дѣйствуетъ и на зависящихъ отъ него,

ревнуя о распространеніи онаго между ближними, и споспѣшествуя утвержденію онаго на времена грядущія. Апостолъ, не обинуясь, возвѣщаетъ всеобщее благотворное дѣйствіе благочестія на будущность. *Благочестіе*, говоритъ, *на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. IV. 8.).

Въ мудрованіи сыновъ вѣка сего видны двѣ мысли, которыя располагаютъ ихъ жить въ настоящемъ съ слѣпою надеждою, или, напротивъ, съ отчаянною безпечностію въ отношеніи къ будущему: первая, что міръ идетъ по своимъ законамъ, и потому одинъ, или нѣсколько человѣкъ, напрасно усиливались бы дать сей огромной машинѣ желаемое направленіе; другая, что человѣчество само собою идетъ къ совершенству, и потому не много важности въ томъ, какъ ударяешь ничтожнымъ весломъ твоимъ по широкой рѣкѣ времени, которая и безъ того течетъ, и все, по ней плывущее, влечетъ къ морю совершенствъ разнаго рода.

Дабы усмотрѣть, правы ли сіи мысли, можно ихъ отдать на судъ одну другой. Если міръ, не исключая и человѣчества, идетъ по своимъ законамъ, какъ искусно устроенная машина: то напрасно мечтаете вы, будто человѣчество само собою идетъ къ совершенству. Машина проходитъ и повторяетъ извѣстный кругъ болѣе или менѣе сложныхъ и разнообразныхъ движеній; и безъ руки художника, нейдетъ ни къ какому новому, прежде ей неизвѣстному совершенству; временемъ же, скорѣе или медленнѣе подвигается къ поврежденію и разрушенію. И напротивъ, если человѣчество само собою, или хотя какъ нибудь иначе, идетъ къ постепенно возрастающему, или наконецъ ожидаемому совершенству: то, конечно, или міръ не такъ управляется свойственными ему законами, какъ машина, или, по крайней мѣрѣ, человѣчество не такъ крѣпко привязано къ машинальной части міра, какъ думаетъ машинальная мудрость.

Міръ идетъ по своимъ законамъ! Пусть такъ; онъ идетъ по законамъ необходимости. А ты, существо свободное и нравственное, развѣ ты не долженъ итти по законамъ свободы и нравственности? Развѣ премудрый, праведный и благій Богъ только въ бездушномъ мірѣ воцарилъ свойственный Ему законъ: а міръ духовный предалъ мятежу и безначалію беззаконія? Нѣтъ! Въ мірѣ физическомъ, что посѣяно, то, а не другое, выраститъ по закону необходимости; въ мірѣ духовномъ и нравственномъ, что посѣешь свободно, то и жать будешь. Посѣешь благочестіе и правду: пожнешь благословеніе и благополучіе. Посѣешь нечестіе и неправду: пожнешь клятву, бѣдствіе, погибель.

Человѣчество идетъ къ совершенству! Это не совсѣмъ неправда. Философія нашла сію мысль у Религіи; позавидовала возвышенности ея; похитила ее; но не поняла, и не умѣла употребить. Религія открыла, что Богъ ведетъ человѣчество къ совершенству и блаженству, зло неисправимое отсѣкая правосудіемъ, исправимое исправляя милосердіемъ, подая Свою силу немощи, но никогда силою не подавляя свободы, а преклоняя ее къ добру любовію: гордая философія, худо подслушавъ, тщеславно пересказываетъ, что человѣчество идетъ къ совершенству само собою, побѣждая (какъ она прибавляетъ) природу посредствомъ искусства, открытій, изобрѣтеній, но (что не всегда она проповѣдуетъ, однако показываетъ дѣломъ) не домогаясь приближиться къ Творцу природы. Со святымъ Павломъ молю васъ, *братіе, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею, и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіамъ міра, а не по Христѣ* (Кол. II. 8.). И нынѣ, какъ во времена языковъ, уклонясь отъ мудрости по Христѣ, *въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога* (1 Кор. I. 21.). Думаютъ однимъ взоромъ обнять все человѣчество; указываютъ какой-то самодвижный ходъ онаго къ совершенству; превозносятъ успѣхи такъ называемаго просвѣщенія и образованности; обѣщаютъ золотой вѣкъ: и тамъ, гдѣ наиболѣе думаютъ, что все сіе дѣлается и сдѣлается само собою, и менѣе всего заботятся о благословеніи и просвѣщеніи свыше, — тамъ именно, и въ то же самое время, не находятъ ни добродѣтелей, ни нравовъ, ни спокойствія, ни безопасности, пороки

необузданны, распри безконечны, союзы ненадежны, мудрость сдѣлалась не болѣе, какъ промышленностію, и познанія товаромъ, книги и зрѣлища наполнены преступленіями и ужасами, какъ темницы и мѣста казни. Скажите пожалуйте, не ужели сіе-то и есть прямая дорога и естественный ходъ къ совершенству человѣчества? Или, напротивъ, не суть ли это распутія, дебри, пропасти, уклоненія, заблужденія, паденія? Но сократимъ споръ. Если человѣчество, въ цѣломъ ли, почастно ли, должно итти къ желаемому и ожидаемому въ будущемъ совершенству, благополучію, блаженству: то надобно, чтобы найденъ, или лучше указанъ былъ истинный къ тому путь. Говорю: лучше указанъ: потому что путь, пролагаемый догадочно, часто не ведетъ къ цѣли и тогда, когда ее представляетъ въ виду; а путь, указанный опытнымъ и вѣрнымъ путеводителемъ, ведетъ къ цѣли и тогда, когда она еще скрыта отъ взоровъ. Какой же это путь?— Тотъ, который Откровеніе Аврааму нарекло по приспособленію къ разнообразному множеству шествующихъ,—*путьми Господними*, который впрочемъ въ основаніи есть единый путь Господень. Кто же указуетъ путь сей?—Иногда, поколику нужно, Самъ Господь съ неба, какъ, на примѣръ, тому же Аврааму: *ходи предо Мною, и буди совершенъ* (Быт. XVII. 1.). Обыкновеннѣе же испытавшіе благонадежность сего пути, отъ радости провозглашаютъ свое обрѣтеніе, и по человѣколюбію приглашаютъ къ участію въономъ, какъ на примѣръ: *блажени непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Господни* (Псал. CXVIII. 1.). *Блаженъ мужъ, иже на пути грѣшныхъ не ста, но въ законѣ Господни воля его. Будетъ яко древо насажденное при исходищихъ водъ. Вся, елика аще творитъ, успѣетъ* (Псал. I. 1—3.). *Блажени вси боящіися Господа, ходящіи въ путехъ Его. Труды рукъ твоихъ снѣси; блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ* (Псал. CXXVIII. 1. 2.). *Потерпи Господа, и сохрани путь Его, и вознесетъ тя еже наслѣдити землю; внегда потреблятися грѣшникомъ, узриши* (Псал. XXXVI. 34.). Если, то есть, и покажется тебѣ, что путь Господень труденъ, или долгъ, и не являетъ тебѣ скорѣ пріятной будущности: не колеблись въ вѣрѣ; не теряй надежды; наконецъ минуетъ испытаніе, и откроется воздаяніе. *Потерпи,—узриши.*

Христіане! Вамъ извѣстно, что великій градъ Божій, къ которому собственно ведетъ путь Господень,—блаженная будущность, которая оправдаетъ путь сей совершенно,—лежитъ за предѣлами времени. Но на семъ же, и только на семъ, пути лежатъ и мирныя обители и безопасные грады временныхъ благословеній. Сохраняйте сей путь, у насъ благодареніе Богу, не потерянный: и какъ Благочестивѣйшій Государь нашъ указуетъ путь сей Своему Наслѣднику, такъ и вы предшествуйте на семъ пути добрымъ примѣромъ, и указуйте, заповѣдуйте оный, родители дѣтямъ, домовладыки домашнимъ, наставники наставляемымъ, начальники подчиненнымъ, старшіе младшимъ; всѣ другъ другу да подаемъ руки на пути вѣры и благочестія, который есть единственный вѣрный путь благоденствія и блаженства! Аминь.

## 5. СЛОВО

**Въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, 1842 года.**

*Стойте въ вѣрѣ; мужайтеся, утверждайтеся: вся вамъ любовію да бываютъ.* 1 Кор. XVI. 13. 14.

Если точно на всѣхъ членовъ Церкви простирается предписанный Апостоломъ законъ взаимности: *утѣшайте другъ друга, и созидайте кійждо ближняго* (1 Сол. V. 11.), такъ какъ онъ изреченъ безъ изъятія и ограниченія: то не надобно ли иногда, чтобъ и поставленный въ церкви подавать утѣшеніе и назиданіе, заимствовалъ утѣшеніе и назиданіе, или, по крайней мѣрѣ, случай къ назиданію, отъ тѣхъ самихъ, которые предстоятъ, какъ пріемлющіе назиданіе?—Такъ дѣйствительно могу я поступить нынѣ.

Вижу соборъ сыновъ Отечества, предстоящихъ въ радостной, благодарной и благожелательной молитвѣ за Отца Отечества, при воспоминаніи дня, въ который Провидѣніе даровало землѣ жизнь, по его назначенію, благотворную и охранительную для милліоновъ жизней. По нашему общему сочувствію, сознаю въ семъ благословенное дѣйствіе благословенной любви къ Помазаннику Божію, которой въ Россіянахъ удивляются иноплеменные, и удивленіемъ даютъ свидѣтельство превосходства.

Итакъ отъ васъ пріемлю я утѣшеніе, видѣть въ васъ одну изъ важныхъ отраслей любви Христіанской уже прозябшую и плодоносящую. И съ симъ вмѣстѣ, отъ васъ же беру случай, предложить къ нашему общему назиданію, нѣсколько мыслей о Христіанской любви, не довольствующейся тѣмъ, чтобы проявлять силу свою въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, но домогающейся наполнить все поле жизни и дѣятельности.

Обширный и многообъемлющій законъ любви заключилъ Святый Апостолъ Павелъ въ немногихъ словахъ: *вся вамъ любовію да бываютъ*. Все, что вы ни дѣлаете, должны дѣлать *любовію*, какъ-бы всеобщею силою и всеобщимъ орудіемъ; все должны дѣлать изъ любви, ради любви, по крайней мѣрѣ, съ помощію и съ участіемъ любви.

Апостолъ не выразилъ, любовь ли къ Богу разумѣлъ онъ въ изреченіи своемъ, или любовь къ ближнему, или ту и другую вмѣстѣ. Но какъ объ отношеніяхъ къ Богу непосредственно предъ симъ сказалъ онъ въ другомъ изреченіи: *стойте въ вѣрѣ*: то надлежитъ заключить, что объ отношеніяхъ къ ближнимъ, а потому вѣроятно, и о любви къ ближнимъ, думалъ онъ, когда сказалъ: *вся вамъ любовію да бываютъ*. Таковъ долженствовалъ быть разумъ его изреченія и по обстоятельствамъ, въ какихъ написалъ онъ сіе къ Коринѳянамъ. Распри нашелъ онъ у нихъ: потому и нужду имѣлъ учить, чтобы они всѣ взаимныя отношенія устрояли на основаніи взаимной любви. Впрочемъ любовь къ ближнему представляется здѣсь въ ближайшемъ дѣйствіи; но и любовь къ Богу не исключается: потому что любовь къ Богу есть душа истинной любви къ ближнему.

*Вся вамъ любовію да бываютъ*: какую безпредѣльную область представляетъ Апостолъ дѣйствію любви! Мысль достойная глубокаго вниманія! Какъ есть соотвѣтствіе между высотою власти и между пространствомъ области, на которую она простираетъ свое вліяніе: такъ есть соотвѣтствіе между высотою любви и между пространствомъ области, въ которой она дѣйствуетъ.

Если бы кто приступилъ ко мнѣ съ вопросами: должно ли любить кого нибудь? должно ли съ любовію дѣлать что нибудь? то я не сталъ бы отвѣчать, а поспѣшилъ бы отступить отъ вопрошателя: потому что такіе вопросы можетъ предлагать только стоящій на порогѣ ада. Только тамъ, гдѣ царствуетъ *человѣкоубійца искони*, думаютъ рѣшительно, что можно быть совершенно безъ любви, что любовь есть слабость, что сила есть ненависть: слѣдственно вопросъ о возможности быть безъ любви есть порогъ ада. По сю сторону двери адской вопросъ можетъ быть не о всецѣломъ отрицаніи любви, но развѣ о ея предметахъ, видахъ, степеняхъ и пространствѣ или стѣсненіи ея области.

Представимъ себѣ любовь, заключенную въ болѣе или менѣе тѣсномъ кругѣ родства, знакомства, взаимности: и посмотримъ, каково ея достоинство. Отцу и матери нуженъ ли подвигъ, чтобы любить свое дитя? Младенцу надобно ли учиться любить отца и мать? Если же въ сей любви все дѣлаетъ природа, безъ подвига и почти безъ вѣдома человѣка: то гдѣ тутъ достоинство добродѣтели? — Это просто естественное чувство, которое и въ безсловесныхъ примѣчаемъ. Нелюбленіе родителей или дѣтей есть глубоко низкій порокъ: но любовь къ родителямъ и дѣтямъ не есть еще высокая добродѣтель, кромѣ особенныхъ случаевъ, когда ее возвышаетъ соединенное съ нею самоотверженіе и самопожертвованіе. О достоинствѣ любви взаимности, которою любятъ любящихъ, нѣтъ нужды входить въ изслѣдованіе, послѣ суда, который произнесъ надъ нею непогрѣшительный и нелицепріятный Судія: *аще любите любя-*

*щія вы, кая вамъ благодать есть? Ибо и грѣшницы любящія ихъ любятъ. И аще благотворите благотворящимъ вамъ: кая вамъ благодать есть? Ибо и грѣшницы тожде творятъ* (Лук. VI. 32. 33.). *И аще цѣлуете други ваша токмо: что лишше творите? Не и язычницы ли такожде творятъ* (Мат. V. 47.)?

Сіи разсужденія поставляютъ насъ между двумя противоположностями, между которыми однако нѣтъ отдѣльной средины, и изъ которыхъ въ одну надлежитъ намъ впасть неизбѣжно. Если мы ограничимъ нашу любовь родными, знаемыми, любящими насъ: то мы не во благодати небесной, но въ природѣ земной, несовершенной; наше достоинство едва ли восходитъ выше мѣры грѣшниковъ и язычниковъ, и, можетъ быть, не далеко возвышается надъ уподобленіемъ безсловеснымъ. Если же мы признаемъ недостаточество природы, и жаждемъ благодати; если оставаться на ряду съ грѣшниками почитаемъ низкимъ, бѣдственнымъ, погибельнымъ; если чувствуемъ наше призваніе къ высшей добродѣтели, нежели до какой достигали язычники: то не должно намъ ограничивать нашу любовь родными, знаемыми, любящими насъ, но простирать оную далѣе сихъ предѣловъ, отъ родныхъ къ чужимъ, отъ знаемыхъ къ незнаемымъ, отъ любящихъ къ нелюбящимъ, словомъ, ко всѣмъ.

Тотъ, чье сердце не расширено еще до всеобщей любви, можетъ недоумѣвать, какъ любовь одного человѣка простираться можетъ на такую безпредѣльную область?— Разрѣшить сіе недоумѣніе поможетъ намъ Апостолъ любви, Святый Іоаннъ Богословъ. Онъ говоритъ: *всякъ любяй родшаго, любитъ и рожденнаго отъ Него* (1 Іоан. V. 1.). Къ сему можно присовокупить: всякъ любящій Создателя, любитъ и созданіе любящаго Создателя. И такъ возлюби единаго Бога; и возлюбишь всѣхъ чадъ Божіихъ. Возлюби Творца, и не трудно тебѣ будетъ любить созданія, которыя Онъ любя сотворилъ и сохраняетъ. Что касается до дѣлъ любви; для нихъ есть порядокъ, указанный другимъ Апостоломъ: *да дѣлаемъ благое ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ* (Гал. VI. 10.). Твори добро преимущественно приснымъ по вѣрѣ, по роду, по отечеству, но не полагай здѣсь рубежа для твоей любви; а поколику встрѣчаешь случай, поколику имѣешь средства, помоги бѣдности чужаго; сжалься надъ бѣдствіемъ иноплеменника; *еретика человѣка отрицайся* (Тит. III. 10.), то есть, его ложнаго и вреднаго ученія: но человѣка и въ иновѣрномъ щади, милуй, споспѣшествуй его благу, особенно духовному.

Впрочемъ законъ всеобщей любви, стремящейся обнять всѣхъ человѣковъ, необходимо долженъ дать человѣку такъ много дѣла, что не останется мѣста досугу отъ упражненія любви. Посему Апостолъ проповѣдуетъ всеобщность любви, объемлющую и всѣ дѣла, и все ей подчиняетъ. *Вся вамъ любовію да бываютъ.*

Есть дѣла, въ которыхъ любовь участвуетъ сама собою, такъ что для сего не нужно ни ученіе, ни увѣщаніе. Такъ съ любовію отецъ ласкаетъ, мать питаетъ свое чадо; съ любовію сынъ отцу и матери откликается на зовъ, служитъ, помогаетъ. Но есть другія дѣла, къ которымъ не такъ близка любовь, и при которыхъ не всякой о ней вспомнитъ. Надъ сими особенно надлежитъ испытывать благотворную силу Апостольскаго ученія о любви всёдѣйствующей, или всему содѣйствующей.

«Что значитъ оное: *вся вамъ любовію да бываютъ?*»—вопрошаетъ Святый Златоустъ. И отвѣтствуетъ: «аще запрещаетъ кто, рече, аще обладаетъ, или обладаемъ есть, аще учится, аще учитъ, вся съ любовію да творитъ.»

Чего, какъ существенно необходимаго, искалъ Господь въ Петрѣ, когда хотѣлъ поставить его въ учительское и священноначальническое служеніе?— Любви. Трижды вопрошалъ Онъ: *Симоне Іонинъ любиши ли Мя?* и не прежде, какъ по увѣреніи въ любви, изрекалъ повелѣніе: *паси овцы Моя; паси агнцы Моя* (Іоан. XXI. 15—17.). Правда, вопрошеніе: *любиши ли Мя паче сихъ?* очевидно указывало на прежнее самонадѣянное увѣреніе Петра: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогда же соблажнюся* (Мат. XXVI. 33.), и троекратнымъ удостовѣреніемъ о

любви ко Христу заглаждалось троекратное отреченіе отъ Христа; это была кроткая эпитимія покаявшемуся и разрѣшаемому Петру. Но тѣмъ не менѣе сіе относилось и къ ввѣряемому служенію. Вѣдалъ Господь, что любящій Его будетъ любить и овецъ Его, и что и для пастыря, и для овецъ пастырская любовь надежнѣе жезла, и пріятнѣе свирѣли. Это случай единственный, но вмѣстѣ и примѣръ для всѣхъ.

Учащій, который дѣйствуетъ однимъ знаніемъ безъ любви, предлагаетъ алчущимъ и немощнымъ черствый, или даже каменный хлѣбъ. Ученіе, которое не сердцемъ любящимъ пріемлется, есть сѣмя, сѣемое въ снѣгъ. Знаніе безъ любви есть зимнее солнце, которое не оживляетъ и не возращаетъ. Итакъ аще кто учится, аще учитъ, съ любовію сіе да творитъ.

Если начальствующій или обладающій все думаетъ дѣлать одною силою власти, не пользуясь силою любви: то по необходимости онъ долженъ будетъ чрезмѣрно напрягать одну силу въ замѣнъ другой, и такимъ образомъ отягчить бремя подчиненности, которое могъ бы облегчать, и будетъ разстроивать союзъ, который желаетъ скрѣплять: ибо *союзъ совершенства*, совершеннѣйшая связь между людьми, есть *любовь* (Кол. III. 14.). Если и подвластный съ необходимою покорностію не соединяетъ свободной любви: то самъ для себя ожесточаетъ иго, которое любовь умягчила бы. Не стараясь быть въ сердцѣ сыномъ обладающаго, примѣтно или непримѣтно, препятствуетъ онъ обладающему быть отцемъ для него. Итакъ, аще кто обладаетъ, съ любовію да обладаетъ: аще обладаемъ есть, съ любовію да повинуется.

Должно ли и *запрещать*, какъ выразился Св. Златоустъ, то есть, бранить и наказывать съ любовію? — Непремѣнно съ любовію, если запрещеніе должно быть Христіанское и спасительное. Для чего бранятъ? Для чего наказываютъ? Не ужели для того, чтобы неистовствовать во гнѣвѣ, мстить и карать? Какой разумъ одобритъ сіе? Какое сердце, въ минуты безстрастія, не отвратится отъ сего? Для чего же можно, или должно, бранить? — для того, чтобъ изъяснить виновному его вину и тягость ея. Для чего наказывать? — для того, чтобы пресѣчь или предупредить зло, и побудить согрѣшившаго къ исправленію. Не трудно примѣтить, что сію цѣль наказанія и назначаетъ не иной кто, какъ любовь. И кто лучше ея можетъ исполнить сіе назначеніе? Она только можетъ предохранить, чтобы обличеніе не перешло въ гнѣвъ, чтобы неудержанный гнѣвъ не ожесточилъ виновнаго вмѣсто исправленія, чтобы строгость не простерлась до жестокости; она проливаетъ животворный бальзамъ на рану, которую наноситъ наказаніе. Итакъ, аще кто запрещаетъ и наказываетъ: и сіе съ любовію да творитъ.

Братія! Еще *воспомянути вамъ хощу вѣдущимъ и вамъ единою сіе:* какую заповѣдь новую, послѣднюю, единую оставилъ намъ Господь нашъ, въ отличительное знаменіе Своихъ учениковъ? — *Заповѣдь*, глаголетъ, *новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. XIII. 14.). Мало ли еще заповѣдей? Мало ли добродѣтелей? Почему не упомянулъ Онъ ни объ одной, кромѣ любви? Безъ сомнѣнія, по предувѣдѣнію, что если будетъ любовь, то будутъ и всѣ добродѣтели, исполнятся и всѣ заповѣди. Итакъ, и по заповѣди Господней, и по ученію Апостольскому, *вся вамъ любовію да бываютъ.* Аминь.

## 6. СЛОВО

**Въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, Іюня 25 дня, 1843 года.**

*Споспѣшествующе же и молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ* 2 Кор. VI. 1.

Если воспоминаемое рожденіе главы семейства обычай дѣлаетъ праздникомъ семейственнымъ, и даже простирающимся далѣе предѣловъ семейства: то кольми паче прилично и справедливо, чтобы воспоминаемое рожденіе Царя Благочестивѣйшаго, составляло праздникъ, празднуемый Царствомъ, освящаемый Церковію. Такой

праздникъ имѣемъ мы нынѣ, Благовѣрные Сыны Россіи.

Но что въ семъ случаѣ значитъ: *праздновать?* Быть *празднымъ* отъ дѣлъ и работъ? — Это праздникъ для вещества, по своей природѣ коснаго и лѣниваго, а не для духа, по существу своему дѣятельнаго. Предаться безотчетно увеселеніямъ? —Называютъ и это праздникомъ: но это праздникъ чувствъ и воображенія; а чувства и воображеніе, занятое чувственными образами, составляють только низшую область человѣческаго существа. Какое же достоинство имѣлъ бы праздникъ, въ которомъ бы не участвовало высшее и лучшее въ человѣкѣ? Чтобы праздновать достойно человѣка, надобно праздновать разумно. Чтобы праздновать достойно Христіанина, должно праздновать духовно.

Разсмотри блага, которыми пользуешься подъ скипетромъ Богохранимаго Царя: безопасность, миръ, благоуправленіе, просвѣщеніе, покровительство и споспѣшествованіе всему доброму и полезному, человѣколюбивое призрѣніе безпомощныхъ, готовую помощь въ бѣдствіяхъ внезапныхъ; помысли, какъ рожденіемъ Царя *Сотворивый грядущая* рано посѣялъ сѣмя нашихъ благъ, какъ благопромыслительно сохранилъ и возрастилъ оное, и ко времени приготовилъ дѣйствительный плодъ; благоговѣющимъ умомъ, благодарнымъ сердцемъ, вознеси благодѣянія къ верховному ихъ Подателю, и какъ соображеніе настоящаго съ прошедшимъ дано тебѣ для приготовленія будущаго, то *радуясь Богу Помощнику нашему, пріими псаломъ* (Псал. LXXX. 3.), не только радостный, но и молитвенный: *укрѣпи Боже сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ. Дни на дни царевы приложиши, и лѣта Его до дне рода и рода* (Псал. LXVII. 29. LX. 7.). И во грядущее время *помяни насъ Господи во благоволеніи людей Твоихъ, посѣти насъ спасеніемъ Твоимъ* (Псал. CV. 4.).

Такъ заботясь дать нашему празднику чинъ, достойный благодѣяній Божіихъ, не только настоящихъ и прошедшихъ, но и будущихъ, услышалъ я въ нынѣшнемъ церковномъ чтеніи гласъ Апостола, который въ нашу радость вѣваетъ новую заботу. *Молимъ*, говоритъ, *не вотще благодать Божію пріяти вамъ.* Благодать Божія, въ словѣ Апостольскомъ означаетъ высшую степень даровъ и благодѣяній Божіихъ. Итакъ если благодать Божія можетъ оказаться вотще принятою: то конечно тоже можетъ случиться и со всякимъ благодѣяніемъ Божіимъ. Есть о чемъ позаботиться, хотя бы о семъ и не молилъ Апостолъ. Но молитъ онъ, и тѣмъ налагаетъ и на насъ обязанность молить васъ о вниманіи къ его наставленію. *Молимъ не вотще благодать Божію пріяти вамъ.*

Если принять въ разсужденіе существенное свойство благодати Божіей: то едва вѣроятнымъ представляется, чтобы она въ комъ либо могла оказаться вотще принятою, даже по принятіи безплодною. Она есть благая сила, дѣйствіе, даръ Бога всемогущаго, вѣчнаго, вездѣсущаго: какая же другая сила довольна будетъ противоборствовать ей? Какое время можетъ исключить ее? Какое существо можетъ быть ей недоступно? Если въ состояніи природы Богъ такъ объемлетъ и проницаетъ человѣка Своимъ дѣйствіемъ, что, по выраженію Апостола, *Самъ даетъ всѣмъ животъ и дыханіе и вся,* и что мы *въ Немъ живемъ, движемся, и есмы* (Дѣян. XVII. 25. 28.): что сказать о состояніи благодати? Тотъ самый служитель благодати, который внушилъ намъ опасеніе, чтобы она не оказалась вотще принятою, сказуетъ, что преимущественно въ Христіанствѣ открыта и дарована благодать Божія всѣмъ человѣкамъ, въ достаточной ко спасенію мѣрѣ: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ;* что умножившійся до явленія благодати грѣхъ не поставилъ преграды ея дѣйствію, а только послужилъ къ торжественнѣйшему открытію ея побѣдоносной силы: *идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. V. 20.); что благодать уже совершила спасеніе наше, и во Христѣ уже имѣемъ мы въ самомъ дѣйствіи не только то, чему вѣруемъ, но и то, чего надѣемся: *Богъ богатъ сый въ милости, за премногую любовь Свою, ею же возлюби насъ,* и *сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми*

*сооживи Хрістомъ; благодатію есте спасени, и съ Нимъ воскреси и спосади на небесныхъ во Хрістѣ Іисусѣ* (Еф. II. 4.). Сіе сказалъ я не съ тѣмъ, чтобы воспрекословить Апостолу, или поставить его какъ будто въ противорѣчіе самого съ собою, но для того, чтобы кто не почелъ самую благодать недостаточествующею или изнемогающею, если она иногда окажется вотще принятою; чтобы кто не дерзнулъ сѣтовать на Бога тамъ, гдѣ надлежитъ обличать и исправлять человѣка; чтобы никто не колебался въ упованіи на благодать Божію. Нѣтъ, *возлюбленніи*, говорю словами другаго Апостола, *препоясавше чресла помышленія вашего, трезвящеся, совершеннѣ уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ Хрістовымъ* (1 Петр. I. 13.).

Но какъ же подлинно можетъ случиться, чтобы благодать Божія, столь обильная, столь могущественная, столь дѣйственная, бывъ при томъ уже принята человѣкомъ, оказалась вотще принятою, безплодною?— Поелику благодатное Божіе царство есть тайна, для естественнаго разума неудобопостижимая, и потому сама премудрость Божія, бесѣдуя о немъ употребляла въ пособіе притчи и подобія, взятыя изъ царства природы: то мы воспользуемся нѣкоторыми изъ оныхъ, дабы устранить недоумѣніе, и приблизить къ разумѣнію истинное ученіе.

Притча говоритъ: *подобно есть царствіе небесное сокровищу сокровену на селѣ, еже обрѣтъ человѣкъ, скры, и отъ радости его идетъ, и вся, елика иматъ, продаетъ, и купуетъ село то* (Матѳ. XIII. 44.). Примѣчайте: сокровище готово, достаточно для обогащенія, владѣющій полемъ имѣетъ и сокровище, въ немъ скрытое, но, безъ старанія обрѣсти оное, — тщетно имѣетъ, другой знаетъ о сокровищѣ, но также безъ попеченія, безъ пожертвованія, безъ рѣшимости продать все, чтобы купить поле, и воспользоваться сокровищемъ,— тщетно знаетъ.

Благодать есть сокровище готовое, довольное для обогащенія каждаго и всѣхъ, но сокрытое, — гдѣ? на какомъ полѣ? — Мало ли гдѣ! На примѣръ, на полѣ уединенія и благоговѣйнаго безмолвія, на полѣ цѣломудрія и воздержанія; только продай все, чтобы возобладать такимъ полемъ, и найдешь сокровище. Но наипаче близкое, и для всѣхъ доступное поле, въ которомъ сокровенно положено сокровище благодати, есть Церковь. Какое сокровище сокрыто въ ея священныхъ собраніяхъ! Въ нихъ сокрыто присутствіе Самого Хріста Господа, по собственному Его увѣренію, что *идѣже еста два или тріе собрани во имя Его, ту* есть и Онъ *посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 20.); а въ Немъ *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II. 3.), равно и сокровища всѣхъ прочихъ даровъ духовныхъ и Божественныхъ. Какое сокровище въ молитвахъ, славословіяхъ Церкви! Въ нихъ дышетъ благодать Пророковъ, Апостоловъ, Святыхъ; въ нихъ наипаче, *Самъ Духъ* Святый *ходатайствуетъ* о *насъ воздыханіями неизглаголанными* (Рим. VIII. 26.), какъ сказуетъ Апостолъ. Какое сокровище въ ея чтеніяхъ Евангельскихъ! *Есть бо*, говоритъ Аѳанасій Великій (въ посланіи къ Маркеллину), *въ словесѣхъ писаній Божественныхъ Господь, Егоже стерпѣти не могуще* (духи тьмы), *вопіяху: молю тя, да не прежде времени мучиши насъ*. Та же сила, которая, исходя въ словѣ Хрістовомъ, прогоняла бѣсовъ, исцѣляла недуги, воскрешала мертвыхъ, просвѣщала свѣтомъ Божественнымъ, пребываетъ и нынѣ въ Его словѣ, въ Его Евангеліи. Какое сокровище въ Таинствахъ, и наипаче въ таинствѣ Тѣла и Крови Господней! Въ немъ сокрыта вѣчная жизнь, съ ея неисповѣдимыми благами, по реченному отъ Господа: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, иматъ животъ вѣчный*. Надобно только умѣть воспользоваться толиками сокровищами, надобно усвоить ихъ себѣ, а для сего надобно *продать* или отдать за безцѣнокъ, пренебречь, отвергнуть, *вся, елика имаши*, именно, твое самоугодіе, твои страсти, твои порочные навыки, твои плотскія желанія, твою лѣность, твою невнимательность, твою разсѣянность. Но если кто священныхъ собраній удаляется; молитвамъ и славословіямъ Церкви не внимаетъ; если тогда, какъ здѣсь сила Божія движется въ

словѣ Евангелія, иныхъ лѣность едва еще допускаетъ двигнуться изъ дома ко храму; если тогда, какъ совершается глубокое таинство, иной изъ предстоящихъ разсѣянными помыслами, поверхностными взорами, бродитъ по внѣшности святилища, или, вмѣсто спасительнаго собесѣдованія съ Богомъ, празднословитъ съ человѣкомъ: то златоносное поле для таковыхъ еще чужое; они еще не обрѣли сокровеннаго въ немъ сокровища, или обрѣтеннаго не умѣютъ взять; и даже хотя, по видимому, его имѣютъ, но имѣютъ вотще, или только мнятся имѣти.

Могу, и долженъ указать вамъ, братія Христіане, какъ и себѣ, еще, кажется, болѣе близкое поле сокровища. Это самое сердце Христіанина; это нашъ внутренній человѣкъ. Если крещеніе Христіанина есть *рожденіе водою и духомъ*, какъ и дѣйствительно есть, по слову Христову; а рожденіе не иное что есть, какъ начатіе новой жизни; и слѣдственно Христіанинъ въ крещеніи получаетъ новую жизнь, и конечно ту, о которой сказалъ Апостолъ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ*: то помыслите, какое сокровище въ насъ положено святымъ крещеніемъ, какую благодать мы въ немъ пріяли! Мы пріяли въ немъ начатокъ жизни Христовой въ насъ, или, какъ выражается святый Павелъ, *начатокъ духа*. Что-жъ? Обрѣли ль мы, братія, сіе сокровище? Воспользовались ли имъ? Ощущаемъ ли въ себѣ сію новую жизнь, которая, какъ жизнь Христова, должна быть несравненно сильнѣе ветхой жизни Адамовой? Возрастаемъ ли въ сей новой жизни? *Достигаемъ ли въ мѣру возраста исполненія Христова*? Блаженъ, кому при семъ самоиспытаніи *не зазритъ сердце*, и кто имѣетъ о семъ не льстящее, но успокоивающее *свидѣтельство въ себѣ*! Сокровище благодати, на полѣ сердца обрѣтенное молитвою и вѣрою, пріобрѣтенное самоотверженіемъ, умноженное любовію, искушенное огнемъ креста, да соблюдаетъ онъ бдительно въ неослабѣвающемъ подвигѣ и смиреніи!

Для подобныхъ же мнѣ, для которыхъ самая благодать не безопасна, потому что въ ней находятъ поводъ къ небрежной безпечности, привожу на память другую притчу *Человѣкъ нѣкій отходя призва своя рабы, и предаде имъ имѣніе свое: и овому убо даде пять талантъ, овому же два, овомуже единъ, комуждо противу силы его* (Матѳ. XXV. 14. 15.). Продолженіе извѣстно: получившіе болѣе, полученное умножили дѣланіемъ и оборотомъ, и пріобрѣли новое благоволеніе господина своего; а получившій одинъ талантъ, закопалъ его въ землю, и за лукавство и лѣность лишился послѣдняго и подвергся тяжкому осужденію. *Человѣкъ* въ сей притчѣ означаетъ Бога Творца и Промыслителя, Который *рабамъ своимъ*, то есть, всѣмъ человѣкамъ даетъ различные дары, естественные и благодатные, внутренніе и внѣшніе; въ особенности же Богочеловѣка Христа, Который, *отходя* отъ земли на небо, *восшедъ на высоту, даде даянія человѣкомъ* (Еф. IV. 18.), какъ то, дары Святаго Духа, Евангеліе, Таинства, и вообще *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1. 3.). Сіи различные таланты даются намъ, по притчѣ, *комуждо противу силы его*, а по изъясненію Апостола, *по мѣрѣ дарованія Христова*, то есть, вполнѣ удовлетворительно для потребностей нашей жизни, которыя предвѣдѣніе Божіе опредѣляетъ, и щедрота Божія наполняетъ. Смотрите же. Правда, что все зависитъ отъ дарованныхъ талантовъ, безъ которыхъ рабы, какъ были, такъ и остались бы ни съ чѣмъ. Но не одно полученіе талантовъ, а дѣланіе и приращеніе вводитъ въ радость Господа. И удивительно, что тѣ, которые болѣе имѣютъ, болѣе стараются пріобрѣтать; а получившій менѣе совсѣмъ не старается. Не указываетъ ли сіе на насъ, которые часто говоримъ, что мы не Апостолы, не Святые, не Праведные, не имѣемъ ихъ благодати, и тѣмъ думаемъ извинить у себя недостатокъ подвиговъ и добродѣтелей? Не то же ли это, какъ если бы мы сказали: пусть получившіе пять, или два таланта, трудятся, чтобъ пріобрѣсть другіе пять или два; мы получили одинъ, и потому намъ позволительно меньше заботиться; довольно, если возвратимъ полученный; можно и въ землю зарыть его. — Видите, какъ принятый уже

талантъ или даръ Божій благодатный, или же и естественный, можетъ оказаться вотще принятымъ, и не только вотще, но и къ осужденію принявшаго: ибо Раздаятель прозорливъ, и, послѣ крайняго милосердія, совершенно правосуденъ; не попуститъ, чтобы даръ Его былъ расточенъ безвозмездно, и чтобы подъ личиною немощи укрылись лукавство и лѣность, но наконецъ отъиметъ пренебреженный даръ, и неключимому рабу оставитъ только *тьму кромѣшную*.

Если сіи размышленія возбуждаютъ насъ къ попеченію о томъ, чтобы *не вотще благодать Божію пріяти* намъ: то могутъ онѣ указать также и на способы удовлетворить сему попеченію. Поколику благодать Божія невидима и сокровенна, должно прилѣжно искать ее благоговѣніемъ вѣры къ Богослуженію, къ Слову Божію, къ Таинствамъ; и усвоять, чрезъ пожертвованіе всякой собственности поврежденной природы, самоугодія и плотоугодія. Поелику же дары благодати Божіей, и вообще дары Провидѣнія Божія, имѣемъ въ рукахъ нашихъ, должно *дѣлать въ нихъ*, употреблять таланты въ оборотъ, совершать при помощи благодати благія дѣла, и пріобрѣтать добродѣтели. Пріявшій *начатокъ духа* во Христѣ, да питаетъ его духовною дѣятельностію, и да возращаетъ его до мѣры совершенства. Получившій даръ крѣпости да умножаетъ подвиги, полезные и спасительные. Кому *духомъ дадеся слово премудрости* и *разума:* да дѣлаетъ въ семъ талантѣ, и пріобрѣтеніемъ его да будетъ распространеніе спасительной истины между человѣками. Если кому дарованъ крестъ и скорби (поелику и сіе можетъ быть *даромъ* (Фил. I. 29.) благодати): да дѣлаетъ въ семъ талантѣ, и лихвою его да будетъ терпѣніе непобѣдимое и упованіе не посрамляющее. Подобное должно происходить и съ талантами, обращающимися въ области природы и въ домостроительствѣ временнаго житія и общежитія человѣческаго. Кому ввѣрены обильные таланты начальства: да дѣлаетъ въ нихъ, и пріобрѣтеніемъ его да будетъ безопасность и спокойствіе подвластныхъ, защищеніе обиженныхъ, избавленіе бѣдствующихъ, обезсиленіе зла. Кому достался скромный талантъ подчиненности, хотя бы то было даже на низшихъ степеняхъ общественной жизни: и сей, не унывая, да дѣлаетъ въ немъ, неуклонно и добросовѣстно исполняя обязанности своего званія; и въ малѣ вѣрный съ великими призовется въ радость Господа своего. Кто большимъ числомъ считаетъ у себя таланты богатства и изобилія: да дѣлаетъ въ нихъ, и да пріобрѣтаетъ обильнѣйшую лихву въ молитвахъ нищихъ, въ благословеніяхъ сирыхъ и вдовицъ. И общимъ для всѣхъ насъ талантомъ Провидѣнія Божія,—подъ сѣнію Престола Богохранимаго Царя, *тихимъ и безмолвнымъ житіемъ*, да пользуемся, братія, такъ, чтобы преуспѣвать *во всякомъ благочестіи и чистотѣ*, да и во грядущее время, по дару того же Провидѣнія, и мы о Царѣ своемъ и о насъ Царь нашъ, можемъ радоваться совершенною радостію, доколѣ наконецъ и въ вѣчную радость Господа нашего внити сподобимся. Аминь.

## 7. СЛОВО

**Въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Маріинской церкви Императорскаго Вдовьяго дома, предъ торжественнымъ обѣтомъ сердобольныхъ вдовъ, Декабря 6 дня, 1826 г.**

*Кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежднихъ дней, въ нихже мя Богъ храняше* (Іов. XXIX. 2.)? — воскликнулъ нѣкогда Іовъ. Безъ сомнѣнія, при семъ помышлялъ онъ о дѣтяхъ умершихъ, и о домашнемъ благосостояніи разрушенномъ. Но есть еще предметъ его печали, который особенно достоинъ вниманія, и даже удивленія. Онъ тоскуетъ о возможности благотворить, которую имѣлъ, и которой лишился. *Спасохъ бо*, говоритъ, *убогаго отъ руки сильнаго, и сиротѣ, емуже не бѣ помощника, помогохъ.—Уста же вдовича благословиша мя.—Око бѣхъ*

*слѣпымъ, нога же хромымъ: азъ быхъ отецъ немощнымъ* (12. 13. 15.).

Не тоскуй, благодѣтельная душа! Богъ, верховный благодѣтель, и покровитель всякаго благотворенія, не дастъ въ нареканіе Своей добродѣтели въ лицѣ твоемъ; Онъ устроитъ тебя по мѣсяцамъ прежднихъ дней, въ которые Онъ хранилъ тебя. И подлинно, говоритъ наконецъ книга житія его, *даде Господь сугубая, елика бяху прежде Іову во усугубленіе, — Господь благослови послѣдняя Іовля, неже прежняя* (XLII. 10. 12.).

И у Тебя, Матерь благословенныхъ Сыновъ по естеству, а по благотворенію Матерь немощныхъ и сирыхъ, свѣтодательница слѣпыхъ, благословляемая вдовицами, — и у Тебя, за годъ предъ симъ, не было ли такихъ минутъ, въ которыя все чувство бытія и жизни заключалось въ одномъ воздыханіи о утратѣ, невзреченно великой? *Кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежднихъ дней, въ нихже мя Богъ храняше?*

Но Великій Отецъ сирыхъ и Судія вдовицъ, внялъ молитвамъ благословляющихъ Тебя сиротъ и вдовицъ, также какъ и молитвамъ осиротѣвшаго было народа и царства, и устроилъ Тебя точно по мѣсяцамъ прежнихъ дней, въ которые Онъ хранилъ Тебя. Се и нынѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, въ которомъ прежде священнымъ торжествомъ одного изъ разнообразныхъ Твоихъ благотвореній ознаменовывали мы день Твоего Богомъ благословеннаго Сына, — и нынѣ, день Твоего другаго Богомъ избраннаго Сына, тѣмъ же торжествомъ благословляется.

Вотъ опытное наставленіе для всякаго, кому нужно наставленіе, въ сей истинѣ, что благотворительность къ человѣкамъ вѣрно наслѣдуетъ могущественное и дѣйствительное благословеніе Божіе, часто дивными и нечаянными судьбами.

Изъ Евангелія очень извѣстно великое благословеніе, которое благодѣтельнымъ людямъ уготовано на концѣ вѣковъ, и въ самой вѣчности. *Пріидите*, глаголетъ Господь нашъ, какъ Царь и Судія міра, *пріидите благословеннии Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV. 34.). Но кто сіи благословенные Отца небеснаго? — Продолженіе суда Христова показываетъ, что то суть питающіе алчущихъ, напояющіе жаждущихъ, принимающіе странныхъ, одѣвающіе нагихъ, посѣщающіе больныхъ и находящихся въ темницѣ, короче, люди благодѣтельные къ бѣдствующимъ ближнимъ. И въ другомъ случаѣ Господь заповѣдуетъ: *егда твориши пиръ, зови нищія, маломощныя, хромыя, слѣпыя; и блаженъ будеши, яко не имутъ ти что воздати: воздастжеписи въ воскрешеніе праведныхъ* (Лук. XIV. 13. 14.).

Если бы мысль о несоразмѣрности между подвигомъ и воздаяніемъ, между временнымъ благотвореніемъ человѣку и вѣчнымъ благословеніемъ отъ Бога, между служеніемъ земнымъ и наслѣдіемъ царствія небеснаго, — если бы сія, или подобная мысль, возстала въ комъ, чтобы поколебать вѣру въ обѣщанное воздаяніе: премудрость Божія уже противопоставила сему сомнѣнію сильнѣйшую мысль, дабы и въ семъ, какъ она дѣлаетъ и во всякомъ другомъ случаѣ, низложить всякое возношеніе суетныхъ помышленій человѣческихъ, взимающееся на разумъ Божій. Щедрый Мздовоздаятель объявилъ, что благотвореніе, какое бы то ни было, кому бы то ни было сдѣлано, пріемлетъ Онъ за благодѣяніе Самому Ему сдѣланное: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40.). Посему Онъ не только, какъ судія, оправдаетъ тѣхъ, которые дѣломъ исполняютъ законъ любви къ ближнему; не только, какъ Царь, царски наградитъ тѣхъ, которые помогаютъ сынамъ царствія на пути къ царствію; но и какъ должникъ, вѣрно удовлетворитъ тѣхъ, которые, *милуя нищаго, взаимъ даютъ Богу* (Притч. XIX. 17.).

И такъ, повторяю, изъ Евангелія очень извѣстно великое послѣднее и вѣчное благословеніе Божіе человѣкамъ, благотворителямъ ближнихъ. Но къ прискорбію, многіе человѣки, живя, такъ сказать, безъисходно въ низкой области чувствъ и настоящаго видимаго міра, будучи мало знакомы съ духовнымъ, съ невидимымъ, съ будущимъ, едва примѣчаютъ грядущее

царствіе Христово, какъ будто въ туманной дали; Судія, Который, какъ возвѣщаетъ Апостолъ,—*се предъ дверми стоитъ* (Іак. V. 9.), по ихъ мнѣнію, еще за горами. Отъ того, какъ ни страшенъ судъ, какъ ни велико воздаяніе, многіе ни страхомъ, ни надеждою,—уже не говорю, чистою, возвышенною любовію, — не возбуждаются, чтобы дешевою цѣною благотворенія человѣкамъ пріобрѣтать безцѣнное царствіе Божіе; или, если дѣлаютъ въ семъ нѣкоторые опыты, не имѣютъ ни довольно постоянства въ ожиданіи плода отъ сего подвига, ни довольно ревности противъ искушеній, въ ономъ встрѣчающихся. Кто знаетъ, говорятъ они, подлинно ли братіямъ Христовымъ достанутся наши благотворенія? Гдѣ то благословеніе, съ которымъ не какъ вновь благословляемые, но какъ уже *благословенные*, съ готовымъ, притти должны на судъ Христовъ человѣки благодѣтельные,—гдѣ оно, когда расточаемыя нами благотворенія, не какъ плодовитое сѣмя на добрую землю падаютъ, но какъ прахъ по вѣтру, разсыпаются, и мы не видимъ, чтобы къ намъ что нибудь благое возвратилось?

Для сего-то и указалъ я, и еще укажу на опытное наставленіе въ сей истинѣ, что благотворительность вѣрно наслѣдуетъ могущественное и дѣйствительное благословеніе Божіе.

Дадимъ небольшое состязаніе тѣмъ, которые искушаются сомнѣніемъ о благонадежности своихъ благотвореній.

Подлинно ли, говорятъ они, братіямъ Христовымъ достанутся наши благотворенія?—Дабы на сіе отвѣтствовать, нужно разсмотрѣть другой вопросъ: кого разумѣлъ Спаситель нашъ, въ притчѣ о судѣ, подъ именемъ *братій Своихъ меньшихъ?* Если Онъ, какъ пріобщившійся плоти и крови человѣчества вообще, какъ пострадавшій Единъ за всѣхъ по человѣколюбію, по тому же человѣколюбію, вообще всѣхъ человѣковъ, по Апостолу, *не стыдится братію нарицати* (Евр. II. 11.), и въ особенности всѣхъ страждущихъ пріемлетъ почти за едино съ Собою: то первый вопросъ разрѣшается просто; по сему разумѣнію, какому бы страждущему ни достались наши благотворенія, онѣ достаются всегда меньшему брату Господа Іисуса. Но если кто скажетъ, что сомнительно признать за меньшихъ братій неповинно страдавшаго Іисуса такихъ людей изъ числа страждущихъ, которые страждутъ по грѣхамъ, и при самыхъ страданіяхъ во грѣхахъ остаются; если и согласимся, что братіями Христовыми, по точной силѣ слова сего, должны быть названы только тѣ, которые, по вѣрѣ во Христа, *отъ Бога родишася* (Іоан. I. 13.); если далѣе изъ сего заключимъ, что тѣ только благотворятъ Христу, которые благотворятъ людямъ благочестивымъ бѣдствующимъ: должно ли и въ семъ случаѣ затруднять, или обезнадеживать дѣло благотворенія заботою, кому достанутся благотворенія? Что же вы сдѣлаете съ сею заботою? Перестанете ли благотворить?—Вы сами себя рѣшительно лишите благословенія, обѣщаннаго благотворящимъ, и нарушите великую заповѣдь любви къ ближнему, которую не льзя нарушать ненаказанно. Захотите ли благотворить только достойнымъ, и обходить недостойныхъ?—Но не въ семъ ли самомъ и состоитъ узелъ, который разрѣшенія ищемъ, — не въ семъ ли онъ состоитъ, что вы не знаете довольно вѣрныхъ признаковъ, для различенія достойныхъ отъ недостойныхъ? И кто далъ вамъ право прежде суда Христова осудить кого либо, какъ недостойнаго называться чадомъ Божіимъ, и меньшимъ братомъ Христовымъ? Если кого нибудь и справедливо почитаешь ты недостойнымъ сего дня: почему знаешь, чѣмъ онъ будетъ завтра? Ты сказалъ бы, на примѣръ, о заключенномъ въ темницу разбойникѣ: онъ недостоинъ моего посѣщенія, потому что не есть меньшій братъ Христовъ: но что, если Господь скажетъ и ему предъ смертію, какъ нѣкогда сказалъ уже разбойнику: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII. 43.)? Ты потерялъ случай сдѣлать добро меньшему брату Христову! Положимъ даже, что ты отказалъ въ благотвореніи человѣку подлинно недостойному: знаешь ли, что ты сдѣлалъ? Гоняясь дерзновеннымъ сужденіемъ за именемъ достойнаго и меньшаго брата Христова, ты самъ себя лишилъ достоинства сына Вышняго: поелику обѣтованіе: бу-

*дете сынове Вышняго*, дано намъ подъ условіемъ *быть милосердыми, якоже Отецъ нашъ милосердъ есть*; а Онъ — *благъ есть на безблагодатныя и злыя* (Лук. VI. 35. 36.). Что же наконецъ остается намъ дѣлать? — Очевидно, не иное что, какъ благотворить, по возможности, всѣмъ бѣдствующимъ: достойнымъ и святымъ, потому, что они чада Божіи суть, и, по строгому разумѣнію, меньшіе братія Христовы; грѣшнымъ и недостойнымъ, потому, что и сами мы грѣшны, и слѣдственно недостойны благъ, которыми съ избыткомъ обладаемъ; и потому, что Всевышній Отецъ нашъ *благъ есть на безблагодатныя и злыя.* Какъ златодѣлатели работаютъ надъ пудами золотистаго песка, довольствуясь надеждою достать золотникъ чистаго золота: подобно сему и намъ должно благодѣтельно трудиться надъ толпами нищихъ и бѣдствующихъ; и для ободренія насъ въ семъ подвигѣ довольно той надежды, что во множествѣ хотя одно когда либо совершится чистое дѣло благотворенія, достойное сокровищницы Верховнаго Благотворителя, которое побудитъ благость Его и насъ призвать отъ земнаго труда къ небесному покою, словомъ благословенія: *пріидите благословеннiи.*

Но, скажетъ еще иной, если призовутся къ царствію тѣ, которые въ дѣлахъ благотворенія уже суть дѣйствительно *благословенные:* то для чего, подвизаясь въ благотвореніи, не вижу я хотя начатковъ сего благословенія? — Что могу я на сіе отвѣтствовать? Помысли, ревнитель воздаянія, можетъ быть, болѣе, нежели подвига, не въ тебѣ ли самомъ должно искать отвѣта на твой вопросъ, не на тебя ли обратить твое истязаніе? Что, если ты посѣялъ гнилое сѣмя? Кого въ томъ винить, что не всходитъ? Если ты не отъ искренняго сердца творилъ благодѣянія: кого винить, что не прозябаетъ благословеніе? Что, если ты вчера посадилъ яблонныя зерна, и сего дня хочешь рвать яблоки? Обязана ли природа превратить свой порядокъ, чтобы угодить твоей нетерпѣливости? Если ты вчера роздалъ нѣсколько лептъ нищимъ, и сего дня хочешь собирать плоды твоей благотворительности: не значитъ ли сіе, что ты хочешь твоею короткою пядію мѣрить пути Провидѣнія Божія, и великія судьбы Божіи подчинить твоимъ мелкимъ желаніямъ?

Будь искрененъ, когда благотворишь, и великодушенъ, когда не видишь воздаянія: рано или поздно, судьбы Господни явятся, и благословеніе возсіяетъ надъ тобою.

Соломонъ написалъ: *посли хлѣбъ твой на лице воды: яко во множествѣ дней обрящеши его* (Еккл. XI. 1.). Что такое говоритъ творецъ притчей? Какъ можно, чтобы хлѣбъ, брошенный на воду, въ продолженіе многихъ дней, не уплылъ, не размокъ, не былъ поглощенъ рыбою, или склеванъ птицею? Симъ видомъ невозможности творецъ притчей изображаетъ дивное могущество Провидѣнія Божія, которое никакъ не попускаетъ погибнуть дѣлу благотворенія. Благотворя несчастнымъ, обыкновенно малознаемымъ, или совсѣмъ неизвѣстнымъ, ты бросаешь хлѣбъ свой въ воду: время течетъ; доброе дѣло твое скрывается; можетъ быть, и враги стараются затмить оное, и облагодѣтельствованные забываютъ: но придетъ минута судебъ; хлѣбъ твой найдется, и напитаетъ тебя благословеніемъ и радостію.

Не въ воду ли бросалъ хлѣбъ свой Авраамъ, когда сидѣлъ подъ деревомъ, ожидая какихъ нибудь странниковъ, и, увидя ихъ, бѣжалъ имъ на встрѣчу, чтобы призвать и угостить ихъ? И что наконецъ обрѣлъ онъ во множествѣ дней старости? —Посѣщеніе Господа, и обѣтованіе благословеннаго потомства.

И Корнилій Сотникъ, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ (X. 2.), *творяй милостыни многи людемъ*, не въ воду ли бросалъ хлѣбъ свой, когда милостыни его доставались, то язычникамъ, то не познавшимъ Христа Іудеямъ? И что же обрѣлъ? — Явленіе Ангела, посѣщеніе Апостола, познаніе Христа, даръ Святаго Духа.

Заключимъ словомъ Апостола: *благотворенія и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ* (Евр. XIII. 16.).

Особенно вамъ, которыя и самихъ себя, или посвятили уже, или нынѣ вновь

посвящаете, въ жертву благотворнаго служенія болящимъ,—чѣмъ большаго подвига и постоянства требуютъ таковыя жертвы сердоболія, тѣмъ съ большимъ удостовѣреніемъ скажемъ вамъ, что *таковыми жертвами благоугождается Богъ*! Аминь.

## 8. СЛОВО

**Въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, и предъ торжественнымъ обѣтомъ сердобольныхъ вдовъ, въ церкви святыя Маріи Магдалины, что во Вдовьемъ Домѣ, говоренное Декабря 6 дня, 1834 г.**

*Помаза Его Богъ Духомъ Святымъ и силою, иже пройде благодѣтельствуя и исцѣляя.* Дѣян. X. 38.

Ко дню, именемъ Благочестивѣйшаго Императора украшенному, самое близкое слово было бы о нашемъ благополучіи подъ охранительною сѣнію могущественнаго имени *Народопобѣдителя*, которое такъ счастливо всею полнотою своего знаменованія встрѣтилось съ духомъ именуемаго, покаряющимъ себѣ народы троякою силою: мудрости, могущества и любви.

Но мановеніе самого Самодержца указуетъ иное направленіе моимъ мыслямъ, назначаетъ моему слову иной предметъ—бѣдствіе и сострадание. Ибо тогда, какъ мы совершаемъ праздникъ вѣрноподданнической любви, Благочестивѣйшій Государь хощетъ, чтобы нынѣ же, именно здѣсь, былъ праздникъ Царскаго человѣколюбія. Тогда, какъ мы приносимъ къ сему Олтарю молитвы о Его безцѣнномъ для насъ здравіи, Онъ вноситъ сюда Свою сострадательную заботу о болящихъ, и поручаетъ намъ освятить живыя орудія Его собственнаго сердоболія.

Послѣдуемъ, братія, Христіанскому движенію сердца Царева, и помыслимъ о томъ особенномъ родѣ человѣколюбія, который имѣетъ предметомъ болящихъ.

И во-первыхъ, потребуемъ сему роду человѣколюбія столько вниманія, сколько онъ заслуживаетъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторыя изъ дѣлъ человѣколюбія, которыя, по Евангелію, дадутъ право на благословеніе на судѣ Христовомъ, и на призывъ къ блаженству, представляются вниманію, не бывъ искомы, и предлагаютъ намъ сами себя. Алчущій, жаждущій, странникъ, нуждающійся въ одеждѣ, являются, приходятъ, сказываютъ о своей нуждѣ, показываютъ ее; въ нихъ добродѣтель человѣколюбія ходитъ за нами, преслѣдуетъ насъ, хочетъ втѣсниться въ наши домы: только не убѣгай; только не запирай дверей. Но бѣдствующій болѣзнію лежитъ: кто его увидитъ? Если онъ проситъ помощи: кто его услышитъ? А не рѣдко, чѣмъ болѣе нужна ему помощь, тѣмъ менѣе онъ можетъ изъяснить свою нужду, и даже понимать и чувствовать оную. Позаботтесь же о сердоболіи къ болящимъ, которое менѣе другихъ родовъ человѣколюбія вамъ докучаетъ; подите, поищите сей добродѣтели, потому что она за вами ходить не можетъ.

Иногда причиною невнимательности благоденствующихъ къ нѣкоторымъ бѣдствіямъ полагать можно то, что ихъ не испытывали; — что не всегда вѣрятъ виду бѣдствія; — что почитаютъ бѣдствующаго виновнымъ въ его бѣдствіи. На примѣръ, что значитъ быть алчущимъ, по недостатку хлѣба, сего по опыту не знаетъ большая часть изъ насъ даже въ то время, которое у другихъ называется голодомъ. Сострадание къ заключеннымъ въ темницу можетъ охлаждаться мыслію, что они заключили туда сами себя, собственными дѣлами. Не таково бѣдствіе болѣзни. Если ты и довольно долго, безпорочно, безопасно шелъ путемъ жизни, не встрѣчаясь съ онымъ: впрочемъ больше, нежели вѣроятно, что оно встрѣтитъ тебя далѣе, въ старости, предъ смертію. И такъ при одрѣ болящаго сострадай ему,—и себѣ; и, вспомнивъ законъ Провидѣнія, который такъ часто можно читать въ происшествіяхъ, если бы онъ и не былъ написанъ въ Евангеліи: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. VII. 2.),—попе-

кись утѣшить и облегчить болящаго, чтобы нѣкогда и тебѣ послано было Провидѣніемъ потребное утѣшеніе и облегченіе.

По великости бѣдствія велико должно быть сострадательное вниманіе къ бѣдствующему. Хотя же трудно опредѣлять бѣдствія, потому что бѣдствіе наше обыкновенно кажется намъ больше чужаго, и дѣйствительно испытываемое, больше слышимаго, или представляемаго въ мысляхъ: но примѣръ многострадальнаго Іова даетъ намъ разумѣть, какъ велико можетъ быть бѣдствіе болѣзни въ сравненіи съ другими несчастіями. Постигнутый нищетою и безчадіемъ, онъ еще разсуждалъ великодушно, и благословлялъ Бога: но пораженный болѣзнію, *отверзе Іовъ уста своя*, и *прокля день свой* (Іов. III. 1.).

По сей-то великости бѣдствія нѣкоторыхъ болящихъ, благотвореніе болящимъ представляется въ Евангеліи не только похвальнымъ дѣломъ добродѣтели человѣческой, но и высокимъ дѣломъ человѣколюбія Божественнаго, и между человѣколюбивыми дѣяніями самого Іисуса Христа блистаетъ особенною славою. И алчущихъ питалъ Онъ, какъ-то напиталъ въ пустынѣ, однажды пять тысячь народа пятью хлѣбами, а въ другомъ случаѣ четыре тысячи семью хлѣбами; и болящихъ посѣщая или пріемля приходящихъ, исцѣлялъ всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ. Чудесенъ былъ и тотъ и другой родъ благотворенія: но когда надлежало Апостолу Петру, приготовляющему Корнилія и нѣкоторыхъ другихъ язычниковъ ко вступленію въ Христіанство, изобразить для нихъ Божественность лица Іисуса Христова, и высокую благотворность Его дѣяній, вниманіе Проповѣдника особенно остановилось на второмъ родѣ благотворенія. *Помаза*, говоритъ, *Его Богъ Духомъ Святымъ* и силою, *Иже пройде благодѣтельствуя* и *исцѣляя*. И такъ исцѣлять есть дѣло Божественное: но посему и посѣщать болящихъ, утѣшать, облегчать, подкрѣплять въ духѣ, есть такое благотвореніе человѣческое, которое идетъ слѣдомъ за Божественнымъ.

Не льзя наконецъ не упомянуть объ особенной важности посѣщенія болящихъ въ томъ отношеніи, что состояніе болѣзни не рѣдко превращается въ преддверіе смерти. Важное поприще земной жизни — послѣднее, гдѣ успѣшнымъ окончательнымъ подвигомъ довершаются предъидущіе, и даже иногда, больше или меньше, восполняется недостатокъ оныхъ, или напротивъ, неувѣнчанный конецъ больше или меньше затмѣваетъ все дѣло; — гдѣ присутствіе духа въ рѣшительномъ сраженіи выигрываетъ вѣчную побѣду, или напротивъ, малодушному и безполезному усилію спастись бѣгствомъ отъ смерти угрожаетъ невозвратный плѣнъ; — гдѣ немногими остальными шагами человѣкъ переступаетъ въ небо, или оступается въ бездну! Неудобопонятная, и потому неудобоуправимая и небезопасная послѣдняя брань тлѣнія съ нетлѣніемъ, ветшающаго человѣка съ обновляемымъ, связующаго тѣла съ освобождаемою душею, привычекъ и привязанностей земныхъ съ желаніями небесными, воспоминаній прошедшаго съ надеждами и страхами будущаго! Иногда упадающія силы тѣлесныя, не отрѣшившуюся отъ тѣла душу, такъ сказать, засыпаютъ своими развалинами, и болящій не видитъ приближающейся смерти, не вспоминаетъ своихъ, заранѣе на сіе время воспріятыхъ, намѣреній, не примѣчаетъ важности наступающаго подвига, не ищетъ пособій. Приближься къ сему колеблющемуся подвижнику, свѣжій, запасный воинъ; напомни ему о приготовленіяхъ къ рѣшительной брани, поддержи его въ подвигѣ, подай ему духовныя оружія: щитъ вѣры, и шлемъ упованія спасенія; подкрѣпи его силою изъ сокровищъ благодати; помоги духу его, сквозь развалины плоти, возвышаться къ Отцу Духовъ; утѣшительнымъ и животворнымъ Божественнымъ словомъ, и тихимъ дхновеніемъ молитвы, расправь и возвысь крила отлетающей душѣ. Кто знаетъ? Можетъ быть, непогрѣшительно совершивъ свой горній полетъ, она, по взаимности любви невременной, возвратится нѣкогда къ тебѣ, какъ голубица къ Ною, съ неувядающею вѣтвію мира, когда настанетъ и твоей душѣ время выйти изъ ковчега смертнаго тѣла на землю живыхъ, безсмертныхъ.

Если сіи размышленія даютъ вамъ, братія, нѣкоторое понятіе о томъ, сколь до-

стойное вниманія и упражненія дѣло есть человѣколюбивое и Христіанское посѣщеніе болящихъ: то мнѣ остается, во-вторыхъ, указать кратко на расположенія, въ какихъ должно быть при таковомъ посѣщеніи, дабы оно было истинно полезно.

Посѣщеніе болящихъ должно быть предпріемлемо по чувству долга и вмѣстѣ по свободному расположенію. Одно произволъ не обезпечилъ бы постоянства въ семъ дѣлѣ, не рѣдко утомительномъ. При одномъ невольническомъ чувствѣ долга, дѣло сіе было бы холоднымъ и мертвымъ, безвкуснымъ для посѣтителя, непитательнымъ для посѣщаемаго. Посему-то въ особенности вамъ, призванныя сестры сердоболія, для испытанія свободнаго расположенія дается время приготовленія; а потомъ чувство долга подкрѣпляется обѣтомъ.

При посѣщеніи больныхъ неразлучною спутницею должна быть любовь Христіанская. Съ любовію, какъ всякое, такъ и сіе дѣло, легко дѣлающему, и пріятно тому, для кого дѣлается. Наипаче же Христіанская любовь, какъ во всѣхъ отношеніяхъ есть, по изреченію Апостола, *исполненіе закона* (Рим. XIII. 10.), такъ и въ отношеніи къ болящимъ, одна можетъ замѣнить всѣ правила, или, если нужно, и дать оныя, и принять, и исполнить. Она постарается доставить больному всякое возможное утѣшеніе, кромѣ вреднаго; и позлатить ему горькое, но спасительное врачевство.

Сія же любовь призоветъ къ одру болящаго кротость и терпѣніе, на которыя впрочемъ особенное обращать должно вниманіе, чтобы онѣ отсюда не отлучались. Какъ о дѣйствіяхъ ветхаго человѣка сказалъ Апостолъ: *не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (Рим. VII. 20.): такъ о расположеніяхъ больнаго можно иногда сказать: это не онъ, а болѣзнь. Она бываетъ въ немъ необыкновенно раздражительна, нетерпѣлива, упорна: если въ обращеніи съ нимъ не сохраните съ своей стороны кротости и терпѣнія, то можете пролить масло на огонь, и притомъ на огонь истребительный.

Наконецъ приносите къ одру болящаго, непремѣнно приносите, вѣру и молитву. Если уже находите его въ чувствованіяхъ вѣры и молитвы: прилагайте вашъ ѳиміамъ къ его ѳиміаму, и поддерживайте огнь кадила его дыханіемъ вашей молитвы. Если же, къ сожалѣнію, не возжено его кадило, не примѣтно въ немъ ни теплоты вѣры, ни благоуханія молитвы: тѣмъ не менѣе употребите и здѣсь вашу вѣру и молитву. Если мертвымъ горящимъ углемъ, чрезъ приближеніе, зажигается другой мертвый же холодный уголь: не паче ли сердце, одушевленное и воспламененное живою вѣрою и молитвою, можетъ возжечь тотъ же огнь въ другомъ, даже и совсѣмъ хладномъ, даже въ полумертвомъ сердцѣ? Не усумнитесь приближить и къ сему невозженному углю вашу горящую кадильницу; и тихимъ, но постояннымъ направленіемъ воли, дѣйствующей съ Богомъ, навѣвайте на него животворящій духовный огнь. Можетъ быть, еще не поздно воздуть хотя малую искру жизни духовной, въ угасающей жизни плотской: и тогда вы совершили не только величайшее благотвореніе человѣку, но и Апостольское служеніе Богу.

Для употребленія сихъ мыслей и совѣтовъ случаи могутъ встрѣчаться каждому: а для призываемыхъ нынѣ въ сердобольное служеніе болящимъ да будутъ оныя напутствіемъ къ сему Богоугодному служенію. Аминь.

## 9. СЛОВО

**Въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, въ Маріинской церкви, предъ обѣтомъ сердобольныхъ вдовъ, говоренное Декабря 6 дня, 1843 г.**

*Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки.* Матѳ. V. 16.

Свѣтъ, достойный внимательнаго зрѣнія, исходитъ изъ сихъ словъ Евангелія. Въ нихъ является Законоположитель и Распорядитель свѣта. Онъ отдаетъ свѣтъ какъ-бы въ собственность нѣкоторымъ людямъ: *свѣтъ вашъ*. Онъ указываетъ

собѣ не только пользоваться свѣтомъ, но и свѣтить другимъ: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки.* Онъ предлагаетъ сіе дѣло свѣта, не какъ даръ, который можно получить, но какъ обязанность, которую должно исполнять, и которую слѣдственно можно исполнить, потому что Премудрость не повелѣваетъ невозможнаго: *да просвѣтится свѣтъ предъ человѣки.*

Что жъ это за свѣтъ? Кто сіи счастливые, на которыхъ возлагается прекрасная обязанность распространять свѣтъ? Не счастливо ли было бы, если бы и мы нашлись въ числѣ ихъ?

Господи Іисусе! Ты еси верховный Свѣтъ міра, по Твоему собственному слову: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. VIII. 12.). Пошли намъ внутренно свѣтъ Твой и истину Твою, чтобы мы могли найти, возбудить, удержать и употребить по волѣ Твоей свѣтъ, которому Ты повелѣваешь просвѣщаться предъ человѣками.

Чтобы узнать, кто сіи люди, которыхъ Евангеліе призываетъ свѣтить прочимъ человѣкамъ, надлежитъ обратить вниманіе на обстоятельства, въ которыхъ Господь изрекъ заповѣдь свѣта: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки.* Евангелистъ Матѳей описываетъ сіи обстоятельства такъ: *узрѣвъ же народы, взыде на гору, и сѣдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его: и отверзъ уста Своя, учаше ихъ* (V. 1. 2.). Итакъ поученіе Хрістово было къ ученикамъ Хрістовымъ: и конечно высокая заповѣдь, свѣтить человѣкамъ, относилась преимущественно къ высшему разряду сихъ учениковъ, то есть, къ двѣнадцати Апостоламъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, къ нимъ относится слѣдующая часть поученія Хрістова: *вы есте свѣтъ міра: не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя* (14.). Апостолы стояли на горѣ ученія, которую теперь видимъ, и просвѣтились свѣтомъ закона духовнаго, потомъ на горѣ Ѳаворѣ, —и постигли свѣтъ молитвеннаго созерцанія, потомъ на Сіонѣ, — и озарились свѣтомъ воскресенія, на Елеонѣ,—и возводили очи къ свѣту обоженія человѣчества во Хрістѣ, наконецъ паки на Сіонѣ, — и наполнились свѣтомъ Духа Святаго. Такъ возвысясь въ духѣ, они уже не могли *укрыться* въ естественной простотѣ своей и необразованности. Молніи свѣта, не убивающія, но животворящія, проливались изъ нихъ не только на землю Іудейскую, но и на языческій міръ, лежащій въ сугубой тьмѣ невѣдѣнія и пороковъ, и преобразовали его въ міръ свѣта, въ міръ истины и добродѣтели, въ міръ Христіанскій.

Такъ это дѣло Апостольское, а не наше?—помыслитъ, можетъ быть, слышащій. Слѣдственно дѣло свѣта—не наше дѣло?—

Удержимъ помыслъ, безъ нужды торопливый. Возвратимся къ зрѣлищу Хріста, учащаго на горѣ.

*Узрѣвъ же народы, взыде на гору, и сѣдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его, и отверзъ уста Своя, учаше ихъ.* Учениками языкъ Апостольскій часто называетъ не однихъ Апостоловъ, но и всѣхъ, съ вѣрою слушающихъ и пріемлющихъ ученіе Хрістово. Что и въ семъ обширномъ смыслѣ можно и должно принять наименованіе учениковъ, употребленное въ приведенномъ теперь сказаніи Евангелиста, въ томъ удостовѣряетъ замѣченное имъ обстоятельство: *узрѣвъ народы.* Если бы поученіе Господа относилось только въ двѣнадцати Апостоламъ: для чего бы Евангелисту сказывать, что оно началось, когда Господь *узрѣлъ народы*? Странно вообразить человѣколюбиваго Іисуса, узрѣвшаго народы, оставившаго ихъ безъ вниманія, и *отверзшаго уста Своя* только для двѣнадцати человѣкъ. Не такъ поступалъ Онъ обыкновенно. Что нужно было говорить собственно для Апостоловъ: то говорилъ Онъ имъ особо безъ народа: *особь ученикомъ Своимъ сказаше вся* (Марк. IV. 34.). А когда видѣлъ предъ Собою народъ, не пренебрегалъ его, и не лишалъ спасительнаго слова: *видѣ Іисусъ народъ многъ и милосердова о нихъ, — и начатъ ихъ учити много* (Марк. VI. 34.). Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что и тогда, какъ Господь, *узрѣвъ народы,* поучалъ на горѣ, проповѣдь Его не къ однимъ Апостоламъ относилась, но касалась и каждаго изъ народа, кто имѣлъ уши слышать, и сердце вѣровать.

Теперь найдено, что если мы и не Апостолы, а принадлежимъ только къ

роду вѣрующихъ; тѣмъ не менѣе и для насъ есть доля въ нагорной проповѣди Хрістовой; и намъ нѣчто сказано въ сихъ словахъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки*; дѣло свѣта духовнаго намъ не чужое.

Слышащіе сіе не пожелаютъ ли услышать и то, какъ можемъ мы участвовать въ распространеніи свѣта, и не только услышать, но слышимое и творить по возможности?—О, если бы сіе слово встрѣтилось съ симъ желаніемъ, котораго оно и домогается!—Къ разрѣшенію же предложеннаго теперь вопроса мы тотчасъ пріити можемъ, не чрезъ трудное изысканіе, но чрезъ простое продолженіе словъ поученія Хрістова.

*Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки.*— Какимъ обрвзомъ? — Господь продолжаетъ: *яко да видятъ ваша добрая дѣла*.

Вотъ очень простая тайна свѣта! *Добрыя дѣла*—вотъ свѣтъ, который всякой издавать можетъ! Добрый примѣръ—вотъ способъ, которымъ каждый можетъ распространять свѣтъ между другими! И вотъ явственная черта Божественности ученія Хрістова, что она, восходя превыше высокаго созерцанія, въ то же время низходитъ до самаго простаго разумѣнія, и всякому доступнаго исполненія!

Чтобы распространять между человѣками свѣтъ, или иначе сказать, истину и добро, для сего, кажется, мы не знаемъ болѣе открытыхъ способовъ, какъ три слѣдующіе: слово, власть, примѣръ. Слово дѣйствуетъ убѣжденіемъ, власть—праведно употребляемымъ могуществомъ, примѣръ располагаетъ къ подражанію. Не всѣмъ дается даръ и право дѣйствовать словомъ разума и премудрости; ко власти, особенно высшей и обширнѣйшей, немногіе призываются Провидѣніемъ; но всѣ могутъ дѣйствовать добрымъ примѣромъ, между тѣмъ какъ и особенной силѣ слова или власти онъ сообщаетъ отъ себя новую силу. По сему судите, какъ важенъ добрый примѣръ.

Если служитель слова скажетъ вамъ: будьте благочестивы, человѣколюбивы, воздержны; но если его наставленія не написаны въ книгѣ собственной его жизни: то весь плодъ поучительнаго слова можетъ заключиться въ отвѣтномъ словѣ: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. IV. 23.). Не говорю, чтобы такъ и должно было: но такъ всего скорѣе случиться можетъ.—Впрочемъ Господь повелѣваетъ принимать справедливыя и полезныя слова и отъ тѣхъ, которыхъ дѣла словамъ не соотвѣтствуютъ: *вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите; по дѣломъ же ихъ не творите, глаголютъ бо, и не творятъ* (Матѳ. XXIII. 3.). Но кто творитъ то, чему поучаетъ: у того дѣло его и малому слову сообщаетъ великую силу. Свѣтъ слова безъ силы дѣлъ, есть блескъ безъ жизни, скоро преходящій: свѣтъ добрыхъ дѣлъ продолжаетъ нерѣдко свѣтить и тогда, когда слово угасло, и за смертію дѣлателя простираетъ долгую и широкую зарю. Такъ—*просвѣщался* ли бы *предъ нами свѣтъ* Святителя Николая, посредствомъ Его слова, которое скрылось въ сердцахъ Его современниковъ, и не перешло въ книги, чтобы дойти до насъ? — Но благодатныя и чудесныя дѣла Его сострадательной, неистощимой, безпредѣльной любви къ человѣчеству, какую свѣтлую, долгую, широкую зарю простирали и простираютъ по вѣкамъ и странамъ вселенныя!

Повелѣнія власти во многообразіи своемъ очевидно не всегда могутъ быть сопутствуемы примѣромъ повелѣвающаго, который одинъ не можетъ употребить себя во всѣ дѣла и должности, распредѣленныя по разнымъ степенямъ и разрядамъ подчиненности. Но гдѣ власть и подчиненность могутъ итти однимъ путемъ, какъ напримѣръ въ истинѣ вѣры, въ добрѣ нравственномъ, въ дѣлахъ человѣколюбія и милосердія: тамъ предшествующій примѣръ власти, какъ сильно, и вмѣстѣ какъ пріятно увлекаетъ за собою подчиненность! Какъ вода съ высшихъ мѣстъ сходитъ на низшія, не всегдв удерживаясь даже преградами: такъ нравственный духъ высшихъ состояній въ обществѣ чрезъ подражаніе переходитъ въ низшія, не смотря нв нѣкоторыя преграды, поставляемыя различіемъ званій. Благочестіе и человѣколюбіе владѣющихъ и начальствующихъ, какъ солнце, безъ усилія сильно распространяетъ

свѣтъ свой въ кругѣ подвластныхъ. Счастливы подвластные и подчиненные, которымъ для того, чтобы одушевляться любовію къ истинѣ и добру, къ правдѣ и милосердію, ревностію къ своимъ обязанностямъ, неутомимостію въ подвигахъ, — надобно только взирать на поставленную надъ ними власть, и изучать ея дѣйствія!

Не сомнѣваюсь, что теперь моему слову вторятъ мысли предстоящихъ: счастливы мы, которымъ здѣсь — не притча только, но и живыя дѣла Царскаго человѣколюбія свѣтятъ и говорятъ: *иди, и ты твори такожде* (Лук. X. 37.). Потому-то, благодареніе Богу, и часты у насъ дѣла и учрежденія человѣколюбія.

Но что еще скажемъ болѣе близкое къ тѣмъ, которыхъ состояніе подобно не *граду, стоящему верху горы*, но, можетъ быть, только хижинѣ подъ горою? Не ужели можетъ и ихъ *свѣтъ просвѣщаться предъ человѣки?* — Почему не такъ? И малый свѣтильникъ въ хижинѣ увидитъ блуждающій странникъ, и пойдетъ на его свѣтъ, и найдетъ въ хижинѣ спасеніе отъ холодной ночи или звѣря, и успокоится въ безопасности, и обрадуется страннопріимству. И скромное доброе дѣло человѣка, невиднаго въ мірѣ, если одушевлено добрымъ и святымъ намѣреніемъ, есть дѣло свѣта, которое и дѣйствуетъ въ семъ качествѣ на видящихъ, привлекая къ добру; и даже, подъ управленіемъ Провидѣнія, простираетъ иногда свое дѣйствіе на неизмѣримую даль. Посмотрите на указанную Сердцевѣдцемъ вдовицу, которая по избытку благочестиваго усердія, послѣднія двѣ лепты положила въ сокровище храма. Какое маленькое доброе дѣло! Но предъ сколькими уже милліонами человѣковъ просвѣтилось оно, и еще будетъ просвѣщаться въ Евангеліи, уча однихъ дѣлать добро и при малыхъ способахъ, а другихъ, и въ малыхъ дѣлахъ, и въ малыхъ людяхъ, высоко цѣнить доброе чувство и святую мысль!

И вотъ поощрительный примѣръ и для васъ, боголюбивыя вдовицы, избранныя и избираемыя въ человѣколюбивое служеніе болящимъ. Не блистательное дѣло, посидѣть у одра болящаго, вѣрно подать ему врачевство, послужить его покою, сказать ему слово утѣшенія: но если сіе одушевлено будетъ чувствомъ Христіанской любви, святою заботою и молитвою о мирѣ души болящаго: то будетъ ваше скромное дѣло дѣломъ свѣта для ближняго, и вашу совѣсть озарять будетъ свѣтомъ внутренняго утѣшенія.

И никто изъ насъ, братія, да не уклонается отъ заповѣди всеобщаго Свѣтодавца и Свѣтоводителя. Каждый да творитъ добро по возможности; и да свѣтитъ дѣлами свѣта, если не на ряду съ великими свѣтилами, то хотя между малыми звѣздами. Хорошо быть хотя малою искрою въ томъ Божіемъ небѣ, гдѣ и малая искра свѣтлѣе и прочнѣе здѣшняго солнца. *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ!* Аминь.

## 10. СЛОВО

Въ день тезоименитства Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Маріинской церкви Императорскаго вдовьяго дома, Декабря 6 дня, 1844 г.

*Блажени милостивіи: яко тіи помиловани будутъ.* Матѳ. V. 7.

Мысль о милосердіи естественно представляется душѣ тамъ, гдѣ она осуществлена въ дѣлѣ, и является даже взору.

Царское милосердіе воздвигло и наполнило сей пространный домъ, и поддерживаетъ его въ благоустройствѣ. Царское милосердіе, вмѣстѣ съ благочестіемъ, создало сей храмъ, и постоянно даетъ ему средства сохранять свой чинъ и благолѣпіе, подобающее святынѣ. Царское милосердіе взыскало сихъ вдовицъ, призрѣло, успокоило; и, не довольствуясь непрерывными дѣлами милосердія надъ ними, производитъ, такъ сказать, второе поколѣніе дѣлъ милосердія чрезъ нихъ, образуя избираемыхъ изъ среды ихъ, и употребляя для человѣколюбиваго и благочестиваго попеченія о болящихъ.

При сихъ видахъ какое сердце не умягчится? Кто не благословитъ, во-первыхъ, вѣнценоснаго милосердія, и потомъ всякаго милосердія? Кто не пожелаетъ милосердымъ всякаго блага?

Будемъ же довольны! Милосердымъ обѣщается не только благо, но и блаженство. Истина непреложная обѣщаетъ сіе. *Блажени милостивіи,* глаголетъ Господь.

Найдя такимъ образомъ утѣшеніе въ изреченіи, которое произнесено для наставленія, не оставимъ онаго безъ употребленія и въ отношеніи къ наставленію.

Какъ пріятно Небесный Учитель преподаетъ начатки Своего ученія! Не стѣсняетъ свободы ученика строгимъ повелѣніемъ. Не устрашаетъ угрозами. Не ведетъ темными стезями умствованія. Указуетъ то, чего всѣ ищутъ,—блаженство; потомъ указуетъ путь къ блаженству — въ добродѣтели милосердія: и предоставляетъ тебѣ самому рѣшить, что тебѣ дѣлать. Неужели ты не пожелаешь блаженства? А если желаешь блаженства: то неужели откажешься вступить на путь блаженства, посредствомъ добродѣтели милосердія?

Если бы остановило тебя недоумѣніе, какимъ образомъ сей путь можетъ привести тебя къ сей цѣли, какое можетъ быть отношеніе между милосердіемъ твоимъ къ другому, и между блаженствомъ твоимъ собственнымъ: разрѣшеніе сего недоумѣнія уже приготовилъ Небесный Учитель, дополнивъ Свое изреченіе: *Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.*

Отъ кого помилованіе обѣщаетъ Господь милостивымъ? Отъ человѣковъ ли? — Случается, что сдѣлавшій дѣло милосердія для другаго самъ встрѣчаетъ нужду въ милосердіи другаго: и вѣрное въ правдѣ и милости Провидѣніе Божіе награждаетъ милосердіе человѣческое другимъ человѣческимъ же милосердіемъ. Но сего не довольно, чтобы сдѣлать милостиваго блаженнымъ. Сіе послѣднее можетъ сдѣлать только Божіе милосердіе: и точно, милосердіе Божіе для сего нужно.

Если человѣка разсматривать, какъ тварь: что значитъ онъ внѣ Божія сотворенія и храненія?—Ничто. Какъ его ничтожество не имѣетъ никакого права на бытіе: такъ и его бытіе не имѣетъ никакого права на блаженство. Только по благости Божіей человѣкъ существуетъ: только по милосердію Божію онъ можетъ быть блаженъ.

Если же сверхъ сего принять въ разсужденіе, что нынѣшній человѣкъ есть сынъ Адама, согрѣшившаго, повиннаго, осужденнаго; что всѣ мы раждаемся во грѣхахъ, и что, по слову праведнаго Іова, *никтоже чистъ отъ скверны* грѣха, *аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. XIV. 4. 5.): то не льзя не заключить, что не только мы не имѣемъ права на блаженство, но что вѣчное Правосудіе имѣетъ на насъ право къ наказанію; и слѣдственно, чтобы открыть намъ путь къ блаженству, для сего нужно не просто милосердіе, которое милуетъ и ущедряетъ ничтожныхъ и неимущихъ, но именно *помилованіе,* которое щадитъ виновныхъ.

Человѣкъ, никогда не безгрѣшный, и, если ты не ожесточенъ и не бесчувственъ, всегда больше или меньше уязвляемый печалію грѣха! Утѣшься. Тебѣ предлагается помилованіе. Грѣшникъ, никогда не блаженный! Возрадуйся. Тебѣ предлагается блаженство. Возмись за руководительную нить, которая должна привести тебя къ помилованію и къ блаженству. Сія руководительная нить есть милосердіе. *Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.*

Позволишь ли себѣ еще недоумѣвать, какимъ образомъ къ твоему помилованію, или освобожденію отъ грѣха, можетъ послужить твое милосердіе къ другому? — Познай себя нѣсколько глубже. Свойство грѣха есть уклонять душу отъ Бога, какъ истиннаго всеобщаго средоточія и полноты, образовать для нея ложное средоточіе въ ея самости, заключать ее во тмѣ чувственности, въ грубости вещества, и все влещи къ ней посредствомъ самолюбія, самочестія, своекорыстія, самоугодія и самоуслажденія. Въ семъ положеніи душа не пріемлетъ свѣта милующей благодати, подобно какъ свѣта солнечнаго не пріемлетъ заключенная отвсюду храмина. Если отворишь дверь или окно, хотя бы то было не ради солнца, а по другой причинѣ: ты откроешь тѣмъ не менѣе входъ солнечному свѣту. Такъ, если движеніемъ противоположнымъ самолюбію, самочестію, своекорыстію, самоугодію, самоуслажденію, снисхожденіемъ къ униженному, сострадaніемъ къ бѣдствующему, желаніемъ утѣшить его и помочь ему, отверзешь свою

душу: то хотя ты отверзаешь ее человѣку, тѣмъ не менѣе она отверзается непримѣтно и для Бога, источника любви и милосердія. Свѣтъ милующей благодати входитъ, и помилованіе начинается.

Впрочемъ, кто можетъ достаточно изъяснить дѣйствіе милующей благодати Божіей, которая, какъ все Божіе, непостижима? И нужно ли сего требовать? Когда милосердый Заимодавецъ обѣщаетъ тебѣ простить тьму талантовъ долга, съ условіемъ, чтобы ты простилъ своему должнику сто пѣнязей, или далъ нѣсколько пѣнязей не одолжившему тебя: надобно ли останавливаться и разыскивать, для чего нужно сіе условіе? Не благоразумнѣе ли поспѣшить оказать малую милость, чтобы воспользоваться милостію великою? Когда врачь даетъ тебѣ цѣлебное предписаніе: надобно ли тебѣ входить въ тонкое изслѣдованіе способа, какимъ дѣйствовать будетъ врачевство? Сіе изслѣдованіе, по всему вѣроятію, не удовлетворило бы тебя, и остановило бы врачеваніе. Исполни съ довѣріемъ предписаніе знающаго: и получишь здравіе, и силу врачевства опытно узнаешь. Господь и Судія неба и земли обѣщаетъ тебѣ Свою великую милость съ условіемъ твоей малой милости ближнему: не испытуй таинъ Его милосердія; поспѣшай, и вѣрно твори дѣла возможной тебѣ малой милости, и уповай на Его милость великую. Врачь небесный даетъ тебѣ не трудное врачебное предписаніе, не кровь избыточествующую или неправильно движимую изъ тѣла твоего источить хощетъ, но избытокъ твоего внѣшняго достоянія, тлѣющій безъ движенія, или въ суетномъ употребленіи погибающій, хощетъ привести въ полезное движеніе, обратить чрезъ тебя въ пользу другихъ членовъ единаго человѣчества, и тѣмъ уврачевать твою душу, чтобы она не болѣла грѣхомъ, чтобы она не была жестка, темна, мертва безъ любви, потому *что не любяй брата пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. III. 14.). Здѣсь ли недоумѣвать? Здѣсь ли останавливаться? Здѣсь ли откладывать? Поспѣшай, пока есть время милости или милованія, пока не настало время неумытнаго суда; буди милостивъ; твори дѣла человѣколюбія, какія можешь: и помилованъ будешь, и блаженъ будешь. *Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.* Аминь.

## 11. СЛОВО

**Въ день Тезоименитства Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Маріинской церкви Императорскаго вдовьяго дома, Декабря 6 дня 1846 года.**

*Шедше же научитеся, что есть: милости хощу, а не жертвы.* Мат. IX. 13.

Благоговѣйно творя церковную память Святителя Николая, котораго необыкновенно великая въ Церкви слава просіяла особенно изъ дѣлъ милосердія, и съ тѣмъ вмѣстѣ совершая отечественный праздникъ тезоименитаго ему Царя нашего, и это въ одной изъ многихъ обителей Царскаго милосердія, сколь неизбѣжно встрѣчаемся съ мыслію о милосердіи, столь же охотно беремъ оное въ предметъ слова.

Но чтобы слово о милосердіи надежнѣе шло путемъ истины, пріемлемъ ему въ путеводителя слово самой воплощенной Истины: *шедше научитеся, что есть: милости хощу, а не жертвы.*

Милость, кажется, не есть нѣчто непонятное. Когда мы, прося чего нибудь такого, на что не имѣемъ права, но что удовлетворило бы нашей нуждѣ, облегчило бы наше бѣдствіе, избавило бы насъ отъ затрудненія, говоримъ обыкновенно: сдѣлай милость, сдѣлайте милость: то симъ, кажется, свидѣтельствуемъ, что всякій знаетъ, какъ сдѣлать милость, и не нужно учиться сему. Однако Господь дѣлаетъ сіе именно предметомъ ученія: *шедше научитеся.*

Если же надобно учиться дѣлать милость: то, конечно, всего лучше учиться у того же Божественнаго Учителя, Который вразумляетъ насъ о надобности сего ученія. Опредѣлительно излагаетъ Онъ ученіе о милосердіи, когда оказавшимъ въономъ совершенные успѣхи даетъ торжественное одобреніе, и присуждаетъ въ награду Царствіе небесное. *Взалкахся*, говоритъ, *и дасте ми ясти: возжадахся*, и *напо-*

*исте мя: страненъ бѣхъ, и введосте мене: нагъ, и одѣясте мя. боленъ, и посѣтисте мене: въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ* (Матѳ. XXV. 35).

Опять кажется, что это все простыя дѣла, не требующія науки, а развѣ, можетъ быть, совѣта и побужденія къ исполненію. И если въ семъ только состоитъ ученіе милосердія: то вмѣсто заботы о истолкованіи онаго, мнѣ предлежитъ болѣе пріятная обязанность свидѣтельствовать о изрядныхъ въ семъ ученіи успѣхахъ, которые оказываетъ сей Богоспасаемый градъ. Какъ благословенно изобилуетъ онъ не только повременными дѣлами человѣколюбія, но и постоянными учрежденіями дѣятельнаго милосердія Царскаго, милосердія вельможескаго, милосердія градскаго, милосердія особенныхъ, добровольно для сего соединившихся обществъ, наконецъ ежедневнымъ сѣяніемъ домашней и личной милостыни. Видимъ зданія Царскія, созданныя не для Царя и присныхъ Его, но для чужихъ, дальнихъ, смиренныхъ, которыхъ ищетъ и усвояетъ себѣ высокое милосердіе. Видимъ палаты, воздвигнутыя вельможами, въ которыхъ по волѣ основателей, на счетъ ихъ богатства, не вельможи роскошествуютъ, но алчущіе питаются, жаждущіе напаяются, наготующіе одѣваются, странные вводятся, больные врачуются, сирые, престарѣлые, безпомощные находятъ призрѣніе, успокоеніе, удовлетвореніе потребностямъ. Видимъ домы, частію также обширные, частію смиренные, но за то многочисленные, въ которыхъ гражданское милосердіе посильно слѣдуетъ за милосердіемъ вельможескимъ, подобно, какъ вельможеское за Царскимъ. Видимъ идущихъ изъ великолѣпнаго дома посѣтить убожество въ какомъ нибудь темномъ углу неблагообразнаго или нездраваго жилища, чтобы узнать и доставить потребное, или пригласить въ обитель призрѣнія. Видимъ приходящихъ въ темницу такъ охотно, какъ въ гости, пекущихся о заключенныхъ, какъ о своихъ домашнихъ. Видимъ, особенно во дни освященные, множество рукъ, простираемыхъ въ темницу, чтобы подать заключеннымъ угощеніе, хотя впрочемъ извѣстно, что они не алчутъ подъ кровомъ попечительнаго правительства. Безъ сомнѣнія, есть еще подвиги милосердія, которыхъ не видимъ, но тѣмъ не менѣе, даже, можетъ быть, тѣмъ болѣе свѣтлые, что ихъ не видимъ; поколику ихъ скрываетъ смиреніе. Прекрасно! Слава Богу! Если непреложенъ тайный законъ Провидѣнія, нѣкогда открытый Ангеломъ, *что милостыня отъ смерти избавляетъ* (Тов. XII. 9): то вѣроятно, ей немало ты обязанъ своимъ спасеніемъ, Богоспасаемый градъ; можетъ быть, особенно на сей-то чертѣ твоего характера (впрочемъ неразлучной съ твоимъ правовѣріемъ и любовію къ Царямъ) покоилось провидящее Око небеснаго милосердія, когда небесное правосудіе *посѣщало жезломъ беззаконія и ранами неправды*, и такимъ образомъ *милость* Господня *не разорена отъ тебе* (Пс. LXXXVIII. 33. 34.); смертоносныя раны, не разъ на твоемъ долгомъ вѣку, нанесенныя тебѣ, то яростію враговъ, то другими бѣдствіями, не могли причинить тебѣ смерти, и ты не изнемогая, достигаешь семисотлѣтней старости. Продолжи твою милость земную, да продолжится къ тебѣ милость небесная. Продолжи исполнять завѣщаніе, которое, какъ ты ни старъ, еще за долго до рожденія твоего написано: *буди любомилостивъ и праведенъ, да тебѣ благо будетъ* (Тов. XIV. 9.).

Но намъ должно возвратиться къ слову, отъ котораго мы начали слово. Мы все еще не разрѣшили, все еще остается намъ разрѣшить, что это за ученіе, къ которому отсылаетъ насъ Господь, когда говоритъ: *шедше научитеся, что есть: милости хощу*.

Дѣла милости, о которыхъ мы доселѣ говорили, суть какъ бы воплощеніе и тѣло милости. Онѣ совершаются большею частію тѣлеснымъ, вещественнымъ, видимымъ образомъ, и направляются противъ бѣдствій, которымъ человѣкъ подвергается по тѣлу и по внѣшнему состоянію. Но какъ выше видимаго тѣла душа невидимая, духовная, оживляющая тѣло: такъ выше дѣлъ милости самая милость, невидимая, духовная, которая должна оживлять и видимыя дѣла милости. Сія существенная милость живетъ въ духѣ и въ сердцѣ человѣка, почему и называется милосердіемъ,

и цѣлію имѣетъ миловать преимущественно безсмертную душу ближняго, которая безмѣрно важнѣе тлѣннаго тѣла. Вотъ что не всѣ понимаютъ, или не всѣ имѣютъ во вниманіи. Вотъ чего не понимали, или не хотѣли понимать Фарисеи, которыхъ впереди насъ посылалъ Господь учиться милости у Пророка Осіи, написавшаго въ своей книгѣ сіи слова: *милости хощу, а не жертвы* (VI. 6.).

Фарисеи, видя Господа Іисуса, возлежащаго въ домѣ мытаря Матѳея, и допустившаго быть съ Собою за однимъ столомъ и другихъ мытарей и грѣшниковъ, дабы Своимъ снисхожденіемъ и Своимъ Божественнымъ словомъ привлекать ихъ къ покаянію и спасенію, не хотѣли видѣть въ семъ высокое дѣло милосердія, не думали, по подобію Ангеловъ, радоваться о грѣшникѣ кающемся, о душѣ, къ которой приближается спасеніе, но видѣли въ семъ только мнимую несообразность съ преданіями старцевъ. Имѣя довольно дерзости, чтобы судить Того, Котораго, и при несовершенномъ познаніи, должны были признавать не менѣе, какъ Чудотворцемъ, но не имѣя прямодушія высказать свои мысли Ему Самому, они обратились съ своими пересудами къ Его ученикамъ: *почто съ мытари и грѣшники Учитель вашъ ястъ и піетъ?* Какъ будто не Учитель учениковъ, а ученики Учителя должны учить, какъ Ему поступать! На сіето Господь отвѣтствовалъ Фарисеямъ: подите къ Пророку, научитесь отъ него, что значитъ милость, и особенно духовная; узнайте, что Богъ хощетъ и требуетъ ея не только преимущественно предъ соблюденіемъ произвольныхъ человѣческихъ преданій, но и преимущественно предъ обрядовыми дѣйствіями, въ законѣ Божіемъ предписанными: *шедше научитеся, что есть: милости хощу, а не жертвы.*

Въ наше время можно не опасаться Фарисейской строгости, не позволяющей сѣсть за обѣдъ вмѣстѣ съ грѣшниками; но изъ наставленія, которое Господь далъ Фарисеямъ, нѣтъ ли чему научиться и намъ, Христіане? Поистинѣ, надобно намъ брать себѣ въ руководство ученіе и примѣръ Христа, чтобы творить милость не тѣлесную только, но и духовную, часто не менѣе тѣлесной нужную, и всегда паче тѣлесной благотворную.

Если судить здраво, и взвѣшивать предметы и дѣла на вѣсахъ правды: не странно ли, что болѣе иногда оказывается вниманія къ лишеніямъ, бѣдствіямъ и опасностямъ тѣла, которое можно избавить отъ страданія, и спасти только на краткое время, нежели къ лишеніямъ, бѣдствіямъ и опасностямъ души, которую свойственное къ ней милосердіе могло бы избавить отъ вѣчнаго страданія, и спасти на вѣки!

Видятъ человѣка, утопающаго въ водѣ: знакомые и незнакомые спѣшатъ на помощь, вопіютъ о помощи. Видятъ человѣка, утопающаго во грѣхѣ и беззаконіи, въ злокорыстіи, въ невоздержаніи, въ сладострастіи: стоятъ и смотрятъ, лучшіе съ сожалѣніемъ, не лучшіе съ улыбкою, а иные, можетъ быть даже помышляютъ, не льзя ли воспользоваться тѣмъ, что утопающій оставляетъ на берегу.

Когда горитъ домъ: толпы народа бѣгутъ сражаться съ огнемъ за бревна и доски часто неизвѣстнаго хозяина. Но когда душа горитъ огнемъ злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаянія, такъ же ли легко находятся люди, которые поспѣшили бы живою водою слова правды и любви угасить смертоносный огнь, прежде, нежели онъ обнялъ всѣ силы души, и распространился до слиянія съ огнемъ геенскимъ?

Скажутъ, что сдѣлать милость духовную, просвѣтить истиною невѣдущаго, уврачевать зараженнаго страстію, освободить грѣшника отъ узъ грѣховной привычки, возбудить вѣру и надежду въ маловѣрномъ и отчаянномъ, не всякой такъ способенъ, какъ сдѣлать дѣло милости тѣлесной. Частію это правда, но частію это есть выраженіе неполной ревности къ благодѣланію, и отговорка, подобная той, которую Премудрый нашелъ въ устахъ лѣниваго: *левъ на путии* (Притч. XXVI. 13). Не всякой богатъ; однако почти всякой можетъ подать нищему, если не талантъ, то лепту: подобно сему не всякой такъ образованъ и опытенъ духовно, чтобы подавать ближнимъ сильную духовную помощь; но почти всякой, и немощный, можетъ сколько нибудь помочь немощнѣйшему, и не высоко образованный

менѣе образованному, и необразованный образованному, потому что не все такъ въ духовномъ, какъ бываетъ въ тѣлесномъ. Кто былъ Моисей?— Пророкъ, законодатель, Боговидѣцъ. А кто былъ Іоѳоръ?— Священникъ неизвѣстнаго Богослуженія, не принадлежавшій къ избранному Богомъ народу, едва утвердившійся въ истинномъ Богопознаніи чрезъ Моисея. *Нынѣ*, говоритъ, *увѣдѣхъ, яко великъ Господь паче всѣхъ боговъ* (Исх. XVIII. 10.). Думаете ли, что этотъ Іоѳоръ способенъ подать помощь этому Моисею?— Но Іоѳоръ увидѣлъ Моисея обремененнымъ распрями народа, почувствовалъ къ нему сострадание, и не поколебался предложить ему помощь, и дѣйствительно помогъ, присовѣтовавъ учредить раздѣленіе и постепенность судовъ. Сей примѣръ для того, думаю, показанъ въ Словѣ Божіемъ, чтобы съ одной стороны мнящіеся быть премудры и духовны не унижали предъ собою простыхъ и несовершенныхъ, а съ другой, и чувствующіе себя далекими отъ совершенства духовнаго, мыслію о своемъ несовершенствѣ не охлаждали себя въ усердіи подавать ближнимъ духовную помощь, по силѣ и разумѣнію.

Скажутъ еще, что тѣлесную милость дѣлать удобно потому, что ея просятъ не только нуждающіеся, но часто и не нуждающіеся: а духовную трудно потому, что имѣющіе въ ней нужду не только большею частію не просятъ ея, но часто и предлагаемую отвергаютъ, и даже оскорбляютъ подающихъ. Должно признаться, что это затрудненіе велико. Но вспомнимъ, что когда Апостолы хотѣли подать міру великую духовную милостыню, Христіанскую вѣру и нравственность; онъ не только не просилъ ея, но и предлагаемую не хотѣлъ принять, и злобился на предлагающихъ. Однако ихъ вѣра, любовь, терпѣніе, молитва, сдѣлали наконецъ то, что міръ принялъ великую милостыню, и спасенъ. Что Апостоламъ дано было сдѣлать для милліоновъ душъ, для вѣковъ, для вселенной: того хотя часть нѣкую, хотя для одной бѣдствующей души, сдѣлать вѣрно поможетъ благодать Божія всякому вѣрному и братолюбивому чаду Апостольской Церкви.

*Братіе, аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины, и обратитъ кто его: да вѣстъ, яко обратившій грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрыетъ множество грѣховъ* и ближняго, и своихъ (Іак. V. 19. 20).

Въ сихъ словахъ Апостолъ Іаковъ предлагаетъ вамъ и подвигъ, и надежду въ немъ успѣха, и награду. Аминь.

## 12. СЛОВО

**Въ день восшествія на Всероссійскій Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Благовѣщенской церкви Чудова монастыря, Ноября 20 дня, 1837 года.**

*И возращу тя зѣло, зѣло, и положу тя во народы, и царіе изъ тебе изыдутъ.* Быт. XVII. 6.

Если день природы неодушевленной можетъ нѣчто говорить внимательному, какъ нѣкто подслушалъ и свидѣтельствовалъ, что *день дни отрыгаетъ глаголъ* (Псал. XVIII. 3.): то не больше ли внятно и обильно долженъ говорить день человѣческій, ознаменованный особенными дѣйствіями Провидѣнія Божія, или воспоминаніями о нихъ.

Какое слово можетъ обнять все, что нынѣшній день говоритъ уму и сердцу Россіянина? Онъ говоритъ, во-первыхъ, о томъ за четырнадцать лѣтъ бывшемъ днѣ, въ который Богъ въ сердце приснопамятнаго Александра, и въ его завѣтную хартію положилъ мысль о царствованіи Николая, какъ преимущественно желанномъ и благонадежномъ для Россіи; потомъ, о другомъ днѣ, отъ котораго начинаются двѣнадцатилѣтіе, до нынѣ, опыты, удостовѣряющіе, что въ завѣтѣ Александра заключалось предусмотрительное и благотворное для Россіи опредѣленіе Божіихъ судебъ. Въ царствованіи полномъ дѣятельности *день дни отрыгаетъ глаголъ* Царскихъ подвиговъ, подъемлемыхъ и совершаемыхъ въ войнѣ и мирѣ, въ законода-

тельствѣ и правосудія, въ усовершеніи устройства разныхъ родовъ общественной службы, званій и состояній, въ покровительствовании и распространеніи просвѣщенія и благотворенія, въ превозможеніи трудностей, въ отвращеніи опасностей, въ умноженіи плодовъ народнаго благоденствія въ настоящее время, въ сѣяніи новыхъ сѣменъ общественнаго блага на будущія времена: и естественно, что нынѣшній царственный день особенно полонъ отголосками столь многоразличныхъ глаголовъ царской славы.

Впрочемъ, когда вижу, что день сей собралъ васъ, вѣрныя и избранныя чада Россіи, привелъ во храмъ, поставилъ предъ олтаремъ: то съ утѣшеніемъ о васъ заключаю, что день уже изглаголалъ въ сердца ваши свою проповѣдь, и что вы уже приняли его поученіе, которое въ томъ наипаче и состоитъ, чтобы принести Богу славу, благодареніе и молитву за Царя, Богомъ дарованнаго, царствующаго подъ осѣненіемъ Провидѣнія Божія.

Послѣ сего не такъ уже трудно служителю слова договаривать нѣчто изъ глаголовъ царскаго дня, въ назиданіе сыновъ царствія.

Зрѣлище Царскаго благословеннаго семейства, которымъ въ сіе время наслаждается сія столица, представляетъ намъ, Россіяне, среди высокихъ доблестей Царскихъ, въ столь же возвышенномъ свѣтѣ доблести семейственныя. Доблести царскія суть достояніе собственно царево: доблести семейственныя могутъ и должны быть общимъ достояніемъ Царя и народа. Провидѣніе, являя семейственныя доблести на высотѣ Престола, не говоритъ ли чрезъ сіе народу, что и въ нихъ есть возвышенное достоинство, что и онѣ нужны и важны, и столько же достойны поревнованія, сколько доступны подвигу?—

Семейство древнѣе Государства. Человѣкъ, супругъ, супруга, отецъ, сынъ, матерь, дщерь, и, свойственныя симъ наименованіямъ, должности и добродѣтели существовали прежде, нежели семейство разрослось въ народъ и образовалось Государство. Посему жизнь семейственная въ отношеніи къ жизни государственной есть нѣкоторымъ образомъ корень дерева. Чтобы дерево зеленѣло, цвѣло и приносило плодъ, надобно, чтобы корень былъ крѣпокъ, и приносилъ дереву чистый сокъ. Такъ, чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процвѣтала образованностію, приносила плодъ общественнаго благоденствія, —для сего надобно, чтобы жизнь семейственная была крѣпка благословенною любовію супружескою, священною властію родительскою, дѣтскою почтительностію и послушаніемъ, и чтобы, въ слѣдствіе того, изъ чистыхъ стихій жизни семейственной естественно возникали столь же чистыя начала жизни государственной, чтобы съ почтеніемъ къ родителю родилось и расло благоговѣніе къ Государю, чтобы любовь дѣтища къ матери была предъиграніемъ любви къ отечеству, чтобы простодушное послушаніе домашнее приготовляло и руководствовало къ самоотверженію и самозабвенію въ повиновеніи законамъ и священной власти Самодержца, дѣйствующей непосредственно, или чрезъ начальства, отъ него поставленныя.

Изъ семействъ составляется Государство, и члены семействъ образуются въ члены великаго состава государственнаго. Хотя сила общей жизни тѣла можетъ, больше или меньше, исправлять частные недостатки и поврежденія въ здравіи членовъ: но, безъ сомнѣнія, полнѣе и совершеннѣе можетъ она проявлять себя въ движеніяхъ членовъ здравыхъ и неповрежденныхъ. Такъ, хотя власть государственная, можетъ исправлять частные недостатки и пороки жизни семейственной: но тѣмъ еще лучше для Государства, чѣмъ менѣе нужны сіи исправленія, чѣмъ болѣе здравыхъ членовъ семейство представляетъ въ распоряженіе Государства, чѣмъ вѣрнѣе приготовлена и сбережена домашняя честность и доброта къ употребленію въ подвиги и добродѣтели на поприщѣ жизни общественной.

Итакъ, да помыслятъ отцы и начальники семействъ, что если они, по выраженію Апостольскому, *домъ свой добрѣ правятъ* (1 Тим. III. 4.); если въ своемъ комнатномъ владычествѣ правильно и вѣрно дѣйствуютъ разсудительно употребляемою властію, опытнымъ словомъ, добрымъ примѣромъ; если содержатъ своихъ до-

машнихъ въ порядкѣ и послушаніи, вселяютъ въ нихъ страхъ Божій, любовь къ ближнимъ, вѣрность къ Государю и отечеству, бдительнымъ смотрѣніемъ охраняютъ ихъ нравы: то, кромѣ того, что исполняютъ чрезъ сіе долгъ, возлагаемый природою, а слѣдственно и ея Создателемъ, что готовятъ сами себѣ плоды семейныхъ утѣшеній,—кромѣ сего, таковымъ дѣйствованіемъ они совершаютъ и въ пользу Государства служеніе, котораго благія послѣдствія могутъ простираться даже до потомства.

Я сказалъ, что послѣдствія доблестей семейственныхъ могутъ простираться даже до потомства: и какъ не могу показать сего въ будущемъ потомствѣ, котораго мы не видимъ; то, дабы оправдать сказанное, по необходимости долженъ обратиться къ предкамъ и потомкамъ, бывшимъ прежде насъ.

Авраамъ былъ благочестивый и добрый отецъ семейства, почти только начинающагося, когда Богъ явился ему, и далъ слѣдующее обѣщаніе: *возращу тя зѣло, зѣло, и положу тя въ народы, и царіе изъ тебе изыдутъ* (Быт. XVII. 6.). Провѣщаніе, много сказывающее въ немногихъ словахъ!

Надобно вспомнить, что сіе было за многіе вѣки до того, какъ Богъ въ избранномъ народѣ Своемъ учредилъ царское достоинство, и освятилъ оное собственнымъ избраніемъ и помазаніемъ. Примѣчайте же, какъ рано Господь помышляетъ о царяхъ; какъ ясно даетъ разумѣть, что учрежденіе царя есть дѣло Его вѣчнаго предопредѣленія; какъ высоко цѣнитъ достоинство царя, когда преимущество быть родоначальникомъ царей предоставляетъ въ награду столь избранной доблести, какъ Авраамова.

Но какая то была доблесть, которая пріобрѣла Аврааму столь великое и обширное потомственное обѣтованіе: *возращу тя зѣло, зѣло, и положу тя въ народы?* — Еще не та единственная доблесть самоотверженія, съ какимъ онъ, по волѣ Божіей, готовъ былъ единороднаго сына своего принести въ жертву; ибо сіе было уже послѣ; но не столь безпримѣрная доблесть мужа непорочнаго, упражняющагося въ домашнемъ благочестіи, домъ свой добрѣ правящаго, съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ охраняющаго домашній миръ и родственное согласіе (Быт. XIII.), съ опасностію собственною готоваго на избавленіе присныхъ отъ бѣдствія (Быт. XIII.). Итакъ Авраамъ въ семъ случаѣ представляетъ образъ доблести семейственной; а Божіе къ нему провѣщаніе — образъ потомственно благихъ послѣдствій такой доблести.

Чтобы показать важность семейственныхъ должностей и добродѣтелей и для подчиненныхъ членовъ семейства, довольно указать на одинъ примѣръ, сильнѣйшій самаго закона; потому что это примѣръ Законодателя, покаряющагося закону. Когда юнаго Іисуса преблагословенная Матерь Его и мнимый отецъ нашли во храмѣ въ собесѣдованіи о предметахъ духовной мудрости, и жаловались, что Онъ оставилъ ихъ: тогда Онъ далъ — было имъ на сіе такой отвѣтъ, которымъ, по видимому, разрѣшалъ Себя отъ закона покорности земнымъ родителямъ; потому что занимался дѣломъ Отца Своего небеснаго. *Что, яко искасте мене? Не вѣсте ли, яко въ тѣхъ, яже Отца Моего, достоитъ быти Ми?* Но что же потомъ? Не смотря на столь высокое право, смиренно преклонилъ Онъ выю подъ иго заповѣди, повелѣвающей чтить отца и матерь: *и сниде съ нима, и пріиде въ Назаретъ, и бѣ повинуяся има* (Лук. II.). Такъ важенъ долгъ повиновенія семейственнаго, что единородный Сынъ Божій, отсрочилъ Свое вступленіе въ дѣло Божіе, чтобъ исполнить сей долгъ предъ земною Матерію, и даже предъ однимъ именемъ отца, которое носилъ Іосифъ до благовременнаго открытія тайны неимѣющаго отца на земли, и чтобы Своимъ примѣромъ вновь освятить обязанности, и возвысить добродѣтели жизни семейственной.

Если сіи размышленія и примѣры слышавшими вспомнятся, по возвращеніи въ семейства; если нѣкоторыхъ предохранятъ отъ невниманія къ обязанностямъ семейственнымъ; если внимательныхъ сдѣлаютъ ревностнѣе, ревностныхъ утѣшатъ: то малое слово сіе награждено будетъ немалымъ плодомъ. Аминь.

## 13. СЛОВО

**Въ день восшествія на Всероссійскій Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.**

*1845.*

*Всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите.* 1 Петр. II. 17.

Премудрость говоритъ въ Притчахъ, что въ глаголахъ устъ ея *ничтоже строптиво, вся проста разумѣвающимъ,* и *права обрѣтающимъ разумъ* (Притч. VIII. 8. 9.). Не таковы ли точно глаголы премудрости изъ устъ Апостола Петра, теперь прочитанные? Какъ проста въ нихъ премудрость, и какъ премудра простота!

*Всѣхъ почитайте:* вотъ общее ученіе объ обязанности каждаго ко всѣмъ. *Братство возлюбите*: вотъ особенное ученіе объ обязанности христіанина къ христіанину. *Бога бойтеся:* вотъ нравственное Богословіе, довольно понятное и для не Богослова, и для Богослова довольно глубоко умудряющее, только бы онъ былъ не простой любопытствующій слушатель, а прилѣжный исполнитель ученія. *Царя чтите:* вотъ вся наука для членовъ государства, или, какъ называютъ однимъ словомъ, политика Апостольская и Христіанская.

Заповѣдь: *царя чтите*, сдѣлала нынѣшній день торжественнымъ. Заповѣдь: *Бога бойтеся*, собрала насъ торжествующихъ во храмъ. Знаемъ, что *нѣсть власть, аще не отъ Бога* (Рим. XIII. 1.); что имъ *царіе царствуютъ* (Притч. VIII. 15.). И потому предъ Бога приносимъ благодареніе за Царя, Богомъ дарованнаго и Богомъ хранимаго; предъ Бога приносимъ желанія, да и въ грядущее время, — *Господи, силою Твоею возвеселится Царь*, и о *спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло* (Псал. XX. 2.).

Отъ заповѣдей святаго Апостола, видимыхъ въ исполненіи, слѣдственно уже понятыхъ и принятыхъ, обратимся къ той части его ученія, о которой можно усомниться, всѣми ли она понята и принята къ исполненію.

*Всѣхъ почитайте.* Всѣ ли мы почитаемъ всѣхъ? Напримѣръ, почитаемъ ли работника? Почитаемъ ли узника, своею виною доведеннаго до темницы? Точно ли должно, и какъ можно почитать и сихъ? — Сіи вопросы показываютъ, что требуется нѣкоторый трудъ размышленія, чтобы *обрѣсти разумъ* Апостольскаго изреченія, и чтобы оно явилось *простымъ* къ разумѣнію, и *правымъ* въ исполненіи.

Почитать человѣка, или воздавать ему честь, значитъ признавать въ немъ нѣкоторое достоинство, и съ симъ достоинствомъ сообразоваться въ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ, къ нему относящихся. Поколику достоинство принадлежитъ не всѣмъ, а токмо нѣкоторымъ людямъ, и бываетъ не одного рода, и разныхъ степеней: потолику и честь должна принадлежать только нѣкоторымъ, и въ разныхъ степеняхъ. Сюда относится изреченіе Апостола Павла: *воздадите всѣмъ должная, — емуже честь, честь* (Рим. XIII. 7.). Здѣсь видно, что есть родъ чести, которую воздавать должно не всякому, а только тому, кому она по справедливости приличествуетъ. Честь, принадлежащая царю, не можетъ, безъ святотатства, быть отнесена къ подданному. Степень чести, присвоенный начальнику, не принадлежитъ подчиненному. Почтенія, котораго, по естественному праву и по закону Божію, требуетъ отецъ отъ сына, не можетъ требовать сынъ отъ отца.

Есть родъ чести, не зависящій отъ другихъ родовъ и степеней, болѣе общій и свободно достигаемый, однако не всеобщій. Это честь, принадлежащая нравственному достоинству человѣка, по слову Апостола Павла: *слава и честь и миръ всякому дѣлающему благое* (Рим. II. 10.). По сему правилу почтенны могутъ быть и тѣ, которые стоятъ на низшихъ степеняхъ общества и обыкновеннаго мнѣнія общественнаго. И Самарянинъ человѣколюбивый достоинъ почтенія, и притомъ преимущественно предъ священникомъ жестокосердымъ. И рабъ вѣрный и усердный въ дѣлахъ господина своего достоинъ почтенія, и притомъ болѣе, нежели сво-

бодный, не на добро употребляющій свою свободу.

Не колебля ни одного изъ особенныхъ родовъ и степеней чести, но и не ограничиваясь ими, Апостольское слово намъ возвѣщаетъ еще всеобщій законъ почтенія, которымъ всѣ и каждый обязаны всѣмъ и каждому: *всѣхъ почтите.* Какъ бы ни малою казалась мѣра достоинства въ нѣкоторыхъ людяхъ: имѣйте и для нихъ въ готовности соотвѣтственную мѣру почтенія, ко всѣмъ должнаго: *всѣхъ почтите.* Неужели, посему, должно почитать и такихъ людей, которые сами поколебали свое право на почтеніе дѣлами неблагородными, низкими, порочными? — Гордость моя не хотѣла бы, но Апостольская заповѣдь велитъ и сихъ почитать, если не положительно, по крайней мѣрѣ отрицательно, то есть, не презирать; потому что заповѣдь дана безъ изключенія: *всѣхъ почтите.* Но можно ли не презирать такихъ людей?—Если должно; то, конечно, и можно: потому что мудрость Евангельская не заповѣдуетъ невозможнаго. Отдѣлите отъ человѣка дѣла неблагородныя, низкія, порочныя: отвращайтесь отъ нихъ, презирайте ихъ. Отдѣлите человѣка отъ его дѣлъ, — и окажется возможнымъ не презирать его.

Видя груду золотоносной земли, незнающій презритъ ее, а знающій не презритъ, ради крупицъ золота, въ ней заключенныхъ. Подобно сему, смотря на человѣка, представляющаго непріятный видъ необразованности, грубости, безпорядка, порока, невнимательный презритъ его, а внимательный пожалѣетъ, но не презритъ: потому что и въ сей неблагообразной глыбѣ есть золото. Какое золото?—Существо человѣка, и особенно его душа.

Если съ уваженіемъ смотрятъ и на малое дѣло великаго дѣлателя, напримѣръ, на какое нибудь дерево, посаженное знаменитымъ человѣкомъ, или на вещь, его руками сдѣланную: то можно ли презирать человѣка,—очень не малое дѣло великаго и премудраго Творца, которое Онъ и удостоилъ произвесть, и удостоиваетъ хранить? Человѣкъ перестала бы существовать, если бы Богъ презрѣлъ и пренебрегъ его. Слѣдственно, самое бытіе человѣка служитъ признакомъ, что Богъ не презираетъ его. Кто же дерзнетъ презирать то, чего не презираетъ Богъ?

Если чтимъ и охраняемъ отъ пренебреженія изображеніе царя, хотя бы оно было и несовершенно, или какимъ нибудь случаемъ повреждено: какъ можемъ презирать образъ Божій, Самимъ Богомъ начертанный въ человѣкѣ, хотя и не сохраненный въ первобытномъ совершенствѣ, а въ нѣкоторыхъ и много поврежденный, впрочемъ не совсѣмъ изглаженный, и предназначаемый къ возстановленію?

Если тлѣнную драгоцѣнность не бросаютъ съ пренебреженіемъ, а берегутъ со вниманіемъ и уваженіемъ: то можетъ ли быть предметомъ презрѣнія нетлѣнная драгоцѣнность, — душа человѣческая, не дешевле цѣлаго міра оцѣненная непогрѣшительнымъ Цѣнителемъ, Который сказалъ: *кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою* (Марк. VIII. 36.)? — Что я говорю: не дешевле міра?—Она куплена цѣною, безмѣрно высшею; она искуплена цѣною крови и жизни воплощеннаго Сына Божія.

Скажетъ кто либо: я по справедливости презираю недостойнаго, грѣшника, порочнаго. Остерегись, достойный! Если ты презираешь грѣшника: то симъ самымъ не осуждаешь ли, больше или меньше, на презрѣніе и себя? ибо и ты не безгрѣшенъ. Притомъ помысли, что ты видишь только внѣшность, а не внутренность; знаешь только не много прошедшаго, и минуту настоящаго, а совсѣмъ не знаешь будущаго. Доколѣ человѣкъ на землѣ; дотолѣ и добрый, обыкновенно, не безъ недостатковъ, ибо совершенная чистота есть достояніе рая и неба; и злой не совсѣмъ безъ добра, ибо иначе земля отказалась бы носить его. И потому очень возможно, что между тѣмъ, какъ ты презираешь въ человѣкѣ, что видишь, — въ немъ скрывается добро, котораго не видишь, или по крайней мѣрѣ сѣмя добра, которое можетъ раскрыться, возрасти, принести плодъ, и представить его рѣшительно достойнымъ почтенія. Тогда ты принужденъ будешь раскаяваться въ неосмотрительномъ презрѣніи. Лучше же со-

всѣмъ не дѣлать того, что можетъ вести къ скорби раскаянія. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе современники глумились надъ неблаговидною наружностію и странными поступками Симеона, Андрея, и нашихъ Василія и Максима юродивыхъ: но время открыло ихъ сокровенную жизнь, и показало ихъ достойными не только почтенія, но и благоговѣнія. Если бы мы стояли на стогнѣ Іерусалима тогда, какъ Спаситель нашъ несъ крестъ Свой, и за Нимъ, также на распятіе, слѣдовалъ разбойникъ: вѣроятно, мы не удержались бы отъ справедливаго, по видимому, и даже благочестиваго негодованія, за чѣмъ этотъ презрѣнный такъ близко идетъ за Всесвятымъ. Но какъ это было бы напрасно! Прошелъ часъ или два; и мы видимъ, что разбойникъ сдѣлался исповѣдникомъ Христа, что Христосъ въ тотъ же день препровождаетъ его въ рай. Разбойникъ сдѣлался для насъ образцемъ, и мы благоговѣйно повторяемъ его молитву. Послѣ сего, не опасно ли презирать и юрода и разбойника?

Сіи размышленія, надѣюсь, достаточны для того, чтобы опредѣлить значеніе, и почувствовать силу Апостольской заповѣди; *всѣхъ почитайте*. За симъ естественно слѣдуетъ подумать объ употребленіи сего ученія.

Нужно ли внушать почтеніе къ тому, что само собою внушаетъ почтеніе, — къ священной власти Государя, къ родителямъ, къ начальствующимъ, къ благодѣтелямъ?

Но, можетъ быть, не излишне напомнить, чтобы не презирали того, что легко подвергается презрѣнію.

Начальствующій да не пренебрегаетъ и послѣдняго подчиненнаго, но вниманіемъ и снисхожденіемъ пусть сдѣлаетъ для него и послѣднее мѣсто не низкимъ, и ему данное дѣло пріятнымъ: потому что чѣмъ охотнѣе дѣлается дѣло, тѣмъ лучше и для дѣла, и для дѣлающаго, и для начальствующаго надъ дѣломъ.

Богатый да не превозносится надъ бѣдными, но да нисходитъ подкрѣплять своею помощію сіи смиренныя подпоры его собственнаго благополучія. Есть время, когда признательность бѣдныхъ лучше для богатаго, нежели богатство.

Наслѣдственно или условно владѣющій трудомъ, или произведеніемъ труда подвластныхъ, да не будетъ невнимателенъ къ симъ смиреннымъ земли. Человѣкъ не вещь, которую можно употреблять, и не быть ей ничѣмъ обязану. И государственный, и нравственный, и особенно христіанскій законъ съ правомъ власти соединяетъ обязанность къ подвластнымъ. Если они отдаютъ вамъ половину своего работнаго времени: отдайте имъ часть вашего свободнаго времени. Если они доставляютъ вамъ избытокъ; вы доставляйте имъ необходимое: безбѣдную жизнь, защиту, средства потребнаго для нихъ образованія, руководство и охраненіе нравовъ и вѣры. Умѣйте пріобрѣтать отъ нихъ не одну выгоду, но и благодарность, и любовь. Любовь можетъ, не снимая, облегчить ихъ бремена, и сдѣлать то, что они будутъ благословлять свою зависимость паче расширенной свободы.

Призванный судить и исправлять погрѣшающихъ да не презираетъ судимаго, даже и виновнаго, дабы презрѣніе не сдѣлало суда небрежнымъ и неразборчивымъ. Уваженіе къ человѣчеству да охраняетъ исправителя и судію отъ гнѣва, правосудіе—отъ жестокости, исправляемыхъ—отъ ожесточенія.

Такъ, и подобнымъ сему образомъ поступая съ меньшими братіями нашими, братія христіане, мы будемъ исполнителями Евангельскаго ученія, и право шествующими послѣдователями Христа, Который, будучи Господь господствующихъ, пришелъ на землю *не да послужатъ Ему, но послужити*, умрети за грѣшниковъ и вознести смиряющихъ себе. Слава Ему съ Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки! Аминь.

## 14. СЛОВО

**На день восшествія на Всероссійскій Престолъ Государя Императора Николая Павловича.**

*Писано есть: домъ Мой домъ молитвы есть.* Лук. XIX. 46.

Кто изъ насъ не знаетъ, что мѣсто, гдѣ мы теперь находимся, есть домъ молитвы и домъ Божій? Однако не неблаговременно, думаю, теперь привести на мысль, что знаменательное наименованіе *дома молитвы*, и высокое наименованіе *дома Божія*, не только даетъ сему мѣсту Пророкъ, но также признаетъ и сама воплощенная Истина, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *глаголя: писано есть: домъ Мой домъ молитвы есть.*

Чѣмъ вожделѣннѣе для насъ особенный предметъ нынѣшней молитвы нашей, — призваніе новыхъ благословеній Божіихъ на обновляемое царственное лѣто Благочестивѣйшаго Самодержца нашего: тѣмъ полезнѣе и пріятнѣе имѣть въ виду твердое удостовѣреніе, что молитва наша не на темномъ и неизвѣстномъ пути, не издалеча простираетъ недосязающія руки и не достигающіе, можетъ быть, до слуха гласы, но бесѣдуетъ съ Богомъ въ домѣ своемъ и Божіемъ, слѣдственно близко, свободно, удобослышимо, благонадежно.

Приведемъ для себя въ большую очевидность скорое и вѣрное дѣйствіе церковной, и въ особенности царственной и всенародной въ церкви молитвы, посредствомъ древняго примѣра. Во время внезапнаго нашествія на царство Іудейское трехъ враждебныхъ народовъ, *ста Іосафатъ въ собраніи Іуды во Іерусалимѣ, въ дому Господни*, и принесъ единодушную съ народомъ молитву къ Богу, признавая свою немощь, и призывая Его противу враговъ помощь: *не вѣмы, что сотворити имамы имъ: но токмо очи наши къ Тебѣ.* Едва произнесена была молитва, какъ услышался благопріятный на нее отвѣтъ Божій, изъ устъ Іозіила. *Бысть на немъ Духъ Господень посреди народа, и рече: слышите весь Іуда, и обитающіи во Іерусалимѣ, и ты, царю Іосафате: сія рече Господь вамъ: не бойтеся, ниже ужасайтеся отъ лица народа сего многаго, нѣсть бо ваше ополченіе, но Божіе.* На другой день, когда Іосафатъ и его войско шли на встрѣчу врагамъ, воспѣвая священныя пѣсни, — междоусобіе произошло въ станѣ разноплеменныхъ враговъ; они истребили другъ друга; Іудеямъ осталось только собрать добычу (2 Парал. гл. 20.).

Если такъ дѣйствовала молитва во храмѣ сѣней и гаданій: то менѣе ли надежитъ ожидать отъ нея во храмѣ явленной и воплощенной Истины? Если такъ дерзала и успѣвала она тамъ, гдѣ владычествовалъ грозный Законъ: то не паче ли здѣсь, гдѣ поставила престолъ свой милующая Благодать?

Воплощенный Сынъ Божій училъ молитвѣ словомъ и примѣромъ; побуждалъ къ ней; пролагалъ и облегчалъ ей путь къ Богу, Своимъ о насъ ходатайствомъ, котораго не прекращаетъ и нынѣ, и не прекратитъ до скончанія вѣка; и, одушевляя къ подвигу чаемымъ плодомъ подвига, Онъ далъ христіанской соборной молитвѣ уполномочивающее обѣтованіе: *аминь глаголю вамъ: яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еже аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. XVIII. 19.). *О всякой вещи, еже аще просита:* — какое обширное, какое, можно сказать, неограниченное полномочіе! *Будетъ отъ Отца, Иже на небесѣхъ:* — какое высокое и, очевидно, никакою иною властію непреоборимое полномочіе! А что въ обѣтованіи говорится о наименьшемъ соборномъ числѣ: *аще два отъ васъ совѣщаета:* это для того, чтобъ и малый, по нуждѣ, соборъ церковный не почиталъ себя слишкомъ недостаточнымъ для участія въ обѣтованіи Господнемъ, и чтобы тѣмъ паче уповалъ на обѣтованіе соборъ великій.

Хотите ли видѣть сіе обѣтованіе въ исполненіи, сіе полномочіе въ полномъ дѣйствіи? Посмотрите въ первоначальную Церковь Апостольскую.

Послѣ одной изъ первыхъ, успѣшной проповѣди, на Апостоловъ возстали вѣ

Іерусалимскія власти. Ввергаютъ ихъ въ темницу; потомъ, взявъ изъ нея, допрашиваютъ въ соборѣ князей, старцевъ и книжниковъ, и грозно запрещаютъ имъ учить о имени Іисуса. Буря сильна. Новонасажденное христіанство было въ опасности не только поколебаться, но и быть исторгнуто съ корнемъ. Нужна была чрезвычайная опора, особенное подкрѣпленіе свыше. *И помолившимся имъ, подвижеся мѣсто, идѣже бяху собрани, и исполнишася вси Духа Свята, и глаголаху слово Божіе со дерзновеніемъ* (Дѣян. IV. 31.). *Мѣсто, идѣже бяху собрани*, очевидно было домомъ молитвы и домомъ Божіимъ внутренно, хотя еще не время было тогда возвеличить оное внѣшно, и осѣнить крестомъ, какъ у насъ нынѣ.

Въ другое время, *Петра стрежаху въ темницѣ: молитва же бѣ прилежна бываемая отъ Церкве къ Богу о немъ* (Дѣян. XII. 5.). Что же сдѣлала сія церковная молитва? То, что Ангелъ разрѣшилъ Петра отъ оковъ, и сквозь запертыя двери, мимо стражей, вывелъ изъ темницы на свободу.

Нужно ли говорить болѣе, чтобы возбудить покоющуюся увѣренность, что наименованія дома молитвы и дома Божія не суть только почетныя наименованія, поверхностно наложенныя на предметъ, но выражаютъ нѣчто существенное въ предметѣ, хотя не всегда и не всѣмъ открывающееся? Кажется, всѣ мы знаемъ, что въ домѣ молитвы, въ соборѣ церковномъ, есть особенная благодатная близость Бога вездѣсущнаго; что въ домѣ Божіемъ есть таинственное вселеніе Бога невмѣстимаго; что въ семъ домѣ богатаго благостію Домовладыки, больше нежели гдѣ либо, совокуплены сокровища даровъ, пособій, благодѣяній, милостей, утѣшеній, свѣта, силы, жизни, спасенія, и чадамъ и приснымъ сего дома предоставленъ ключъ отъ сихъ сокровищъ—молитва вѣры. Кажется, всѣ мы знаемъ достоинство и важность дома Божія, какъ о семъ свидѣтельствуетъ самое наше собраніе, и общій образъ благоговѣнія, господствующій въ семъ собраніи.

Но я сказалъ не совсѣмъ рѣшительно: кажется, всѣ мы знаемъ;—и, къ прискорбію, имѣю на то причины. Когда отъ должнаго молитвеннаго возвышенія къ Богу, или по немощи и развлеченію, падаю мыслію на себя и на окружающее, или, по лежащему на мнѣ долгу охранять чинъ церковный, обращаю испытательное вниманіе на служащихъ и предстоящихъ во храмѣ; когда примѣчаю, что мы, служащіе святилищу, не служимъ иногда образцемъ для прочихъ въ благоговѣніи къ святилищу; когда слышу чтеца, торопливо пробѣгающаго псаломъ, или пѣвца, играющаго звуками, безъ признаковъ духовнаго вниманія къ тому, что читаютъ или поютъ; когда вижу нѣкоторыхъ предстоящихъ Царю небесному съ меньшимъ благоговѣніемъ, нежели предстояли бы царю земному, пришедшихъ бесѣдовать съ Богомъ, бесѣдующихъ вмѣсто того между собою, и въ семъ положеніи вижу не такихъ людей, которыхъ можно было бы извинить пророческимъ словомъ: *негли убози суть и буіи* (Іер. V. 4.); когда искушаемый неблаговременнымъ словомъ сопредстоящаго, видимо, заботится не о томъ, чтобы не прогнѣвать Бога неблаговѣніемъ въ церкви, и не о томъ, чтобы удержать ближняго отъ неблаговѣнія, а о томъ, чтобы молчаніемъ не оскорбить приглашающаго къ празднословію: при такихъ видахъ желалъ бы не вѣрить видимому, и недоумѣваю, что это значитъ? Знаемъ ли мы, куда и для чего пришли? Знаемъ ли, что это домъ Божій? Или не хотимъ пользоваться его сокровищами? Неужели поклонники храма Іерусалимскаго должны въ чемъ нибудь уступить преимущество поклонникамъ какой нибудь горы Самарійской, которые не имѣя у себя подобной святыни, и даже, *кланяясь, егоже не вѣдятъ*, тѣмъ не менѣе строго соблюдаютъ порядокъ и безмолвіе при молитвѣ? Поймите глаголемое притчею, что горько было бы сказать безъ притчи.

Чтобы не преувеличивать обвиненія, справедливость требуетъ сказать, что несовершенный иногда видъ благочинія и благоговѣнія въ храмахъ нашихъ является не какъ выраженіе неблагочестія, а только какъ слѣдствіе не строгаго вниманія и не

довольной бдительности нѣкоторыхъ надъ собою. Впрочемъ, если бы кто спросилъ: стоитъ ли труда преслѣдовать такія погрѣшности, какъ—поздний входъ въ домъ молитвы, или ненужное слово, сказанное во время богослуженія?—то я отвѣтствовалъ бы, что надобно по возможности устранять и погрѣшности, чтобы за ними не приняли и не поселились грѣхи и беззаконія.

Обратимся къ Евангелію и посмотримъ, какія преступленія преслѣдовалъ Господь нашъ, когда, *вшедъ въ Церковь, начатъ изгонити продающія въ ней и купующія глаголя имъ: писано есть: домъ Мой домъ молитвы есть, вы же сотвористе его пещеру разбойникомъ?* Какіе люди приняли въ храмъ Іерусалимскій, и какъ превратили его въ пещеру разбойниковъ? Язычники ли это? Идольскимъ ли служеніемъ осквернили они храмъ? Совсѣмъ нѣтъ. Это православные Іудеи, для удобности продавали и покупали то, что нужно въ храмѣ для богослуженія, воловъ, овецъ, голубей для приношенія въ жертву, и размѣнивали деньги, чтобы тотъ, кому жаль положить въ сокровище храма большую монету, близко могъ найдти для сего малую,—и это дѣлалось не во святилищѣ, а во дворѣ храма. Мы, взглянувъ на сіе, можетъ быть, усомнились бы, надобно ли преслѣдовать неблагообразіе, котораго не совсѣмъ легко избѣжать, и которое имѣетъ свою пользу? Но Господь преслѣдуетъ сіе неблагообразіе не только словомъ, но и бичемъ отъ вервій, и называетъ оное превращеніемъ храма въ пещеру разбойниковъ. Послѣ сего надобно признаться, что не льзя почитать очень невиннымъ, когда не во дворѣ храма, но въ самомъ храмѣ христіанскомъ, предъ лицемъ самой святыни, разсѣянность и человѣкоугодіе размѣниваютъ между собою привѣтствія, и на праздные вопросы покупаютъ безполезные отвѣты.

Не угрожаю никому бичемъ Господнимъ. Мой подвигъ не въ томъ, чтобы кого либо изгнать изъ храма, но въ томъ, чтобы сохранить всѣхъ васъ храму, какъ его украшеніе. Если же и сіе малое слово покажется кому нибудь похожимъ на малый бичъ: пусть оно угрожаетъ болѣе намъ, которые, по справедливости, подлежимъ большей строгости: а вы спокойно уклонитесь отъ того, что заслуживаетъ удары слова. Вспомнимъ слово Соломона: *лучше обличенія откровенна тайныя любве* (Притч. XXVII. 5.). Возлюбимъ обличенія. Если мы ихъ не заслужили, тѣмъ спокойнѣе можемъ слушать ихъ, а онѣ помогутъ намъ, чтобы не заслужить ихъ впредь; если же, по несчастію, заслужили, онѣ помогутъ намъ исправиться. Благодареніе Богу, что сохраняется въ насъ влеченіе къ дому Божію! Будемъ бодрственно внимательны къ тому, чтобы наше пребываніе въ домѣ Божіемъ сдѣлать болѣе достойнымъ онаго, болѣе совершеннымъ, и тѣмъ болѣе плодоноснымъ и спасительнымъ.

Съ утѣшеніемъ воспоминаю примѣръ, которымъ въ благоговѣніи къ дому Божію предшествуетъ намъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ. Какъ любитъ онъ созидать домы Божіи? Вы сами по временамъ бываете свидѣтелями, какъ благоговѣйно предстоитъ Онъ Господу во храмѣ! Какъ неуклонно зритъ къ олтарю! Какъ внимательно слѣдуетъ молитвамъ о томъ, что Ему любезно, и сопровождаетъ ихъ крестнымъ знаменіемъ! Какъ смиренно преклоняется предъ святынею!

Соединимся мысленно съ Нимъ въ настоящей молитвѣ нашей; да сліются всѣ наши сердца въ единое молитвенное кадило; любовь къ Царю и вѣра къ Богу да соединится, чтобы воспламенить духовный ѳиміамъ молитвы; и да взыдетъ она отъ дома Божія земнаго въ небесный; и да снидетъ новое благословеніе на царство Благочестивѣйшаго Самодержца нашего; да будетъ оно всегда благочестивою мудростію и правдою благоуправляемо внутри, ограждено безопасностію отвнѣ, обильно средствами благоденствія, да подъ сѣнію престола Его *тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ!* Аминь.

## 15. СЛОВО

**Въ день священнаго Мѵропомазанія и торжественнаго Вѣнчанія на Царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи, говоренное въ Успенскомъ Соборѣ Августа 22 дня, 1833 года.**

*Побѣждай благимъ злое.* Рим. XII. 21.

Если бы въ сей день, освѣщаемый сіяніемъ Царскаго вѣнца, величественнаго и благолѣпнаго, не столько по числу и достоинству камeній честныхъ, сколько по достоинству законной наслѣдственности, по преимуществу освященія свыше, по превосходству Царскихъ доблестей, которыя онъ покрываетъ, — возжелали мы, Россіяне, увидѣть вѣнецъ сей въ новомъ блескѣ: то мы тотчасъ можемъ имѣть сіе пріятное видѣніе, обративъ наблюдательный взоръ на новыя Царственныя дѣянія Благочестивѣйшаго Императора. Посмотрите, на примѣръ, на новый составъ Россійскихъ законовъ, столь ожиданный правосудіемъ, и наконецъ извлеченный изъ разночастныхъ, разнообразныхъ, иногда недружныхъ стихій разновременнаго законодательства. Не есть ли это новый, свѣтлый, изъ отечественныхъ копей извлеченный, камень въ вѣнцѣ Николая Перваго, — камень, котораго такъ долго искали Его предшественники, и который Онъ Своею неутомимостію предвосхитилъ у Своихъ преемниковъ?

Или, поставьте себя на предѣлахъ двухъ имперій, двухъ частей свѣта и двухъ религій, и посмотрите на окончанное недавно дѣло умиренія на Востокѣ. Сдѣлаться благодѣтелемъ, охранителемъ, спасителемъ царства, недавно враждебнаго, и только побѣдами доведеннаго до примиренія, — не есть ли и сіе такое дѣло Царской доблести, которое приноситъ новое свѣтлое украшеніе вѣнцу Благочестивѣйшаго Императора нашего, новую славу Его царствованію?

Славу сего дѣла особенно провозглашать должно здѣсь, въ Церкви: поелику оно есть великолѣпное исполненіе благороднаго правила Христіанскаго: *побѣждай благимъ злое.* Дѣло сіе не только славно для Царя и народа, но полезно для Христіанства: ибо весь не познавшій Христа Востокъ видитъ теперь въ семъ славномъ дѣлѣ, къ какой чистой, безкорыстной, возвышенной вѣрности и благотворительности располагаетъ вѣра Христіанская сердца Царя и народа.

Но довольно сего воззрѣнія на нѣкоторыя дѣла Царственныя, чтобы нынѣшняя особенная молитва и благодареніе за Царя были нами принесены, сколько по долгу послушанія Церковной заповѣди, столько же по убѣжденію и усердію собственному.

Гораздо нужнѣе каждому изъ насъ обращать вниманіе на собственныя дѣла, хотя, можетъ быть, малыя, и едва примѣтныя въ необъятномъ множествѣ и разнообразіи дѣлъ человѣческихъ, но никогда немаловажныя для дѣлающаго: потому что пойдутъ за нимъ далѣе предѣловъ настоящей жизни, и либо увѣнчаютъ его, либо возложатъ на него укоризну и стыдѣніе вѣчное.

*Побѣждай благимъ злое.* Всякой ли найдетъ исполненіе сего правила въ своихъ дѣлахъ? Всякой ли найдетъ сіе правило довольно раскрытымъ въ умѣ своемъ, довольно углубленнымъ въ сердцѣ своемъ?

Что есть зло въ мірѣ, и собственно въ человѣкахъ, о семъ опытъ всѣхъ и каждаго свидѣтельствуетъ такъ сильно, что, хотя бы разумъ и вздумалъ противъ сего спорить, не можетъ переспорить свидѣтельства ощущеній, которыя умствованіямъ не повинуются. А когда зло есть, и дѣйствуетъ противъ насъ: то не употреблять противъ него никакихъ средствъ было бы противно и закону самосохраненія, и закону человѣколюбія; потому что не удерживаемое зло поглотило бы весь родъ человѣческій, — и закону вѣры въ Бога; потому что не препятствовать распространенію зла значило бы благопріятствовать враждѣ противъ Бога, и хулѣ на Его творчество и управленіе міромъ. Итакъ надобно противостоять злу, сражаться съ нимъ, побѣждать оное. *Побѣждай злое.*

Но какимъ оружіемъ? Положимъ, что вы рѣшились бы употреблять такое же

оружіе, съ какимъ на васъ нападаютъ, и поступать по праву равнаго воздаянія. Обида за обиду, злословіе за злословіе, рана за рану. Будетъ ли симъ образомъ побѣждено зло?—Не думаю. На примѣръ, если воздано раною за рану: то произошло двое раненыхъ вмѣсто одного; слѣдственно зло удвоено, а не прекращено, потому что обиженный, нанеся рану обидчику, не излѣчитъ тѣмъ своей. Обида, воздаянная за обиду, не только не уничтожаетъ зла сдѣлавшаго, но и не останавливаетъ хода зла, или даже усиливаетъ оное. Въ комъ было довольно зла, чтобы начать обиду, въ томъ, по всей вѣроятности, найдется онаго еще болѣе, чтобы отвѣчать на взаимную обиду. Такимъ образомъ должна произойти цѣпь обидъ; и поелику каждый воздающій за обиду естественно будетъ стараться сдѣлать соперника менѣе способнымъ вредить, то всякая дальнѣйшая обида должна быть тяжеле и убійственнѣе предъидущей. Изъ сего можно усмотрѣть, какъ вѣрно разсужденіе Апостола: *аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете* (Гал. V. 15.). И такъ побѣждать злое злымъ не надежно, если бы кто и не удержался отъ такого сраженія мыслію, что сіе не позволительно.

Спросятъ, можетъ быть: какъ же наказываютъ убійцу смертію? Какъ же ведутъ войну? Отвѣтствую: иное право частнаго человѣка, иное суда, и еще иное власти верховной. Власть верховная, поелику не имѣетъ надъ собою судіи на земли, по необходимости сама должна судить обиды, наносимыя Государству, и употреблять войну исполнителемъ Государственнаго правосудія: но и сіе, верховная власть, одушевленная достойными своей высоты чувствованіями, дѣлаетъ не для того, чтобы поразить злымъ злое, но чтобы защитить и охранить благое, то есть, безопасность и благо собственнаго ея Государства. Если власть судебная внутри Государства сражается злымъ наказанія противу зла преступленія: и сіе такъ разнится отъ частнаго мщенія, какъ разсудокъ отъ страсти, какъ созидание отъ разрушенія. Судъ сражается противъ зла не за себя, но за невинно страждущаго: слѣдственно водится не зломъ мщенія, но благомъ сострадания, человѣколюбія, справедливости; притомъ въ благоустроенномъ Государствѣ судъ только открываетъ виновнаго, а наказываетъ его законъ; но и законъ гражданскій, если онъ изреченъ духомъ Христіянскаго правосудія, не имѣетъ намѣренія мстить за зло, а пресѣкать и предупреждать зло; не имѣетъ намѣренія убивать убійцу, по смертію, или другимъ образомъ, лишать его возможности убійства, и охранять отъ него живущихъ. Въ семъ именно духѣ кроткій законъ Благочестивѣйшихъ Самодержцевъ нашихъ присуждаетъ и убійцѣ не смерть, а жизнь, хотя отлученную отъ жизни честныхъ гражданъ, однако же — жизнь и надежду умереть не смертію преступника, а смертію Христіанина. Что касается до людей въ частности; если бы каждый вздумалъ присвоить себѣ тѣ права, по коимъ дѣйствуетъ судъ противъ преступленія, или власть верховная противъ враговъ Государства: то явилось бы почти столько же воюющихъ сторонъ, сколько есть людей, имѣющихъ силу владѣть своими членами. Состояніе человѣчества, которое нашло себѣ достойное мѣсто въ головахъ нѣкоторыхъ умствователей, но котораго,—благодареніе Провидѣнію, — не было и не будетъ, потому что не можетъ быть въ истинномъ бытіи рода человѣческаго!

Итакъ если побѣждать злымъ злое, частію не позволительно, частію не надежно, даже и при помощи правосудія человѣческаго, которое при всей бдительности своей, не можетъ поставить довольно щитовъ противу тонкихъ уязвленій злобы и коварства: то Христіанское правило *побѣждать благимъ злое*, оказывается столько же необходимымъ, сколь оно привлекательно своею чистотою и возвышенностію.

Недальновидные могутъ подумать, что въ подвигѣ сего рода скорѣе побѣжденъ будешь, нежели побѣдишь: потому что зло дѣйствуетъ наступательно, а благо, и особенно Христіанское благо, и оборонительнаго противодѣйствованія не любитъ. Напрасно! Мы имѣемъ опытъ сей побѣды, столь великій, столь очевидный, что онъ

долженъ ободрить всякую робость, разрѣшить всѣ недоумѣнія, если смотрятъ на оный, какъ должно. Какое огромное зло сражалось противъ первенствующаго Христіанства! То было зло цѣлаго міра. Какъ напротивъ малымъ и немощнымъ казалось благое, заключенное въ Христіанствѣ! *Буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ; и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая; и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ* (1 Кор. I. 27. 28.). Какъ же побѣждено буіимъ премудрое, немощнымъ крѣпкое, ничтожнымъ сущее?—Побѣждено благимъ злое: невѣріе вѣрою, порокъ и развратъ строгою добродѣтелію, гоненіе терпѣніемъ, несправедливость великодушіемъ, любостяжаніе и грабительство нестяжательностію и вольною нищетою, лукавство прямодушіемъ, вражда любовію, сила и ярость мучителей кровію мучениковъ. И всемірное зло язычества исчезло; и благо Христіанства овладѣло міромъ. Не ужели ты подумаешь, Христіанинъ, къ оскорбленію Христіанства, будто труднѣе подвизаться нынѣ противу зла, прокравшагося въ міръ Христіанскій, нежели какъ было прежде, противу зла господствовавшаго въ мірѣ языческомъ?

Добрая побѣда не въ томъ состоитъ, чтобы ты сдѣлалъ злю врагу, но чтобы врагъ не могъ сдѣлать истиннаго зла тебѣ. А сего никакой врагъ не сдѣлаетъ, если ты твердо стоишь во благѣ силою вѣры къ Богу и любви къ Богу и человѣкамъ. Посмотрите на человѣка симъ образомъ сражающагося противу зла, и вслушайтесь посреди самихъ опасностей брани въ его военный кликъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь?*—Видите, нападеніе со многихъ сторонъ; удары сильны. Не палъ бы воинъ Хрістовъ?—Нѣтъ, восклицаетъ онъ: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны.* И что еще? Онъ увѣряетъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ силы, которая могла бы поколебать побѣждающаго благимъ злое. *Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. VIII. 35—39.).

Всѣмъ слышащимъ сіе членамъ воинствующей Церкви желаемъ не столь труднаго подвига противу зла, но столь же благою силою вѣры и любви, столь же совершенной побѣды и спасенія со славою вѣчною. Аминь.

## 16. СЛОВО

Въ день коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное Августа 22 дня, 1836 года.

*Повинитеся убо всякому человѣчу созданію Господа ради, аще Царю, яко преобладающу, аще ли же княземъ, яко отъ Него посланнымъ, во отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ.* 1 Петр. II. 13. 14.

Десять кратъ обратившійся годовый кругъ возвращаетъ нынѣ намъ, радующіеся Россіяне, тотъ пресвѣтлый день, въ который, въ семъ самомъ Храмѣ, узрѣли мы Благочестивѣйшаго Императора нашего Николая Павловича, воспріявшаго наслѣдственный Императорскій вѣнецъ, и запечатлѣннаго священнымъ помазаніемъ. Сей вѣнецъ сіяетъ. Вѣнчанная глава благоденствуетъ. И такъ, въ настоящей радости нашей, не только мы можемъ пѣть съ Царственнымъ Псалмопѣвцемъ: *положилъ еси, Господи, на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна*; но, съ утвержденною опытомъ надеждою, можемъ присовокупить и слѣдующій за симъ Псаломскій стихъ: *живота просилъ есть у Тебе, и далъ еси ему долготу дній во вѣкъ вѣка* (Псал. XX. 4. 5.).

При мысли о вѣнцѣ, мнѣ приходитъ на память еще одинъ стихъ древняго благоговѣйнаго созерцателя природы: *благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея,*

Господи, *и поля Твоя исполнятся тука* (Псал. LXIV. 12.). Если годъ земли составляетъ для нея родъ вѣнца, болѣе или менѣе украшеннаго ея произведеніями: то не паче ли годъ Царя, — не паче ли еще, десятилѣтіе Благочестивѣйшаго Императора нашего мы можемъ разсматривать, какъ новый надъ вѣнчанною Главою вѣнецъ, составленный не изъ вѣтвей, или цвѣтовъ, или драгоцѣнныхъ камней, но изъ мудрыхъ предначинаній, благотворныхъ дѣяній и благословенныхъ успѣховъ? Это вѣнецъ, собственно Царскою работою выработанный и украшенный, но притомъ и благословеніемъ Божіимъ освященный: ибо и мудрыя предначинанія приводитъ въ дѣйствіе, и увѣнчиваетъ успѣхами, не одна человѣческая воля и сила, но превыше ея Божіе благословеніе. Указать ли, хотя бѣгущимъ взоромъ, хотя на нѣкоторыя драгоцѣнности сего вѣнца, впрочемъ и безъ меня видимыя вами, — указать ли потому только, что и видимое всѣми мы любимъ указывать другъ другу, когда радуемся видѣть. — Смотрите. Враги внѣшніе побѣждены и укрощены. Враги домашніе уничтожены. Союзы, особенно благопріятные миру царей и народовъ, укрѣплены особенно. Рѣдкимъ Царскимъ искусствомъ враги переработаны въ друзей. Силѣ бѣдствій, которыя предъупредить и отвратить не во власти человѣческой было, не разъ могущественно и благодѣтельно противопоставлено личное присутствіе духа Благочестивѣйшаго Императора. Военныя силы бдительнымъ попеченіемъ непрерывно содержаны и содержатся въ развитіи, соотвѣтственномъ достоинству и безопасности Государства; въ особенности же морскія, не только увеличены, но, не знаю, не сказать ли, воскрешены пристальнымъ животворнымъ Царскимъ взоромъ. Просвѣщеніе, искусства, промышленность разнообразно поощрены. Законодательство и правосудіе получило свой особенный вѣнецъ въ систематическомъ составѣ законовъ. Человѣколюбивыя заведенія для воспитанія, врачеванія, призрѣнія, возращены въ числѣ, и цвѣтутъ подъ незаходящимъ солнцемъ непосредственнаго Царскаго призрѣнія. Всякая нужда, бѣдность, несчастіе, общественное, частное, непрерывно находили и находятъ отверстою благодѣющую руку Царскую. Соотвѣтственно потребностямъ Святыя Церкви, ея Пастыри, ея Храмы, ея Обители, частію умножены, частію облаготворены. Въ областяхъ, гдѣ въ прежнія несчастныя времена, Восточное благочестіе стѣснено было насиліями Запада, собственное око Благочестивѣйшаго Государя усмотрѣло неблагообразіе Православныхъ храмовъ, и особенная Его воля облекла ихъ приличнымъ благолѣпіемъ. Его любовію къ Православной Церкви одушевлена ревность ея служителей, и многія тысячи ея чадъ, частію отторженныхъ отъ нея въ своихъ предкахъ во дни неустройствъ и гоненій, частію заблудившихся въ лѣта невѣдѣнія, возвращены въ ея матернія объятія.

Вотъ нѣкоторыя части высокой работы въ вѣнцѣ Царскаго десятилѣтія! Величественно и сладостно сіяетъ онъ оку сердца Русскаго; и не только въ настоящее время, но и на будущее отражаетъ свѣтъ благихъ надеждъ. Рука, держащая Всероссійскій скипетръ, твердая въ началѣ, естественно пріобрѣла большую благодвижность, посредствомъ десятилѣтнихъ опытовъ; а между тѣмъ на дальнѣйшую будущность державы простерто попеченіе и обезпеченіе воспитаніемъ Наслѣдника Престола. Природная любовь Россіянъ къ Царю своему естественно умножена пріобрѣтенною любовію къ Царю, Который непрерывно о насъ печется, для насъ живетъ и дѣйствуетъ, и съ священной высоты Своей такъ приближается къ Своему народу, что наши сердца, можно сказать, соприкасаются съ Его сердцемъ.

Что убо речемъ, радующіеся Россіяне? — *Заповѣждь, Боже, силою Твоею, укрѣпи Боже сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ* (Псал. LXVII. 29.). *Дни на дни Царевы приложиши; лѣта Его до дне рода и рода* (Псал. LX. 7.).

Но время мнѣ вспомнить, что сіе мѣсто, и сіи минуты, назначены не просто для изображенія впечатлѣній и изліянія чувствованій, но преимущественно для ученія.

Ученіе, котораго теперь само сердце наше требуетъ, не о томъ ли должно быть, что могли бы мы воздать Царю, непрестанно для блага нашего подвизаю-

щемуся, что могли бы воздать Богу, подвиги Его благословляющему?

Не только благодѣянія Царя Небеснаго, но и благодѣтельные для насъ подвиги Царя земнаго выше нашего воздаянія. Для нихъ возможно съ нашей стороны не воздаяніе, а только соотвѣтствіе. Какое соотвѣтствіе?—Непрестанное воодушевленіе себя къ исполненію своихъ обязанностей предъ Царемъ Небеснымъ и земнымъ, какъ учитъ Апостольское слово: *повинитеся убо всякому человѣчу созданію*, то есть, всякому отъ Бога устроенному надъ человѣками начальству, *Господа ради, аще Царю, яко преобладающу, аще ли же княземъ, яко онъ Него посланнымъ.*

Какое удовлетворительное ученіе! *Повинуясь Царю* и *начальству*, вы благоугождаете Царю; и въ то же время, *повинуясь Господа ради*, вы благоугождаете Господу.

Что повиноваться должно, надобно ли сіе доказывать?—Гдѣ есть общество человѣческое, тамъ необходимо есть власть, соединяющая людей въ составъ общества; ибо безъ власти можно вообразить только неустроенное множество людей, а не общество. Но власть дѣйствуетъ въ обществѣ, и сохраняетъ оное, посредствомъ повиновенія. Слѣдственно повиновеніе необходимо соединено съ существованіемъ общества. Кто сталъ бы колебать или ослаблять повиновеніе; тотъ колебалъ бы, или ослаблялъ бы основаніе общества.

Но Апостолъ не довольствуется тѣмъ, чтобы учить повиноваться какъ нибудь: онъ учитъ повиноваться съ опредѣленнымъ побужденіемъ—*Господа ради*. Здѣсь видно предположеніе, что онъ имѣлъ въ виду и другіе роды повиновенія, по другимъ побужденіямъ, какъ то, ради себя, ради общества, ради начальства: но преимущественно предъ прочими выбралъ для своихъ учениковъ одинъ родъ—повиновеніе *Господа ради*.

Кто повинуется изъ страха наказанія: тотъ повинуется ради себя, чтобы охранить себя отъ непріятности наказанія. Есть люди, для которыхъ надобно и сіе побужденіе къ повиновенію: но никто не захочетъ похвалиться, что онъ избралъ для себя именно сей родъ повиновенія.

Кто повинуется для достиженія выгоды, награды, почести: тотъ также повинуется ради себя. Власть поступаетъ прозорливо и благодѣтельно, когда употребляетъ показанныя теперь поощренія къ повиновенію: но онѣ, по существу своему, могутъ имѣть мѣсто въ нѣкоторыхъ только случаяхъ; а не могутъ основать и обезпечить повиновенія всеобщаго. Дѣла повиновенія, наиболѣе общія и притомъ необходимыя для общества, какъ напримѣръ, вношеніе податей, наименѣе способны къ тому, чтобы соединить съ ними какое нибудь воздаяніе или почесть.

Умъ любомудствующій похвалитъ повиновеніе ради общества и вмѣстѣ ради себя. Благо человѣка не можетъ быть устроено и сохранено иначе, какъ посредствомъ общества. Общество доставляетъ человѣку безопасность личную, образованіе способностей, случаи къ употребленію оныхъ, способы къ пріобрѣтеніямъ, и опять безопасность пріобрѣтеннаго. Но какъ для сохраненія общества необходимо повиновеніе: то каждый человѣкъ и долженъ повиноваться—ради общества, изъ благодарности къ нему за себя, и вмѣстѣ—ради себя, чтобы, сохраняя повиновеніемъ общество, сохранять для себя то, чѣмъ отъ общества пользуется. Умозрѣніе сіе справедливо: но много ли въ обществѣ людей, способныхъ учреждать свое повиновеніе по идеямъ и умозрѣніямъ? Когда смотрю на опыты, какъ на подобныхъ умозрѣніяхъ хотятъ въ наше время основать повиновеніе нѣкоторые народы и Государства, и какъ тамъ ничто не стоитъ твердо, зыблются и престолы и олтари, становятся, по выраженію Пророка, *людіе аки жрецъ, и рабъ аки господинъ* (Исаіи XXIV. 2.), бразды правленія рвутся, мятежи роятся, пороки безстыдствуютъ, преступленія ругаются надъ правосудіемъ, нѣтъ ни единодушія, ни довѣренности, ни безопасности, каждый наступающій день угрожаетъ:—видя все сіе не могу не заключить: видно, не на человѣческихъ умозрѣніяхъ основывать должно Государственное благоустройство!

Есть повиновеніе ради общества и Начальства, не столько по умозрѣнію, сколько по чувству сердца, по любви къ Госу-

дарю и отечеству. Счастливъ народъ, одушевляемый сею любовію! Это жизненная теплота въ тѣлѣ Государства, самодвижное направленіе къ общественному единству, крылатая колесница власти, свободная покорность, покорная свобода. Намъ, Россіяне, отъ матерняго млека напитаннымъ любовію къ Государю и отечеству, извѣстно по давнимъ и недавнимъ опытамъ, сколь крѣпительна была сія пища для подвиговъ труднѣйшихъ, во времена труднѣйшія. Продолжайте, — не забывайте, — сію, нѣкоторымъ образомъ чудесную, и на землѣ, выше, нежели земнаго свойства пищу, сію манну народной жизни, чѣмъ раньше тѣмъ лучше, по отечественной землѣ собирать, и ежедневно питать сю себя и дѣтей вашихъ. Ибо—предостерегаемъ васъ—есть народы, у которыхъ сладкая манна любви къ отечеству, не бывъ употреблена правильно и благовременно, повредилась, или стала казаться менѣе пріятною для поврежденнаго вкуса; есть земли, гдѣ подъ знойнымъ солнцемъ ложнаго просвѣщенія, она растаяла, испарилась, улетѣла. Но въ чемъ же должна состоять предосторожность? — Въ томъ, чтобы знать и соблюдать отъ вышняго неба нисходящій и Богоданный законъ, какъ собирать, хранить и употреблять манну. Скажемъ безъ иносказанія: чтобы естественная любовь къ Государю и отечеству была неизмѣнна, чиста, спасительна, для сего нужно, чтобы ее охранялъ, и въ дѣйствіяхъ руководствовалъ высшій, совершенно небесный и Божественный законъ любви Христіанской.

Такимъ образомъ, по возможности, пересмотрѣли мы разныя побужденія къ повиновенію, которыя Святый Апостолъ Петръ или отвергъ, или миновалъ въ своемъ убѣжденіи къ повиновенію: и, если не обманываюсь, вы могли усмотрѣть изъ сказаннаго доселѣ, что всѣ оныя оставляютъ чувствовать потребность болѣе сильнаго, болѣе общаго, болѣе чистаго и возвышеннаго побужденія, которое одно, какъ совершенное, избралъ Апостолъ: *повинитеся Господа ради.*

*Власти отъ Бога учинены суть*, говоритъ другой Апостолъ. *Тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется* (Рим. XIII. 1. 2.). *Повинитеся убо всякому начальству человѣчу*, всякой законной, и особенно Верховной власти, *Господа ради*; повинуйтесь полнымъ, безпрекословнымъ повиновеніемъ, ради Господа Всемогущаго и Правосуднаго, Который не можетъ попустить ненаказаннаго противленія Своему повелѣнію; повинуйтесь искренно, ради Господа Сердцевѣдца, Который не только всякое дѣло неповиновенія, но и всякій жестоковыйный или ропщущій помыслъ видитъ и осуждаетъ; повинуйтесь съ надеждою, ради Господа Премудраго и Всеблагаго Промыслителя, Который непрестанно бдитъ надъ прведеніемъ Своего устроенія къ спасительнымъ для насъ цѣлямъ, и Который особенно *сердце Царево* имѣетъ *въ руцѣ Своей* (Притч. XXI. 1.); повинуйтесь съ любовію, ради Господа, Котораго и славное царство на небесахъ, и благодатное царство въ душахъ человѣческихъ есть царство любви, и Который заповѣдалъ намъ, всею силою души стремиться къ тому, *да будетъ воля Его, яко на небеси, и на земли*, слѣдственно и въ земномъ царствѣ.

Вотъ повиновеніе, всегда удовлетворительное для власти, и всегда блаженное для повинующагося! Поставьте оное въ самое сильное испытаніе: пусть, напримѣръ, надобно будетъ пожертвовать собою повиновенію, пострадать или умереть за Государя и Отечество; пусть воздвигнетъ противъ сего естественную борьбу естественная любовь къ собственной жизни, къ благамъ жизни, ко многому любезному въ жизни: вся брань помысловъ, безъ сомнѣнія, низложена будетъ, какъ скоро придетъ сильное благодатное слово: *Господа ради*. Пожертвуй всѣмъ повиновенію *Господа ради:* если сладостно жертвовать для Царя и отечества, еще паче сладостно жертвовать для Господа; и въ семъ случаѣ не горько уже оставить и земную жизнь, вмѣсто которой пріемлющій жертву сію Господь даетъ много лучшую жизнь небесную; не горько оставить и любезное на землѣ, поелику оно будетъ оставлено на рукахъ любви Отца Небеснаго.

Благочестивые Россіяне! Изъясняя Христіанское ученіе о повиновеніи, думаю,

что симъ самымъ изъяснилъ я и ваши собственныя чувствованія. Кроткій Духъ Господа Іисуса, *послушливаго даже до смерти*, да не престанетъ благодатно одушевлять сердца и жизнь нашу чувствомъ кроткаго, совершеннаго Христіанскаго повиновенія; и да будетъ оно непрерывнымъ нашимъ благодареніемъ Благочестивѣйшему Государю, непрестанно для блага нашего подвизающемуся, и вмѣстѣ благодарственною жертвою Господу, Его намъ даровавшему, и благотворные подвиги Его благословляющему. Аминь.

## 17. СЛОВО

**Въ день торжественнаго Вѣнчанія и Помазанія на Царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, Августа 22 дня, 1838 года.**

*И ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ.* 1 Цар. XVI. 13.

Духъ Божій носится надъ Давидомъ. Какое высокое состояніе! Безъ сомнѣнія, оно было и весьма благотворно для Давида. Безъ сомнѣнія, отъ носившагося надъ нимъ Духа Божія нисходили свѣтлые лучи въ его умъ, чтобы просвѣщать его въ познаніи того, что истинно, Богоугодно и спасительно; упадали въ сердце святыя искры, чтобы воспламенять его къ добрымъ намѣреніямъ и спасительнымъ дѣламъ, и все существо его исполнялось вышнею силою, съ которою онъ и трудныя дѣла съ дерзновеніемъ начиналъ, и совершалъ безъ утомленія. Ибо если бы присутствіе Духа Божія не ознаменовалось такими благотворными вліяніями: то что могли бы значить, какъ могли бы сказаны быть, сіи слова: *ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ?*

Но какой это счастливый день, который ввелъ Давида изъ обыкновеннаго въ столь возвышенное благодатное состояніе? — Это день помазанія его въ царя народа Божія, какъ о семъ ясно сказуетъ первая книга Царствъ. *И прія Самуилъ рогъ со елеемъ, и помаза его посредѣ братіи его: и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ.*

Можно ли думать, что Давидъ позабылъ день столь примѣчательный въ его жизни? Не вѣроятнѣе ли напротивъ, что онъ помнилъ оный, и при каждомъ обращеніи годоваго круга дней встрѣчалъ его съ особеннымъ вниманіемъ, съ благоговѣніемъ къ Богу, съ благодареніемъ, съ молитвою о продолженіи благопомощнаго осѣненія Духа Господня?

И вотъ въ какой глубокой и священной древности встрѣчаемся мы съ мыслію о торжественномъ днѣ царскаго помазанія! И вотъ на какомъ глубокомъ основаніи утверждается сія мысль, именно на дѣйствіи Духа Господня въ царскомъ помазаніи!

Въ семъ, по моему мнѣнію, заключается истинное изъясненіе важности и нашего, благочестивые Россіяне, настоящаго торжественнаго дня. Богъ, Который повелѣлъ помазать на Царство Давида, не есть ли Тотъ Самый Богъ, Которымъ и нынѣ царіе царствуютъ? Итакъ Онъ благословилъ и освятилъ вѣнчаніе и помазаніе и нашего Царя. Отъ дня помазанія Духъ Благодати Его носится надъ Помазанникомъ. И какъ настоящій воспоминательный день вѣнчанія и помазанія на Царство Благочестивѣйшаго Самодержца нашего очевидно связанъ со днемъ самаго событія: то не должно ли думать, что въ сей день особенно Духъ Господень призираетъ и въ наши сердца, чтобы по мѣрѣ вѣры нашей, по искренности нашихъ благодареній за прошедшее, по усердію и чистотѣ нашихъ молитвъ о будущемъ, продлить надъ Царемъ и царствомъ Свое благодатное осѣненіе, благопомощное Царю, благотворное и спасительное для царства. Да будетъ же для насъ день сей сколько радостнымъ и торжественнымъ, столько же и священнымъ. Да одушевляетъ онъ какъ любовію къ Царю, такъ и благоговѣніемъ къ Царю царствующихъ. Пусть веселіе движетъ сердца: но и молитва да воздвизаетъ души подъ благодатное осѣненіе Духа Господня.

Между тѣмъ мысль о священной важности царскаго помазанія, приводитъ меня къ нѣкоторымъ размышленіямъ о важности священно-таинственныхъ учрежденій вообще.

Въ наши времена разумъ человѣческій, наслышавшись отъ Исторіи, что прежде люди много погрѣшали чувственнымъ образомъ мышленія о духовныхъ предметахъ и суевѣріемъ, и что такое состояніе называютъ дѣтствомъ человѣства и разума, думаетъ тѣмъ вѣрнѣе показать себя вышедшимъ изъ дѣтства, чѣмъ менѣе уважаетъ чувственные виды Религіи. Люди, которымъ не нравится подчиненность учрежденіямъ Религіи, но которые не находятъ силы отвергнуть самую мысль о Религіи, въ понятіи о духовности ея ищутъ повода къ освобожденію себя отъ власти ея учрежденій. Такъ родятся два сомнѣнія, одно хуже другаго: имѣютъ ли священныя учрежденія внутреннюю важность и силу? даже, нужны ли для духовнаго человѣка чувственные виды и обрядовыя установленія Религіи?

Тѣ, которые усиливаются довести сіи сомнѣнія до несчастной увѣренности, мнимые ревнители духа, извѣстнаго имъ только по имени, дерзаютъ важности и даже потребности священно-таинственныхъ и обрядовыхъ учрежденій противопоставлять слово Господа къ Самарянынѣ: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV. 24.).

Дерзость невѣроятная и послѣ того, какъ мы ее видѣли! Не тотъ же ли Господь установилъ Таинства, и облекъ ихъ внутреннюю силу чувственными видами, и дѣйствіями обрядовыми? Итакъ можетъ ли Его слово опровергать собственныя Его постановленія? Развѣ можетъ Премудрость Божія самъ себѣ противорѣчить, и сама себя разрушать?

Чтобы опредѣлить точный смыслъ словъ Господа о духовномъ Богослуженіи, надлежитъ замѣтить, что сомнѣніе Самарянынн, въ разрѣшеніе котораго произнесены оныя, было не о важности или надобности видимыхъ установленій Религіи вообще. И въ надобности, и въ важности оныхъ она была увѣрена, когда не смѣла быть равнодушною къ нимъ, а заботилась удостовѣриться, которое изъ двухъ извѣстныхъ ей Богослуженій есть правильное и спасительное, Самарійское или Іерусалимское. И Господь не колебалъ ея увѣренности, а утверждалъ оную, когда одобрилъ Іерусалимское священно-обрядовое Богослуженіе, какъ сообразное съ истиннымъ познаніемъ о Богѣ, и ведущее ко спасенію. *Мы*, то есть, покланяющіеся Богу во Іерусалимѣ, *кланяемся, Егоже вѣмы: яко спасеніе отъ Іудей есть* (Іоан. IV. 22.). Симъ образомъ Господь приводилъ Самарянку отъ Самарянскаго раскола къ Іудейскому правовѣрію. Но если бы Онъ на семъ только и остановился: то оставилъ бы ее на пути къ истинѣ, не доведа до истины совершенной. Надлежало приготовить умъ ея къ высшему вѣрованію Христіанскому, готовому явиться съ своими новыми установленіями на развалинахъ установленій Іудейскихъ. Посему Господь продолжаетъ: *грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу:* то есть, скоро не только неправильное Самарянское Богослуженіе рушится, но и законное Іудейское перестанетъ быть правильнымъ, и также разрушено будетъ. А дабы сіе не показалось предвѣщаніемъ совершеннаго уничтоженія Богослужебныхъ установленій, особенно для Самарянки, привыкшей достоинство Богослуженія измѣрять только святостію мѣста, и дабы помыслъ ея, привязанный къ однимъ чувственнымъ видамъ Религіи, возвести на высшую степень духовнаго разумѣнія, Господь продолжаетъ еще: *грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда истиннін поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною.* То есть: скоро Богослуженіе перестанетъ быть привязаннымъ къ одному святому мѣсту, каковъ Іерусалимъ; но тѣмъ не менѣе будетъ свято, и еще болѣе совершенно; потому что болѣе духовно, и слѣдственно болѣе достойно Бога, какъ существа духовнаго, и болѣе истинно, вмѣсто того, что Іудейское Богослуженіе состоитъ изъ преобразованій ожидаемой истины, а непонятыя прообразованія остаются одними чувственными видами безъ духа. Такъ слово Господне отъ чувствен-

ныхъ видовъ Богослуженія, возводитъ къ поклоненію Богу духомъ и истиною, но не отвергаетъ оныхъ, поколику они суть проявленія духа и облаченія истины: ибо иначе надлежало бы при поклоненіи духомъ отвергнуть даже слова человѣческаго языка, которыя, и въ чистѣйшемъ ихъ употребленіи, не суть самый духъ и истина, но только проявленіе духа и облаченіе истины.

Впрочемъ удостовѣреніе, что духовное Богопоклоненіе не отвергаетъ чувственныхъ видовъ Богослуженія, и даже имѣетъ въ нихъ нужду, не есть еще удовлетворительное дознаніе важности оныхъ. Какъ же можно достигнуть сего дознанія?

Разумъ человѣческій не надежный къ сему вождь; потому что, не умѣя дознать сокровеннаго въ своемъ собственномъ домѣ, какъ можетъ онъ изслѣдовать и постигнуть сокровенности великаго дома Божія? Не понимая, какъ душа человѣческая соединена съ тѣломъ, вотще усиливался бы онъ стать выше самого себя, и уразумѣть, какъ въ учрежденіяхъ Божественныхъ вещественное соединено бываетъ съ духовнымъ, земное съ небеснымъ, естественное съ сверхъестественнымъ, и сколь важно сіе соединеніе для произведенія дѣйствій благодатныхъ и спасительныхъ въ человѣкѣ.

Духовный, внутренній опытъ высокаго, могущественнаго и благотворнаго дѣйствія священно-таинственныхъ учрежденій есть самое близкое дознаніе ихъ силы и важности для тѣхъ, которые имѣютъ такіе опыты. Но здѣсь встрѣчается то затрудненіе, что вѣрные и полные опыты сего рода происходятъ только при чистой и совершенной вѣрѣ: а такая вѣра не есть достояніе общее; и въ тѣхъ, которые стяжали ее, не всегда доступна открытому дознанію. Совершенно вѣрующій получаетъ внутренніе опыты, какъ даръ Благодати, какъ плодъ вѣры, свыше потребности своего удостовѣренія. Маловѣрный, если пожелаетъ достигнуть тѣхъ же опытовъ для своего удостовѣренія, можетъ не достигнуть ихъ по самому маловѣрію. Не льзя ли однако найти средство воспользоваться и такими опытами, къ которымъ сами мы еще, можетъ быть, не способны? — Такое средство есть внимательное наблюденіе надъ духовными опытами людей дознанной святости и вѣры; и особенно надъ такими опытами, которые, такъ сказать, самъ Богъ учреждаетъ и производитъ надъ вѣрующими, ощутительно являя невидимую благодать, дабы возбуждать, привлекать и утверждать вѣру.

Съ примѣромъ такого опыта мы встрѣтились въ началѣ сего слова: обратимся къ оному вновь.

Богъ предопредѣлилъ Давида въ царя Своему народу; и хощетъ возвѣстить о семъ назначеніи Давиду и его семейству, прежде нежели настало время дѣйствительно исполнить предопредѣленіе. Орудіемъ Божіимъ избирается Самуилъ. Что же для сего нужно? — Кажется, только пойти, и сказать слово. Нужно ли еще какое особенное дѣйствіе? Какое? Чудесное для удостовѣренія Давида? — Юный Пророкъ и просто повѣритъ престарѣлому Пророку, Который отъ юности своей извѣстенъ всему Израилю, какъ истинный Пророкъ Божій. Обрядовое для торжественности? — Сіе, кажется, было бы даже не умѣстно; потому что это еще не дѣйствительное и торжественное воцареніе Давида, а только тайное предвозвѣщеніе, которое во время событія служило бы удостовѣреніемъ о волѣ Божіей. Но что глаголетъ Господь Самуилу? — *Наполни рогъ твой елеа* (1 Цар. XVI. 1.). И потомъ: *востани, и помажи Давида* (1 Цар. XVI. 12.). Если не можно подумать, чтобы Богъ содѣлалъ что либо излишнее или безполезное (ибо такъ думать было бы Богохуленіе): то надобно заключить, что помазаніе было въ семъ случаѣ благопотребно даже предъ очами Божіими, а посему не льзя уже не признать онаго важнымъ для человѣка. Еще болѣе дознается сіе изъ непосредственнаго дѣйствія помазанія надъ Давидомъ: *помаза его посредѣ братіи его: и нošашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ.* Вотъ опытное дознаніе того, что священное помазаніе не есть простой обрядъ, для впечатлѣнія на зрителей, ниже мертвый знакъ, связа и

ный съ означаемымъ только въ мысляхъ, а не въ самомъ дѣлѣ, но дѣйствіе таинственное, въ которомъ чувственный видъ невидимо есть сопутствуемъ или проникнутъ духовною и Божественною силою, и съ возліяніемъ елея на помазуемаго соединено наитіе благодати.

Не стану собирать примѣровъ. И одинъ ясный и достовѣрный не мало вразумить можетъ. Поспѣшимъ принять вразумленіе.

Если ветхозавѣтныя священно-обрядовыя дѣйствія оказываются имѣющими толикую важность и силу, тогда какъ онѣ были только *сѣнь грядущихъ* (Колос. II. 17.), тогда какъ не *у бѣ Духъ Святый* изливаемъ обильно, *яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. VII. 38.): то что должно думать о новозавѣтныхъ священно-таинственныхъ установленіяхъ, получившихъ начало свое отъ Самого Іисуса Христа, тогда какъ *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать* (Іоан. I. 16.); тогда какъ живоносные токи Святаго Духа, обильно излівшагося на Апостоловъ, потому что Іисусъ уже прославленъ, текутъ непрерывно, и орошаютъ все исполненіе Церкви, потому что прославленный Іисусъ пребываетъ съ нею *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII. 20.)? Не больше ли еще важны, не паче ли исполнены благодати сіи учрежденія? Какого же онѣ требуютъ вниманія? Какого благоговѣнія?

Креститься, по слову Господню, есть *родиться водою и духомъ*. Крещены всѣ мы. Что жъ? Помышляемъ ли мы о томъ, что носимъ въ себѣ новое духовное рожденіе? Тщимся ли хранить, питать, возращать сіе вышнее рожденіе?

Господь рекъ на таинственной вечери, и при каждомъ повтореніи того же священнодѣйствія глаголетъ и здѣсь: *сіе есть тѣло Мое; сія есть кровь Моя.* Гдѣ Тѣло и Кровь Господа, распятаго, но и воскресшаго: тамъ, безъ сомнѣнія, и Духъ Его, и Божество Его; тамъ Самъ Онъ присутствуетъ; тамъ близко стоимъ мы предъ Нимъ, предъ Которымъ и Ангелы трепещутъ: и чувствуемъ ли внутренно близость Его? по крайней мѣрѣ, помышляемъ ли о ней благоговѣйно? Не забываемся ли здѣсь иногда, какъ не позволили бы себѣ забыться въ присутствіи великихъ земли?

Рече Господь: *глаголы, яже Азъ глаголю, духъ суть, и животъ суть* (Іоан. VI. 63.). Сіи самые глаголы оглашаютъ насъ въ Евангеліи; слѣдственно духъ и жизнь исходитъ въ нихъ. Какъ издалека, и съ какимъ усиліемъ устремлялся на встрѣчу глаголамъ Господа нашего тотъ, который въ уста духовной, таинственной невѣсты сего Божественнаго Жениха вложилъ сіи слова: *душа Моя изыде въ слово Его* (Пѣсн. V. 6.)! Наша душа, при толикой близости, исходитъ ли въ срѣтеніе слову Господню благоговѣйнымъ вниманіемъ? Отверзается ли сердце наше вѣрою къ принятію духа и жизни въ глаголахъ Евангелія? Не случается ли, что духъ и жизнь течетъ въ провозглашеніи сихъ глаголовъ; а мы остаемся безъ внутренняго чувства и движенія, какъ мертвые камни въ струяхъ живаго потока?

Сократимъ слово. Все священное въ Церкви пріосѣнено духомъ Благодати. Да приносимъ благоговѣніе и вѣру; и да пріемлемъ Благодать. Иначе самая близость Благодати тѣмъ тягчае осудитъ нашу невнимательность и небреженіе. Аминь.

## 18. СЛОВО

**Въ день священнаго Вѣнчанія и Помазанія на Царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи, говоренное Августа 22 дня, 1842 года.**

*Да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ, не оставляюще собранія своего, якоже есть нѣкимъ обычай, но другъ друга подвизающе.* Евр. X. 24. 25.

Праздникъ Царскаго помазанія и Царскаго вѣнца празднуемъ сынове Россіи. Достойно и праведно празднуемъ. Это праздникъ Государя, торжествуемый вѣрностію и любовію подданныхъ, и вмѣстѣ праздникъ Государства, веселящагося о своемъ благѣ. Потому что, хотя Царское

помазаніе и вѣнецъ предоставлены единому Царю, но не для Него единаго. Не входя въ испытаніе, какимъ образомъ съ видимымъ помазаніемъ соединено преподаніе даровъ духовныхъ (потому что таинство должно всегда оставаться таинствомъ, и слѣдственно пребывать недоступнымъ изъясненію); — можемъ однако позволить себѣ указаніе на ту символическую черту тайнодѣйствія, что какъ отъ простаго помазанія благовонною мастію одного человѣка, многимъ окружающимъ сообщается ощущеніе благоуханія; такъ отъ таинственнаго мѵропомазанія Царя животворное благоуханіе распространяется на все царство. Подобнымъ образомъ и Царскій вѣнецъ не только главу Царя увѣнчаваетъ, но увѣнчаваетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и благоустройство, и благосостояніе, и благолѣпіе царства. Такъ должно быть, по намѣренію Провидѣнія: такъ и есть съ нами, Россіяне, по благости Провидѣнія, и по доблести Благочестивѣйшаго Самодержца.

Но когда празднующая мысль приступаетъ ближе къ предмету празднованія, чтобы возвеселиться созерцаніемъ Его величія; когда разсматриваетъ, какъ державный умъ проходитъ по всему огромному составу Государства, объемлетъ вниманіемъ и разнообразнымъ попеченіемъ жизнь, безопасность, довольство, нравы, просвѣщеніе, вѣрованіе милліоновъ народа, чтобы повсюду добро насаждать, возращать, охранять, зло пресѣкать, отвращать, предупреждать, необразованное образовать, несовершенное усовершать, поврежденное исправлять, и для сего по временамъ изрекаетъ новые, или дополняетъ прежніе законы, непрестанно движетъ многочисленныя пружины управленія, бдитъ надъ правосудіемъ, зиждетъ и одушевляетъ воинство; какъ Онъ проницательные и дальновидные взоры простираетъ далѣе предѣловъ своего, въ иныя царства, дабы отвсюду ограждать и утверждать миръ, пріобрѣтать и поддерживать добрыхъ союзниковъ, подавлять сѣмена раздоровъ, браней и крамолъ, обезоруживать завистъ, высматривать обще-полезное, и усвоять, открывать вдали крадущееся вліяніе какой нибудь иноземной заразы, и преграждать ему стези: при такихъ помышленіяхъ о подвигахъ Царя, къ радости о Немъ присоединяется и удивленіе, и забота любви. Сколько бременъ, къ облегченію всѣхъ насъ, несутъ однѣ державныя рамена! О если бы и мы взаимно могли какъ нибудь споспѣшествовать облегченію оныхъ!

Нѣкоторое средство для сего преподаетъ намъ Святая Церковь. Это есть молитва за Царя. Ибо если, по слову Писанія, *много можетъ молитва* одного *праведнаго* (Іак. V. 16.): то конечно не мало можетъ молитва благовѣрнаго народа, въ которомъ уповательно Господь имѣетъ не одного праведнаго, потому что для праведныхъ Онъ и хранитъ міръ.

Но дабы поискать, нѣтъ ли еще способа, которымъ бы подданные, не прикасаясь къ дѣламъ Самодержца, могли споспѣшествовать облегченію Царскаго бремени, — вообразимъ, что всѣ подданные жили бы въ любви между собою, и не дѣлали ничего, кромѣ добрыхъ дѣлъ. Какъ облегчилось бы дѣло Царево! Не нужно было бы умножать законы; потому что любовь исполняетъ законъ, прежде нежели онъ написанъ. Уменьшились бы заботы о порядкѣ и благочиніи общественномъ; потому что *любы не безчинствуетъ* (1 Кор. XIII. 5.). Долгій праздникъ былъ бы отъ дѣлъ правосудія; потому что не добрыя дѣла даютъ работу Судамъ. Тогда Царь былъ бы въ полномъ смыслѣ тѣмъ, чѣмъ представляетъ Его молящаяся Церковь, *Отцемъ* о *чадѣхъ веселящимся.* Что жъ? Не можемъ ли мы сами споспѣшествовать тому, чтобы въ царствѣ всѣ жили въ любви, чтобы всѣ подвизались въ дѣланіи дѣлъ добрыхъ? — И можемъ, и должны. Не я изобрѣтаю сіе: сіе проповѣдуетъ и завѣщаваетъ Апостолъ. *Да разумѣваемъ,* говоритъ, *другъ друга въ* поощреніи *любве и добрыхъ дѣлъ, не оставляюще своего собранія, яко же есть нѣкимъ обычай, но другъ друга подвизающе.*

По истинѣ, братія, если судьба, рожденіе, законъ ввели насъ въ единое собраніе, совокупили въ единое общество: то конечно не для того, чтобы каждый зналъ только себя, и не заботился знать другихъ, и споспѣшествовать ихъ благу. Сіе было бы противно понятію и существу об-

щества. Союзъ общества связуется не иначе, какъ взаимностію: взаимнымъ содѣйствіемъ, помощію, споспѣшествованіемъ. Взаимныя обязанности членовъ общества частію опредѣляются въ законахъ, и распредѣляются по званіямъ и должностямъ; частію изрекаются совѣстію, и простираются на всѣхъ. Когда тать вламывается въ домъ гражданина, или въ сокровищницу общественную: кто, благонамѣренный, видя сіе, скажетъ: не мое дѣло? Не каждый ли почувствуетъ себя обязаннымъ споспѣшествовать общественной и частной безопасности? Если такимъ образомъ на каждомъ лежитъ обязанность отвращать зло, частное или общественное: меньше ли всеобща, меньше ли сильна, не больше ли благородна обязанность распространять добро частное, и, поколику возможно, чрезъ частное—общественное, и особенно высшее добро нравственное и духовное, которое есть душа истиннаго благосостоянія общественнаго?

Христіанство соединяетъ насъ, братія, союзомъ болѣе тѣснымъ, нежели общество просто человѣческое,—союзомъ не только единой власти, взаимныхъ нуждъ, общей пользы, но и союзомъ единой жизни. По ученію Апостольскому и Церковному, всѣ мы, подъ главою Христомъ, едино тѣло есмы. И такъ тѣмъ очевиднѣе сія опытная истина, что *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди; аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди* (1 Кор. XII. 26.); тѣмъ непоколебимѣе сей законъ, тѣмъ непреложнѣе сія обязанность, *да равно единъ о другомъ пекутся вси уди* (25). И какое другъ о другѣ попеченіе для Христіанъ нужнѣе, важнѣе, благотворнѣе, какъ поощреніе другъ друга къ любви Христіанской и къ добрымъ дѣламъ?

Слыша сіе, не отвѣтствуютъ ли мнѣ мысленно нѣкоторые: твое дѣло поощрять другихъ къ любви Христіанской и добрымъ дѣламъ; исполняй свою обязанность. — Нѣтъ у меня спора противъ сего; признаю мою обязанность; пріемлю ваше поощреніе къ исполненію ея; исповѣдую съ Апостоломъ, что *горе мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. IX. 16.). Но и вы не должны уклоняться отъ исполненія обязанности, которую на меня и на васъ равно возлагаетъ Апостольское слово. Въ другомъ случаѣ Святый Павелъ сказалъ мнѣ, то есть вообще поставленному Церковію служителю Христіанскаго ученія: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. IV. 2.). Но вотъ, онъ не говоритъ различительно: пастыри поощряйте къ добру пасомыхъ, священники подвизайте народъ; а говоритъ ко всѣмъ безъ различія, безъ изъятія: *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ, — другъ друга подвизающе*. И ненапрасно такъ распиряетъ онъ сію обязанность: потому что для нея однихъ Церковію поставленныхъ учителей не достало бы. Сколько людей, сколько направленій ума, склонностей, занятій, сколько разнообразныхъ положеній и случаевъ жизни, которые требуютъ наставленія, совѣта, увѣщанія, по которымъ не можетъ преслѣдовать Церковное наставленіе и Церковный наставникъ! И такъ необходимо, чтобъ и сами наставляемые часто другъ друга вразумляли, остерегали, поощряли къ добру.

Здѣсь можно встрѣтиться съ новымъ прекословіемъ. Развѣ надобно, скажутъ, всѣмъ быть учителями другихъ?—Отнюдь нѣтъ. Противъ сей крайности мы имѣемъ ясное запрещеніе Апостольское: *не мнози учители бывайте* (Іак. III. 1.). Богъ Церкви Своей *далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри и Учители* (Еф. IV. 11.), а не отдалъ каждому на произволъ поставлять себя въ духовные наставники. О семъ именно сказано, что *никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога* (Евр. V. 4.), или непосредственно, какъ вначалѣ Апостолы, или преемственно, чрезъ званныхъ отъ Бога прежде. О множествѣ же не призванныхъ учителей Духъ Святый предваряетъ насъ, какъ о принадлежности несчастныхъ временъ: *будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ*

*баснемъ уклонятся* (2 Тим. IV. 3. 4.). Противъ сего самодѣльнаго, и потому обманчиваго и опаснаго учительства, поставляетъ преграду Богопоставленный наставникъ, когда, увѣщавая всѣхъ насъ поощрять другъ друга къ добру, тотчасъ присовокупляетъ: *не оставляюще своего собранія, яко же есть нѣкимъ обычай. Свое* для истинныхъ Христіанъ *собраніе*, есть Соборная Православная Церковь. Ея должно держаться, въ ея послушаніи пребывать, чтобы ревность побуждать другихъ къ добру не перешла въ самочиніе, и не повела къ раздѣленіямъ и заблужденіямъ.

Когда дѣло идетъ о догматахъ, о таинствахъ, о священноначаліи: берегись, чтобы не явиться дѣлателемъ, котораго не посылалъ Господь въ виноградъ Свой. Если Тотъ, Кѣмъ *все тѣло* Церкви, *составы и союзы подаемо и снемлемо, раститъ возращеніе Божіе* (Кол. II. 19.), не устроилъ тебя окомъ или устами сего тѣла: не присвояй себѣ особенныхъ обязанностей сихъ членовъ. Не можетъ рука или другой членъ сказать оку или устамъ: я исполню вашу должность. Но есть обязанности, которыя никакому члену тѣла не чужды, какъ то: сохранять жизнь, отвращать опасность. Жизнь тѣла духовнаго есть любовь; такъ какъ напротивъ *нелюбяй пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. III. 14.). Добрыя дѣла суть проявленія жизни духовной. Итакъ, чтобы жизненная сила любви Христіанской не угасла, чтобы плоды ея не оскудѣли, чтобы не подавили ея мертвыя дѣла суеты и порока, о семъ должны заботиться всѣ безъ изъятія члены Церкви. Можетъ ли какой нибудь членъ тѣла сказать другому: я не забочусь, есть ли, и будетъ ли въ тебѣ жизнь, или нѣтъ? —Надобно всѣмъ намъ, братія, сочлены единаго тѣла Церкви, другъ друга охранять отъ смерти грѣховной, другъ друга поощрять къ Боголюбію и братолюбію, другъ друга подвизать на дѣла благія.

Но какъ исполнять сіе, безъ права учительства, и безъ неумѣстныхъ притязаній учительства? — Сему едва ли не лучше разсужденій можетъ научить—доброе намѣреніе. Случаи поощрять другъ друга къ добру безчисленны: если усердно воспользуемся хотя нѣкоторыми удобнѣйшими; то мы уже вступили въ добрый путь: а кто вступилъ въ путь, и остановиться не хочетъ; предъ тѣмъ самъ собою открывается дальнѣйшій путь.

Примѣчателенъ особенный образъ выраженія въ Апостольскомъ увѣщаніи: *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ*. Симъ указуется на нашу знаемость другъ другу, и чрезъ нее пролагается путь взаимному поощренію къ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, сколько людей, которыхъ мы знаемъ, съ которыми знакомимся, видимся, проводимъ время, безотчетно предаваясь развлеченію, часто не догадываясь даже спросить себя о пользѣ нашихъ общеній! Для чего жъ бы не сдѣлать сію знаемость болѣе разсудительною? Для чего бы не дать знакомствамъ болѣе возвышеннаго направленія? *Да разумѣваемъ другъ друга*, не по образу только видимому, но паче по невидимому въ насъ образу Божію, не по ласковымъ привѣтствіямъ, но паче по словесамъ истины и цѣломудрія, не по родству только земному, но и по небесному родству чадъ Божіихъ, не только по связямъ временныхъ нуждъ, выгодъ, удовольствій, но гораздо болѣе по святому союзу въ исканіи благъ вѣчныхъ, не по видамъ любочестія, но по стремленію къ почести вышняго званія о Христѣ Іисусѣ. Такъ разумѣвая другъ друга, сколько времени и дѣятельности, такъ небрежно иногда расточаемыхъ на праздныя бесѣды, на увеселенія, на суеты, могли бы мы сберечь, и обратить на употребленіе, сообразное съ достоинствомъ человѣка и сына Церкви и Отечества, на разсужденія о истинномъ благѣ каждаго и всѣхъ, о нашемъ собственномъ и взаимномъ усовершеніи, на чтеніе назидательное и душеполезное, вмѣсто безплоднаго и раздражающаго страсти, наконецъ на самыя дѣла добрыя, и другихъ къ добру поощряющія!

Но это значило бы измѣнить направленіе господствующихъ въ обществѣ обычаевъ? Кто можетъ сіе сдѣлать?— Да, ты, и я, сдѣлать сего не можемъ: потому-то мудрость Апостольская и не обращается къ тебѣ или ко мнѣ съ повелѣніемъ поощрять другихъ къ добру, но всѣмъ со-

вокупно заповѣдуетъ: *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ.* О, если бы хотя не всѣ, хотя довольно многіе, возревновали о семъ дѣятельною ревностію, постоянно имѣли сіе въ намѣреніи, не затрудняясь мѣлочными препятствіями въ немаловажномъ подвигѣ!—Доброе соединеніе добрыхъ волей, безъ сомнѣнія, много возраститъ ихъ силу, и въ обиліи привлечетъ благословеніе и силу Божію; и тогда добро рѣшительно превозможетъ; любовь воцарится; благоденствіе царства и Царя будетъ совершено; царство земное будетъ предградіемъ града небеснаго. И да будетъ! — Аминь.

## 19. СЛОВО

**Въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Престола, Государя Цесаревича, Великаго Князя, Александра Николаевича, говоренное Апрѣля 17 дня, 1835 года.**

*Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Матѳ. XVIII. 10.

Слава и благодареніе Царю Царствующихъ! День рожденія Благовѣрнаго Государя Цесаревича, Наслѣдника Престола, возвращается къ намъ, сыны Россіи, не только съ обычною радостію, но, можно сказать, съ радостію возрастающаго торжества. Его жизнь является намъ, не только какъ благословенная отрасль благословеннаго корени, не только какъ цвѣтъ прекрасный, блистающій изящными качествами наслѣдственными, но уже и какъ цвѣтъ, оплодотворенный достойнымъ высокаго рожденія и назначенія воспитаніемъ. Первенецъ и Наслѣдникъ Царя, по сему самому, очевидно выше всего въ царствѣ: но не видали ль вы, какъ Онъ являлся сперва въ рядахъ простыхъ воиновъ, потомъ предъ ихъ рядами въ низшихъ степенахъ военнаго начальствованія; какъ знаки сихъ степеней, одинъ по другомъ, пріобрѣталъ Онъ успѣхами въ преподаваемомъ Ему воспитаніи; какъ самое имя Цесаревича получилъ Онъ не только какъ свое достояніе, по праву Наслѣдника Престола, но и какъ награду, по времени, по заслугѣ? Такъ руководствовалъ и руководствуетъ Его благопопечительный Родитель, чтобы въ Наслѣдникѣ Престола образовать Наслѣдника Отеческихъ доблестей: и собственною, такъ сказать, рукою возводя Его къ сему совершенству, симъ же самымъ подаетъ высокое, но всѣмъ понятное, и для всѣхъ убѣдительное, наставленіе родителямъ и дѣтямъ.

И сіе-то подаетъ теперь и мнѣ мысль предложить, для обыкновеннаго круга жизни, нѣсколько размышленій объ особенномъ вниманіи, какого требуютъ дѣти и ихъ воспитаніе.

Общее правило: пекись о дѣтяхъ, не требуетъ долгаго ученія и многихъ доводовъ. Его проповѣдуетъ природа. Она говоритъ въ сердцѣ родителей въ пользу дѣтей; и не удивительно: жизнь родителей чувствуетъ свою отрасль въ жизни дѣтей, и естественно хочетъ, чтобы она расла и цвѣла. Но, что̀ болѣе удивительно, природа въ самыхъ дѣтяхъ говоритъ за нихъ, и еще прежде, нежели они говорить умѣютъ: видъ младенца умягчаетъ и не родительское сердце, и, если онъ безпомощенъ, влечетъ къ тому, чтобы оказать ему помощь.

Безсловесныя проповѣдуютъ человѣку попеченіе о дѣтяхъ. Большая часть изъ нихъ питаютъ своихъ дѣтей; охраняютъ съ заботливостію и ревностію, переходящею въ ярость, и даже съ опасностію своей жизни: а нѣкоторыя и учатъ своихъ дѣтей тому, что принадлежитъ къ свойственному ихъ жизни совершенству.

Но человѣка сильнѣе, нежели безсловесныхъ, влечетъ природа къ попеченію о дѣтяхъ внутреннимъ побужденіемъ, и нудитъ необходимостію внѣшнею. Въ безсловесныхъ привязанность къ дѣтямъ оканчивается съ незрѣлостію ихъ возраста: въ человѣкѣ она простирается далѣе, и остается навсегда. Дѣти безсловесныхъ скорѣе и съ меньшими пособіями выходятъ

изъ состоянія безпомощности и незрѣлости, нежели дѣти человѣка. Если бы при семъ замѣчаніи вздумалось кому спросить: не обиженъ ли такимъ образомъ человѣкъ въ сравненіи съ безсловесными?—На сіе не обинуясь отвѣчать можно: нѣтъ. И во-первыхъ, потому, что нѣкоторыя несовершенства рожденія и жизни человѣка, нами примѣчаемыя, не принадлежатъ къ первоначальной, чистой природѣ человѣка, но, какъ показываетъ священное преданіе, суть послѣдствія и признаки ея поврежденія прародительскимъ грѣхомъ, въ началѣ произвольнаго, а потомъ уже наслѣдственнаго. Во-вторыхъ, потому, что какъ безсловесныя, тѣмъ болѣе пособій къ жизни должны были получить отъ природы, чѣмъ менѣе способны увеличить оныя своимъ дѣйствованіемъ, не имѣя разума; такъ напротивъ человѣка нужно было не слишкомъ ограждать пособіями природы, чтобы не стѣснить поприща, предоставляемаго разуму его и свободѣ. Если бы пособія и побужденія природы такъ же властно, и такъ же легко, какъ безсловесныхъ, двигали человѣка къ цѣлямъ жизни: то что было бы дѣлать его разуму? Гдѣ была бы его свобода? Гдѣ достоинство разумнаго и свободнаго выбора, заслуга, добродѣтель, а слѣдственно и высокое нравственное блаженство свободнаго существа? Дорого же, скажутъ, покупается совершенство человѣческой жизни, всегда только искомое, очевидно жалкимъ несовершенствомъ ея начала! — Да, можетъ быть, не дешево; за то и покупается драгоцѣнное. Какая цѣна можетъ быть довольно дорога, чтобы купить небесное совершенство, къ которому приготовляется человѣкъ на земли? Но и самыя низшія совершенства земной жизни человѣка не бываютъ такъ малы, чтобы можно было пожелать промѣнять оныя на подобныя совершенства жизни безсловесныхъ. Захотѣлъ ли бы, напримѣръ, человѣкъ промѣнять свой прекрасный, или даже простой, домъ на жилище бобра, или гнѣздо птицы, хотя сіи послѣднія однимъ побужденіемъ природы, легче, нежели дѣла человѣческаго разума, устрояются безъ архитектора, безъ каменщика, безъ плотника, безъ денегъ? Сіе мимоходное оправданіе судьбы человѣка въ несовершенствѣ его рожденія, не отводитъ меня отъ цѣли настоящаго размышленія, но ведетъ къ оной. Если человѣкъ раждается болѣе прочихъ животныхъ безпомощнымъ, и болѣе ихъ требуетъ пособій къ усовершенствованію своей жизни: то особенная судьба человѣчества говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ. Если природа не такъ усильно обработываетъ человѣка, потому что не хочетъ владычествовать надъ нимъ, какъ надъ рабомъ: потому что довѣряетъ обработать его разуму и свободѣ; а разумъ и свобода въ человѣкѣ открываются не вдругъ, и не безъ помощи, но требуютъ пособія отъ разума прежде открытаго, и направленія отъ свободы прежде испытанной и обработанной: то достоинство разума и свободы говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ. Если человѣкъ, зачатый въ беззаконіяхъ и рожденный въ грѣхахъ, долженъ быть очищенъ и возведенъ къ совершенству небесному: то жалкое начало, и высокое назначеніе, вдругъ, и печальнымъ, и торжественнымъ голосомъ, говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ.

Но тамъ, гдѣ глаголетъ Христосъ, всего лучше послушать, что Онъ глаголетъ. *Блюдите*, глаголетъ, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Сіе сказалъ Онъ Апостоламъ, когда, *призвавъ отрока, постави е посреди ихъ:* и потому, хотя оное изреченіе, въ высшемъ знаменованіи, въ качествѣ притчи, относилось къ младенцамъ вѣры, но оно сказано было не мимо и естественныхъ младенцевъ, изъ коихъ одинъ былъ видимымъ и непосредственнымъ предметомъ слова Господня, и особенно не мимо дѣтей Христіанскихъ, которые обыкновенно суть и младенцы вѣры, по крещенію. Посему каждый разъ, когда Господь рукою Своего Провидѣнія поставляетъ предъ вами дитя, когда оно вамъ родится, или ввѣряется вашему попеченію властію и закономъ, или приводится въ руки ваши нуждою и безпомощностію, вы можете представлять себѣ, что Господь смотритъ на оное, и говоритъ вамъ: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ.*

И какъ сильно подкрѣпляетъ Онъ сію заповѣдь! *Аминь бо глаголю вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* То есть: *Ангели* служатъ хранителями дѣтей; слѣдственно имѣютъ къ нимъ вниманіе, заботятся о нихъ, уважаютъ ихъ: какъ же вамъ оставлять ихъ безъ попеченія, безъ вниманія, въ пренебреженіи? Ангели ихъ *на небесѣхъ*, и нисходятъ для нихъ на землю: вы ли не захотите наклонить вашу земную гордость къ ихъ малому возрасту? Ангели ихъ *выну видятъ лице Отца небеснаго*, и отъ сего блаженнаго созерцанія обращаютъ взоръ къ пеленамъ и колыбели, и слухъ къ плачу или лепетанію младенца; вамъ ли покажется или скучнымъ, или малымъ дѣломъ попеченіе о малыхъ сихъ? И кто же посылаетъ Ангеловъ къ младенцамъ человѣческимъ? Кто, какъ не Самъ Творецъ Ангеловъ и человѣковъ? Подумайте же: небо приходитъ въ движеніе, чтобы сберечь на землѣ жизнь или непорочность вашего младенца; а между вами нѣтъ ли такихъ, которые безъ состраданія слышатъ вопль младенца на колѣняхъ нищеты, которые смотрятъ на возрастаніе собственныхъ дѣтей не съ большимъ вниманіемъ, какъ на траву, растущую въ полѣ? Пожелаемъ, чтобы не нашлось столь жестокосердыхъ, или столь нерадивыхъ, и не станемъ болѣе говорить о нихъ.

Держась слова Господня, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ осмотрительно должно быть вниманіе къ дѣтямъ, и попеченіе о нихъ. *Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ.* Остерегайтесь, чтобы такое пренебреженіе не прокралось, тогда какъ вы не расположены предаться оному съ сознаніемъ. *Блюдите*, родители и воспитатели, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ*, которыхъ вы родили, которыхъ вы воспитываете. Вы, можетъ быть, не подозрѣваете и возможности сего презрѣнія: потому-то и сказано: будьте осмотрительны, остерегайтесь, *блюдите*.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если они по опыту принадлежатъ кормилицѣ, нянѣ, надзирательницѣ, болѣе, нежели отцу и матери, и болѣе, нежели то нужно. Природа, или лучше, Творецъ природы, одной и той же особѣ матери даетъ и млеко кормилицы, и заботливость няни. Правда, что раздѣлять сіи служенія не рѣдко, больше или меньше, заставляютъ, то немощь матери, то ея другія обязанности; но если сіе дѣлается только по склонности къ беззаботной жизни, по необдуманному подражанію примѣрамъ подобной безпечности: то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдругъ у двухъ младенцевъ,—и у младенца кормилицы, и у своего собственнаго, и заставлять ли своего младенца пить изъ груди кормилицы, можетъ быть, тоску по оставленномъ сю собственномъ дѣтищѣ, вмѣсто того, чтобы онъ пилъ любовь изъ груди своей матери. Мать, которая кормитъ и носитъ на рукахъ своего младенца, отецъ, который въ минуты отдыха отъ своихъ дѣлъ, также беретъ его на руки и учитъ его первымъ наименованіямъ того, что священно и любезно,—*блюдите, да не презрите,* — они дѣлаютъ и прекрасное и важное дѣло: они наслаждаются сими занятіями, дитя также наслаждается; и въ то же время любовь и доброта родительская непрестанно сѣетъ въ сердце дитяти сѣмена дѣтской любви и доброты, и раннимъ и обильнымъ сѣяніемъ приготовляетъ многоплодную жатву.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если хотятъ только забавлять ихъ, и забавляться ими, и особенно тогда, какъ настаетъ время болѣе учить ихъ, нежели забавлять. Такое неосмотрительное обращеніе съ дѣтьми обличаетъ, и совѣтъ противъ онаго подаетъ древній Мудрецъ въ слѣдующихъ изреченіяхъ: *ласкай чадо, и устрашитъ тя; играй съ нимъ, и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболиши о немъ. Накажи сына твоего, и дѣлай имъ, да не въ безстудіи его попкнешися* (Сир. XXX. 9. 10. 13.). Премудра и спасительна та родительская любовь, которая, стѣсняя саму себя, нѣсколько удерживаетъ ласку къ дѣтямъ, нѣсколько скупится на утѣшенія имъ, чтобы сберечь сіе въ поощреніе и въ награду ихъ послушанію, или успѣхамъ въ полезномъ ученіи.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если и учатъ ихъ, но болѣе пріятному, нежели полезному. Искусства и познанія пріятныя доставляютъ жизни человѣческой, такъ сказать, приправы и лакомства, а не хлѣбъ и пищу: не странно ли было бы заботливо собирать къ столу, какъ можно болѣе, приправъ и лакомствъ, и не заботиться о томъ, будетъ ли хлѣбъ и пища?

Небрегутъ о дѣтяхъ, если старательнѣе учатъ ихъ полезному для жизни временной, нежели спасительному для души безсмертной; если тщательнѣе меблируютъ ихъ голову наборомъ словъ и понятій, нежели воздѣлываютъ вертоградъ ихъ сердца, исторгая изъ него дикія травы неправильныхъ склонностей и привычекъ, насаждая въ немъ благія чувствованія къ добродѣтели, ограждая его отъ вѣтровъ легкомыслія и отъ бурь страстей; если при воспитаніи не довольно помнятъ, и не довольно употребляютъ въ дѣло, сколь важное само въ себѣ, столь же благодѣтельное для всѣхъ отраслей познанія, начало ученія: *начало премудрости страхъ Господень; разумъ же благъ всѣмъ творящимъ его* (то есть: хорошія познанія хороши для тѣхъ, которые употребляютъ ихъ на хорошія дѣла); *благочестіе же въ Бога начало чувства* (Прит. 1. 7.). Вы обработываете въ дѣтяхъ будущихъ гражданъ, воиновъ, словесниковъ, письмоводцевъ, художниковъ, промышленниковъ: хорошо; но *блюдите, да не презрите* — не пренебрегите того, что еще лучше, того самаго, въ обработываніи чего хотятъ помочь вамъ *Ангели ихъ*, которые *на небесѣхъ выну видятъ лице Отца вашего небеснаго*, — не пренебрегите образованія въ нихъ сыновъ Церкви, приготовленія будущихъ гражданъ неба.

Предоставляю слушающимъ продолжить сіи размышленія: ибо имѣю причины думать, что вниманіе къ предмету сихъ размышленій, то есть, къ воспитанію дѣтей, довольно распространяется. Примѣръ Царя, благословеннаго Отца и благопопечительнаго Воспитателя, и примѣръ Первенца Царева, расширяющаго юныя крыла во слѣдъ величественному полету Родителя, величественно и усладительно свѣтитъ и родителямъ, и дѣтямъ, и воспитателямъ, и воспитываемымъ; и благодѣтельная попечительность о воспитаніи дѣтей простирается отъ высшихъ до среднихъ, и даже до низшихъ сословій народа. Въ сей самый день гражданство сей Столицы открываетъ памятникъ незабвеннаго дня совершеннолѣтія Государя Цесаревича, Наслѣдника Престола: и сей памятникъ будетъ не бездушный мраморъ или мѣдь, но осмидесятерица отроческихъ душъ, у которыхъ бѣдность отнимала надежду добраго воспитанія, и которыя получатъ сіе благодѣяніе отъ добрыхъ душъ Россіянъ, благодарныхъ Богу за своего Царя, славу Россіи, и за Наслѣдника Его, надежду Россіи.

Воистину, благодареніе Царю Царствующихъ, благостынно хранящему и возращающему доблести Престола, и оттолѣ распространяющему всякое добро въ царствѣ и народѣ. Ангелы Его, хранители Царей и Царствъ, да ополчаются выну окрестъ Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора, Благочестивѣйшія Государыни Супруги Его, Благовѣрнаго Наслѣдника Его, и окрестъ всего Августѣйшаго Дома; и охраняя Ихъ, симъ самымъ да охраняютъ благо и спасеніе всея Россіи. Аминь.

## 20. СЛОВО

**Въ день Тезоименитства Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Престола, Цесаревича, Великаго Князя, Александра Николаевича, говоренное въ Успенскомъ Соборѣ, Августа 30 дня, 1832 года.**

*Бога бойтеся, царя чтите.* 1 Пет. II. 17.

Въ собраніи боящихся Бога и чтущихъ Царя, не трудно возвѣщать сіе ученіе. Прежде нежели предложено, уже оно принято; прежде нежели проповѣдано, исполняется. Ибо что привело васъ въ сей Домъ Божій, какъ не благочестіе, или страхъ Божій? Что собрало васъ именно нынѣ, и собираетъ въ подобные нынѣшнему дни

славы, радости и надежды Царевы, если не благоговѣйное почтеніе къ Величеству Помазанника Божія, соединенное съ любовію къ Нему и къ исполненному надеждъ — Наслѣднику Его величія и добродѣтелей, и съ желаніемъ сохранить надолго сіи дары Божіи?

Итакъ нужно ли повторять: *Бога бойтеся, царя чтите?* Радуюсь, если не нужно; надѣюсь, что не будетъ сіе излишно. Можетъ быть, не каждый изъ насъ размышлялъ, что значитъ, что двѣ заповѣди: *Бога бойтеся, царя чтите*, въ ученіи Святаго Апостола Петра поставлены рядомъ, въ непосредственномъ одна съ другою сближеніи. А въ семъ размышленіи, можетъ быть, найдется нѣчто достойное вниманія.

Подобное сближеніе мысли о Богѣ съ мыслію о царѣ встрѣчаемъ и у Самого Іисуса Христа, когда Онъ говоритъ: *воздадите Кесарева, Кесареви: и Божія, Богови* (Матѳ. XXII. 22.). Но здѣсь сочетаніе мыслей произведено не просто изволеніемъ говорящаго, а сложностію вопроса, на который Онъ отвѣтствуетъ: *достойно ли есть дати кинсонъ Кесареви, или ни?* — вопрошали Господа ученики Фарисеевъ и приверженцы Ирода, ожидая, что если отвѣтъ будетъ: должно; то Фарисеи могутъ обвинить Іисуса предъ народомъ въ недостаткѣ ревности по законѣ Божіемъ, въ которомъ написано: *полъ дидрахмы дань Господу* (Исх. XXX. 13.), а не земному царю; если же отвѣтъ будетъ: не должно; въ такомъ случаѣ Иродіане обвинятъ Іисуса предъ Римскимъ правительствомъ въ рѣчахъ, возмутительныхъ противъ Кесаря. Чтобы разсѣчь сію обоюдную сѣть, потребенъ былъ обоюдоострый отвѣтъ: отдайте Кесарево Кесарю, — заплатите дань Кесарю монетою, которая носитъ на себѣ его изображеніе и надпись, — знакъ его власти и его ручательства за безопасность собственности; отдайте Божіе Богу, — отдайте въ дань храму Божію полъ-дидрахмы, по предписанію закона Божія. Есть обязанности не только къ Богу, но и къ Царю; однѣ другимъ не противорѣчатъ; и тѣ и другія вмѣстѣ исполнять можно и должно.

Изреченія Святаго Апостола Петра въ его Посланіи не управляются какою либо примѣтною внѣшнею, случайною причиною. Его мысли свободно слѣдуютъ созерцанію истины, и его слова его же мыслямъ. Въ слѣдъ за мыслію о Богѣ само собою родится у него мысль о царѣ, и обязанность къ царю становится рядомъ съ обязанностію къ Богу. Что же особенно примѣчательное можемъ мы открыть въ семъ сочетаніи мыслей Апостола?

Прежде отвѣта на сей вопросъ, надобно вспомнить, что написанное въ первомъ вѣкѣ Христіанства теперь предлагается людямъ девятнадцатаго вѣка, что впрочемъ духъ Евангелія, какъ Духъ Божій, объемлетъ всѣ времена; и что посему онъ изрекаетъ въ первомъ вѣкѣ то, и такимъ образомъ, что и какимъ образомъ нужно и удовлетворительно и для девятнадцатаго, равно какъ для всѣхъ прочихъ вѣковъ.

Несчастное свойство мудрованія, болѣе въ нынѣшнія времена, нежели прежде господствующее въ умахъ, есть недовѣрчивость къ истинѣ, во всякомъ родѣ познаній. О всемъ, что прежде было признаваемо твердымъ основаніемъ прочихъ познаній, теперь спрашиваютъ, точно ли это есть основаніе, и, подъ предлогомъ испытанія и удостовѣренія, разными образами подкапываются подъ оное, не догадываясь, что сія работа есть только разрушительная, а не созидательная. На чемъ основано правило: *Бога бойтеся?* На чемъ основано правило: *Царя чтите?* Не потому ли Священникъ проповѣдуетъ почтеніе къ Царю, что надѣется отъ него покровительства своему служенію? Не потому ли Царь покровительствуетъ Олтарю, что надѣется имѣть его подпорою Престола? Не взаимная ли только польза соединяетъ Олтарь съ Престоломъ?

Прости меня, Святая, Божественная Истина, что я предъ Твоимъ Святилищемъ принужденъ открыть часть глубинъ омраченнаго, низверженнаго мудрованія!

А ты, достойное послѣднихъ временъ мудрованіе, высокое только въ гордомъ о себѣ мнѣніи, глубокое только потому, что роешься въ землѣ и прахѣ чувственныхъ опытовъ и мелочныхъ изысканій, плодови-

тое только сомнѣніями и подозрѣніями, твердое только въ упрямствѣ невѣрія! Слыши, если хочешь слушать безпристрастно, истина не колеблется стать противъ твоего дерзновеннаго испытанія, и просто явиться предъ твоими ухищренными изысканіями. Да, есть въ томъ польза, когда Олтарь и Престолъ союзны; но не взаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина, поддерживающая и тотъ и другой. Благо и благословеніе Царю, покровителю Олтаря: но не боится Олтарь паденія и безъ сего покровительства. Правъ Священникъ, проповѣдующій почтеніе къ Царю: но не по праву только взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось и безъ надежды взаимности.

Вотъ человѣкъ, который недавно былъ рыболовомъ, и который, переставъ быть такимъ, не сдѣлался чѣмъ нибудь болѣе важнымъ для Іерусалима и Рима, и нѣсколько другихъ, подобныхъ ему, вопіютъ Іерусалимлянамъ и Римлянамъ, Іудеямъ и язычникамъ: *Бога бойтеся!* Вѣруйте въ Господа Іисуса! Сей голосъ проходитъ вселенную, проходитъ вѣки. Тысячи и миріады Іудеевъ вѣруютъ въ Іисуса, ими распятаго. Милліоны бывшихъ многобожниковъ убоялись Бога Единаго. Повсюду Христіанскіе Олтари на развалинахъ Синагогъ Іудейскихъ и капищъ языческихъ. Какой могущественный царь помогъ сему огромному перевороту? Константинъ Великій?—Никакъ! Онъ пришелъ къ Олтарю Хрістову, когда сей уже стоялъ на пространствѣ Азіи, Европы и Африки:—пришелъ не для того, чтобы поддержать оный своею мощію, но для того, чтобы съ своимъ величествомъ повергнуться предъ его святынею. *Живый на небесѣхъ* рано *посмѣялся* (Псал. II. 4.) тѣмъ, которые поздно вздумали унизить Его Божественную Религію до зависимости отъ человѣческихъ пособій. Чтобы сдѣлать смѣшнымъ ихъ мудрованіе, Онъ три вѣка медлилъ призывать сильнаго Царя къ Олтарю Хрістову; а между тѣмъ со дня на день возставали на разрушеніе Олтаря сего цари, народы, жрецы, мудрецы, сила, искусство, корысть, неправда, хитрость, ярость. Что же наконецъ?—Все сіе исчезло: а Церковь Хрістова стоитъ; не потому, что поддерживается человѣческою силою, но потому, что и *врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18.); потому, что Хрістосъ царствуетъ, и Своимъ Царствомъ утверждаетъ вселенную, а не вселенною Свое Царство. *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся;*—ибо *утверди вселенную, яже не подвижится* (Псал. XCII. 1.).

Вотъ и другое возваніе бывшаго рыбаря: *царя чтите.* Пусть поищутъ мудрецы сомнѣній и подозрѣній, какая бы взаимность, выгода, надежда могла заставить сего проповѣдника пристрастно благопріятствовать царю. Кто былъ царь, который прежде и ближе другихъ встрѣтился съ проповѣдію Святаго Петра? — Иродъ. Какія же услуги оказалъ Иродъ Христіанству?—*Возложи*, говоритъ Книга Дѣяній Апостольскихъ (XII. 1—4.), *возложи Иродъ царь руцѣ озлобити нѣкія отъ Церкве. Уби же Іакова брата Іоаннова мечемъ. И видѣвъ, яко годѣ есть Іудеемъ, приложи яти и Петра,—егоже и емь всади въ темницу.* Ангелъ чудесно избавилъ Петра отъ темницы и отъ Царя: и послѣ того Петръ проповѣдуетъ: *царя чтите.* Чѣмъ также наградила Петра за подвиги Апостольскіе держава Римская? Не крестомъ почести, а крестомъ распятія. Петръ ожидалъ сего, съ вѣроятностію, по примѣрамъ, даже съ достовѣрностію, по предсказанію Господа: и почтеніе къ царю проповѣдывалъ подданнымъ царя, отъ котораго пострадать готовился. На чемъ же основывалась сія проповѣдь?—Конечно не на взаимности, выгодѣ, надеждѣ. На чемъ же?— Безъ сомнѣнія, на истинѣ Божественной, а не человѣческой. *Бога бойтеся: царя чтите.* Первая изъ сихъ заповѣдей тверда самостоятельно: въ мысли о Богѣ необходимо заключается мысль о благоговѣніи къ Богу. На первой утверждается вторая: ибо если вы боитесь Бога, то не можете не уважать того, что постановилъ Богъ; но какъ, по слову другаго Апостола, *нѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII. 1.), и власть верховная, ближайшій на земли къ Богу, *Божій слуга есть* (4.): то, благоговѣя истинно предъ

Богомъ, вы не можете не чтить усердно и Царя.

Теперь открылось, что думалъ Апостолъ, когда съ мыслію о страхѣ Божіемъ непосредственно соединилъ мысль о почтеніи къ царю. Онъ хотѣлъ кратко, но притомъ, чисто и основательно преподать ученіе о должности Христіанина и гражданина. Сказавъ: *Бога бойтеся*, онъ изложилъ ученіе Христіанина, и вмѣстѣ положилъ основаніе ученію гражданина. Сказавъ непосредственно засимъ: *царя чтите*, онъ не только изложилъ ученіе гражданина, но и утвердилъ оное на незыблемомъ основаніи Божественной Религіи. Онъ вдругъ показалъ—какъ независимое, Божественное достоинство Религіи, такъ зависящее отъ устроенія Божія, достоинство Царскаго Престола; какъ важность союза между Олтаремъ и Престоломъ, такъ ничтожность низкихъ, недостойныхъ помысловъ о томъ и другомъ.

Христіане! Если Апостольская заповѣдь: *Бога бойтеся*, нѣкогда своею внутреннею силою покорила себѣ невѣдавшіе Бога умы, враждебныя противъ Бога сердца язычниковъ; если ее вѣрно исполняли среди бѣдствій Христіанства, подъ пытками гонителей онаго: то мы, которые родились подъ священнымъ и благотворнымъ владычествомъ сей заповѣди, нынѣ, когда за ея исполненіе не только не преслѣдуютъ, но и одобряютъ, какое извиненіе можемъ найти для себя, если мы хладны къ благочестію, недѣятельны въ исполненіи воли Божіей?

Если непосредственно послѣ великой заповѣди: *Бога бойтеся*, могла стоять заповѣдь: *царя чтите*, тогда, какъ царь не чтилъ истиннаго Бога, и преслѣдовалъ Его чтителей: то какъ и священна, и легка, и сладостна должна быть для насъ сія послѣдняя заповѣдь, когда Царь надъ нами царствующій, не только знаетъ и исповѣдуетъ единаго съ нами истиннаго Бога, но и освященъ помазаніемъ Божіимъ, покровительствуетъ истинное благочестіе Своею властію, уполномочиваетъ Своимъ примѣромъ, ограждаетъ Своими законами и правосудіемъ, чтитъ Святыхъ Божіихъ, какъ и недавно почтилъ Онъ съ Церковію новопрославленнаго Святителя Митрофана? *Бога бойтеся: царя чтите*. Сіи двѣ заповѣди такъ соединены для насъ, какъбы два ока на одномъ лицѣ истины и правды. Не разрозните ихъ; не обезобразьте лица истины; не повредите одного изъ очей ея.

Боимся Бога,—говорятъ нѣкоторые суевѣры; и отрекаются молиться за царя, или давать ему дань, или вступать въ его службу. Не очевидно ли, что это не послѣдователи благочестія, но враги онаго, также какъ и отечества? Христосъ училъ: *воздадите Кесарева Кесареви*. Апостолы учили: *Царя чтите*. Кто учитъ не тому, чему поучалъ Христосъ и Его Апостолы: тотъ не послѣдователь, а врагъ Христовъ. Нѣгдѣ есть и инаго рода политическіе раскольники; они хотятъ, къ соблазну народовъ, имѣть царя, не освященнаго Царемъ царствующихъ, законъ человѣческій безъ закона Божія, власть земную безъ власти небесной, присягу безъ имени Божія. Знаете ли, что дѣлаютъ сіи неугомонные мудрователи? Они хотятъ выколоть у правды правое око. Можно ли основать законъ и власть только на зыбкомъ пескѣ мнѣній людскихъ? Какъ можетъ стоять земля безъ неба? Что значитъ слово: Клятва, безъ Всевидящаго и Всемогущаго, Который Одинъ даетъ сему слову духъ и силу, непоколебимо поддерживающую вѣрнаго, и неизбѣжно карающую измѣнника?

Братія! Да стоимъ твердо во всецѣлой истинѣ и правдѣ. Боящіеся Бога! *Царя чтите*. Чтущіе Царя! *Бога бойтеся*. Аминь.

## 21. СЛОВО

**Въ день торжества о рожденіи Великаго Князя Николая Александровича, говоренное въ Успенскомъ Соборѣ, Сентября 11 дня, 1843 года.**

Извѣстенъ вамъ тотъ обычай Святыя Церкви, что при наступленіи праздника, еще въ начинательномъ вечернемъ Богослуженіи, раскрываетъ она Священное Писаніе, и въ немъ показываетъ зеркало и

образъ того, что составляетъ предметъ праздника. Напримѣръ, празднуя память Праведника, она провозглашаетъ изъ священной книги: *память праведнаго съ похвалами* (Притч. X. 7.). Такимъ образомъ духовная законность праздника утверждается словомъ Божіимъ; сущность или таинство праздника изъясняется, и радость праздника получаетъ новый свѣтъ.

Въ настоящій праздникъ не могли мы сего исполнить до настоящей минуты: потому что сіе торжество, хотя предварительно призываемое нашими желаніями, объемлемое надеждами, тѣмъ не менѣе, по свойству предмета, внезапно насъ посѣтило. Исполнимъ же теперь хотя отчасти церковный обычай: покажемъ вамъ зеркало и образъ настоящаго торжества въ священныхъ книгахъ.

*Бысть слово Господне къ Наѳану: иди и рцы рабу Моему Давиду:—возставлю сѣмя твое по тебѣ, иже будетъ отъ чрева твоего, и уготовлю царство его, и управлю престолъ его до вѣка. — По всѣмъ словесемъ симъ, и по всему видѣнію сему, тако глагола Наѳанъ къ Давиду. И вниде царь Давидъ, и сѣде предъ Господемъ, и рече: возлюбилъ мя еси даже до сихъ. И мала сія предъ Тобою суть, Господи мой Господи, и глаголалъ еси о домѣ раба Твоего вдалеко. — И что приложитъ Давидъ еще глаголати къ Тебѣ? И нынѣ Ты вѣси раба Твоего, Господи мой Господи. И раба Твоего ради сотворилъ еси, и по сердцу Твоему сотворилъ еси все величество сіе сказати рабу Твоему, величія ради Твоего, Господи мой Господи. Нѣсть бо инъ, якоже Ты, и нѣсть Богъ развѣ Тебе во всѣхъ, яже слышахомъ ушима нашима. И кто якоже людіе Твои Израиль, языкъ инъ на земли? Яко наставі ихъ Богъ, еже избавити себѣ людей, еже положити Тебѣ имя, еже сотворити величіе и просвѣщеніе* (2 Цар. VII. 3. 4. 12. 13. 17—23.).

Примѣтимъ въ семъ священномъ сказаніи, во-первыхъ, что унаслѣдованіе потомства Давидова на престолѣ Царства Израильскаго было дѣломъ особеннаго непосредственнаго Провидѣнія Божія; во-вторыхъ, что Давидъ узналъ и принялъ сіе устроеніе Божіе со смиреннымъ благоговѣніемъ; въ-третьихъ, что радость о дарованіи ему царственнаго потомства прежде всего принесъ онъ во храмъ Божій въ жертву Богу, въ благодарственной молитвѣ; въ-четвертыхъ, что Божіе благодѣяніе потомственнаго унаслѣдованія на престолѣ Давидъ относилъ не только къ себѣ и къ роду своему, но и ко всему народу Израильскому.

Какое это свѣтлое зеркало настоящаго царственнаго торжества! Какой прекрасный образъ прекраснаго событія въ царскомъ Всероссійскомъ Домѣ!

Если мудрый, крѣпкій духомъ и благочестивый царь есть крѣпкое основаніе народнаго благоденствія въ родѣ, въ которомъ Онъ царствуетъ; если достойный наслѣдникъ престола обезпечиваетъ сіе благоденствіе для слѣдующаго рода: то благословенное рожденіе Наслѣдника Наслѣднику Престола простираетъ радостныя надежды Царя и Царства до третіяго и четвертаго рода. И кто же далъ сей вожделѣнный даръ Царю нашему, Россіяне? Кто, какъ не Тотъ, Которому *отверзшу руку всяческая исполняются благости*, и особенно, Которымъ *царіе царствуютъ?* Хотя никакой Наѳанъ не явился сказать Царю нашему: узриши Сына Сына Твоего: тѣмъ не менѣе сіе есть Божіе дѣло, Божій даръ. Какая мать могла когда-либо сказать: буду имѣть плодъ? Какой отецъ могъ сказать: буду имѣть сына?—По сему-то Слово Божіе признаетъ дѣтей не столько достояніемъ родителей, сколько собственностію Божіею: *се достояніе Господне сынове, мзда плода чревняго* (Псал. CXXVI. 3.). Итакъ, хотя не слышимо, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно, Господь рекъ благовѣрному Цесаревичу: *будетъ Тебѣ сынъ.* Господь рекъ благочестивѣйшему Царю: *узриши Сына Сына Твоего.* И видитъ Онъ; и радуется съ Нимъ Россія.

Общею съ Царствомъ радостію радуется и Церковь; потому что надежды благочестиваго Дома Царева суть надежды и Церкви. И въ особенности радуется она о томъ, что Царская радость, подобно какъ радость Давидова, прежде всего

идетъ во храмъ, является предъ Богомъ, приноситъ молитвенную жертву. И поелику Благочестивѣйшій Государь высокими обязанностями Своими увлеченъ на сіе время отъ Своей столицы къ одному изъ предѣловъ обширнаго Царства: то единодушная съ Нимъ какъ во всемъ, такъ и въ благочестіи, Царица непосредственнымъ Своимъ словомъ призвала къ благодарной молитвѣ вѣрноподданныхъ, и по особенному благоволенію, особенно въ семъ призваніи воспомянула васъ, *Церкви*, и чада *первопрестольной столицы!*

Не имѣю нужды болѣе возбуждать радость. Она полна и совершенна, безъ сомнѣнія, во всѣхъ насъ. Одно напомнить я долженъ: будемъ внимательны, да будемъ достойны радости, которою насъ ущедряетъ Божіе Провидѣніе. Дѣлами и жизнію вѣры въ Бога и вѣрности Царю тщательно да охраняемъ съ нашей стороны благоденствіе, которое благость Божія упрочиваетъ для насъ благословеніями Своими надъ Царскимъ Домомъ. Аминь.

# ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

## СЛОВА

## НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ.

СЛОВА И РѢЧИ.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

# СЛОВА

# НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ.

## 1. СЛОВО

О гласѣ вопіющаго въ пустыни, и на воспоминаніе происшествій 1812 года, говоренное въ 1814 году.

*Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези его.* Мар. I. 3.

Блаженная пустыня, въ которой слышенъ столь вожделѣнный гласъ! Вожделѣнный гласъ, которымъ возвѣщается приближеніе Господа! Ибо если повелѣвается *уготовать путь Господень, и правы творить стези Его въ пустыни*: то конечно Господь не далекъ отъ нея, и желаетъ посѣтить ее. Посему-то и Пророкъ Господень привѣтствуетъ ее радостію и веселіемъ: *радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня, и да цвѣтетъ яко кринъ* (Иса. XXXV. 1.).

Что предъ сею пустынею и гласомъ ея, хотя впрочемъ не столько глаголющимъ въ мірѣ, сколько *вопіющимъ* въ трепетномъ благоговѣніи, — что предъ нами молва и смятеніе человѣческихъ обществъ, что шумъ и разсѣянность города, который едва ли гдѣ и когда бываетъ лучше, нежели какимъ видѣлъ его пустынелюбивый царь: *видѣхъ беззаконіе и прерѣканіе во градѣ; днемъ и нощію обыдетъ его по стѣнамъ его; беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда; и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть* (Псал. LIV. 10 — 12.). И кто не пожелаетъ съ Давидомъ *удалиться бѣгая, и водвориться въ пустыни*, такъ чтобы тамо *чаять Бога* (8)? Кто изъ тѣхъ самыхъ, которые любятъ находить препятствія въ исканіи Бога, не воскорбитъ по крайней мѣрѣ о томъ, что не можетъ *исторгнуться отъ суеты* и *крушенія духа*, и не имѣетъ *крилъ, яко голубиныхъ, да полетитъ и почіетъ?*

О, если бы Господь даровалъ намъ нынѣ, хотя на краткое время, стати внимательно

ною мыслію въ лежащую предъ лицемъ Его *пустыню*, пріять сердцемъ *гласъ* предваряющей благодати Его, да въ умиленіи подвигнемся на *уготованіе пути* Его!

*Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези* Его.

Когда Евангеліе, дабы обратить очи ваши на путь Господень, оглашаетъ васъ *гласомъ пустыни*: да не возмнитъ кто изъ васъ, Христіане, будто васъ хотятъ безъ различія похищать изъ жизни общественной, и влещи къ Іоанну Крестителю въ нѣкую ненаселенную страну Іорданскую. Пророкъ, издалеча слышавшій и предвозвѣстившій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, явленный въ Іоаннѣ, безъ сомнѣнія имѣлъ предъ очами нѣчто болѣе, нежели одну Іорданскую пустыню. *Всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холмъ смирится, и будутъ вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки*, и—потомъ—*явится слава Господня* (Иса. XL. 4. 5.): такъ изображаетъ Исаія преображеніе своей пустыни. Но пустыня Іоаннова и въ явленіе Господа Іисуса, и послѣ, оставалась такъ же дикою, какъ была прежде,

Какая же то пустыня, въ которой Пророкъ слышалъ гласъ, возвѣщающій приближеніе Господа?—Вотще терялись бы мы въ разнообрзіи временъ невозвратныхъ и мѣстъ недосягаемыхъ, для обрѣтенія оныя. Напротивъ, она не столько удалена, сколько не примѣчаема; и усматривается чрезъ восхожденіе отъ чувственнаго къ духовному, отъ человѣческаго къ Божественному. Что есть пустыня въ обыкновенномъ понятіи человѣческомъ, для ока чувственнаго?—Мѣсто необитаемое и невоздѣлываемое человѣками, хотя бы оно было исполнено звѣрей и другихъ живущихъ тварей. Отселѣ да разумѣемъ: что есть пустыня для взора духовнаго, для ока Божія? — Когда страсти, свойственныя естеству звѣрей, и пожеланія скотскія, возобладавъ человѣкомъ, удаляютъ отъ него всякую духовную мысль, всякое чистое желаніе, всякое благое дѣло, и, такъ сказать, опустошаютъ высшую область его природы: что тогда есть душа его, какъ не пустыня дикая? Но когда число таковыхъ животныхъ человѣковъ столь велико, что весь составъ человѣчества, по Слову Божію, есть *плоть* (Быт. VI. 3.); совершенные же духовные человѣки рѣже на земли, нежели классы, остающіеся на пожатой нивѣ: то что есть и цѣлый міръ предъ очами *Отца духовъ* (Евр. XII. 9.), какъ не безлюдная пустыня? Наконецъ, когда самый градъ Божій на земли оскудѣваетъ сынами вышняго Іерусалима, и попирается язычниками; когда избранный вертоградъ Возлюбленнаго приноситъ вмѣсто гроздія терніе; когда людіе Господни *оставляютъ источника воды живыя* — Господа, чтобъ *ископать себѣ кладенцы сокрушенные* (Іер. II. 13.), возмущаютъ или преграждаютъ чистый токъ небесной истины, но потомъ истаеваютъ неутолимою жаждою надъ горькими потоками земной мудрости: что тогда самая Церковь, какъ не пустыня жаждущая?

И въ сіи ли неустроенныя, оставленныя, непроходныя пустыни пролагаетъ себѣ путь Господь славы и велелѣпоты? Исходитъ отъ блаженныхъ селеній небесныхъ, и грядетъ посѣтить землю, грѣхомъ и проклятіемъ опустошенную? Оставляетъ сыновъ дома Своего — чистыхъ духовъ, питающихся свѣтомъ лица Его; и поспѣшаетъ обрѣсти овча Своего стада, заблуждающее отъ Него въ горахъ и дебрахъ? Такъ! *Господь*, Который самый *потопъ населяетъ* (Пс. XXVIII. 10.), не хощетъ предать конечному запустѣнію ни единаго угла своего безпредѣльнаго владычества; единородный Сынъ Божій единою рукою въ славномъ *дому* Отца своего уготовляетъ *обители* для упокоенія спасаемыхъ, другою зиждетъ *скинію въ пустынѣ* для спасительнаго прибѣжища погибающимъ. И здѣсь явится слава благодати Его: только всякое низпаденіе въ чувственность да удержится; всякое возношеніе гордости да низложится; закоснѣніе въ неправдѣ собственной да не препятствуетъ открыться правдѣ Божіей; терніе и каменіе, — злоба и ожесточеніе да не препинаютъ мирнаго шествія любви Божественной: *всяка дебрь да наполнится, и всяка гора и холмъ смири-*

*ся, и будетъ вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки*; *и явится слава Господня.* Воздвигнитесь убо, работающіе міру неблагодарному, воздвигнитесь отъ него тайнымъ шествіемъ, подобно какъ древніе Израильтяне отъ Египта; обратитеся, и воззрите очами духа на лице пустыни—въ васъ и окрестъ васъ—ожидающей своего посѣщенія и обновленія; видите ея сѣтующій образъ: провидите славу, ей обѣщаемую; и, *аще услышите гласъ Господа, сотрясающаго пустыню* (Псал. XXVIII. 8.), *не ожесточите сердецъ вашихъ* (Псал. XCIV. 8.): *путесотворите шествующему по пустынямъ* (Псал. LXVII. 5.).

Но кто можетъ сказать, что не слышалъ сего страшнаго иногда, однако тѣмъ не менѣе милосердаго гласа? — Гласъ Іоанна Крестителя, призывающій къ покаянію и возвѣщающій приближеніе Царствія Божія, не есть единственный *гласъ вопіющаго въ пустыни*, но повтореніе многократныхъ и продолженіе непрерывныхъ подобныхъ гласовъ. Еще тогда, какъ человѣкъ, слышавъ *гласъ Господа Бога, ходяща въ раи,* сокрылся въ первый разъ отъ лица Его, и такимъ образомъ открылъ первую *пустыню* въ самомъ раю, тогда же услышался и первый *гласъ въ пустыни: гдѣ еси?* — гласъ, который оттолѣ, въ безчисленныхъ отголоскахъ, несется по всѣмъ мѣстамъ и временамъ, и пронесется до самой вѣчности, взыскуя погибающихъ въ удаленіи отъ Господа. Если бы не одебелѣло сердце людей сихъ; если бы не тяжко слышали они ушима, и не смѣжали очей своихъ: то всѣ чувства ихъ непрестанно наполнялъ бы гласъ благодати предваряющей и призывающей къ обращенію и спасенію: гласъ отвнѣ — возглашающій въ видимой природѣ; гласъ извнутрь — исходящій изъ глубины души; гласъ свыше-низходящій въ Божественномъ откровеніи, гласъ долу—отражающійся въ происшествіяхъ міра, движимыхъ перстомъ Господа и дхновеніемъ устъ Его.

*Гласъ въ природѣ.* Если онъ мало слышимъ: то по тому самому, что не престающь. Привычка слышать его притупила вниманіе; и его равномѣрность показалась безмолвіемъ. Безбожникъ исповѣдалъ бы Бога, воззрѣвъ на небеса, и услышавъ вѣщаніе ихъ, если бы не родился подъ ними; каменное сердце разсѣлось бы отъ стенаній земли, проклятой въ дѣлахъ человѣка, если бы всѣмъ бытіемъ своимъ не было погружено въ сіи стенанія прежде, нежели ощутило само себя. *Небеса*, говоритъ одинъ изъ имѣющихъ уши слышати, *небеса повѣдаютъ славу Божію* такъ, что *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (Псал. XVIII. 2. 4.), то есть, нѣтъ языка или нарѣчія, на которомъ бы само собою не выражалось ихъ проповѣданіе. Другой, среди сихъ торжественныхъ гласовъ твари, славословящей премудраго Творца, открываетъ болѣзненныя воздыханія *твари, повинувшейся суетѣ*: *вѣмы*, говоритъ, *яко вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ* (Рим. VIII. 22.). Сіи совокупные гласы и воздыханія твари,—гласъ отъ источника первоначальнаго въ мірѣ блага, и воздыханіе изъ бездны произникшаго зла, гласъ небеснаго порядка, и воздыханіе земнаго нестроенія, гласъ жизни и воздыханіе смерти, гласъ всеобщаго сохраненія и воздыханіе всеобщаго изтлѣнія,—не суть ли, для разумѣвающихъ, нѣкій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, или вопль самой всемірной пустыни, отвсюду гласящей человѣку: «кто, «кромѣ тебя, могъ внести зло въ творенія «Всеблагаго? Не ты ли, будучи поставленъ «ихъ владыкою, содѣлался ихъ поработи«телемъ? Не ты ли превратилъ царство «благолѣпія въ безобразную пустыню, и «окрестъ плодовъ жизни насадилъ терніе «и волчцы? Доколѣ убо и страждешь самъ, «и съ собою оставляешь *всю тварь со«воздыхать и сболѣзновать*? Доколѣ «не обратишься всѣмъ существомъ тво«имъ, да съ тобою приближится и все «владычество твое, къ Единому Виновни«ку всякаго блага и совершенства, отъ «Котораго ты удалился, но Который еще «столь видимо къ тебѣ приближается от«всюду и Своею славою и Своими ще«дротами? Доколѣ не *уготовляешь пу«ти Господня*, и *правыхъ не творишь «стезей Его»?* — Боже мой! Если бы единый мгновенный вздохъ цѣлыя Твоея твари могъ быть измѣренъ внѣшнимъ чув-

ствомъ: сколько бурь и громовъ онъ бы составилъ! Но вся тварь непрестанно воздыхаетъ къ нашему сердцу, неумолкно вопіетъ къ уму: и мы не слышимъ, и еще веселимся — ея страданіемъ и разрушеніемъ!

*Гласъ изъ глубины души.* Сей, можетъ быть, еще менѣе слышанъ, нежели гласъ внѣшней природы: потому что и болѣе тонкаго требуетъ чувства, и болѣе глубокаго вниманія. Хотя, безъ сомнѣнія, никто не можетъ лучше *вѣдать, яже въ человѣцѣ, какъ духъ человѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. II. 11.): но духъ сей не рѣдко уподобляется такому домувладыкѣ, который проводитъ большую часть времени въ открытыхъ храминахъ своего дома, замѣчаетъ мимоходящихъ, пріемлетъ посѣщающихъ, собесѣдуетъ, пиршествуетъ; а тайную клѣть свою едва посѣщаетъ, какъ чуждую гостинницу, не знаетъ сокровищницы своей, и всѣ попеченія домостроительства возлагаетъ на рабовъ и наемниковъ. Мы живемъ по большой части во внѣшнихъ чувствахъ; заботимся о преходящихъ удовольствіяхъ; мудрость міра, страсти, пожеланія управляютъ нашею дѣятельностію: между тѣмъ, что̀ происходитъ въ душѣ нашей, что̀ скрывается въ таинственной глубинѣ ея, не вѣдаемъ, и болѣе стараемся познать другихъ, нежели самихъ себя; отверзаемъ всѣ возможные исходы изъ самихъ себя, и ни единаго входа внутрь себя. Блаженъ, кто умѣетъ, по примѣру Давида, собирать всѣ свои силы въ ту недовѣдомую страну природы человѣческой, которая сопредѣльна съ вышними областями духовнаго и Божественнаго, тамъ *открывать ко Господу путь свой* (Псал. XXXVI. 5.), и ожидать исходящей отъ лица Его судьбы своей: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ!* Съ сей непостижимой для разумѣнія высоты низходятъ въ сердце вѣрующее и любящее живѣйшія внушенія благодатныхъ ощущеній: *яко речетъ* Господь *миръ на люди Своя и на обращающія сердца къ Нему* (Псал. LXXXIV. 9.). Но, и когда сей *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ* (Фил. IV. 7.), еще не посѣтилъ насъ, и тогда не также ли удобно, или не паче ли еще свойственно гласу Господню достигать до насъ прямымъ путемъ духа и сердца, нежели окрестною стезею чувствъ и плоти? Не испытали ль мы уже иногда, въ минуту внутренней тишины, когда утомленныя суетою мысли возвращаются отъ своего разсѣянія, когда пресыщенныя желанія отрѣкаются отъ своихъ предметовъ, и мы нечаянно начинаемъ *внимать себѣ* (1 Тим. IV. 16.), не испытали ль мы въ такое время нѣкой пустоты въ духѣ, нѣкой туги въ сердцѣ, въ которыхъ таится глубокое и непрестанное воздыханіе? Наблюдайте постояннѣе за симъ скрытнымъ ощущеніемъ; заключайтесь чаще отъ мірскаго шума, оное заглушающаго, во внутреннюю храмину души вашей; заграждайте тщательнѣе всѣ исходы къ разсѣянію: вы узнаете во внутреннемъ воздыханіи вашемъ то самое, которому совоздыхаетъ вся тварь; мало по малу оно будетъ разрѣшаться то въ терзающее *рыканіе* (Псал. XXXVII. 9.), яко льва, то въ умягчающее стенаніе, яко горлицы; и наконецъ вы услышите истинный *гласъ вопіющаго* во внутренней вашей *пустыни*, возвѣщающій вамъ, что хожденіе въ стропотныхъ путяхъ міра и плоти только уязвляетъ и утомляетъ душу вашу; что вы напрасно разширяете для нея стези ея изгнанническаго странствованія, по которымъ она только болѣе удаляется отъ отечества небеснаго; что для нея должно искать пути возвращенія къ Отцу небесному и спасительнаго посѣщенія свыше, *уготовлять путь Господень, и правы творить стези Его.*

*Гласъ въ откровеніи.* Между тѣмъ какъ большая часть человѣковъ день отъ дня тягчае слышали ушима, да не услышатъ всеобщаго воздыханія твари о свободѣ чадъ Божіихъ; и часъ отъ часа болѣе одебелѣвало ихъ сердце, да не уразумѣютъ глаголовъ сего самаго сердца, которое *взыскуетъ лица Твоего, Господи* (Псал. XXVI. 8.), Ты, не хотяй смерти закоснѣвающаго даже грѣшника и неистощимый въ средствахъ къ обращенію его, подвизался Самъ, *да явленъ будеши не ищущимъ Тебе, и обрящешися не вопрошающимъ* о *Тебѣ* (Иса. LXV. 1.). Отъ времени до времени, Ты открывалъ

ухо избраннымъ Твоимъ, исполнялъ духъ ихъ животворящимъ словомъ Твоимъ, и устроилъ ихъ, яко трубами Твоего гласа, и устами Твоего глаголанія къ сынамъ человѣческимъ на языкѣ сыновъ человѣческихъ. *Многочастнѣ и многообразнѣ глаголалъ еси отцемъ во пророцѣхъ; въ послѣдокъ дній сихъ глаголалъ намъ въ Сынѣ* (Евр. I. 1. 2.); отселѣ съ новымъ обиліемъ *излілъ отъ Духа Твоего* на Апостоловъ, *да прорекутъ* и чрезъ нихъ до нынѣ продолжаешь изливать Оный *на всяку плоть* (Іоил. II. 28.). Не знаемъ, Твою ли благость безпредѣльную и непостижимую премудрость должны мы единственно прославлять за постепенное распространеніе Твоихъ видимыхъ съ нами общеній, или въ то же время обязаны сознать умножающееся въ насъ невниманіе и ожесточеніе, востребовавшее крайнихъ усилій противоборствующихъ, только сокровище торжественныхъ Твоихъ откровеній, тысящелѣтіями собираемое, никогда не являлось толико для всѣхъ открытымъ, какъ въ сію *послѣднюю годину* (Іоан. II. 18.). *Слово, еже заповѣдалъ еси съ нами* отъ вѣка, и *Духъ Твой*, облеченный священнымъ письменемъ, *настоитъ посредѣ насъ* (Агг. II. 6.); оглашаетъ во храмахъ; собесѣдуетъ въ домахъ; и тогда, какъ въ служеніе Слова призываются толико нищіе дарами Апостольства, Ты положилъ въ сердце любящимъ Тебя, да вновь самихъ Апостоловъ—въ ихъ писаніяхъ — сопроводятъ по градамъ и весямъ, по чертогамъ и хижинамъ, и такимъ образомъ во всемъ пространствѣ исполнится сказанное: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселеннѣй* (Матѳ. XXIV. 14.). Теперь *гласъ*, или лучше, совокупность гласовъ, по временамъ, по мѣстамъ, *вопіявшихъ въ пустыни*, гласъ не только возвѣщающій, но и являющій приближеніе Твое, не возбуждающій только ужасъ пустыни, но и утѣшающій благодатію ея посѣщенія, не указующій только *стропотная и острая*, но и наставляющій *уготовлять путь* Твой, *и правы творити стези* Твои, поставляющій насъ *рабами, ждущими Господа своего, и дѣвами*, уготовляющимися *во срѣтеніе Жениху*, — сей живый и животворящій гласъ уже простирается по горамъ отдаленнѣйшимъ, и досягаетъ въ глубочайшія *дебри*. Ты вѣси, Господи, не конецъ ли уже великой, всемірной проповѣди мы слышимъ: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселеннѣй, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ, и тогда пріидетъ кончина*. Ты Единъ зриши въ сей мрачной полунощи, не время ли уже *быти воплю: се Женихъ грядетъ, исходите во срѣтеніе Его* (Матѳ. XXV. 6.)!

*Гласъ въ происшествіяхъ міра*. Поелику всякое *слово Божіе живо и дѣйственно* (Евр. IV. 12.); и все сущее и дѣйствуемое въ мірѣ *носимо глаголомъ силы* Божіей (Евр. I. 3.): то несомнительно, что во всѣхъ происшествіяхъ міра, поколику онѣ суть дѣйствія Провидѣнія, заключенъ глаголъ Божій, и въ особенности въ происшествіяхъ, дѣйствующихъ на человѣка—глаголъ Божій, простирающійся къ человѣку. Опытъ и благоговѣйное вниманіе къ дѣламъ Промысла, или точнѣе, самъ Промыслитель міра отечески вводитъ чадъ Своихъ въ познаніе сего непреложнаго языка случайныхъ, по видимому, событій: и чада, не отвергающія наказанія Отча, разумѣваютъ, какъ благоденствіе возвѣщаетъ имъ любовь и милосердіе Божіе; искушенія и внезапныя избавленія поучаютъ вѣрованію и упованію на Провидѣніе; бѣдствія обличаютъ грѣхъ, и призываютъ къ покаянію; лишенія временныхъ благъ и наружныхъ преимуществъ проповѣдуютъ смиреніе и самоотверженіе; препятствія и преткновенія въ путяхъ міра и плоти призываютъ на путь Господень. Но если кто еще не слышитъ, или не узнаетъ тихаго гласа Божія въ приключеніяхъ собственной жизни; да не затворитъ, по крайней мѣрѣ, слуха и сердца отъ тѣхъ всемірныхъ гласовъ судебъ, которые вдругъ поражаютъ племена и народы, наполняютъ вѣки, потрясаютъ небомъ и землею. *Да плачетъ земля и да помрачится небо* (Іер. IV. 28.), взываетъ Богъ у Пророка, когда всѣ другіе гласы призыванія, обличенія, сѣтованія, угроженія не могли остановить стремившагося къ своей погибели народа Израильскаго. Такъ обыкновенно *глаголетъ* Богъ *суды своя* къ языкамъ прогорчевающимъ. Онъ повѣствуетъ

сему небу, которое повѣдаетъ славу Его, проповѣдывать Его гнѣвъ и ярость гласомъ страшныхъ знаменій и тлетворныхъ вліяній; заповѣдуетъ сей землѣ, которая отъ года до года износитъ Его благословеніе, вознести стенанія глада и шумъ нестроенія; обрушиваетъ грады и царства, дабы громомъ паденія ихъ пробудить спящихъ въ безчувственномъ забвеніи о Немъ: все превращаетъ въ пустыню тамъ, гдѣ *мерзость запустѣнія* (Матѳ. XXIV. 15.) проникла до самаго святилища; но все токмо для того, чтобы, погубляя путь нечестивыхъ, очистить пространство, да *уготовится путь Господень, и правы сотворятся стези Его.*

*Гласъ Господень въ крѣпости! Гласъ Господень въ великолѣпіи* (Псал. XXVIII. 4.)! Казалось бы, Христіане, что намъ не льзя и почить отъ множества, силы и непрестаннаго взыванія гласовъ, возбуждающихъ насъ обращаться къ Богу. Однако въ Евангеліи назнаменовано время коснѣнія небеснаго Жениха, въ которое *воздремаша вся и спаху* (Матѳ. XXV. 5.): и пусть каждый, очистивъ чувствія, испытаетъ окомъ, и слухомъ, и сердцемъ, не все ли окрестъ насъ знаменуетъ сію опасную нощь бездѣйствія и безпечности.

*Богъ славы гремитъ* (Псал. XXVIII. 3.) нынѣ всѣми своими гласами устъ, и трубъ, и громовъ. Не будемъ говорить о ударахъ, которыми *сотрясаетъ* Онъ всю великую *пустыню* западнаго Христіанства. Слышите ли вы *гласъ* недавно возгремѣвшій, и едва еще утихающій въ предѣлахъ собственной земли нашей, въ развалинахъ, *въ пустынѣ* града великаго? Сей болѣзненный и смертный гласъ толь многихъ гражданъ, гласъ разрушенія вѣковыхъ оградъ, гласъ поруганія храмовъ, есть ли только дѣйствіе случайнаго удара? — Но рука Провидѣнія не ударяетъ мимо своея меты; а сія мета назначается премудростію и правосудіемъ. Есть ли сіе одно пораженіе виновныхъ? — Безъ сомнѣнія, всевидящимъ судомъ не наказуются невинные; но не *будемъ судіями помышленій злыхъ* (Іак. II. 4.); не осудимъ братій нашихъ паче самихъ себя. Въ общемъ бѣдствіи долженствовали пасть и виновные, которымъ продолженіе жизни послужило бы токмо къ умноженію ихъ преступленій; но могли безъ неправосудія пострадать и невинные, которыхъ бы страданіе болѣе очистило и запечатлѣло мученичествомъ, нечаянная кончина только ускорила привести къ блаженному концу бытія ихъ, и которые, можетъ быть, спасены такимъ образомъ отъ преткновеній, угрожавшихъ имъ въ спокойномъ продолженіи земнаго странствованія. — Нѣтъ! посѣщенные тягчайшими бѣдствіями не суть виновнѣйшіе насъ помилованныхъ, и ударъ судебъ возгремѣлъ не на однихъ тѣхъ, на которыхъ низведенъ онъ. *Ни, глаголю вамъ, но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII. 5.). Вотъ гласъ, который самъ Господь научалъ насъ слышать въ каждомъ бѣдствіи общественномъ. И услышали ли, уразумѣли ли, пріяли ли мы въ настоящихъ произшествіяхъ сіе поученіе Господнее? — Правда, гласъ помилованія и благоволенія, которымъ огласилъ насъ Господь предъ всѣми языками, свидѣтельствуетъ о множествѣ послушно пріявшихъ гласъ наказанія Его: смиреніе въ признаніи вседѣйствующей надъ нами руки Его, и благотворительность къ бѣдствующимъ ближнимъ, распространяемыя посреди насъ дѣйствіемъ сильныхъ примѣровъ, являютъ въ насъ плодъ, достойный покаянія. Но такъ ли сокрушилъ сердца наши крѣпкій гласъ Господень, чтобы *всякая дебрь наполнилась, и всякая гора и холмъ смирились?* Не еще ли видны возношенія собственности? Не еще ли зіяютъ ненасытимыя земныя желанія? Подая требующимъ, отказываемъ ли мы себѣ хотя въ нѣкоторыхъ излишествахъ? Не слишкомъ ли поспѣшаемъ заглушать сокрушающій, но вкупѣ и назидающій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, шумомъ плещущихъ и веселящихся? Не многое ли, пробужденное судомъ, уже вновь воздремало подъ сѣнію милости?

Блюдемся, о чада помилованія! дабы нерадѣніемъ о богатствѣ благости и долготерпѣнія Божія, толь многочастно и многообразно призывающаго насъ къ обращенію и перемѣненію житія, вновь не собирать себѣ гнѣва Божія, и не предать себя тягчайшему и конечному суду. Помыслимъ: — если нынѣ, во время

благопріятно, и въ день спасенія, *не уготоваемъ мы пути Господня, и не сотворимъ правыхъ стезей Его;* то когда явится Самъ Онъ, *и отъ лица Его* не токмо горы и холмы, но *побѣгнутъ небо и земля,* такъ что *мѣста не обрящется имъ* ( Апок. XX. 11.), гдѣ мы тогда обрящемся?—Аминь.

## 2. СЛОВО

**При вступленіи въ управленіе Московскою паствою, говоренное въ Успенскомъ Соборѣ, Августа 14 дня, 1821 года.**

*Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.* Рим. I. 7.

Такъ нѣкогда Святый Апостолъ Павелъ привѣтствовалъ Церковь державнаго Рима, вступая съ нею въ общеніе посредствомъ Посланія. Такъ при семъ первомъ общеніи лицемъ къ лицу привѣтствовать Церковь сего Престольнаго града и я дерзаю.

Но кто я, дерзнувшій возглашать столь великое слово, среди столь великія Церкви? Среди Церкви, которая кромѣ славы, заимствуемой отъ древняго Царскаго престола, еще прежде имѣла славу нѣкоторымъ образомъ приготовить у себя мѣсто для сего престола, и донынѣ сохраняла благодать преподавать Вѣнценосцамъ священный Вѣнецъ и помазаніе на Царство; — среди Церкви, которая обыкла слышать живые и сильные гласы Божественнаго Слова, въ которой сіяли столь многіе Свѣтильники Православныя Вѣры, не угасніе и во гробахъ, но и оттолѣ еще сіяющіе свѣтомъ будущаго вѣка, въ которой предстояли въ молитвахъ, доныпѣ послѣ, небесные споспѣшники нашихъ земныхъ молитвъ;—здѣсь, гдѣ древняя святыня, еще недавно, вновь ознаменовала себя, и очистительнымъ посѣщеніемъ, и чудеснымъ избавленіемъ, и праведнымъ отмщеніемъ; — какъ дерзнулъ я предстоять толикому сонму Божію въ священнодѣйствіи таинства вѣры, и какъ паки дерзаю начать священнодѣйствіе слова истины? Немощнымъ гласомъ недостойныхъ устъ какъ дерзаю колебать самый сей воздухъ, исполненный благоуханіемъ Святыни?

О, Владыко Господи! Ты видишь глубину сердецъ; Ты слышишь движеніе помышленій. Ты зрѣлъ сіе смятенное сердце, когда только еще даемы были жребіи сего служенія; Ты слышалъ трепетное воспоминаніе онаго древняго гласа: *избери могуща много, егоже послеши* (Исх. IV. 13.). Но когда, по неизслѣдимымъ судьбамъ Твоимъ, чрезъ Священную и Державную Власть, жребій сей пришелъ, и не возвратился; *азъ же кто есмь, могій возбранити Бога* ( Дѣян. XI. 17.)? И нынѣ, Господи, да будетъ воля Твоя; ибо уже и бысть воля Твоя. *Укрѣпи, Боже, сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ* (Псал. LXVII. 29.). Ради народа Твоего многаго, даруй благодать служенію сему; ради славы Твоей, сугубо дивной въ ничтожныхъ орудіяхъ, *соверши силу Твою въ немощи сей. Даждь гласу Твоему гласъ силы* (2 Кор. XII. 9. Псал. LXVII. 34.) и въ недостойныхъ устахъ, да *пріемлющіе слово слышанія Твоего отъ насъ, пріемлютъ не аки слово человѣческо, но якоже есть воистину, Слово Божіе,* и *да дѣйствуется оно въ сихъ вѣрующихъ* (1 Сол. II. 13.).

И такъ, Богомъ дарованные намъ Отцы, братія и чада Церкви сея, *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего* и *Господа Іисуса Христа!*

О, если бы совершенно исполнилось надъ вами сіе первое желаніе наше! тогда могли бы мы уповать, что Богъ исполнитъ и все во благихъ желанія ваши. Но духовныя желанія совершенно бываютъ дѣйствительны тогда, когда съ волею дающаго благословеніе соединяется воля пріемлющаго. Посему, дабы расположить сердца наши къ соединенію въ единомъ желаніи, достойномъ сего духовнаго общенія, скажемъ нѣчто въ изъясненіе того, почему *прежде всего и паче всего желаемъ вамъ благодати и мира.*

Мы всѣ, когда ни встрѣчаемся одинъ съ другимъ, обыкновенно привѣтствуемъ

другъ друга какимъ либо желаніемъ. Что значитъ сіе обыкновеніе? Знаменательное указаніе на состояніе наше, если бы мы были внимательны! Вообразимъ на минуту, что мы встрѣтились бы не на сей бѣдной и осужденной землѣ, но на небесахъ, или хотя въ земномъ раю: какимъ желаніемъ стали бы мы тамъ привѣтствовать другъ друга? Желаніемъ здравія?—Но тамъ и безъ того нѣтъ болѣзней. Желаніемъ долгоденствія?—Какъ можетъ тамъ быть забота о долгоденствіи, гдѣ есть безсмертіе? Желаніемъ благополучія?—Тамъ уже есть блаженство. Желаніемъ ли наконецъ благодати и мира? И сіе тамъ имѣютъ всѣ, или еще и болѣе, — имѣютъ благодать и славу. Изъ сего само собою открывается, что тамъ, вмѣсто изъявленія желаній, обыкновеннѣе всего должно быть изъявленіе радости, въ благодарныхъ славословіяхъ преисполнившему всѣ желанія—Богу. Что же теперь значитъ, что здѣсь на землѣ мы привѣтствуемъ другъ друга различными желаніями?—То, что всѣмъ намъ недостаетъ многаго, что мы не въ томъ состояніи, въ которомъ должны быть, и къ которому предназначены, что мы здѣсь не въ отечествѣ, но въ землѣ чуждой, не въ пристанищѣ, но на морѣ, не въ истинномъ жилищѣ нашемъ, но въ кратковременной гостинницѣ, или на пути, не въ области мира, но среди брани, между врагами, между опасностями, въ изнуреніи, въ лишеніи.

Чѣмъ прямѣе и точнѣе къ исполненію нашихъ недостатковъ относятся наши желанія: тѣмъ онѣ достойнѣе, тѣмъ онѣ правильнѣе. Приложимъ сію мѣру къ обыкновеннымъ желаніямъ нашимъ.—Желаніе здравія, если при семъ думаютъ о тѣлесномъ, относится только къ низшему совершенству животной природы, общей намъ съ безсловесными; здѣсь совсѣмъ нѣтъ въ виду потребности собственно человѣческой.—Желаніе долгоденствія, если не получаетъ высшаго значенія въ соединеніи съ другими благороднѣйшими желаніями, не можетъ принести намъ ничего болѣе, какъ только продолженіе нашего земнаго изгнанничества и странствованія, и, если мы не на пути избавленія и возвращенія въ небесное отечество, то еще большее удаленіе отъ онаго; ибо—*слышите и разумѣйте!*—въ семъ мірѣ, въ которомъ все движется и преходитъ, нѣтъ и для насъ неподвижнаго состоянія, и если человѣкъ не старается непрестанно приближаться къ небу, то непримѣтнымъ образомъ приближается ко аду. — Желаніе благополучія, если хотятъ получить только блага земли, а не благословеніе Неба, есть обольщеніе, поколику не исполняется, — и еще большее обольщеніе, поколику исполняется: неосторожный странникъ земли, собирая блестящій прахъ, изнемогаетъ подъ пріятнымъ бременемъ, или, гоняясь за мелькающею тѣнію, коснитъ въ безполезной торопливости. Такъ въ обыкновенныхъ человѣческихъ желаніяхъ видно, при всегдашнемъ ощущеніи недостатковъ, достойное сожалѣнія невниманіе къ недостаткамъ существеннымъ и потребностямъ истиннымъ!

И потому, Боголюбезные, для васъ не будетъ чуждымъ и страннымъ тотъ, кто не совѣтуется съ плотію и міромъ, дабы срѣтить васъ желаніемъ по сердцу вашего внѣшняго человѣка, но, въ упованіи обрѣсти сердце ваше *по сердцу Божію*, прежде всего и паче всего взыскуетъ Божественнаго Источника, дабы оттолѣ почерпнуть для васъ духовное благословеніе: *благодать и миръ*.

Познаемъ существенный для насъ недостатокъ мира! Возчувствуемъ высокую потребность благодати!

Кто лучше знаетъ, что намъ недостаетъ, и кто лучше можетъ указать путь желаніямъ нашимъ, какъ не Тотъ, Котораго желаніе нашего блага низвело въ сей лежащій *во злѣ міръ*, дабы Самимъ Собою восполнить то, чего намъ недоставало? Но и обыкновенное и торжественное благословляющее желаніе Спасителя нашего было желаніе и благословеніе мира. Приходитъ ли Онъ къ ученикамъ Своимъ, когда уже *дана Ему всякая власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII. 18.), и когда они могли ожидать отъ Него дара, достойнаго сея власти?—Онъ приноситъ имъ миръ. *Пріиде Іисусъ, и ста посредѣ, и глагола имъ: миръ вамъ* (Іоан. XX. 19.). Отходитъ ли Онъ въ путь креста, когда смущенное сердце

друговъ Его требовало сильнѣйшаго врачевства, дѣйствительнѣйшаго утѣшенія?— Онъ оставляетъ имъ врачевство и утѣшеніе міра: *Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. XIV. 27.). Хочетъ ли Онъ послать Апостоловъ для благовѣствованія о Немъ всему міру, и дать имъ довольное для сего пути напутствіе? — Онъ усугубляетъ имъ благословеніе мира. *Рече имъ Іисусъ паки: миръ вамъ, якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (Іоан. XX. 21.). Завѣщаваетъ ли, какъ должны они вступать во грады и веси, совершая посольство, на нихъ возложенное?—Онъ и имъ повелѣваетъ приносить съ собою миръ. *Въ оньже аще коемуждо градъ или весь внидете: входяще въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему* (Матѳ. X. 11. 12.).

Послѣ сего примѣра и повелѣнія, Христіанинъ не будетъ въ недоумѣніи, правильно ли, паче прочихъ благъ, привѣтствуютъ его миромъ. Если же кто еще не уразумѣлъ, для чего такъ нужно *помышленіе мира*, которое *помышляетъ на него* (Іер. XXIX. 11.) Духъ Христовъ: тому не нужно далеко идти на поле брани, или въ осажденный городъ, или на позорище распрей, чтобы уразумѣть сіе. Человѣкъ! самое близкое къ тебѣ, и самое опасное для тебя поле брани есть собственная твоя жизнь и дѣятельность въ мірѣ, если на семъ полѣ не пріобрѣтена еще тобою *побѣда побѣждающая міръ, вѣра* (1 Іоан. V. 4.); сердце твое подобно граду, осажденному отвнѣ, и таящему крамолу внутри, если *миръ Божій еще не водворился въ ономъ* (Кол. III. 15.); въ помышленіяхъ твоихъ непрестанно возобновляется позорище распрей, если еще *не низложено въ тебѣ оружіями, сильными Богомъ, всякое возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и не плѣненъ разумъ твой въ послушаніе Христово* (2 Кор. X. 4. 5.). Если тебѣ неизвѣстна сія брань: то конечно ты никогда не пробуждался отъ дремоты чувственной жизни къ бодрствованію высшей жизни человѣческой; никогда и главы не возносилъ изъ плѣна и рабства духовнаго. Кто болѣе или менѣе усиливался возникнуть изъ сего рабства въ свободу чадъ Божіихъ: тотъ, безъ сомнѣнія, испыталъ и уразумѣлъ, какъ зло міра нападаетъ на насъ съ оружіемъ скорбей и страданій, дабы низложить насъ унышіемъ и отчаяніемъ; какъ блага міра окружаютъ насъ, дабы взять въ плѣнъ коварствомъ похоти; какъ неудержанныя желанія плоти простираются по видимому, дабы покорить намъ весь міръ, но въ самомъ дѣлѣ покоряютъ насъ всему, къ чему онѣ прилѣпляются; какъ плоть сражается съ духомъ, и сама съ собою, страсти возстаютъ большею частію противъ разсудка, и не рѣдко одна противъ другой; какъ подъ ногами того, кто болѣе старается примѣчать и обходить преткновенія, болѣе открывается соблазновъ, такъ что весь подвигъ естественной добродѣтели состоитъ почти только въ дознаніи превозмогающаго порока, подобно какъ весь подвигъ естественной мудрости—въ дознаніи превозмогающаго невѣдѣнія. Если при помощи разума и добрыхъ страстей мы являемся иногда побѣдителями на полѣ внѣшней дѣятельности: сіе не пріобрѣтаетъ еще намъ истиннаго мира; позорище брани только переносится далѣе во внутренняго человѣка, и подвигъ становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ сокровеннѣе здѣсь враждебныя силы и оружія. Иногда, на примѣръ, намъ кажется, что мы побѣдили корыстолюбіе или сластолюбіе, совершивъ подвигъ благотворенія или воздержанія; но, въ то же самое время, входя въ глубину сердца усматриваемъ, что мы тамъ побѣждены тщеславіемъ или гордостію; и тамъ, гдѣ думали стоять подъ защитою совѣсти, сверхъ опасенія, уязвляемся ея палящими стрѣлами. Восходя въ область ума, обрѣтаемъ новую брань помысловъ, оправдывающихъ наши желанія и дѣйствія, и паки осуждающихъ, побуждающихъ къ подвигамъ, и паки воспящающихъ, то сомнѣніями, то страхомъ, то разсѣяніемъ, воспаряющихъ къ небесамъ, и низвергающихся во прахъ; свѣтоносныхъ и омрачающихъ, чистыхъ и оскверняющихъ. Внимательные узнаютъ здѣсь ту брань, о которой говоритъ одинъ изъ опытныхъ подвижниковъ, *яко нѣсть наша брань противу крови и плоти, но противъ началъствъ и властей и міродержителей*

*тьмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. VI. 12.). Сею-то бранію утомленный, вопіетъ Давидъ: *нѣсть мира въ костехъ моихъ!* Отъ чего нѣтъ мира у того, который побѣдилъ всѣхъ враговъ народа Божія, и создалъ *градъ мира*, Іерусалимъ? — *Нѣсть мира*, говоритъ Онъ, *отъ лица грѣхъ моихъ*. Кто изъ насъ дерзнетъ похвалиться, что въ немъ нѣтъ грѣха? Посему кто не долженъ признаться и въ томъ, что въ насъ нѣтъ собственнаго внутренняго мира, ни мира съ Богомъ, ни мира съ самими собою. *Ты, Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ* (Иса. XXVI. 12.)!

Богъ—Отецъ нашъ, и готовъ дать намъ вожделѣнный миръ, братія Христіане! Для сего Самъ Онъ нарекся *Богомъ мира* (1 Сол. V. 23.); для сего даровалъ намъ Единороднаго Сына Своего Іисуса Христа, Который *есть миръ нашъ* (Ефес. II. 14.); для сего послалъ въ силѣ Духа Своего *благовѣствующихъ миръ* (Рим. X. 15.), отъ которыхъ, по непрерывному преданію священнаго рукоположенія, и въ насъ недостойныхъ *положено слово примиренія* (2 Кор. V. 19.). Но что говоритъ *Миръ нашъ* благовѣстникамъ мира, которыхъ Онъ послалъ во всякій *градъ и домъ*, — ко всякой Церкви и ко всякой душѣ? — *Аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ нань; аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится* (Матѳ. X. 13.). Такимъ образомъ сколь ни готовъ для насъ миръ отъ Бога: намъ приносятъ его тщетно, если мы недостойны принять его. Что же можетъ содѣлать насъ достойными принять миръ, намъ подаваемый! Между человѣками пріобрѣтается миръ или самою бранію, или правдою, или по милости; — бранію, когда побѣдитель предписываетъ миръ побѣжденному; — правдою, когда ищущій мира, или удостовѣряетъ въ справедливости своей, или сдѣланную несправедливость заглаждаетъ удовлетвореніемъ; —по милости, когда тотъ, кто не имѣетъ ни силы, чтобы завоевать миръ, ни правды, чтобы заслужить оный, предается великодушію оскорбленнаго враждою, и, непритворною покорностію собственною, или притомъ и споручѣніемъ вѣрнаго и могущественнаго посредника, пріобрѣтаетъ милость мира. *Но миръ Божій*, кто можетъ, или восхитить силою отъ Всесильнаго, или правдою заслужить отъ Того, *предъ Которымъ не оправдится всякъ живый* (Псал. CXLII. 2.)? Кто хотя однажды побѣжденъ грѣхомъ: тотъ уже *рабъ грѣха* (Іоан. VIII. 34.), и *виновенъ противу всего закона Божія* (Іак. II. 10.), требующаго всецѣлой святости и *совершенства по образу Отца небеснаго* (Матѳ. V. 45.); и потому онъ не имѣетъ уже ни силы, ни правды; онъ не можетъ самъ собою изгнать воцарившагося въ немъ зла, и, если дѣлаетъ какое, несовершенное добро, оно всегда относится къ обязанности настоящей, и потому никогда не составитъ удовлетворенія правосудію Божію за зло прежде содѣланное. И такъ единая для насъ надежда мира съ Богомъ есть милость Бога мира, по которой Онъ не только не хощетъ мстить намъ за грѣховную противъ Него вражду, но и хощетъ насъ освободить отъ порабощающихъ насъ сею враждою, враговъ Его и нашихъ; не только не взыскуетъ отъ насъ невозможнаго съ нашей стороны удовлетворенія Его правосудію, но и пріемлетъ на Себя удовлетворить оному за насъ ходатайствомъ и крестнымъ подвигомъ Единороднаго Сына Своего; признаетъ насъ достойными наслаждаться *миромъ Его, превосходящимъ всякъ умъ* (Филип. IV. 7.), какъ скоро мы признаемъ собственное недостоинство, и утверждаемъ надежду нашу въ Его милосердіи. *Благодать Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* есть единственный для насъ источникъ истиннаго и совершеннаго духовнаго мира. Съ нашей стороны, вѣра, молитва и смиреніе открываютъ въ насъ токъ горнему источнику благодати, и тогда Господь *уклоняетъ на насъ аки рѣку мира* (Иса. LXVI. 12.), которая потопляетъ въ насъ все враждебное, и все существо наше орошаетъ, прохлаждаетъ, оживляетъ, исполняетъ плодами жизни, *возвеселяетъ* чистыми духовными *устремленіями, освящаетъ въ насъ селеніе Вышняго* (Псал. XLV. 5.), и, какъ проистекла изъ вѣчной жизни Божіей, такъ и *течетъ въ насъ въ жизнь вѣчную* (Іоан. IV. 14.).

О миръ, вожделѣнный паче всего! О Благодать, вожделѣнная прежде всего! — ибо миръ есть единосущное чадо Благодати.

Будучи призванъ принести нынѣ Господу начатокъ общенія съ сею Церковію, по волѣ Его, молю всѣхъ Богоугодно стоящихъ теперь въ семъ общеніи, соединить взаимно всѣ сердца въ крѣпкомъ желаніи *благодати и мира отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.* Единодушная молитва сопастырей и всѣхъ вѣрныхъ да привлечетъ свыше благодать и миръ новому пастырю, дабы онъ съ силою и дѣйствіемъ могъ возвѣщать паствѣ благодать и миръ. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ, братіе* (Гал. VI. 18.); *и миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ* (Фил. IV. 7.). *Самъ Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда во всякомъ образѣ* (2 Сол. III. 16.), какъ во внутреннемъ, такъ, по дѣйствію внутренняго, и во внѣшнемъ. *Миръ пасущимъ стадо Божіе,* — въ Христіанскомъ послушаніи пасомыхъ; миръ пасомымъ, — въ отеческомъ и братскомъ попеченіи пасущихъ. Миръ начальствующимъ, — въ вѣрности подчиненныхъ; миръ подчиненнымъ, — въ мудрости и кротости начальствующихъ. Миръ судящимъ, — въ непритворной искренности судимыхъ; миръ судимымъ, — въ прозорливости и безпристрастіи судящихъ. Миръ продающимъ и купующимъ, — во взаимномъ отвращеніи отъ лукавства и обмана. Миръ дѣлающимъ и трудящимся, — въ благословенномъ успѣхѣ полезнаго дѣланія и въ обильномъ плодѣ труда праведнаго. *Миръ всѣмъ!* Аминь.

## 3. СЛОВО

**Къ воспріемлющимъ обѣтъ Сердобольныхъ вдовъ, говоренное въ Маріинской Церкви Императорскаго Вдовьяго дома, Декабря 12 дня, 1821 года.**

*Вдовицы чти сущія истинныя вдовицы* (1 Тим. V. 3.), пишетъ Апостолъ Павелъ къ Тимоѳею, Епископу Ефесскому. Здѣсь, и теперь, прилично воспомянуть сію Апостольскую заповѣдь.

Дабы правильно разумѣть изреченіе Апостола, надлежитъ знать, что въ первыя времена Христіанства, кромѣ извѣстнаго, никогда неизмѣняемаго чина Священноначальнаго и Священнослужебнаго, учрежденъ былъ въ Церкви нѣкоторый особенный разрядъ служебныхъ лицъ и женскаго пола, которыя назывались *вдовицами* потому, что избираемы были дѣйствительно изъ вдовицъ, а иначе *Діакониссами*, то есть, *Служительницами* потому, что должность ихъ была, служить Церкви по нѣкоторымъ ея порученіямъ. Имъ поручаемо было между прочимъ попеченіе о бѣдныхъ, хожденіе за больными, и особенно, во времена гоненія на Церковь, посѣщеніе исповѣдниковъ вѣры въ темницахъ. Симъ *вдовицамъ*, и ради сихъ полезныхъ служеній, оказывать уваженіе завѣщавалъ Апостолъ, когда писалъ къ Тимоѳею: *вдовицы чти.*

Прошли времена гоненій. Христіанское человѣколюбіе могло дѣйствовать свободнѣе прежняго. Казалось, менѣе нужными сдѣлались и особенныя *служительницы* Христіанскаго человѣколюбія. Между тѣмъ соблазны между самыми Христіанами умножались. Казалось, нужнѣе сдѣлалось удаленіе отъ обращенія въ смѣшенномъ обществѣ Христіанъ, большею частію слабыхъ и ложныхъ. Апостольское учрежденіе *вдовицъ* скрылось въ уединенныхъ обителяхъ и пустыняхъ.

Теперь смотрите, какъ духъ истиннаго Христіанства, проходя сквозь измѣненія временъ, сквозь разнообразіе народовъ, остается однако всегда одинаковъ и самъ себѣ подобенъ; какъ еще и нынѣ возобновляетъ онъ первыя свои благотворныя дѣй-

ствія въ подобномъ прежнему видѣ и въ подобной силѣ. Монархиня, Матерь Благословеннаго изъ Монарховъ, слѣдственно Благословенная изъ матерей,—съ сей высоты земнаго благополучія, глубоко нисходитъ къ страждущему человѣчеству, и является Матерію сиротъ, вдовицъ, оставленныхъ, безпомощныхъ, болящихъ. Будучи не только человѣколюбива, но изобрѣтательна въ человѣколюбіи, Она изъ призрѣнныхъ человѣколюбіемъ устрояетъ Себѣ новыя орудія человѣколюбиваго призрѣнія. Такъ между призрѣнными Ею вдовицами Она изыскиваетъ *истинныхъ вдовицъ*, способныхъ и расположенныхъ вѣрно проходить служеніе человѣколюбія; по чувствованіямъ собственнаго сердца нарекаетъ ихъ *Сердобольными*, и, торжественно посвящая ихъ въ служеніе болящимъ, ради пользы, трудности и святости сего служенія, *чтитъ* ихъ особенною честію, утвержденною Державнымъ соизволеніемъ Благочестивѣйшаго Монарха.

Таковъ жребій, пріемлемый нынѣ вами, Боголюбивыя и человѣколюбивыя сестры о Господѣ! Уже называю васъ Боголюбивыми и человѣколюбивыми, по увѣренію, что вы уже испытаны и обрѣтены достойными торжественнаго служенія Христіанскому человѣколюбію. По долгу же ввѣреннаго мнѣ служенія, напоминаю вамъ, что Евангеліе усвояетъ *честь* только *истиннымъ вдовицамъ*, и сего ради завѣщаваю и молю: готовясь теперь произнести предъ Всевидящимъ Богомъ обѣтъ сердоболія, и принять честь сердобольныхъ вдовицъ, воспріимите, возобновите искреннее и чистое желаніе быть *истинно сердобольными вдовицами*, Боголюбивыми и человѣколюбивыми.

Посмотрите на образъ истинной Христіанской вдовицы, написанный въ Евангеліи: *истинная вдовица и уединенная уповаетъ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ и моленіихъ день и нощь* (1 Тим. V. 5.). Если сократить сіе въ одну черту: сіе значитъ, что она должна быть благочестива, или Боголюбива. Далѣе Апостольское учрежденіе при избраніи вдовицы требуетъ о ней изысканія, *аще святыхъ нозѣ умы, аще странныя пріятъ, аще скорбныхъ спасде* (10). Сіе значитъ, что она должна быть дѣятельно человѣколюбива. Вотъ образъ вашего служенія! Приближаясь къ сему образцу, вы будете приближаться къ совершенству въ своемъ дѣлѣ. Надобно вамъ часто взирать на сей образъ окомъ ума, и съ новымъ всегда вниманіемъ стараться изобразить оный въ сердцѣ.

Чѣмъ искреннѣе будете вы человѣколюбивы и Боголюбивы въ сердцѣ: тѣмъ менѣе трудности будете вы находить въ дѣлахъ служенія вашего, тѣмъ болѣе успѣха, тѣмъ болѣе блаженства!

Предварительнымъ опытомъ конечно вы узнали уже нѣкоторыя трудности воспріемлемаго вами служенія. Какъ можетъ облегчать ихъ любовь, сіе можно усмотрѣть изъ обыкновенныхъ случаевъ жизни. Отъ чего, на примѣръ, мать часто въ глубокую ночь непринужденно бодрствуетъ надъ своимъ младенцемъ, а кормилица не можетъ побѣдить сна? Не силою ли материей любви уничтожается трудность долговременнаго бдѣнія? Если такимъ образомъ естественная человѣческая любовь облегчаетъ трудныя дѣла: менѣе ли сильно будетъ благодатное человѣколюбіе, одушевляемое силою любви Божественной? Если будете помышлять, что всѣ человѣки по природѣ суть одно въ первомъ человѣкѣ, и раздѣлясь, какъ потоки одного источника, паки сливаются въ одно по благодати въ Іисусѣ Христѣ; если сообразно съ симъ размышленіемъ будетъ чувствовать и сердце ваше, что между ввѣряемыми попеченію вашему точно нѣтъ ни одного чужаго: то попеченіе о ближнихъ не будетъ разниться отъ попеченія о себѣ; а свое бремя не тяжко, какъ говоритъ опытное присловіе. Если будете помышлять, что мы не иначе живемъ, и не имѣемъ иной надежды жить, какъ любовію и милостію Отца небеснаго, что каждую минуту Онъ совершаетъ для насъ болѣе благодѣяній милованія, храненія и помощи, нежели мы можемъ совершить для другихъ во всю жизнь нашу: то вы всегда будете чувствовать, какъ мало и ничтожно то, что мы дѣлаемъ для ближнихъ, а потому возжелаете имѣть, и любовь Божія дастъ вамъ *крила огня* (Пѣсн. Пѣсн. VIII.

6.), чтобы легко и быстро летѣть на всякое дѣло служенія ближнему.

Въ то же время, какъ истинная любовь къ Богу и ближнему облегчаетъ трудъ служенія страждущему человѣчеству, она же производитъ отъ сего труда обильные плоды. *Не любящій*, какъ самъ *пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. III. 14.), такъ и всякое дѣло его, хотя бы имѣло наружный видъ добродѣтели, есть мертво и безплодно, и слово, *какъ кимвалъ* (1 Кор. XIII. 6.), бездушно. Но когда истинная Христіанская любовь пронзаетъ и отверзаетъ сердце: тогда въ немъ, и во всѣхъ его изліяніяхъ являются *исходища жизни* (Прит. IV. 23.). Слово утѣшенія, отъ сердца, исполненнаго Христіанскою любовію, какъ потокъ жизни, проливается въ сердце страждущаго; самый взоръ съ такимъ сердцемъ, какъ лучь свѣта, проникаетъ въ душу, омраченную печалію. Если точно сія любовь управлять будетъ вашимъ служеніемъ страждущему человѣчеству: то и тѣлесныя дѣла сего служенія, по тайному благословенію Верховнаго человѣколюбца Бога, спасительны будутъ для тѣла болящихъ, и душевныя ваши расположенія будутъ приносить имъ душевное облегченіе, вожделѣнное само въ себѣ, и опять естественно благотворное для здравія тѣлеснаго; но, что еще важнѣе, ваше истинное Христіанское человѣколюбіе будетъ для нихъ непрестаннымъ Христіанскимъ поученіемъ; ваше упованіе на Бога можетъ подкрѣплять ихъ противъ унынія и страха смерти; молитва вѣры вашей можетъ быть цѣлебнѣе всякаго врачевства и для тѣла, и для духа ихъ. Для сего Апостолъ, давъ заповѣдь, *болящему призывать пресвитеры церковныя, да молитву сотворятъ надъ нимъ* (Iак. V. 14.), дабы не подумали, что симъ исключается молитва прочихъ, тотчасъ присовокупляетъ общее наставленіе: *молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (16.).

Наконецъ, то же Христіанское благочестіе и человѣколюбіе, которое одно можетъ сдѣлать служеніе ваше въ высочайшемъ степени благотворнымъ для ближнихъ, — оно же, и оно единое, можетъ совершенно наградить васъ за подвиги, и содѣлать блаженными. Земная почесть и воздаяніе не долго утѣшаютъ и тѣхъ, которые пристрастны къ земному, а еще менѣе тѣхъ, которые безпристрастно полагаютъ цѣну вещамъ. Блаженъ, кто не такъ располагаетъ жизнь и дѣла свои, чтобы только на землѣ, и отъ человѣковъ *воспріять мзду свою* (Матѳ. IV. 2.)! Блаженъ, кто, не останавливаясь на земномъ, *простирается къ почести вышняго званія Божія* о *Христѣ Іисусѣ* (Фил. III. 14.)! Для сего и земная почесть вамъ изъявляется знаменіемъ креста, чтобъ и она вамъ напоминала о *почести вышняго званія Божія* о *Хрістѣ Іисусѣ*. Желаете ли вы пріобрѣсть въ несомнѣнной надеждѣ сію почесть, и утвердить ее за собою на вѣки? Дайте любви Хрістовой располагать дѣлами вашего служенія. Она во-первыхъ сдѣлаетъ для васъ то чудо, что ваше служеніе страждущимъ ближнимъ превратитъ въ служеніе самому Іисусу Хрісту, Который далъ ей на то полномочіе, когда сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40.). Что же можетъ быть выше и сей, хотя еще тайной, почести, что болѣе сего, хотя и сокровеннаго, блаженства, что сладостнѣе одной мысли, — служить Самому Іисусу Хрісту? Но въ слѣдствіе сего служенія, сердобольная любовь, если вы до конца ей послѣдуете, возведетъ васъ и къ той царственной почести, къ тому высочайшему званію, когда и васъ со всѣми святыми торжественно звать будетъ Царь царствующихъ: *пріидите благословеннiи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV. 34.). Ибо, скажетъ Онъ собственно вамъ: *Я былъ боленъ, и вы посѣтили Меня* (36.).

Вступите же радостно въ сей благословенный подвигъ, и проходите его неослабно, при содѣйствіи благодати Хрістовой. Для укрѣпленія себя въ ономъ, каждый разъ, когда будете возлагать на себя крестъ, даруемый вамъ въ знаменіе сердоболія, вспоминайте сердоболіе Господа нашего Іисуса Хріста, Который, изъ любви къ страждущему человѣчеству, исцѣлялъ всякій недугъ и всякую болѣзнь, и

Самъ волею пострадалъ и умеръ на крестѣ, дабы всѣхъ насъ исцѣлить отъ смертоносной болѣзни грѣха; воспоминайте сердоболіе Пречистыя Богоматери, которая съ пронзеннымъ сердцемъ предстояла кресту и погребенію Сына Своего, подавая намъ примѣръ сострaданія. Сими воспоминаніями прививайте себѣ чистую и спасительную болѣзнь человѣколюбиваго сострaданія; пусть болитъ сю сердце ваше; сія святая болѣзнь, и для больныхъ и для здоровыхъ, будетъ источникомъ исцѣленія. Аминь.

## 4. СЛОВО

При посѣщеніи города Серпухова, говоренное въ Высоцкомъ Монастырѣ, Іюня 2 дня, 1822 года.

Когда Святый Апостолъ Павелъ, съ сотрудникомъ Варнавою, бывъ воззваны Духомъ Святымъ изъ Антіохіи для проповѣданія Евангелія въ странахъ языческихъ, основали нѣкоторыя новыя Церкви Христіанскія, и возвратились въ Антіохію, гдѣ они жили: *по нѣкихъ днехъ*, какъ повѣствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ, рече Павелъ къ Варнавѣ: *возвратившеся подобаетъ посѣтити братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихже проповѣдахомъ слово Господне, како пребываютъ*. И дѣйствительно Павелъ *прохождаше Сѵрію и Киликію, утверждая церкви* (Дѣян. XV. 36. 41.). Сіе дѣлалъ прозорливый наставникъ, или, лучше сказать, Самъ Духъ Святый побуждалъ его дѣлать сіе въ предосторожность, чтобы новопросвѣщенные вѣрою, или по привычкѣ, не обратились къ суевѣріямъ языческимъ, или по простотѣ, не были совращены съ пути истины коварствомъ лжеучителей, или по дѣйствію обыкновенныхъ въ мірѣ соблазновъ, не уклонились отъ святости житія Христіанскаго.

Поелику же не въ новыхъ только, но и давно устроенныхъ Церквахъ могутъ являться лжеученія; а соблазны міра и никогда не прекращаются, доколѣ міръ есть то, что онъ есть: то преемники Апостоловъ, *назидая* вѣрующихъ *на основаніи Апостолъ и Пророкъ* (Еф. II. 20.), то есть, уча поступать, и сами поступая такъ, какъ учили и поступали Апостолы, заповѣдали всѣмъ пастырямъ Церквей, отъ времени до времени, *посѣщать братію свою во всѣхъ градѣхъ*, надъ которыми они поставлены право правити слово истины, *како пребываютъ*.

Сей самый жребій служенія, по священному преемству дошедшій и до нашего недостоинства, привелъ насъ и къ вамъ, братія, посѣтити васъ, да увѣмы, *како пребываете*, вѣрные, въ вѣрѣ истинной,—*како пребываете*, Христіане, въ житіи Христіанскомъ. И добрая о васъ помышляти убѣждаетъ насъ ваше ревностное стеченіе во храмы, ваше благоговѣйное вниманіе ко всему, что носитъ на себѣ знаменіе святыни, и частое воспоминаніе о Царствіи небесномъ, слышанное нами въ самыхъ привѣтствіяхъ вашихъ. Господь, Благодатію Своею да сотворитъ чтителей храма и святыни Его живыми храмами Святаго Духа, и съ вѣрою воспоминающихъ о Царствіи Его да помянетъ во Царствіи Своемъ, и да содѣлаетъ истинными сынами сего блаженнаго Царствія!

Но когда я новопришедшій, по долгу моему, вникаю въ то, *како пребываете*, должно думать, что и вы, по долгу вашему, готовы внимать отъ меня тому, *како пребывати вамъ подобаетъ*, дабы симъ взаимнымъ сличеніемъ ученія и житія можно было и вамъ и мнѣ *соутѣшитися*, какъ говоритъ Апостолъ, *вѣрою общею, вашею же* и *моею* (Рим. I. 12.).

Какимъ же краткимъ, но вѣрнымъ словомъ могу изобразить вамъ то, какъ подобаетъ вамъ пребывати?— Слышу Божественнаго Пастыреначальника, Который говоритъ: *Мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго Мя* (Іоан. VII. 16.). Кольми паче намъ человѣкамъ недостоитъ преподавать ученіе, какъ наше. И такъ поставлю вамъ учителемъ вѣрнымъ и всякаго пріятія достойнымъ—спасительную Благодать Отца небеснаго, посылающаго земныхъ учителей. *Явися бо*, говоритъ Апостолъ, *Благодать Божія спасительная*

*всѣмъ человѣкомъ*. Если явилась спасительная Благодать: то конечно явнымъ содѣлала она и путь спасенія. И подлинно, продолжаетъ Апостолъ: *явися Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ*, то есть, *научая насъ*. Чему же научаетъ спасительная Благодать?—*Да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнѣмъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (1 Тим. II. 11. 12. 13.).

Благодать, прежде нежели вводитъ насъ въ спасительную жизнь, какую мы должны провождать, внушаетъ намъ, чтобы мы оставили жизнь погибельную, какую провождаемъ безъ Благодати. *Отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей.*

Какъ?—скажетъ человѣкъ, не испытавшій благодатной жизни, а потому не чувствующій глубокаго растлѣнія жизни обыкновенной, естественной,— не ужели внѣ благодати вся мірская жизнь наша состоитъ только изъ *нечестія* и *похотей*?— Сколь ни странно сіе для такого человѣка: но истина Божія велитъ намъ утверждать, что это такъ. *Все, еже въ мірѣ*, говоритъ Апостолъ Іоаннъ, *похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. II. 16.). Примѣчайте, какъ сильно изъясняется здѣсь Апостолъ. *Все, еже въ мірѣ, похоть.* Все, что ни есть въ мірѣ, есть одна похоть. Что не живетъ похотію; то уже не въ мірѣ, но въ благодати, въ Богѣ: что не въ Богѣ, не во благодати, но въ мірѣ; то живетъ похотію.

Кто не совсѣмъ ослѣпленъ пристрастіемъ къ самому себѣ, и не совсѣмъ увлеченъ отъ себя самого разсѣяніемъ въ суетахъ мірскихъ: тотъ можетъ видѣть сіе самъ въ себѣ, и самъ для себя быть свидѣтелемъ сей строгой истины. Испытатели естества человѣческаго знаютъ, что мыслями управляетъ сердце (какъ и Слово Божіе говоритъ: *отъ сердца исходятъ помышленія* Матѳ. XV. 19.); а сердце управляется желаніями; и потому воля, или господствующее желаніе, есть господствующее начало, или движущая сила всякой жизни. Смотрите же, какія желанія управляютъ мірскимъ человѣкомъ въ мірской жизни? Многоразличны онѣ въ отношеніи къ частнымъ случаямъ: но если взойти къ общимъ ихъ источникамъ, то усматриваются слѣдующія коренныя желанія: желаніе собственнаго удовольствія чувственнаго, желаніе владѣть тѣмъ, что видимъ, желаніе быть выше другихъ;—то же короче: плотоугодіе, корыстолюбіе, честолюбіе,— то же словами Апостола: *похоть плотская, похоть очесъ, и гордость житейская.*

Поелику похоть или не слушаетъ разума, или слушаетъ его только притворно: то плотоугодникъ ищетъ наслажденія, не разсуждая, что тѣмъ повреждаетъ, и даже разрушаетъ въ себѣ созданіе Божіе; корыстолюбецъ домогается пріобрѣтенія, не разсуждая, что похищаетъ у ближняго принадлежащую ему часть даровъ Божіихъ; честолюбецъ стремится къ превозношенію себя столь неудержимо, что если можетъ взойти выше всего, что есть на земли, ни мало тѣмъ не удовлетворяясь, скажетъ, подобно изображенному Пророкомъ царю Вавилонскому: *на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой* (Иса. XIV. 13.); или подобно царю Египетскому: *кто есть Господь, Егоже послушаю гласа* (Исх. V. 2.)? А изъ сего не трудно усмотрѣть, что вмѣстѣ съ *похотями* жизнь мірскихъ человѣковъ если не ознаменована явно, по крайней мѣрѣ сокровенно заражена и *нечестіемъ*.

И такъ, если желаемъ вести жизнь достойную истинныхъ Христіанъ: то дожны мы во-первыхъ, какъ учитъ спасительная Благодать, *отвергнуться нечестія и мірскихъ похотей.* По той мѣрѣ, какъ мы стараемся успѣвать въ семъ ученіи отреченія отъ жизни мірской, Благодать вводитъ насъ въ высшее познаніе и въ самый опытъ дѣйствительной жизни Христіанской. *Да цѣломудренно, праведно и благочестно поживемъ.*

Жизнь человѣческая въ своей дѣятельности движется между тремя предѣлами, къ которымъ приражаясь неправильно, приводитъ она въ замѣшательство собственныя движенія, и повреждаетъ сама себя. Сіи духовные предѣлы суть: самъ чело-

вѣкъ, ближній и Богъ. Чтобы дать жизни во всѣхъ сихъ отношеніяхъ вѣрное направленіе къ истинной цѣли, то есть, къ вѣчному спасенію и блаженству, спасительная Благодать даруетъ, и научаетъ употреблять три силы: *цѣломудріе*, чтобы человѣкъ плотоугодіемъ не повреждалъ самъ *себя*,—*правду*, чтобы онъ корыстолюбіемъ не приражался къ *ближнему*,—*благочестіе*, чтобы онъ гордостію и нечестіемъ не оскорблялъ *Бога*.

Подъ именемъ *цѣломудрія*, Благодать учитъ болѣе, нежели одной тѣлесной чистотѣ, какъ и Тотъ, Которымъ *Благодать бысть*, въ ученіи Своемъ говоритъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. V. 28.). Жить цѣломудренно, въ точномъ знаменованіи сего слова, значитъ жить подъ управленіемъ *цѣлаго*, неповрежденнаго, здраваго *мудрствованія*, не позволять себѣ никакого удовольствія, которое не одобряется здравымъ разсужденіемъ, соблюдать умъ не оскверненный нечистыми мыслями, сердце не зараженное нечистыми желаніями, тѣло не растлѣнное нечистыми дѣлами.

И естественный разумъ мірскихъ человѣковъ не можетъ не признать достоинства такой жизни. Ибо кто можетъ утверждать, что не хорошо имѣть чистую мысль, чистое сердце и чистыя дѣла? Но это, говорятъ они, слишкомъ строго, и даже невозможно. Бѣдные! не ужели это строго, что желаютъ содѣлать васъ подобными чистымъ небеснымъ Силамъ и пречистому Богу? Не ужели вамъ пріятно было бы то снисхожденіе, чтобы васъ оставили въ похоти плоти быть подобными безсловеснымъ животнымъ? Что касается до того, что совершенная чистота кажется вамъ невозможною; это правда; *у человѣкъ сіе невозможно есть* (Матѳ. XIX. 26.). Посему-то и поставляемъ мы наставникомъ въ сей чистотѣ не разумъ человѣческій, но благодать Божію: *явися Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ*. Благодать же Божія не имѣетъ нужды спрашивать, что по силамъ человѣку. *Невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27.).

*Правду*, по изъясненію весьма обыкновенному, полагаютъ въ томъ, чтобы *отдавать всякому свое*. Изъясненіе правды, основанное на томъ не довольно твердомъ основаніи, что человѣкъ присвоилъ себѣ нѣчто, какъ свое, когда онъ *ничего не имѣетъ, чего бы не пріялъ* (1 Кор. IV. 7.) отъ Бога. Не удивительно, что держась сего понятія, человѣки не научаются сами собою правдѣ Божіей, которой научаетъ Благодать Божія. Любить любящихъ, благотворить благотворящимъ, взаимъ давать для воспріятія равнаго, почитаютъ правдою. Фарисейскою правдою называетъ сіе Правда Божія, и такою правдою, которая не вводитъ въ Царство праведныхъ. *Аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ* и *Фарисей*, говоритъ Божественный Праведникъ, *не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. V. 20.). Что сказать о правдѣ, которую нѣкоторые думаютъ найти въ томъ, чтобы воздавать оскорбленіемъ за оскорбленіе, ненавистію за ненависть, зломъ за зло? Если любовь къ однимъ любящимъ названа Фарисейскою правдою: то ненависть и злобу противъ ненавидящихъ, должно признать ниже, нежели языческою правдою. Познайте истинную, небесъ достойную правду въ благодатномъ ученіи Евангелія: *вся, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Матѳ. VII. 12.). Хочешь, чтобы тебя любили человѣки? люби человѣковъ. Хочешь, чтобы тебѣ дѣлали добро всѣ безъ изъятія? дѣлай и ты добро всѣмъ безъ изъятія. Пріятно было бы тебѣ, если бы съ тобою всѣ обращались кротко и смиренно? будь самъ кротокъ и смиренъ предъ всѣми. Кто не вкусилъ еще, сколь сладостна такая жизнь правды: тому можемъ мы только сказать, что если бы люди управлялись сею правдою; то не было бы ни обидъ, ни судовъ, ни хищеній, ни убійствъ, ни распрей, ни войны, ни убожества. Какое благополучіе для Христіанина уже и въ томъ, что онъ можетъ надѣяться увидѣть сію жизнь правды, если еще не видитъ ея! *Мы ждемъ блаженнаго упованія* (Тит. II. 13.). *Будетъ едино стадо и*

*единъ Пастырь* (Іоан. X. 16.). *Нова небеси и новы земли по обѣтованію Его чаемъ, въ нихже правда живетъ* (2 Петр. III. 13.).

Высочайшій предметъ ученія спасительной Благодати есть *Благочестіе. До Бога высоко*, говоритъ наше народное присловіе. Жаль, если такая мысль имѣетъ силу въ народѣ, которому приближеніе къ Богу открыто Благодатію Божіею. Но внѣ благодати, Богъ и его достойное благочестіе, то есть, истинное Богопознаніе и Богопочтеніе, подлинно есть высота недостижимая. Въ язычествѣ неспособность достигать сея высоты оказалась въ такой крайности, что люди сдѣлали себѣ боговъ изъ дерева и камня, или обоготворили презрѣнныхъ животныхъ, и для изъявленія имъ почтенія, подобныхъ себѣ людей закалали предъ ними въ жертву. Умы болѣе тонкіе едва вознеслись до того, чтобы принять за Божества небесныя свѣтила и тонкія силы тѣлеснаго міра. Нашелся, по свидѣтельству Пѣснопѣвца Божія, нашелся безумецъ, который *рече въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. XIII. 1,). Примѣчаю, что не сказалъ онъ сего въ умѣ своемъ, то есть, не могъ убѣдить свой умъ въ принятіи сей нелѣпости, но вопреки ему въ сердцѣ своемъ отвергъ Бога, Котораго сіе разтлѣнное сердце не хотѣло имѣть, не желая покоряться Его законамъ. Какое впрочемъ ужасное разтлѣніе сердца, которое, вопреки убѣжденію собственнаго ума, можетъ отвергать Бога! Лучше ли и нынѣ поступаютъ тѣ, которые не хотятъ отъ Благодати принять ученія благочестія? Не есть ли любимое ихъ ученіе, что Божество, по недосязаемой высотѣ Своей, не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ земнымъ благочестіемъ? Слѣпые мудрователи! вы не видите, что даже тѣлесная природа обличаетъ ложь вашего ученія. Солнце, по своей высотѣ, для земли конечно не досязаемое, не ужели не имѣетъ ничего общаго съ землею? Не обращается ли она къ нему непрестанно, чтобы для всего, на ней живущаго, принять отъ него свѣтъ и теплоту жизни? Почему вы можете думать, что духовное существо человѣка менѣе имѣетъ нужды въ духовномъ свѣтѣ, и въ духовной теплотѣ Высочайшаго существа, въ просвѣщеніи и благодати Божіей? А если оно имѣетъ сію высокую потребность: то не должно ли обращаться свободно, и всею силою стремиться къ своему вѣчному Солнцу? Или, — когда оно сего сдѣлать не можетъ, поелику *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу* (Прем. IX. 15.), и она, отягченная чувственностію, какъ птица съ отягченными свинцомъ крыльями, только бьется о землю, вмѣсто того, чтобы возноситься къ небу,—не должно ли уповать, что Благодать Всеблагаго существа Божія снидетъ къ немощному существу человѣческому, и просвѣтитъ омраченный умъ, и согрѣетъ хладное сердце, и привлечетъ къ Себѣ и упокоитъ обремененную разтлѣніемъ душу? Такъ и дѣйствительно *явися Благодать Божія спасительная, наказующи насъ, да благочестно поживемъ* — да *кланяемся Богу Духу духомъ, и истиною*, да *возлюбимъ Его всѣмъ сердцемъ, всею душею и всѣмъ помышленіемъ*, да обымемъ Его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ не пріявшіе Благодати отвергаютъ Его. Самая же утѣшительная, и собственно спасительная часть благодатнаго ученія о благочестіи состоитъ въ томъ, что въ немъ обрѣтаемъ мы средство, котораго никакой сотворенный умъ не могъ изобрѣсть, — средство, не только благоугождать Богу достойнымъ Его служеніемъ, но и въ оскорбленіи Его нашими похотями и нечестіемъ получить прощеніе; не только творить волю Божію, но и получать отъ Него все, чего просимъ, даже до причастія Его Божественнаго естества,—именемъ и ходатайствомъ Единороднаго Сына Его, воплотившагося и умершаго за насъ, дабы *вся намъ Божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію, пода||ы были познаніемъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелію* (2 Петр. I. 3.).

Таково, братія, *ученіе жизни*, которое преподаетъ намъ *Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ*; и не только преподаетъ, но и принимать оное даетъ способность, и исполнить даруетъ силу. О, если бы въ каждомъ изъ васъ сіе Божественное сѣмя прозябло, и возрасло, и принесло плодъ, угодный Насадителю благихъ, и для васъ сладостный и

живоносный! *Молимъ, не вотще Благодать Божію пріяти вамъ* (2 Кор. VI. 1.). Послѣдуемъ ея наставленію, не въ нѣкоторыхъ только дѣлахъ или упражненіяхъ нашихъ, но во всемъ *пребываніи* нашемъ, во всей жизни нашей. *Поживемъ цѣломудренно, праведно и благочестно въ нынѣшнѣмъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа*. Аминь.

## 5. СЛОВО

При открытіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, говоренное въ каѳедральномъ Чудовѣ монастырѣ, Декабря 2 дня, 1823 года.

*Да узрятъ нищіи, и возвеселятся: взыщите Бога, и жива будетъ душа ваша. Яко услыша убогія Господь, и окованныя Своя не уничижи.* Псал. LXVIII. 33. 34.

Нѣкогда богатый милостію Господь нашъ Іисусъ Христосъ возвѣщалъ о Себѣ, что Онъ посланъ *благовѣствовати нищимъ;* и не просто посланъ, но нѣкимъ особеннымъ тайнымъ дѣйствіемъ Святаго Духа *помазанъ*, или посвященъ, въ сіе служеніе. *Духъ Господенъ на Мнѣ*—сіи слова Пророка Исаіи относитъ Онъ къ Себѣ— *Духъ Господенъ на Мнѣ; Егоже ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцемъ* (Лук. IV. 18.). Если небесное и Божественное посольство частію имѣло предметомъ благовѣствовать нищимъ; если Святѣйшему Посланнику Божества надлежало принять особенное посвященіе для сего служенія: то какъ важно служеніе— благовѣствовать нищимъ! Правда, Іисусъ Христосъ благовѣствовалъ преимущественно нищимъ духомъ, и предлагалъ имъ духовное богатство благодати: впрочемъ Онъ благовѣствовалъ также и нищимъ плотію, исцѣлялъ больныхъ и разслабленныхъ; милосердовалъ о народѣ не имѣющемъ, чесо ясти, и не разъ подавалъ ему хлѣбную милостыню, напитавъ пять тысячь пятью, и четыре тысячи семью хлѣбами. Для чего Самъ Онъ посланъ былъ отъ Отца Своего: для того же преемственно посылаетъ учениковъ Своихъ. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (Іоан. XX. 21.). Блаженъ, кто такимъ образомъ посланъ и помазанъ отъ Него, чтобы духовную нищету ближнихъ исполнять духовнымъ богатствомъ благодати! Но и то не есть ли благое участіе въ Его посланничествѣ и въ Его помазаніи, когда можемъ благовѣствовать хотя нищимъ плотію, облегчать ихъ бѣдствіе словомъ утѣшенія и надежды, а по мѣрѣ возможности, и дѣломъ помощи?

На сей разъ духъ человѣколюбія Христова посылаетъ меня благовѣствовать нищимъ, именно, вашимъ, братія, служители Олтаря. Сей духъ въ Благочестивѣйшемъ Помазанникѣ Господнемъ и въ Святѣйшемъ Соборѣ Правительства церковнаго подвигся на помощь безпомощнымъ вашимъ, изнуреннымъ старостію, окованнымъ болѣзнію, сиротствующимъ, вдовствующимъ; нынѣ полагается основаніе постояннаго призрѣнія ихъ чрезъ составляемое для того изъ васъ же Попечительное Сословіе; средства для сего частію дало само Правительство, по мѣрѣ его возможности, частію же оно уполномочило насъ прибѣгнуть для сего къ человѣколюбію вѣрныхъ и послушныхъ дѣтей Церкви. *Да узрятъ нищіи, и возвеселятся! яко услыша убогія Господь, и окованныя Своя не уничижи.*

Прежде нежели сіе веселіе нищихъ принесемъ мы предъ Бога въ благодарственномъ моленіи, какъ то заповѣдалъ намъ Святѣйшій Сѵнодъ, бросимъ хотя легкій наблюдательный взоръ на многоразличную скорбь нищихъ, ожидающую себѣ утѣшенія.

Нищета есть одинъ изъ горькихъ плодовъ проклятія, которое на лицѣ всея земли грѣхъ человѣческій посѣялъ, а гнѣвъ Божій допустилъ произрастать. Какъ видимый предметъ перваго грѣха составляла пища,—плодъ запрещеннаго древа; и первое обнаруженіе грѣховной заразы, проникнувшей человѣка, была искуственная

одежда, — листвіе смоковничное, вмѣсто естественнаго одѣянія свѣта, отъ котораго человѣкъ обнажился грѣхомъ, — одежда также грѣхомъ оскверненная, потому что обнаруживала лукавое и лицемѣрное желаніе скрыть послѣдствіе грѣха: соотвѣтственно съ сими дѣйствіями грѣха, на тѣхъ же двухъ предметахъ, на пищѣ и одеждѣ человѣка, особеннымъ образомъ оказалось дѣйствіе проклятія; такъ что онъ въ отношеніи къ симъ предметамъ сдѣлался бѣднѣе послѣднихъ земныхъ тварей. Жилище созидаетъ себѣ человѣкъ; созидаютъ себѣ и прочія животныя: въ семъ они равны между собою. Но для пищи—*птицы небесныя не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы*: а человѣку въ день проклятія сказано: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*, и посѣянное, сжатое, собранное въ житницы, еще не пища для него, если не придетъ въ помощь жерновный камень, сила дрождей, огня и многоразличное искусство; самый духъ благодати, упраздняющій проклятіе, хотя разрѣшаетъ насъ отъ заботливаго попеченія о пищѣ: *не пецытеся, что ясте*; но еще не освобождаетъ отъ труда для снисканія пропитанія: *до нынѣшняго часа труждаемся*. И для одежды — *крины сельные не труждаются, ни прядутъ*, также и безсловесныя животныя; ихъ одежда, безъ всякаго ихъ усилія, вырастаетъ изъ самаго ихъ тѣла, и такимъ же образомъ, когда обветшаетъ, замѣняется новою: а человѣкъ не только не найдетъ себѣ въ цѣломъ мірѣ готовой одежды; не только имѣетъ нужду въ трудной и долговременной работѣ, чтобы составить себѣ одежду: но даже принужденъ для сего или грабить или убивать другія твари, на примѣръ, обнажить овцу отъ естественной ея одежды, чтобы одѣться ея волною, или совсѣмъ убить ее, чтобы одѣться ея кожею. Но не станемъ болѣе распространяться словомъ о всеобщей нищетѣ человѣческой, на которую я только мимоходомъ указываю для того, чтобы внимательные могли примѣчать, какъ самыми обыкновенными предметами въ жизни обличаются дѣйствія первороднаго грѣха, и съ самою природою смѣшаннаго поврежденія человѣческаго рода; и дабы никто не осмѣливался презирать нищеты, которая въ нѣкоторомъ степени есть общій жребій человѣковъ, всѣхъ безъ изъятія уничижающій, предъ самыми низкими тварями. Посмотримъ ближе на частную нищету, происшедшую изъ того, что человѣки всеобщую нищету свою, по неизбѣжному ли послѣдствію общежитія, или по дѣйствію корыстолюбія и другихъ страстей, не по равну между собою раздѣлили.

Скорбь нищеты есть одна изъ тяжкихъ скорбей потому, что стѣсняетъ жизнь въ самыхъ необходимыхъ ея требованіяхъ: не такъ какъ многія другія скорби, которыя раждаются отъ неудовлетворенія случайнымъ только, или даже только мнимымъ потребностямъ. Унижаютъ меня, или возвышаютъ надо мною низшихъ меня: могу скорбѣть и много и мало, почти столько, сколь велико или мало мое честолюбіе; а могу и совсѣмъ побѣдить скорбь, побѣдивъ честолюбіе; живутъ и въ самомъ низкомъ состояніи спокойно и благополучно. Клевещутъ на меня, лишаютъ меня добраго мнѣнія: и сіе бѣдствіе, когда не простирается далѣе мнѣнія, есть мнимое: ибо мнѣніе другихъ обо мнѣ, каково бы ни было, не отнимаетъ у меня власти оставаться честнымъ, если я честенъ, благомыслящимъ и боящимся Бога, если я таковъ; а для того, кто имѣетъ сокровище, тяжка ли та скорбь, что другіе думаютъ, будто онъ не имѣетъ? Но когда лишенъ я пищи, одежды: тогда никакая Философія не можетъ увѣрить меня, что я не голоденъ и не нагъ: здѣсь одна вещественная помощь сострадація можетъ облегчить вещественное страданіе.

Собственная тягость нищеты увеличивается тѣмъ, что сіе бѣдствіе очень часто служитъ сѣменемъ или пищею другихъ бѣдствій. Если съ нищетою встрѣчается болѣзнь: онѣ усиливаютъ одна другую, чтобы совокупно подавлять бѣдное человѣчество: нищета не допускаетъ отражать болѣзнь врачеваніемъ; болѣзнь не оставляетъ мѣста трудолюбію сражаться съ нищетою. Если нищета постигаетъ начальника семейства: тяжесть бѣдствія умножается надъ нимъ по числу домашнихъ его, между тѣмъ какъ и надъ каждымъ изъ нихъ то же бремя тяготѣетъ; для сына его нѣтъ

воспитанія; для дочери его нѣтъ супружества. Не скажу, чтобы нищета прямо пролагала путь порокамъ, преступленіямъ и послѣдующимъ за ними бѣдствіямъ, ибо неоспоримо сказанное, что *отъ сердца исходятъ помышленія злая* (Матѳ. XV. 19.), а не изъ пустаго влагалища: впрочемъ внимательно наблюдающіе сердце человѣческое, могутъ примѣчать, что тайное въ немъ слово беззаконія, или подавляется внутри его, или проникаетъ во внѣшнія дѣла, при содѣйствіи внѣшнихъ обстоятельствъ; такимъ образомъ крайняя скудость изощряетъ искушеніе къ неправедному пріобрѣтенію; привычка къ неблаговидной наружности, столь обыкновенной въ нищетѣ, представляетъ не слишкомъ отвратительными неблагородные поступки, и, по странному превращенію причины въ ея послѣдствіяхъ, отъ нищеты тѣлесной иногда не менѣе бѣдствуетъ душа, какъ и тѣло;—бѣдствуетъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ менѣе чувствуетъ тяжесть сего духовнаго бѣдствія въ сравненіи съ тѣлеснымъ.

Понравится ли чадамъ изобилія, когда еще скажу? скажу однако, повинуяся истинѣ, въ наставленіе намъ, не испытавшимъ нищеты, изъ которыхъ многіе смотрятъ на нее съ большимъ, нежели должно, равнодушіемъ,— что тяжесть особенно подавляющая нищихъ братій нашихъ есть именно наше изобиліе и роскошь. *Богъ живый даетъ намъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *вся обильно въ наслажденіе* (Тим. VI. 17.): отъ чего же иной не имѣетъ даже насущнаго хлѣба на сей день?—Отъ того, что другой заперъ у себя *многа блага, лежаща на лѣта многа*, или въ одинъ день истребляетъ болѣе годоваго пропитанія бѣднаго. Не властенъ ли я, скажетъ онъ, беречь или употреблять по произволу законную собственность?—Властенъ; но и беречь и употреблять также законно, по закону надежды на Бога, Который употребленное для нищихъ пріемлетъ въ заемъ себѣ, и безъ сомнѣнія не оставитъ въ нуждѣ Своего заимодавца; — по обычаю, если можно, совершенныхъ вѣрующихъ, которые *раздаяху всѣмъ, егоже аще кто требоваше*, и отъ того *не бяше нищь ни единъ въ нихъ* (Дѣян. II. 45. IV. 34.); — по крайней мѣрѣ по законамъ благоразумія и умѣренности, по законамъ человѣколюбія и сострадан̇ія, которые не менѣе понятны для нищихъ, какъ для тебя твой законъ собственности. Или, если угодно, не станемъ оспоривать у богатыхъ права располагать законною собственностію такъ безпорядочно, какъ они хотятъ: желательно только, чтобы сердце ихъ почувствовало, какъ иногда, думая невинно играть своею собственностію, глубоко пронзаютъ они сердца нищихъ. *Вы вѣсте*, говоритъ Моусей Израильтянамъ, побуждая ихъ не оскорблять пришельца,—*вы вѣсте душу пришельчу: понеже сами бысте пришельцы въ земли Египетстѣй* (Исх. XXIII. 9.). Мы, которые сами, по щедротамъ Божіимъ, не были нищими, знаемъ ли душу нищаго? Знаемъ ли, что онъ думаетъ и чувствуетъ, проходя, на примѣръ, близъ обширныхъ хранилищъ богатаго, или близъ огромнаго дома зрѣлищъ, или встрѣчаясь съ одѣтымъ въ драгоцѣнную одежду, не по требованію званія, или обоняя чадъ тучнаго пира, или слыша мусикійскій громъ изъ чертоговъ роскоши, и видя въ нихъ въ полночь полуденный свѣтъ?—«Если бы—вѣроятно, думаетъ онъ — если бы сіи обширныя хранилища не наполнялись тѣмъ, что богатому совсѣмъ не нужно: какъ многіе, подобные мнѣ, могли бы получить отъ него необходимое, котораго теперь мы не имѣемъ! Если бы сей широкій кровъ не былъ нуженъ на нѣкоторые часы праздности, чтобы подъ нимъ собирались видѣть притворство, и слушать вымыслы: сколько можно было бы собрать и водворить подъ нимъ такихъ, которые теперь не имѣютъ гдѣ главы подклонити, или не живутъ, а губятъ жизнь въ нечистыхъ, нездоровыхъ, полуразрушенныхъ и паденіемъ угрожающихъ жилищахъ! И тогда бы здѣсь не ложныя дѣйствующія лица произносили вымышленныя восклицанія страстей, но непритворные дѣйствователи неухищреннаго зрѣлища возносили къ небесамъ благодарственныя восклицанія, и самые камни возвѣщали дѣйствительную добродѣтель человѣколюбія. Если бы носящій сію рѣдкую иноземную одежду согласился промѣнять ее на обыкновенную

«отечественную: онъ и тогда былъ бы «одѣтъ прилично, и помогъ бы многимъ «изъ насъ промѣнять рубище на одежду. «Если бы съ сего стола, котораго продолжительностію скучаютъ собесѣдники, «снять одну перемѣну пищи или питія: «изъ сего можно было бы составить новый пиръ для нѣсколькихъ, теперь алчущихъ и жаждущихъ. Сколько сладкихъ «или гремящихъ звуковъ въ чертогѣ роскоши въ часъ веселія: столько можно «было бы утишать воплей и стоновъ бѣдствія, если бы на тотъ часъ отказать «искуству, и отдать нищетѣ то, что ему «обѣщано. Тамъ игра богатыхъ несравненно дороже цѣнится, нежели трудъ «бѣдныхъ: и тѣмъ, которые платятъ сію «цѣну иногда безпрекословнѣе, нежели «плату работающему, или долгъ заимодавцу, не приходитъ на мысль, что за «сію цѣну можно было бы выиграть благоденствіе бѣднаго семейства и нѣсколько «сердецъ признательныхъ. У сего свѣтлаго чертога можно бы отнять нѣсколько «изъ многочисленныхъ его свѣтильниковъ «такъ, чтобы онъ еще оставался свѣтлымъ: «но чрезъ то можно было бы наполнить «елеемъ утѣшенія свѣтильникъ жизни, который отъ нищеты истощается, и можетъ «вскорѣ совсѣмъ угаснуть.» — Если въ сихъ размышленіяхъ сколько нибудь угадываю я душу нищаго: то помыслите, какова должна быть ея скорбь, когда онъ чувствуетъ свое бѣдствіе, видитъ вокругъ себя средства, могущія прекратить оное, и удобность употребить ихъ, но въ тоже время видитъ и то, что употреблять ихъ не хотятъ, и ему то не позволено;—стоитъ среди текущей рѣки чужаго изобилія; но вода чужая проходитъ близъ устъ его, и оставляетъ его жаждущимъ! Такъ и Евангеліе въ сказаніи о Лазарѣ самою сильною чертою бѣдствія его полагаетъ то, что онъ бѣдствовалъ у прага изобилія: *лежаше предъ враты его гноенъ, и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго* (Лук. XVI. 20. 21.).

Кто пожелаетъ разсматривать нищету въ разныхъ общественныхъ званіяхъ, тотъ еще откроетъ разныя черты страданія, и новыя побужденія къ состраданію: и въ семъ разсмотрѣніи нищета нашего званія, думаю, представится внимательнымъ наблюдателямъ особенно достойною сострадательнаго участія. Въ другихъ званіяхъ нищета не рѣдко происходитъ отъ лѣности, отъ предпріимчивой жадности къ пріобрѣтенію, отъ расточительности, и потому есть не бѣдствіе, но наказаніе: въ званіи служителей Олтаря, почти всеобщій жребій его составляющая бѣдность превращается въ нищету обыкновенно болѣзнію, старостію, или смертію начальника семейства, доставлявшаго себѣ и ему пропитаніе. Въ иномъ званіи сирота и вдовица безпрепятственно, по крайней мѣрѣ, укрываются подъ осиротѣвшимъ кровомъ отца и супруга: въ нашемъ званіи сиротство и вдовство, даже болѣзнь и старость, заграждая источникъ пропитанія, по большой части отъемлютъ у нищаго и жилище, которое, по установленіямъ, должно всегда принадлежать дѣйствительно служащему Церкви.

Наконецъ — *сей нищій воззва*, и *Господь услыша и* (Псал. XXXIII. 7.). *Да узрятъ нищіи*, и *возвеселятся!*

Правда, и теперь нищіе наши могутъ видѣть у насъ только еще приготовленіе къ облегченію ихъ участи; могутъ веселиться только еще надеждою. Ибо средства призрѣнія ихъ меньшею только частію подаетъ намъ человѣколюбивая рука Правительства, большею же частію онѣ скрыты еще въ рукахъ частнаго человѣколюбія. Совершится ли и съ сей стороны надежда убогихъ, и будетъ ли радость ихъ дѣйствительно исполнена? Узрятъ ли они въ участникахъ одного званія одинъ духъ братолюбія, и столь же искреннюю попечительность о бѣдности званія, какъ о бѣдности собственнаго семейства? Узрятъ ли въ чадахъ Церкви возвѣщаемую Апостоломъ *вѣру чистую и нескверную предъ Богомъ и Отцемъ, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ* (Iак. I. 27.), и во-первыхъ, сирыхъ и вдовицъ, оставленныхъ служителями сея чистыя вѣры? При ходатайствѣ за сихъ вдовицъ и сирыхъ, вспомните ли вы, чада вѣры, что тѣ, отъ которыхъ онѣ остались, провели и окончили жизнь въ молитвахъ за васъ и въ служеніи спасенію душъ вашихъ? По-

думаете ли, что сіи вдовицы и сироты пастырей вашихъ потому не получили наслѣдства, и самые сіи пастыри потому не собрали запаса на старость или болѣзнь, что *посѣщали стадо Божіе не нуждею, но волею, и по Бозѣ, ниже неправедными прибытки, но усердно* (1 Петр. V. 2.)? Пожелаете ли на ваше изобиліе, на ваше великолѣпіе, на ваши увеселенія, которыя поистинѣ часто дѣлаетъ нечистыми неумѣренность, — пожелаете ли положить на оныя добровольную очистительную дань человѣколюбію и нищелюбію?

Будемъ надѣяться, что Начный дѣло благо въ насъ, и совершитъ оное благодатію Своею, чрезъ благоугодныя Ему орудія. Возблагодаримъ Его за начало: воззовемъ къ Нему о совершеніи. *Взыщите Бога и жива будетъ душа ваша. Услыша*—и еще услышитъ—*убогія Господь, и окованныя Своя не уничижитъ.* Аминь.

## 6. СЛОВО

**Предъ присягою для избранія Судей.**

*Рече же Моисей: молюся Ти, Господи; избери могуща иного, егоже послеши.* Исх. IV. 13.

Такъ отрицался Моисей, когда избираемъ былъ въ представителя и вождя народа Израильскаго. Хотя избирающій былъ Богъ, всеблагій, слѣдственно избраніе безъ сомнѣнія имѣло цѣль благотворную,—всевѣдущій,—слѣдственно не могъ Онъ погрѣшить въ избраніи,—всемогущій,—слѣдственно могъ дать избираемому всѣ потребныя средства оправдать избраніе; хотя Богъ, открывая Свое избраніе, и спасительное намѣреніе сего избранія Моисею открылъ, и Свое присутствіе и помощь ему обѣщалъ, и познаніемъ Своего имени просвѣтилъ его, и чудодѣйственною силою вооружилъ: не смотря на все сіе Моисей отрицался отъ избранія: *Молюся Ти, Господи; избери могуща иного, егоже послеши.*

Но къ чему сіе теперь, думаютъ, можетъ быть, предстоящіе здѣсь, собравшіеся испросить отъ Бога помощь и произнести предъ Олтаремъ обѣтъ вѣрности въ начинающемся дѣлѣ избранія? Надобно ли, чтобы тѣ, на которыхъ падетъ избраніе, отреклись отъ избранія, и привели въ затрудненіе избирателей?

Знаю, что если бы всѣ отреклись отъ избранія въ должности начальниковъ и судей; то некому было бы начальствовать и судить, и жизнь общественная лишилась бы благородныхъ орудій, посредствомъ которыхъ она правильно движется, и сохраняется отъ поврежденія и разрушенія. Но и напротивъ, должно знать, что если бы всѣ захотѣли начальствовать и судить; сіе вело бы къ тому, чтобы не было подчиненныхъ, слѣдственно и управленія, не было бы признающихъ надъ собою судъ, слѣдственно не было бы мѣста правосудію.

Между сими крайностями,—отъ которыхъ да сохранитъ насъ Богъ!—посмотримъ, не укажетъ ли намъ безопасной средины отреченіе Моисеево, которое однако жъ кончилось покорностію избранію, и не дастъ ли сей примѣръ полезныхъ наставленій, не только избираемымъ, но и самымъ избирателямъ.

Расположеніе избираемаго въ общественную должность можетъ быть трояко въ отношеніи къ избранію: или онъ ищетъ и домогается избранія, или уклоняется отъ онаго и убѣгаетъ, или, въ ожиданіи куда падетъ жребій избранія, остается равнодушнымъ и спокойнымъ.

Кто въ семъ случаѣ равнодушенъ и спокоенъ: того безпокоить и колебать не станемъ. Пусть его душевныя силы и склонности стоятъ въ безмятежномъ равновѣсіи. Желаемъ только, чтобы средоточіемъ, на которомъ сіе равновѣсіе должно покоиться, была довѣренность къ избранію видимому, но съ тѣмъ вмѣстѣ и невидимому жребію, который никогда не падаетъ слѣпо, и которому, примѣтно ли, не примѣтно ли, слѣдуетъ, слѣпой иногда, шаръ видимаго избирателя.

А кто ищетъ и домогается избранія въ общественныя должности, особенно высшія: тому не обинуясь скажемъ: вотъ къ чему приводится примѣръ Моисея; вотъ къ чему повторяются его слова: *избери могуща иного!*

Еще до избранія можно было примѣчать, а по избраніи открылось ясно, кто былъ Моисей, и къ чему Онъ былъ способенъ. Онъ былъ Мудрецъ и Пророкъ. Онъ былъ способенъ одною рукою и жезломъ, защитить цѣлый народъ угнѣтенный, отразить цѣлый народъ угнѣтающій. Онъ былъ способенъ не только руководствовать народъ, и судить по законамъ уже принятымъ, но и начертать, подъ непосредственнымъ руководствомъ Всевышняго Законодателя, новые законы, и ввесть ихъ въ употребленіе. Духъ его былъ чревать необъятно великими дѣлами: а чувствовалъ себя малымъ и ничтожнымъ, подобно какъ желудь не знаетъ, что изъ него родится дубъ.

Таково свойство людей, истинно способныхъ, и душъ возвышенныхъ. Чѣмъ больше ихъ способность, чѣмъ возвышеннѣе ихъ понятія и чувствованія: тѣмъ въ большемъ свѣтѣ, тѣмъ выше надъ собою, представляютъ они то, что называютъ совершенствомъ; слѣдственно тѣмъ далѣе отъ совершенства внутренно видятъ себя самихъ, тѣмъ менѣе на себя полагаются, тѣмъ болѣе смиряются, тѣмъ менѣе ищутъ видимаго возвышенія, и даже иногда уклоняются отъ онаго и убѣгаютъ. *Избери могуща иного!*

Желательно, чтобы въ сіе зеркало пристально посмотрѣлись отважные и неутомимые искатели начальственныхъ должностей, дабы лучше узнать, какимъ представляется образъ духа ихъ въ чистомъ свѣтѣ истины. Почему они усильно ищутъ начальствованія? Не потому ли, что сильно чувствуютъ способность къ оному? Но истина показываетъ, что присутствіе отличной способности оказывается совсѣмъ инымъ, даже противоположнымъ тому образомъ. Испытатель природы спокойно разматриваетъ луну, опредѣляетъ ея путь, изслѣдываетъ свойства и дѣйствія; младенецъ со слезами требуетъ, чтобы ее сняли съ неба, и дали ему въ руки: отъ избытка ли способности происходитъ въ семъ случаѣ нетерпѣливое желаніе?

Нѣтъ ли такихъ искателей права начальствовать или судить, которые не затрудняютъ себя заботливымъ размышленіемъ, способны ли они начальствовать, или судить, а довольствуются пріятными мыслями, что будутъ носить почетныя званія начальниковъ, или судей, достигать преимуществъ, пользоваться выгодами? Не станемъ и мы, если такъ имъ угодно, затруднять ихъ дальнимъ изслѣдованіемъ ихъ образа мыслей: удовольствуемся подать имъ легко понимаемую мысль, что судъ не есть торговля, и почетныя званія и преимущества учреждены для должностей, достоинствъ, заслугъ, а не для тщеславія.

Если не принимаемъ труда размышлять: примемъ по крайней мѣрѣ готовое размышленіе и совѣтъ, который давно для насъ обдумалъ мудрый и опытный мужъ. *Не проси у Господа владычества, ниже отъ Царя сѣдалища славы. — Не ищи, да будеши судія, егда не возможеши отъяти неправды: да не когда убоишися лица сильнаго, и положиши соблазнъ въ правости твоей* (Сир. VII. 4. 6.).

Впрочемъ, кто и *не ищетъ, да будетъ судія,* и даже уклоняется отъ начальствованія: и тому, чтобы симъ безопаснымъ, по видимому, путемъ, не уклонился онъ въ соблазнъ, и не впалъ въ неправду, не безполезно указать надежнаго предшественника въ пути отреченія, опять того же, который сказалъ: *избери могуща иного.*

Почему отрицается Моисей отъ избранія? Не по тому ли, что имѣетъ много собственныхъ дѣлъ, которыя даетъ ему возрастающее семейство его, управляемое имъ хозяйство сродника, и нужда помышлять о устроеніи собственнаго хозяйства?—Нѣтъ. Не по тому ли, что сей воспитанникъ дочери Фараоновой, бывъ такъ близко къ престолу, и добровольно удалясь отъ него, находитъ послѣ сего уже скучнымъ, или низкимъ для себя, предводительствовать не славнымъ племенемъ скотопитателей и плинѳодѣлателей?—Нѣтъ. Стараясь отклонить избраніе отъ себя къ иному *могущему,* онъ признаетъ чрезъ сіе свою немощь, и на семъ признаніи

основываетъ свое отреченіе. Притомъ онъ не отвергаетъ избранія дерзновенно и упорно: а проситъ освобожденія отъ онаго кротко и смиренно: *молюся Ти, Господи!* Какъ же скоро Всевышній Избиратель явилъ Себя непреклоннымъ въ Своемъ изволеніи: тотчасъ избранный преклонился предъ Его судьбою, пошелъ, и оправдалъ избраніе.

Такъ люди достойные оказываютъ въ себѣ новое достоинство, когда отрекаются отъ достоинства. Они уклоняются отъ общественныхъ должностей не потому, что находятъ ихъ не довольно сообразными съ своею личною пользою, не довольно пріятными, не довольно почетными: но по чистому смиренію. Они не смѣютъ принять избранія, когда оно приближается: но также не смѣютъ не принять избранія, когда оно совершилось.

Судите посему, на правомъ ли пути тотъ, кто безъ особенной нужды, по желанію только собственной выгоды, или покоя, убѣгаетъ отъ дѣлъ общественныхъ къ своимъ личнымъ и домашнимъ. Скажите, благородные и просвѣщенные мужи, просвѣщенный ли то образъ мыслей, благородный ли то образъ чувствованій, если для меня мое важнѣе общественнаго, и я дороже отечества? Не ужели я удобнѣе могу обойтись безъ общества, нежели общество безъ меня? Могутъ ли быть устроены и приведены въ безопасность мои дѣла, если общественныя будутъ пренебрежены и допущены до разстройства?

Какъ невысока и сія мысль, когда нѣкоторые люди, нѣкоторыя степени общественнаго избирательнаго служенія находятъ низкими для себя, и потому не принимаютъ избранія! О, Боже Всевышній! Какъ же для Тебя не низко управлять симъ дольнимъ міромъ? *Что есть человѣкъ, яко помниши его? Или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его* (Псал. VIII. 5.)? Если бы Ты положилъ въ умѣ Твоемъ, что сіе низко: Ты бы его забылъ, и онъ исчезъ! Но когда для Всевышняго Бога не низко, помнить и посѣщать, хранить и терпѣть, миловать и спасать сію бренную и грѣшную, и потому конечно весьма низкую, тварь: ты, сынъ человѣческій, который думаешь, что пещись о нѣкоторыхъ подобныхъ тебѣ человѣкахъ, и даже начальствовать надъ ними, для тебя низко, — не ужели ты выше Всевышняго?

Кто любитъ высокое: тотъ пусть узнаетъ истинное средство сдѣлать высокимъ свое общественное служеніе. *Иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти: да будетъ вамъ слуга* (Матѳ. XX. 26.).

Сего, по скудости нашей, довольно для избираемыхъ. Обратимъ остатокъ слова на избирающихъ.

Не разъ Моисей отрицался отъ избранія: даже до того, что за сіе *разгнѣвался яростію Господь на Моисея* (Исх. IV. 14.). Но гнѣвъ на отрицаніе не побѣдилъ благоволенія къ достоинству; и отрицаніе избираемаго не воспрепятствовало Всевышнему Избирателю совершить дѣло избранія. Моисей отрицался; напротивъ того Корей, Даѳанъ, Авиронъ, съ цѣлымъ сонмомъ единомысленниковъ, домогались: отрицавшійся избранъ, а домогавшіеся отвержены.

На сіи *образы, прилучавшіеся древнимъ, а написанные въ наставленіе наше*, взирайте, благонамѣренные избиратели, внимательно: и поучайтесь важному дѣлу избранія. Для великаго ли, для малаго ли общества, не малая разница, Моисея избрать, или Корея. Старайтесь узнать Моисея, или ему подобныхъ: умѣйте отъ нихъ различить Корея, или его подражателей. Не рѣдко Моисей убѣгаетъ и скрывается: надобно найти его, и узнать достоинство сквозь покровъ скромности и смиренія. Можетъ случиться, что онъ будетъ отрицаться отъ избранія: не должно тотчасъ мстить за сіе отверженіемъ, должно разсудить спокойно, справедливѣе ли уважить отрицаніе, или полезнѣе настоять на избраніе. Корей, напротивъ, ходитъ изъ кущи въ кущу; набираетъ соумышленниковъ для своего избранія; старается предупредить въ свою пользу *начальниковъ сонма*, и для всѣхъ простираетъ сѣти льстивыхъ речей, *яко весь сонмъ, вси святи* (Числ. XVI. 3.): будьте осторожны, не дайте уловить себя. Избирайте не того, кто ищетъ должности, но кого должность ищетъ. Дайте обществу вѣрныхъ блюстителей порядка и пра-

восудія: а не предайте общества искателямъ власти, либо корысти.

Какое доброе учрежденіе, какая довѣренность верховной Власти къ сословіямъ поддданныхъ, когда имъ даровано право избирать для себя непосредственныхъ блюстителей порядка и правосудія изъ среды себя! Ущ очьте доброе учрежденіе добрымъ исполненіемъ; оправдайте довѣренность; употребите данное право такъ, чтобы верховная Власть не имѣла причины раскаяваться, даровавъ оное. *Усмотрите себѣ*, скажу наконецъ съ однимъ изъ древнихъ совѣтниковъ, *усмотрите себѣ мужи сильны, Бога боящіяся, мужи праведны, ненавидящія гордости* (Исх. XVIII. 21.).

Въ намѣреніи таковаго избранія произнесите нынѣ обѣтъ вашъ предъ сердцевѣдцемъ Богомъ. Онъ, непогрѣшительный и во временномъ, какъ въ вѣчномъ Своемъ избраніи, да благословитъ и совершитъ предпріемлемое избраніе, ко благу всѣхъ и каждаго. Аминь.

## 7. СЛОВО

Предъ присягою для избранія Судей.

*Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ; себе чиста соблюдай.* 1 Тим. V. 22.

Слыша сіе, благородные, и разныхъ родовъ и степеней почетными званіями украшенные мужи, вы тотчасъ можете подумать: къ чему теперь сіе слово? *Руку возлагать* не наше дѣло; мы пришли дать обѣтъ благонамѣренно избрать достойныхъ въ нѣкоторыя должности гражданскія; и клятвою предъ Богомъ засвидѣтельствовать Государю, Отечеству, другъ другу, что будемъ сіе дѣлать точно по совѣсти.

Знаю: и на сей именно случай желаю предложить вамъ нѣкоторыя мысли. Но позвольте мнѣ думать, что не неумѣстно избралъ я для сего, въ руководство моему размышленію, слово Апостольское, которое вы слышали. Дайте мнѣ объясниться.

*Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ; себе чиста соблюдай.*

Можете знать, какъ очевидцы, что обрядъ возложенія рукъ, отъ временъ Апостольскихъ до нынѣ постоянно употребляемый въ Церкви, означаетъ, предваряемое избраніемъ и утвержденіемъ, возведеніе и посвященіе въ разныя степени Церковнаго служенія. Итакъ правило Апостола: *руки скоро не возлагай*, значитъ: не будь торопливъ въ избраніи, утвержденіи, возведеніи въ Церковныя должности; будь въ семъ осмотрителенъ, остороженъ.

Правда, что сіе правило направлено на насъ, служителей Церковнаго управленія: а нужно теперь правило для васъ, почтенные избиратели управленія Гражданскаго. Но что же дѣлать? Апостолы писали не Государственныя постановленія, не гражданскіе законы; не льзя требовать, чтобы въ книгахъ ихъ отъискалась подробная инструкція Гражданскаго избирателя. Впрочемъ вы удостовѣрены, что Апостолы въ своихъ Писаніяхъ руководствовались истиною, и притомъ Божественною: а истина для всѣхъ одна. И премудростію, и законодательствомъ Апостоловъ было, благочестіе: *а благочестіе на все полезно есть* (1 Тим. IV. 8.). Посему можно вамъ взять истинное и благочестивое правило Апостольское изъ Церкви, и перенести въ вашу избирательную палату. Отложите особенности: мысль о служеніяхъ Церковныхъ, обрядъ рукоположенія: вы увидите въ разсматриваемомъ изреченіи Апостола общее правило: не будь скоръ въ избраніи въ должности общественныя, а будь осмотрителенъ, остороженъ. Приложите ближе сіе къ вашему дѣлу и обряду, и скажите себѣ: избирательнаго шара скоро не полагай; будь осмотрителенъ, остороженъ. Я же къ сему присовокуплю, что симъ образомъ учитъ васъ Апостолъ, а не я: уважьте наставленіе, и само по себѣ, и ради Наставника.

Но Апостолъ даетъ намъ и вамъ не безотчетное повелѣніе: ибо Христіанство владычествуетъ силою свободнаго убѣжде-

нія. Къ наставленію объ осторожности въ избраніяхъ, онъ тотчасъ присовокупляетъ и убѣжденіе въ важности и необходимости сего наставленія. *Ниже пріобщайся*, говоритъ, *чужимъ грѣхомъ; себе чиста соблюдай*. О какихъ говоритъ онъ чужихъ грѣхахъ? Что значитъ *пріобщаться чужимъ грѣхомъ?*—Слова Апостола заключаютъ въ себѣ мысль дальновидную: надобно ее раскрыть, и приблизить къ дѣлу.

Дабы убѣдительно предостеречь отъ *скорыхъ*, то есть, неосмотрительныхъ и необдуманныхъ избраній, прозорливый Наставникъ смотритъ на послѣдствія оныхъ. Если выбираешь въ должность безъ вниманія, какъ случится: случится всего легче, что выберешь недостойнаго. Если Тимоѳей (къ которому первоначально писалъ свое наставленіе святый Павелъ), по неосмотрительности, рукоположитъ Пресвитера несвѣдущаго въ ученіи спасенія, или недостойнаго по жизни: то произойдутъ въ Пресвитерствѣ или невольные грѣхи невѣдѣнія, или вольные грѣхи неукрощенныхъ страстей и низкихъ склонностей; и далѣе, въ слѣдствіе сего, нѣкоторые грѣхи народа, которымъ надлежало бы очищаться посредствомъ духовнаго разума и священнаго служенія, останутся не очищенными; и еще далѣе, родятся новые грѣхи соблазна, который съ особенною силою приходитъ чрезъ недостойныхъ служителей святыни. Вотъ разнаго рода чужіе грѣхи, на которые предостерегательно указываетъ Святый Павелъ Тимоѳею и мнѣ! Мы сказали бы, можетъ быть: какое намъ дѣло до чужихъ грѣховъ? Пусть отвѣчаютъ за нихъ тѣ, которые ихъ дѣлаютъ. Но Апостолъ говоритъ: *ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ*: слѣдственно полагаетъ, что указанные теперь грѣхи падаютъ на отвѣтственность не только тѣхъ, которые ихъ дѣлаютъ, но и того, кто *скоро*, неосмотрительно, необдуманно избираетъ, и возводитъ недостойныхъ дѣлателей правды и святыни, которые послѣ оказываются дѣлателями неправды и грѣха. Кто посмѣетъ сказать, что Святый Павелъ судитъ здѣсь слишкомъ строго? Знаетъ дѣло праваго суда тотъ, который принадлежитъ къ избраннымъ между избранными, которые непогрѣшительнымъ Избирателемъ удостоены довѣренности—*міровѣ судити*, — *Ангеловъ судити* (1 Кор. VI. 2. 3.).

Надобно еще замѣтить, что Апостолъ говоритъ о избраніи только *скоромъ*, неосмотрительномъ; и такое избраніе находитъ уже участнымъ въ чужихъ грѣхахъ. Что же сказалъ бы онъ о избраніяхъ обдуманно неблагонамѣренныхъ, пристрастныхъ, корыстныхъ?—Не трудно заключить, колико строже должна быть осуждена неблагонамѣренность, въ сравненіи съ неосмотрительностію: и я думаю, что избирателямъ неблагонамѣреннымъ, пристрастнымъ, своекорыстнымъ, онъ сказалъ бы, что на ихъ главу падетъ почти вся тяжесть грѣховъ, содѣваемыхъ противъ званія и должности недостойно избранными.

Перенесите, почтенные избиратели, разсужденіе Апостольское отъ нашихъ выборовъ къ вашимъ; и помыслите, съ какимъ вниманіемъ надлежитъ вамъ нынѣ употребить власть избранія, которая съ такою щедрою довѣренностію дарована вамъ Высочайшею властію Самодержца.

Если,—чему я не предполагаю быть на дѣлѣ, но что говорю по ходу предостереженія, — если вы не употребите всего, какое возможно, вниманія и попеченія, чтобы открыть, привлечь и избрать въ общественныя должности людей самыхъ достойныхъ и благонадежныхъ; — если вы будете подавать избирательные голоса въ пользу одного потому, что онъ очень желаетъ избранія, въ пользу другаго, потому что онъ добрый знакомый, въ пользу третьяго, потому что надобно же кому нибудь быть избрану, и такъ далѣе; а между тѣмъ не довольно будете вникать въ то, имѣетъ ли избираемый способности и свѣдѣнія, потребныя для дѣлъ, къ которымъ избирается, и ручаются ли прежде извѣстныя его правила и дѣянія за то, что онъ согласно съ пользою общественною проходить будетъ служеніе, которое вы хотите ввѣрить ему; — если потомъ, въ слѣдствіе столь невнимательнаго и небезпристрастнаго избранія, избранный вами служитель правосудія возмятетъ правду и судъ, станетъ оправдывать неправды бо-

гатыхъ и сильныхъ, а не будетъ внимать суду вдовицъ и сирыхъ: блюститель земскаго порядка и спокойствія, вмѣсто того, чтобы облегчать и разрѣшать затрудненія смиренныхъ земли, сдѣлается для нихъ ярмомъ связующимъ и гнѣтущимъ; вождь вашихъ наслѣдственно почтенныхъ сонмовъ окажется не столь прямымъ и твердымъ въ путяхъ своихъ, какъ требуетъ достоинство сего, особенно виднаго и возвышеннаго въ Государствѣ, сословія, въ которомъ растутъ столпы для благолѣпія престола Самодержца;—если такія и большія сихъ неправильности и грѣхи откроются въ избранныхъ вами, въ слѣдствіе невнимательнаго, или небезпристрастнаго избранія: то позвольте вамъ сказать, прежде нежели сіе случилось, что въ такомъ случаѣ ваши гладкіе избирательные шары превращаются въ рукахъ вашихъ въ острыя стрѣлы, которыя уязвятъ общественное благосостояніе, и обратятся уязвить вашу совѣсть, спокойную, можетъ быть, во время производства избранія, по такой же невнимательности въ отношеніи къ себѣ, какъ и въ отношеніи къ другимъ.

Остерегись, благонамѣренный избиратель, чтобы ничего таковаго не случилось; будь внимателенъ,—ревностно, дальновидно внимателенъ; не допусти послѣдствій избранія, нежелательныхъ ни для общества, ни для тебя; *ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ; себе чиста соблюдай.*

*Себе чиста соблюдай*, не только отъ чужихъ отдаленныхъ грѣховъ, но въ то же время и отъ ближайшаго къ тебѣ, собственнаго грѣха, который чрезъ невнимательность подкрасться можетъ. Ибо что дѣлаешь ты нынѣ здѣсь, приступая ко ввѣренному тебѣ дѣлу избранія?—Пріемлешь во твои уста имя всевидящаго Бога, лобзаешь Слово Христово и образъ распятаго Христа; и сими святѣйшими знаменіями запечатлѣваешь твой обѣтъ, что такъ вѣрно будешь обращаться въ начинаемомъ дѣлѣ, какъ вѣрно видитъ тебя Богъ, какъ вѣрно Слово Евангелія, какъ вѣрно умеръ за тебя твой Спаситель и твой будущій Судія. Если за симъ ты будешь невнимателенъ въ твоемъ дѣлѣ: то легко сдѣлаешься и невѣренъ; и такимъ образомъ оскорбишь святыню Божественную, которую ты лобзаешь, и покланяемое имя, которое пріемлешь. Соблюди себя отъ столь мрачной нечистоты: *не очиститъ бо Господь пріемлющаго имя Его всуе* (Исх. XX. 7.).

*Испытуяй сердца и утробы Боже праведно!* Силою страшнаго и покланяемаго Твоего имени, соблюди пріемлющихъ нынѣ оное, въ чистотѣ праваго разумѣнія и благаго намѣренія, да будетъ дѣло ихъ мирно, благоуспѣшно, общеполезно, *да усмотрятъ себѣ отъ всѣхъ*, и изберутъ въ Начальства, *мужи сильны*, Тебе, *Бога боящіяся, мужи праведны, ненавидящія гордости и* корысти (Исх. XVIII. 21.) достойны начальствовать и судить въ людехъ Твоихъ. Аминь.

## 8. СЛОВО

Къ новоизбраннымъ Судіямъ предъ произнесеніемъ присяги.

*Боящіися Господа обрящутъ судъ, и оправданія, яко свѣтъ, вожгутъ.* Сир. XXXII. 18.

Избраніе искало судей, и обрѣло ихъ: теперь избраннымъ судіямъ надлежитъ искать суда, и—о, если бы они *обрѣли судъ, и оправданія, яко свѣтъ, возгли!* О, если бы нашли они для себя, и употребили для общества, такое искусство судить, чтобы оправданіе невиннаго, и обвиненіе виновнаго, ясно было, какъ свѣтъ; чтобы вѣрное познаніе истины возжигало въ нихъ самихъ живую ревность къ порядку и благу общественному, и распространяло сей священный огнь во всемъ кругѣ ихъ дѣйствованія!

Народъ ищетъ суда у поставленныхъ судей: гдѣ же поставленнымъ судіямъ искать суда, такъ чтобы онъ былъ у нихъ готовъ для всякаго человѣка, для всякаго дѣла, для всякаго случая? Не въ законахъ ли? Безъ сомнѣнія, всего ближе искать онаго тамъ Ибо для чего и написаны за-

коны, если не для того, чтобы судіи обрѣтали въ нихъ готовый судъ, который бы оставалось имъ только прилагать къ извѣстнымъ лицамъ, дѣламъ и случаямъ?

Но мнѣ кажется, что исканіе суда въ близкомъ по видимому, хранилищѣ, каковы суть книги законовъ, не безъ затрудненія для судіи новопоставленнаго. Чтобы обрѣтать судъ въ законахъ, надлежитъ изучить ихъ; но вѣроятно, что не каждый новоизбранный судія изучилъ законы предварительно, такъ какъ не каждый предназначалъ себя къ званію судіи: какъ же скоро кто избранъ въ сіе званіе, онъ долженъ тотчасъ вступить, не въ училище судей, а въ самое судилище; а судилище не позволяетъ судить сперва, какъ случится, доколѣ научатся судить, какъ должно. Кромѣ сего, разнообразное множество законовъ не рѣдко затрудняетъ и свѣдущихъ и опытныхъ въ законоискусствѣ; а ежедневно раждающіеся новые законы, въ изъясненіе и дополненіе прежнихъ, показываютъ, что разнообразіе дѣлъ и случаевъ, простираясь гораздо далѣе разнообразія законовъ, ежедневно представляетъ, и будетъ представлять, новыя дѣла и случаи, на которые готоваго суда въ законахъ не находится.

Гдѣ же поставленнымъ судіямъ искать болѣе готоваго суда? Не въ здравомъ ли разумѣ? Подлинно, разумъ судилъ людей, когда ни одного закона не было еще написано; потомъ разумъ же написалъ законы для суда; и наконецъ въ тѣхъ, которые обязаны судить по законамъ писаннымъ, живетъ еще тотъ же человѣческій разумъ, который произвелъ всѣ человѣческіе законы.

Но мнѣ кажется, и въ разумѣ, хотя каждый носитъ съ собою сію сокровищницу истины, — и въ собственномъ разумѣ найти готовый судъ не безъ затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы удобно было каждому судіи обрѣтать судъ въ собственномъ разумѣ: то не для чего было бы писать законы. Поелику же найдено нужнымъ написать законы: то сіе показываетъ, что найдено неудобнымъ почерпать судъ изъ одного собственнаго разума: такъ какъ сей источникъ у иныхъ не открытъ, у иныхъ безводенъ, у иныхъ наполненъ бреніемъ, или засыпанъ прахомъ, то есть, инымъ недостаетъ образованія, инымъ способности, у иныхъ предразсудки или страсти заглушаютъ здравый смыслъ и естественное чувство справедливости. Законъ есть опытомъ утвержденный разумъ не одного человѣка, но правительства, цѣлаго народа, многихъ поколѣній: какъ можетъ сравниться съ нимъ личный разумъ одного какого либо человѣка? Законъ тѣмъ чище видитъ умственно, тѣмъ вѣрнѣе показываетъ отрѣшенную истину суда, что онъ не развлекается видомъ чувственной личности подсудимыхъ и прикосновенныхъ къ суду; для него нѣтъ ни лица сильнаго, ни врага, ни друга, ни даровъ: напротивъ того личный разумъ судіи тѣмъ удобнѣе ослѣпляется духовно, чѣмъ болѣе видитъ чувственно; при видѣ сильнаго возмущается страхомъ, для друга смягчается, и, думая снисходить, впадаетъ въ слабость; на врага раздражается, и строгость простираетъ до жестокости; дарами прельщается, и, преслѣдуя воздаяніе, неприметно теряетъ изъ вида правосудіе.

Гдѣ же и легко, и вѣрно, найдутъ судіи судъ законный, при обыкновенныхъ неудобствахъ со стороны законовъ, благоразумный при обыкновенныхъ несовершенствахъ человѣческаго разума? Кто постигнетъ сію тайну суда? Кто, подобно Высочайшему и Совершеннѣйшему Судіи Богу, *изведетъ, яко свѣтъ, правду*, которую затмѣвать между человѣками соединяются искусство и невѣдѣніе, сила и немощь, живущая въ судіи страсть и мертвый разумъ законовъ? Да не оскорбятся законовѣдцы и мудрецы; но паче да вразумятся; не ихъ собственно званію ввѣряетъ Верховный Судія великую тайну суда; есть другое, болѣе дѣйствительное званіе, тайныхъ Его совѣтниковъ, званіе боящихся Господа. *Боящіися Господа обрящутъ судъ*, и *оправданія, яко свѣтъ, возжгутъ*.

Боящійся Господа имѣетъ законъ, въ которомъ все множество законовъ заключается, все разнообразіе законовъ согласуется. Ибо если цѣль всѣхъ законовъ есть правда, порядокъ, благо; и если всеобщее основаніе всякаго блага, порядка, правды лежитъ во благой, премудрой

и святой волѣ Божіей: то всеобщее основаніе и корень законовъ есть не дѣлать и не попускать ничего противнаго волѣ Божіей, а сіе-то и есть бояться Господа.

Боящійся Господа находится у самаго источника разума и премудрости: поелику *начало премудрости страхъ Господень.*

Боящійся Господа въ судѣ не страшится сильнаго: ибо страшенъ ли стукъ колесницы во время грома? И старшій между рабами великъ ли въ присутствіи царевомъ?

Боящійся Господа не повредитъ суда по любви къ другу или по ненависти къ врагу: поелику онъ никого не любитъ паче Бога, и по любви къ Нему хранитъ судъ; а враговъ онъ не имѣетъ, потому что, боясь Бога, боится и закона Божія, повелѣвающаго любить враговъ.

Боящійся Господа въ судѣ не прельстится дарами: поелику онъ боится потерять благодать Божію и Царство небесное; гдѣ же найти такое сокровище, для котораго бы онъ могъ рѣшиться на такую потерю?

Такъ важенъ для праваго суда и правосуднаго начальствованія страхъ Господень. Посему-то прізвавіе жребіи общественныхъ служеній судебныхъ и начальственныхъ, посему-то и поспѣшаютъ васъ оградить страхомъ Господнимъ, чрезъ священную клятву предъ Словомъ Господа, предъ крестнымъ изображеніемъ Господа, предъ олтаремъ Господа, предъ лицемъ невидимаго, но видящаго сердца и помышленія Господа.

Со страхомъ Божіимъ приступите къ клятвѣ: съ усугубленнымъ клятвою страхомъ Божіимъ отъидите на служенія ваши. Страхъ Господень да вспомоществуетъ вамъ *обрѣтать судъ, и оправданія возжигать, яко свѣтъ.* Аминь.

## 9. СЛОВО

**По случаю возложенія на раку мощей, иже во Святыхъ Отца нашего Алексія, Митрополита Московскаго, отъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича принесеннаго покрова и медали за Персидскую войну, говоренное въ Каѳедральной церкви Чудова монастыря, Маія 27 дня, 1828 года.**

*Пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя: и призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя.* Псал. XLIX. 14. 15.

Прежде всѣхъ къ Тебѣ нынѣ слово, Святителю Алексіе, и слово не мое, но Царево. Предстою Тебѣ, какъ посланникъ Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича, принесшій Тебѣ дары Его, — какъ свидѣтель благоговѣнія Его предъ Тобою. Пріими, глаголетъ Онъ Тебѣ, сей покровъ благолѣпія и славы, не потому, чтобы Ты требовалъ покрова вещественнаго и благолѣпія земнаго, будучи облеченъ свѣтомъ небеснымъ, покрытъ Божественною славою, но потому, что Царь признаетъ надъ Собою и надъ Своими дѣяніями покровъ Твоихъ молитвъ и Твоего благословенія. Пріими сіе сребро памяти и чести, сей, не только, потомъ, но и кровію выработанный *динарій* за день брани Персидской: ибо Раздаятель онаго вѣруетъ, что и Ты не празднымъ былъ зрителемъ брани сей, но хотя невидимо, тѣмъ не менѣе дѣйствительно подвизался предъ Богомъ за вѣрныхъ сыновъ Россіи противъ вѣроломныхъ послѣдователей лживаго пророка, подобно какъ нѣкогда, еще живя на земли, очевидно подвизался Ты за охраненіе Церкви и Отечества отъ иноплеменныхъ, то чудодѣйственною молитвою, то покоряющимъ словомъ убѣжденія. Но поелику и безъ сего слышимаго слова, во свѣтѣ Божіемъ видишь Ты сердце Царево, и разумѣешь, о чемъ наипаче оно бесѣдуетъ къ Тебѣ: то, не стужая Тебѣ болѣе, поспѣшаю обратить слово къ тѣмъ, которые требуютъ проповѣдающаго, чтобы услышать, и вразумляющаго, чтобы уразумѣть.

Дѣло Царево, которое предъ очами вашими, благочестивые обитатели древней Столицы, запечатлѣно нынѣ торжественными знаменіями, въ существѣ своемъ есть Царское исполненіе повелѣнія, которое царямъ также, какъ и рабамъ, изрекъ Царь царствующихъ устами Пророка Своего: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя.*

Былъ день скорби, котораго единое воспоминаніе, даже и по возвращеніи дней мира и веселія, еще наводитъ нѣкій сумракъ на душу Россіянина, — день, который угрожалъ затмить вѣки Россіи, если бы сквозь облако грозной судьбы не просіялъ тѣмъ яснѣе возвышенный духъ Николая Перваго. Не стало Александра Благословеннаго, и мыслящіе зло возмнили, что и благословенія надъ Россіею не осталось. Сосѣдъ, котораго не опасались, въ томъ самомъ, что его не опасались, вздумалъ найти средство сдѣлаться опаснымъ. На встрѣчу мирному посольству нашему, онъ ввелъ въ наши предѣлы войско, и началъ опустошительную войну. Чувствомъ сыновъ Отечества измѣрьте, если можно, сію новую скорбь новаго Царя, отвнѣ приразившуюся въ такое время, когда усиліями побѣдить и уврачевать многоразличную скорбь домашнюю, могла истощиться самая обильная мѣра силы душевной. Война не только нанесена Россіи, но и внесена въ Россію, безъ причины, въ самое время дружественныхъ со стороны Россіи сношеній, безъ обычнаго объявленія, слѣдственно съ вопіющимъ нарушеніемъ права народнаго, съ оскорбленіемъ достоинства Имперіи,—война отъ врага, который находитъ удовольствіе въ подвигахъ противъ безоружныхъ,—война въ такомъ краю, куда не легко доставить защитниковъ, куда и военачальника оказалось нужнымъ послать съ другаго края Государства:—трудно частному человѣку пересказывать о семъ равнодушно; каково было Государю сіе испытывать! И что же? Сперва Онъ не хотѣлъ вѣрить происходящему; потому что душа чистая не легко вѣритъ возможности дѣлъ неправедныхъ; потомъ съ рѣшительностію и быстротою подвигнулъ силы противъ силъ; а Самъ обратился спокойно къ Источнику силъ Богу, чтобы призвать Его благословеніе на новое Царствованіе, и Его помощь противу всѣхъ трудностей.

Теперь примѣчайте въ самыхъ событіяхъ, какъ *вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Своихъ*, и какъ *близокъ всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ.* Какъ скоро Благочестивѣйшій Государь, по Священнодѣйствіи Его Царскаго вѣнчанія, *воздалъ Вышнему* первую особенную *молитву* въ санѣ Помазанника, подкрѣпивъ оную подвигомъ благочестиваго путешествія въ священную пустыню, и общеніемъ вѣры съ крѣпкимъ молитвенникомъ, Преподобнымъ Сергіемъ; тотчасъ Вышній явилъ Ему спасеніе Свое, приведя Ему непосредственно за симъ перваго вѣстника первой въ Его Царствованіе побѣды. Здѣсь преклонилъ Онъ Свою превознесенную главу и колѣна предъ Царемъ царствующихъ, и прославилъ *Изимающаго* отъ скорбей, имѣя и здѣсь сего друга Сергіева совозводителемъ благодареній Своихъ, подобно какъ тамъ имѣлъ Сергія предстателемъ Своихъ прошеній. Видно, *усладилась Господеви сія бесѣда* Царя; видно, и сердце Царя усладилось сею бесѣдою съ Богомъ, и новою силою надежды утвердилось во Господѣ: ибо съ того времени Богъ подавалъ Ему побѣду за побѣдою, а Онъ знаменія сихъ побѣдъ препосылалъ въ сей самый храмъ, гдѣ прославилъ Бога за первую изъ оныхъ. И се, когда твердое вѣрностію и правотою дѣла, воинство Его, многочисленными подвигами рѣшительно преодолѣло и побѣдило и враговъ, и противоборствующую природу, и быстроту рѣкъ, и твердыни камней, и Кавказскій хладъ, и Закавказскій зной, и высоту непреходимыхъ горъ, и глубину непроходимыхъ дебрей; когда *врагу оскудѣша оружія въ конецъ*, и такимъ образомъ не только возстановленъ нарушенный миръ, но и огражденъ безопасностію расширенныхъ предѣловъ нашихъ:—воздавая почесть доблестямъ Своихъ воиновъ, еще разъ Благочестивѣйшій Государь воспріемлетъ случай вознести *жертву хвалы* Господу силъ; еще разъ воспоминаетъ сей храмъ, въ которомъ благословилась Его молитва о побѣдѣ и мирѣ, и сему избранному Предводителю

молитвъ, какъ дѣятельному Сподвижнику въ добропобѣдной брани, восписуетъ побѣдительная.

Сынове Россіи! не *радуетесь ли вы о Царѣ своемъ*, особенно тогда, когда *Царь веселится* о *Бозѣ*? Знаю, что радуетесь; и радуюсь съ вами о Немъ, какъ единъ отъ васъ; и паки радуюсь о самой радости вашей, потому что во свѣтѣ радости о Царѣ видна любовь къ Царю.

Но не опасаюсь показаться чрезмѣрно взыскательнымъ, если скажу, что это еще не все, къ чему призываетъ васъ настоящій случай. Хорошо взирать на благочестивое дѣло Царево съ благоговѣйною радостію: но еще лучше присвоить себѣ оное, содѣлать оное вашимъ собственнымъ дѣломъ, не по видимому образу и знаменіямъ, но по духу и силѣ;—какимъ образомъ? — поставить себя не только зрителями благочестиваго дѣла, но и подражателями благочестиваго примѣра; имѣть, по примѣру Царя, написаннымъ на сердцахъ своихъ сіе высочайшее повелѣніе Царя царей: *призови Мя въ день скорби Твоея, и изму тя, и прославиши Мя*; во всякой скорби, общественной, или частной, не коснить прибѣгать къ Богу съ молитвою, и по избавленіи отъ скорби не забывать возвращаться къ Богу съ благодареніемъ.

Казалось бы, не нужно и напоминать нищему, чтобы онъ просилъ милостыни,— или, человѣку, который весь есть нужда и бѣдность, напоминать, чтобы онъ просилъ себѣ милости отъ Бога. Но конечно нужно было напомянуть о семъ; и конечно не довольно напоминали человѣки себѣ и другъ другу о сей нуждѣ всѣхъ и каждаго, когда Самъ Богъ нашелъ нужнымъ явиться въ словѣ Пророческомъ, и, такъ сказать, собственнымъ лицемъ требовать себѣ молитвы отъ человѣка: *призови Мя въ день скорби твоея.*

Есть нищіе тупоумные, или убитые несчастіемъ, которыхъ надобно возбуждать и руководствовать къ исканію помощи; есть нищіе гордые, которые не хотятъ наклонить головы предъ благодѣтелями, а хотятъ, чтобы благодѣтели поклонились имъ съ своими благодѣяніями: таковы суть предъ Богомъ человѣки, которые не умѣютъ или не хотятъ призывать Бога въ скорбяхъ своихъ.

Иной въ день скорби своея только тоскуетъ, и отъ утра до вечера болѣе и болѣе погружается въ скорбь.—Помилуй себя, возлюбленный! Если ты утопаешь, то не ужели лучше добровольно опустить руки, и идти на дно, нежели усиливаться возникнуть изъ водъ, и вопіять о помощи?

Иной истощается въ домогательствѣ помощи человѣческой, а не вспомнитъ о Богѣ, *помощникѣ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло.* — Разсуди, если ты не совсѣмъ безразсуденъ: лучше ли тебѣ гоняться за человѣкомъ, который такъ часто говоритъ тебѣ: не проси меня;— мнѣ не до тебя;—приди послѣ;—иди къ другому;—я не могу помочь тебѣ;—либо скажетъ: помогу,—но потомъ не хочетъ, или не можетъ исполнить обѣщанія,—лучше ли, говорю, тебѣ гоняться за человѣкомъ, нежели прибѣгать къ Богу, Который не отсылаетъ тебя къ иному помощнику, не отлагаетъ Своей помощи, не измѣняетъ Своимъ обѣщаніямъ; Который непрестанно находится близъ тебя, и, если ты внимателенъ, въ самомъ сердцѣ твоемъ говоритъ тебѣ, приглашаетъ тебя къ молитвѣ, и обнадеживаетъ Своею всесильною помощію: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя.*

Богъ безъ меня знаетъ мои нужды, говоритъ иной, и потому не хочетъ молиться. Вотъ примѣръ, — если кому не случилось замѣчать сего страннаго явленія,—какъ здравую мысль можетъ превратить себѣ въ отраву зараженное сердце. Хрістова сія мысль: *вѣсть Отецъ вашъ, ихже требуете, прежде прошенія вашего* (Матѳ. VI. 8.): но произнеся Апостоламъ сію мысль, непосредственно продолжалъ *Онъ: сице убо молитеся вы*; и потомъ предложилъ имъ образецъ молитвы, извѣстный всякому Христіанину подъ именемъ *молитвы Господней.* Такимъ образомъ, по разуму Самого Іисуса Хріста, изъ сей мысли, что Богъ вѣдаетъ наши нужды, не то слѣдуетъ, чтобы совсѣмъ не нужно было молиться, но то, что должно молиться Богу, какъ Отцу, съ довѣренностію, съ преданностію волѣ Его,

въ простотѣ, безъ языческаго многоглаголанія.

«Богъ знаетъ наши нужды; а потому не для чего молиться». — Сіе разсужденіе походитъ на то, какъ если бы нищій покрытый рубищемъ, сказалъ: богатый видитъ мою нищету, и потому не нужно ни произносить просительныя слова, ни простирать просящую руку. О ты, слишкомъ нищій разумомъ, и слишкомъ богатый гордостію! не ужели ты хочешь, чтобы богатый пришелъ, и разсыпалъ предъ тобою свои сокровища, и бросилъ на землю хлѣбъ, которымъ тебя напитать хочетъ? Не больше ли еще безразсудно и дерзновенно требовать, чтобы Богъ разсыпалъ Божественныя сокровища благодати Своей, и поверлъ на землю небесный хлѣбъ предъ человѣками, которые совсѣмъ не думаютъ и не заботятся о принятіи даровъ Его? Богъ, по беспредѣльной благости и милосердію, всегда готовъ все даровать человѣку: но человѣкъ не всегда готовъ принять отъ Него что нибудь. Чтобы нищему принять милостыню, надобно ему протянуть руку: чтобы младенцу принять пищу, надобно ему отверзть уста: подобно сему надобно человѣку простираться къ Богу. Чтобы достигнуть благодати Его, надобно имѣть отверзтую душу, чтобы пріять дары Его. Молитва есть простертая рука для принятія благодати Божіей, отверзтыя уста для вкушенія пищи небесной. Въ семъ разумѣ сказалъ Богъ Израилю: *разшири уста твоя, и исполню я* (Псал. LXXX. 11.). Благодать чистѣйше духовна; и потому требуетъ чистаго духа для ея принятія; молитва же очищаетъ духъ, и его силы, и дѣйствія, и орудія. И такъ молись духомъ твоимъ, да пріимешь Духа Божія; молись умомъ, да упоишься Духомъ разума; молись сердцемъ, да напитаешься Духомъ благочестія; всѣ силы души и тѣла обрати въ орудія молитвы, дабы всѣ оныя обратились въ благословенныя орудія благодати, для исправленія и облаготворенія поврежденной и бѣдствующей природы.

Когда же примѣтишь по внѣшнимъ событіямъ, или почувствуешь внутренно, что молитва скорбящаго не презрѣна и не отринута; что Богъ изъемлетъ тебя отъ скорби, или хотя уменьшаетъ и облегчаетъ оную: тогда не забудь, *мужъ желаній*, что надлежитъ тебѣ быть и мужемъ благодареній; и какъ вѣрнымъ обрѣтаешь Бога въ исполненіи обѣтованія Его, такъ представь Ему себя вѣрнымъ въ исполненіи повелѣнія Его: *изму тя, и прославиши Мя.*

Вѣрностію въ маломъ пріобрѣтается довѣренность во многомъ. Вѣрный въ благодареніи за малый даръ Божій обрѣтаетъ дерзновеніе просить великаго. Въ самомъ дѣлѣ, по собственному ощущенію, Христіанинъ, знать можешь, что сердце благодарящее свободнѣе открывается, и пространнѣе отверзается, нежели сердце просящее: слѣдственно тѣмъ болѣе оное способно къ пріятію обильной благодати.

Гдѣ не призываютъ Бога въ скорбяхъ, гдѣ не прославляютъ Его за благодѣянія: тамъ пресѣкается общеніе человѣка съ Богомъ, Источникомъ всякаго блага и всякой премудрости; слѣдственно въ удѣлъ человѣку остается только зло и безуміе. Отъ чего люди не только въ трудныхъ обстоятельствахъ не благодушествуютъ, но и боятся тамъ, гдѣ нѣчего бояться?— Отъ того, свидѣтельствуетъ испытанная въ бѣдахъ душа, что не призываютъ Господа. *Господа не призваша, тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ* (Псал. XIII. 4. 5.). Какимъ образомъ цѣлый міръ языческій *преданъ въ неискусенъ умъ творити неподобная*, омраченъ нелѣпостями, погрязъ въ мерзостяхъ?—*Понеже*,—такъ изъясняетъ Апостолъ происхожденіе сего жалкаго состоянія рода человѣческаго, — *понеже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ*; — *занеже разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша* (Рим. 1. 21—28.).

Берегись, просвѣщенный вѣрою Христіанинъ, возвращенія къ языческому невѣрію и заблужденію; не медли призывать Бога въ день скорби твоея, или паче, не оставляй каждый день прилѣжно взывать къ Нему, тѣмъ болѣе, что на сей осужденной за грѣхопаденіе человѣка землѣ, доколѣ не снидутъ на нее вновь дніе неба, каждый день есть день скорби, для того или другаго, здѣсь, или тамъ, — скорби,

если не отъ самаго бѣдствія, то отъ чувствительнаго лишенія, или отъ близкой къ сердцу заботы.

И теперь, на примѣръ, здѣсь мы веселимся, видя знаменія побѣдъ, вкушая сладость мира и безопасности: а тамъ—побѣдоносное воинство вновь на полѣ брани; Царь за предѣлами Отечества; Царица странствуетъ, влекомая любовію въ близость къ Супругу; Царица Матерь одиночествовала бы между Царскими Младенцами, если бы вѣрная Дщерь, предвидя сіе одиночество, не приспѣла издалеча на священную стражу любви при наилучшей изъ Матерей: — не довольно ли уже самыхъ нѣжныхъ заботъ для сердецъ Россіянъ? А что еще далѣе? Сынъ рабыни Агари неистовствуетъ, какъ-бы поспѣшая запечатлѣть свое предопредѣленіе: *руцѣ его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него* (Быт. XVI. 12.). Народъ, отъ котораго святая Русь настѣдовала святую вѣру, едва не исчезаетъ въ бѣдахъ отъ враговъ вѣры. Священники распинаются или сожигаются. Христіане, мужи и жены, старцы и дѣти влекутся въ рабство, или истаеваютъ гладомъ, или, что̀ всего ужаснѣе, принуждаются отречься отъ имени Христова. Церковь Россійская! призывай Бога Избавителя, въ сіи дни скорби матери твоей Церкви Греческой. Россія! день и нощь призывай Бога, въ помощь Благочестивѣйшему Императору и Его воинству, защитникамъ Христіанства и человѣчества.

*Господи! спаси Царя, и услыши ны, въ оньже аще день призовемъ Тя* (Псал. XIX. 10.). *Да обрящется рука Твоя всѣмъ врагомъ Твоимъ; десница Твоя да обрящетъ вся ненавидящія Тебе. Вознесися, Господи, силою Твоею: воспоемъ и поемъ силы Твоя* (Псал. XX. 9-14.)! Аминь.

## 10. СЛОВО

На заключеніе мира съ Оттоманскою Портою въ 1830 году.

*И будутъ дѣла правды миръ, и одержитъ правда покой, и уповающе будутъ до вѣка.* Иса. LII. 17.

И такъ, слава въ вышнихъ Богу! — Миръ на землѣ Россійской, и, чрезъ миротворство Россіи, миръ на земляхъ многихъ! Миръ, достойный быть изображенъ сими пророческими словами: *будутъ дѣла правды миръ, и одержитъ правда покой*; а посему достойный также сей пророческой надежды: *и уповающе будутъ до вѣка!*

Если бы могущественный Самодержецъ жаждалъ только бранныхъ побѣдъ: то, ставъ одною ногою въ Адріанополь, а другою въ Эрзерумѣ, Онъ не утерпѣлъ бы, чтобы не сдѣлать еще шага, дабы до земли унизить высокую Порту. Но великодушный Монархъ, какъ рѣшился въ началѣ брани, такъ и среди успѣховъ оружія остался при первоначальной рѣшимости дѣйствовать не столько правомъ силы военной, сколько мирною силою правды. Среди отверстыхъ, такъ сказать, вратъ къ новымъ побѣдамъ, отъ торжественныхъ кликовъ славы, Онъ обратилъ все вниманіе къ тихому гласу человѣколюбія. Сіе неземное величіе духа явилъ въ себѣ Благочестивѣйшій Госдарь: и плодъ онаго есть миръ, ознаменованный многочисленными дѣлами правды и человѣколюбія. Правда договоровъ возстановлена и ограждена; неправды противъ Россіянъ и противъ Россіи заглаждены вознагражденіями; Христіанскимъ народамъ подъ нехристіанскимъ правительствомъ оказано вѣрное покровительство; и если хотимъ быть внимательны, можемъ усмотрѣть, что съ дѣлами правды Царевой тайнымъ нѣкимъ, но дѣйствительнымъ союзомъ связаны дѣла правды Божіей: ибо тотъ самый властитель, который за девять лѣтъ предъ симъ, въ день Пасхи, перваго Священноначальника

Христіанской Греціи предалъ мученической смерти, въ нынѣшнемъ году, въ день же Пасхи, долженъ былъ утвердить независимость Христіанской Греціи, — независимость, которой Европа, соединенными силами Наваринской битвы, соединеннымъ искусствомъ продолжительныхъ переговоровъ, не могла достигнуть, и которой достигъ Императоръ Россійскій безъ примѣтныхъ усилій, миромъ.

Вотъ, Христіане, очевидный для цѣлаго міра примѣръ вѣрности и непреложности Божественныхъ изреченій, что *будутъ дѣла правды миръ*, то есть, дѣла справедливости, благости, непорочности, или естественно, или сокровеннымъ дѣйствіемъ Провидѣнія, превращаются въ миръ, въ благоуспѣшность, въ благополучіе; что *одержитъ правда покой*, то есть, добродѣтель истинная, *наитіемъ Духа отъ Вышняго* (Иса. XXXII. 15.) возбуждаемая и управляемая, одерживаетъ побѣду надъ всѣми препятствіями, и достигаетъ покоя, въ дѣлахъ общественныхъ — общественнаго, въ дѣлахъ духовныхъ — духовнаго; что люди сего рода *уповающе будутъ до вѣка*, то есть, только на добродѣтели, на благости, на непорочности основанное благополучіе благонадежно и прочно.

Не одни цари принуждены бываютъ вести войну, и употреблять усилія къ достиженію выгоднаго мира. *Не война ли жизнь человѣка на земли?* — говоритъ Іовъ (VII. 1.). И подлинно, кто изъ насъ не находится чаще или рѣже, въ болѣе или менѣе трудномъ противоборствѣ съ какимъ нибудь врагомъ, препятствующимъ нашему миру, или домашнему, или душевному: хотя врагъ сей не какой нибудь царь и народъ, но просто неблагопріятствующій человѣкъ, или, можетъ быть, вещь, и даже отсутствіе вещи, мысль, желаніе, страсть, недостатокъ? Одинъ, напримѣръ, сражается съ бѣдностію, и, то усиліемъ трудовъ, то искусствомъ оборотовъ старается завоевать изобиліе, или, по крайней мѣрѣ примириться съ нуждами. Другой домогается занять какое нибудь возвышенное мѣсто въ общественной службѣ, или преслѣдуетъ какое нибудь почетное названіе, чтобы какъ нибудь примириться съ помыслами честолюбія, которые не даютъ ему покоя. Но вотъ въ чемъ всего чаще погрѣшаютъ неумиренные воинственники жизни: они не примѣчаютъ открытаго, или сокровеннаго, но тѣмъ не менѣе вѣрнаго союза между правдою и миромъ, между добродѣтелію и благополучіемъ, между непорочностію и спокойствіемъ. Отъ того правда для нихъ не довольно любезна; отъ того миръ для нихъ не довольно надеженъ. Имъ кажется, что законъ налагаетъ на насъ дѣла правды, какъ тяжкіе оброки, какъ господскія работы, только къ изнуренію нашему, безъ всякой для насъ надобности и выгоды. Имъ думается, что также удобно, или еще скорѣе, можно достигнуть мира, если оставить въ сторонѣ трудный и узкій путь правды. Нѣтъ! Дѣла правды предписываются закономъ для того именно, что оныя суть средство къ миру. Мира благословеннаго, благополучія прочнаго, спокойствія истиннаго не иначе достигнуть можно, какъ путемъ правды. *И будутъ дѣла правды миръ, и одержитъ правда покой, и уповающе будутъ до вѣка.*

Хотя дерзко, и почти нелѣпо, бренію вопрошать скудельника, почему онъ дѣлаетъ такой, а не другой сосудъ, и назначаетъ ему такое, а не другое употребленіе: однако да будетъ отчасти позволена сія дерзость, не для мятежнаго и тщетнаго прекословія премудрому и благому Художнику міра, но для скромнаго изслѣдованія потребной для насъ истины. Вопроси, человѣкъ, для чего Богъ сотворилъ тебя существомъ нравственнымъ, имѣющимъ тонкое внутреннее чувство различенія добра и зла; для чего, по свидѣтельству Апостольскому, *созданъ ты на дѣла благая, яже прежде уготова Богъ, да въ нихъ ходишь* (Еф. II. 10.), а дѣла злыя возбранены тебѣ строгими заповѣдями, подъ угрозою смерти? Для Творца ли твоего сіе надобно, или для тебя самого? Если ты медлишь на сіе отвѣтствовать: то предваряетъ тебя одинъ изъ просвѣщенныхъ друзей Іова, и говоритъ: *воззри на небо, и виждь: смотри же на облаки, коль высоки суть отъ тебе. Аще согрѣшилъ еси*, что сотвориши Живущему превыше ихъ? *Аще же*

*и много беззаконновалъ еси: что можеши сотворити* Ему? *Понеже убо праведникъ еси, что даси Ему? Или что изъ руки твоея возметъ* (Іов. XXXV. 5—7.)? Возмемъ въ разсужденіе заповѣдь: *не укради*. Къ чему нужна она Тому, Который обладаетъ всѣмъ, и у Котораго никто не властенъ ни отнять, ни похитить? Не сдѣлаешь Ему прибыли, если не украдешь, ни убытка, если украдешь. У Него даже невозможно украсть; потому что куда ни унеси вещь, она всегда остается въ Его владѣніи. Если же заповѣдь сія не для Законодателя надобна: то конечно надобна для самого тебя, которому заповѣдана. Такъ точно: заповѣдано тебѣ не красть, дабы тоже заповѣдано было всѣмъ, дабы такимъ образомъ ты отвсюду былъ огражденъ безопасностію отъ кражи, дабы дѣло неправды не похищало у тебя мира, дабы дѣло правды приносило тебѣ покой. Подобнымъ образомъ запрещено убивать, чтобы твоя жизнь предохранена была отъ убійства; запрещено лжесвидѣтельствовать и злословить, чтобы ты не страдалъ отъ клеветы и злорѣчія; запрещено желать зла и мыслить зло, чтобы злыя желанія не мучили твоего сердца, чтобы злыя мысли не оскверняли и не затмѣвали твоего ума. Запрещены даже праздныя слова и праздныя мысли: это уже слишкомъ тяжело, говорятъ легкомысленные; безъ нужды строго, думаютъ неразумѣющіе; праздныя слова, говорятъ, не вредны, а праздныя мысли — еще менѣе: да, мѣлкія насѣкомыя большею частію не ядовиты и не смертоносны; однако хотѣлъ ли бы ты жить въ воздухѣ, ими наполненномъ, гдѣ непрестанно толпятся онѣ въ глаза, жужжатъ въ уши, тревожатъ осязаніе, и сотнями наносятъ, подлинно, несмертельныя раны? Сему подобно состояніе души, наполненной праздными и суетными помыслами: если кому сіе не ощутительно, то потому, что онъ не испыталъ лучшаго внутренняго состоянія; и потому долженъ повѣрить знающимъ, что благо, которое готовитъ ему заповѣдь объ очищеніи ума, гораздо важнѣе, нежели онъ вообразить можетъ. Предписано Богослуженіе: безъ сомнѣнія, и сіе не потому, чтобы Богъ имѣлъ нужду или недостатокъ въ служащихъ ему: *тысяща тысящь*, какъ видѣлъ Пророкъ (Дан. VII. 10.), *служатъ Ему* на небесахъ несравненно ближе и благоугоднѣе, нежели лучшіе изъ земнородныхъ; *тмы темъ предстоятъ Ему* тамъ, не имѣя нужды обращаться къ другимъ, ничтожнымъ дѣламъ, ни къ безчувственному покою, какъ мы — послѣ нашего краткаго служенія. Если мы удостоиваемся призыванія къ дѣламъ служенія Богу: то для того, чтобы чрезъ сіе сдѣлать намъ благодѣяніе и милость, приближить наши мысли, чувствованія, дѣйствія, умъ, волю, словомъ: приближить существо наше къ Существу Высочайшему, чтобы симъ приближеніемъ поставить душу нашу предъ свѣтомъ вѣчнаго Солнца, дабы она симъ свѣтомъ внутренно просвѣщалась, оживлялась, наполнялась, питалась, наслаждалась и, утвердясь наконецъ въ причастіи сего свѣта совершенно, сдѣлалась причастницею вѣчнаго блаженства. Что сказать о *новой заповѣди*, о возвышеннѣйшемъ, чистѣйшемъ, совершеннѣйшемъ, собственно Христіанскомъ образѣ закона, о единственной и всеобъемлющей заповѣди, о любви къ Богу и къ ближнему? Кто здѣсь не чувствуетъ, какъ прямо, какъ непосредственно ведетъ правда къ миру, исполненіе заповѣди къ блаженству: тотъ видно не получилъ еще предсказаннаго Пророками истиннымъ Христіанамъ *сердца новаго и духа новаго* (Іез. XXXVI. 26.), а остается съ сердцемъ ветхимъ, Адамовымъ, *каменнымъ*; и поистинѣ таковый заслуживаетъ, чтобы отнять у него сей свободный и возвышенный законъ, котораго достоинства онъ знать не хочетъ, и предать его всей власти низкаго и рабскаго закона чувственныхъ нуждъ, похоти, ярости, со скотами и звѣрями, и, съ неодушевленною землею природою, законамъ темнаго, страдательнаго боренія силъ.

Человѣкъ, заботящійся менѣе о правдѣ, нежели о мирѣ, менѣе о законѣ, чѣмъ о благополучіи, можетъ быть, скажетъ, что онъ увѣренъ во всеобщей благотворности закона и правды, если бы только держались оныхъ всѣ безъ изъятія, и если бы путь правды въ началѣ и продолженіи своемъ не представлялъ трудностей, которыя

закрываютъ вожделѣнный конецъ онаго. Но когда, говоритъ, вижу, что слово правды и честности часто не находитъ вниманія, а слово хитрости и лести уловляетъ людей и правитъ дѣлами; что многолѣтный праведный трудъ только что не лишается насущнаго хлѣба, между тѣмъ какъ посредствомъ неправедныхъ оборотовъ составляются огромныя богатства; что на пути правды предстоятъ подвиги, лишенія, а по сторонамъ отъ него разсыпаны удовольствія.... Не хочется договорить сего нелюбомудраго разсужденія, которое впрочемъ, осмотрясь, вѣроятно, не одинъ изъ насъ найдетъ у себя болѣе или менѣе доведеннымъ до употребленія въ дѣлахъ. Ахъ, бѣдный искатель скороспѣлаго и дешеваго благополучія! Не ужели ты подлинно хочешь завидовать хитрости, лести, неправеднымъ оборотамъ, злопріобрѣтенному имѣнію, низкимъ удовольствіямъ, кратко сказать, неправдѣ и пороку? Не ужели недостоинство средствъ не отражаетъ тебя сильнѣе, нежели сколько привлекаютъ выгоды, обѣщаемыя такими средствами? Не ужели пріятно было бы тебѣ надѣть красивую одежду, какъ вывѣску твоихъ обмановъ, построить великолѣпный домъ, какъ памятникъ твоему грабительству, сѣсть за роскошный столъ, и ѣсть плоть, и пить слезы и кровь разоренныхъ твоими неправдами? Не ужели ты назвать бы это благополучіемъ? Не ужели полагалъ бы тутъ найти миръ, хота на краткое время, не говорю, надолго? *Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе: зане яко трава скоро изсшутъ* (Псал. XXXVI. 1. 2.). Если подъ владычествомъ правосуднаго царя земнаго не долго успѣваетъ неправда, не долго правда остается въ затрудненіи: возможно ли въ царствіи всевидящаго и всемогущаго Царя небеснаго, долго, ненаказанно ругаться надъ Его вѣчными и святыми законами? Возможно ли, чтобы ревностные и вѣрные исполнители сихъ законовъ не были ведены самымъ вѣрнымъ, хотя не всегда одинакимъ, не всегда открытымъ, не всегда торжественнымъ путемъ къ миру, къ покою, къ блаженству? Праведный Іовъ будетъ наконецъ благоденствовать, не смотря на то, что видимый и невидимый міръ возстали на разрушеніе благоденствія его. Если правда Іосифа низведена до рабства и темницы: за то наконецъ она возведется до престола. Кромѣ сего, есть для Іосифа и въ темницѣ миръ, котораго не имѣютъ братья его на свободѣ, — миръ добраго сердца, утѣшеніе непорочной совѣсти, отрадное вѣяніе духа небеснаго на чистую душу, предвкушеніе блаженства, уготованнаго правдѣ сыновъ Божіихъ, не только правдою, но и безконечными щедротами Отца небеснаго.

Христіанинъ! Никто, какъ ты, для достиженія правдою мира, добродѣтелію блаженства, не имѣетъ столь совершеннаго подвигоположника, столь вѣрнаго Вождя, столь могущественнаго Помощника. Онъ единъ паче всѣхъ показуетъ тебѣ, что еслибъ дѣла правды повели даже путемъ смерти, то проведутъ до воскресенія въ жизнь, и до вознесенія въ славу. И такъ тебѣ съ особенною точностію и можно и должно исполнять ученіе, которое и прежде Христіанства преподавать не колебались: *уповай на Господа, и твори благостыню, и насели землю, и упасешися въ богатствѣ ея. Открый ко Господу путь твой, и уповай на Него, и Той сотворитъ. И изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал. XXXVI. 3. 6.). Аминь.

## 11. БЕСѢДА

Предъ перенесеніемъ памятниковъ прежняго заложенія храма Христа Спасителя, для приготовленія къ заложенію онаго на новомъ мѣстѣ, говоренная въ Троицкой церкви, что на Воробьевыхъ горахъ, Іюня 20 дня, 1838 года.

Нынѣшній день для собравшихся здѣсь представляетъ такъ много необходимаго дѣла, что не оставляетъ много времени для произвольной бесѣды. Однако надобно же сказать хотя нѣсколько словъ, чтобы дать отчетъ въ томъ, что мы дѣлаемъ.

Нѣкоторое объясненіе тѣмъ болѣе нужно, что случай, который теперь съ нами встрѣтился, не встрѣчался съ нами прежде, и не трудно предсказывать, что еще не встрѣтится.

Что же значитъ сіе собраніе? Какой праздникъ знаменуется симъ соборомъ церковнымъ? Это не праздникъ, если говорить языкомъ церковнымъ, но *отданіе*, окончаніе праздника, который не былъ вполнѣ торжествованъ, и вмѣстѣ *предпразднество*, приготовленіе къ празднику, который не вскорѣ торжествуемъ будетъ. Мы призваны сюда, чтобы окончить то, что почти не начато, для приготовленія къ новому началу. Что могли бы сдѣлать только поздніе потомки послѣ отдаленныхъ предковъ, то намъ доводится сдѣлать послѣ нашихъ современниковъ, и частію послѣ самихъ себя.

Александръ Благословенный положилъ въ сихъ мѣстахъ начало созиданію Храма во имя Христа Спасителя, въ ознаменованіе царственной благодарности за спасеніе Россіи. Составленъ чертежъ зданія; избрано мѣсто; даны средства сооруженія; прошло двадцать лѣтъ, въ началѣ которыхъ думали, что къ концу сего времени мы увидимъ зданіе возрастающимъ. Въ столько времени могъ бы даже явиться цѣлый храмъ: и если бы такъ было, то могъ бы онъ стоять многіе вѣки непоколебимымъ и неповрежденнымъ, потомъ опять многіе вѣки могли бы видѣть его древнимъ и ветшающимъ; еще вѣки нужны были бы для того, чтобы сквозь развалины обнажились самыя основанія, и тогда наконецъ могла бы найтись въ нихъ крестообразная доска, знакъ бывшаго храма, съ именемъ Основателя его Александра, напомнила бы подвиги Великаго Монарха, и дѣло Его благочестія, и ввела бы размышляющихъ въ думы возвышенныя и печальныя. Какая же то необычайная игра событій, что сіе необъятное поприще промелькнуло передъ нами, и мы теперь очутились у его послѣдняго предѣла!

Тотъ, который нашелъ средства сдержать тяжесть Европы, обрушившейся на Россію, могъ ли сомнѣваться, что найдутся средства сдержать тяжесть зданія, неравновѣсно дѣйствующую на склонѣ горы? Тотъ, который умѣлъ соединить сердца владыкъ и народовъ Европы, чтобы создать храмъ общаго мира, могъ ли думать, что камень будетъ упрямъ противъ Его державной воли, и не пойдетъ въ составъ храма, сю указуемый? Время уяснило истину.

Преемникъ Александра, по любви братней, и по уваженію къ волѣ Предшественника, простираемому до благоговѣнія, употребилъ всѣ возможныя усилія, чтобы исполнить мысль Его безъ перемѣны: но симъ отдалилось только время ея исполненія. И прежнее мѣсто и прежній чертежъ предначѣреваемаго зданія оказалось необходимымъ замѣнить новыми.

Что жъ? Не ужели не благословилось предпріятіе Благословеннаго? Да не будетъ. Но Божіе всемогущество явилось надъ могуществомъ человѣческимъ, судьбы Божіи превознеслись и надъ возвышеннѣйшими и надъ лучшими помыслами человѣческими. *Не суть, якоже путіе ваши, пути Мои, глаголетъ Господь* (Иса. LV. 8.). *Да смирится всякая высота человѣческая, и да вознесется Господь единъ* (Иса. II. 11.).

Богъ низлагаетъ гордость нечестивыхъ, разрушая созданія ихъ безъ надежды возстановленія; Богъ смиряетъ и усовершаетъ мудрованіе благочестивыхъ, приводя благія ихъ намѣренія къ исполненію не тѣми путями, которыя предначерталъ самомудрствующій человѣческій разумъ.

Не нынѣ начинаются опыты сего явленія непостижимыхъ судебъ. Вспомнимъ одно изъ древнѣйшихъ начинаній храмоздательныхъ. Іаковъ видитъ видѣніе Божіе; благоговѣетъ къ мѣсту, на которомъ оное видѣлъ; поставляетъ на немъ камень; возливаетъ на него елей; даетъ ему имя: *Веѳиль*, то есть, *домъ Божій*. Подумаешь, что видишь заложеніе храма, который когда либо можетъ быть созданъ истинному Богу, и котораго не было до Іакова. Но когда пришло время создать скинію Господню, и потомъ храмъ, скинія воздвигнута не въ Веѳилѣ, а въ пустынѣ Аравійской, и, бывъ перенесена въ землю обѣтованную, поставлена не въ Веѳилѣ, а въ Силомѣ, и потомъ въ Гаваонѣ; а наконецъ и храмъ созданъ не въ Веѳилѣ,

ни въ Силомѣ, ни въ Гаваонѣ, но, гдѣ прежде не думали,—въ Іерусалимѣ. Давидъ, Царь по сердцу Божію, предпринялъ создать храмъ: но исполнить сіе предпріятіе суждено было сыну и преемнику его Соломону. Не дивно, если и нынѣ, чѣмъ важнѣе храмоздательное предпріятіе, тѣмъ болѣе является владычество Божіихъ судебъ надъ человѣческими начинаніями.

И посему-то мы не съ скорбію или смущеніемъ, идемъ снять основаніе несозданнаго еще храма, но съ молитвою и упованіемъ вѣры, и съ священною торжественностію, съ какою оное было положено. Освященныя руки поднимутъ то, что положено было освященными руками; руки избранныхъ служителей державной воли пріимутъ то, что положено державными руками, и древній святый храмъ сохранитъ сіе, *дондеже обрящется* новое и благоугодное *мѣсто Господеви, для селенія Богу Іаковлю*.

Соединимся, братія, въ молитвѣ, да даруетъ Господь послѣ Благочестивѣйшаго АЛЕКСАНДРА Благочестивѣйшему Николаю благодать храмоздательства, какъ даровалъ оную послѣ Давида Соломону. Да *обрящетъ* Онъ *мѣсто Господеви*, и да возблаговолитъ Господь о мѣстѣ, отъ Него избранномъ; да созиждетъ Онъ *селеніе Богу Іаковлю*, и да вселится въ оное слава Господня. Да исполнится торжественный обѣтъ Царя и Царства; и да утвердятся обѣтованія Божіи на Благочестивѣйшемъ Самодержцѣ Россіи, на Его Домѣ и на Его народѣ, на вѣки. Аминь.

## 12. СЛОВО

**При посѣщеніи Свято-Троицкой Единовѣрческой Церкви, предъ вложеніемъ на Единовѣрческомъ кладбищѣ храма Всѣхъ Святыхъ, говоренное Сентября 8 дня 1840 года.**

Святый Апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Римлянамъ, говоритъ между прочимъ къ чадамъ Римскія Церкви: *желаю видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, сіе же есть, соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею* (Рим. I. 11. 12.).

Поучительна ревность Апостольская. Святый Павелъ имѣлъ въ своемъ попеченіи многія Церкви Азійскія, Греческія, Македонскія, большею частію имъ основанныя, и имъ руководствуемыя: но и на Римскую, не столь близкую, и не имъ основанную, простиралъ вниманіе; и не только писалъ къ ней посланіе, но и лично посѣтить ее желалъ.

Если тѣ, которые, по устроенію Божію, пріяли, хотя не Апостольскую власть, впрочемъ отъ Апостоловъ другъ-другопріимательно преданный жребій священноначальства, по справедливости должны подражать ревности Апостольской въ своемъ, хотя не столь обширномъ, кругѣ дѣйствованія: то я не особеннымъ чѣмъ либо похвалюсь, а только укажу на свою обязанность, если скажу, что уже давно *желаю видѣти васъ*, братія, въ вашей собственно церкви, и что теперь исполняется мое давнее желаніе.

Но, можетъ быть, кто нибудь, услышавъ сіе, помыслитъ: почему жъ бы давно и не исполниться сему желанію, если оно есть давнее? — Дабы отвѣтствовать на сей вопросъ, я прибѣгну опять ко Святому Апостолу Павлу, который, въ слѣдъ за вышеприведенными словами, въ посланіи къ Римлянамъ пишетъ: *не хощу же не вѣдѣти вамъ, братіе, яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ.* Если могло случиться, что Святый Павелъ, при толикомъ обиліи данной ему, даже чудодѣйственной благодати, долго не могъ исполнить труднаго: то, при моей немощи, конечно не удивительно, что я не скоро могъ исполнить не трудное.

Вопросъ, несравненно болѣе достойный вниманія для меня и для васъ, долженъ быть сей: для чего я желалъ, или лучше, для чего долженъ былъ желать, увидѣться съ вами здѣсь, и для чего вамъ прилично было желать сего; ибо я нахожусь нынѣ здѣсь какъ по моему давнему желанію, такъ и по вашему неоднократному приглашенію. И въ семъ отношеніи тотъ же Апостолъ можетъ быть руководителемъ и

образцемъ уже не для меня только, но купно и для васъ, братія. *Желаю бо видѣти васъ*, говоритъ онъ Римскимъ Христіанамъ. Но для чего? — *Да нѣкое*, говоритъ, *подамъ вамъ дрованіе духовное*. Что это значитъ? Какое обѣщаетъ онъ дарованіе духовное?—Онъ объясняетъ: *сіе же есть соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею*. Итакъ вотъ для чего Апостолъ желаетъ посѣтить церковь Римскую, видѣть Христіанъ Римскихъ: онъ желаетъ найти у нихъ общую вѣру и общеніе въ вѣрѣ, ближайшимъ образомъ дознать и открыть, что Римляне точно единовѣрцы ему, и онъ единовѣрецъ Римлянамъ. И въ семъ дознаніи онъ уповаетъ обрѣсти *соутѣшеніе*, то есть, взаимное утѣшеніе, Римлянамъ отъ него, и ему отъ Римлянъ, и не просто утѣшеніе человѣческое, но *дарованіе духовное*, даръ Святаго Духа Утѣшителя. Если, братія, и мы хотимъ быть вѣрными сему Апостольскому направленію, сообразными сему первоначальному образу Церкви Христовы: то надобно, чтобъ и ваше предварившее приглашеніе, и мое къ вамъ настоящее пришествіе, имѣло не иную цѣль, какъ *вѣру общую*, *вашу же и мою*. Едино должно быть и у меня и у васъ желаніе, да обрящемся точно другъ другу единовѣрцы, по вѣрѣ истинной, православной, чистой, непорочной, отъ Господа Спасителя чрезъ Святыхъ Апостоловъ и Богоносныхъ Отцевъ преданной, и непрерывнымъ и неизмѣннымъ преданіемъ и до насъ достигшей; да въ общеніи мирныхъ сердецъ и несмущенныхъ совѣстей, *соутѣшимся вѣрою общею*, *вашею же и моею*, и въ семъ утѣшеніи познаемъ и ощутимъ благодатное *дарованіе духовное*.

Не домогаюсь покорить васъ моему слову: покоряюсь слову Евангельскому и Апостольскому, и въ покореніи ему желаю быть вмѣстѣ съ вами. Послушайте еще, какъ оно проповѣдуетъ и заповѣдуетъ, не только вѣру каждому порознь, но и всѣмъ въ совокупности общеніе и соединеніе вѣры.

Когда Господь нашъ, отходя на вольное за насъ страданіе, Своею всемогущею къ Единосущному Отцу Своему молитвою на вѣки утверждалъ Свою Церковь: тогда, помолясь прежде о Своихъ Апостолахъ, проповѣдникахъ вѣры, столпахъ Церкви, строителяхъ таинъ, потомъ продолжалъ молитву Свою такъ: *не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ* (Іоа. XVII. 21.). Слышите: не о томъ только печется Начальникъ и Совершитель вѣры, чтобы вѣрующіе пребывали въ вѣрѣ, но и въ особенности о томъ, чтобы вѣрующіе всѣ были едино. Итакъ, если кто и мнится имѣть вѣру, но не держится великаго единства всѣхъ вѣрующихъ; ходитъ самочинно, не заботясь о искреннемъ общеніи съ Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Церковію: за таковаго весьма надобно бояться, чтобы онъ не остался внѣ дѣйствія спасительной молитвы Хрістовой, а слѣдственно и внѣ спасенія; ибо нѣтъ сомнѣнія, что спасутся токмо тѣ, за которыхъ принесъ молитву Свою Ходатай Бога и человѣковъ, и надъ которыми она исполнилась.

Посему-то и Апостолъ, увѣщевая Христіанъ поступать достойно своего званія, увѣщеваетъ соблюдать единство. *Молю васъ*, пишетъ Святый Павелъ къ Ефесеямъ, *азъ юзникъ о Господѣ, достойнѣ ходити званія, въ неже звани бысте,— тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Еф. IV. 1. 3.). Такимъ сочетаніемъ мыслей Онъ даетъ разумѣть, что достойно Христіанскаго званія ходитъ только тотъ, кто тщится блюсти единеніе духа въ союзѣ мира; что небреженіе о единствѣ принадлежитъ къ хожденію, недостойному званія Христіанскаго. Далѣе, открывая основанія Христіанскаго единства, и убѣждая къ соблюденію онаго, Апостолъ присовокупляетъ: *едино тѣло, единъ духъ, яко же и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего: единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе: единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, Иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ*. Подлинно, сколько причинъ, и какихъ сильныхъ причинъ и побужденій къ единству! Если для рабовъ бываетъ средоточіемъ единенія одинъ общій господинъ, и еще болѣе для домашнихъ глава семейства, для дѣтей отецъ: то колми паче для насъ, братія Христіане, Единый надъ

всѣми нами Господь Вседержитель, Единый у всѣхъ насъ Отецъ небесный! Если едина есть вѣра, живущая въ единствѣ Церкви, въ общеніи единыхъ таинствъ: то устраняющійся отъ единства, по необходимости долженъ опасаться, чтобы отъ него не устранилась самая вѣра, которая не можетъ отлучиться отъ своего единства. Если всѣ мы во Христѣ должны составлять единое тѣло, единымъ духомъ одушевленное: то кто можетъ вознерадѣть о единствѣ, безъ крайней для себя опасности? Кто не знаетъ, что члены тѣла живутъ только въ единствѣ тѣла, при несовершенномъ единствѣ бываютъ больны, отдѣлясь отъ единства, умираютъ? Если мы призваны благодатію къ единому упованію Царствія небеснаго: то намъ очевидно нужно единеніе душъ, чтобы безпрепятственно вступить въ обладаніе нераздѣльнаго небеснаго наслѣдія. Какъ вѣрно то, что *царство раздѣльшееся на ся запустѣетъ* (Матѳ. XII. 25.): такъ же вѣрно и то, что царство вѣчное и неразрушимое не пріиметъ въ себя никакихъ раздѣленій и раздоровъ. Въ чистомъ единеніи вѣры и любви на земли должна образоваться способность къ высочайшему соединенію съ Богомъ и Святыми на небеси.

Братія святаго храма сего! чѣмъ удостовѣрительнѣе мы дознаемъ изъ Божественнаго слова, сколь важно и необходимо единеніе въ вѣрѣ: тѣмъ заботливѣе надлежитъ намъ помыслить о томъ, дѣйствительно ли мы имѣемъ сіе благо, можемъ ли, при настоящемъ видимомъ общеніи, внутренно и духовно, по Апостолу, *соутѣшитися вѣрою общею, вашею же и моею.*

И почему жъ не предаться намъ утѣшенію сему, неколеблющимися мыслями, не стѣсненными сердцами? Не имѣемъ ли мы твердыхъ основаній нашего единенія въ вѣрѣ? Не едину ли единосущную и нераздѣльную Троицу, одними и тѣми же догматами православія исповѣдуемъ и славимъ? Не единую ли крестную смерть и живоносное воскресеніе Іисуса Христа полагаемъ въ основаніе нашея вѣры и нашего спасенія? Не единую ли благодать Святаго Духа пріемлемъ, въ однѣхъ и тѣхъ же таинствахъ? Не однѣ ли и тѣ же имѣемъ заповѣди и правила Евангельскія, Апостольскія, Соборныя, Свято-Отеческія? Не однимъ ли священноначаліемъ и священствомъ, которое отъ единыя живыя Лозы Христа, чрезъ Апостоловъ, исходитъ въ подобіи вѣтвей, простирающихся по всѣмъ мѣстамъ, продолжающихся чрезъ всѣ времена, и никогда не пресѣченныхъ, прививаемся къ единой и той же живой и жизнодательной Лозѣ духовной и Божественной? Узелъ единства, связанный изъ столь многихъ златыхъ нитей, перестанетъ ли быть крѣпкимъ, если ниже его кто нибудь усмотритъ расходящіеся концы нѣкоторыхъ малыхъ нитей?

Знаю, братія святаго храма сего, что единовѣріе ваше не для всѣхъ кажется яснымъ, во-первыхъ, потому, что видятъ у васъ нѣкоторые Богослужебные обряды и обычаи, по внѣшнему образу отличные отъ употребляемыхъ въ великой Церкви, хотя впрочемъ не противорѣчащіе духу и значенію оныхъ, какъ должно испытаніемъ не кратковременнымъ; во-вторыхъ, потому, что держащіеся сихъ обрядовъ нѣкогда подвержены были осужденію церковному, когда держались оныхъ съ преслушаніемъ Церкви и съ отторженіемъ отъ единства ея. Но не разрѣшаю ли уже я сихъ недумѣній, когда только произношу ихъ? Гдѣ есть единый духъ вѣры, и единеніе духа въ любви и въ послушаніи, такъ какъ слово Апостольское повелѣваетъ Христіанамъ быть *чадами послушанія* (1 Петр. I. 14.): тамъ нѣкоторое случайное разнообразіе въ обрядахъ не есть раздѣленіе; и отъ суда, произнесеннаго на непокоривыхъ, по справедливости освобождаются послушные. Такъ разсуждать не мы начали нынѣ, и не наши предшественники недавно: такъ разсуждала и поступала Святая Церковь и въ первыя свои времена по требованію обстоятельствъ.

Во второмъ столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ, между обычаями Церквей восточныхъ и западныхъ, была разность въ предметѣ важномъ: Восточные празновали Пасху въ четвертый-надесять день Марта, хотя бы онъ былъ и не воскресный, а Западные—непремѣнно въ воскресный день. Но при семъ единство вѣры и единеніе Церквей существовало, и не подлежало со-

мнѣнію. Римскій Епископъ Викторъ возсталъ было за сіе противъ Восточныхъ, и покушался на расторженіе церковнаго общенія съ ними: но сему не мирному намѣренію противусталъ и западный же Епископъ, СвятыйИриней, который притомъ напомянулъ Виктору, что когда Святый Поликарпъ посѣтилъ Римскаго Епископа Аникиту, тогда каждый изъ нихъ остался при своемъ обычаѣ празднованія Пасхи, но тѣмъ не менѣе они имѣли общеніе между собою, и Аникита ради чести предоставилъ Святому Поликарпу въ своей Церкви первенство въ совершеніи Святыя Евхаристіи, и оба разстались въ мирѣ, и миръ сохранялся во всей Церкви между держащимися одного, и между держащимися другаго обыкновенія. Вотъ доказательство, что единовѣріе можетъ существовать при разнообразіи обряда; и доказательство сіе представляютъ вамъ Святый Поликарпъ и СвятыйИриней. Воспомните при семъ, что, по установленіи на первомъ вселенскомъ Соборѣ для всей Церкви одного времени празднованія Пасхи, и въ слѣдъ за тѣмъ общаго пасхальнаго круга, непокорные сему опредѣленію не были извинены старымъ обычаемъ, но были осуждены: и вотъ вы имѣете древній церковный примѣръ того, какъ церковная строгость можетъ падать на непокорныхъ и враждующихъ за обрядъ или обычай, терпимый въ миролюбивыхъ и послушныхъ. Кто размыслитъ о сказанномъ теперь, внимательно и безпристрастно: тотъ, надѣюсь, ясно увидитъ, какъ и нынѣ Святая Церковь согласна сама съ собою, когда къ искренно желающимъ быть чадами послушанія снисходительно простираетъ свои матернія объятія, и, твердо держа свои общіе древніе обряды и благочестивые обычаи, не поставляетъ однако же въ преграду единовѣрію нѣкоторыхъ частныхъ стараго времени обрядовъ, при увѣренности въ единствѣ догматовъ, таинствъ и священноначалія.

Итакъ, братія, нѣтъ намъ препятствія *соутѣшитися вѣрою общею*, какъ истиннымъ *дарованіемъ духовнымъ*, если только искренно сего желаемъ и усердно взыскуемъ. *Аще убо кое утѣшеніе о Христѣ,* со Апостоломъ глаголю вамъ, *или аще кая утѣха любве, аще кое общеніе духа, аще кое милосердіе и щедроты; исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единодушни, единомудренни: ничтоже по ревнію или тщеславію, но смиренномудріемъ другъ друга честію больша себе творяще. Не своихъ си кійждо, но и дружнихъ кійждо смотряйте* (Фил. II. 1—4.).

Имѣйте христіанскую любовь; это просто: а любовь умудрится, чтобы сдѣлать васъ единомудренными; ибо ей свойственно соединять, а не раздѣлять.

Ревніе, тщеславіе, своекорыстіе суть сѣмена распрей и раздѣленій: не допускайте сѣяться злымъ сѣменамъ, и не возникнуть злыя прозябенія.

Глубоко насаждайте смиренномудріе: и обильно произрастетъ миръ.

Ищите блага, утѣшенія и спасенія не себѣ токмо, но и ближнимъ: да упрочится надежда спасенія вашего, да умножится радость спасенія общаго. Обрѣтайте спасительное утѣшеніе въ единеніи съ единою Святою Церковію; и приносите матернему сердцу ея утѣшеніе вашимъ искреннимъ ей послушаніемъ. Не довольствуйтесь быть только какъ нибудь ей не чуждыми: подвизайтесь, *да будете*, по слову Господню, *совершени во едино* (Іоан. XVII. 23.). Духомъ чистаго единенія и любви и примѣромъ благозаконнаго житія споспѣшествуйте, да пріидутъ въ безопасную ограду единства церковнаго и *ины овцы, яже не суть отъ двора сего.*

Тако мудрствующимъ, и таковыми правилами жительствующимъ, благословеніе Вамъ, и благодать, и миръ отъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Истиннаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго и покланяемаго во вѣки.

Благословеніе Господне да пріидетъ и на благое начинаніе, къ которому теперь мы приближаемся, чтобы съ самымъ началомъ дѣла, въ послѣдствіи святаго, соединить начало освященія. Да пріиметъ Господь добровольную жертву рабовъ своихъ, которыхъ сердца Онъ подвигнулъ на дѣло благочестія и человѣколюбиваго страннопріимства; и да воззпослетъ имъ Свою

Божественную благодать и щедроты. Да освятитъ храмъ Свой, да созиждетъ, да освятитъ, да утвердитъ.

И прежде почившіе въ надеждѣ воскресенія братія святаго храма сего, да пріимутъ новое утѣшеніе въ томъ, что мѣсто покоища ихъ пріосѣнитъ святый храмъ, съ присною за нихъ молитвою и безкровною жертвою.

И душа новопреставленнаго раба Божія Петра, который не далъ себѣ покоя, *дондеже обрящетъ мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю*, а обрѣтши тотчасъ упокоенъ судьбою Божіею въ самомъ началѣ и основаніи дѣла своего, да водворится у Господа въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ селеніи праведныхъ, въ вѣчно блаженномъ единствѣ *Церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ*. Аминь.

## 13. БЕСѢДА

### На сырной недѣлѣ противъ невоздержанія.

*Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той.* Лук. XXI. 34.

Приближающееся время Поста призываетъ насъ къ воздержанію: и святая Церковь сіи приготовительные къ оному дни расположила какъ степени, дабы по-малу отъемля тучность пищи, и увеличивая трудъ молитвенный, возвести насъ къ совершенству поста и къ протяженнымъ подвигамъ покаянія и молитвы. Но въ сіе преддверіе святаго Поста, которое мы проходимъ, безразсудный обычай какъ много вноситъ противнаго воздержанію и трезвости тѣлесной и духовной! Мнѣ кажется, сіе должно возбуждать въ насъ жалость и ревность, подобную ревности Дома Божія, по которой Господь нашъ бичемъ изъ вервій изгналъ изъ преддверія храма продающихъ и покупающихъ, превращающихъ его въ домъ купли и въ вертепъ разбойниковъ. О, если бы Онъ помогъ и намъ малымъ бичемъ, сплетеннымъ изъ словесъ истины и цѣломудрія, если не совсѣмъ изгнать, то хотя нѣсколько укротить невоздержаніе, особенно неистовствующее при входѣ во святилище Поста, и кромѣ сего нерѣдко угнетающее тѣла, опустошающее души, истощающее стяжанія, расхищающее добродѣтели, поглощающее способности!

*Внемлите себѣ*, глаголетъ Господь, *да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ.* Не излишнимъ ли теперь покажется нѣкоторымъ сіе предостереженіе, и не обиднымъ ли предполагаемое онымъ подозрѣніе въ такихъ грубыхъ порокахъ? — Не желаемъ никого подозрѣвать, ни обижать, но напоминаемъ вамъ, люди, по собственному мнѣнію, довольно умѣренные и трезвые, что сказанное предостереженіе первоначально далъ Господь избраннымъ ученикамъ Своимъ. Наставленіе, которое Петру, Іакову, Іоанну, Андрею, не обидно было слышать, не можетъ быть для кого-нибудь изъ насъ ни оскорбительнымъ, ни излишнимъ.

То ли одно есть объяденіе, когда тѣло не вмѣщаетъ пищи? То ли одно пьянство, когда умъ потопленъ въ винѣ, и отягченной головы не можетъ носить тѣло? Если, въ чемъ не трудно удостовѣриться, настоящее назначеніе пищи и питія есть поддержаніе и возобновленіе тѣлеснаго состава, который непримѣтнымъ образомъ непрестанно снѣдаетъ тлѣніе; а вкусъ пищѣ и пріятность питію даны, какъ средства для сей цѣли: то каждый кусокъ пищи, сверхъ утоленія глада, снѣдаемый для вкуса, есть доля объяденія; каждый глотокъ питія, послѣ угашенія жажды и послѣ ободренія силъ, употребляемый для пріятности, принадлежитъ къ чашѣ піянства.

Что же суть наши столы, на которыхъ трудно перечесть различные роды пищи, трудно угадать ихъ составъ, трудно упомнить названія различныхъ родовъ питія? Не хитросплетенныя ли сѣти, которыя мы разставляемъ другъ другу, чтобы уловить въ объяденіе, хотя иногда тонкое, и въ піянство, хотя повидимому трезвое? И не примѣтишь, какъ перейдешь отъ ядѣнія къ объяденію, какъ простое употребленіе питія превратится въ піянство. Надобно при-

лѣжно смотрѣть за собою. *Внемлите себѣ.*

Сколько различныхъ искусствъ, веществъ, орудій употребляетъ разумный человѣкъ для того, чтобы наполнить малое и несмысленное чрево! Какъ унижается разумъ, когда истощается въ изобрѣтеніяхъ, чтобы дань, ежедневно требуемая чревомъ, какъ неумолимымъ владыкою, была ему приносима, какъ можно въ большемъ изяществѣ, и была имъ пріемлема, какъ можно въ большемъ количествѣ! И какъ ругается надъ симъ раболѣпствующимъ разумомъ чрево, концемъ всѣхъ его заботъ о изяществѣ полагая нечистоту и смрадъ!

Восклонись, несчастный поклонникъ чрева, и если ты не можешь вдругъ выше себя вознести твоихъ очей, стань прямо передъ зеркаломъ и посмотри, не написанъ ли на самомъ тебѣ законъ противъ раболѣпства чреву? Не видишь ли, что выше чрева твоего есть грудь, въ которой живетъ сердце, желающее добра, чувствующее любовь; что надъ нею еще возвышается глава, въ которой царствуетъ умъ, созерцающій истину, разумъ мыслящій о вѣроятностяхъ; что подъ тою и другою, какъ бы подъ небомъ и землею адъ, низвержено темное чрево, не умѣющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницанія, чтобы примѣтить, что оно не владычествовать должно надъ высшими областями, но быть въ служеніи, въ порабощеніи, въ презрѣніи? Если, напротивъ, ты стараешься болѣе и болѣе угождать чреву въ томъ, чего оно слѣпо требуетъ, для него желаешь, для него вымышляешь: то берегись, чтобы оно не сдѣлалось у тебя сильнѣе и выше головы, и своею безобразною тяжестію не стало стѣснять и подавлять благороднѣйшихъ дѣйствій ума и сердца. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ.*

Подъ именемъ *сердца* Господь разумѣетъ вообще *внутренность* человѣка, что можно видѣть изъ Его собственнаго другаго изреченія, въ которомъ Онъ сіи слова соединяетъ, изъясняя одно другимъ: *извнутрь бо,* глаголетъ, *отъ сердца человѣка помышленія злая исходятъ.* Итакъ подъ именемъ сердца, какъ внутренности вообще, въ изреченіи Господнемъ разумѣть должно духовныя силы человѣка съ ихъ дѣйствіями и совершенствами, въ особенности разумъ, силу хотѣть и способность познавать. Смотрите, на что наконецъ можетъ обрушиться подавляющая тяжесть пресыщеннаго чрева. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша.*

Мы не примѣчаемъ,—скажутъ, можетъ быть,—чтобы люди менѣе другихъ воздержные въ пищѣ и питіи, менѣе потому пользовались способностію разума и силою воли. Не спорю, что нѣкоторые изъ нихъ даже лучше другихъ пользуются способностію разума, чтобы понимать и изобрѣтать тонкости удовольствій для чувствъ и воображенія, и сильнѣе другихъ влекутся къ онымъ желаніями. Духъ такихъ людей носится, какъ паръ надъ теплыми яствами, или немного выше. Но когда надобно вознести мысль и сердце горѣ, выше сихъ видимыхъ небесъ, которыя хотя и тонки, но суть тѣлесны, и потому еще ниже области, свойственной духу чистому; когда надобно устремить желаніе къ Богу: тогда оказывается, что пресыщеніемъ отягченное чрево, какъ гиря виситъ подъ крилами духа, и тянетъ его къ землѣ, такъ что, при всѣхъ усиліяхъ, онъ болѣе бьется о землю, нежели возлетаетъ къ небу. Животныя многопищныя и тучныя не могутъ бѣгать такъ скоро, какъ малопищный елень: подобно сему чревоугодникъ не можетъ быть такъ дѣятеленъ и благопоспѣшенъ въ подвигахъ, какъ воздержный.

Вы знаете, что человѣкъ палъ: но какъ? Не отягченное ли запрещеннымъ плодомъ чрево низринуло его изъ блаженнаго рая на несчастную землю? Отягчай оное болѣе, и оно низвлечетъ тебя съ земли въ глубину ада. Подлинно, что нспровергнуло Содому столь ужаснымъ образомъ?—*Гордость,* отвѣтствуетъ Пророкъ, *въ сытости хлѣба, и въ изобиліи вина; и сластолюбствоваша та, и дщери ея: сіе бяше ей, и дщеремъ ея* (Іез. XVI. 49.).

Подобнымъ, но еще болѣе ужаснымъ, бѣдствіемъ угрожаетъ Господь чревоугодникамъ. *Найдетъ,* говоритъ, *на вы внезапу день той.* Какой день?—День, которого только малый образъ, только пред-

вѣщаніе показано было въ грозный день Содомы, — день, который угрожаетъ не одному, или нѣсколькимъ роскошнымъ и сладострастнымъ городамъ, но цѣлой вселенной, который заставитъ *издыхать человѣковъ отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную*, въ который *пріидетъ Господь во тьмахъ святыхъ Ангелъ Своихъ, сотворити судъ* о *всѣхъ дѣлѣхъ нечестія ихъ, имиже нечествоваша* (Іуд. XIV. 15). Господь неоднократно внушаетъ намъ, что сей страшный день особенно нечаянно постигнетъ тѣхъ, которые преданы невоздержанію, роскоши, попеченіямъ о выгодностяхъ и пріятностяхъ жизни. *Якоже бо*, говоритъ, *бѣху во дни прежде потопа, ядуще и піюще, женящеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное въ ковчегъ*; *и не увѣдѣша, дондеже пріиде вода и взятъ вся*: *тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. XXIV. 38. 39.). И еще говоритъ: *якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, піяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху*; *въ оньже день изыде Лотъ отъ Содомлянъ, одожди камыкъ горящь и огнь съ небесе, и погуби вся*: *по томуже будетъ и въ день, въ оньже Сынъ человѣческій явится* (Лук. XVII. 28. 30.).

Поистинѣ, людямъ, которыхъ гортань отверзается не для того, чтобы воспѣвать славу Божію, или изрекать предъ Богомъ желанія сердца, но для того, чтобы, подобно гробу, поглощать и обращать въ тлѣніе все, что лучшаго живетъ и растетъ на землѣ; которые проводятъ половину жизни въ трудѣ обременять свое чрево, а другую въ трудѣ влачить сіе бремя; у которыхъ вино волнуетъ кровь и отуманиваетъ голову: — гдѣ имъ помышлять о дѣлахъ небесныхъ, прозирать въ сокровенныя судьбы Божіи, вникать въ словеса Пророческія, примѣчать значенія временъ, стоять на стражѣ въ ожиданіи грядущаго царствія Божія, которое совсѣмъ не по нихъ, поелику оно *не есть брашно и питіе?*

Но вотъ что еще особенно страшно: сія преобладающая роскошь, сіе не помнящее Бога и себя невоздержаніе, не только могутъ быть внезапно постигнуты судомъ и поражены правосудіемъ Божіимъ, но и составляютъ, по словамъ Господнимъ, одно изъ предваряющихъ обстоятельствъ, и какъ-бы преддверіе сего страшнаго суда. *Отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и найдетъ на вы внезапу день той.* Что же должны мы подумать, когда видимъ, что и богатый и бѣдный, дома и въ корчемницѣ, рано и поздно, наперерывъ работаютъ чреву, что чрево поглощаетъ обширныя стяжанія и наслѣдія; что люди, которые съ трудомъ пріобрѣтаютъ насущный хлѣбъ, необильные плоды своего труда и пота истощаютъ на излишества и невоздержаніе, грубое или утонченное, на прихоти не требуемыя и не знаемыя природою; что провозглашеніе праздника, даже предвареніе о постѣ, сіи, по намѣренію Церкви, орудія къ возвышенію благоговѣнія, превращаются въ орудія къ усиленію роскоши, подобно священнымъ сосудамъ, употребленнымъ для украшенія Вавилонскаго пиршества? — О какъ опасно, да не *найдетъ на ны внезапу день той!*

Попечемся, братія, какъ бы намъ ясти и пити во славу Божію, а не во вредъ себѣ и въ оскорбленіе Подателю благъ, Богу. Уступите гладу и жаждѣ: но не вооружайтесь противъ воздержанія и поста. Пусть хлѣбъ насущный укрѣпляетъ сердце человѣка; пусть вино въ мѣру возвеселитъ сердце печальнаго, или ободритъ немощнаго; *ядите*, — скажемъ, если угодно, и сіе съ Неемією и Ездрою, — *ядите тучная и піите сладкая*, но — въ знаменіе того, *яко свять есть день Господеви нашему* (Неем. VIII. 10.), а не безвременно и безъ мѣры, по образу тѣхъ, *ихже богъ — чрево*. Во всякое же время внемлите слову Господню и *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и найдетъ на вы внезапу день* суда, но да будутъ сердца наши свѣтильниками мудрыхъ дѣвъ, полными елея благодати, горящими любовію, свѣтлыми вѣрою, да будемъ готовы срѣтить Судію, яко жениха, и праздновать съ Нимъ въ небесномъ чертогѣ Его во вѣки! Аминь.

## 14. БЕСѢДА

По Крестномъ ходѣ.

*Пріидите возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему: предваримъ лице Его во исповѣданіи, и во псалмѣхъ воскликнемъ Ему.* Пс. XCIV. 1. 2.

Праздновать праздникъ дѣло столь обыкновенное, и столь, по видимому, простое, что не легко придетъ кому нибудь мысль подозрѣвать себя въ неумѣніи праздновать. Видъ пришедшихъ на сей праздникъ, если не обманываюсь, болѣе показываетъ удовольствіе, что празднуютъ, нежели заботу, такъ ли празднуютъ.

Но не случалось ли вамъ когда нибудь читать, или слышать въ церковномъ чтеніи, что говорилъ Богъ чрезъ Пророка Исаію нѣкоторымъ празднующимъ о нѣкоторыхъ праздникахъ?—*Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя* (Иса. I. 14.)! Не заботливо ли это для празднующихъ? Что можетъ быть несчастнѣе праздниковъ, которые Богъ ненавидитъ? И что это за несчастные праздники? Не Вааловы ли? Не Молоховы ли? Не другіе ли идольскіе и языческіе?—Совсѣмъ нѣтъ! Богъ негодуетъ на праздники Іудейскіе, истинному Богу посвященные, и даже Самимъ Богомъ установленные. *Новомѣсячій вашихъ, и субботъ, и дне великаго не потерплю; поста, и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя.* И пусть бы такъ уничижаемы и отвергаемы были праздники Іудейскіе тогда, какъ сѣнь законная прешла, и явилась благодатная истина; тогда, какъ загадочныя жертвы овновъ и тельцовъ разгаданы крестною жертвою Христовою, и безполезно стало повторять загадку разгаданную; тогда, какъ ветхій Завѣтъ уступилъ мѣсто новому, храмъ Іерусалимскій Церкви Христіанской, служеніе Богу обрядовое поклоненію духомъ и истиною. Но нѣтъ! Богъ чрезъ Исаію возгремѣлъ противъ праздниковъ Іудейскихъ, когда Законъ Моисеевъ господствовалъ, ветхій Завѣтъ былъ въ своей силѣ, храмъ Іерусалимскій стоялъ, и праздники Іудейскіе столько же важны были для истинной церкви Іудейской, какъ нынѣшніе наши праздники для истинной церкви Христіанской. Такъ посему можетъ случиться, что и на наши праздники падетъ подобный приговоръ: *не потерплю; — ненавидитъ душа Моя?* — Да. Въ семъ-то и состоитъ забота.

Итакъ видите, что стоитъ труда подумать, какъ праздновать праздникъ, и такъ ли, какъ должно, мы празднуемъ.

Вслушайтесь же внимательно, какъ Пророкъ Давидъ, во псалмѣ, и созываетъ на праздникъ, и вмѣстѣ поучаетъ праздновать. *Пріидите возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему: предваримъ лице Его во исповѣданіи, и во псалмѣхъ воскликнемъ Ему.*

Первое наставленіе: *пріидите.*

На сіе вы можете сказать, что если это есть заповѣдь праздника, то вы правы предъ нею; потому что пришли на сей праздникъ, и притомъ шествіемъ торжественнымъ и благоговѣйнымъ. Не оспориваю сего утѣшенія вашего.

Но иные, можетъ быть, скажутъ, развѣ непремѣнно надобно куда нибудь *итти*, чтобы *возрадоваться Господеви?* Развѣ нельзя праздновать и дома сидящему? Не стану спорить и противъ сихъ вопросовъ. Однако Пророкъ Давидъ не пустое же сказалъ слово: *пріидите.* Что же онъ думалъ? Чего требовалъ?

Дабы *возрадоваться Господеви*, дабы праздновать праздникъ Божій, надобно, чтобы человѣкъ былъ въ нѣкоторомъ сближеніи съ Богомъ. Богъ всегда близокъ къ человѣку, по Своему вездѣсущію: но человѣкъ не всегда близокъ къ Богу, по своей ограниченности, невниманію, разсѣянности, по занятію земными предметами, по склонностямъ и дѣйствіямъ Богопротивнымъ. Итакъ надобно выйти умомъ изъ земныхъ помысловъ и воспоминаній, сердцемъ изъ заботъ и пристрастій, тѣломъ изъ работъ и дѣлъ, чтобы безъ преградъ и препятствій приближиться къ Богу, предстать Ему, и праздновать въ Его присутствіи.

Нѣкоторые, вышедъ изъ житія грѣховнаго, изъ работы дѣлъ неправедныхъ, изъ

пристрастій, вырвавшись даже изъ невинныхъ, по видимому, естественныхъ привязанностей къ родству, къ семейству, къ дружбѣ, къ вещамъ и занятіямъ необходимымъ для временной жизни, идутъ, и приходятъ къ Богу ежедневно, ежечасно, непрестанно, поученіемъ въ словѣ Божіемъ, псалмопѣніемъ, внутреннею и во время внѣшнихъ занятій молитвою, возвышеннымъ Богомысліемъ и созерцаніемъ, такъ что по истинѣ вся жизнь ихъ составляетъ одинъ *путь Господень* (Дѣя. XVIII. 26.). Такихъ я не призываю болѣе никуда: они въ своемъ уединеніи, въ какой нибудь хижинѣ или пещерѣ, празднуютъ съ Богомъ и Ангелами праздники, болѣе совершенные, нежели мы въ нашихъ торжественныхъ собраніяхъ. Я молилъ бы только ихъ, посѣщать, хотя иногда, наши священныя собранія, не столько по надобности въ томъ для нихъ, сколько въ благодѣяніе намъ, чтобы ихъ присутствіемъ разширялось наше общеніе со Святыми, чтобы ихъ крѣпкая, небопроходная молитва пролагала удобную стезю немощной молитвѣ нашей. Знаю, по примѣрамъ и преданіямъ, что они и дѣлаютъ сіе, по внушенію водящаго ихъ Духа Божія; и мысль, что такіе люди скрываются во многолюдныхъ церковныхъ собраніяхъ, и тайно, невѣдомо намъ, но сильно и благоуспѣшно помогаютъ молитвамъ нашимъ,—сія мысль есть одна изъ тѣхъ, кои дѣлаютъ вожделѣнными сіи собранія, сами по себѣ важныя.

А вамъ, люди болѣе обыкновенные, которыхъ душа въ дни работные глубоко погрязаетъ въ дѣлахъ и работахъ, а въ неработные легко предается дремотѣ праздности, или разсѣвается въ суетныхъ увеселеніяхъ, которыхъ вниманіе, по нуждамъ, по привычкамъ, по пристрастіямъ, такъ много занято земными предметами, что они стоятъ около васъ, какъ преграда между вами и Богомъ,—вамъ настоятельно говорю я съ Давидомъ о дняхъ Господнихъ: *пріидите возрадуемся Господеви*; выдьте, какъ можно, хотя на сіе особенное время, изъ обыкновеннаго вашего положенія, неблагопріятнаго для души; оставьте позади себя ваши дѣла, ваши заботы, все, что васъ привязываетъ, или разсѣваетъ, или смущаетъ, или огорчаетъ, или раздражаетъ; пріидите, въ каждый изъ такихъ дней, въ одно изъ тѣхъ освященныхъ мѣстъ, гдѣ все вамъ напоминаетъ, все даетъ чувствовать, что вы предстоите Богу: гдѣ слово Божіе глаголетъ; гдѣ Духъ Божій дышетъ; гдѣ Голгоѳская жертва Христова возобновляется; гдѣ благодать отверзаетъ объятія молящимся; гдѣ Ангелы сослужатъ тайнодѣйствующимъ человѣкамъ, и человѣки тайно изобразуютъ Херувимовъ.

Дабы впрочемъ не затруднить еще одинъ разрядъ людей,—тѣхъ, которые по немощи, по нуждѣ, по долгу повиновенія, во времена священныя принуждены остаться въ домахъ, при дѣлахъ мірскихъ,— скажемъ и для нихъ: по крайней мѣрѣ, когда услышатъ они возвышенный голосъ колокола, возвѣщающій высокую минуту безкровной Жертвы, пусть пошлютъ въ Церковь благоговѣйную мысль, благочестивое желаніе; пусть освятятъ себя знаменіемъ Креста, какъ-бы вмѣстѣ съ предстоящими олтарю: Ангелъ храма встрѣтитъ ихъ и вдали, причислитъ къ дѣйствительно предстоящимъ, и вознесетъ на олтарь Господень память ихъ.

Второе наставленіе Пророка: *возрадуемся Господеви.*

Праздникъ безъ духовной *радости*, безъ сердечнаго въ немъ участія, безъ внутренняго чувства, есть тѣло безъ души.

Но должно испытывать и повѣрять чувство, и различать виды радости. Лѣнивый работникъ бросилъ работу, и радъ, что насталъ праздникъ: онъ радуется своей лѣности, а не Господу. Легкомысленная женщина облеклась праздничнымъ убранствомъ, и съ удовольствіемъ начинаетъ праздничный день: она радуется своей суетѣ, а не Господу. Ядца и піяца видитъ, или воображаетъ праздничное пиршество, и веселъ заранѣе: онъ радуется своему чреву, а не Господу.

Нѣтъ! Если и тогда, какъ отъ вчерашней работы еще болятъ у тебя члены, ты охотно идешь во храмъ, и не боишься утомленія; если твои чувства, мысли, сердце такъ заняты Богослуженіемъ, что ты не развлекаешься постороннимъ, и забываешь внѣшнее: то я вѣрю, что ты *радуешься Господеви.*

Если же и по выходѣ изъ храма ты остаешься внутренно довольнымъ такъ, что не привлекаешься удовольствіями чувственными; вносишь миръ твоей души въ миръ твоего дома, и распространить твое утѣшеніе желаешь развѣ только въ духовномъ общеніи, либо въ благотвореніи къ ближнему: то я еще больше вѣрю, что ты *возрадовался Господеви*. Ибо когда радость Господня, утѣшеніе внутреннее, духовное, посѣщаетъ и наполняетъ сердце: тогда человѣкъ находитъ себя духовно услажденнымъ и насыщеннымъ такъ, что алканіе внѣшнихъ услажденій утихаетъ и престаетъ; тогда опытъ лучшаго и высшаго показываетъ ему, какъ ничтоженъ ихъ вкусъ, какъ низко погруженіе въ нихъ, какъ отвратительно ихъ излишество; тогда если радость духовная возбуждаетъ и движетъ его, то движетъ, по свойству своему, къ дѣламъ духовнымъ и Богоугоднымъ.

Дай намъ такую радость, скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые; научи насъ такъ радоваться. — Желалъ бы я сего, братія, для васъ, и для себя: только сомнѣваюсь, можно ли научить радости, какъ наукѣ; можно ли раздавать оную, какъ раздаютъ пищу за столомъ. Но за то можно имѣть радость, и безъ прошенія у другихъ, и безъ наученія другими. Посмотрите на младенца, когда онъ видитъ свою мать, и бросается въ ея объятія: не видите ли, что онъ весь радость? А его никто не училъ радости; и онъ не просилъ ея у матери. Будьте и вы, *яко дѣти*, какъ и училъ быть Хрістосъ Господь (Матѳ. XVIII. 3.), — такъ просто, такъ совершенно предавайтесь Богу, такъ всецѣло повергайтесь въ объятія благодати Его: радость Господня, отъ одного взора матери—Благодати, сама собою родится въ сердцѣ простомъ и чистомъ. Если же сердце ваше не обрѣтаетъ радости духовной: то не безполезно вспомнить законъ и предѣлъ, который Богъ положилъ радости. *Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь* (Иса. XLVIII. 22.). Предѣлъ, за который не переступаетъ радость Господня, есть тотъ, за которымъ начинается область нечестія или беззаконія. Итакъ, если сердце твое не обрѣтаетъ радости духовной: то *внемли себѣ*, какъ говоритъ Моисей, примѣчай за собою, испытывай себя, *да не будетъ слово тайно въ сердцѣ твоемъ беззаконія* (Втор. XV. 9.), не кроется ли въ немъ противный благочестію и добродѣтели помыслъ, страсть, намѣреніе, дѣло нечистое, неправедное, злое, чѣмъ сердце осквернено, загромождено, заграждено, и сдѣлано не доступнымъ чистой и святой радости. Въ такомъ случаѣ путь къ радости о Бозѣ, есть *печаль яже по Бозѣ*, которая *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10.), и такимъ образомъ *сѣющіи слезами радостію пожинаютъ:* чего ради и Псалмопѣвецъ радости въ самую средину радостнаго псалма своего вѣвѣваетъ слезы, какъ сѣмя чистой радости: *восплачемся*, говоритъ, *предъ Господемъ, сотворшимъ насъ* (Псал. CXXV. 5.). Впрочемъ, испытывай себя, сказалъ я, не въ словѣ ли беззаконія кроется причина отсутствія радости: а можетъ случиться и то, что она медлитъ явиться, ожидая мановенія Благодати, испытующей твою преданность и упражняющей твое терпѣніе, или просто требуя возбужденія свойственнымъ Ей образомъ.

Сюда относится третіе праздственное наставленіе Пророка, которое заключается въ слѣдующихъ воззваніяхъ: *воскликнемъ Богу Спасителю нашему: предваримъ лице Его во исповѣданіи, и во псалмѣхъ воскликнемъ Ему.*

Онъ указываетъ здѣсь на средство возбудить священную радость, и, когда она возбудится, такъ какъ она по существу своему жива и дѣятельна, дать ей приличное упражненіе.

Когда вы приходите предъ Бога, чтобы возрадоваться Господеви, чтобы праздновать праздникъ Его: не стойте предъ Нимъ, какъ истуканы, съ холоднымъ равнодушіемъ, безъ упражненія вашего вниманія, безъ возвышенія вашего сердца; вспомните, что предстоите Богу, вашему Творцу, вашему ежеминутному Хранителю и Промыслителю, вашему вѣчному Спасителю; взирайте къ Нему вашимъ умомъ; взывайте къ Нему вашимъ сердцемъ; Церковь вамъ предшествуетъ въ семъ своими

молитвами и пѣснопѣніями; дайте свободно входить Ея гласамъ и воскликновеніямъ въ ваше сердце; пусть онѣ тамъ отдаются и производятъ духовный отголосокъ. *Воскликнемъ Богу Спасителю нашему.*

Можетъ быть, призываемый воскликновеніями Богъ не вдругъ дастъ ощутить душѣ Свою благодатную къ ней близость: сіе да не воспящаетъ насъ. Иногда Онъ предваряетъ наши призыванія и ожиданія Своимъ утѣшительнымъ посѣщеніемъ: но если иногда и не такъ; то мы *предварімъ лице Его во исповѣданіи*,—во исповѣданіи нашей немощи, а Его силы, нашего недостоинства, а Его благодати, нашей скудости, а Его великодаровитости, Его безчисленныхъ благодѣяній, и нашего, по крайней мѣрѣ, искренняго желанія быть Ему благодарными.

Господь нашъ не одобряетъ мнѣнія тѣхъ, которые, взывая къ Богу, *мнятъ, яко во многоглаголаніи своемъ услышани будутъ*; и заповѣдуетъ *молящимся не лишше глаголати* (Матѳ. VI. 7. 8.). Однако не должна же, и не можетъ молитва быть слишкомъ кратка, потому что къ сильному и дѣйственному слову молитвы нужно иногда не малое молитвенное приготовленіе, и потому, что надобно наконецъ дойти до исполненія также собственно Евангельской заповѣди: *непрестанно молитеся* (2 Сол. V. 17.). Посему мы должны, съ Церковію, не только возсылать къ Богу краткія, горящія воззванія и восклицанія, но и возносить къ Нему псалмы,—протяженныя, усугубляемыя, постоянное стремленіе къ Богу выражающія, молитвы и славословія. *И во псалмѣхъ воскликнемъ Ему.*

Но надобно, можетъ быть, и мнѣ въ ученіи о праздникѣ и молитвѣ *не лишше глаголати*, дабы не прейти мѣру неутомленнаго вниманія вашего. Сказанное доселѣ уже даетъ вамъ нѣкоторый способъ примѣтить недостатки, какіе могутъ быть въ вашемъ праздникованіи, дабы позаботиться о восполненіи недостающаго и о исправленіи неправильнаго.

Признаюсь, меня не все радуетъ, что вижу я въ наши праздники.

Что значитъ столь примѣтный иногда въ праздничныхъ церковныхъ собраніяхъ недостатокъ безмолвія и благоговѣйнаго вниманія? Если бы помнили всѣ, что пришли предъ Бога, и предстоятъ лицу Его: то никто не осмѣлился бы, и не захотѣлъ бы здѣсь обращаться отъ Бога къ человѣку, и входить въ празднословіе или распри; народъ никогда не былъ бы около святилища въ безпорядочномъ и шумномъ движеніи, подобно волнамъ, которыя движетъ не духъ разумный, а вѣтеръ непостоянный.

Что значитъ такъ близко иногда къ Скиніи Господней являющееся на праздникъ новое поселеніе оныхъ недобрыхъ скиній, приготовленныхъ для служенія лакомству или пьянству, для суетныхъ зрѣлищъ, для игръ, свойственныхъ дѣтямъ, но которыя не дѣти учреждаютъ, и которыми не дѣти занимаются? Не то ли сіе значитъ, что многіе приходятъ искать веселія плотскаго и грѣховнаго тамъ, гдѣ надлежало имъ обрѣтать и вкушать радость духовную и святую? А такіе праздники не суть ли тѣ самые, которые Богъ ненавидитъ? *Праздниковъ вашихъ*, глаголетъ, *ненавидитъ душа Моя; бысте Ми въ сытость, ктому не стерплю грѣховъ вашихъ.* То есть: Богъ ненавидитъ, не самые праздники, но грѣхи, которыми оскверняются праздники, а за тѣмъ уже и празднованіе, грѣхами оскверняемое, и потому недостойное Божества.

*Ни идолослужители бывайте*, говоритъ Апостолъ; *яко же нѣцыи отъ нихъ*, то есть, принадлежавшихъ къ Церкви Ветхозавѣтной, *яко же есть писано: сѣдоша людіе ясти и пити, и восташа играти* (1 Кор. X. 7.). Видите ли, что праздновать лакомымъ ястіемъ, неумѣреннымъ питіемъ, суетными играми, значитъ праздновать по-идолослужительски? Хорошо ли же вамъ начинать день празднованіемъ Христіанскимъ, а оканчивать идолослужительскимъ?

Христіане! Христіански да празднуемъ праздники наши въ радости духовной, въ молитвахъ и псалмопѣніяхъ Господу, въ мирномъ покоѣ или въ дѣлахъ благихъ и благотворныхъ, да будутъ празднованія наши Богу благоугодны, и для насъ благословенны и спасительны. Аминь.

# ОТДѢЛЕНІЕ IX.

## СЛОВА
## НАДГРОБНЫЯ.

СЛОВА И РѢЧИ.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

# СЛОВА

# НАДГРОБНЫЯ.

## 1. СЛОВО

При гробѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, говоренное въ Архангельскомъ соборѣ, Февраля 4 дня, 1826 г.

*Подобенъ ему не бысть предъ нимъ царь, иже обратися къ Господеви всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всею силою своею.—Обаче не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго.* 4 Цар. XXIII. 25. 26.

О Боже! такъ ли неумолимъ гнѣвъ Твой? Царь, не только благочестивый, но и безпримѣрный въ благочестіи, царь, который *сотвори правое предъ очима Господнима* (4 Цар. XXII. 2.), царь, который старался не только подвластную ему Іудею, но и всю землю Израилеву очистить отъ идолослуженія, и просвѣтить Богослуженіемъ истиннымъ, который, какъ скоро узналъ книгу закона Божія, немедленно принесъ предъ нею покаяніе въ беззаконіяхъ своего народа, и съ тѣхъ поръ не переставалъ быть ея ученикомъ, исполнителемъ, защитникомъ, проповѣдникомъ, такой царь, съ такимъ сердцемъ и душею, не могъ отвратить Господа отъ ярости гнѣва Его великаго; но гнѣвъ сей открылся раннею и внезапною смертію сего самаго царя,—Іосіи. О Боже! такъ ли неумолимъ гнѣвъ Твой?

Не таковъ ли гнѣвъ Божій надъ нами, Россіяне? Ибо что значитъ сія, не угрожавшая намъ, но уже дѣйствительная, кончина сего поистинѣ Благочестивѣйшаго Царя, — кончина, которой ни лѣта Его не призывали, ни силы, по видимому, не допускали, ни самая болѣзнь, въ началѣ своемъ, не предвѣщала? Не то ли сіе значитъ, что Богъ нами прогнѣванъ, и *не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго?*

Не позналъ Іудейскій народъ цѣны сокровища, которое имѣлъ въ царѣ своемъ Іосіи: не позналъ, когда имѣлъ и не воспользовался симъ скровищемъ. *Весь Іуда*

*и Іерусалимъ плакаша о Іосіи. И Іеремія возрыда по Іосіи. И глаголаша вси князи и княгини плачь по Іосіи* (2 Цар. XXXV. 24. 25.). Ахъ! поздно большая часть изъ нихъ плакали по Іосіи, вмѣсто того, чтобы прежде усерднѣе плакать вмѣстѣ съ Іосіею, когда сердце его сокрушалось покаяніемъ, и смирялось предъ грознымъ судомъ Божіимъ, когда онъ плакалъ *предъ* Богомъ, и былъ услышанъ. Іеремія, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ, почему *рыдалъ*, когда другіе только *плакали:* онъ рыдалъ удвоеннымъ плачемъ, плачемъ о лишеніи царя, и плачемъ о позднομъ плачѣ народа.

Народы, которымъ Богъ въ день благоволенія Своего даровалъ Благословеннаго Александра! (ибо народамъ былъ Онъ отъ Бога дарованъ, а не одному народу Россійскому) народы! познали ли вы всю цѣну сего Сокровища? Упрочили ли для себя всю пользу, которою оно могло васъ обогатить? Какое пророческое слово можетъ отвѣтствовать на сіе?—Время будетъ на сіе отвѣтствовать событіями.— Вѣчный, владычествующій временами, да речетъ миръ на Преемника могущества и добродѣтелей Александра, дабы возобновился и не умолкалъ *гласъ радости и спасенія въ селеніяхъ праведныхъ!*—

Но намъ теперь говорить ли о великомъ сокровищѣ? Оплакивать ли великую потерю? Говорить ли отъ избытка сердца печальнаго? или молчать отъ недостатка слова достойнаго? Дайте мнѣ слово, или научите меня молчанію. Не умѣю говорить, и безмолвствовать не умѣю. Отрекаюсь отъ необъятнаго подвига хвалить Александра, уже Благословеннаго: но не льзя удержаться отъ печальнаго предъ Церковію размышленія и слова о Царѣ, Который, подобно какъ Іосія, достоинъ, чтобы по Немъ рыдали Пророки.

Представьте себѣ человѣка, который стоитъ надъ потокомъ, и видитъ, какъ его сокровище низвергается въ глубину. Касаясь водъ, оно производитъ звукъ, и раждаетъ круги, одинъ другаго пространнѣйшіе: но въ то же мгновеніе скрывается въ глубинѣ, и только трепетаніе водъ остается примѣтнымъ зрителю. Подобно сему, кто можетъ созерцать, пусть станетъ теперь надъ потокомъ временъ, надъ водами народовъ, какъ изъясняется языкъ Пророческій. Смотри, какъ драгоцѣнная жизнь явилась; подвигла своею силою народы; наполнила своею дѣятельностію многочисленные круги, одинъ другаго пространнѣйшіе; произвела громкіе звуки славы: но вдругъ она погрузилась въ вѣчность, и одно трепетное движеніе грозной нечаянности простерлось по всѣмъ извѣстнымъ народамъ.

Александръ, еще въ колыбели, радость и надежда отечества, — Александръ, въ Порфирородномъ семействѣ, утѣха и любовь, — Александръ, въ началѣ вѣка на Престолѣ, какъ солнце на востокѣ, — Александръ въ Россіи, Отецъ народа, Спаситель Имперіи, — Александръ въ Европѣ, возстановитель Царей, примиритель Царствъ, душа царственныхъ Совѣтовъ Европы, — Александръ въ Царствіи Божіемъ, избранное орудіе Царя Христа, чтобы торжественно утѣшить и возвеличить Христіанство тамъ, гдѣ оно торжественно было цѣлымъ народомъ отвержено и поругано, плотоносный Архистратигъ небесныхъ на землѣ силъ, побѣждающій небеснымъ оружіемъ, Кровію Агнца, кротостію и смиреніемъ; — какіе свѣтлые виды! какіе величественные образы! Но какъ внезапно всѣ они закрываются одною мрачною чертою: Александръ во гробѣ!

Если въ области природы есть предзнаменованія и предчувствія необыкновеннаго и великаго, подобно какъ въ высшей области духа прообразованія и пророчества: жизнь Александра многократно была оными ознаменована.

Что значитъ, что Его рожденіе было въ день, когда удаленное отъ насъ солнце обращается къ намъ со своимъ свѣтомъ; а вступленіе на Престолъ Имперіи, въ то время, когда солнце, увеличивъ свѣтъ до равновѣсія со тьмою, начинаетъ для нашихъ странъ весну, время развитія и оживленія земной природы?—Такъ случилось? Покойный отвѣтъ для людей, которые трудъ разсуждать почитаютъ излишнимъ, и боятся, чтобы не узнать чего необыкновеннаго, или чтобы не встрѣтиться съ Провидѣніемъ! Не такъ ничтожны знаменія временъ для мудраго, который

знаетъ, что *въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго на время воздвигнетъ на ней* (Сир. X. 4). Святый Амвросій Медіоланскій, даже говоря о Рождествѣ Спасителя, столь обильномъ знаменіями чудесными, не оставляетъ безъ замѣчанія и сего естественнаго знаменія времени, что *съ Рождествомъ Христовымъ день возрастаетъ* (Слов. на Рожд. Хрис.).

Что значила необыкновенно живая радость, о которой еще можешь вопросить старцевъ твоихъ, Россія, и рекутъ,—необыкновенно, говорю, живая радость народа, при рожденіи Александра, когда родившійся младенецъ былъ только еще Наслѣдникъ Наслѣдника? Что и сіе значило, что, когда внуки, какъ новосажденія масличныя, окружали Великую Екатерину, всѣ прекрасны душею, всѣ возлюбленны, Александръ преимущественно былъ Ея восхищеніемъ? Что значилъ восторгъ Россіи, когда она увидѣла Александра на Престолѣ?—Опытъ даетъ право сказать, что то были великія предчувствія Великой Императрицы и Имперіи.

Сообразно съ знаменіями временъ, однимъ изъ первыхъ подвиговъ царствованія Александрова было стараніе умножить свѣтъ въ Сѣверѣ, Ему подвластномъ. Учрежденія для просвѣщенія народа умножены, ограждены постановленіями, расположены въ правильныхъ кругахъ, приведены къ общему средоточію, находящемуся близъ самаго Престола, украшены новыми предметами знаній, обогащены способами, возвышены въ правахъ, какъ для сообщающихъ, такъ и для пріемлющихъ просвѣщеніе. Какъ распространился отъ сего свѣтъ, и сколько былъ онъ благотворенъ, пусть усматриваютъ и опредѣляютъ просвѣщенные. Царское дѣло создать обители просвѣщенія прочно и благолѣпно, и покрыть Своимъ Высокимъ покровительствомъ, а не преподавать ученіе, или руководствовать юношей.

Но особенное время, на которое *Имѣющій въ руцѣ Своей власть земли*, какъ необходимо *потребнаго, воздвигъ* Александра, было не тихое утро Россіи, но бурный вечеръ Европы. Буря мятежа разрушила и Престолъ Царя и Олтари Христовы у народа, который дотолѣ, по видимому, дышалъ только легкимъ вѣтромъ; и ужасныя развалины омывалъ продолжительный дождь кровавый. Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти, который то уносилъ Престолы съ мѣстъ, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ не было; и который наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію.

Что, если бы на сіе время, когда такъ укрѣпился и возвысился сей *излишній* на земли,—что, если бы не воздвигъ Господь *потребнаго* на ней? Что было бы съ народами, которые, со дня на день умножая собою число порабощенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій порабощенія, и увеличивали силу поработителя, и которымъ онъ не хотѣлъ оставить другой безопасности, какъ войдти въ порабощеніе, ни другой чести, какъ быть орудіями порабощенія? Что было бы съ священнымъ Царскимъ достоинствомъ, которое непорфирородный Царь оскорблялъ сугубо, и униженіемъ Порфирородныхъ, и возвышеніемъ непорфирородныхъ? Что было бы съ народнымъ духомъ, что было бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе, никакихъ границъ не уважавшаго властителя, непремѣнно требовало, чтобы все умѣло только раболѣпствовать предъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только исполнять его волю, истина—ему ласкательствовать, знанія—изобрѣтать только средства для его цѣли, искусства—производить ему памятники его славы, или размножать его идола? Чего надлежало ждать и Христіанскому Богослуженію отъ мнимаго въ своей землѣ возстановителя онаго, который далъ ему видъ возстановленія только для того, чтобы чрезъ то получить себѣ видъ освященія, который одною рукою возстановлялъ Олтарь Христовъ, а другою гораздо съ большимъ усиліемъ созидалъ Синагогу христоубійственнаго народа? Что было бы съ землею, столь много бѣдствующею, и еще болѣе угрожаемою?

Какая бездна золъ открывается при семъ размышленіи! Потому, какое безпредѣльное

благодѣяніе *Имѣющаго въ руцѣ Своей власть земли*, что воздвигъ на ней Александра, дабы заключить сію бездну? Чѣмъ бѣдственнѣе и ужаснѣе то, что было, и было бы, безъ Него: тѣмъ величественнѣе и благотворнѣе то, что чрезъ Него послѣдовало.

Богъ, Который воздвигъ Александра на время необычайныхъ браней и подвиговъ, научилъ Его противопоставлять оружіямъ воинства плотскимъ не однѣ плотскія, но наипаче духовныя, даже, безъ несправедливой кому-либо укоризны можно сказать, адскимъ оружіямъ небесныя, хитрости правду, дерзости твердость и терпѣніе, надменности кротость и смиреніе, надеждѣ на искусство и силы человѣческія — упованіе на помощь и провидѣніе Божіе. И что же послѣдовало? Идолъ Франціи сокрушился о грудь Россіи. Невольнымъ поклонникамъ его дана свобода выйдти изъ заблужденія. Союзомъ названныя оковы многихъ царствъ распались. Александръ съ побѣдою въ столицѣ враговъ, разрушившихъ тебя, возрожденная потомъ Столица Александра; и *наказуетъ* ихъ наказаніемъ *праведника,—милостію* (Псал. CXL. 5.). Ни къ чему не прикасается; ничего не требуетъ; не показываетъ и не принимаетъ славы побѣдителя; даритъ имъ плѣнныхъ; воздаетъ Христіанскую честь ихъ Царю-мученику; даетъ имъ безопасность провозгласить изгнаннаго Царя, и возстановить законный, но давно разрушенный Престолъ. Какая необыкновенная побѣда надъ врагами! И поелику столь высокая побѣда ни на минуту не подвигла духа Александрова съ глубокаго основанія смиренія: то какая еще болѣе необыкновенная побѣда надъ самою побѣдою!

И что еще! слава побѣдъ, по правдѣ, предъ тѣмъ почти забытой, принесена Господу силъ. Неукротимый дотолѣ духъ браней связанъ. Союзамъ Царей и царствъ, для которыхъ не находили дотолѣ болѣе приличнаго закона, какъ законъ своекорыстія и взаимной зависти, Александръ, сильнымъ примѣромъ Своимъ, положилъ въ основаніе законъ безкорыстія и благоволенія, словомъ, законъ Христіанскій. Несогласія народовъ или прекращены, или обезсилены. Крамолы, если не уничтожены, то приведены въ отчаяніе. Дѣла, которыя рѣшалъ мечъ, уже разрѣшаются совѣтами. Многочисленное воинство Александра стоитъ въ тишинѣ, какъ величественная стража мира, не только Россіи, но и Европы. Оградясь отъ враговъ внѣшнихъ, Александръ, по собственному Его изреченію, обращается противъ враговъ внутреннихъ, противъ неправосудія, неблагочинія, неблагочестія; какъ солнце, правильными шествіями, обходитъ землю, Ему подвластную, повсюду являя всѣхъ одушевляющій взоръ благоволенія, примѣръ благоговѣнія къ Богу, дѣйствія правды и милости. Мы наслаждались безопасностію и покоемъ; ожидали и требовали блаженства: — увы! можетъ быть, слишкомъ нетерпѣливо и съ ропотомъ ожидали, не разсуждая о трудностяхъ, какія встрѣчаютъ созидающіе благо народовъ;— можетъ быть, несправедливо требовали, будучи не достойны блаженства, сами препятствуя созиданію онаго недостаткомъ чистой и послушливой ревности къ общему благу, истощая общее изобиліе нашею роскошію, затрудняя законы и дѣйствіе ихъ преумноженіемъ беззаконій;—и видѣлъ Господь; и прогнѣвался; *и не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго!*

Гдѣ сей новый Іосія, *иже обратися къ Господеви всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею*, и *всею силою своею?* Что принесло намъ величественное шествіе? Что нашло наше ревностное срѣтеніе?—Одно мертвенное, оставленное отъ безсмертнаго. *Да плачетъ* вновь *весь Іуда и Іерусалимъ*—весь народъ и Градъ престольный! *Да глаголютъ вси князи и княгини плачь!* Да рыдаютъ Служители Слова и таинствъ, рыданіемъ *Іереміинымъ*, или плачемъ Давидовымъ!

Слышу плачь пѣвца Израилева: *горы Гелвуйскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* За что сіе проклятіе на невинную природу? — *Яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ* (2 Цар. I. 21.), жалуется пѣвецъ Израилевъ. Но сильные повергли щитъ, уступивъ сильнѣйшимъ въ брани: за что же негодовать на мѣсто, которое приняло ихъ въ паде-

ніи? Пріиди, пѣвецъ скорби; я укажу тебѣ мѣсто, болѣе достойное негодованія. Пріиди, помоги мнѣ сѣтовать на горы Таврійскія. *Горы таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* Не оружіемъ враговъ поражены тамо сильные: горный вѣтръ пронзилъ Главу Священную. Не малый щитъ немногихъ сильныхъ поверженъ тамо: великій щитъ благоденствія великой Имперіи, крѣпкій щитъ мира Европы, проникнутъ стрѣлою невидимою. Не Саулъ оставленный ищетъ тамо смерти, которая окружаетъ его: но возлюбленный Давидъ ищетъ жизни для Возлюбленной болящей Супруги; а никѣмъ не подозрѣваемая смерть Его Самого ищетъ. *Горы Таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!*

Но тщетно и сіе негодованіе, и можетъ быть, дерзостно. *Смиримся подъ крѣпкую руку Божію* (1 Петр. V. 6.). И для насъ, и для оплакиваемаго нами, лучше молиться, нежели жаловаться.

Царю Царей! Ты воздвигъ Его на время; Ты воззвалъ Его къ вѣчности. Пріими то, что даровалъ; не остави тѣхъ, которыхъ лишаешь. Ты *взялъ* сего Царя, какъ *праведнаго отъ лица неправды* (Исаія LVII. 1.), когда она готовилась вновь разродиться отступленіемъ отъ Царей; (ибо разрушителя крамолъ всемірныхъ надлежало устранить отъ тяжкой скорби, видѣть ихъ отрасль, проникшую даже въ отечество); умилосердися, Господи, возьми сію неправду отъ лица оставшихся праведныхъ! Хрісте, животе нашъ! въ Тебѣ Единомъ искалъ Онъ врачевства и жизни во дни болѣзни Своея: сподоби Его *истѣе Тебе причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Твоего*, въ Соборѣ Царей вѣчно съ Тобою царствующихъ! Аминь.

---

## 2. СЛОВО

**При гробѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Алексіевны, говоренное въ Можайскомъ Николаевскомъ соборѣ, въ присутствіи Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Маія 26 дня 1826 года.**

---

*Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи: яко пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои. Ослаби ми, да почію, прежде даже не отиду, и ктому не буду.* Псал. XXXIII. 13. 14.

Когда кто изъ Высокихъ на земли, по судьбѣ, для земнородныхъ общей, отходитъ въ землю: при семъ обыкновенно слышатся отголоски славы, которая сопровождала его во время земной жизни. Слышимъ оные и теперь; но величественнѣе самой славы слышится здѣсь — молчаніе. Дерзая говорить, колеблюсь опасеніемъ, чтобы не возмутить безмолвнаго сѣтованія Царицы-Матери,—чтобы не нарушить послѣдняго безмолвія Царицы-Дщери, которая и среди славы знаменитѣйшаго изъ Домовъ Царскихъ, во дни особенно громкіе славою, любила погружаться въ безмолвіе.

Но слово молитвы, надѣюсь, не будетъ противно безмолвію, которое одушевляется молитвою. И такое слово пріемлю отъ Псалмопѣвца, дабы въ размышленіи, хотя по необходимости печальномъ, искать нѣкотораго врачевства противъ печали.

*Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи.* Кто приноситъ Господу столь печальную молитву? Книга Псалмовъ скажетъ, что Давидъ. Но что погрузило его въ печаль, столь горькую?—Псаломъ не представляетъ на сіе яснаго отвѣта. Не видно здѣсь вины, которою бы страждущій заслужилъ страданіе; страждетъ желающій *сохранить пути* свои, *еже не согрѣшати* даже *языкомъ*.

*Пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои:* такъ продолжаетъ молитву свою Царь Изра-

левъ. Но цѣлое царство не есть ли нѣкоторымъ образомъ домъ и семейство Царя? Какъ же должно быть сильно внутреннее чувство лишенія, чтобы Царь потерялъ изъ вида не только домъ свой, но и цѣлое царство свое, и нашелъ себя чуждымъ, одинокимъ, пришельцемъ, странникомъ!

Наконецъ печальный Царь взываетъ къ Богу: *ослаби ми, да почію, прежде даже не отъиду, и ктому не буду.* Какая безутѣшная печаль! Онъ уже не проситъ радости, благополучія: онъ умоляетъ, даровать ему облегченіе печали, отдохновеніе отъ страданія: *ослаби ми, да почію.* Онъ уже не прельщается продолженіемъ жизни; но думаетъ удовольствоваться тишиною послѣднихъ минутъ: *да почію, прежде даже не отъиду, и ктому не буду.*

При воображеніи сего тяжкаго состоянія, и мало знакомое съ несчастіемъ сердце раздирается: при помышленіи же, что таково было состояніе человѣка, не только не оставленнаго Богомъ, но и возлюбленнаго Богу, и моливщагося Духомъ Святымъ, изумленная мысль, какъ отторженная отъ брега ладія, носится по безднѣ судебъ, покрытой мракомъ непостижимости.

Не дадимъ себѣ долго носиться и волноваться безполезно. Есть пристанище вѣры, всегда отверстое, всегда близкое для обуреваемыхъ; есть якорь надежды, который малую ли ладію, великій ли корабль, равно удержать можетъ въ безопасности.

Что за судьба, которая и на благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, или посылаетъ, или попускаетъ, искушенія, печали, бѣдствія жизни? — Не иная, какъ судьба любви: *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. XII. 6.). Почему души благородныя и возвышенныя болѣе иногда подвергаются скорбямъ, нежели обыкновенные люди, такъ что ни покровъ видимаго счастія, которымъ облекаетъ ихъ самая порода и званіе, ни попеченія любящихъ, самыя дѣятельныя и самыя нѣжныя, не укрываютъ ихъ отъ ударовъ, коими поражаетъ ихъ рука невидимая?—Сіе бываетъ съ душами благородными и возвышенными потому именно, что онѣ суть возвышенныя и благородныя; потому что онѣ драгоцѣнны, какъ золото, и пріятны Богу, какъ избранная жертва. *Богъ искуси ихъ, и обрѣте ихъ достойны Себѣ: яко злато въ горнилѣ искуси ихъ, и яко всеплодіе жертвенное пріятъ я* (Прем. III. 5. 6.). Но какой тутъ порядокъ, когда наилучшія души такъ жестоко страждутъ?— Такой же, какой наблюдается, когда полагаютъ золото въ горнило, жертву на жертвенникъ. Золото будетъ чисто; жертва низведетъ благодать; огнемъ страданія искушенная душа просіяетъ чистотою, а наконецъ и блаженствомъ: *во время посѣщенія ихъ возсіяютъ* (Прем. III. 7.).

Послѣ сего размышленія не такъ тяжко мнѣ коснуться предмета, который такъ болѣзненно сердецъ касается.

Государыня, Которой душевныя свойства и расположенія были такъ же возвышенны, какъ санъ Ея; — Которой умъ свѣтился и сквозь Ея любимое молчаніе; — Которой сердце, кроткое и человѣколюбивое, какъ ни закрывалось скромностію, въ самыхъ Ея взорахъ являлось, узнаваемо было паче страждущими и сострадательными, отверзалось къ сострадательнымъ для участія и покровительства въ дѣлахъ сострадыанія, къ страждущимъ для благотвореній, большею частію тайныхъ;—Которая въ труднѣйшихъ приключеніяхъ не только не изнемогала духомъ, но и одушевлялась неожиданною силою къ труднѣйшимъ подвигамъ, какъ то, во времена болѣзней Своего Супруга, преодолѣвая и Свою немощь, и Свою печаль, такъ сказать, поселялась и жила при одрѣ Болящаго; — такая душа не была ли достойна всего возможнаго на земли счастія? И не столько ли же Она была окружена средствами счастія, сколько была онаго достойна? Ахъ! если Августѣйшій Супругъ, преодолѣвая всѣ трудности, перенесся съ Нею на край Государства, чтобы доставить Ей или здравіе, или хотя облегченіе и услажденіе въ тяжкой болѣзни;— если Августѣйшая Матерь, преодолѣвая всѣ трудности, отторгая Себя отъ другаго, также материяго попеченія, далеко текла Ей на встрѣчу, чтобы пролить отраду

любви въ Ея многострадальное сердце; и оставленное возлюбленною душею тѣло другой разъ далеко преслѣдуетъ, безплодными уже, но еще вожделѣнными для Матерней любви лобзаніями:— то чего не готовы были сдѣлать Александръ и Марія, чтобы Елисавета была счастлива долго, непрерывно, совершенно? При всемъ томъ судьба вела Ее путемъ жизни не къ великому, подобно Ея добродѣтелямъ, счастію, но къ величественному несчастію.

Можетъ быть, природа, можетъ быть, воспитаніе, наконецъ, можетъ быть бездѣтство, особенно несоотвѣтствующее желаніямъ на престолѣ, посѣяло въ сердцѣ Ея тайное, болѣзнетворное сѣмя унынія. Бѣдственнымъ потопомъ Столицы напоено сіе сѣмя; и необычайно возбужденная сердечная скорбь сострадапія прозябла и развилась въ тѣлесную болѣзнь сердца.

Въ сердцѣ Супруга обрѣлось дѣйствительнѣйшее врачевство для Ея сердца: но жизнь, которая любовію питала и поддерживала угасающую жизнь Ея, внезапно сама угасла; и оставила ее въ странѣ пришельствія, какъ угасающій въ тучахъ вечеръ оставляетъ истощившаго силы странника въ мрачной пустынѣ.

Благословенно могущество вѣры! Только Ея небесный огнь могъ воспрепятствовать смертному хладу вскорѣ объять сердце, которое болѣзнь стремительно приближала ко гробу, а любовь совсѣмъ полагала во гробъ Александра.

Благость Брата и Преемника Его подвиглась, чтобы беречь и утѣшать Его вдовицу, и для сего, если можно, возвратить Ее въ нѣдра семейства. Изъ отдаленнаго града пресельничества Своего предприняла Она возвратное странствованіе. На семъ пути, какъ путеводительная звѣзда, по захожденіи солнца, какъ новая искра жизни блеснула Ей надежда утѣшенія отъ сердца Матери Александра. Странствующая поспѣшаетъ къ сему вожделѣнному свѣту; напрягаетъ останки силъ; простираетъ объятія; Августѣйшая Матерь взаимно ихъ простираетъ. Достигай сихъ животворныхъ объятій; почій, хотя мало, въ нихъ, утомленная тѣлесными и душевными страданіями Елисавета!—Увы! упадаютъ праздныя объятія; Елисавета почіетъ не тѣмъ покоемъ, котораго ждала въ объятіяхъ Матери, но тѣмъ, который ожидаетъ седмерицею въ скорбяхъ очищенную душу Ея въ лонѣ Отца чистыхъ сердцемъ. Не окончивъ странствованія, Она прешла въ отечество, изъ котораго уже не странствуютъ: *отъиде, и ктому не будетъ.*

Отче небесный, колико непостижимый въ судьбахъ Твоихъ, толико же безконечный во благости Твоей! не пререкаемъ непреложной волѣ Твоей, совершившейся надъ Вѣнчанною рабою Твоею, Благочестивѣйшею Императрицею Елисаветою, на земли: но молимъ, со дерзновеніемъ упованія молимъ, соверши надъ Нею благую и вѣчноблаженную волю Твою на небеси. Увѣнчанную здѣсь сугубымъ вѣнцемъ, Царскимъ—отъ камене честна, и Христіанскимъ—отъ тернія, вѣнцемъ величія и вѣнцемъ терпѣнія, увѣнчай и тамъ усугубленною славою, да безмолвная въ земномъ страданіи отверзетъ наконецъ уста Свои въ небесномъ веселіи, чтобы благодарственно исповѣдать предъ Тобою блаженную тайну сего страданія: *по множеству болѣзней моихъ въ серцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу* мою (Псал. XCIII. 19.).

Еще же не одна Царственная душа страждущая, цѣлый Домъ Царевъ, цѣлое Царство Россійское взываетъ къ Тебѣ, Царю Царей: *ослаби ми, да почію!* Еще не почило сердце наше отъ прежней печали, какъ постигла насъ новая. Вся земля наша отъ края до края, отъ Столицы до Столицы, прочерчена погребальными путями Царскими. Довлѣетъ, Господи! да почіетъ гнѣвъ Твой; да почіетъ серце наше предъ Тобою. Довольно торжествовала смерть и печаль; посли торжества жизни и радости мужественному Преемнику Александра, и Августѣйшему Дому Его, и Россіи. Аминь.

## 3. СЛОВО

Предъ погребенiемъ тѣла Свѣтлѣйшаго Князя Михаила Илларiоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, говоренное въ С. Петербургскомъ Казанскомъ Соборѣ, въ присутствiи ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей, Николая Павловича и Михаила Павловича, Iюня 13 дня 1813 года.

*Благопоспѣшно бысть спасенiе рукою его: и огорчи цари многи, и возвесели Iакова въ дѣлѣхъ своихъ, и даже до вѣка память его во благословенiе.* 1 Мак. III. 6. 7.

Такъ въ дѣеписанiи сыновъ Израилевыхъ, истина и признательность, совокупясь, старались одушевить чертами славы и безсмертiя, утѣшительный образъ Вождя, о потерѣ котораго *плакалъ и рыдалъ весь Израиль плачемъ велiимъ.* Не обновляются ли предъ нами сiи древнiя черты, не кажутся ли онѣ теперь только взятыми съ величественнаго образа, который наполняетъ нынѣ ваши мысли, ваши сердца, ваши чувства, сѣтующiе предъ Богомъ Сыны Россiи?—Прiидите; утвердимъ единодушно на предстоящемъ гробѣ, столь давно готовое, и никогда не обрѣтавшее столь приличнаго мѣста, надгробiе:

*Благопоспѣшно бысть спасенiе рукою его: и огорчи цари многи, и возвесели* Россiю *въ дѣлѣхъ своихъ, и даже до вѣка память его во благословенiе.*

И такъ — онъ былъ для насъ поспѣшникомъ *спасенiя:* и мы ли для него закоснѣемъ въ безплодномъ чувствованiи потерь? *Огорчая* враговъ, онъ былъ нашимъ *веселiемъ:* и мы ли, неутѣшною о немъ печалiю, нарушимъ его торжественный покой, и возвеселимъ враговъ нашихъ? Его память *даже до вѣка во благословенiе:* и гдѣ же время жалобъ и стенанiй? Не отступай отъ насъ, безсмертная память мудраго и сильнаго Богомъ Вождя; утѣшай насъ благословенiемъ и похвалами тебѣ сопутствующими; сокрой — если не можешь исцѣлить—или, по крайней мѣрѣ, укрась нашу скорбь, да не будетъ она оскорбленiемъ Безсмертному!

Но нѣтъ! и цвѣты сельные не сiяютъ подъ бурнымъ небомъ; и плоды не созрѣваютъ среди дождей: и—среди бури смертной, подъ слезнымъ дождемъ, не созрѣваютъ, ниже процвѣтаютъ похвалы безсмертныхъ. Чѣмъ обильнѣе было сѣянiе; тѣмъ долѣе не соберется жатва: и слабая рука не свяжетъ рукояти оливъ и лавровъ.

Обратимся къ матернимъ внушенiямъ Церкви, да наставитъ насъ, и облегчитъ бремя, и совершитъ долгъ настоящаго торжественнаго сѣтованiя. Она допускаетъ благословенiе и похвалу, сопровождающiя память блаженно усопшихъ, восходить на сiе священное мѣсто, для того токмо, чтобы онѣ поучали оставшихся: позволяетъ славѣ смертныхъ, достигшихъ безсмертiя, приближаться къ Олтарю для того, чтобы преклонить ее предъ славою Живущаго во вѣки вѣковъ; хощетъ непремѣнно, чтобы мы здѣсь, *возверзали на Господа печаль* (Псал. LIV. 23.) о умершихъ, возносили Ему въ жертву и наши въ нихъ утѣшенiя.

Не поколеблемся убо надъ оплакиваемымъ поспѣшникомъ видимаго нашего спасенiя превознести Единаго невидимаго Виновника всякаго спасенiя. *Господне есть спасенiе* (Псал. III. 9.). *Господь съ сильнымъ крѣпостiю* (Суд. VI. 12.), избирая его и наставляя, искушая и сохраняя, возвышая и вѣнчая, даруя и вземля отъ мiра. Вотъ истина, которую нынѣ, къ наставленiю нашему — мы можемъ созерцать въ ея собственномъ свѣтѣ и въ зерцалѣ временъ протекшихъ, къ утѣшенiю—въ лицѣ и дѣянiяхъ Михаила, безсмертнаго Архистратига Россiйскаго, Свѣтлѣйшаго Князя Смоленскаго.

Мы не желаемъ затьмить твоея славы, Свѣтлѣйшiй мужъ, мы желаемъ три краты озарить ее вышнею славою: ибо какая участь на землѣ и на небесахъ можетъ быть величественнѣе, какъ быть избраннымъ, уготованнымъ, благопрiятнымъ и преукрашеннымъ орудiемъ руки Вседѣтельной? Ты не будешь пререкать нашей бесѣдѣ; или паче, ты самъ начнешь ее: ибо еще отзывается въ сердцахъ нашихъ оный гласъ твой, когда на пути побѣдъ и славы, обратясь къ Престолу и отечеству, дабы повѣдать о чудесахъ брани, ты повергъ славу

земнаго вождя предъ Вождемъ небеснымъ и воскликнулъ: *Великъ Богъ* (а)!

Воистину *великъ Богъ*! И единъ Онъ великъ и въ великихъ и въ малыхъ земли. Если стихійное даже мудрованіе повелѣваетъ искать величія тамъ, гдѣ соединяются мудрость, благость и могущество: то гдѣ найдутъ человѣки внутреннѣйшее средоточіе сего единенія, и первоначальный источникъ сихъ совершенствъ, кромѣ единаго Тріvпостаснаго, Который отъ Своего исполненія даруетъ мудрость ихъ помышленіямъ, благость хотѣніямъ, и мощь дѣйствованію? — Вѣра научаетъ не столько изслѣдовать, сколько чувствовать и со смиреніемъ взывать къ Отцу небесному, *яко Его есть царство и сила и слава*: и—между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ насъ, Христіане, каждый день исповѣдують съ Церковію сіе вседержавное *царство* съ такимъ чужденіемъ, какъ удаленные отъ престольнаго града обитатели весей бесѣдують о дѣлахъ державныхъ — тѣ, которыхъ искреннее желаніе служить Богу, приближаетъ къ Его невидимому престолу, видатъ, ощущаютъ во глубинѣ души своей, и не только покорствуя власти сущей отъ Бога, но и будучи сами Властителями языковъ, подобно царю Израилеву, предъ цѣлымъ свѣтомъ глаголютъ отъ избытка сердца, *яко Господне есть царствіе, и Той обладаетъ языки* (Псал. XXI. 29.).

Царство Господа—*царство всѣхъ вѣковъ, и владычество Его во всякомъ родѣ и родѣ* (Псал. CXLIV. 11.). Преходящія владычества человѣческія совокупно и повременно являются на позорищѣ свѣта для того, чтобы служить сему невидимому царству; и сильные земли чредою изводятся стрещи стражбы его. Связавъ природу необходимостію, и *оставивъ человѣка въ руцѣ произволенія его* (Сир. XV. 14.), великій Художникъ міра простираетъ свой перстъ въ разнообразное сплетеніе событій естественныхъ и свободныхъ дѣяній, и таинственнымъ движеніемъ, то нѣкихъ сокровенныхъ нитей, то видимыхъ орудій, образуетъ и сопрягаетъ все въ единую многохудожную ткань всемірныхъ происшествій, которую время развертываетъ къ удивленію самой вѣчности. Различныя состоянія земныхъ гражданствъ непрестанно направляются Провидѣніемъ къ тому, чтобы онѣ уготовляли въ себѣ гражданъ небесамъ: для сего дѣйствуетъ оно и чрезъ общество на человѣка, и взаимно чрезъ человѣка на общество; для сего *языки, шатающіеся и возстающіе на Господа, пасутся жезломъ желѣзнымъ, и яко сосуды скудельничи сокрушаются* (Псал. II. 1. 2. 9.), обращающіеся *возсозидаются и насаждаются* (Іер. XVIII. 9.), искушаемые *проводятся сквозѣ огнь и воду*, твердые въ испытаніи *вводятся въ покой* (Псал. LXV. 12.); для сего *возносятся избранные отъ людей Господнихъ* (Псал. LXXXIII. 20.), крѣпкіе, предопредѣленные сотворить волю Промысла, *поддерживаются за десницу* десницею Всесильною, которая *уравниваетъ предъ ними горы, и врата мѣдная сокрушаетъ* (Иса. XLV. 1. 2.): и между тѣмъ, — *да смирится высота человѣча, и вознесется Господь единъ* (Иса. II. 17.), — жребій многочисленнѣйшихъ народовъ долго иногда скрывается въ неизвѣстной рукѣ единаго смертнаго; а судьба каждаго сильнаго земли слагается изъ неисчисленныхъ случайностей, которыхъ никакая человѣческая мудрость — обьять, никакая земная сила—покорить себѣ не можетъ.

Если сіе всеобъемлющее владычество Божіе подвергаетъ насъ нѣкоторой судьбѣ: то судьбѣ премудрой. Если оно, по видимому, налагаетъ узы: то развѣ на своеволіе и буйство. Если уничижаетъ: то единственно тѣхъ, которые думаютъ быть сами творцами своего величія, мечтаютъ *взыти выше облакъ и быти подобны Вышнему* (Иса. XIV. 14.). Если же оно и возноситъ жребій нечестиваго: то не иначе, развѣ какъ возносится жезлъ, который вскорѣ поразитъ нѣкоего виновнаго, сокрушится, и отвержется. Напротивъ тѣ, которые сами ничего не ищутъ, кромѣ славы Божества и блага человѣчества, обрѣтаютъ въ покореніи себя Промыслу свою надежду и безопасность, въ Его власти

(а) *Сими словами начинается донесеніе отъ 28 Октября, 1812 года, изъ г. Ельны.*

основаніе своего могущества, въ Его славѣ источникъ своего величія. И какихъ чудесъ премудрости и благости не творитъ Онъ для совершенія въ нихъ начинаніяхъ Своихъ собственныхъ намѣреній! Онъ призираетъ на нихъ еще прежде, нежели они взираютъ на свѣтъ, и отъ начала до конца ихъ теченія блюдетъ ихъ, яко зѣницу ока, украшаетъ дарами природы; наставляетъ примѣрами; умудряетъ опытами; очищаетъ искушеніями; благоденствіемъ укрѣпляетъ; провождаетъ въ путяхъ свѣта, предводитъ стезями мрака; тѣснотою *изводитъ на широту* (2 Цар. XXII. 20.); ограждаетъ въ опасностяхъ; одушевляетъ въ подвигахъ; содѣлываетъ спасеніемъ и радостію народовъ въ жизни, вѣнчаетъ въ смерти; наконецъ въ самый гробъ сопровождаетъ славою и благословеніями.

Человѣческому оку не позволено, Слушатели, проникать въ оную художественную храмину Провидѣнія, гдѣ оно творитъ и уготовляетъ творцевъ народнаго благоденствія: но когда они являются на предопредѣленномъ для нихъ поприщѣ, и совершаютъ свое служеніе, тогда слава нерукотвореннаго Божія орудія просіяваетъ купно съ премудростію Художника. Воззрите на совершившееся уже спасеніе какого либо народа: вы увидите всегда въ его избавителѣ спасеніе Божіе.

Народъ Божій не имѣетъ отечества; въ землѣ чуждой, подъ тяжкимъ игомъ, истомленный работою, вмѣсто награды, осуждается на истребленіе. Въ сіе время Господь призираетъ на младенца, поверженнаго на смерть; посылаетъ его во дворъ того самаго царя, воспитываетъ во всей премудрости того самаго народа, съ которыми онъ нѣкогда долженъ препираться; исполняетъ его сердце любовію къ единоплеменнымъ, раздражаетъ духъ его несправедливостями утѣснителей, искушаетъ бѣдствіемъ и почти рабскимъ, послѣ пребыванія въ царскомъ домѣ, состояніемъ; вооружаетъ Своею силою; укрѣпляетъ Своимъ присутствіемъ: — и вы видите Моисея, безъ оружія побѣдоноснаго Вождя Евреевъ, *бога Фараонова* (Исх. VII. 1.).

Народъ Божій въ отечествѣ угнѣтается иноплеменниками. Но Господь, наказуя, не хощетъ отринуть людей Своихъ: Самъ *возставляетъ имъ судей, и спасаетъ ихъ отъ руки враговъ ихъ* (Суд. II. 18.). Такъ Ангелъ является Гедеону, возвѣщаетъ ему, яко *Господь съ нимъ:* и на утріе сей мирный поселянинъ собираетъ многочисленное воинство; но, да будетъ спасеніе рукою Божіею, съ тремя стами безоружныхъ, побѣждаетъ безчисленныя полчища враговъ; и даруетъ свободу Израилю.

Народъ Божій предается во власть и плѣненіе языковъ. Тотъ, который послалъ сію язву, еще прежде уготовалъ и врача. Еще Іерусалимъ не предчувствуетъ своего паденія: *но сотворивый грядущая* (Иса. XLV. 11.) уже глаголетъ Іерусалиму: *возградися; нарицаяй не сущая, яко сущая* (Рим. IV. 17.), нарицаетъ не родившагося еще Кира *Своимъ пастыремъ и помазанникомъ*, обѣщаетъ *повинуть предъ нимъ языки и крѣпость царей разрушить, да созиждетъ градъ* Господень *и плѣненіе людей* Господнихъ *возвратитъ* (Иса. XLIV. 28. XLV. 1. 13). И се, Киръ — покоритель и обладатель Востока, дабы содѣлаться освободителемъ Израиля, возстановителемъ Іерусалима.

Народъ Божій безъ Правительства, безъ Закона, окрестъ Іерусалима — безъ Отечества; окрестъ храма — безъ Богослуженія. Кто бы въ сей день гнѣва могъ и помыслить о возставленіи низверженнаго Израиля, если бы Отвратившійся отъ него гнѣвомъ, еще разъ не обратился къ нему милосердіемъ? Богъ восхотѣлъ: — и подвигнутый священною ревностію, одушевленный примѣромъ и наставленіемъ Отца, возстаетъ Маккавей; съ горстію истинныхъ сыновъ Израилевыхъ разсѣеваетъ многочисленныя ополченія гонителей вѣры; очищаетъ святый градъ; обновляетъ благолѣпіе храма; пріобрѣтаетъ народу Іудейскому могущественныхъ союзниковъ, и — да обратимся паки къ его дѣеписанію — содѣлывается безсмертнымъ поспѣшникомъ спасенія Божія: *благопоспѣшно бысть спасеніе рукою его; и огорчи цари многи, и возвесели Іакова въ дѣлѣхъ своихъ, и даже до вѣка память его во благословеніе.*

Но почто, желая *видѣть дѣла Божія*

Промысла, *яже положи чудеса на земли*, мы принуждены всегда устремлять взоры наши въ даль прошедшаго? Какъ будто величіе Божіе *преходитъ* такъ же, какъ *образъ міра сего*, и *царство всѣхъ вѣковъ* остается наконецъ только въ развалинахъ древности! Какъ будто Богъ, нарекшій себя нѣкогда для мертвыхъ *Богомъ живыхъ* (Мар. XII. 27.), преображается для живыхъ въ Бога мертвыхъ, и мы уже не можемъ *видѣти благая Господня на земли живыхъ!* О міръ, враждующій на Бога и тогда, когда его исповѣдуешь! Ты соглашаешься искать Его въ отдаленіи временъ, и не хочешь *осязать Его*, *недалече отъ единаго коегождо насъ суща* (Дѣян. XVII. 27.). Уступаешь Ему чуждую для тебя область прошедшаго, и желаешь въ настоящемъ воцарить случай, или обоготворить разумъ и самыя страсти человѣческія. Если ты не можешь слышать, какъ непрестанно *день дни отрыгаетъ глаголъ* присносущной славы Божіей: приникни хотя единожды, какъ сей безмолвный гробъ вѣщаетъ о ней сему олтарю, и настоящій день отвѣщаваетъ прошедшимъ, яко единъ есть — *сый, и иже бѣ*, и *грядый—Вседержитель* (Апок. I. 8.).

Не минута нечаянности сближаетъ предъ нами, Слушатели, память безсмертнаго Михаила съ памятію безсмертнаго Маккавея. Церковь предварила сей союзъ ихъ своимъ желаніемъ и предчувствіемъ: Промыслъ оправдалъ ея желаніе событіемъ. Вы помните оный благознаменитый день вѣры и любви къ Отечеству, когда подвигнутая опасностію его Церковь взывала къ вамъ, именитые Россіяне, предъ симъ самымъ олтаремъ, *да воздвигнетъ изъ васъ Господь новыхъ Маккавеевъ* (a): и кто, кромѣ Провидѣнія, или управилъ желаніе Церкви къ предопредѣленному событію, или устроилъ событіе по ея мольбѣ? Кто, на гласъ сего желанія и мольбы, воздвигнулъ мужа, котораго дѣянія и судьба не могутъ точнѣе быть изображены, какъ дѣеписаніемъ Маккавея?— Кто повелѣлъ, чтобы даже имя сего мужа соотвѣщало имени Маккавея, и оба имена сіи, подобно какъ оба сіи мужи, возглашали единое славословіе: *кто, яко Богъ?* —(a) Но возвратимся по пути жизни Смоленскаго, до его исходищъ, и осяжемъ напечатлѣнные на немъ слѣды Провидѣнія.

Въ дарахъ естественныхъ человѣку низпосылается первое напутствіе для жизни его, и открываются начальныя черты его предопредѣленія. Если бы мы умѣли вѣрнѣе слагать и разрѣшать сіи трудныя черты, и читать въ началахъ послѣдствія: то давно бы можно было узнать въ Михаилѣ человѣка запечатлѣннаго природою, или паче Творцемъ ея, къ великому назначенію. Сей умъ, въ которомъ и высокія знанія и пріятныя искусства, не стѣсняя другъ друга, находили свое мѣсто, — умъ способный, въ одно время, составлять чертежъ брани, соображать къ единой цѣли разнообразныя отношенія союзныхъ и враждебныхъ Державъ, и легкою ногою измѣрять зыблющіяся стези Дворовъ, —долженъ былъ казаться сотвореннымъ не для одного, но для всѣхъ путей общественнаго служенія и славы. Сія твердость, непоколебимая ни страхомъ, ни скорбію, и благодушная покорность своей участи, были предуготовлены для такихъ подвиговъ, среди которыхъ поколебались бы тысящи тысящъ, если бы единая глава не сдержала общаго бремени. Сія глубокая проницательность и неутомимая осторожность, такъ сказать, указывали на змія коварства, съ которымъ наипаче предопредѣлено было браться нашему Михаилу. —Но Промыслъ, который самъ благовременно устрояетъ и уготовляетъ свои орудія, не являетъ ихъ прежде времени человѣкамъ, которые вмѣсто содѣйствія, иногда положили бы препоны его въ нихъ намѣреніямъ.

Предназначаемый Провидѣніемъ чрезъ

---

(a) *См. воззваніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ Россійскому народу, въ началѣ войны 1812 года, въ Казанскомъ Соборѣ, при собраніи Членовъ Синода, произнесенное Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, Митрополитомъ Новогородскимъ и Санктпетербургскимъ.*

(a) *Имя Маккавей съ Еврейскаго толкуется: кто, яко Ты, Боже? Михаилъ съ Еврейскаго же значитъ; Кто? яко Богъ?*

даруемыя человѣку способности путь жизни обыкновенно пролагается воспитаніемъ. Воспитаніе Михаила, будучи подобно воспитанію многихъ другихъ, можетъ быть, не предвѣщало всей судьбы его: но совершившаяся судьба его заставляетъ съ уваженіемъ воспоминать о его воспитаніи. Оно заключалось, Слушатели, въ предѣлахъ отеческаго рода и Отечественнаго святилища воинскихъ званій. Такъ новою благостію Провидѣнія избранный сынъ Отечества предохраненъ отъ суевѣрнаго унижения предъ идоломъ иноземнаго просвѣщенія и образованности; Отечеству предоставлена сугубая слава имѣть Смоленскаго, и никому за него не быть обязаннымъ: а родителямъ и воспитателямъ остался отъ сего воспитанія тотъ важный для нашихъ дней урокъ, что не иноплеменное наставленіе производитъ достойныхъ сыновъ Отечества.

Рано изшелъ Михаилъ изъ рукъ обыкновенныхъ наставниковъ (а), какъ бы для того, чтобы сохранить цвѣтущій возрастъ и неутомленныя способности для труднѣйшаго и необыкновеннаго къ необыкновенному назначенію образованія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ изведенъ на такое поприще, гдѣ,—между тѣмъ какъ воспитаніе юности его приносило вождельнные плоды, и его любовь къ Отечеству ознаменовывалась постепенно рвеніемъ и подвигами,—его дарованіямъ отверзто было высшее и единственное училище великихъ мужей, училище живыхъ примѣровъ, опытовъ и опасностей. Задунайскій, Таврическій, Рымникскій были, то руководителями его дѣятельности, то свидѣтелями его доблестей, то свѣтильниками его умозрѣній. Онъ шелъ предъ лицемъ или о страну сихъ вождей, въ знаменитыхъ битвахъ, иногда вознося побѣду на грозныя укрѣпленія городовъ и ополченій, иногда устремляясь къ ней чрезъ преграды, поставленныя природою, иногда удерживая оную мужествомъ, иногда уловляя рѣшимостію; и, — если для проя нужно свидѣтельство ироя, такъ же какъ и для мудраго важенъ судъ мудрыхъ,—имѣлъ то преимущество, что вождь, который паче прочихъ любилъ и насаждать и собирать свои лавры собственными руками, парекъ его своею *десницею* (а).

Но, — дабы удержать слово наше въ предѣлахъ, ему предначертанныхъ, — не снидемъ, Слушатели, во всѣ слѣды нашего ироя на томъ бранномъ поприщѣ, гдѣ онъ, хотя изъ зрителя незабвенныхъ примѣровъ содѣлался уже примѣромъ для многихъ, но не отдѣлился еще отъ сонма вождей, какъ безпримѣрный; и гдѣ мы увидѣли бы его болѣе въ блескѣ славы человѣческой, нежели подъ осѣненіемъ славы Божіей, явившейся надъ нимъ наипаче въ послѣдніе дни его. Не будемъ разсматривать тѣхъ побѣдныхъ вѣнцовъ, которые безъ сомнѣнія были бы достаточны украсить иную главу, но на челѣ Михаила становятся едва примѣтными подъ великимъ вѣнцемъ послѣднимъ. Напротивъ остановимся и возблагоговѣемъ предъ оными священными отличіями, которыя нѣкогда возложило на него Провидѣніе, указуя своего избраннаго. Я говорю о его чудесныхъ ранахъ, которыя безъ сравненія болѣе должны были возбудить къ нему вниманіе глубокомыслящихъ, нежели какъ наружные знаки достоинства и чести привлекаютъ взоры легкомыслія. Сей ревностный поборникъ браней Отечества, подвизаясь за его безопасность, не хочетъ примѣчать опасностей собственныхъ; и смерть двукратно проходитъ сквозь его главу (б), какъ будто бы оружіе Агарянъ особенно искало сихъ очей, въ которыхъ просіявала прозорливость, и сея главы, въ которой созрѣвала мудрость, толико для нихъ послѣ страшныя. Какія прерѣкаемыя знаменія! Тѣ, которые ви-

(а) *Онъ воспитывался въ Артиллерійскомъ Корпусѣ до 15 лѣтъ возраста. Въ 17 лѣтъ правилъ уже ротою въ полку Суворова.*

(а) *По взятіи Измаила Суворовъ сказалъ, что М. И. шелъ у него на лѣвомъ крылѣ, но былъ его правою рукою.*

(б) *Первую рану получилъ онъ въ первую Турецкую войну, при взятіи Перекопскихъ укрѣпленій: пуля вошла въ лѣвый високъ, и вышла у праваго глаза. Вторую рану получилъ въ 1788 году подъ Очаковымъ: пуля вошла въ щоку, и прошла насквозь въ затылокъ.*

дѣли язвы сіи, еще открытыя, думали, что въ послѣдній разъ видятъ сего язвеннаго; тѣ, которые слышали, что онъ еще живетъ, не вѣрили язвамъ его, доколѣ не осяжутъ: но когда Богъ двукратно возвратилъ ему и жизнь и невредимую цѣлость духа и тѣла: когда самою болѣзнію первой язвы поставилъ его на новую стезю совершенствованія, чтобы онъ, ища здравія, обрѣлъ новый источникъ полезныхъ знаній въ путешествіи, въ обозрѣніи благоустроеннѣйшихъ Государствъ свѣта, въ собесѣдованіи съ прославленными во языкахъ мудрецами брани (в): тогда вѣрующіе Провидѣнію долженствовали *соблюдать глаголы сіи, слагая въ сердцахъ своихъ,* колико драгоцѣнна глава сія Небу, и какого высокаго служенія оно ждетъ отъ нея, обдержа и соблюдая ее столь высокою мышцею!

Впрочемъ послѣ столь знаменательныхъ приключеній судьба Михаила долго хранилась подъ множествомъ печатей, которыя, отъ времени до времени раскрываясь, представляли ее въ различныхъ видахъ: всегда предуготовляли, но и всегда утаевали тайну его послѣдняго назначенія. Уже мечь его или покоится, или только блистаетъ, не имѣя кого поражать (б). Не разъ шествуетъ онъ съ оливою къ союзникамъ своихъ Государей или для утвержденія и украшенія новаго мира, или для обновленія древней дружбы (в). Не разъ является посреди отечественныхъ областей неутомимымъ блюстителемъ ихъ внутренняго благоустройства и спокойствія (а). И наконецъ, принесши тремъ Самодержцамъ и Отечеству въ дань благоговѣнія и долга лучшія лѣта жизни, онъ уже начинаетъ, по видимому, преклоняться отъ трудовъ общественныхъ къ покою семейственному (б). Слѣдующее токмо время могло показать, что будучи преносимъ изъ области въ область Отечества, изъ страны въ страну Европы, онъ руководимъ былъ невидимо къ совершеннѣйшему познанію Отечества и Европы, между которыми долженъ былъ стать единственнымъ предѣломъ, и, взвѣсивъ, подвигнуть ихъ сопротивныя взаимно силы; и что высокій путь подвижника Отечества скрывался наконецъ въ смиренныхъ сѣняхъ веси для того, чтобы торжественнѣе открылось позорище для ратоборца Европы.

Вдругъ скипетръ Александра указуетъ ему обширнѣйшее поле дѣйствованія, и воздвигаетъ его въ помощь великой нѣкогда, союзной державѣ противъ возрастающаго исполина, который на развалинахъ престола, превращенныхъ въ лобное мѣсто, созидая новый престолъ, желалъ утвердить и украсить его разрушеніемъ древнихъ, и прелiять священные вѣнцы наслѣдія въ тяжелый вѣнецъ насильственнаго преобладанія. Вѣрный подданный, яко праволучная стрѣла, летитъ на намѣреніе прозорливаго и благосердаго Монарха: и, когда спасительная скорость помощи предупреждена пагубною опрометчивостію требовавшихъ помощи, когда Вождь, пришедшій вспомоществовать сильнѣйшимъ войскамъ, сверхъ всѣхъ опасеній, видитъ ихъ въ плѣну, а себя безпомощна, съ частію только своихъ сподвижниковъ, далече отъ предѣловъ отечества, предъ многочисленнымъ и надменнымъ успѣхами непріятелемъ; тогда-то начинаютъ усматривать Отечество и Европа, что Михаилъ уготованъ во главу браней. Не смущенный столь страшною нечаянностію онъ ведетъ малую свою дружину невредиму

(в) *Для совершеннаго возстановленія здравія, онъ путешествовалъ на иждивеніи блаженныя памяти Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, по Германіи, Франціи, Англіи был у Фридриха, Лаудона, и пр.*

(б) *Съ 1793 до 1805 года М. И. хотя имѣлъ отъ времени до времени подъ своимъ начальствомъ войска, но не былъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.*

(в) *Былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополѣ; былъ съ препорученіями при Дворѣ Берлинскомъ; двукратно имѣлъ порученіе встрѣтить за границею и сопровождать Шведскаго Короля.*

(а) *Въ разныя времена онъ былъ Военнымъ Губернаторомъ, Литовскимъ Санктпетербургскимъ, Кіевскимъ, и паки Виленскимъ.*

(б) *Предъ назначеніемъ своимъ въ Армію, посылаемую на помощь Г. И., онъ жилъ нѣкоторое время въ своей деревнѣ.*

предъ лицемъ побѣдоноснаго врага, отражаетъ его, поражаетъ (а), восхищаетъ его користи, плѣнитъ плѣнъ, и содѣлываетъ изъ тяжкаго преслѣдователя только бременоносца своей добычи. Еще по судьбамъ Вышняго не время было сокрушить выю гордаго: но Михаилу дано было узрѣть своего будущаго противборца, испытать его, и бросить въ его сердце первыя сѣмена боязни.

Наконецъ приближалась сія мрачная година Отечества, для которой Михаилъ соблюдаемъ былъ, яко свѣтильникъ для нощи. Еще мы думали ходить въ тихомъ свѣтѣ мира, но всепроницающее око Провидѣнія, сокрытое въ небесахъ, уже видѣло тучи, стремящіяся покрыть Россію отъ всѣхъ странъ Европы; и Держащій въ рукѣ сердца Самодержцевъ паки положилъ очи Александра на испытаннаго подвижника и свою *помощь на сильнаго*. Михаилу вручена брань на Югѣ, которая, не бывъ страшна въ первыхъ своихъ дѣйствіяхъ, могла содѣлаться опасною въ своемъ продолженіи, когда бы чреватый вѣроломствомъ Западъ, прежде ея окончанія, разродился своими чудовищами. Древній побѣдитель и другъ Агарянъ, еще разъ содѣлался и побѣдителемъ ихъ и другомъ. Поколебавъ ихъ троекратно сильнѣйшія полчища, онъ притворяется бѣгущимъ (б), и, обратясь, такъ сказать, поглощаетъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ станомъ и всеоруженіемъ: потомъ изумленнаго мужествомъ его врага, сугубо плѣняетъ мудростію, и въ то самое время, когда тлетворное дыханіе Запада отвсюду воздуваетъ на насъ бурю, онъ возстановляетъ тишину на Югѣ, ограждаетъ, разширяетъ наши предѣлы. Кто уже не видитъ здѣсь *Господа съ сильнымъ крѣпостію?* Кто не видитъ на Югѣ *возжигаемое сѣтило спасенія* (Иса. LXII. 1.) нашего, долженствующее расточить мракъ, объемлющій насъ отъ Запада?

Когда мракъ сей отяготѣлъ надъ нѣкоторыми странами Отечества: гласъ Божій, призывающій Михаила къ служенію спасенія, вновь услышался въ гласѣ народа. Чувствуя, отколѣ происходилъ сей гласъ, и покорствуя священной волѣ Отечества, сей многолѣтный начало-вождь, завоеватель, миротворецъ, забываетъ и старость свою и прежнія заслуги, пріобрѣтшія ему право на спокойствіе и уваженіе, и пріемлетъ сѣкиру, вмѣстѣ съ дружинами ополчающихся за Отечество земледѣльцевъ.

Вскорѣ страшная година искушенія преполовляется. Настаетъ время, предуставленное Провидѣніемъ и возпріятое Монархомъ, дабы устремленію сліянныхъ силъ едва не цѣлой Европы на единую Россію, изощренному коварною внезапностію, которое не могло быть притуплено иначе, какъ постепенымъ уступленіемъ, противопоставить наконецъ твердый опытъ, обновить надеждою духъ утомленнаго неизвѣстностію воинства, обратить уклоняющееся лице брани на врага: и — открывается великое поприще Смоленскаго. Но дерзнетъ ли далѣе сіе слабое слово тещи путь за симъ исполиномъ? Какъ изобразить оно ту зарю надеждъ, которая быстро разлилась отъ края до края Отечества вмѣстѣ съ молвою, что Михаилъ нареченъ Архистратигомъ всѣхъ силъ Россійскихъ? Какъ сотворитъ оно слышанъ тотъ неслыханный прежде громъ, который онъ бросилъ на врага, какъ скоро ступилъ на поле брани? Какъ изъяснитъ сію проницательность, которая могла предсказать, что *потеря Столицы не есть потеря Отечества*, послѣ того, какъ двѣ сильныя нѣкогда державы въ подобномъ несчастіи сего не постигали, но вмѣстѣ съ своими столицами упадали къ ногамъ утѣснителя? Какая сила языка представитъ ту силу духа, съ которою ветхій днями вождь, принужденный для спасенія Отечества принести въ жертву его древнюю столицу, пріемлетъ на единыя свои рамена всѣ несчастія и жалобы ея жителей, всю скорбь подвизавшихся за нее ратниковъ, все сострадание и опасенія Отечества, и наконецъ тяжкія опустошенной Москвы развалины? И кто изъ васъ, Слушатели, не упреждаетъ уже меня отселѣ мыслію и сердцемъ? Кто изъ васъ не слѣдовалъ за Смоленскимъ стократно чрезъ все поприще побѣдъ и славы его, то желаніями, то радостію, то благодарностію,

(а) *При Кремсѣ.*
(б) *Чрезъ Дунай.*

то удивленіемъ? Кто изъ васъ не *возвеселился въ дѣлѣхъ* сего новаго *Маккавея, огорчившаго* трехъ царей въ ихъ собственныхъ лицахъ, и многихъ въ ихъ вождяхъ, плѣнившаго тысящи, поразившаго тьмы, избавившаго грады, отмстившаго за нарушенную святыню храмовъ, извергшаго ужасы злодѣяній изъ Отечества, внесшаго ужасъ праведнаго мщенія въ страны враждебныя и даровавшаго порабощеннымъ надежду освобожденія? Кто не увѣрился, яко Господне *благопоспѣшно бысть спасеніе рукою* сего Вождя, который шествовалъ подъ предводительствомъ священнаго изображенія Богоблагодатной *Путеводительницы* (а), и вмѣстѣ съ нею величилъ Бога въ величіи своего смиренія?

Если что еще оставалось Провидѣнію совершить для сего носпѣшника даруемаго намъ спасенія послѣ толикихъ подвиговъ, въ которыхъ онъ сотворилъ всю волю его: то даровать ему такую кончину его теченія, въ которой *благословляющіе память его* на земли вновь узрѣли бы надъ нимъ благословеніе свыше. И какая кончина, Слушатели! Съ какою небесною точностію измѣрено и опредѣлено время ея отъ начала его послѣдняго служенія: четыре луны—поборникъ Отечества въ предѣлахъ его; четыре луны—каратель неистовыхъ утѣснителей въ ихъ владычествѣ, — и, какъ скоро исполнилъ мѣру своего мщенія до сего равновѣсія,—сынъ покоя вѣчнаго (б)! Какъ вѣнчаемый побѣдоносецъ, онъ вземлется среди непрерывныхъ побѣдительныхъ восклицаній предводимаго имъ воинства; какъ благословляемый защитникъ Церкви, онъ сопровождается въ своемъ исходѣ величественнѣйшимъ торжествомъ ея, и проходитъ мрачную дверь смерти среди свѣтлыхъ дней Воскресенія (а). Онъ скончавается тогда, когда не родъ его только, не Отечество едино, — цѣлая Европа чувствуетъ, что его лишается; и священный Помазанникъ Божій не скрываетъ слезъ своихъ о немъ отъ очей своего народа (б). Между тѣмъ самъ Богъ подвизаетъ сердца народовъ, чтобы торжественное возвращеніе въ Отечество, свойственное безсмертному побѣдителю, совершилось надъ смертными останками его: и сей гробъ прошелъ обширныя страны иноплеменныя и отечественныя съ такою славою, какая никогда съ толико свободною ревностію, съ толикимъ единодушіемъ не была приносима побѣдителямъ въ ихъ жизни. Такъ, если Смоленскій не жилъ никогда для себя, но всегда для Отечества и Провидѣнія: то Провидѣніе даровало ему кончину — для него самого.

Дивный въ судьбахъ Твоихъ Господи! Воистину, Ты Самъ былъ неотступно съ симъ избраннымъ Тобою *сильнымъ крѣпостію*, и *благопоспѣшилъ спасеніе* наше *рукою его*: и Ты *отъялъ, еже далъ* (Іов. I. 21.) еси, дабы не почивали на видимыхъ дарахъ Твоихъ наши легкомысленныя чаянія, но возносились къ Тебѣ, къ Нему же *вся чають*. Да будетъ воля Твоя, Отче небесный, и да внесется неоцѣненный даръ Твой въ сокровища славы Твоей. По милости же Твоей и истинѣ Твоей, соверши надъ нами простираемыя къ намъ доселѣ щедроты Твои, да не когда паки *рекутъ* о насъ *языцы: гдѣ есть Богъ ихъ?* Призри на правду нашего дѣла, на страданія толь многихъ народовъ, на возведенныя къ Тебѣ, *отнюду же приходитъ помощь* наша, очи Россіи, на слезы кроткаго Помазанника Твоего, и даждь, да егда днесь, яко же древле, вземлется на небо преоруженная силою Твоею *Колесница Израилева*, и едина обетшавшая *милоть* остается предъ

(а) *Сіе наименованіе Богоматери заключается въ Греческомъ: одигитріа, присвоенномъ Смоленской иконѣ Богоматери. Извѣстно, что сія икона находилась въ войскахъ до очищенія Смоленска отъ враговъ.*

(б) *16 Августа 1812 года М. И. принялъ команду надъ Арміями, отступившими внутрь Россіи; по занятіи Россійскими войсками Бѣлостокской области и Мемеля 15 Декабря, съ 16 числа война продолжалась на всѣхъ своихъ пунктахъ за границею; 16 Апрѣля 1813 года М. И. скончался.*

(а) *Скончался въ среду Свѣтлыя недѣли.*

(б) *См. Высочайшій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Рескриптъ къ Княгинѣ Смоленской.*

нами на земли, — даждь, да снидетъ *сугубый духъ* Иліи (4. Цар. II. 12. 15.), — огненный духъ ревности, мужества и крѣпости, на поборниковъ славы Твоея и поспѣшниковъ спасенія нашего.

Россіяне! вы всѣ единодушно желаете, чтобы духъ, данный Смоленскому, не преставалъ ходить въ полкахъ нашихъ, и почивать на вождяхъ нашихъ. Нѣтъ лучшей сего похвалы для отшедшаго; нѣтъ лучшаго наставленія для оставшихся сыновъ Отечества. Аминь.

# ОТДѢЛЕНІЕ X.

## БЕСѢДЫ

О РАЗНЫХЪ ИЗРЕЧЕНІЯХЪ СВ. ПИСАНІЯ И О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ УЧЕНІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

## СЛОВА И РѢЧИ.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

# БЕСѢДЫ

## О РАЗНЫХЪ ИЗРЕЧЕНІЯХЪ СВ. ПИСАНІЯ И О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ УЧЕНІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

### 1. БЕСѢДА

О Благодарности къ Богу.

*Молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ* 2 Кор. VI. 1.

Апостолъ Павелъ, указавъ Коринѳскимъ ученикамъ своимъ на величайшее изъ благодѣяній Божіихъ человѣческому роду— на избавленіе отъ области грѣха чрезъ нисхожденіе въ оную Единороднаго Сына Божія, дабы злотворную и смертоносную силу грѣха разрушить всепроницающею и всепобѣждающею животворною и благотворною силою Божіею: *невѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ*, то есть, жертву за грѣхъ, *сотвори* Богъ Отецъ, *да мы будемъ правда Божія* о *Немъ;*—указавъ, говорю, на сіе величайшее изъ благодѣяній Божіихъ, святый Апостолъ тотчасъ присовокупляетъ увѣщаніе, которому, по любви къ увѣщаваемымъ и по сильному желанію, чтобы оное было принято, даетъ видъ просьбы: *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ.*

Указанной Апостоломъ благодати Божіей не всѣ ли мы участники, братія-Христіане? Посему долгъ имѣемъ и мы повторить вамъ слово Апостольское: *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ.* Просимъ васъ, чтобы благодѣянія, которыя получили и получаете вы отъ Бога, получаемы были не напрасно. Окажите себя вѣрными Его благодати, достойными Его благодѣяній. Изъяснимся о семъ нѣсколько подробнѣе.

Человѣкъ живетъ непрерывными благодѣяніями Божіими: онъ весь составленъ изъ даровъ и благодѣяній Божіихъ; онъ погруженъ въ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ въ безднѣ.

Бытіе и жизнь человѣка, въ своемъ началѣ, есть свободное даяніе Творца,—даръ, котораго никто не могъ у Него вынудить, никто не имѣлъ права истребовать; слѣдственно и продолженіе бытія и жизни есть

непрерывное продолженіе того же даянія Божія. Безсмертіе человѣка есть безсмертное, безконечное благодѣяніе Божіе.

Разберемъ составъ нашъ. Душа, основаніе жизни, есть дыханіе Бога Творца. Тѣло, жилище и орудіе души—дѣло рукъ Божіихъ. Умъ, безъ котораго не существовали бы для тебя ни истина, ни мудрость,—сердце, безъ котораго не было бы для тебя ни блага, ни блаженства,—чувства, безъ которыхъ вселенная, тебя окружающая, была бы для тебя закрыта и недоступна,— все сіе не такъ же ли Божіе дѣло, Божіи дары тебѣ — ничтожеству? Точно, ты весь составленъ изъ даровъ и благодѣяній Божіихъ.

Осмотримся во вселенной. Кто положилъ подъ нами землю, которая насъ держитъ надъ бездною, даетъ намъ жилище, одежду, пищу? Кто пролилъ на землѣ воду, которая насъ поитъ и омываетъ? Кто засвѣтилъ въ небесахъ свѣтила, которыя даютъ намъ возможность видѣть вселенную съ ея чудесами, которыя изъ мертвой земли вызываютъ для насъ жизнь, красоту, благоуханіе, сладость, пищу, лекарство, и которыя нашу собственную земную жизнь питаютъ тонкою, но не менѣе земной существенною пищею? Чей это воздухъ, которымъ мы дышемъ? Кто учредилъ намъ день, который возбуждаетъ насъ къ дѣятельности, и ночь, которая благопріятствуетъ нашему покою? Кто далъ злаку благодѣтельный для насъ законъ, — сверхъ немногаго числа сѣмянъ, нужнаго для продолженія рода, производить преизбыточествующее множество, на хлѣбъ намъ? Кто заповѣдалъ древу, сверхъ нужнаго ему сѣменнаго зерна, приносить плодъ, намъ, а не ему надобный? Кто велѣлъ гордому коню смиряться подъ нашею тяжестію, и смиренной овцѣ, даже малому червю —прясть изъ своего тѣла нашу одежду? Кто, на случай скупости солнца, приготовилъ намъ сокровища свѣта и огня въ кремнѣ и стали, въ деревѣ и маслѣ? Не все ли сіе и прочее неисчислимое—Божіе устроеніе, Божія собственность, и, когда предоставлено въ пользу нашу, Божіе намъ благодѣяніе? Точно, мы погружены въ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ въ безднѣ.

Можетъ быть, невнимательный къ благодѣяніямъ Божіимъ скажетъ: я пользуюсь тѣмъ, что въ моей и въ окружающей меня природѣ, посредствомъ собственныхъ моихъ усилій, либо при содѣйствіи другихъ людей, обработалъ, изыскалъ, произвелъ, пріобрѣлъ. Таковому отвѣтствуемъ съ Апостоломъ: *ни насаждаяй есть что, ни напояяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. III. 7.). Сіе обличеніе ничтожности человѣческихъ дѣйствій, въ сравненіи съ благотворнымъ содѣйствіемъ Божіимъ, столько же справедливо буквально, въ отношеніи къ обработыванію видимой природы, сколько иносказательно—въ отношеніи къ оброзованію духовнаго естества въ человѣкѣ. Ты провелъ грубую борозду, или вырылъ яму, бросилъ зерно или посадилъ корень и, можетъ быть, еще брызнулъ водою, если это въ небольшомъ саду. Какія ограниченныя, мертвыя, ничтожныя дѣла! Но что дѣлаетъ между тѣмъ небесный Земледѣлецъ? Въ зернѣ или корнѣ Онъ уже приготовилъ непримѣтно, и тѣмъ болѣе удивительно, все будущее растеніе и весь плодъ, котораго ты алчешь; въ землѣ, въ которую ты бросаешь сѣмя, какъ въ могилу, Онъ также приготовилъ для него матернюю утробу; далѣе, Онъ повелѣваетъ солнцу своему, сквозь темныя и холодныя глыбы, пробиваться свѣтомъ и теплотою, и извлекать изъ погребеннаго сѣмени ростокъ, изъ ростка стебель, изъ стебля цвѣтъ и плодъ; для споспѣшествованія сему Онъ опять посылаетъ поочередно теплоту и холодъ, влажность и сухость, дожди и росы, вѣтры и тишину; и конечно не насаждающій и напояющій человѣкъ, но возращающій Богъ, изъ однѣхъ и тѣхъ же—земли, воды, воздуха, свѣта, производитъ въ пшеничномъ колосѣ хлѣбъ, а въ виноградной ягодѣ— вино. Мы примѣчаемъ наши ничтожныя дѣла по тому самому, что они ограниченны и малы, потому что начинаемъ ихъ и оканчиваемъ, усиливаемся для нихъ и устаемъ отъ нихъ; и напротивъ не примѣчаемъ иногда благодѣяній Божіихъ по тому самому, что они велики, потому что готовы безъ усилій, повсемственны, всегдашни. Надобно иногда временное и мѣстное отъятіе благотворной руки Божіей, чтобы люди спра-

ведливѣе оцѣняли благодѣяніе Божіе, которымъ долго безъ вниманія пользовались. Голодъ изъясняетъ Божіе благодѣяніе хлѣба, тлетворное повѣтріе—благодѣяніе воздуха, засуха—благодѣяніе дождя, безведріе—благодѣяніе солнца, которое не дорого потому, что всеблагій Богъ каждый день сіяетъ имъ на злыя и благія.

При разсмотрѣніи человѣческихъ обществъ, мысль о благодѣющей рукѣ Божіей застѣняется не рѣдко мыслію о свободной волѣ человѣческой. Но Богъ, благодѣтельный Творецъ міра и человѣка, можетъ ли не быть также благодѣтельнымъ Творцемъ общества человѣческаго? Ибо независимое отъ Него и неуправляемое Имъ общество человѣческое препятствовало бы Ему исполнять благодѣтельныя намѣренія о мірѣ и человѣкѣ, ограничивало бы Бога, что противорѣчитъ коренному понятію о Божествѣ.

Никто, признающій Бога Творца и Промыслителя, не станетъ спорить, что общество пчелъ или муравьевъ есть устроеніе Божіе въ природѣ, потому что никакіе избранные члены улья не составляли для него постановленія общественнаго, и никакой философъ муравейника не вымышлялъ басни общественнаго договора. Чтожъ? Общество человѣковъ менѣе ли достойно быть устроеніемъ премудраго Бога и всегдашнимъ предметомъ Его благодѣтельнаго управленія? Существуетъ надъ человѣками человѣческое правленіе, — и сіе нимало не противорѣчитъ тому, что каждый изъ нихъ имѣетъ, по естеству, свободную волю; равнымъ образомъ существованіе сей свободы нимало не противорѣчитъ существованію верховнаго правленія Божія и надъ родомъ человѣческимъ, и надъ семействомъ, и надъ государствомъ. Сіе правленіе Божіе не бездѣйственно отъ того, что невидимо, и средствами достигать своихъ цѣлей оно, безъ сомнѣнія, богатѣе всякаго правленія человѣческаго. Какъ же скоро вѣримъ, что мы и въ общественномъ, также какъ въ естественномъ состояніи находимся подъ всеблагимъ и премудрымъ управленіемъ Божіимъ: то все доброе и благотворное въ общежитіи, — добрые родители, благоразумные воспитатели, просвѣщенные наставники, правдивые судіи, попечительные начальники, а наипаче мудрый и благодѣтельный Государь и его благословенные успѣхи въ благихъ для государства намѣреніяхъ, побѣда надъ врагомъ, уничтоженіе крамолъ, достиженіе, сохраненіе, утвержденіе мира, возвышеніе или огражденіе общественнаго внутренняго благоустройства,—все сіе умножаетъ никогда неисчисляемый счетъ даровъ и благодѣяній Царя царствующихъ, Господа господствующихъ, Отца, *изъ Негоже всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется. Милости Твоя, Господи, во вѣкъ воспою* (Еф. III. 15. Псал. LXXXVIII. 2.), взываетъ Псалмопѣвецъ, и воспѣваетъ *завѣтъ* Божій Давиду, какъ Царю и родоначальнику, благотворный для царства и народа, и молитъ о возобновленіи сихъ *древнихъ милостей* Господнихъ. Если кто думаетъ при семъ, что это было у Іудеевъ; то я говорю съ Апостоломъ: *или Іудеевъ Богъ токмо, а не и языковъ? ей, и языковъ* (Рим. III. 29.). Не ужели Богъ есть Богъ царственно благодѣтельный только для Іудеевъ? право, и для Христіанъ; право и для Россіянъ.

Сколь впрочемъ ни многи и велики благодѣянія Божіи человѣку въ жизни естественной и гражданственной, но преимущественно велики, важны, неисчислимы, неописанны благодѣянія Божіи, относящіяся къ жизни человѣка духовной и вѣчной. Первые два рода благодѣяній можно почесть только предуготовительными и споспѣшествовательными для послѣдняго. Тамъ даруется ничтожеству бытіе и бытію благоустройство; здѣсь подается грѣшнику непорочность, осужденному — прощеніе, духовно-умершему—жизнь, погибшему — спасеніе и блаженство. Тамъ сотворенное уготовляется и употребляется въ пользу сотвореннаго; здѣсь Творецъ Самъ приходитъ на помощь твари, служитъ ей, предаетъ ей Самого Себя; Сынъ Божій не пощадѣвается, но за насъ всѣхъ предается; плоть и кровь Богочеловѣка предлагается, какъ пища и питіе, какъ врачевство, какъ источникъ жизни; сердце Божіе отверзается; любы Божія изливается въ сердца наши; Духъ Святый подается;

обители многи на небесахъ земнороднымъ отверзаются, и въ сердцѣ человѣка обитель Божія сотворяется. Кто понимаетъ, что душа человѣческая можетъ истинно жить только Богомъ, подобно какъ тѣло живетъ душею, но что Богъ не можетъ жить въ душѣ нечистой; кто имѣетъ довольно самопознанія, чтобы примѣчать, какъ несчастно и какъ почти неизбѣжно обманъ змія и прельщеніе Евы повторяются въ насъ гордостію разума и похотію плоти; какъ всякое неправедное дѣло, даже всякое нечистое желаніе и лукавый помыслъ изгоняютъ душу изъ рая мирной совѣсти; какъ, наконецъ, недостаточны однѣ собственныя усилія, чтобы возникнуть изъ ада совѣсти раздраженной: тотъ можетъ нѣсколько понимать, какъ велико благодѣяніе благодатнаго искупленія, очищенія и прощенія, какъ дивно также благодѣяніе сохраненія человѣка въ состояніи благодатномъ. Что же касается до высшихъ даровъ благодати: просвѣщенія, освященія, соединенія съ Богомъ, о семъ и познавшій прочія благодѣянія Божіи такъ мало можетъ сказать, какъ видѣвшій только мѣлкую милостыню, подаваемую нищимъ на крыльцѣ, не можетъ сказать о томъ, какіе щедрые, драгоцѣнные, сладкіе дары во внутренности чертоговъ раздаетъ Царь своимъ приближеннымъ, домувладыка — друзьямъ своимъ, исполненный любви отецъ — своимъ присным чадамъ.

Останавливаюсь въ изложеніи благодѣяній Божіихъ не потому, чтобы уже довольно сказалъ, но потому, что никогда не льзя сказать довольно. Останавливаюсь и слушаю, что мнѣ отвѣтствуетъ ваша совѣсть, что говоритъ ваше сердце?

Есть ли какое особенное отношеніе человѣка къ Богу Благодѣтелю? Требуется ли какое соотвѣтствіе благодѣяніямъ Его? Или совсѣмъ никакого нѣтъ и не нужно? Не думаю, чтобы кто рѣшился сказать сіе послѣднее. И если бы нашелся таковый: то я усомнился бы, сердце ли у него въ груди, а не твердый ли и холодный камень, либо какая-нибудь губа, жадно пьющая чужую влагу, безъ жажды, безъ вкуса и безъ насыщенія; и разумъ ли у него въ головѣ, или нѣчто худшее скотскаго инстинкта, потому что *позна волъ стяжавшаго его, и оселъ ясли господина своего* (Иса. I. 3.); безсловесныя познаютъ человѣка по благодѣяніямъ, и оказываютъ имъ соотвѣтствіе.

Но если должно быть соотвѣтствіе благодѣяніямъ Божіимъ со стороны человѣка: то въ чемъ оно состоять можетъ? Заслуга, просьба, благодарность: вотъ три возможныя соотвѣтствія благодѣяніямъ. Заслуга возможна между человѣками, изъ которыхъ одинъ имѣетъ нужду въ услугахъ другаго, а другой можетъ усердно представить первому свои услуги: но самодовольный Богъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды, и человѣкъ не имѣетъ ничего представить Богу, что не было бы отъ Бога же полученнымъ благодѣяніемъ; слѣдственно здѣсь нѣтъ мѣста заслугѣ. Просить отъ Бога благодѣяній можно, и хорошо, если человѣкъ сіе дѣлаетъ съ довѣренностію и со смиреніемъ. Но большая часть благодѣяній Божіихъ бываетъ прежде нашего прошенія, лучше нашего прошенія и выше нашего понятія: не льзя просить того, что уже сдѣлано, не льзя просить того, чего нѣтъ и въ мысли. Посему остается самымъ употребительнымъ способомъ соотвѣтствія благодѣяніямъ Божіимъ — благодарность, истинная, какъ истинны благодѣянія Божіи, дѣятельная, какъ дѣятельно благотворитъ намъ Богъ.

И посему *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ*. Окажите себя вѣрными благодати Божіей въ сердцѣ, достойными благодати Его на самомъ дѣлѣ. Сотворитъ ли съ тобою Господь знаменіе во благо избавленіемъ отъ бѣды или опасности: памятуй бывшее, положись на Господа въ будущемъ, употребляй во благо настоящее. Простираетъ ли тебѣ Богъ благодѣющую руку въ земныхъ благахъ: простри благодарную твою руку на помощь нуждающемуся ближнему. Является ли надъ нами благодѣющій промыслъ Божій въ добромъ Государѣ, въ правленіи, споспѣшествующемъ тихому и безмолвному житію: вознесемъ нашу благодарность къ Царю царствующихъ въ радостныхъ славословіяхъ и въ усердной молитвѣ за помазанника Его, и явимъ плоды благодарности въ ревностномъ исполненіи всякой вѣрноподданнической обязанности.

Обрѣтаешь ли ты въ сердцѣ твоемъ даръ благодати Божіей,—прощеніе грѣховъ, миръ совѣсти, радость спасенія: благодари Бога твердою и непрестанно возобновляемою рѣшимостію,—убѣгать отъ грѣховъ, глубокимъ внутреннимъ вниманіемъ къ сохраненію мира совѣсти, скромнымъ, но нелѣностнымъ споспѣшествованіемъ спасенію ближнихъ.

Почтилъ ли кого небесный Подвигоположникъ отличіемъ креста, подвигами искушенія, скорби, страданія: да помышляетъ и сей, что и наказаніе отъ всеблагаго Отца есть благодѣяніе, и даже избранный даръ *на пользу, да причастимся святыни Его* (Евр. XII. 10.), и потому да учится не только не роптать, не малодушествовать, не сѣтовать, но и благословлять имя Господне съ Іовомъ, или благодарственно взывать съ Псалмопѣвцемъ: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ Твоимъ* (Псал. CXVIII. 17.).

О всемъ благодарите: *сія бо есть воля Божія о Христѣ Іисусѣ въ васъ* (1 Сол. V. 18.). Аминь.

## 2. БЕСѢДА

### О молитвѣ Господней.

*Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?* Лук. VI. 46.

Страшный гнѣвъ Господа открывается намъ, слушатели, въ семъ изреченіи Евангелія! Онъ укоряетъ не только тѣхъ, которые хулятъ или забываютъ святое имя Его, но и тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ обносятъ оное въ устахъ своихъ. *Что Мя зовете, Господи, Господи?*

И такъ, не ужели Бога оскорблять можно и молитвою? — Можно, если устная молитва не сопутствуется сердечною, и сердечная не сопровождается творительною молитвою. *Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?*

Пророкъ, изображая отверженіе Іуды предателя, во вдохновенномъ свыше негодованіи вопіетъ: *молитва его да будетъ въ грѣхъ* (Псал. CVIII. 7.)! Но молитва Іуды—если онъ молился—по видимому, долженствовала быть самая святая: поелику онъ, подобно какъ и мы, у Самого Сына Божія учился призывать *Отца, иже есть на небесѣхъ*. Итакъ не должно ли страшиться и другимъ, чтобы святѣйшую и Божественную молитву Господню не употребить столь недостойнымъ и осудительнымъ образомъ?

Размыслимъ о *способѣ правильно* и *спасительно употреблять молитву Господню.*

*Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!* взываемъ мы, послѣдуя Единородному.

Я говорю: послѣдуя Единородному. Ибо кто бы дерзнулъ произнести сіе призываніе, когда бы *Единородный* не сдѣлался *Перворожденымъ во многихъ братіяхъ* (Рим. VIII. 29.), облекшися въ плоть нашу; и если бы мы взаимно не облеклися въ Него крещеніемъ? Дщери Евы производятъ на свѣтъ только рабовъ и сыновъ гнѣва: одна Церковь раждаетъ чадъ свободы и благодати. Рожденіе въ рабство совершается безъ нашей воли: рожденіе въ свободу долженствуетъ быть свободное. Гдѣ слабый останокъ первоначальной свободы воздвигается отъ земли, разторгаетъ узы плоти, стремится ко благу духовному: тамъ начинается рожденіе небесное, сыноположеніе Духа, пріемлемое вѣрою.

Часто мы произносимъ имя *Отца небеснаго*: но размышляли ль мы когда о нашемъ правѣ такъ именовать Его? Занимаясь земными мыслями, земными желаніями, земными дѣйствіями, охотно покорствуя суетѣ вмѣстѣ съ тварію, которая покорена ей неволею, безпечно продолжая быть, такъ же *плотію*, какъ и *родились отъ плоти* (Іоан. III. 6.), какую часть имѣемъ мы въ *Отцѣ небесномъ*; и какъ можемъ поставлять себя въ санъ Его сыновъ, вмѣстѣ съ Единороднымъ, *иже есть сіяніе славы и образъ ѵпостаси Его* (Евр. I. 3.)? Именуя *Отца небеснаго* не для того, чтобы благодарственно исповѣдать наше благодатное усыновленіе,

но только для того, чтобы ульстить (если бы то возможно было) Его милосердіе, ужели мы думаемъ нашими воплями обезоружить *правду Бога, испытающаго сердца и утробы?* Нѣтъ,—отвѣщаваетъ Онъ на дерзновенныя взыванія чадъ міра и плоти,—Я не Отецъ вашъ, доколѣ вы *не* тщитесь внутренно содѣлаться Моими чадами: вы *отца есте* того, коего *вожделѣнія хощете творити* (Іоан. VIII. 44.); Мнѣ подобаетъ быть для васъ токмо Господемъ рабовъ и Судіею повинныхъ.

Дадимъ, Христіане, Богу нашему быть для насъ тѣмъ, чѣмъ Его именуемъ. Отторгнемъ себя отъ земли; взыщемъ отечества небеснаго: тогда неосужденно наименуемъ Отцемъ нашимъ живущаго на небесѣхъ, и Онъ безъ гнѣва услышитъ наши прошенія.

*Да святится имя Твое:* вотъ первое прошеніе.

Божіе *имя* есть вещь священнѣйшая въ мірѣ. Имъ совершаются наши спасительныя Таинства; имъ печатлѣется вѣрность нашихъ клятвъ и обѣщаній; его полагаемъ мы въ основаніе начинаній нашихъ. Было время, когда оно, исходя изъ устъ рабовъ Божіихъ, владычественно потрясало природу, и низлагало ихъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Сія непостижимая сила есть собственно Божія: но ея дѣйствіе въ насъ зависитъ отъ нашей вѣры и благочестія. Посему заповѣдано намъ хранить имя Божіе съ благоговѣніемъ, и употреблять съ бережливостію: *да не пріимеши имене Господа Бога твоего всуе* (Втор. V. 11.). Посему, признавая себя недостойными хранителями сего небеснаго сокровища, мы молимъ Отца небеснаго, да вѣчно святое въ самомъ себѣ, имя Его, святится и въ насъ: да съ благодатною силою произносимъ его устами; да съ вѣрностію изрекаемъ его дѣлами; да *свѣтъ вашъ просвѣтится предъ человѣки*, и они въ насъ и съ нами *прославятъ Отца нашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. V. 16.).

Но что, если языкъ молящагося, долженствующій освятить имя Божіе, или паче, освятиться имъ, еще не очищенъ отъ празднословія, злорѣчія, лжи, клеветы? Что, если желанія нашихъ сердецъ противоборствуютъ хотѣніямъ нашихъ устенъ? Если гласы молебныхъ пѣній и славословій нашихъ возмущаетъ нами же *возносимый* къ небу *вопль нищихъ* (Іов. XXXIV. 28.), которымъ не благовѣствовали мы Бога, Отца сирыхъ; заглушаетъ *гласъ крове братій нашихъ* (Быт. IV. 10.), въ которыхъ мы *не* прославили Бога, Судію обидящихъ? Какая въ томъ польза, что мы *на* языцѣ носимъ славу Божію; если языцы, взирая на нашу жизнь, въ удивленіи вопрошаютъ другъ друга: *гдѣ есть Богъ ихъ* (Псал. LXXVIII. 10.)?

Сколько можешь, *удержи языкъ твой отъ зла, сотвори благо* (Псал. XXXIII. 14. 15.) всѣмъ сердцемъ твоимъ: тогда не вотще молиться будешь, да *святится имя Божіе.*

*Да пріидетъ царствіе Твое:* вотъ второе прошеніе сыновъ царствія.

Царство Божіе—*царство всѣхъ вѣковъ* (Псал. CXLIV. 13.): и еще прежде, нежели родились вѣки, Богъ былъ Царемъ Своей сокровенной вѣчности. Нынѣ во времени Онъ открываетъ владычество Творца и Промыслителя въ царствѣ природы, и въ царствѣ благодати любовь Отца и Спасителя: впрочемъ такъ, что мы *видимъ* Его здѣсь токмо *якоже зерцаломъ въ гаданіи* (1 Кор. XIII. 12.). Наконецъ оба сіи царства, постепенно достигая предопредѣленнаго совершенія, преобразятся въ единое царствіе славы, въ которомъ Онъ явится сынамъ царствія *лицемъ къ лицу*, и будетъ возводить ихъ отъ славы въ славу. Грядущее такимъ образомъ отъ Бога къ человѣкамъ царствіе многихъ въ торжественномъ пришествіи своемъ обыдетъ и оставитъ ошуюю: только избранные, и носящіе въ себѣ внутреннее сѣмя царствія призваны будутъ *наслѣдовать уготованное имъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV. 34.). И такъ моленіе наше о царствіи Божіемъ есть благоговѣйное желаніе, чтобы Богъ совершилъ *чаяніе твари, откровенія сыновъ Божіихъ чающей* (Рим. VIII. 19.), и насъ сподобилъ достойно срѣтить сіе вожделѣнное для всего міра событіе.

Искренно ли въ насъ такое желаніе? Мы желаемъ царствія Божія, и знаемъ, что сіе царство *нѣсть отъ міра сего*

(Іоан. XVIII. 36.); но не многіе ли изъ насъ въ легкомысленныхъ мечтаніяхъ созидаютъ здѣсь каждый собственное царство? Сынъ силы думаетъ мечемъ начертать другимъ законъ страха и униженія; мнящійся быть мудрымъ хочетъ владычествовать перомъ въ царствѣ мнѣній; легкомысленный мечтаетъ быть законодателемъ въ удовольствіяхъ и забавахъ; корыстолюбивый устрояетъ темное царство, и собираетъ бездушныхъ подданныхъ въ своихъ сокровищницахъ. Мы желаемъ царствія Божія, и вѣримъ, что въ него вводятъ *узкая врата и тѣсный путь* (Матѳ. VII. 14.): однако не часто ли, упреждая другъ друга, поспѣшаемъ занять широкій путь, и вступить во врата пространныя? Мы любимъ поставлять себя одесную другихъ, не представляя того, что, по самому естественному послѣдствію, идя такимъ образомъ на встрѣчу Господу, мы обрящемся ошуюю Его. Мы желаемъ царствія Божія, и слышали, что *нудится* (Матѳ. XI. 12.) оно: и такъ дѣлаемъ ли себѣ какое насильствіе для пріобрѣтенія его; и не для того ли только молимся о немъ, чтобы трудъ сего великаго дѣла сложить на единаго Бога?

Возревнуемъ о служеніи Богу, подобно какъ мы ревнуемъ о господствованіи въ мірѣ; изыдемъ во срѣтеніе царствію Божію путемъ креста и смиренія: тогда молитва о его пришествіи не будетъ лицемѣріемъ.

Третіе прошеніе: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.*

Богъ нашъ на небеси и на земли творитъ вся, елика хощетъ: *воли бо Его кто противитися можетъ* (Рим. IX. 19.)? И такъ, безъ сомнѣнія, не умноженія могущества желаемъ мы Всемогущему въ нашей молитвѣ. Тварь, одаренная волею, но которая видитъ все свое блаженство въ единой волѣ Творца своего, молитъ, да Его воля благая и совершенная покоритъ себѣ ея волю несовершенную и слабую, и будетъ въ ней *и еже хотѣти и еже дѣяти* (Фил. II. 13.). Но что есть воля Божія *на земли, яко на небеси?*—Ангелы суть небо; человѣки суть земля: когда земнородные будутъ служить Богу съ любовію столь пламенною, съ ревностію столь неудержимою, какъ Ангелы; тогда исполнится воля Его, яко на небеси, и на земли.—Церковь вѣрующихъ есть небо на земли; омраченный и заблуждающій міръ есть токмо земля; когда и погибшія овцы познаютъ спасительный гласъ Пастыря, и сѣдящіи во тьмѣ и сѣни смертнѣй видятъ свѣтъ велій: тогда исполняется воля Отца свѣтовъ, яко на небеси, и на земли. — Духъ есть, нѣкоторымъ образомъ, небо въ человѣкѣ; плоть — земля: когда *внутренній человѣкъ, соуслаждающійся закону Божію*, подчинитъ себѣ *законъ сущій во удѣхъ* (Рим. VII. 22. 23.), а плоть останется тѣмъ, чѣмъ ей должно быть, — покорною рабынею: тогда исполнится воля Бога духовъ, яко на небеси, и на земли.

Много мы говоримъ о волѣ Божіей: но едва ли не болѣе помышляемъ о исполненіи своей воли. Мы желаемъ видѣть землю, по исполненію воли Божіей, подобною небу, или самымъ небомъ; но начинаемъ ли мы сіе великое превращеніе съ самихъ себя? Любовь Ангельская! ты выше насъ: я не осмѣлюсь искать тебя. Любовь Христіанская! Гдѣ ты обитаешь? Гдѣ ты дѣйствуешь, ревность благочестивая? Гдѣ почиваешь ты, кроткая преданность волѣ Божіей? вмѣсто возвышенія отъ земли къ небу, отъ жизни Христіанской къ Ангельской, не болѣе ли примѣтно въ насъ низхожденіе отъ неба къ землѣ, униженіе духа предъ плотію, низпаденіе отъ благословеннаго царства благодати въ мятежное владычество разтлѣнной природы?

Возненавидимъ прежде злую волю собственную: и потомъ уже молиться будемъ о благой въ насъ волѣ Божіей.

Три прошенія молитвы Господней, о которыхъ я сказалъ, слушатели, тѣмъ съ большею осмотрительностію и благоговѣніемъ должны быть приносимы нами Господу, что простираются отъ времени до вѣчности. Слѣдующія за оными четыре прошенія относятся болѣе до времени: но мы должны памятовать, что благоразумное или неблагоразумное попеченіе о временномъ пріобрѣтаетъ намъ благоволеніе, или воздвигаетъ на насъ гнѣвъ Вѣчнаго.

*Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.*

Симъ желаніемъ должны ограничиваться наши попеченія о благахъ міра. Жизнь есть благо потому, что ею можно заслужить блаженную вѣчность: потому только благо для насъ и то, что служитъ къ сохраненію жизни. Кто знаетъ, сколько долженъ онъ сдѣлать для вѣчности: тотъ не много имѣетъ времени заботиться о жизни настоящей. Къ счастію, благій Промыслитель слагаетъ съ насъ сей послѣдній трудъ, какъ скоро мы пріемлемъ на себя первый: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI. 13). И по сему вѣрныя чада Божіи просятъ не у рабовъ, но у *Отца*: просятъ не суетныхъ украшеній и ничтожныхъ драгоцѣнностей, но *хлѣба*; хлѣба не вкуснаго, но *насущнаго*: не въ житницы на лѣта многа, но только *днесь* на трапезу. *Довлѣетъ*, говорятъ они, настоящему *дневи злоба его* (Матѳ. IV. 34.): почто заранѣе стужать попечительному Отцу о такихъ нуждахъ, которыхъ, можетъ быть, заутра не будетъ болѣе? Но и при толь ограниченномъ требованіи, не столько помышляютъ они о хлѣбѣ насыщающемъ тѣло, какъ о томъ *насущномъ* хлѣбѣ, который питаетъ и укрѣпляетъ *существенную* часть человѣка: ибо *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV. 4.).

Всѣ ли мы умѣемъ хотя чувствовать спасительный гладъ слова Божія, если не обрѣтать для онаго сродную пищу? Не часто ли подавляется сей духовный гладъ алчностію плоти, которая требуетъ не насыщенія, но пресыщенія; не одежды, но убранства; не здравія для отправленія дѣлъ, но нѣги и бездѣйствія? Удовлетворивъ себѣ въ обыкновенныхъ временныхъ потребностяхъ, мы вымышляемъ для себя случаи непредвидимые и нужды въ будущихъ лѣтахъ, которыя никогда къ намъ не придутъ. Наконецъ, не довольствуясь оскорблять Бога столь излишними желаніями, мы еще оставляемъ Его, и обращаемся съ оными къ сильнымъ земли, къ хитростямъ, къ неправдамъ, и такимъ образомъ присовокупляемъ къ дерзости невѣріе.

Будемъ умѣреннѣе въ нашихъ желаніяхъ, и благоразумнѣе въ выборѣ потребнаго для насъ: одна благоразумная умѣренность умѣетъ просить хлѣба у *Хлѣба животнаго* (Іоан. VI. 35.).

*И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.*

Сколь многочисленны долги наши Богу! Есть долгъ наслѣдственный. Нашъ первый Праотецъ купилъ запрещенный плодъ цѣною жизни своея и своего потомства: мы родимся должниками. Есть долги собственные. Богъ невидимо намъ раздаетъ многоцѣнные *таланты*, внутренніе и внѣшніе, *комуждо противу силы его* (Матѳ. XXV. 15.): употребленіе ихъ во благо и во славу Его есть лихва, имъ требуемая: каждое беззаконное дѣйствіе, каждое порочное желаніе, каждый лукавый помыслъ изчитаются Всевѣдѣніемъ, и составляютъ ужасное множество долговъ нашихъ. Они неоплатимы. Но какой легкій договоръ намъ о нихъ предлагается! *аще отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ; отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. VI. 14.). Для сего-то священнаго договора мы приводимъ предъ Него съ собою нашихъ должниковъ; указуемъ Его милосердію на наше милосердіе: и если бы такимъ образомъ всѣ до единаго старались изглаждать предъ очами Божіими зло содѣланное человѣками; то рукописанія грѣховъ нашихъ постепенно бы оскудѣвали, доколѣ наконецъ взаимныя прощенія всѣхъ и каждаго составили бы единое всеобщее оправданіе, къ неизреченной славѣ Помилователя, къ несказанному блаженству помилованныхъ.

Не такъ же ли удобно, скажутъ, Милосердію безконечному и безъ условія простить погрѣшности и заблужденія слабыхъ смертныхъ, сколько бы ни были онѣ многочисленны?—Но не удобнѣе ли тебѣ простить несравненно меньшія оскорбленія твоего ближняго? То истинно, что милосердіе Божіе безконечно: потому-то и хощетъ оно, чтобы не ты одинъ, но и всѣ получили прощеніе; и, подая его тебѣ, какъ-бы проситъ его у тебя твоимъ братіямъ. О человѣкъ, который живешь и дышешь единою милостію Господа! Если ты отвергаешь Его у тебя ходатайство

за ближнихъ твоихъ; какъ можетъ Онъ пріять за тебя ходатайство Сына Своего? Тогда въ прошеніи *оставленія долговъ нашихъ, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*, уже заключается и осудительный на насъ приговоръ: *судъ безъ милости не сотворшему милости* (Іак. II. 13.).

Не забудемъ, Христіане, миловать прежде, нежели будемъ просить помилованія. *Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ* (Матѳ. V. 7.).

*И не введи насъ во искушеніе.*

Безполезно было бъ и прощеніе грѣховъ, если бы мы всегда возвращались къ нимъ съ прежнею слабостію. Но какъ трудно не пасть когда-либо среди непрестанной брани противу плоти, міра и духа злобы! Левъ рыкаетъ; лисы коварствуютъ. Если мы противопоставляемъ лукавству прозорливость; то крѣпость измѣняетъ намъ: если ярости силу; то коварство насъ обманываетъ. Нѣтъ для насъ иной надежды, развѣ когда единый Побѣдитель всѣхъ враговъ нашихъ, не попуститъ на насъ болѣе нападеній, нежели мы можемъ выдержать, или даруетъ намъ столько искусства и силъ, сколько нужно для совершенной побѣды.

И мы молимся, слушатели, о сохраненіи насъ отъ искушеній: но не приближаемся ли къ нимъ сами, прежде нежели онѣ постигаютъ насъ? Молимся, да не поработитъ насъ плоть: но не сами ли слишкомъ заботливо питаемъ и грѣемъ врага сего, и служимъ ему, какъ другу и владыкѣ? Молимся, да не очаруетъ насъ міръ: но не мы ли отверзаемъ ухо къ его тлетворнымъ обаяніямъ? Молимся, да не соблазнитъ насъ око: но не мы ли его пригвождаемъ къ земнымъ прелестямъ? Противъ кого въ такомъ случаѣ обращается наша молитва, если не противъ насъ самихъ? *Кійждо искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ* (Іак. I. 14.).

Отъ насъ зависитъ нейти на встрѣчу искушеніямъ: молитвою отвращать должно тѣ, которыя противъ воли нашей съ нами срѣтаются.

*Но избави насъ отъ лукаваго.*

Есть наконецъ нѣкоторый родъ зла въ поврежденной природѣ, которое находится не столько во внутреннемъ существѣ вещей, столько во мнѣніи, въ дѣйствіи токмо наружномъ и преходящемъ ощущеніи. Оно не всегда есть бичь карающаго Правосудія; но часто поражающій жезлъ любви, горькое врачевство, и, такъ сказать, благо несозрѣвшее. Убожество, болѣзнь, печаль, униженіе, гоненіе, суть зло развѣ тогда, когда мы виновны въ нихъ: но немощная природа содрогается при одномъ видѣ страданія. И сколь велико снисхожденіе Отца небеснаго, Который позволяетъ намъ просить Его, да успокоитъ насъ и отъ сихъ призраковъ зла; да ускоритъ разсѣять и сіи легкія тѣни, пробѣгающія по юдоли жизни!

Но тѣмъ дерзновеннѣе и неблагодарнѣе мы, когда употребляемъ во зло толикое снисхожденіе. Сколь многіе вопіютъ къ Богу на несчастія, которыя суть дѣло ихъ собственныхъ рукъ! Тотъ, который неумѣренностію сокрушилъ крѣпость свою, приходитъ жаловаться на свои немощи; тотъ призываетъ судъ Божій на оскорбляющихъ его, кто самъ осуждается предъ ними своею совѣстію; тотъ окаяваетъ свою нищету, кто привлекъ ее расточительностію. Просить ли таковымъ избавленія отъ лукаваго, или лучше благодарить Промыслъ за предстоящее обличеніе и внушаемое исправленіе лукаваго сердца?

Будемъ, слушатели, съ радостію сносить наказаніе, когда мы виновны; когда невинны, безъ нетерпѣливости молиться о избавленіи отъ бѣдствія. *Вѣсть Отецъ нашъ небесный, ихже требуемъ* (Матѳ. VI. 32.).

Воистину, Отче Всевѣдущій! Ты не дашь чадамъ Твоимъ *камня* вмѣсто *хлѣба*, и *зміи* вмѣсто *рыбы* (Матѳ. VII. 9. 10.). Но мы и о *чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* (Рим. VIII. 26.). Скоро находимъ мы недостатки нашей молитвы: но безъ Тебя не достигнемъ въ ней совершенства. *Исправи* ее Самъ, *яко кадило предъ Тобою*, да не едины уста, но и мысль, и сердце, и желанія, и дѣянія, и духъ, и плоть, и *вся кости наша рекутъ: Господи*,

*Господи* (Псал. XXXIV. 10.)! *Яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки.* Аминь.

## 3. БЕСѢДА

### О благословенномъ рожденіи дѣтей.

*Благословлю же ю, и дамъ тебѣ отъ нея чадо: и благословлю е, и будетъ въ языки, и цари языковъ изъ него будутъ.* Быт. XVII. 16.

Какъ счастливы наконецъ Авраамъ и Сарра! Долго безчадствовали они: за то, и чадо имѣть будутъ, и прежде рожденія его уже знаютъ, что оно будетъ благословенно.

Кто изъ желающихъ сдѣлаться, или уже сдѣлавшихся родителями, не пожелалъ бы имѣть дѣтей добрыхъ, благословенныхъ? Но какъ не всѣ дѣти соотвѣтствуютъ желаніямъ родителей: то естественно раждается вопросъ, какъ достаются дѣти добрыя, благословенныя?

Поелику добрыя дѣти бываютъ не только у добрыхъ, но иногда и у худыхъ родителей, такъ какъ и напротивъ у добрыхъ родителей бываютъ не только добрыя, но иногда и худыя дѣти: то неглубокіе наблюдатели, въ изъясненіе сихъ разнообразныхъ явленій, говорятъ, что это такъ случается. Просилъ бы я сихъ людей истолковать сіе таинственное для меня изреченіе: *такъ случается.* Когда пшеница родится на полѣ, гдѣ пшеница посѣяна: вы не говорите, что это такъ случается. Но когда видите пшеничный колосъ, выросшій на лугу, гдѣ пшеница не сѣяна: вы говорите, что это такъ случилось. Что же хотите вы сказать? Безъ сомнѣнія не то, что колосъ родился безъ сѣменнаго зерна, или что сѣменное зерно само собою сдѣлалось изъ земли, или не что нибудь подобное; но развѣ то, что вамъ неизвѣстно, какъ сѣменное зерно занесено сюда вѣтромъ, или уронено здѣсь прохожимъ. Посему изреченіе: *такъ случается*, есть только легкое средство уклониться отъ разрѣшенія труднаго вопроса, или благовидный способъ безъ стыда объявить свое незнаніе. Слѣдственно мысль, что добрыя или худыя дѣти достаются родителямъ, какъ случится, — мысль, которая могла бы приводить въ уныніе особенно добрыхъ родителей, и даже выражала бы нѣкую несправедливость судьбы противъ нихъ, по счастію, неосновательна, и совсѣмъ ничтожна; это слова, которыя выражаютъ не болѣе, какъ отсутствіе мысли, способной изъяснить событіе.

Какъ же достаются добрыя дѣти?—Не долго искать на сіе закона, если видимъ добрыхъ дѣтей у родителей также добрыхъ, благоразумныхъ и попечительныхъ о воспитаніи. Вопросъ разрѣшается, если скажемъ, что сіе такъ же естественно, какъ то, когда на полѣ, гдѣ посѣяна пшеница, пшеница же и родится, а не плевелы.

Врачи не признаютъ ли за несомнѣнное, что нѣкоторыя болѣзни переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ? А то еще менѣе можетъ подлежать спору, что здоровье родителей есть наслѣдственно для дѣтей, если особенныя причины не похитятъ у нихъ сего естественнаго наслѣдія. Также смотря на лице дѣтей не ищемъ ли мы обыкновенно сходства съ лицемъ родителей? Итакъ, если мы находимъ, что родители себѣ самимъ обязаны за нѣкоторыя тѣлесныя совершенства или недостатки своихъ дѣтей: что препятствуетъ то же въ нѣкоторомъ степени заключить и о высшихъ свойствахъ душевныхъ, о предварительныхъ склонностяхъ и расположеніяхъ?

Можетъ быть, спросятъ: какимъ образомъ что-нибудь душевное можетъ сообщаться отъ родителей дѣтямъ чрезъ рожденіе, когда душа есть существо несложное, и потому ничего не можетъ отдѣлить отъ себя для сообщенія другой душѣ?—На сіе отвѣтствую, во-первыхъ, что утверждаемое мною сообщеніе нѣкоторыхъ нравственныхъ склонностей и благихъ расположеній отъ родителей дѣтямъ совершается, не чрезъ одно рожденіе, но съ помощію благоразумнаго воспитанія; во-вторыхъ, вопрошаю взаимно: какъ можетъ что-нибудь тѣлесное переходить отъ

родителей къ дѣтямъ, и оказываться въ ихъ жизни, когда тѣло ихъ совершенно вновь образовалось изъ безобразнаго вещества, заимствованнаго отъ тѣла родителей, управляется собственною душею, непрестанно измѣняется посредствомъ питанія и разрѣшенія? Но недоумѣніе о томъ, какъ сіе бываетъ, не уничтожаетъ опыта, что сіе подлинно бываетъ. Осмѣлюсь сказать болѣе: не есть ли даже удобопонятнѣе открытіе чего нибудь наслѣдственнаго въ душѣ, которая, какъ существо несложное, всѣ свои способности и силы раскрываетъ изъ себя самой, изъ внутренняго духовнаго корня бытія, полученнаго съ рожденіемъ, нежели въ тѣлѣ, котораго устроеніе такъ много зависитъ отъ внѣшней стихійной природы?

Но дабы не поставить истину въ зависимость отъ *помышленій человѣческихъ*, которыя всѣ безъ изключенія *суть суетны* предъ *вѣдѣніемъ Господнимъ*, призываю васъ предъ судъ сего вѣчно-непреложнаго вѣдѣнія, и вопрошаю: кому дано сіе благословеніе Божіе: *раститеся и множитеся*, тѣлу ли человѣка, которое безъ души и не понимаетъ сего благословенія, и не можетъ исполнить онаго, или цѣлому человѣку, и особенно душѣ его? Къ тѣлу ли относится сіе слово писанія: *сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. I. 27.)? Богъ безтѣлесенъ: слѣдственно человѣкъ сотворенъ по образу Божію въ душѣ. Послѣ сего еще одинъ вопросъ: и мы получимъ разрѣшеніе на многое. Что значитъ написанное о Адамѣ: *роди сына по виду своему и по образу своему* (Быт. V. 3.)? То ли, что между Адамомъ и Сиѳомъ было сходство въ чертахъ лица и въ строеніи тѣла? Стоило ли труда вносить столь мѣлочное замѣчаніе въ повѣствованіе, столь священное, и при томъ столь краткое? И сличеніе представляемаго теперь *образа Адамова* съ недавно указаннымъ *образомъ Божіимъ* не ясно ли даетъ разумѣть, что Священный Писатель говоритъ о внутреннемъ образѣ, духовномъ и нравственномъ? Творческое слово: *раститеся и множитеся*, насадило въ Адамѣ способность раждать благословенныхъ чадъ, и передавать имъ въ наслѣдіе образъ Божій, по которому онъ самъ сотворенъ: но когда грѣхомъ поврежденъ сей образъ въ немъ; тогда хотя, по силѣ первоначальнаго творческаго слова, и могъ онъ родить сына, но не могъ сообщить ему болѣе того, что въ самомъ оставалось, *роди сына*, не по образу Божію полному и совершенному, но *по виду своему* и *по образу своему*, то есть, съ нѣкими останками образа Божія, и съ нѣкимъ примѣшеніемъ грѣха и поврежденія Адамова. Вотъ и первоначальный Божественный, и послѣдовательный естественный законъ рожденія человѣческаго! Будучи внесенъ въ книгу Бытія по случаю рожденія Сиѳова, онъ никогда не уничтоженъ. И теперь естественно, чтобы родители раждали дѣтей *по виду своему* и *по образу своему*, — чтобы отъ грѣшниковъ раждались грѣшники, подобно какъ отъ чахотныхъ родятся чахотные, но чтобы отъ тѣхъ, которые свободнымъ упражненіемъ въ покаяніи, молитвѣ и дѣяніи добра, при помощи благодати Божіей, ослабили въ себѣ грѣховныя, и усилили добрыя склонности, раждались и дѣти съ нѣкоею предварительною помощію къ добру, противъ силы грѣха, впрочемъ всегда преодолимой свободою и паипаче благодатію.

Примѣчательное указаніе на сей законъ рожденія представляетъ Священная Исторія въ лицѣ жены Маноевой. Ангелъ является ей, и предсказываетъ, что она, бывъ дотолѣ неплодна, родитъ сына, и что *Назорей Богови будетъ сіе отроча отъ чрева* (Суд. XIII. 51.). И съ симъ вмѣстѣ онъ велитъ ей, съ сего времени начать, и продолжать во время беременности, Назореямъ свойственный образъ воздержанія: *отъ всего, еже исходитъ изъ винограда, да не ястъ, и вина и сикера да не піетъ* (Суд. XIII. 3—5. 14.). Это почти то же, какъ если бы онъ сказалъ ей: сынъ твой долженъ быть Назореемъ; но чтобы сіе вѣрнѣе могло сдѣлаться, приготовь его къ сему образу жизни, когда будешь носить его во чревѣ твоемъ; веди образъ жизни свойственный Назореямъ; и такимъ образомъ приготовь въ немъ способность и склонность къ Назорейскому образу жизни.

Чтобы общій законъ рожденія согласить съ особенными случаями, которые, по видимому составляютъ исключеніе изъ онаго, и даже противорѣчатъ оному, когда, напримѣръ, отъ добрыхъ родителей родятся дѣти ихъ недостойныя, или добрыя дѣти отъ родителей недостойныхъ, или отъ родителей обыкновенныхъ дѣти необыкновенныя,—для сего надлежитъ вспомнить, что Богъ есть столь всемогущій и неизмѣнный въ судьбахъ Своихъ Законодатель міра, столь же премудрый и всесвободный Правитель онаго, и всеправедный Судія не только видимыхъ дѣлъ, но и сокровеннѣйшихъ расположеній человѣческихъ. Чтобъ избѣжать долгихъ разсужденій, объяснимся скорѣе примѣрами.

Одинъ и тотъ же Адамъ какихъ разнообразныхъ раждаетъ дѣтей, — Каина, Авеля, Сиѳа! Гдѣ же тутъ одинъ общій законъ рожденія? Будьте внимательны, и примѣчайте. Адамъ, свѣжимъ, такъ сказать, ядомъ недавно содѣланнаго грѣха напоенный, и не давнимъ обѣтованіемъ избавленія поставившій себя въ нѣкую еще незрѣло-обдуманную дерзость надежды, раждаетъ Каина, дерзкаго грѣшника. Адамъ, въ несчастномъ рожденіи Каина испытавшій тягость проклятія, привлеченнаго грѣхомъ, обманутый надеждою, униженный суетою, раждаетъ Авеля, кроткаго, но непрочнаго. Наконецъ, Адамъ продолженіемъ скорбей, глубже укоренившійся въ смиреніи, терпѣніемъ утвержденный въ надеждѣ, и надеждою въ терпѣніи, раждаетъ Сиѳа, надежное основаніе своего потомства.

Отъ одного Авраама раждается Исмаилъ, —*дикій оселъ*, по выраженію предсказанія о немъ, и Исаакъ — благословеніе всѣхъ народовъ. Отъ чего такая разность?—Отъ того, что мятежная рабыня Агарь, повредила въ Исмаилѣ благословенію Авраамову; а добродѣтельная и смиренная Сарра съ благословеніемъ Авраама, самымъ чистымъ и совершеннымъ образомъ, сочетала въ Исаакѣ и свое благословеніе, по реченному о ней къ Аврааму: *благословлю же ю, и дамъ тебѣ отъ нея чадо: и благословлю е, и будетъ въ языки, и цари языковъ изъ него будутъ.*

Еще страннѣе казаться можетъ, отъ Исаака и Ревекки, однимъ разрѣшеніемъ утробы рожденіе столь непохожихъ одинъ на другаго сыновъ, какъ Исавъ и Іаковъ. Что же можно сказать въ изъясненіе сего необычайнаго явленія? — То, что сказано Богомъ самой Ревеккѣ: *два языка во утробѣ твоей суть.* Два противоположныя начала во одно время дѣйствовали во чревѣ ея,—прирожденный грѣхъ Адамовъ, и Божіе благословеніе; одно усилилось въ Исавѣ, другое превозмогло въ Іаковѣ.

Возмемъ еще одинъ примѣръ превратнаго нравственнаго хода рожденій изъ Исторіи Царей Іудейскихъ. Сынъ идолопоклонника Ахаза былъ благочестивый Езекія; а сынъ Езекіи Манассія, опять идолопоклонникъ, хотя впрочемъ ненераскаянный. Сія превратность изъяснилась бы, можетъ быть, очень просто, если бы мы имѣли достаточныя свѣдѣнія о воспитаніи сихъ царей: ибо у людей знаменитыхъ и богатыхъ судьба дѣтей много иногда зависитъ отъ дѣтоводителей и наставниковъ, изъ коихъ добрые становятся благотворными орудіями Провидѣнія, а худые орудіями наказанія за пороки родителей, и за небреженіе о воспитаніи. Но кромѣ сего надлежитъ принять въ разсужденіе, что Божескія благословенія и наказанія въ родахъ не всегда идутъ слѣдомъ за добродѣтелями и пороками каждаго лица въ родѣ: но иногда ускоряютъ, чтобы пресѣкать зло и усиливать благо, въ человѣчествѣ вообще, а иногда отстаютъ, чтобы дать мѣсто долготерпѣнію, или чтобы сберечь доброе на время, когда оно наиболѣе нужно. *Господь*, какъ взываетъ Онъ Самъ о себѣ, *Господь Богъ щедръ, и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ и истиненъ, и правду храняй, и творяй милость въ тысящи, отъемляй беззаконія, и неправды, и грѣхи, и повиннаго не очиститъ, наводяй грѣхи отцевъ на чада, и на чада чадъ, до третіяго и четвертаго рода* (Исх. XXXIV. 6. 7.). Если бы кто сталъ жаловаться на строгость, *наводящую грѣхи отцевъ на чада до третіяго и четвертаго рода*: всеблагій Богъ съ избыткомъ оправдываетъ суды свои *милостію*, которую простираетъ не

на *четыре* только рода, но на *тысящи* оныхъ.

Мнѣ кажется, сіи размышленія и примѣры показываютъ, что супружество и званіе родителей не суть такіе предметы, которые бы можно было ненаказанно предавать въ жертву страстямъ, и въ игралище легкомыслію, и что желающіе имѣть достойныхъ дѣтей благоразумно поступятъ, если предварительно самихъ себя сдѣлаютъ достойными родителями. Аминь.

## *4.* БЕСѢДА

О новомъ рожденіи свыше.

*Не дивися, яко рѣхъ ти: подобаетъ вамъ родитися свыше.* Іоан. III. 7.

Не удивительно, если рожденіе нѣкоторыхъ людей, которыхъ жизнь особенно угодна Богу, и благотворна для прочихъ человѣковъ и предусматривается съ объщаніемъ радости, и воспоминается праздникомъ. Такъ о рожденіи Великаго Предтечи Господня предрекъ Ангелъ: *мнози о рождествѣ его возрадуются* (Лук. I. 14.). Но когда видимъ, что и день рожденія каждаго человѣка обычай дѣлаетъ праздникомъ личнымъ или домашнимъ: тогда раждаются помыслы недоумѣнія, и даже удивленія.

Рожденіе, за которымъ слѣдуетъ убѣгающая жизнь и неизбѣжная смерть, достойно ли быть предметомъ праздника? Человѣкъ, говоритъ Іовъ, *рожденъ отъ жены малолѣтенъ, и исполнь гнѣва* (Іов. XIV. 1.): это ли праздновать? *Въ беззаконіихъ зачатъ есмь*, говоритъ Давидъ, *и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Псал. L. 7.): что тутъ праздновать? — Блаженъ, кто можетъ праздновать то рожденіе, которымъ восполняются недостатки, исправляются несовершенства, прекращаются бѣдствія сего перваго рожденія, — рожденіе новое, рожденіе духовное, рожденіе свыше.

*Подобаетъ вамъ родитися свыше*: сказалъ Господь Никодиму въ ночной, уединенной съ нимъ бесѣдѣ. Не сказалъ: надобно *тебѣ* родиться вновь, хотя говорилъ съ однимъ только человѣкомъ; но сказалъ: *подобаетъ вамъ*: дабы видно было, что рѣчь идетъ не о потребности сего или другаго человѣка въ особенности, но что изрекается законъ всѣмъ вамъ, которые желаете быть истинными учениками небеснаго Учителя Іисуса Христа. *Подобаетъ вамъ родитися свыше.*

Ученіе Господне о возрожденіи человѣка страннымъ показалось Никодиму, хотя ему нельзя приписывать ни неблагонамѣренности, поелику онъ призналъ Божественное посланничество Іисуса по Его чудесамъ, — ни грубой необразованности, потому, что былъ Князь и Фарисей. Сперва возсталъ въ немъ чувственный разумъ, разсуждающій о предметахъ по понятіямъ тѣснаго только міра, и вопросилъ: *како можетъ человѣкъ родитися, старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися?* А когда сіе грубо-стихійное мудрованіе опровержено понятіемъ о высшемъ рожденіи водою и духомъ: тогда еще вступилъ въ состязаніе разумъ философскій, и требовалъ объясненія и доказательства: *како могутъ сія быти?* Не бываетъ ли подобнаго сему и нынѣ? Что такое возрожденіе? Что за мысль — человѣка въ теченіи его бытія, производить вновь, тогда какъ онъ, безъ сомнѣнія, долженъ оставаться однимъ и тѣмъ же лицемъ? Къ чему сіе изысканное мудрствованіе, сія непонятная таинственность? Не довольно ли быть просто добрыми Христіанами? Такія слова противъ глубокаго Христіанскаго ученія не вырываются ли у нѣкоторыхъ, какъ камни, бросаемые наудачу, безъ сознанія, что ими поразить желаютъ? Знайте же, что дѣло идетъ не о произвольно возносящемся мудрованіи, поелику съ Апостоломъ и я желаю *всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати* (Рим. XII. 3.); не о пристрастіи къ темной таинственности, которую впрочемъ, не знаю, кто захотѣлъ бы предпочесть ясности возможной; не объ уклоненіи отъ простоты, о которой со Апостоломъ, и я забочусь, *да не како истлѣютъ разумы ваша отъ*

*простоты, яже о Хрістѣ* (2 Кор. XI. 3.): но дѣло идетъ о томъ, чтобъ или пріобрѣсть, или утратить царствіе Божіе. Возрожденіе требуется не для того, чтобы сдѣлаться мудрецомъ или таинственникомъ, но для того, чтобы пріобрѣсть Царствіе Божіе. Если ты удаляешь отъ себя мысль о возрожденіи: то удаляешь отъ себя возможность видѣть царствіе Божіе. *Аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти Царствія Божія*, глаголетъ Господь. Итакъ повторяю: блаженъ, кто можетъ праздновать свое рожденіе свыше.

На сіе вы можете сказать: почему же намъ и не поздравить себя съ блаженствомъ возрожденія, когда мы рождены водою и духомъ во святомъ крещеніи?— Вотъ мысль, достойная внимательнаго изслѣдованія, въ ученіи о возрожденіи.

Различимъ крещеніе водою и крещеніе духомъ, какъ различаетъ ихъ Самъ Іисусъ Хрістосъ въ Своемъ изреченіи къ Апостоламъ: *Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. I. 5.), и спросимъ: крещеніе, котораго мы сподобились, есть ли только крещеніе водою? — Нѣтъ безъ сомнѣнія. Если бы оно было только крещеніе водою: то почти не разнилось бы отъ простыхъ очистительныхъ омовеній, употреблявшихся во времена ветхаго Завѣта; оно было бы обрядъ, и не заслуживало бы наименованія Таинства, которое отличительно дастъ оному Церковь; владычественное имя Отца и Сына и Святаго Духа представлялось бы въ Крещеніи странно бездѣйственнымъ; утверждать, что мы крестились во имя Святаго Духа, но не крестились духомъ, было бы непримиримое само въ себѣ противорѣчіе. *Елицы во Хріста крестистеся*, сказуетъ Апостолъ, *во Хріста облекостеся* (Гал. III. 27.): безъ сомнѣнія, сего не можетъ сдѣлать вода, но развѣ духъ. Если же крещеніе наше есть болѣе, нежели крещеніе только водою: то не льзя не признать, что оно есть крещеніе водою и духомъ, или, по слову Господню, рожденіе водою и духомъ, и по выраженію Апостола, *баня пакибытія* (Тим. III. 5.); однимъ словомъ, возрожденіе. Итакъ подлинно во святомъ крещеніи мы сподобились возрожденія, *порождени*, какъ изъясняетъ Апостолъ, *не отъ сѣмене истлѣнна, но неистлѣнна, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки* (1 Петр. I. 23.), — силою имени Отца и Сына и Святаго Духа.

Что жъ? Итакъ подлинно есть Царствіе Божіе внутрь насъ? — Должно быть такъ. Итакъ мы блаженны? — Пусть и сіе скажетъ о себѣ, кто можетъ; а я не смѣю, потому что вижу слишкомъ много такого, что сему противорѣчитъ; вижу болѣе явленій и дѣлъ человѣка невозрожденнаго, ветхаго, нежели возрожденнаго, новаго, болѣе бѣдности Адамовой, нежели блаженства Хрістова.

Посмотрите, какими чертами описываетъ истинно возрожденныхъ Священное Писаніе.

*Всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ, яко сѣмя Его въ немъ пребываетъ; и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. III. 9.). То есть благодать Божія, какъ сѣмя, какъ начало новой жизни въ человѣкѣ, одушевляя его вѣрою и любовію къ Богу, непрестанно производитъ въ немъ добрыя помышленія, намѣренія и дѣла; и потому совсѣмъ не сродно ему дѣлать грѣхъ и находить въ немъ удовольствіе. Всякой ли изъ насъ крещенныхъ отважится сказать о себѣ, что онъ таковъ?

*Всякъ рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ* (1 Іоан. V. 4.). Всякой ли изъ насъ чувствуетъ себя такимъ побѣдителемъ? Не многихъ ли изъ насъ побѣждаетъ корысть, или слава, или суета міра, и влекутъ въ плѣнъ его прелести?

*Вы*, пишется къ возрожденнымъ, *помазаніе имате отъ Святаго и вѣсте вся* (1 Іоан. II. 20.). *И не требуете, да кто учитъ вы, яко то само помазаніе учитъ вы о всемъ* (27.). Укажите мнѣ здѣсь хотя одного изъ сихъ вѣдущихъ вся, чтобы мнѣ научиться отъ него разрѣшенію трудностей излагаемаго теперь ученія.

Мы стали теперь между противоположностями. Съ одной стороны есть причины думать, что мы причастны духовнаго возрожденія чрезъ святое крещеніе; съ дру-

гой есть признаки, по которымъ не льзя не признаться, что въ насъ большею частію не достаетъ свойствъ и дѣйствій человѣка возрожденнаго. Какъ же изъяснить и согласить сіи несообразности?

Здѣсь приличествуетъ слово притчи Господней: *подобно есть царствіе небесное сокровищу сокровену на селѣ* (Матѳ. XIII. 44.). Село, или поле, изображаетъ человѣка. Глубина, въ которой скрыто сокровище, означаетъ сердце или внутренность человѣка, болѣе или менѣе открытую вѣрою. Сюда въ таинствѣ крещенія Духъ Божій, *дышущій идѣже хощетъ*, дхнулъ невидимо, и внесъ въ Своемъ дыханіи сокровище, нетлѣнное сѣмя возрожденія, новую жизнь отъ Бога. Итакъ сокровище положено, и точно есть на полѣ нашемъ: но каждый ли изъ насъ сдѣлалъ съ своей стороны то, чего далѣе требуетъ притча? *Обрѣлъ* ли оное глубокимъ самопознаніемъ и вхожденіемъ внутрь себя? *Скрылъ* ли отъ невидимыхъ татей, смиреніемъ? *Продалъ ли вся, елика имать*, отвергся ли міра и плоти, отдалъ ли безъ остатка страсти и пожеланія, чтобы взять внутреннее сокровище и употребить къ своему блаженству? Если мы ничего такого не сдѣлали; если совсѣмъ не позаботились проникнуть, что скрыто на нашемъ полѣ; если мы только на поверхности его пасемся чувственнымъ удовольствіемъ, какъ безсловесное злакомъ; если скрытое сокровище глубже и глубже зарываемъ уметами и дрязгомъ помысловъ и дѣлъ суетныхъ, нечистыхъ, беззаконныхъ: то сокровище *лежитъ*, но мы имъ не пользуемся; нетлѣнное въ насъ сѣмя не прозябаетъ, не цвѣтетъ, не плодоноситъ; духовная жизнь наша или въ зародышѣ, или въ обморокѣ; надобно желать, чтобы о нашемъ возрожденіи вновь попекся ктонибудь, какъ Святый Павелъ о возрожденіи, крещенныхъ еще прежде, Галатовъ, когда онъ писалъ къ нимъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Хрістосъ въ васъ* (Гал. IV. 19.). То есть: какъ раждающая мать, нахожусь я въ подвигѣ и страданіи, дабы споспѣшествовать вашему духовному рожденію, и притомъ уже не въ первый разъ: сперва сіе было нужно, когда надлежало посредствомъ вѣры и крещенія положить въ сердцахъ вашихъ начатокъ духа; но когда вы, *начеише духомъ, нынѣ плотію скончаваете* (Гал. III. 3.), то потребенъ новый болѣзненный подвигъ, дабы погребенное подъ преобладающею плотію духовное сокровище открыть, дабы задержанный ростокъ духа возрастить до приношенія плодовъ духовныхъ, дабы впечатлѣнный въ душу крещеніемъ образъ Хрістовъ прояснить и проявить во всѣхъ ея способностяхъ, силахъ, расположеніяхъ и дѣлахъ Хрісто-подобныхъ и Богоугодныхъ. *Паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Хрістосъ.*

Кто соглашается съ сими размышленіями въ томъ, сколь важно и необходимо для истиннаго Христіанства возрожденіе; а между тѣмъ въ своей жизни, дѣлахъ и совѣсти не обрѣтаетъ успокоивающаго свидѣтельства, что онъ дѣйствительно пользуется плодами возрожденія: тому надлежитъ не безъ заботы подумать, въ какомъ же онъ состояніи находится, и къ чему сіе ведетъ. Судъ Хрістовъ произнесенъ и, вѣрно, не перемѣнится. Какъ судилъ Онъ въ безмолвную ночь въ присутствіи одного Никодима: такъ же будетъ судить и въ славный послѣдній день въ присутствіи всѣхъ Ангеловъ и всѣхъ человѣковъ: не рожденный свыше, не можетъ видѣти Царствія Божія!

Иные думаютъ: можно ли опредѣлить всѣ шаги къ Царствію небесному? Можетъ быть, спасемся какъ-нибудь и мы.—Это походитъ на то, какъ если бы кто, примѣтивъ трудность и неизвѣстную надежду земледѣлія, сказалъ: можетъ быть, родится хлѣбъ и безъ воздѣлыванія и безъ посѣва. *Сѣяй въ духъ*, говоритъ Апостолъ, *отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. VI. 8.). Если не сѣемъ: то вѣрно и жать нечего будетъ.

Иной, напротивъ, скажетъ: хорошо же; я непремѣнно буду сѣять въ духъ, и сдѣлаюсь возрожденнымъ.—Нѣтъ, возлюбленный! И это не есть надежный путь. Ни безпечное: *можетъ быть*, ни самонадѣянное: *непремѣнно*, негодятся въ дѣлахъ духа. Кто какъ будто на заказъ думаетъ сдѣлаться возрожденнымъ: тотъ всего скорѣе сдѣлается мечтателемъ. Не

можетъ младенецъ родиться, когда и какъ захочетъ: родить его должна мать, по порядку природы. Равнымъ образомъ не можетъ человѣкъ возродиться, когда и какъ захочетъ: возродить его долженъ Духъ Божій, но порядку благодати.

Между крайностями безпечной недѣятельности и самонадѣянной предпріимчивости лежитъ скромный, но дѣятельный путь духа, который указуетъ Апостолъ слѣдующими словами: *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. II. 12.). *Содѣвайте спасеніе*, а не думайте, что оно содѣлается само собою, но содѣвайте *со страхомъ и трепетомъ*, не полагаясь на то, что дѣлаете сами, и остерегаясь непрестанно, чтобы не противиться дѣйствованію въ васъ Божію. *Богъ бо есть дѣйствуяй въ васъ, и еже хотѣти, и еже дѣяти* о *благоволеніи* (13.).

Хотите ли знать въ особенности о возрожденіи, что наиболѣе зависитъ отъ насъ, и что наиболѣе нужно съ нашей стороны? Посмотрите, по указанію Апостола, на образъ возрожденія, представленный въ рожденіи естественномъ. Не одна раждающая болѣзнуетъ родами, но и раждаемое болѣзнуетъ и плачетъ. Вотъ живая притча для ученія о возрожденіи. Болѣзнуй о ветхой, плотской жизни, отъ которой ты еще не разрѣшился; плачь о грѣхахъ своихъ, не только потому, что адъ угрожаетъ тебѣ за нихъ, но еще болѣе потому, что ты Богу, тебя сотворившему, и тебя любящему, не былъ вѣренъ, что предъ Христомъ, за тебя пострадавшимъ, явился неблагодаренъ, что Святаго Духа опечалилъ; плачь слезами сердечными, слезами печальной любви; найди себѣ пищу въ сихъ слезахъ, по написанному: *быша слезы мнѣ хлѣбъ день и нощь* (Пс. XLI. 4.). *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10.) — покаяніе не словесное только, но дѣятельное, не кратковременное, но рѣшительное и постоянное, то, которое въ крещенныхъ Церковь знаменательно называетъ вторымъ крещеніемъ, и слѣдственно существенною принадлежностію возрожденія, то, о которомъ радость бываетъ на небесахъ.

Познайте, ищущіе быть чадами Божіими, духовный вкусъ чистой, Божественной печали, и познаете возрожденіе, и вкусите новую жизнь, на радость себѣ и Небу, на радость полную, неотъемлемую во вѣки. Аминь.

## 5. БЕСѢДА

**О прикосновеніи вѣры ко Христу.**

*И весь народъ искаше прикасатися Ему: яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся.* Лук. VI. 19.

Чудное зрѣлище показываетъ намъ Святый Евангелистъ Лука. Господь Іисусъ, послѣ всенощной молитвы на горѣ, и по избраніи себѣ утромъ двѣнадцати Апостоловъ, сходитъ на равнину; Апостолы слѣдуютъ за Нимъ; соборъ прочихъ учениковъ Его, встрѣчаетъ и принимаетъ Его; великое множество людей, не только изъ многолюднаго Іерусалима, но изъ всей земли Іудейской, и даже изъ приморскихъ мѣстъ Тирскихъ и Сидонскихъ, окружаетъ Его. Хотятъ слышать Его ученіе; хотятъ получить отъ Него исцѣленія: но какъ обыкновенно многолюдство затрудняетъ само себя; то что̀ дѣлаетъ народъ? Онъ тѣснится къ Учителю и Цѣлителю, уже не для того, чтобы слушать, или вопрошать, не для того, чтобы просить исцѣленій, и ожидать, или возложенія рукъ, или слова, разрѣшающаго грѣхи; но бросается къ Нему, какъ кому случится, только чтобы достигнуть до Него, и прикоснуться или къ живоносному тѣлу Его, или къ освященнымъ и, такъ сказать, напоеннымъ текущею изъ Него спасительною силою одеждамъ Его. *Весь народъ искаше прикасатися Ему: яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся.*

Зрѣлище по истинѣ чудное, и достойное не просто удивленія, но и благоговѣйнаго размышленія, и не только размышленія, но и поревнованія. Кто не возжелалъ бы спасительнаго прикосновенія къ

Господу, отъ Котораго исходитъ сила, исцѣляющая все? Посмотримъ же въ Евангеліи, какъ достигали сего желавшіе, и увидимъ, какъ и намъ достигать сего должно.

Дабы желавшіе спасительнаго прикосновенія къ Іисусу Христу, могли самымъ дѣломъ сего достигнуть, для сего нужно было со стороны Его снисхожденіе, и снисхожденіе крайнее. Когда Онъ былъ на горѣ; они не могли прикасаться къ Нему: ибо, вѣроятно, даже не знали, гдѣ найти Его, и какъ приближиться къ Нему. Надобно было, чтобы Онъ сошелъ съ горы на мѣсто ровное, гдѣ ожидалъ Его народъ: и сіе сошествіе было только малый, чувственный образъ Его великаго и многоразличнаго снисхожденія. Подумайте, что надлежало Ему оставить на горѣ:—сладкое и блаженное молитвенное собесѣдованіе съ Отцемъ Своимъ небеснымъ: однако жъ Онъ нисходитъ. А что найдетъ Онъ внизу?—смѣшенное многолюдство, въ которомъ иные хотятъ слушать Его, а иные, можетъ быть, уловить Его въ словѣ; въ которомъ каждый готовъ приступить къ Нему съ своимъ требованіемъ, но, вѣроятно, есть и не вѣдующіе, чего просятъ; во множествѣ ищущихъ прикоснуться къ Нему, вѣроятно, есть и такіе больные, къ которымъ мы, подверженные подобнымъ немощамъ, не захотѣли бы приближиться, есть и такіе грѣшники, отъ которыхъ мы, будучи также грѣшники, удалились бы, если бы видѣли сердца ихъ, какъ Онъ видитъ. Однако жъ Онъ нисходитъ; Онъ приближается. И что еще? Сіи несчастные и погибающіе, которые имѣютъ въ Немъ нужду, какъ въ Помощникѣ и Спасителѣ, поступаютъ съ Нимъ, по видимому, съ нарушеніемъ должнаго къ Божественному Чудотворцу благоговѣнія, и очевидно съ нарушеніемъ обыкновеннаго человѣческаго уваженія и приличія. Они, какъ въ другомъ случаѣ о подобномъ дѣйствіи народа изъяснился одинъ изъ самыхъ Апостоловъ, *одержатъ* Его и *гнѣтутъ*; обезображенные болѣзнями, покрытые ранами, вергутся на Него безъ разбора, бѣснуемыхъ влекутъ и повергаютъ къ Нему другіе: все терпитъ Онъ; всему снисходитъ. Какъ чистая и глубокая рѣка пріемлетъ всѣхъ почерпающихъ изъ нея, не возмущаясь и не истощаясь: такъ безконечная спасительная сила Его допускаетъ всѣхъ приступающихъ къ Нему, не истощаясь множествомъ ихъ, не возмущаясь ихъ недостоинствомъ. *Сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся.*

Христіане! Если нужно снисхожденіе Божественнаго Спасителя, какъ и безъ сомнѣнія оно нужно, — дабы и мы могли спасительно прикасаться къ Нему: то со стороны Его не будетъ въ семъ недостатка. Не съ горы только сошелъ Онъ на мѣсто, равное для нѣсколькихъ тысячъ народа Іудейскаго и сосѣдственнаго съ Іудеею: Онъ сошелъ съ высоты небесъ для всѣхъ милліоновъ людей жившихъ, живущихъ, и когда бы то ни было, имѣющихъ жить на землѣ. Поелику Божественная сила Его, будучи выше самыхъ небесъ, и чище самыхъ небесъ, недостижима была низкому и недостойному естеству человѣческому: Онъ низвелъ ее въ самое человѣчество; вліялъ ее въ сосудъ плоти подобострастной намъ, кромѣ грѣха, для исцѣленія отъ коего и потребна намъ особенно сія сила; по избытку милосердія Своего къ намъ, Онъ, такъ сказать, переполнилъ сосудъ пречистыя плоти Своея, Своею Божественною силою, такъ что ею оросилась самая одежда Его, и уврачевала кровоточивую; а когда, по воскресеніи, *дадеся* Ему *всяка власть на небеси* и *на земли* (Матѳ. XXXIII. 18.), когда воспріятую Имъ плоть нашу вознесъ Онъ съ Собою, и посадилъ одесную Бога Отца, тогда *сшедый и возшедый превыше всѣхъ небесъ, исполнилъ всяческая* (Ефес. IV. 10.), слѣдственно, и всю землю, на всѣ времена, Своею Божественною, спасительною, не только тѣлесно, но и наипаче духовно *вся исцѣляющею силою.* Желаете ли и нынѣ даже чувственнаго доказательства близости и снисхожденія къ намъ Іисусъ-Христова? — Мы имѣемъ оное каждый день на семъ Олтарѣ, гдѣ Онъ всегда ту же, какъ и прежде, Божественную и спасительную силу Свою, сіе *исполненіе Божества, живущее въ Немъ тѣлесно* (Колос. II. 9.), покрываетъ видомъ хлѣба и вина, и до-

пускаетъ насъ не только прикасаться къ Нему, но Плоть Его ясти, и Кровь Его пити во исцѣленіе и жизнь вѣчную.

Но мы видимъ далѣе въ Евангеліи, что для достиженія спасительнаго прикосновенія къ Господу Іисусу, нужно было не только со стороны Его снисхожденіе, но и взаимно со стороны желающихъ сего блага,—исканіе и приближеніе. *Весь народъ искаше прикасатися Ему.* Исканіе же не должно разумѣть здѣсь просто; и приближеніе не должно воображать только тѣлесно. Были ищущіе, которые искали Іисуса — убити; были приближающіеся къ Нему, — чтобы ударить Его въ ланиту: безъ сомнѣнія, не для такихъ людей исходила отъ него всеисцѣляющая сила. Самъ Христосъ ясно различаетъ приближеніе ко всеисцѣляющей Его силѣ, отъ всякаго другаго къ Нему приближенія, когда, тѣснимый множествомъ окружающаго народа, не чувствуетъ ничьего приближенія, кромѣ приближенія одного человѣка: *прикоснуся*, говоритъ, *Мнѣ нѣкто; Азъ бо чухъ силу изшедшую изъ Мене* (Лук. VIII. 46.). Въ чемъ же состоитъ сей особенный образъ приближенія ко Христу, сопровождаемый не мертвымъ прираженіемъ, но живымъ прикосновеніемъ, извлекающимъ изъ Него спасительную силу?—Сіе также ясно показываетъ Господь въ лицѣ кровоточивой, которая, изъ множества тѣснящагося къ Нему народа, одна умѣла къ Нему приблизиться и прикоснуться, и чрезъ прикосновеніе получила исцѣленіе. Ибо что говоритъ Онъ ей?—*Дерзай дщи, вѣра твоя спасе тя* (Лук. VIII. 48.). Итакъ то, что предъ очами тѣлесными было приближеніе и *прикосновеніе*, по созерцанію духовному, Господь называетъ *вѣрою.* Такъ должно разумѣть и то исканіе, приближеніе, прикосновеніе, въ слѣдствіе котораго надъ множествомъ народа ознаменовалась сила Господня, исцѣляющая всѣхъ. По вѣрѣ искали Его, съ вѣрою приближались къ Нему, вѣрою духовною прикасались къ Его силѣ, прикасаясь тѣлесно къ Его пречистому тѣлу или ризамъ. Такъ *весь народъ искаше прикасатися Ему*, или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ народа, которые по вѣрѣ своей послужили образцемъ для другихъ. И какая вѣра видна въ сихъ людяхъ! Не та малая и какъ-бы не примѣтная, которой бы нужно было доискиваться, какъ и подлинно Господь Самъ искалъ ее въ двухъ слѣпцахъ, просившихъ зрѣнія, вопрошая ихъ: *вѣруета ли, яко могу сіе сотворити* (Матѳ. IX. 28.)? Не та вѣра слабая и колеблющаяся, съ которою отецъ отрока бѣснуемаго и просилъ отъ Господа помощи, и въ то же время не надѣялся: *аще что можеши, помози*; которую онъ и признавалъ въ себѣ, и въ то же время не вѣрилъ собственному признанію: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* (Марк. IX. 22. 24). Не та вѣра медленная и полумертвая, которая въ слѣпцѣ Виѳсаидскомъ, послѣ живоноснаго плюновенія Господня на очи его, по двукратномъ возложеніи рукъ Его, едва пробудилась къ принятію совершеннаго исцѣленія. Вѣра искавшихъ прикасатися Іисусу не ожидаетъ себѣ возбужденія отъ Него, не колеблется сомнѣніемъ о Его силѣ, не смущается мыслію о своемъ недостоинствѣ, не требуетъ отъ Него никакого дѣйствія, ниже слова; прямо, твердо и свободно идетъ Она къ Источнику благодати, и почерпаетъ изъ него, какъ будто силою похищаетъ она всеисцѣляющую силу Спасителя. *Сила отъ Него исхождаше и исцѣляше вся.* Но что въ такомъ чрезвычайномъ избыткѣ открывало сію цѣлебную силу? — Не иное что, какъ чрезвычайное дерзновеніе вѣры народной: *народъ искаше прикасатися Ему.*

Послѣ сего, Христіанинъ, если скажешь, что и ты желалъ бы сподобиться спасительнаго прикосновенія ко Господу; отвѣтъ на сіе не труденъ. Ищи, приближайся, прикасайся: только по вѣрѣ ищи, съ вѣрою приближайся, вѣрою прикасайся. Гдѣ мнѣ, скажешь, искать Господа? какъ приближаться и прикасаться къ Нему? Ищи Его мыслію—на небесахъ, любовію — въ сердцѣ, благоговѣніемъ—въ храмѣ, вездѣ ищи Его—дѣлами, для Него предпріемлемыми и совершаемыми. Приближайся къ Нему, какъ оный вѣрующій народъ, желаніемъ послушати Его, и желаніемъ исцѣлитися, то есть, поученіемъ въ словѣ Его, и молитвою къ Нему. Прикасайся къ Нему въ священныхъ знаменіяхъ и Таин-

ствахъ, которыми Онъ, какъ ризою, облекаетъ въ Церкви Свою Божественную и спасительную силу, наипаче же прикасайся Ему въ таинствѣ Тѣла и Крови Его. Отъ тебя самого зависитъ болѣе или менѣе успѣвать въ таковомъ исканіи; въ твоей волѣ болѣе, или менѣе воспользоваться таковымъ приближеніемъ и прикосновеніемъ ко Господу, для твоего спасенія и блаженства. Каковы бы ни были твои душевные недуги: чѣмъ совершеннѣе увѣруешь, тѣмъ совершеннѣе получишь отъ нихъ исцѣленіе силою Христовою, которая и слѣпотствующее око ума твоего просвѣтитъ познаніемъ истины, и разслабленныя силы духа Твоего укрѣпитъ для добродѣтели, и отъ духовъ искусителей тебя избавитъ, и отъ мертвыхъ дѣлъ воскреситъ въ жизнь духовную и святую. Но если ищешь Его невнимательно, приближаешься къ Нему только устами, прикасаешься святыни Его только наружно, безъ живой вѣры и усердія: то ты уподобляешься тому народу, который только угнѣталъ идущаго Іисуса, но не достигалъ Его спасительной силы.

Горькій упрекъ сдѣлалъ Самъ Господь нѣкоторымъ неправильно, то есть, не по вѣрѣ искавшимъ Его: *Аминь аминь глаголю вамъ, ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко яли есте хлѣбы и насытистеся* (Іоан. VI. 26.). О, если бы никто изъ пришедшихъ нынѣ взыскать Господа во храмѣ семъ, не заслужилъ подобнаго упрека, невниманіемъ къ сокровищу вѣры и благодати, исканіемъ только видимыхъ и временныхъ благъ и чувственныхъ утѣшеній! Присоединимъ къ воспоминанію Господня обличенія Господне и наставленіе: *дѣлайте брашно не гиблющее; дѣлайте дѣла Божія; се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, его же посла Онъ* (Іоан. VI. 27—29.). Аминь.

## 6. БЕСѢДА

О молитвѣ съ должнымъ приготовленіемъ.

*Прежде даже не помолишися, уготови себе, и не буди, яко человѣкъ, искушая Господа.* Сир. XVIII. 23.

Какъ пріятенъ видъ нивы, покрытой колосьями, которые зыблетъ тихій вѣтеръ, и полнота плода клонитъ долу: такъ пріятенъ видъ Церкви, наполненной молящимися, въ которыхъ вѣяніе Духа Божія производитъ кроткія движенія сердецъ, и которыхъ, плодотворное въ нихъ, благочестіе преклоняетъ предъ Богомъ и Его Таинствами. Не изъ воображенія беру я сей образъ, но изъ Евангелія. Оно, изъясняя себя и свое дѣйствіе, уподобляетъ ученіе сѣмени, проповѣдующаго—сѣятелю, слушающихъ—землѣ воздѣлываемой, а увѣровавшихъ—землѣ воздѣланной и насѣянной, которая *плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класѣ* (Мар. IV. 28.).

Но должно признаться, что та же притча, которая, какъ чистое зеркало, усугубляетъ пріятность того, что вижу предъ собою въ церкви, не позволяетъ мнѣ безпечно предаться пріятности сего видѣнія. *Земля плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класѣ.* Итакъ есть не только трава безъ колоса, потому что молода;—есть души еще младенчествующія въ Христіанствѣ, и потому не приносящія плода духовнаго; но есть и класъ безъ зерна;—есть души, которыя имѣютъ наружный образъ благочестія, безъ внутренней силы онаго. Колосъ безъ зерна походитъ на колосъ полный; образъ благочестія походитъ на истинное благочестіе: какъ это обманчиво! Чѣмъ долѣе колосъ не наполняется зерномъ, тѣмъ онъ ближе къ состоянію конечной пустоколосицы, въ которой ничего не найдется для житницы; — чѣмъ далѣе человѣкъ остается при одномъ поверхностномъ образѣ благочестія, не исполняясь возраждающею силою онаго, тѣмъ онъ ближе къ конечному закоснѣнію въ семъ со-

стояніи духовнаго безплодія, въ которомъ ничего не найдется годнаго для царствія небеснаго: какъ это опасно! А при томъ вотъ что наиболѣе внушаетъ заботу: колосъ не виноватъ, если небо и земля не наполнили его зерномъ: по чтобы человѣкъ исполненъ былъ плодовъ благихъ, для сего Небо всегда готово съ своими благодатными вліяніями; онъ самъ виновенъ, если нерадитъ привлекать оныя вѣрою, молитвою, всецѣлымъ преданіемъ себя вліяніямъ Неба.

«Что жъ дѣлать? Я молюсь, и призы-«ваю вліяніе Неба. Не въ моей то вла-«сти, чтобы молитва моя исполнилась.» — Не сіе ли думаютъ нѣкоторые, и, можетъ быть, многіе? Въ отвѣтъ на сіе предлагаю наставленіе Мудраго о томъ, что состоитъ въ нашей власти, дабы молитва наша была Богопріятна. *Прежде даже не помолишися, уготови себе, и не буди, яко человѣкъ, искушая Господа.*

Нечего дивиться, если не успѣшно дѣлается такое дѣло, къ которому приступаютъ, какъ случится, наудачу. Если хочешь побѣдоносно сражаться: приготовься приличнымъ вооруженіемъ себя, и обученіемъ искусно владѣть оружіемъ. Если хочешь переплыть рѣку: приготовься снятіемъ съ себя одежды, которая связала бы тебя, отягчила и погрузила въ глубину. Подобно сему, если хочешь молиться съ пользою и успѣхомъ: *прежде даже не помолишися, уготови себе.*

Но въ чемъ состоять можетъ приготовленіе къ молитвѣ?

Скажемъ ли: должно знать Бога, не токмо, какъ сотворившаго насъ въ началѣ, но и какъ пекущагося о насъ ежедневно, ежечастно?

Скажемъ ли: должно вѣровать, что Божіе о насъ промышленіе совершается, не только посредствомъ законовъ, данныхъ отъ Бога природѣ всѣхъ существъ, но и независимо отъ законовъ природы, всевластною и вседѣйствующею волею Божіею; что воля Божія, по человѣколюбію, преклоняется къ нашей волѣ, чтобы ее исполнить; что Богъ не только позволяетъ, но и хощетъ, чтобы мы возносили къ Нему наши непорочныя желанія въ молитвѣ?

Скажемъ ли: должно уповать, что не смотря на ничтожность нашу по самой природѣ, не смотря на недостоинство наше, по причинѣ грѣха, Богъ, по безпредѣльному милосердію Своему, не отвергнетъ и нашей молитвы, какъ увѣряетъ насъ непреложное слово Господне: *аще вы лукави суще умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага, — дастъ Духа Святаго, — просящимъ у Него* (Матѳ. VII. 11. Лук. XI. 13.)?

Скажемъ ли: должно, по изреченію и примѣру Давида, *предзрѣть Господа предъ* собою (Пс. XV. 8.); съ твердою увѣренностію представлять себѣ, что Богъ, невидимо, но дѣйствительно присутствуетъ при нашей молитвѣ, насъ видитъ, слышитъ, испытуетъ наше сердце, чтобы дать намъ по сердцу нашему?

Все сіе должно быть уже извѣстно каждому молящемуся. Это такія приготовительныя къ молитвѣ расположенія, безъ которыхъ не только молитва не можетъ быть успѣшна, но и едва ли можетъ быть молитва.

Есть еще нѣкоторыя приготовленія къ молитвѣ, которыхъ потребность можетъ быть не примѣчена, или забыта, безъ которыхъ молитва можетъ начаться и продолжаться, но не можетъ имѣть истиннаго и полнаго успѣха.

Одно изъ такихъ приготовленій къ молитвѣ есть прощеніе врагамъ и примиреніе со всѣми ближними нашими, то есть, со всѣми человѣками. Ибо что̀ говорите вы въ той молитвѣ, которая ни для кого не можетъ быть чуждою, и въ которой ничего не можно перемѣнить, потому что образъ молитвы, преданный Самимъ Господомъ, безъ сомнѣнія, есть и самъ въ себѣ совершенъ, и каждому молящемуся приличенъ?—Вы говорите: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ;* то есть: прости намъ грѣхи наши, какъ и мы прощаемъ всякому оскорбившему насъ. Если вы говорите сіе безъ особеннаго вниманія, безъ предварительнаго испытанія своего сердца: то легко можетъ случиться, что во время молитвы вашей, въ немъ таиться будетъ вражда, или огорченіе на ближняго, и слѣдственно слова устъ: какъ мы

прощаемъ, такъ прости намъ, отъ состоянія сердца, по необходимости, получатъ превратный смыслъ: какъ мы не прощаемъ, такъ и намъ не прости. Чтобы предохранить себя отъ сей погрѣшности, которая, очевидно, ниспровергаетъ дѣйствіе молитвы, нужно тщательно испытывать миролюбивое расположеніе нашего сердца; одно мысленное испытаніе онаго не надежно; тогда только можемъ быть увѣрены, что мы съ своей стороны совершенно примирились съ ближнимъ нашимъ, если самымъ дѣломъ исполнили все, для насъ возможное, чтобы и съ его стороны примиреніе совершилось. Сія предосторожность, сіе приготовленіе къ молитвѣ такъ нужно, что даже начатую безъ онаго молитву Господь повелѣваетъ прекратить, и обратиться къ приготовленію. *Аще*, говорить, *принесеши даръ твой ко Олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ Олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ* (Матѳ. V. 23. 24.).

Примѣтимъ, какъ строга заповѣдь примиренія. *Помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя*: сіе случается иногда такъ, что ты не находишь въ себѣ никакой вины противъ сего брата. Но Господь и сего случая не изключаетъ изъ обязанности искать примиренія прежде молитвы: *шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ*. Какая нужда въ сей строгости?—спроситъ иной. Почему не могу я совершить своей молитвы, не заботясь о томъ, какъ расположенъ ко мнѣ братъ? — На сіи вопросы я могу отвѣтствовать просто: не знаю. Заповѣдь Господня нимало не потеряетъ отъ того своей силы. Если бы твой заимодавецъ прощеніе такого долга, за который ты могъ бы умереть въ темницѣ, предлагалъ тебѣ подъ условіемъ, чтобы ты простилъ маловажный долгъ твоему должнику: безумно было бы не принять сего легкаго и выгоднаго условія потому только, что ты не догадываешься, почему оно предложено. Подобно сему, когда Богъ прощеніе грѣховъ, за которые подлежалъ бы ты вѣчной смерти, обѣщаетъ тебѣ, подъ условіемъ, чтобы ты простилъ ближнему какое-нибудь оскорбленіе, примирился съ нимъ послѣ какого-нибудь недоразумѣнія: безумно было бы лишать себя великаго прощенія Божія, потому только, что ты не догадываешься, для чего такъ настоятельно требуется твое малое прощеніе ближнему, или примиреніе съ нимъ.

Какая нужда, говоришь ты, въ сей строгости, съ которою требуется отъ тебя подвигъ примиренія? — Нужда такъ не малая, какъ никогда не бываютъ малы намѣренія Божіи. Строгость сія есть милость, и притомъ большая, нежели ты воображаешь. Ты хочешь быть благополученъ, и о томъ хочешь молиться. Богъ хощетъ болѣе; Онъ хощетъ, чтобы благополучны были всѣ Его созданія, поколику онѣ сіе принять могутъ; посему хощетъ Онъ, чтобы по возможности благополученъ былъ и ты, но также и братъ твой, который *имать нѣчто на тя*, и который отъ того безпокоенъ, или, что то же, не благополученъ. Если ты съ любовію и смиреніемъ будешь искать примиренія съ симъ несчастнымъ братомъ: то ты его сердце, въ которое вонзилась вражда или досада, освободишь отъ сей занозы; оно сдѣлается и спокойнѣе, и чище прежняго; такимъ образомъ ты будешь служителемъ Провидѣнія Божія въ дѣлѣ благополучія твоего брата. Видишь ли, какая важная и прекрасная нужда требуетъ отъ тебя подвига примиренія, и какая въ строгости сего требованія заключается милость?

Почему, говоришь ты, не могу я совершить моей молитвы, не заботясь о томъ, какъ расположенъ ко мнѣ братъ?— Потому, что если ты не заботишься о братѣ, который *имать нѣчто на тя*, то ты не заботишься о спокойствіи его духа, и о чистотѣ его сердца, и слѣдственно о его благополучіи; если не заботишься о его благополучіи, то ты его не любишь; *не любяй брата*, по свидѣтельству возлюбленнаго ученика истинной любви, *пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. III. 14.); мертвый ничего дѣлать не можетъ; слѣдственно ты, будучи мертвъ духовно, яко не любяй, не можешь и духовнаго дѣла молитвы совершить, какъ должно. Та же нелюбовь, которая не отверзаетъ сердца твоего къ ближнему, дер-

жить оное заключеннымъ и для Бога. Шедъ смирися съ братомъ; положи въ сердце твое искру чистой любви; сія искра поможетъ, да исправится молитва твоя, яко кадило предъ Богомъ.

Другое, важное для успѣха въ молитвѣ, приготовленіе къ оной есть воспріятіе искренняго желанія и твердаго намѣренія оставить всякій грѣхъ, которому мы подвержены, и жить по волѣ Божіей. *Обратися ко Господу*, поучаетъ Премудрый, *и остави грѣхи; помолися предъ лицемъ, и умали претыканія; восходи къ Вышнему, и отвратися отъ неправеды, и зѣло возненавиди мерзость* (Сир. XVII. 21—23.). И Апостолъ *основаніе* духовнаго зданія Божія въ человѣкѣ означаетъ сею вѣрною отличительною и охранительною *печатью: да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2 Тим. II. 19.). Какъ бы такъ сказалъ онъ: если ты именуешь имя Господне во исповѣданіи, въ призываніи, въ молитвѣ, и отступаешь отъ неправды; то въ тебѣ есть твердое основаніе, и вѣрное знаменіе новаго, спасаемаго человѣка, котораго Богъ возсозидаетъ благодатію Своею изъ ветхаго, погибающаго: а если ты не отступаешь рѣшительною волею отъ неправды, то хотя ты и призываешь имя Господне; основаніе твое не твердо, знаменіе твое сомнительно, и молитвѣ твоей столько недостаетъ силы, сколько не достаетъ чистоты. *Уклоняяй ухо свое не послушати закона*, говоритъ Соломонъ въ притчѣ, *самъ и молитву свою омерзилъ* (Прит. XXVIII. 9.). Посему не удивительно, если Господь не приклоняется къ такой молитвѣ соизволеніемъ на просимое, и даже отвращается отъ нея. *Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю* (Лук. VI. 46.)? — Пророкъ Исаія, слышавъ конечно жалобы Іудеевъ на безуспѣшность ихъ молитвъ, вотъ какъ вразумляетъ ихъ о причинѣ сей безуспѣшности: *еда не можетъ рука Господня спасти? или отягчилъ есть слухъ Свой, еже не услышати? Но грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ; и грѣхъ ради вашихъ отврати лице Свое отъ васъ, еже не помиловати. Руцѣ бо ваши осквернены кровію, и персты ваши во грѣсѣхъ, устнѣ же ваши возглаголаша беззаконіе, и языкъ вашъ неправдѣ поучается* (LIX. 1—3.).

Какая же мнѣ надежда, скажетъ грѣшникъ, если самая молитва, которою желаю испросить прощеніе грѣха, не пріемлется Богомъ?—Отвѣтствую ему: надежда твоя есть сія самая молитва, но соединенная съ покаяніемъ неизмѣннымъ, съ рѣшительнымъ оставленіемъ грѣха.—Но какъ мнѣ освободиться отъ грѣха безъ помощи благодати Божіей, которую желаю пріобрѣсть молитвою?—То правда, что не льзя освободиться отъ грѣха, безъ благодати Божіей: но и благодати Божіей несвойственно освободить тебя отъ грѣха безъ воли твоей; потому что благодать не хощетъ сдѣлать принужденія твоей волѣ; не хощетъ отнять у тебя прекрасный даръ свободы, который ты такъ худо употребилъ, продавъ себя въ рабство грѣху, за скоропреходящее и обманчивое удовольствіе. Сдѣлай же свое, малое; и тогда молись, и благодать сотворитъ съ тобою свое великое. Оставь грѣхъ, рѣшительнымъ желаніемъ не дѣлать его болѣе: и тогда молись, и благодать самымъ дѣломъ освободитъ тебя отъ его владычества. Оставь грѣхъ вольный; и тогда молись, и благодать избавитъ и предохранитъ тебя отъ грѣха невольнаго, и содѣланный невольный грѣхъ въ вину тебѣ не поставитъ. Оставь грѣхъ сердцемъ, — не любя, а возненавидь оный; оставь грѣхъ умомъ,—старайся и не думать о его прелестяхъ; и тогда молись; и благодать поможетъ тебѣ стяжать чистое сердце, чистый умъ, чистую душу и тѣло, чистую жизнь.

Кто, не уготовавъ себя предварительно таковыми расположеніями, приступаетъ къ молитвѣ, кто проситъ отъ Бога милостей и благодѣяній, не подумавъ о томъ, какъ бы завтра не оскорблять Его грѣхами, въ которыхъ виновенъ предъ Нимъ сего дня: тотъ по истинѣ, какъ изъясняпся Премудрый, есть *яко человѣкъ, искушаяй Господа*. Ибо если бы вмѣстѣ съ словами молитвы обратить въ слова и то, что кроется въ сердцѣ молящагося безъ желанія своего исправленія: то чтобы это было? «Господи, прости мнѣ грѣхи, ко-

торыми я оскорбилъ Тебя, но я не намѣренъ прекратить подобныя оскорбленія; исполни мое желаніе, но я не обѣщаюсь исполнять Твою волю.» Если бы съ подобными рѣчами обратился кто къ земному властелину или судіи: не всякой ли здравомыслящій принялъ бы сіе не за прозьбу, а за безразсудное покушеніе вывесть изъ терпѣнія и раздражить? Кольми паче предстоящій Богу съ словами устъ молитвенными, и съ расположеніями сердца мятежными, есть дерзновенный, *искушаяй Господа*, до чего простираться можетъ Его долготерпѣніе. Оно простирается уже очень далеко, если такой молитвенникъ не поражается правосудіемъ Божіимъ. А отсюда конечно еще не очень близко до благодатнаго прiятія и исполненія молитвы.

Христіанинъ! *не буди яко человѣкъ, искушаяй Господа*. Не приноси злобы предъ лице Всеблагаго, нечистоты предъ лице Всечистаго. *Прежде даже не помолишися, уготови себе.* Наполни елеемъ свѣтильникъ, чтобы онъ горѣлъ ясно и долго. Наполни миромъ сердце, чтобы молитва твоя была свѣтла и постоянна. Ускори позаботиться, чтобы удалить отъ духовнаго кадила смрадъ житія нечистаго и неисправляемаго. Будь вѣренъ и тщателенъ въ сихъ начальныхъ приготовленіяхъ къ молитвѣ: и Духъ Божій, который есть Духъ молитвы, ходатайствуя за тебя воздыханіями неизглаголанными, наставитъ тебя въ дальнѣйшемъ совершеніи сего духовнаго дѣланія, да принесешь плодъ Богови, собираемый въ животъ вѣчный. Аминь.

## 7. БЕСѢДА

**Изъ словъ святаго Апостола Павла о молитвѣ духомъ и умомъ.**

*Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ.* 1 Кор. XIV. 15.

Молитва есть дѣло толикой важности въ жизни духовной, что если бы кто хотѣлъ разрѣшить для себя недоумѣніе, находится ли онъ на пути къ совершенству жизни духовной, то ему надлежало бы примѣчать, имѣетъ ли онъ какой-нибудь успѣхъ въ молитвѣ. Ибо если взять въ разсужденіе слово Господне: *вся, елика аще вопросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимите*: то по необходимости должно заключить, что кто умѣетъ съ вѣрою въ молитвѣ просить всего, потребнаго къ совершенству жизни духовной, тотъ все сіе и пріемлетъ, и потому, безъ сомнѣнія, идетъ къ совершенству жизни духовной, и наконецъ достигаетъ онаго.

Судя по толикой важности молитвы для жизни духовной, мы должны быть очень заботливы о лучшемъ и надежнѣйшемъ способѣ совершать молитву.

Будемъ же внимательны. Вотъ, Апостолъ сказуя, какъ лучше желалъ бы молиться онъ самъ, чрезъ сіе даетъ намъ самое надежное наставленіе, какъ и намъ лучше молиться. *Помолюся*, говоритъ, *духомъ, помолюся же* и *умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ.*

Въ изреченіи Апостола представляются, во-первыхъ, два внѣшніе вида молитвы: *помолюся, воспою*; — молитва словесная и молитва пѣсненная.

О сихъ видахъ молитвы довольно замѣтить вкратцѣ, какъ вѣрно святая Церковь слѣдуетъ примѣру и учрежденію Апостольскому, поелику и нынѣ употребляетъ въ Богослуженіи попремѣнно чтеніе и пѣніе, молитву словесную и молитву пѣсненную; и какъ общеупотребительнымъ и общеполезнымъ должно почитать сіе учрежденіе, не только для млодовѣдущихъ и водимыхъ чувственными впечатлѣніями, но и для людей возвышенно мыслящихъ, поелику и Богомудрый Апостолъ наравнѣ со всѣмъ народомъ вѣрующихъ, желаетъ не только молиться духомъ и умомъ, но и пѣть отъ избытка Боголюбиваго сердца и умиленнаго чувства!

Во-вторыхъ, представляются въ изреченіи Апостола два нѣкіе особенные способа молитвы: молитва духомъ и молитва умомъ. *Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ.*

Чтобы разумѣть сіи высшіе образы молитвы, надлежитъ вникнуть, что значатъ

слова: духъ и умъ въ языкѣ Апостольскомъ. Когда слышимъ Апостола говорящаго, что *сущіи по плоти плотская мудрствуютъ, а иже по духу, духовная* (Рим. VIII. 5.): тогда разумѣемъ, что духъ есть нѣчто высшее въ человѣкѣ, противоположное плоти или чувственности. Когда тотъ же Апостолъ говоритъ еще: *самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному* (Рим. VII. 25.): изъ сего усматриваемъ, что и умъ есть нѣчто высшее въ человѣкѣ, противоположное плоти. Посему, кажется, что духъ и умъ составляютъ почти одно, какъ и подлинно соединяетъ ихъ Апостолъ, когда излагаетъ истину, или существо Христіанскаго ученія, состоящее въ томъ, чтобы *обновлятися духомъ ума*. Если можно здѣсь примѣчать какое различіе *ума* отъ *духа*: то развѣ такое, что *духъ* представляется въ самомъ *умѣ* чѣмъ-то болѣе возвышеннымъ, болѣе внутреннимъ, открывающимся въ умѣ, подобно какъ душа открывается въ чувствахъ.

Но какъ въ изреченіяхъ Апостола о молитвѣ дѣятельность ума представляется въ нѣкоторой противоположности съ дѣятельностію духа, какъ напримѣръ: *духъ мой молится, а умъ безъ плода есть:* то надлежитъ между ими быть не малому, и весьма ощутительному различію. Дабы открыть сіе различіе, прочитаемъ слова Апостола нѣсколько въ большей полнотѣ: *аще бо молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ.* Теперь видимъ, что выраженіе: помолюся духомъ, поставлено на мѣсто прежде употребленнаго выраженія: *молюся языкомъ*. Слѣдственно *молитва духомъ* составляетъ одно съ *молитвою языкомъ*; и дабы понять молитву духомъ, надобно имѣть понятіе о молитвѣ языкомъ.

Чтобы не утомлять васъ долѣе тяжкимъ изыскательнымъ словомъ, поспѣшимъ сказать, въ чемъ состоитъ дѣло. Когда Апостолы, по вознесеніи Господнемъ, *вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи;* и въ десятый потомъ день *исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, яко же Духъ даяше имъ провѣщавати* (Дѣян. II. 4.); и такимъ образомъ даръ говорить иными неизученными языками открылся, какъ весьма блистательный плодъ молитвы, и какъ весьма торжественное знаменіе сошедшаго и дѣйствующаго Святаго Духа: съ того времени молитва и ревность вѣрующихъ взяли особенное направленіе и стремленіе къ достиженію сего дара, сколь полезнаго въ тѣ времена для распространенія Христіанскаго ученія, столь же пріятнаго для обладающихъ онымъ, какъ очевидно увѣрительнаго въ присутствіи благодати Божіей. Поелику сіе стремленіе вѣрующихъ соотвѣтствовало намѣренію благодати, распространить Христіанство: то благодать щедродаровито снисходила сему стремленію, и такимъ образомъ въ собраніяхъ церковныхъ не рѣдко случалось, что духъ молящихся восторгался къ Духу Божію, Духъ Божій низходилъ на духъ молящихся и, какъ неудержимый потокъ, изливался чрезъ уста ихъ молитвами, пѣснопѣніями, славословіями, пророчествами, на разныхъ языкахъ. Обиліе сего дара было такъ велико, что иногда объятые духомъ произносили молитвы, воспѣвали Божественныя пѣсни на такихъ языкахъ, которыхъ большая часть присутствующихъ, или даже никто изъ нихъ совсѣмъ не разумѣли. На сей-то случай сказалъ Апостолъ: *аще молюся языкомъ*, — то есть, языкомъ неизвѣстнымъ, открывшимся только по дарованію Святаго Духа, — *духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть;* умъ безъ плода потому, что его не понимаютъ другіе, и отъ того слово молитвы, сѣемое языкомъ его, не приноситъ въ другихъ плода подобной молитвы.

Послѣ сего, надѣюсь, нѣсколько понятно, что *молитва духомъ* есть такое молитвенное состояніе, въ которомъ человѣкъ, воскриляемый вѣрою и любовію, самою, такъ сказать, вершиною существа своего, своею высшею способностію и силою, которою онъ какъ бы сопредѣленъ съ Божественнымъ, стремится и восторгается къ Духу Божію, пріемлетъ наитіе Духа Божія, предается сему наитію, такъ что уже тогда не столько самъ человѣкъ

молится, сколько *дышетъ* въ немъ *Духъ* Святый, дышущій, *идѣже хощетъ,— Самъ Духъ* Святый *ходатайствуетъ* о немъ *воздыханіи неизглаголанными* (Рим. VIII. 26.), или глаголами, не рѣдко превышающими разумѣніе человѣка чувственнаго.

Различаемая отъ сего состоянія у Апостола *молитва умомъ* есть такой образъ молитвы, когда умъ молящагося хотя возвышается къ Богу съ благоговѣйными мыслями, съ благочестивыми желаніями, со святыми чувствіями умиленія или радости, но не предается влеченію духовнаго восторга неограниченно, а управляетъ своими мыслями, желаніями, чувствіями такъ, что въ семъ случаѣ духовныя силы дѣйствуютъ въ обыкновенномъ, имъ свойственномъ порядкѣ, а потому молитвенныя прошенія и славословія изрекаются общевразумительно, почему и слышащихъ могутъ возбуждать къ участію въ молитвѣ.

Оба сіи образа молитвы одобряетъ и предлагаетъ къ употребленію Святый Апостолъ, когда говоритъ къ Коринѳянамъ: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ.* То есть: не желаю, и не совѣтую вамъ употреблять одинъ изъ сихъ образовъ молитвы исключительно; а за лучшее признаю, иногда молиться духомъ, а иногда молиться умомъ, попеременно, по требованію обстоятельствъ,—молиться духомъ, для себя и для Бога, — молиться умомъ, для Бога, и для себя, и для назиданія ближнихъ.

Не можно при семъ пройти безъ особеннаго замѣчанія, и даже безъ удивленія того, что Апостолъ предлагаетъ молитву духомъ, которая есть даръ Духа Божія, наравнѣ съ молитвою умомъ, которая есть свободное дѣло духа человѣческаго. Какъ? Не ужели мы также властны употреблять молитву духомъ, какъ и молитву умомъ? Помыслилъ ли ты о семъ, Святый Настаяниче?—Безъ сомнѣнія, братія, Духъ Святый во святомъ Павлѣ не погрѣшаетъ въ преподаваемыхъ намъ наставленіяхъ. Видно, подлинно властны мы молиться духомъ, какъ скоро подлинно и совершенно предаемся Духу Божію, который есть Духъ молитвы:—видно властны, потому что, подобно сему, по дивному снисхожденію къ намъ Духа Божія, и Пророки властны въ употребленіи духа Пророческаго, какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ тотъ же Апостолъ: *и дуси пророчестіи Пророкомъ повинуются* (1 Кор. XIV. 32.).

Но еще болѣе должны мы удивиться тому, что благодатную молитву духомъ, Апостолъ старается не усилить и распространить, но нѣкоторымъ образомъ ограничить и удержать въ ея стремленіи. Онъ жалуется на избыточествующее употребленіе молитвы духомъ. Съ нѣкимъ негодованіемъ противъ молитвы духомъ говоритъ онъ: *духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть.* Онъ какъ-бы предпочитаетъ молитву умомъ, и преимущественно къ ней побуждаетъ: *въ церкви*, говоритъ, *хощу пять словесъ умомъ глаголати, да ины пользую, нежели тмы словесъ языкомъ.* Что же сіе значитъ?—То, что благодать Святаго Духа въ первенствующей Церкви разливалась, какъ море; что тогда многихъ вѣрующихъ нужно было не побуждать къ молитвѣ, не влещи къ дѣламъ духа, но умѣрять ихъ безпредѣльную ревность, чтобы они, погружаясь въ духѣ, не забывали обыкновенныхъ обязанностей внѣшняго общежитія человѣческаго и Христіанскаго.

Если отъ сего духовнаго зрѣлища первенствующей Церкви обратимся къ настоящему ея состоянію и къ самимъ себѣ: то не должно ли намъ притти въ удивленіе другаго рода, или, можетъ быть, въ страхъ и ужасъ, отъ печальной разности настоящаго съ прошедшимъ? Многіе ли между нами погружены въ молитву духа такъ, чтобы нужно было ихъ изъ моря духа извлекать на брегъ ума? Многіе ли, хотя сколько нибудь, испытали молитву духа? Многіе ли довольно понимаютъ ее, когда о ней говорится?

Скажутъ: за чѣмъ же ты намъ и говоришь о сей молитвѣ, которая такъ необыкновенна, и такъ мало понятна? — Пусть на сіе жалуется, кто хочетъ; а я именно потому и говорю о сей возвышенной молитвѣ, что въ наше время она такъ необыкновенна, и что такъ мало ее понимаютъ. Надобно, чтобы вѣкъ сей зналъ, что въ немъ сдѣлались необыкновенными такіе дары благодати, которые нѣкогда были весьма обыкновенны; что мудрецамъ

его сдѣлались непонятны такія описанія благодатныхъ дѣйствій, которыя понятны были простолюдинамъ, слушавшимъ Апостола Павла, или читавшимъ его Посланія. Какъ же скоро знаетъ сіе сей поздный и сумрачный вѣкъ: тотчасъ говорю ему то, что еще ранѣе повелѣно было сказать Ангелу Ефесскія Церкви: *помяни убо, откуду спалъ еси, и покайся, и первая дѣла сотвори* (Апок. II. 5.).

По истинѣ, братія, глубоко ниспали мы отъ благочестивой ревности, отъ духовнаго преспѣянія первенствующихъ Христіанъ, когда не только чудесная молитва духа оскудѣла, но часто и молитва ума невнимательна, молитва сердца хладна, молитва устъ не одушевлена молитвою ума и сердца.

Покаемся и поревнуемъ первымъ дѣламъ первыхъ Христіанъ; понудимъ себя *терпѣти въ молитвѣ и моленіи*, то есть, пребывать въ ней, по возможности, постоянно и неослабно; станемъ на стражѣ ума и чувствъ нашихъ со вниманіемъ, чтобы отгонять отъ молитвы нашей суетные помыслы, страстныя желанія, и чувственныя развлекающія впечатлѣнія и воспоминанія, подобно какъ древле Патріархъ Авраамъ отгонялъ хищныхъ птицъ отъ своей жертвы: да приближаемся къ Богу не устами только, но наипаче сердцемъ; да помолимся и воспоемъ умомъ, по усердію нашему, да помолимся и воспоемъ наконецъ и духомъ, по дару Святаго Духа, Ему же слава со Отцемъ и Сыномъ, во вѣки. Аминь.

## 8. БЕСѢДА

### О страхѣ Божіемъ.

*Тѣмже царство непоколебимо пріемлюще, да имамы благодать, ею же служимъ благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ.* Евр. XII. 28.

Сіи увѣщательныя слова написалъ Святый Апостолъ Павелъ къ Христіанамъ изъ Евреевъ; а глаголавшій въ Немъ Духъ Святый преподалъ въ нихъ наставленіе Христіанамъ всѣхъ народовъ и временъ, слѣдственно и намъ.

Какъ увѣщаніе простираетъ Апостолъ не ко властямъ, а ко всѣмъ Христіанамъ безъ различія: то изъ сего должно заключить, что *принятіемъ непоколебимаго царства* означаетъ онъ участіе не во власти царской, а въ преимуществахъ и благахъ непоколебимаго царства.

*Благодать*, о которой говоритъ здѣсь Апостолъ, не какъ даруемой отъ Бога человѣку, а какъ воздаваемой человѣкомъ Богу, очевидно есть благодарность.

По симъ замѣчаніямъ разумъ Апостольскаго наставленія есть слѣдующій. Если благость Божія даруетъ намъ участіе въ преимуществахъ и благахъ непоколебимаго царства: то мы должны имѣть въ сердцѣ благодарность къ Богу, и, по чувству благодарности, должны Ему служить благоугоднымъ Ему образомъ, съ благоговѣніемъ и страхомъ.

Слѣдуя сему Апостольскому побужденію къ благодарности предъ Богомъ, долженствующей обратиться въ служеніе Богу, не оставимъ, братія, безъ особеннаго вниманія, какого качества отъ нашего благодарнаго служенія Богу требуетъ Апостольское слово. *Да служимъ*, говоритъ Апостолъ, *благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ.*

Надобно нѣсколько болѣе углубиться въ основаніе, на которомъ утвердилъ Апостолъ сію заповѣдь. Сперва сказалъ онъ Христіанамъ: *приступисте къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному и тмамъ Ангеловъ, торжеству и Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ*: потомъ на сей мысли основалъ заключеніе: *тѣмже царство непоколебимо пріемлюще, да имамы благодать, ею же служимъ Богу.* Изъ сего видно, что неопредѣленнымъ наименованіемъ царства *непоколебимаго* Апостолъ указуетъ собственно на царство небесное и вѣчно блаженное. И если сіе царство имѣемъ мы въ виду; и даже пріемлемъ оное, и тѣмъ побуждаемся къ благодарности и благодарному служенію предъ Богомъ: то, кажется, всего ближе

было бы требовать, чтобы мы служили Богу съ надеждою, съ радостію, съ веселіемъ. Но не такъ разсуждаетъ Апостолъ. Онъ говоритъ: *да служимъ благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ.*

Еще болѣе удивиться можно сему разсужденію Апостола, если вспомнимъ, что онъ въ другомъ случаѣ страхъ полагаетъ принадлежностію рабскаго состоянія человѣковъ, живиихъ подъ закономъ ветхаго Завѣта, какъ-бы чуждаго Христіанъ, сущихъ подъ благодатію новаго Завѣта. *Не пріясте*, говоритъ, *духа работы паки въ боязнь, но пріясте духа сыноположенія* (Рим. VIII. 15.). И еще: *Не даде намъ Богъ духа страха, но силы и любве и цѣломудрія* (2 Тим. I. 7.). Подобно и другой Апостолъ говоритъ о страхѣ, какъ о несовершенствѣ, отъ котораго можно наконецъ освободиться: *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ; яко страхъ муку имать; бояйся не совершися въ любви* (1 Іоан. IV. 18.).

Какъ же согласить сіи различныя возрѣнія на одинъ предметъ? И не должно ли опасаться, что стремящіеся къ совершенству любви оставятъ позади себя страхъ, и слѣдственно нарушатъ заповѣдь о служеніи Богу со страхомъ, или, напротивъ, держащіеся страха задержатъ себя въ восхожденіи къ совершенству любви?

Сіи вопросы показываютъ, что не къ юнымъ только дѣтямъ обращать можно сіе приглашеніе вѣщеноснаго наставника: *пріидите чада, послушайте Мене, страху Господню научу васъ* (Псал. XXXIII. 12.).

Не думаю, чтобы нужно было учить, что есть вообще страхъ Божій. То, что довольно ясно по простому ощущенію опытному, не рѣдко становится темнѣе отъ искуственныхъ опредѣленій. Если вы знаете, что такое страхъ раба предъ царемъ, обвиненнаго и повиннаго предъ нелицепріятнымъ судіею: то увеличивъ мѣру даже до безмѣрія, вы можете понять, что такое долженъ быть страхъ человѣка предъ Богомъ.

Въ отвращеніе недоразумѣній, необходимо нужно различить особенные виды, въ которыхъ сей страхъ является, и степени, по которымъ онъ восходитъ или нисходитъ, въ различныхъ людяхъ, или же въ различныхъ внутреннихъ состояніяхъ одного и того же человѣка. Чтобы различеніе не было произвольнымъ, заимствуемъ оное изъ самаго Апостольскаго слова. *Не пріясте духа работы паки въ боязнь:* итакъ есть видъ страха, который можно назвать *рабскимъ*, а сему противоположить можно страхъ *сыновній*. Страхъ рабскій, при служеніи Богу, есть внутреннее расположеніе души, которая боится Бога, карающаго грѣхъ, и потому отвращается и убѣгаетъ грѣха, и всего Богу неугоднаго. Страхъ сыновній есть внутреннее расположеніе души, благоговѣйно любящей Бога, какъ всеблагаго отца, и по любви боящейся оскорбить Его. Высшая степень сыновняго страха есть страхъ *чистый*, совершенно проникнутый любовію, и освобожденный отъ рабской боязни. Напротивъ того, низшая степень рабскаго страха есть страхъ раба *лукаваго и лѣниваго*,—такое внутреннее состояніе человѣка, въ которомъ онъ боится не столько Бога, сколько мученія за грѣхъ, и потому хотя отчасти служитъ Богу по наружности, но внутренно не ненавидитъ грѣха, не подвизается противъ него для добродѣтели, и готовъ предаться ему, какъ скоро можетъ представить его не такъ тяжкимъ, чтобы за него угрожала вѣчная казнь.

Послѣ сихъ различеній не трудно уже опредѣлить и взаимно согласить истинный смыслъ разнообразныхъ священныхъ изреченій относительно страха Божія въ человѣкѣ. Если Апостолъ говоритъ намъ Христіанамъ, что *не даде намъ Богъ духа страха:* то, безъ сомнѣнія, онъ разумѣетъ здѣсь страхъ рабскій, или по собственному его выраженію, *духъ работы въ боязнь*, а не страхъ сыновній, который не чуждъ дарованному намъ *духу сыноположенія*, потому что есть одно изъ движеній сего самаго духа. Подобнымъ образомъ, если другой Апостолъ сказуетъ, *что совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ:* то и сей говоритъ о страхѣ рабскомъ; страха же сыновняго и чистаго не имѣетъ нужды изгонять любовь, которая сама въ немъ дѣйствуетъ. Чистое не подлежитъ отверженію, почему

и говоритъ писаніе о *страхъ Господнемъ чистомъ*, что онъ *пребываетъ въ вѣкъ вѣка* (Псал. XVIII. 10.).

Остановиться на степени страха однѣхъ наказаній, безъ сомнѣнія, было бы низко для Христіанина: онъ долженъ подвизаться, чтобы очищать свой страхъ, и отъ рабскаго восходить къ сыновнему. Но и напротивъ, если бы кто сказалъ: хочу водиться духомъ сыноположенія, и не забочусь о страхѣ; или: предаюсь любви совершенной, и отлагаю страхъ: таковый, въ дерзновенномъ возношеніи помысла, былъ бы недалекъ отъ паденія. Богъ даровалъ тебѣ духа сыноположенія; но не сказалъ тебѣ: не имѣй болѣе страха. И возлюбленный ученикъ Христовъ, провозвѣстникъ любви совершенной, не уполномочиваетъ тебя изгонять изъ сердца твоего страхъ, а только открываетъ тебѣ тайну совершенства, что совершенная любовь, когда приходитъ, сама изгоняетъ страхъ безъ твоего усилія, безъ твоего участія, и, можетъ быть, даже безъ твоего вѣдома, и то, можетъ быть не на-всегда; потому что, между тѣмъ какъ любовь изгоняетъ страхъ, да насладится человѣкъ торжествомъ благодати, смиреніе обратно призываетъ страхъ, да не забудетъ облагодатствованный своего недостоинства. И если ты удалишь отъ себя страхъ: то кто же приведетъ тебя къ любви? Потому что, какъ сказуетъ Премудрый, *страхъ Господень на стезяхъ любленія поставляетъ* (Сирах. I. 13.).

Кто принесъ на землю, и даровалъ человѣкамъ сыноположеніе Божественное? Не единородный ли Сынъ Божій, Который для сего и воплотился, и кровію Своею написалъ намъ отпущеніе изъ рабства грѣха, отягченнаго страхомъ смерти, въ свободу чадъ Божіихъ? Что жъ? Освободилъ ли Онъ насъ и отъ обязанности страха предъ Богомъ? Напротивъ, Онъ проповѣдалъ ее сильнѣе и настоятельнѣе, нежели кто-либо изъ учениковъ Его. *Не убойтеся*, глаголетъ, *отъ убивающихъ тѣло, и потомъ немогущихъ лишше что сотворити. Скажу же вамъ, кого убойтеся: убойтеся имущаго власть по убіеніи, воврещи въ дебрь огненную. Ей, глаголю вамъ, Того убойтеся* (Лук XII. 4. 5.).

И такъ уже не станемъ удивляться, что Святый Павелъ, который и совершенную любовь зналъ, и сыноположеніе проповѣдывалъ, тѣмъ не менѣе заповѣдывалъ служить Богу, *со страхомъ*. Позаботимся же еще больше о исполненіи сей заповѣди, нежели о ея изслѣдованіи. Исполненіе паче изслѣдованія должно показать ея достоинство, силу и благотворность.

Если страхъ Божій предводитъ васъ на служеніе Богу во храмъ: онъ не укоснитъ принести васъ сюда, какъ на крилахъ; поставитъ васъ здѣсь точно предъ лицемъ Божіимъ; отверзетъ умъ вашъ для глубокаго вниманія Слову Божію и сердце для принятія благодати Таинодѣйствія; онъ не позволитъ мыслямъ и взорамъ блуждать по землѣ, когда они должны быть устремлены къ небу, откуда испрашивается и приходитъ помощь, не допуститъ васъ утратить блаженную бесѣду съ Богомъ ради празднословія съ человѣкомъ; онъ содѣлаетъ ваше въ Богослуженіи участіе и Богу благоугоднымъ, и душѣ вашей сладостнымъ и питательнымъ.

Если страхъ Божій отъ храма сопровождаетъ васъ въ жизнь домашнюю и общественную; онъ будетъ для васъ вѣрнымъ стражемъ отъ опасныхъ встрѣчъ, твердою стѣною противъ враждебныхъ стрѣлъ, скромнымъ ходатаемъ высокихъ благъ

Опасаешься ли обаянія грѣха? — *Страхъ Господень отрѣеваетъ грѣхи* (Сирах. I. 21.).

Ищешь ли премудрости? — *Начало премудрости страхъ Господень* (Притч. I. 7.); и не только начало, но *и исполненіе премудрости, еже боятися Господа* (Сирах. I. 16.).

Угрожаешься ли бѣдою или смертію? — *Боящійся Господа ничего убоится, и не устрашится; Той бо надежда ему* (Сирах. XXXIV. 14.). *Страхъ Господень источникъ жизни, творитъ же уклонятися отъ сѣти смертныя* (Прит. XIV. 27.).

*Кто есть человѣкъ боящися Господа?* — ищетъ Пророкъ, какъ ищутъ человѣка,

которому спѣшатъ объявить щастливую вѣсть; — *кто есть человѣкъ боляйся Господа? Законоположитъ ему на пути, его же изволи. Душа его во благихъ водворится, и сѣмя его наслѣдитъ землю. Тайна Господня боящимся Его, и завѣтъ Его явитъ имъ* (Псал. XXIV. 12—14.).

Только при страхѣ Божіемъ благозаконенъ подвигъ, вѣрна надежда, безопасна радость. Посему сказано: *работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Псал. II. 11.).

Если вы даже святые: то и святымъ вамъ сказуется: *бойтеся Господа вси святіи Его* (Псал. XXXIII. 10.). Если же не дерзаете сего достоинства приписать себѣ: то тѣмъ паче *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. II. 12.), *творяще святыню въ страсѣ Божіи* (2 Кор. VII. 1.). Аминь.

## 9. БЕСѢДА

**О благомъ игѣ Хрістовомъ.**

*Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.* Матѳ. XI. 30.

Господь Іисусъ призываетъ къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи*; обѣщаетъ имъ душевное успокоеніе: *Азъ упокою вы, — обрящете покой душамъ вашимъ.* Какой пріятный зовъ! Какое вожделѣнное обѣщаніе! Но какое средство употребитъ Онъ для успокоенія труждающихся, и для облегченія обремененныхъ? Сниметъ ли съ нихъ бремя, которое ихъ удручало? Избавитъ ли ихъ отъ трудовъ, которые ихъ изнуряли? Безъ сомнѣнія, Онъ сіе сдѣлаетъ: но на первый разъ Онъ имѣетъ въ намѣреніи совсѣмъ другое. Онъ хочетъ, чтобы они приняли на себя новое иго: *возмите*, говоритъ, *иго Мое на себе.* О милосердый Господи! Утружденныхъ ли посылать на новый трудъ? На обремененныхъ ли налагать новое бремя? Таковы ли у Тебя средства покоя? — Не смущайтесь; Господь вѣдаетъ, что творитъ; и несообразныя съ нашимъ мудрованіемъ средства Его, сообразны съ намѣреніями Его премудрости. Утружденные дѣлами плоти и міра найдутъ покой, если примутъ на себя новый трудъ духовный; обремененные игомъ діавола, связанные злыми привычками, отягченные въ совѣсти грѣхами, гонимые и удручаемые бичами страстей найдутъ облегченіе и свободу, если подклонятъ выю подъ иго Хрістово: *иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.*

Христіане! Когда Самъ Іисусъ Хрістосъ, который есть Вѣчное Слово и Вѣчная Истина, нашелъ нужнымъ сказать, что иго Его *благо, и бремя* Его *легко есть:* то сіе, во-первыхъ, удостовѣряетъ насъ, что ученіе жизни Христіанской, къ исполненію котораго мы призываемся, воистину есть благотворно и удобно къ исполненію; во-вторыхъ, сіе показываетъ, что дѣйствительно нужно, приступающихъ работати Господеви удостовѣрять въ удобоисполнимости ученія Христіанскаго.

Слышимъ еще и нынѣ жалобу, на которую такъ давно уже отвѣтствовалъ Божественный Учитель и Спаситель душъ, — жалобу на тягость ига Его, на строгость Его ученія, на трудность исполнять Его заповѣди. На чемъ же основывается сія жалоба? Въ чемъ состоитъ сія трудность? Безъ сомнѣнія въ томъ наиболѣе, что ученіе Хрістово повелѣваетъ человѣку итти противъ нѣкоторыхъ естественныхъ склонностей, преодолѣвать ихъ, умерщвлять, приносить въ жертву; и что требуетъ отъ Христіанина строгаго очищенія не только наружныхъ, но и внутреннихъ дѣйствій и движеній, не только дѣлъ и словъ, но и желаній и помышленій. Разберемъ сіи обвиненія человѣческія противъ Божественной Истины.

Истина не запирается, что она даетъ людямъ заповѣди, не такъ легкія, какъ дѣтскія игрушки, но такъ тяжелыя, какъ иго, коимъ обременяютъ работный скотъ. *Возмите иго.* Жалующіеся на Истину должны быть довольны симъ откровеннымъ признаніемъ истины. Но чѣмъ болѣе откровенно ея признаніе въ томъ, что ея заповѣди суть иго: тѣмъ болѣе убѣдитель-

но должно быть ся увѣреніе, что иго сіе благо, и бремя сіе легко. *Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.*

Люди, сколько нибудь благоразумные, и не совсѣмъ низкіе въ чувствованіяхъ, конечно не рѣшатся объявить требованіе на то, чтобы всегда быть и оставаться только дѣтьми, вѣчно заниматься только игрушками. Но если вы помышляете восходить выше сего состоянія: то надобно перейти къ занятіямъ дѣльнымъ, къ трудамъ, къ подвигамъ,—принять на себя иго.

На что иго?—скажутъ непокорные;—человѣкъ не то, что работный скотъ; человѣкъ одаренъ разумомъ; для чего жъ бы не вести его изъ состоянія дѣтства къ возрасту совершенства путями разума, правилами понятными разуму, легкими волѣ, пріятными чувствамъ? На что бы отягчать его игомъ,—правилами часто непонятными разуму, трудными волѣ, непріятными чувствамъ?

Хорошо, разумные почитатели разума; откройте мнѣ сіи простыя, легкія и пріятныя правила, посредствомъ которыхъ могъ бы человѣкъ безъ труда, какъ будто въ нѣкую игру, выиграть совершенство и благополучіе. Только я боюсь, чтобы правила сіи не были слишкомъ легки, или, яснѣе сказать, легкомысленны. Ибо, вопреки сему самонадѣянному разуму, неоспоримый опытъ свидѣтельствуетъ, что въ сей земной жизни человѣка, никакая способность его не образуется, никакое знаніе не пріобрѣтается, никакой успѣхъ не достигается безъ того, чтобы онъ не впрягъ себя въ какое нибудь ярмо, не понесъ какого нибудь бремени. Чтобы научить отрока граматѣ, не впрягаете ли вы его въ жестокое для него ярмо учебныхъ часовъ, не отягчаете ли бременемъ непонятныхъ для него книгъ, не принуждаете ли цѣлый день твердить безсмысленныя и безвкусныя буквы? Что сказать о высшемъ образованіи сего самаго разума, который хочетъ быть законодателемъ легкой нравственности? Чтобы сдѣлаться достойнымъ своего имени, не преклоняется ли онъ подъ иго наставниковъ, не силится ли поднять вѣками собранныя бремена учености, и, чтобы понести оныя, не мучитъ ли тѣла безсонницею, не утомляетъ ли головы напряженными размышленіями? Чтобы сдѣлаться богатымъ, не отказываетъ ли себѣ человѣкъ надолго въ пріятностяхъ роскоши, не связываетъ ли себя строгимъ закономъ бережливости? Чтобы получить жатву, не пріобщаетъ ли земледѣлецъ и самого себя къ ярму орющаго скота, и жнецы не наклоняютъ ли хребта своего передъ малымъ колосомъ, прежде нежели онъ послужитъ имъ въ пищу? Чтобы сдѣлать одежду для прикрытія и защищенія отъ воздушныхъ перемѣнъ тѣла человѣческаго, сколько нужно разныхъ искуствъ, разныхъ трудовъ, разныхъ орудій? Вотъ обыкновенные опыты человѣческой жизни! Какъ же люди, которые по природѣ думаютъ быть умнѣе и могущественнѣе природы, хотятъ легче научить человѣка добродѣтели, нежели граматѣ? Легче сдѣлать его совершеннымъ духовно, нежели какъ онъ дѣлается образованнымъ по-мірски? Легче доставить ему вѣчное блаженство, нежели какъ пріобрѣтается тлѣнное богатство? Легче достать живую пищу для безсмертной души, нежели какъ приготовляется безжизненная пища для смертнаго тѣла? Легче устроить нерукотворимую ризу правды и славы, нежели какъ устрояютъ рукодѣльную одежду нужды и стыда?

Если свидѣтельствъ природы не довольно для людей, которые хотѣли бы лучше слушаться природы, нежели Евангелія: буду отважнѣе; сошлюсь на свидѣтельство сихъ самыхъ людей въ томъ, что не легкость и пріятность, но трудность и пожертвованіе ознаменовываютъ истинную и возвышенную добродѣтель или совершенство въ человѣкахъ. Пускай сіи люди, которымъ Христіанскіе подвиги потому только не нравятся, что трудны,—пускай они скажутъ, удивляются ли они дѣламъ, которыя никакого труда не стоятъ, не требуютъ никакой побѣды надъ собою, никакого пожертвованія? Великое ли дѣло, когда богатый не грабитъ и не мздоимствуетъ? Не гораздо ли важнѣе то, когда неимѣющій насущнаго хлѣба не хочетъ пріобрѣсти его неправдою? Когда обиженный отмщаетъ: что тутъ важнаго? И звѣри то же дѣлаютъ. Но когда онъ щадитъ низложеннаго врага: тогда не только

любомудрые, но и зрѣлищные цѣнители дѣлъ болѣе превозносятъ побѣдителя за побѣду надъ собственнымъ гнѣвомъ, нежели надъ силою врага. Что такъ въ общепринятомъ мнѣніи возвышаетъ надъ многими другими подвигами подвиги военные и смерть за Отечество, если не пожертвованіе собственною безопасностію за безопасность Отечества? Итакъ, если отъ добродѣтели требуется подвигъ и пожертвованіе, чтобы она была достойна міра и его мнѣнія: можно ли менѣе требовать для того, чтобы она была достойна Бога и Его праведнаго избранія? И если надобность подвига и законъ пожертвованія не дѣлаютъ неудобоисполнимою добродѣтели мірской; то какъ можно неудобоисполнимою почитать добродѣтель Христіанскую потому только, что она соединена съ тою же надобностію подвига, подчинена тому же закону пожертвованія?

Но чтобы прямѣе отвѣтствовать, почему Іисусъ Христосъ налагаетъ на Своихъ послѣдователей нѣкое иго и бремя, и какъ иго сіе оказывается благимъ и бремя легкимъ, приведемъ на память знающимъ и пріемлющимъ свидѣтельства Священныхъ Писаній, что *человѣкъ*, нѣкогда *въ чести сый*, *не разумѣ* превосходства своего Ангелоподобнаго состоянія, и, обманутый прельщеніемъ искусителя, добровольно *приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. XLVIII. 13.), потому что прилѣпился къ чувственной природѣ, преимущественно предъ духовною. Сколько по естественному послѣдствію сего дѣйствія, столько же по праведному наказанію сего преступленія, онъ естественно находится нынѣ подъ игомъ чувственности, такъ что и старанія сдѣлать пріятнымъ иго плоти крушатъ духъ его, и усилія вырваться изъ-подъ ига сего другимъ образомъ удручаютъ его; понеже грубое иго крѣпко налегло на него, приросло къ нему, и онъ, какъ впряженный скотъ, не имѣетъ орудій самъ себя разрѣшить отъ онаго. Такимъ образомъ человѣкъ, по Апостольскому выраженію, *естествомъ чадо гнѣва*, всегда *труждается*, безъ упокоенія; всегда *обремененъ*, безъ облегченія. Въ семъ состояніи обрѣтаетъ его Христосъ: и, — примѣчайте, какъ напрасно труждающійся и обремененный жалуется на облегчителя и успокоителя; — не теперь въ первые налагаетъ, но только перемѣняетъ иго его; — перемѣняетъ иго злое и тяжкое на благое и легкое, — иго похотей и страстей погибельныхъ на иго заповѣдей спасительныхъ. И Христовы заповѣди суть *иго*; потому что скотскія похоти надлежитъ обуздать, звѣрскія страсти укротить, и даже заклать чувственное удовольствіе, и принести въ жертву закону духовному: но иго Христовыхъ заповѣдей есть *иго благое*, потому что находящійся подъ симъ игомъ ведется отъ состоянія болѣе или менѣе скотоподобнаго въ состояніе истинно человѣческое, Ангелоподобное, даже Богоподобное; — есть *бремя легкое*, потому что Господь, возлагающій оное, въ то же время благодатію подаетъ соразмѣрную силу нести оное. Иго Христово благо, и бремя легко: потому что чѣмъ охотнѣе человѣкъ несетъ оное, тѣмъ болѣе самъ становится благимъ; а чѣмъ болѣе самъ становится благимъ, тѣмъ легче для него становится исполнять благія заповѣди, такъ что наконецъ онъ творитъ волю Господню съ большею легкостію и удовольствіемъ, нежели собственную, и такимъ образомъ иго на раменахъ его совсѣмъ исчезаетъ, или превращается въ крылія, которыя непрестанно несутъ его на Небо.

Въ сихъ размышленіяхъ уже заключается оправданіе истины Христіанской и противъ другаго обвиненія, будто она слишкомъ строга, когда требуетъ отъ своего послѣдователя очищенія не только наружныхъ, но и внутреннихъ дѣйствій и движеній. Подлинно, строгость заповѣдей Христовыхъ преслѣдуетъ и слова праздныя, и взоры нецѣломудренные, и желанія нечистыя, и помышленія суетныя: но какъ сему и быть иначе, когда *прилѣжитъ помышленіе человѣку прилѣжно на злая отъ юности его* (Быт. VIII. 21.); а намѣреніе Христово есть возвести сего человѣка къ Богу, Которому никакое зло, никакая нечистота, никакая суета, приближиться не можетъ?

Кто желалъ бы, чтобы законъ Христовъ снисходительно взиралъ на безпорядочныя блужденія человѣческихъ желаній и помы-

шленій: того можно спросить, согласится ли онъ, чтобы по сему снисходительному закону поступали съ нимъ его дѣти или его друзья? — Отцу было ли бъ пріятно узнать, что его сынъ, видимо почтительный, втайнѣ жаждетъ его наслѣдства, и ждетъ дня, въ который оно ему достанется? Какой другъ былъ бы доволенъ ласками и услугами своего друга, если бы узналъ, что въ душѣ его нѣтъ любви и усердія, которыхъ оныя кажутся выраженіемъ? Если человѣкъ, который не видитъ мыслей, и не знаетъ желаній своего ближняго, не удовлетворяется, когда не видитъ въ немъ внутренняго къ себѣ расположенія: то колико необходимѣе, чтобы чистоты желаній и мыслей требовалъ отъ человѣка Богъ, испытующій сердца и утробы?

А что сія строгость Евангельской нравственности не жестока, и ея требованія, при содѣйствіи благодати, въ данной каждому мѣрѣ, удобоисполнимы: въ томъ да увѣрятъ насъ, новоначальныхъ учениковъ Христовыхъ, благословенные, вѣками оправданные, опыты учениковъ Его совершенныхъ, изъ которыхъ многіе конечно живо чувствовали благодатную легкость, когда не только носили всецѣлое иго необходимыхъ заповѣдей, но и добровольно приложили къ нему иго совѣтовъ Евангельскихъ; отреклись не только отъ любостяжанія, но и отъ самаго стяжанія; не только въ наслажденіи отказывали плоти своей, но и необходимыя требованія тѣла ограничивали, чтобы тѣмъ удобнѣе распространять свою дѣятельность въ области духа.

Упокоенные и прославленные Иноносцы Христовы! Вашими оставленными намъ примѣрами, наставленіями, молитвами вспомоществуйте намъ труждающимся и обремененнымъ бременами плоти и міра, и съ вѣрою воспринимать, и съ любовію нести благое иго Христово, и въ немъ обрѣтать покой душамъ нашимъ. Аминь.

## 10. БЕСѢДА

### О нищетѣ духовной.

*Блажени нищіи духомъ: яко ваше есть царствіе Божіе.* Лук. VI. 20.

Вотъ начальное ученіе, которое преподалъ Божественный Учитель и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, когда на нѣкоемъ *мѣстѣ равнѣ* окружалъ Его *народъ учениковъ Его, и множество много людей отъ всея Іудеи и Іерусалима, и поморія Тирска и Сидонска, иже пріидоша послушати Его, и исцѣлитися отъ недугъ своихъ.*

И мы здѣсь *на мѣстѣ равнѣ:* потому что здѣсь и высокій вельможа не выше прочихъ, и низкій простолюдинъ не ниже прочихъ, предъ Богомъ, Который въ вышнихъ живетъ, и на смиренныя призираетъ. И здѣсь *народъ учениковъ Его:* ибо всѣ Христіане суть ученики Христовы. Сіе *множество много людей пришло* сюда, чтобы приближиться, и, поколику можно, прикоснуться святынѣ и силѣ Божіей, и чрезъ то *исцѣлитися отъ недугъ своихъ*, какіе кто чувствуетъ душевно или тѣлесно: надѣюсь, что пришло, или, по крайней мѣрѣ, должно было пріити, и съ тою мыслію, дабы *послушати* ученія Христова.

Не постыдитесь, давніе, и, такъ сказать, природные ученики Христовы, если предложимъ вамъ начальное ученіе Христово: но тѣмъ съ большимъ вниманіемъ *послушайте* ученія, которое давно пора вамъ исполнить, и въ которомъ остаться незнающими не только стыдно было бы, но и погибельно.

*Блажени нищіи духомъ: яко ваше есть царствіе Божіе.*

Благословенъ возлюбленный Учитель за сіе начало ученія! Если бы Онъ, предпріемля говорить народу о царствіи Божіемъ, всѣмъ безъ различія вдругъ сказалъ то, что наединѣ сказалъ человѣку, который самъ почитался *учителемъ Израилевымъ: аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія:*

то къ вопросамъ Никодимовымъ: *како можетъ человѣкъ родитися старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися* (Іоан. III. 3. 4.)? сколько бы еще присоединилось вопросовъ неудоборазрѣшимыхъ для плотскихъ человѣковъ! Или, если бы не приготовленнымъ ученикамъ предложилъ Онъ ученіе о крестѣ, которое, и послѣ приготовленія, самые Апостолы съ трудомъ уразумѣли: *не разумѣша глагола сего, бѣ бо прикровенъ отъ нихъ, да не ощутятъ его* (Лук. IX. 45.): какъ трудно было бы слушать Его, и принимать слышанное! Теперь снисходя къ немощи слушающихъ, Онъ не поражаетъ высотою, не устрашаетъ трудностію ученія: но прежде всего дѣлаетъ оное любезнымъ, и привлекаетъ къ нему сердца сладкими именами *блаженства, царствія Божія.*

Кто не ищетъ блаженства, гдѣ и какъ умѣетъ? Кто не желаетъ царствія Божія? Какой безумный или безчувственный можетъ быть холоденъ или невнимателенъ, когда ему предлагаютъ блаженство, когда ему обѣщаютъ царствіе Божіе? Смотрите же. Вотъ путь къ блаженству; вотъ дверь въ царствіе Божіе — нищета духа. *Блажени нищіи духомъ: яко тѣхъ есть царствіе Божіе.* Не правда ли, что можно бросить цѣлый міръ, чтобы пріобрѣсть сію нищету, которая доставляетъ блаженство и царствіе Божіе?

Христіанинъ! Ученикъ блаженства! Ученикъ царствія Божія! Не пронзаютъ ли уха твоего сіи первые звуки ученія Христова? Не разширяется ли сердце твое, чтобы поглотить оное! Не жаждетъ ли умъ твой познать, что такое нищета духа? Не пробуждаетъ ли тебя духъ къ спасительной заботѣ, какъ бы тебѣ содѣлаться однимъ изъ блаженныхъ нищихъ духомъ? Слушай и учись.

*Блажени нищіи духомъ: яко ваше есть царствіе Божіе.*

Паки благословенъ Премудрый Учитель, что премудрое ученіе облекаетъ простотою слова, такъ что утаенное отъ премудрыхъ и разумныхъ открывается даже младенцамъ. Что болѣе загадочно, какъ блаженство, котораго всѣ вездѣ ищутъ, и никто нигдѣ не находитъ? Что непостижимѣе царствія Божія, потому что все Божіе непостижимо? Просто ли по сему изъяснить способъ достигнуть блаженства и Царствія Божія? Напротивъ того, что знакомѣе и простѣе, какъ нищета, которую повсюду между собою встрѣчаемъ? И ею-то безпримѣрный Учитель изъясняетъ тайну, какъ достигнуть блаженства и царствія Божія. Смотри на бѣдственную нищету плоти, размышляй, и уразумѣешь блаженную нищету духа.

Нищій не имѣетъ ничего, а всего ищетъ у другихъ, и, какъ милостыни, проситъ необходимаго для жизни, какъ-то, пищи, одежды, жилища. Если духъ твой, воспоминая райское жилище, изъ котораго онъ въ прародителяхъ изгнанъ, райскую одежду свѣта, отъ которой грѣхомъ обнаженъ, райскую пищу отъ древа жизни, которой лишенъ, чувствуетъ себя въ крайней скудости всякаго добра, и въ опасности умереть вѣчною смертію; а потому непрестанно прибѣгаетъ и припадаетъ къ Богу, ищетъ и проситъ себѣ духовнаго жилища—въ Церкви Его, духовной одежды—въ благодати Сына Его Іисуса Христа, дабы, въ Него крестившись, въ Него и облещись, духовной пищи — во всякомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ: по таковымъ расположеніямъ Богъ, богатый милостію, видитъ и пріемлетъ тебя, какъ нищаго духомъ, и, даруя тебѣ просимыя блага, даруетъ въ нихъ самое царствіе Божіе. Признавать, что въ насъ, и для насъ въ мірѣ, нѣтъ истиннаго духовнаго блага, и усердно просить духовной милости отъ Подателя всѣхъ благъ Бога есть дѣло нищаго духомъ. Смиренная молитва и молящееся смиреніе составляютъ нищету духа.

Если судить по тому, что лишеніе райскихъ и духовныхъ благъ есть общій отъ прародителей жребій всѣхъ живущихъ на земли: то надлежало бы, кажется, всѣмъ безъ изъятія быть нищими духомъ. И подлинно, по сему разсужденію богатыхъ духомъ собственно нѣтъ между человѣками: но, что всего хуже, есть *богатящіеся*, то есть, нищіе, которые выдаютъ себя за богатыхъ. Они бываютъ, если можно такъ изъясниться, богаты гордостію, тщеславіемъ, лицемѣріемъ, невѣ-

жествомъ и слѣпотою; и потому не приходятъ въ спасительное ощущеніе духовной нищеты. Одинъ сдѣлалъ нѣсколько добрыхъ или благотворительныхъ дѣлъ; и думаетъ, что уже обогатился добродѣтелями. Другаго похвалили; и онъ увѣряетъ себя, что уже достигъ совершенства. Иной умѣлъ только скрыть свои пороки: и за тѣмъ уже не нуждается въ добродѣтелахъ. Иной, привыкши удовлетворять только требованіямъ плоти, почти не знаетъ потребностей духа, изобиліемъ благъ земныхъ закрываетъ отъ себя недостатокъ благъ небесныхъ, удовольствіями чувственными притупляетъ вкусъ духовный, и, если домъ его полонъ, одежда украшена, тѣло насыщено или пресыщено, онъ весьма доволенъ; и, точно какъ богатый на нищихъ, смотритъ на людей, которые говорятъ ему о гладѣ духовномъ, о наготѣ грѣховной, о бѣдственномъ земномъ изгнанничествѣ нашемъ изъ нерукотвореннаго и нетлѣннаго дома Отца небеснаго. *Имѣяй ухо, да слышитъ, что на сіе Духъ глаголетъ. Глаголеши, яко богатъ есмь, и обогатихся и ничтоже требую, и не вѣси, яко ты еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищь, и слѣпъ, и нагъ* (Апок. III. 13. 17.). Да слышимъ и то, какая судьба опредѣлена отъ Бога таковымъ ложно и мечтательно богатящимся. *Алчущія исполни благъ, и богатящіяся отпусти тщи* (Лук. I. 53.). Чему и быть иному! Кто думаетъ, что онъ богатъ; тотъ не чувствуетъ нужды: кто не чувствуетъ нужды; тотъ не проситъ: кто не проситъ; тотъ не пріемлетъ, по реченному Апостоломъ: *не имате, зане не просите*: ибо небесный Податель благъ, какъ намъ не велитъ метать бисеръ предъ свиніями, такъ и Самъ сего не дѣлаетъ; и съ другой стороны, не просящій отъ Бога благодати не способенъ принять ее, имѣя заключенное сердце. Посему сказано еще: *просяй пріемлетъ, и ищяй обрѣтаетъ, и толкущему отверзается* (Матѳ. VII. 8.) внутрь сокровенное царствіе Божіе.

Христіане! Тотъ, Который въ Евангеліи поучаетъ насъ нищетѣ духовной, *насъ ради, богатъ сый, обнища, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. VIII. 9.). Если бы изъ послушанія къ Нему, изъ благодарности, для участвованія въ пріобрѣтенномъ Имъ для насъ безчисленномъ богатствѣ, то есть, въ безконечномъ блаженствѣ царствія Божія, надлежало намъ изъ богатыхъ сдѣлаться нищими: чего жалѣть? Но намъ нечего терять по внутреннему нашему, духовному человѣку, если не обогатила насъ благодать Хрістова; содѣлаться нищими духомъ значитъ только познать ясно, и признать искренно нищету, которая съ нами родилась и живетъ съ нами. Можно ли нерадѣть о семъ? Можно ли упорствовать противъ сего? Если тебѣ и кажется, что ты стяжалъ нѣкоторыя добродѣтели: *что имаши, его же нѣси пріялъ?* Не отъ Бога ли пріялъ ты законъ добра, свѣтъ ума, въ которомъ ты увидѣлъ сей законъ, чувство сердца, которымъ ты возлюбилъ его, свидѣтельство совѣсти, которое не позволило тебѣ отречься отъ него, или забыть его, силу воли, которою ты подвигся къ исполненію его, средства, которыми ты могъ исполнить его? *Аще же пріялъ еси; что хвалишися, яко не пріемъ* (1 Кор. IV. 7.)? Ототми и отложи изъ присвояемаго тобою духовнаго богатства то, что пріялъ ты отъ Бога: и осмотрись, остается ли у тебя что, кромѣ твоей наслѣдственной нищеты? А что, если плоды правды твоей, какъ внутреннимъ червемъ, повреждены нечистыми намѣреніями и побужденіями? Что, если противъ нѣсколькихъ динаріевъ, которые ты считаешь въ духовномъ твоемъ сокровищѣ, Богъ и ближніе могутъ считать на тебѣ многія тысячи динаріевъ долговъ, то есть, грѣховъ и неправдъ? Не должно ли въ семъ случаѣ признаться, что ты изъ нищихъ нищій? Если, вмѣсто сего признанія, ты заглушаешь чувствованіе сей нищеты, полагая свое удовольствіе въ тлѣнномъ земномъ богатствѣ, или отягчая сердце свое объяденіемъ и піянствомъ, и предаваясь другимъ чувственнымъ и скотскимъ вожделѣніямъ: ты дѣлаешь то, что изображенный въ Евангеліи распутный сынъ, когда онъ въ недостаткѣ нищи, свойственной человѣку, *желаше насытитися отъ рожецъ, яже ядяху свиніи* (Лук. XV. 16.).

Возчувствуемъ, участники всеобщей ни-

щеты, возчувствуемъ каждый во своемъ духѣ нищету нашу въ благахъ духовныхъ, и смиримся; признаемъ нашу грѣховность, и покаемся; будемъ часто прибѣгать къ дому Отца небеснаго, и просить отъ Него духовной милости, ради Христа, Единороднаго Сына Его, для насъ обнищавшаго, и намъ богатство благодати стяжавшаго кровію Своею; нѣтъ сомнѣнія, что по сему ходатайству *дастъ Онъ Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. XI. 13.) съ вѣрою, и сей Утѣшитель паче слова опытомъ научитъ насъ, какъ *блажени нищіи духомъ*, и что воистину *ихъ есть царствіе Божіе*. Аминь.

## 11. БЕСѢДА

### Объ очищеніи сердца.

*Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ*. Матѳ. V. 8.

Если видѣть царя земнаго, и особенно видѣть не по случаю, а по данному доступу, почитается счастіемъ: то какое блаженство узрѣть небеснаго Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, Котораго и не можно увидѣть по случаю, но единственно по Его благоволенію и благодати! Что можетъ видѣть видящій царя? — Славу, могущество, мудрость, благость, все сіе, можетъ быть, въ высокой степени, однако все ограниченное. Какія могутъ быть послѣдствія сего видѣнія? — Удивленіе, любовь, надежда, безопасность, и, можетъ быть, нѣкоторое причастіе славы, однако не царской. Но что узритъ тотъ, кто сподобится узрѣть Бога? — Благость и самое благо, всесовершенное и единственное, премудрость, и, самый предметъ мудрости, истину высочайшую и всеобъемлющую, могущество неограниченное и силу всѣхъ силъ, славу и красоту, которой никакое слово изобразить, никакое воображеніе представить не можетъ. И какой плодъ сего созерцанія? — Не только восторгъ удивленія, восхищеніе любви, исполненіе всѣхъ надеждъ, безопасность, неприкосновенная никакому злу, которое не можетъ проникнуть въ благодатное присутствіе Божіе, но дѣйствительное причастіе всей полноты созерцаемаго: ибо, по увѣренію Апостола, *откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающіе въ той же образъ преобразуются отъ славы въ славу* (2 Кор. III. 18.).

Желаетъ ли кто зрѣть Бога, и блаженствовать въ семъ созерцаніи? Пусть вступитъ на путь, къ сему ведущій; сей путь указанъ Іисусомъ Христомъ, Который Самъ есть *путь*, и вѣрнѣйшій путеуказатель; сей путь есть чистота или очищеніе сердца. *Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ*.

Что такое нечистота сердца, сіе больше или меньше всякому понятно, по опыту, къ несчастію, не рѣдко слишкомъ очевидному. *Отъ сердца*, говоритъ Сердцевѣдецъ, *исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы. Сія суть сквернящая человѣка* (Матѳ. XV. 19. 20.). Когда злыя помышленія, исходя отъ сердца, видимо сквернятъ человѣка словами хулы на Бога, или клеветы на ближняго, дѣлами татьбы, любодѣянія, прелюбодѣянія, убійства: тогда въ скверныхъ дѣлахъ или словахъ кто не узнаетъ нечистаго сердца? Отсюда само собою видно и то, что человѣкъ, приступающій къ очищенію своего сердца, долженъ отречься отъ дѣлъ, сквернящихъ человѣка, то есть, отъ дѣлъ порочныхъ и беззаконныхъ. Безъ сего нѣтъ надежды не только лицезрѣнія Божія, но ниже какого либо малѣйшаго участія въ царствіи Божіемъ. *Или не вѣсте*, говоритъ Апостолъ, *яко неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ? Не льстите себе* (1 Кор. VI. 9.). Не прельщайте себя никакою надеждою, которая не согласна съ сею непреложною истиною.

Но вотъ чего нѣкоторые, или не примѣчаютъ, или не хотятъ примѣчать: какъ не чисто иногда бываетъ сердце и такого человѣка, который не оскверняетъ себя дѣлами порока или беззаконія. Повторимъ

изреченіе Сердцевѣдца: *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы; сія суть сквернящая человѣка.* Примѣчайте, какъ Онъ въ одномъ изображеніи, не только видимую нечистоту обличаетъ, но и невидимую обнажаетъ. Когда злыя помышленія исходятъ отъ сердца въ дѣла: тогда оныя сквернятъ всего человѣка, и внутренняго и наружнаго, и сердце и внѣшніе члены, и душу и тѣло. Но когда злыя помышленія, хотя отъ сердца не исходятъ, однако въ сердцѣ гнѣздятся: что тогда? – Очевидно, что тогда оныя сквернятъ сердце, внутренняго человѣка, душу. Сія внутренняя нечистота человѣка можетъ быть непримѣтною, и какъ-бы ничѣмъ, для другаго человѣка, который смотритъ на его лице и дѣла: но для Бога, Который зритъ на сердце, оная, не меньше наружной нечистоты дѣлъ, и явна, и омерзительна. Посему Господь и называетъ злыя помышленія тѣми же отвратительными именами, какими означаемъ мы злыя дѣла: *помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы.* Не убилъ ты человѣка, но въ сердцѣ пожелалъ ему погибели: слыши; сіе злое помышленіе Господь называетъ уже убійствомъ. Не отверзлись уста твои, чтобы произнести хулу на Бога, но сердце твое подвиглось дерзкими и ропотными помышленіями о судьбахъ Его: берегись; вѣроятно, Сердцевѣдецъ уже слышалъ отъ тебя хулу. Отсюда можно усмотрѣть, что дѣйствительное очищеніе сердца, которое бы содѣлало человѣка способнымъ узрѣть Бога, должно совершиться отреченіемъ не только отъ всѣхъ дѣлъ беззаконныхъ и порочныхъ, но и отъ всякаго помышленія злаго, въ которомъ злое дѣло, какъ плодъ въ зародышѣ или сѣмени, скрывается.

Какъ строго! — скажутъ тѣ, которые совсѣмъ не хотятъ приняться за трудъ очищенія внутренняго. — Какъ трудно! — скажутъ и тѣ, которые сей трудъ нѣсколько испытали.

Строго, или не строго требованіе отреченія отъ всѣхъ злыхъ помышленій: не мы сіе требованіе изобрѣли, не мы поставили оное условіемъ тому, чтобы узрѣть Бога, и насладиться Божественнымъ блаженствомъ; но Тотъ, Который сказалъ: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.* Не желаешь подвергнуться строгости: не обвиняй никого, кромѣ себя, если не обрящешь благодати. Но въ самомъ ли дѣлѣ строго требованіе чистоты сердечной? Строгъ ли тотъ, кто отъ имѣющаго не ясное, или совсѣмъ потерявшаго зрѣніе, потребовалъ бы болѣзненнаго очищенія органа зрѣнія отъ грубой плевы, его покрывающей, или влаги, его потемняющей, и за сіе обѣщалъ бы чистое и совершенное зрѣніе? Злыя помышленія, отъ которыхъ человѣкъ не отрекся, и слѣдственно къ которымъ страстно привязанъ, какъ бѣльма, или темная вода, помрачаютъ око душевное, такъ, что не видитъ оно свѣта даже близкой къ нему естественной истины; на примѣръ, омраченный помысломъ гнѣва не видитъ свѣта правды, и не различаетъ вины отъ невинности; объятый страстію плотоугодія не видитъ свѣта цѣломудрія, Божескому и человѣческому взору пріятнаго, и не примѣчаетъ, какъ самъ свое здравіе разрушаетъ. Удивительно ли, что для такихъ душъ не доступенъ сверхъ-естественный свѣтъ Божества? И строгость ли то, или милосердіе, что ихъ еще не хотятъ оставить избранной ими тьмѣ, но хотятъ, чрезъ внутреннее очищеніе, не только возвратить ихъ къ естественному духовному свѣту мудрости и добродѣтели, но и возвести къ Божественному свѣту вѣчной истины и вѣчнаго блаженства?

Что касается до труда, съ которымъ соединено внутреннее очищеніе: не спорю въ томъ, что оно трудно; и даже если бы кто назвалъ оное невозможнымъ, и въ томъ спорить не буду. Но трудность разрѣшается, невозможность изчезаетъ, какъ скоро приложимъ вѣру къ слову, все изъ ничего сотворившаго Слова: *не возможная у человѣкъ возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27.); *вся возможна вѣрующему* (Мар. IX. 23.). При помощи благодати Божіей не трудно возненавидѣть злые помыслы, которые для непотерявшаго совѣсти по самому естеству ненавистны и отвратительны; отъ возне-

навидѣнныхъ не трудно отречься; по рѣшительномъ отреченіи отъ нихъ не трудно изгонять ихъ изъ сердца силою помысловъ благихъ, молитвы, страха Божія, и наипаче всякое зло разрушающимъ именемъ Господа Іисуса; если же и будутъ возвращаться, или случайно встрѣчаться съ нами противъ воли нашей, то или не въ силахъ будутъ осквернить сердца, ихъ отвергающаго, или, бросивъ на него кратковременную тѣнь, изгладятся смиренною мыслію и скорбію покаянія.

Не облѣнимся, братія, и не устрашимся труда: станемъ твердо въ подвигѣ, *да очистимъ себя отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. VII. 1.). Наипаче же благодатію Самъ *сердце чисто созижди въ насъ, Боже;* и, какъ бы ни былъ великъ или продолжителенъ трудъ очищенія сердечнаго, только наконецъ чрезъ сіе очищеніе сподоби насъ блаженнаго зрѣнія славы Твоея во царствіи Твоемъ. Аминь.

## 12. БЕСѢДА

### О благочестивомъ усердіи.

*Тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе.* Рим. XII. 11.

Говорить о благочестивомъ усердіи подастъ мнѣ мысль не одинъ Святый Павелъ своимъ Богодухновеннымъ наставленіемъ, но и многочисленный соборъ Святыхъ своими примѣрами.

Тѣ, которые въ настоящее собраніе приведены благочестивымъ усердіемъ, можетъ быть, не безъ утѣшенія услышатъ нѣчто такое, что сообразно съ свидѣтельствомъ ихъ собственной совѣсти. Вообще же, никто не долженъ почитать ни маловажнымъ, ни постороннимъ для себя то, чему Апостолъ Христовъ Христіанъ поучаетъ.

*Тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе.* Послѣднимъ изъ сихъ трехъ увѣщаній Апостолъ убѣждаетъ насъ дѣятельно исполнять обязанности наши къ Богу: а двумя предыдущими опредѣляетъ, съ какими душевными расположеніями надлежитъ исполнять оныя.

Дѣло раба работать господину своему: такъ дѣло Христіанина работать Господеви. Какимъ образомъ? Работать надъ своимъ умомъ, чтобы просвѣтить его познаніемъ истиннаго Бога и святой воли Его; работать надъ своимъ сердцемъ, чтобы очистить его отъ страстей и похотей, дабы оно могло сдѣлаться достойною жертвою Богу, и обителію благодати Его; работать всѣми своими силами и способностями, чтобы все дѣлать для Бога, и благоугоднымъ Ему образомъ, какъ то, для Него честно исполнять дѣла званія и должности, для Него благотворить бѣднымъ, для Него терпѣливо переносить скорби. Земные господа удовлетворяются только такою работою, которая приноситъ выгоду, а прозьбы и добрыя слова своихъ рабовъ и наемниковъ конечно не поставятъ въ счетъ работы къ воздаянію: но Господь небесный, не ищущій отъ насъ никакой выгоды, и не имѣющій ни въ чемъ нужды, а пріемлющій нашу работу для того только, чтобы намъ же благодѣтельствовать, пріемлетъ и наши къ Нему молитвы и славословія, какъ службу и работу Ему благоугодную. Изъ сего не трудно усмотрѣть, какъ многообразна работа Господеви, и какъ она простирается на всю жизнь человѣка внѣшнюю и внутреннюю, до великой субботы,—успокоенія въ Самомъ Богѣ. Очень худо было бы, если бы такая работа производилась безъ старанія и съ лѣностію. Лѣнивый не дѣлаетъ того, что дѣлать должно; нестарательный дѣлаетъ кое-какъ, не заботясь о успѣхѣ и совершенствѣ дѣла. Такіе работники не годными почитаются и у земныхъ господъ; кольми паче непотребны они предъ очами Господа небеснаго. Посему вѣрный приставникъ дѣлъ Его взываетъ ко всѣмъ, Ему работающимъ: *тщаніемъ не лѣниви!* Не будьте лѣнивы и нестарательны! Но, не довольствуясь симъ, Онъ присовокупляетъ: *духомъ горяще!* Имѣйте горячность ду-

ха, пламенную ревность, кипящее усердіе служить Богу, и творить волю Его!

Живое усердіе къ Богу есть черта, которая много значитъ въ характерѣ Христіанина, и въ опредѣленіи того, чѣмъ быть, и чего достигнуть онъ можетъ.

Во-первыхъ, оно есть собственно то, что въ человѣкѣ работу Господню дѣлаетъ угодною Богу. Сіе объяснить можно близкимъ простымъ примѣромъ, и доказать вашимъ собственнымъ дѣломъ. Предъ святымъ Образомъ ты возжигаешь свѣщу; и полагаешь, что тѣмъ совершилъ нѣкоторое служеніе Богу. Но ты знаешь, что Богу и Святымъ Его, пребывающимъ во свѣтлостяхъ святыхъ, небесныхъ, нѣтъ никакой нужды въ земномъ, вещественномъ свѣтильникѣ; ты видишь, что и во храмѣ иногда безъ него можно было бы обойтись при помощи великаго, вседнѳвнаго свѣтильника Божія на небѣ. Что жъ значитъ твое служеніе возженною свѣщею, и какъ оно можетъ быть угодно Богу и Святымъ Его?—Оно должно быть видимымъ знаменіемъ горящаго въ тебѣ духа, твоего благочестиваго усердія. Духъ Божій распредѣлилъ въ Церкви образы служенія по чину и по способностямъ: предстоятель Олтаря молится, славословитъ, тайнодѣйствуетъ, поучаетъ: меньшіе служители Олтаря возбуждаютъ молитву и духовное разумѣніе священнымъ чтеніемъ или пѣснопѣніемъ, указаніемъ чина священнодѣйствія и предметовъ молитвы; тебѣ, которому досталось въ безмолвіи слушать и возбуждаться, дабы ты не казался устраненнымъ отъ дѣятельнаго участія въ Богослуженіи, бездѣйственнымъ членомъ Церкви, предоставлено знаменательное дѣйствіе возжечь свѣщу предъ святымъ Образомъ, и когда ты сіе дѣлаешь, совѣсть твоя получаетъ свидѣтельство, что ты участвуешь въ служеніи Богу, Церковь утѣшается, заключая по знаменію, что ты горишь духомъ, и Богъ благоугождается жертвою сердца. По сему примѣру надлежитъ разсуждать и о другихъ дѣлахъ благочестія. Человѣкъ не видитъ сердца ближняго своего: но и онъ не удовлетворяется одною видимостію и вещественностію дѣлъ, а старается по примѣтамъ угадывать, съ искреннимъ ли усердіемъ оныя дѣлаются, и когда сіе находитъ, высоко цѣнитъ дѣла, и много утѣшается. Богъ ли сердцевѣдецъ можетъ быть доволенъ видимымъ и вещественнымъ дѣломъ благочестія и добродѣтели, когда не видитъ въ сердцѣ человѣка благочестиваго усердія? *Богъ зритъ на сердце. Даждь Ми сердце твое,* говоритъ Его премудрость человѣку; и взаимно *дастъ ти Господь по сердцу твоему.* По сердцу Іерусалимской вдовицы, положившей въ церковное сокровище двѣ лепты, произнесенъ судъ Христовъ, что малый даръ ея больше всѣхъ великихъ. Малую деньгу безцѣнною предъ Богомъ дѣлаетъ благочестивое усердіе.

Во-вторыхъ, благочестивое усердіе помогаетъ человѣку въ работѣ Господней, облегчаетъ для него подвиги служенія Богу, и ускоряетъ шаги его по пути къ духовному совершенству. Когда человѣкъ міра и плоти слышитъ заповѣди, по которымъ должно поступать человѣку Божію: не люби міра, ни того, что въ мірѣ; отрекись отъ имѣнія, то есть, или раздай оное бѣднымъ, или управляй имъ съ такимъ равнодушіемъ, какъ-бы ты не имѣлъ онаго; умѣрь любовь къ отцу и матери, къ женѣ и дѣтямъ, чтобы тебѣ не любить ихъ больше, нежели Бога; отвергнись себя; возьми крестъ: онъ ужасается тягости работы Господней, и не понимаетъ, какъ можетъ кто нибудь понести оную. Напротивъ того не только всесильный Подвигоположникъ говоритъ: *иго Мое благо, и бремя Мое легко есть;* но и подобострастный намъ рабъ Его сказуетъ, что *заповѣди Его тяжки не суть.* Какъ же согласить столь различные между собою виды одного и того же дѣла?—Соглашеніе сіе заключается въ понятіи благочестиваго усердія. *Путь заповѣдей Твоихъ текохъ,* говоритъ Псалмопѣвецъ, *егда разширилъ еси сердце мое* (Пс. CXVIII. 32.). Онъ даетъ чрезъ сіе разумѣть, что путь заповѣдей Божіихъ, путь жизни благочестивой и духовной, кажется труднымъ, человѣкъ коснитъ на немъ, колеблется, претыкается, воспящается, не умѣетъ переставить ноги, доколѣ, доколѣ сердце его сжато, холодно, не возбуждено къ добру: но когда оно разширяет-

ся духовнымъ жаромъ, возбуждается Божественнымъ желаніемъ, тогда человѣкъ бѣжитъ путемъ Божіимъ легко и скоро. Опытный разумѣетъ сіе: а дабы удобнѣе было разумѣть каждому, пусть обратятъ вниманіе на то, какъ много дѣлаетъ горячность духа въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ. Укажу на одинъ случай, въ которомъ вдругъ можно видѣть и дѣйствительный, обыкновенный опытъ, и вмѣстѣ притчу, имѣющую высшее, духовное знаменованіе. Іаковъ самъ себя отдалъ въ работу Лавану на семь лѣтъ съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто платы, получить Рахиль въ супружество: *и быша предъ нимъ*, говоритъ двеписаніе, *яко малы дни, занеже любяше ю* (Быт. XXIX. 20.). Рахиль, красная взоромъ, знаменуетъ красоту созерцанія духовнаго. Если въ духѣ человѣка зажглась любовь къ красотѣ Божества и Божественнаго: то хотя и многіе годы должно будетъ провести въ трудныхъ подвигахъ благочестія для пріобрѣтенія полной радости спасенія; будутъ предъ нимъ, яко малы дни, занеже любитъ то, для чего работаетъ.

Симъ образомъ изъясняется то, какъ Апостолы среди гоненій проходили съ проповѣдію Евангелія вселенную отъ края до края, и не утомлялись; какъ Мученики радовались во страданіяхъ; какъ Преподобные въ суровомъ и скудномъ пустынножительствѣ находили блаженство, и не хотѣли промѣнять онаго ни на какую иную жизнь.

Въ-третьихъ, горячность усердія къ Богу можетъ быть полезна въ особенности, для охраненія человѣка отъ искушеній со стороны плоти и міра, и духовъ злобы и прелести. Духовные наблюдатели изъясняютъ сіе простымъ подобіемъ. Когда котелъ кипитъ на огнѣ: тогда не смѣютъ къ нему приближиться, ни насѣкомое, чтобы осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую въ немъ для человѣка. Но когда снимется съ огня и остынетъ, тогда насѣкомыя роятся около него, и падаютъ въ него, и наглый песъ можетъ приближиться, осквернить, похитить. Подобно сему, когда душа человѣка кипитъ огнемъ Божественнаго желанія: сей духовный огнь служитъ ей въ одно время и силою для дѣйствованія, и бронею для защиты. Но если небреженіе допускаетъ угаснуть сему огню; и благочестивое усердіе остываетъ: то суетные, лукавые, нечистые помыслы родятся и роятся въ области чувственной, падаютъ во глубину души, и оскверняютъ ее, и можетъ притти наглая страсть, и расхитить въ душѣ, что въ ней уготовлялось для благоугожденія Богу.

Что мнится вамъ, братія? Не есть ли горячность духа къ Богу качество, преимущественно вожделѣнное? Такъ подлинно. И сію мысль находимъ у Самого Спасителя Нашего. *Огня пріидохъ воврещи на землю*, глаголетъ Онъ, *и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII. 49.). То-есть, какъ желалъ бы я, чтобы онъ уже горѣлъ! Что жъ это за огнь, столь вожделѣнный Пришедшему спасти человѣка? Безъ сомнѣнія, не огнь разрушающій, но огнь оживляющій, огнь духа, ввергаемый въ землю сердца, который по выраженію Пророка, *разваряетъ и очищаетъ, яко сребро, и яко злато*; и *очиститъ сыны Левіины*, то есть, сыновъ сердца; *и прелiетъ я, яко злато, и яко сребро, и будутъ Господеви приносяще жертву* духовную *въ правдѣ* (Мал. III. 3.). Сей Божественный огнь, которымъ Іисусъ Христосъ такъ желалъ воспламенить сердца человѣковъ, горѣлъ уже тогда въ собственномъ Его сердцѣ, какъ въ своемъ источникѣ, какъ то обнаруживаютъ непосредственно за вышеприведенными слѣдующія слова Его: *крещеніемъ же имамъ креститися*, то есть, крестнымъ страданіемъ; *и како удержуся, дондеже скончаются* (50)! То есть, какъ Я томлюсь, доколѣ сіе совершится! Что значитъ сіе томленіе, какъ не то, что Его сердце горѣло желаніемъ страданія и крестной смерти, дабы сею жертвою умилостивить Бога Отца, и совершить спасеніе человѣковъ?

Послѣ таковыхъ размышленій не болѣзненно ли, братія, помыслить, что есть и въ называющихся Христіанами сердца, остающіяся только землею, въ которую еще не верженъ огнь Христовъ, хладною, чуждою жизни Божіей? Не печально ли примѣчать, что нѣкоторые работаютъ Госпо-

деви только во внѣшнихъ дѣлахъ благочестія и добродѣтели, поверхностно, принужденно, безъ возбужденія духовнаго, безъ усердія искренняго и глубокаго? Бѣдные! Они понимаютъ, что слишкомъ опасно было бы не работать Господеви совсѣмъ; но работая не усердно, дѣлаютъ сами себѣ двоякій вредъ: и увеличиваютъ тягость своей работы, и не достигаютъ всего плода, отъ нея возможнаго.

Могутъ нѣкоторые сказать: мы желали бы имѣть горящій къ Богу духъ, но что дѣлать, если сіе намъ не дается? На сіе отвѣтствуемъ: если Божественный Спаситель нашъ во дни плоти Своея такъ желалъ ввергнуть Божественный огнь Свой въ сердца человѣковъ: думаете ли вы, что Онъ менѣе желаетъ сего нынѣ? *Іисусъ Христосъ вчера, и днесь, той же и во вѣки.* Въ немъ и нынѣ, какъ всегда, и для каждаго, какъ для всѣхъ, — въ Немъ животъ и свѣтъ человѣковъ, свѣтъ непрестанно просвѣщающій, животъ непрестанно оживляющій. *Приступите къ Нему, и просвѣтитеся.* Положите предъ Нимъ землю сердца вашего, и Онъ возжжетъ въ ней Свой животворный огнь. Сдѣлайте для Него не многое, что теперь есть въ вашей возможности, и Онъ сотворитъ для васъ, что есть въ Его всемогуществѣ и всеблагости. Возбуждайте сердце ваше воспоминаніемъ безчисленныхъ и непрестанныхъ благодѣяній Бога Творца и Промыслителя, и размышленіемъ о безпредѣльной любви Искупителя, который недовольствуясь быть вашимъ благодѣтелемъ, содѣлалъ Себя вашею жертвою и вашею пищею, — сохраняйте, сколько можно, совѣсть вашу не возмущенною и мирною, а если она возмущена грѣхомъ, не медлите очищать и умирять ее покаяніемъ; заставляйте себя безлѣностно и безропотно работать Господеви со страхомъ, доколѣ не дастся вамъ работать Ему съ радостію; не приписывайте себѣ успѣховъ, какіе дадутся въ служеніи Богу, но восписуйте все благое благодати Его, держите себя чрезъ молитву и смиреніе, непрестанно поверженными предъ Богомъ, какъ земля предъ солнцемъ. Вѣренъ Богъ, сіяющій видимымъ солнцемъ Своимъ на злыя и благія, по обѣтованію благодати Своея, возсіять и въ сердцахъ вашихъ, согрѣть и воспламенить ихъ духомъ Своимъ Святымъ, да будете *духомъ горяще, Господеви работающе,* не только, яко вѣрные рабы, тщательно, по усердію, но и яко присныя чада, радостно, по любви, да имѣете утѣшеніе внутреннее, да достигнете воздаянія вѣчнаго. Аминь.

## 13. БЕСѢДА

Изъ притчи о плевелахъ, говоренная 8 Ноября 1825 года.

*Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду убо имать плевелы?* Матѳ. XIII. 27.

Подъ руководствомъ притчи Евангельской о *плевелахъ* нѣчто говорить хочу: призовемъ въ помощь верховнаго Сѣятеля добраго сѣмени, чтобы не плевелы посѣялись чрезъ слово сіе, но чтобы въ ничтожныхъ плевелахъ нашихъ обрѣлось зерно добраго сѣмени, способное прозябнуть въ мягкой землѣ послушныхъ сердецъ, и принести плодъ для жизни вѣчной.

А на что бы и говорить о плевелахъ?— подумаетъ кто-либо. Призванному сѣять доброе сѣмя не лучше ли и заниматься только добрымъ сѣменемъ, а не плевелами негодными? — И я желалъ бы поступить такимъ образомъ. *О, да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (Псал. XVI. 4.)! О если бы я могъ не говорить о дѣлахъ человѣческихъ, суетныхъ и погибельныхъ, а только о дѣлахъ Божіихъ, благихъ и спасительныхъ! Дерзаю догадываться, что и Самъ Творецъ и первоначальный Истолкователь притчи о плевелахъ не желалъ бы говорить о плевелахъ. Но что дѣлать? Если есть опасность, что тогда, какъ сѣется доброе сѣмя, родятся и плевелы; или, если тогда, какъ посѣвъ уже взошелъ, дѣйствительно явились и пле-

велы: какъ въ сихъ случаяхъ не заниматься и плевелами? Какъ не подумать, что съ ними дѣлать?

Рабы, не знающіе таинъ небеснаго земледѣлія, хотѣли бы тотчасъ полоть, силою исторгать и истреблять плевелы: но Премудрый Господинъ поля не позволяетъ. *Ни: да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ тими и пшеницу.*

Что же однако дѣлать, чтобы плевелы не усилились, и не заглушили пшеницы? — О семъ думаю я извлечь нѣкоторое наставленіе изъ разсматриванія того, что такое плевелы, и откуда онѣ взялись на полѣ.

*Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду убо иматъ плевелы?*

Что такое плевелы?—Въ изъясненіе сего Самъ Творецъ *притчи плевелъ сельныхъ* глаголетъ: *плевелы суть сынове непріязненніи;* или, по ближайшему преложенію изреченія Господня, какъ оно написано у Евангелиста Матѳея на Греческомъ: *плевелы суть сынове лукаваго.* Въ семъ изъясненіи не трудно примѣтить, — а примѣтить сіе нужно для дальнѣйшаго разумѣнія,—что притча подъ именемъ плевелъ заключаетъ нѣкоторыхъ человѣковъ, не по существу человѣческому: подобно какъ и въ другомъ изъясненіи, что *доброе сѣмя, сіи суть сынове царствія*, наименованія добраго сѣмени и сыновъ царствія относятся не къ существу человѣческому. По существу своему всѣ человѣки равно происходятъ первоначально отъ Бога Творца, послѣдовательно отъ подобныхъ себѣ человѣковъ родителей: въ жизни раздѣляются они на доброе сѣмя и плевелы, становятся сынами царствія, или сынами лукаваго. *Сѣявый доброе сѣмя* не новое поколѣніе на земли посѣялъ; но въ томъ поколѣніи, какое нашелъ въ мірѣ, посѣялъ сыновъ царствія, и распространилъ ихъ во всѣ поколѣнія міра. Изъ сего должно заключить, что доброе сѣмя означаетъ духъ и свойство сыновъ царствія; почему и сказано, согласно съ симъ изъясненіемъ, въ изъясненіи другой притчи, что *сѣмя есть слово Божіе* (Лук. VIII. 11.); поелику отъ слова Божія происходитъ въ человѣкахъ духъ и свойство сыновъ царствія. А посему и въ противоположную сторону притчи также должно заключить, что плевелы означаютъ духъ и свойство сыновъ лукаваго въ нѣкоторыхъ человѣкахъ. Какъ развитіе добраго духовнаго сѣмени въ человѣкѣ есть истина вѣры, благо любви, сила надежды, чистая мысль, непорочное желаніе, здравое слово, праведное и святое дѣло, духовная, небесная, Ангельская, Христова жизнь: такъ напротивъ прозябеніе душевныхъ плевелъ есть ложь невѣрія или суевѣрія, зло нелюбленія, ложная сила самонадѣянія или безсиліе отчаянія, нечистая мысль, порочное желаніе, невѣрное или нецѣломудренное слово, неправедное и беззаконное дѣло, жизнь плотская, земная, скотская, адская, или,—то же однимъ словомъ,—не Христіанская.

*Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ Твоемъ?* Ты сѣялъ на земли то, что принесъ на нее съ Собою съ небесъ: а принесъ Ты съ Собою на землю духъ Божественный, свойство небесное. Селомъ Твоимъ, или полемъ Твоимъ были сердца избранныхъ человѣковъ; Ты посѣялъ въ нихъ слово Божіе; согрѣлъ оное въ нихъ теплотою Духа Святаго; напоилъ Твоею Божественною кровію. Оно прозябло, процвѣло, принесло плодъ въ жизнь вѣчную, ово *сто*, *овоже шестьдесятъ*, ово *тридесять*, въ Апостолахъ, въ Мученикахъ, во Святыхъ всякаго рода; чрезъ нихъ засѣяло страны, народы, вѣки. Сверхъ сего, чтобы сѣмя Твое, для поля Твоего, сохранить всегда чистымъ, и никогда неоскуднымъ, Ты *завѣщалъ наполнить гоморъ отъ манны сея въ скровѣ въ роды наша* (Исх. XVI. 32.), — наполнить, то есть, опредѣленную мѣру священныхъ Писаній словомъ Божіимъ, такъ, чтобы, какъ нѣкогда, изъ Божественныхъ рукъ Твоихъ, отъ немногихъ хлѣбовъ, брали и насыщались тысящи алчущихъ, но количество хлѣба отъ того не уменьшалось, а увеличивалось, подобно сему, изъ немногихъ Книгъ Божественныхъ, тысящи тысящь научились, но тайны, и откровенія таинъ премудрости Твоея отъ того не истощались, а непрестанно становились обильнѣе.

Господи! Коль *доброе сѣмя*, и съ какимъ премудрымъ попеченіемъ о его до-

бротѣ и чистотѣ, *сѣялъ еси на селѣ Твоемъ*.

*Откуду убо имать плевелы?* На Твоемъ, Господи, полѣ откуда взялись плевелы? Если бы они явились тамъ, гдѣ ничего не сѣяно; или если бы злое растѣніе взошло тамъ, гдѣ злое и сѣяно: не чему дивиться. Если между язычниками заблужденія и пороки: чего много и ждать отъ сей земли дикой и не воздѣланной? Но на полѣ Христіанства, которое воздѣлано крестомъ Богочеловѣка, насѣяно Словомъ Божіимъ, откуда плевелы языческіе? Откуда заблужденія уже между вами, ученики Слова Божія? Откуда пороки сердца между вами, питомцы Духа Святаго?

На сіи не легкіе, но не безполезные вопросы, есть у насъ легкіе, но весьма вредные отвѣты. Заблужденія, говорятъ, отъ ограниченности человѣческой; пороки отъ слабости человѣческой. Прекрасное родословіе заблужденій и пороковъ,—прекрасное для того, чтобы люди, преданные заблужденіямъ, и погрязшіе въ порокахъ, люди, которыхъ Евангельская притча называетъ *сынами лукаваго*, могли увѣрять себя и другихъ, что они не худаго рода! Невинное дѣло быть ограниченнымъ; не стыдно признавать слабость силъ человѣческихъ: а изъ сего заключаютъ, что и быть суевѣрнымъ или безвѣрнымъ, также невинное дѣло; что и въ порокахъ пребывать также не стыдно.

Заблужденія отъ ограниченности?—Полно правда ли, что ограниченность есть мать заблужденій? Ограниченность есть неплодны; она не раждаетъ ничего; потому что и сама не есть нѣчто, а только предѣлъ, край, недостатокъ существенности. Возмемъ въ примѣръ способность зрѣнія. Глазъ твой ограниченъ: по сей причинѣ удаляющійся отъ тебя предметъ въ извѣстномъ разстояніи ты перестаешь видѣть, и болѣе ничего. Но если глазъ твой вводитъ тебя въ заблужденіе, представляя окружающіе тебя предметы въ ложномъ движеніи кружащимися и падающими, отъ чего и ты надаешь: напрасно сталъ бы ты искать сему причины въ ограниченности глаза: причины сему должно искать въ твоемъ головокруженіи, происшедшемъ отъ употребленія одуряющаго зелія, или вина въ излишествѣ. По сему разсуждай и о духовномъ зрѣніи ума. Умъ твой ограниченъ: по сей причинѣ удаленные отъ мысленныхъ взоровъ его предметы для него неизвѣстны, или непонятны, и болѣе ничего. Но если въ умѣ твоемъ оказываются понятія, которыя противны естественному, всѣми здравомыслящими согласно примѣчаемому и признаваемому порядку вещей, которыми ты думаешь всю вселенную обратить вверхъ дномъ, но вмѣсто того низвергаешь самъ себя въ нелѣпости: можно ли сіе изъяснить ограниченностію, которая не есть начало дѣйствующее, и которая есть недостатокъ, общій всѣмъ человѣкамъ? Не должно ли, напротивъ, по необходимости производить сіе отъ упоенія нечистымъ и бродящимъ виномъ, или одуряющимъ зеліемъ такой мудрости, которая хотя по области явленія ся называется земною и человѣческою, но которой источникъ хуже, нежели что нибудь просто земное, которой корень ниже человѣчества?

Пороки отъ слабости!—По этому, чтобы добродѣтельнымъ быть, надобно быть исполиномъ! А мы, напротивъ, какъ изъ священныхъ сказаній знаемъ, что когда *исполини бяху на земли, тогда умножишася злобы человѣковъ на земли* (Быт. VI. 4. 5.); такъ и нынѣ видимъ не рѣдко, что люди, и крѣпостію духа болѣе другихъ хвалящіеся, и менѣе другихъ имѣющіе причины жаловаться на тѣлесныя слабости или недостатки, впадаютъ въ пороки болѣе тѣхъ, которые и тѣлеснымъ немощамъ и недостаткамъ болѣе другихъ подвержены, и отличной крѣпости духа себѣ не приписываютъ. Пороки отъ слабости! — А напротивъ, даже язычникъ замѣтилъ, что *мы тогда бываемъ лучше, когда немощнѣе*. Пороки отъ слабости!—Согласимся, что и сіе бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ: на примѣръ, когда голодный нищій крадетъ кусокъ хлѣба у богатаго. Но когда напротивъ того видимъ, что богатый, не только отказываетъ въ кускѣ хлѣба нищему, но и грабительствуетъ, и разоряетъ бѣдныхъ, между тѣмъ какъ есть нищіе, которые сохраняютъ безкорыстіе: какъ можно изъяснить

сіе одною слабостію человѣческою? Не видны ли здѣсь двѣ противоположныя силы: въ одномъ сила добра, можетъ быть выше, нежели человѣческая, въ другомъ сила зла, безъ сомнѣнія хуже, нежели человѣческая?

Перестанемъ обманываться; отложимъ о происхожденіи нашихъ заблужденій и пороковъ такія мнѣнія, которыя способны только уполномочивать заблужденія и пороки; не будемъ почитать плевелъ обыкновеннымъ порожденіемъ и естественною принадлежностію пшеницы. И если не можемъ догадаться, откуда они подлинно: то вопросимъ о семъ Господа, и отъ Него примемъ вразумленіе. *Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ Твоемъ? Откуду убо иматъ плевелы?* — Онъ отвѣтствуетъ: *врагъ человѣкъ сіе сотвори, — спящимъ человѣкомъ пріиде врагъ его, и всѣя плевелы посредѣ пшеницы, и отъиде; — врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ.*

Мнѣ кажется, что если бы мы чаще и съ большею вѣрою думали о семъ происхожденіи нашихъ душевныхъ плевелъ: то не такъ легко попускали бы имъ разраждаться и разрастаться. *Врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ:* онъ посѣялъ ихъ въ легкомысленныхъ или зломысленныхъ сочиненіяхъ, въ изнѣженныхъ пѣсняхъ, въ соблазнительныхъ зрѣлищахъ, въ вольномъ обращеніи, въ нескромныхъ и не постоянныхъ обычаяхъ. За симъ врагъ скрывается: *всѣя плевелы посредѣ пшеницы, и отъиде.* Ты думаешь, что позволяешь себѣ невинныя, только не совсѣмъ строгія, удовольствія зрѣнія, слуха, воображенія, чувствованія: но будь внимателенъ; сквозь сіи удовольствія сѣются плевелы лукаваго, адское сѣмя внѣдряется въ сердце; возчувствуй отвращеніе; убойся; возпріими осторожность.

Осторожность: ибо притча говоритъ, что *спящимъ человѣкомъ пріиде врагъ.* Что значитъ здѣсь сонъ, сего Творецъ притчи не изъясняетъ: но безъ опасенія погрѣшности полагать можно, что сонъ значитъ здѣсь безпечность и недостатокъ бдительнаго вниманія къ себѣ самому, и къ своимъ дѣйствіямъ. Спятъ человѣки духовно, когда безпечно смежаютъ очи ума, и не стараются взирать на свѣтъ истины Евангельской и закона Божія, чтобы непрестанно имъ просвѣщатся, и просвѣщать пути жизни своей; когда, подобно во снѣ мечтающимъ, не управляютъ мыслями своими, не обуздываютъ желаній своихъ, попускаютъ воображенію своему блуждать по предметамъ чувственнымъ и суетнымъ. Такъ спятъ они: а врагъ между тѣмъ не дремлетъ; онъ крадется во тмѣ забвенія о Богѣ и законѣ Его, и сѣетъ въ пшеницѣ плевелы, во снѣ человѣкомъ мечты адскія, въ легкомысленномъ нерадѣніи о добродѣтели и спасеніи, мысли нечистыя, желанія грѣховныя, дѣла беззаконныя и погибельныя. Не спи, или пробудись, возлюбленная душа; изощряй выну око твое ко свѣту Божію; ходи въ присутствіи Божіемъ; смотри бдительно не только за дѣлами, но и за желаніями и за помышленіями своими; просвѣщайся внутренно Словомъ Божіимъ и молитвою, дабы и во время сна тѣлеснаго заря духа не угасала въ сердцѣ твоемъ, и не допускала до тебя врага темнаго, сѣющаго плевелы.

Сынове царствія, въ которыхъ посѣяно сѣмя доброе! Притча сказуетъ, что плевелы становятся виднѣе, по мѣрѣ возрастанія и созрѣванія пшеницы, по мѣрѣ приближенія жатвы. О, какъ уже нынѣ видны плевелы на нивѣ Господней! Не близка ли потому и великая жатва? Ибо точно, по сказанному: *соберите первѣе плевелы, и свяжите ихъ въ снопы,* — плевелы уже начинаютъ сами себя приготовлять къ послѣднему связанію въ снопы для сожженія: — люди, которые предавались нечестію и беззаконіямъ каждый по себѣ, время отъ времени болѣе и крѣпче связываются въ сообщества, въ скопища, въ соумышленія. Да не спимъ, братія, но да бодрствуемъ; и да стрежемъ и возращаемъ каждый въ сердцѣ своемъ зерно духа, которое Божественный Сѣятель посѣялъ въ насъ крещеніемъ и поученіемъ Евангельскимъ.

А вы, небесные жатели, Ангели Божіи! Прежде нежели явитесь предъ нами съ трубнымъ гласомъ, возвѣстить жатву, вожделѣнную и страшную, глаголите въ намъ тихимъ гласомъ кроткаго возбужденія къ

покаянію и бдѣнію духовному, *да не когда уснемъ во грѣхѣ въ смерть. Ополчайтесь окрестъ* насъ, и избавляйте насъ отъ врага, сѣющаго въ насъ плевелы, пищу огня геенскаго. Аминь.

## 14. БЕСѢДА

О соблазнахъ.

*Не ктому убо другъ друга осуждаемъ: но сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату или соблазна.* Рим. XIV. 13.

Въ житіи Богоноснаго Отца нашего Сергія находимъ, что Онъ, во время своего Игуменства, услышавъ однажды изшедшее изъ устъ брата его Стефана, слово любоначалія: *кто есть Игуменъ на мѣстѣ семъ? не азъ ли прежде сѣдохъ на мѣстѣ семъ?*—немедленно вышелъ изъ обители, чтобы поселиться на другомъ удаленномъ и сокровенномъ мѣстѣ. Очевидны въ семъ поступкѣ терпѣніе, кротость и смиреніе Святаго. Но вотъ что недоумѣнно: почему не вразумилъ онъ брата, по долгу Игумена? Какъ, за одного человѣка, оставилъ всю братію и служеніе, въ которое поставленъ священною властію?—Есть особенные пути Святыхъ, предъ которыми всѣ должны благоговѣть, поелику они особенною благодатію Божіею управлены, и оправданы въ своихъ послѣдствіяхъ; но которымъ не всякой имѣетъ право послѣдовать, потому что было бы дерзновенно, если бы каждый сталъ приписывать себѣ ту же благодать. Таковъ случай, теперь разсматриваемый.

Если у отца сынъ или у начальника подчиненный безчинствуетъ: берегитесь молчать, и оставлять его безъ обличенія и исправленія. Вспомните грозное прещеніе и наказаніе, которымъ за небреженіе сего рода Богъ поразилъ несчастнаго Илія: *отмщу Азъ на домъ его до вѣка въ неправдахъ сыновъ его, о нихже вѣдяше, яко злословиста Бога сынове его, и не наказа ихъ* (1 Цар. III. 13.). Если отъ какого нибудь искушенія или неудовольствія приходитъ тебѣ желаніе бѣжать отъ мѣста, на которомъ ты поставленъ законною властію: остерегись; можетъ случиться, что вину своеволія понесешь; отъ зла путемъ своего произвола не избѣгнешь, и преслѣдуемаго тобою спокойствія не уловишь.

Но если Святый Сергій въ извѣстномъ случаѣ, не по симъ обыкновеннымъ правиламъ дѣйствовалъ: то по какимъ же? Ибо святому по святымъ правиламъ дѣйствовать надлежитъ. Мы уразумѣемъ дѣло его, если приложимъ къ его поступку правило Апостола: *сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату или соблазна.* Видѣлъ прозорливый Сергій, что не удобно было прямо обличить любоначальствующаго; потому что въ семъ случаѣ обличеніе казалось бы пререкательствомъ за Начальство, и видъ личной распри между Игуменомъ, и старшимъ по немъ, и притомъ между родными братіями по плоти, былъ бы не безъ претыканія и для прочихъ братій обители.

Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ премудрый Старецъ нашелъ средство, не только не положить претыканія съ своей стороны, но и положенный другимъ соблазнъ уничтожить. Онъ никому не сказалъ о поступкѣ брата, и своимъ удаленіемъ отъ начальствованія подалъ и сильнѣйшее врачевство противъ страсти любоначалія. Богъ же, оправдывая путь Угодника своего, чрезъ его добровольное изгнанничество паче прежняго утвердилъ въ любви къ нему братію его первоначальной обители, и возвратилъ его къ ней властію Святителя Алексія.

Вотъ примѣчательное указаніе на важность Апостольскаго правила: *еже не полагати претыканія брату или соблазна.* Святый примѣръ да возбудитъ насъ къ дѣятельному наблюденію онаго въ нашей жизни.

Но что такое *претыканіе?* Что такое *соблазнъ?* — Если ты идешь, и объ камень, лежащій на дорогѣ, внезапно ударяешься ногою, отъ чего происходитъ замѣшательство движеній и опасность паденія: въ такомъ случаѣ камень есть для

тебя *претыканіе*. Сей чувственный образъ переноситъ Апостолъ къ душѣ: ибо онъ заботится конечно не о претыканіи на дорогѣ, но о претыканіи въ жизни нравственной и духовной. Притомъ, онъ различаетъ отъ претыканія *соблазнъ*, безъ сомнѣнія, какъ нѣчто болѣе тяжкое, какъ причину не только преткновенія, но и паденія. Претыкаемся въ мысляхъ; падаемъ въ дѣлахъ. Претыкаемся — сомнѣніями, ложными мнѣніями, смущеніемъ помысловъ и разстройствомъ чувствованій душевныхъ; падаемъ — во грѣхъ, преступленіе. Если мы предъ ближнимъ нашимъ говоримъ такія слова, или дѣлаемъ такія дѣла, которыя произведутъ въ немъ худые помыслы и разстройство душевное; то мы полагаемъ ему претыканіе: если нашими словами или дѣйствіями даемъ ему поводъ, побужденіе, поощреніе ко грѣху; то полагаемъ ему соблазнъ. Итакъ притчею изображенное увѣщаніе Апостольское: *еже не полагати претыканія брату или соблазна*, означаетъ то, что мы должны тщательно наблюдать, чтобы ни словами, ни дѣломъ, не подать ближнему повода, побужденія, поощренія къ худымъ помысламъ, къ душевнымъ возмущеніямъ и движеніямъ страстей, и наконецъ къ самымъ дѣламъ грѣховнымъ.

Для точности ученія различимъ еще виды соблазна, по его предметамъ. Предметомъ соблазна могутъ быть дѣла не только грѣховныя, но и позволительныя, и даже святыя.

Не ужели, скажете, и святыя дѣла могутъ быть предметомъ соблазна?—Могутъ, безъ сомнѣнія: поелику о семъ свидѣтельствуетъ непогрѣшительное Слово Божіе. Что можетъ быть святѣе, какъ проповѣдывать людямъ спасительное ученіе о Христѣ Распятомъ? Но сіе было предметомъ соблазна, какъ сказуетъ Апостолъ: *мы проповѣдуемъ Христа, распята, Іудеемъ соблазнъ* (1 Кор. I. 23.). Это соблазнъ не отъ проповѣдующихъ, которыхъ дѣло было чисто и свято, а отъ самихъ соблазняющихся, которые изъ спасительнаго для вѣрующихъ ученія о Крестѣ, мудрованіемъ плотскимъ, гордостію и невѣріемъ извлекали для себя вещество соблазна, подобно какъ паукъ извлекаетъ ядъ изъ цвѣтка, дающаго пчелѣ медъ. Изъ сего примѣра не трудно вывесть правило, какъ должно поступать въ отношеніи къ соблазну сего рода. Если бы Апостолы, убоясь соблазна Іудеямъ, не стали проповѣдывать Христа распята: то міръ не услышалъ бы спасительнаго ученія, и не спасся бы. Итакъ очевидно, что имъ должно было творить дѣло, приносящее спасеніе міру, и не измѣнять своего дѣйствія для людей, которые сами себя соблазняютъ, и сами себя погубляютъ. Соблазнъ Креста не совсѣмъ кончился, братія; случается и нынѣ, что чада міра и плоти возмущаются при видѣ сильнаго и рѣшительнаго стремленія къ дѣламъ духа и къ мудрованію Христову, крестному. Не сюда относится Апостольское предостереженіе противъ соблазна. Да дѣлаемъ свободно дѣла святыни и спасенія. Плоть да не будетъ судіею духа. Міръ да не предписываетъ законовъ дѣлу Божію.

Что дѣло позволительное можетъ быть предметомъ соблазна, сіе можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ изреченій Святаго Апостола Павла. *Брашно насъ не поставляетъ предъ Богомъ; ниже бо аще ямы, избыточествуемъ, ниже аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. VIII. 8.). Нѣтъ нужды входить въ разбирательство, къ какому случаю, и къ какому употребленію пищи относится сіе изреченіе: то ясно, что Апостолъ говоритъ здѣсь о употребленіи пищи, какъ дѣлѣ, не заключающемъ въ себѣ ни особеннаго достоинства, ни особенной виновности предъ Богомъ, слѣдственно говоритъ о дѣлѣ позволительномъ. И о семъ самомъ дѣлѣ онъ говоритъ далѣе: *аще брашно соблазняетъ брата моего: не имамъ мяса ясти во вѣки, да не соблазню брата моего* (13.). Въ сихъ словахъ, вмѣстѣ съ указаніемъ на соблазнъ отъ дѣла позволительнаго: *аще брашно соблазняетъ брата моего*, находимъ и особенное правило предосторожности противъ сего рода соблазна: не *имамъ мяса ясти во вѣки, да не соблазню брата моего*. Удивительное соединеніе силы увѣщанія съ кротостію совѣта! Какъ строгъ святый Павелъ къ самому себѣ, когда дѣло невинное запрещаетъ себѣ на вѣки, чтобы не

соблазнитъ брата однажды; и какъ сильно сею строгостію къ себѣ, побуждаетъ и другихъ къ предосторожности противъ соблазна! Съ тѣмъ вмѣстѣ какъ онъ снисходителенъ къ поучаемымъ, когда не заповѣдуетъ имъ *не ясти мяса во вѣки, да не соблазнишь брата,* но строгость запрещенія обращаетъ на себя, а другимъ предоставляетъ послѣдовать его примѣру, сколько могутъ.

Что дѣла грѣховныя бываютъ предметомъ соблазна, сіе не требуетъ ни доказательства, ни объясненія. Только для нашей невнимательности, можетъ быть, не излишне замѣтить, сколь обыкновенно грѣхъ сопровождается соблазномъ, и чрезъ соблазнъ размножается; какъ длинна бываетъ цѣпь, какъ обширенъ кругъ соблазновъ, которые влечетъ за собою, и распространяетъ отъ себя, одинъ грѣхъ. Въ книгѣ Судей Израилевыхъ повѣствуется, что нѣкто Миха изваялъ кумиръ для себя и для своего дома, потомъ нанялъ Левита, чтобы приносить ему жертвы; отъ Левита выпѣдали о семъ домашнемъ кумирѣ воины племени Данова, и похитили оный; и такимъ образомъ идолослуженіе одного человѣка изъ одного дома сдѣлалось грѣхомъ города и племени. Таковъ обыкновенно ходъ грѣха путемъ соблазна. Лукавый помыслъ изваяетъ невидимый кумиръ грѣха; нечистое желаніе вноситъ его въ душу; грѣховное дѣло выставляетъ его, и дѣлаетъ видимымъ; тщетно скрываемая тайна грѣха похищается и разносится; соблазнъ родится, и грѣхъ размножается; поползновенные увлекаются худымъ примѣромъ; другіе впадаютъ въ грѣхъ злорѣчія и осужденія ближняго. Что сказать о грѣхахъ, которые, или по свойству своему неудобоскрываемы, или по дерзости открыто дѣлаются, или отъ положенія согрѣшающихъ между людьми получаютъ особенную силу распространять соблазнъ? — Какой обильный сѣвъ, какая необъятная жатва плевелъ!

Какъ печально, и вмѣстѣ какъ грозно говорилъ о соблазнахъ Господь нашъ! *Горе міру отъ соблазнъ! — Горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ* (Матѳ. XVIII. 7.)! — *Уне ему было бы, аще жерновъ осельскій облежалъ бы о выи его, и вверженъ въ море, неже да соблазнитъ отъ малыхъ сихъ единаго* (Лук. XVII. 2.). — О милосердый Господи! о грѣхахъ и грѣшникахъ глаголеши съ толикимъ покоемъ, съ толикою кротостію: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. IX. 13.): а о соблазнихъ и соблазняющихъ такъ плачевно, и такъ грозно! . . . *Разумѣхъ, Господи, яко правда судьбы твоя* (Пс. CXVIII. 75.); воистину, плачевенъ грѣхъ, и страшенъ; но соблазнъ болѣе. Грѣхъ мой, при помощи Благодати Твоея, могу я прекратить, и покаяніемъ очистить; но соблазна, если онъ виною моею поданъ, и перешелъ къ другимъ, уже не властенъ я ни прекратить, ни очистить.

Да страшимся, братія, соблазна; и осторожность противъ соблазна да содѣйствуетъ намъ въ осторожности противъ грѣха, хотя впрочемъ грѣха убѣгать должно не по одному опасенію соблазна, но по внутреннему отвращенію отъ зла, и по любви къ Богу, какъ исповѣдалъ о себѣ Псалмопѣвецъ: *неправду возненавидѣхъ и омерзихъ, законъ же Твой возлюбихъ* (Псал. CXVIII. 163.).

Да страшимся же какъ подавать соблазнъ, такъ и принимать поданный: ибо грѣхъ по случаю поданнаго соблазна есть тѣмъ не менѣе грѣхъ, и можетъ породить новый соблазнъ. Не продолжай рода порожденій ехидиныхъ; но спѣши сокрушить главу змія, — грѣховный помыслъ побѣдоносною силою Агнца непорочна и пречиста Христа. Аминь.

## 15. БЕСѢДА

### О упокоеніи труждающихся и обремененныхъ.

*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.* Матѳ. XI. 28.

Слышите, зовутъ: надобно ли кому итти на сей зовъ? Призываютъ *труждающихся и обремененныхъ*: есть ли здѣсь

таковые? Или намъ легко и не трудно, и потому нѣтъ дѣла до сего призыванія? Обѣщаютъ *упокоить:* надобенъ ли кому покой? Или не стоитъ труда итти за нимъ; а хочется намъ радости, веселія, забавы?

Спросимъ нѣсколько иначе: желаете ли вы быть благополучны? Безъ сомнѣнія, никто не отречется отъ сего. Но какъ назовете вы душевное состояніе человѣка благополучнаго? Мнѣ кажется, нѣтъ сему приличнаго имени болѣе, какъ одно изъ двухъ: спокойствіе, радость. Но дѣйствіе радости, обыкновенной на земли, подобно дѣйствію вина; состояніе радости есть состояніе упоенія; а упоеніе не продолжительно, и оставляетъ по себѣ чувство лишенія, или даже тягости. Спокойствіе есть состояніе души здравой и трезвой; оно чувствуется не такъ живо, какъ радость, но за то болѣе постоянно. Итакъ не прогнѣвайтесь, любители радости, веселія, забавы: мы желаемъ,—и думаемъ, что для вашего благополучія обязаны желать вамъ,—болѣе спокойствія, нежели радости, веселія, забавы. А кто такъ пріучилъ свой вкусъ къ земнымъ радостямъ, такъ легко находитъ веселіе, такъ неутомимо замѣняетъ трудъ забавами, что ни въ какую цѣну не ставитъ спокойствія: тому, — хотя, можетъ быть, сіе уже и слишкомъ суровымъ покажется,— желаемъ даже того, чтобы онъ нѣсколько испыталъ состояніе *труждающихся и обремененныхъ*. Въ сей суровости желанія мы подражаемъ нѣкоторому, весьма доброжелательному впрочемъ мужу: *исполни*, такъ молилъ онъ Бога—исполни *лица ихъ безчестія, и взыщутъ Имени Твоего, Господи!*

Но можетъ быть, состояніе труждающихся и обремененныхъ, и не рѣдко, и не чуждо многимъ изъ насъ: а въ такомъ случаѣ и успокоенія искать нужно, и къ Упокоителю поспѣшить должно.

*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи,* — возвалъ Господь Іисусъ, когда предъ очами Его находились Іудеи, среди которыхъ Онъ проповѣдывалъ. Какое на нихъ Онъ могъ видѣть иго, которое бы затрудняло ихъ, и бремя, которое бы ихъ отягчало? — Во-первыхъ, бремя грѣховъ, подъ которымъ и сильный Царь Израилевъ изнемогалъ подобно рабу, страждущему болью въ костяхъ отъ несоразмѣрнаго силамъ пошенія тяжестей: *нѣсть мира въ костехъ моихъ*, говорилъ Онъ, *отъ лица грѣхъ моихъ; яко беззаконія моя превзыдоша главу мою; яко бремя тяжкое, отяготѣша на мнѣ* (Ис. XXXVII. 4. 5.). Во-вторыхъ, иго *закона Моисеева*, который Апостолъ Петръ именно называетъ *игомъ, его же* — говоритъ Онъ въ изъясненіе сего названія — *ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести* (Дѣя. XV. 10.); котораго при томъ тяжесть, въ послѣдніе дни Іудейства, удвоена и утроена была ученіями и заповѣдями человѣческими отъ книжниковъ и фарисеевъ; *связуютъ бо*, глаголетъ о нихъ Господь, *бремена тяжка и бѣдиъ носима, и возлагаютъ на плеща человѣческа* (Матѳ. XXIII. 4.). Въ-третьихъ, иго и бремя многихъ и различныхъ золъ и бѣдъ, лежавшихъ на Іудейскомъ народѣ вообще, и упадавшихъ на многихъ изъ онаго порознь: напримѣръ, иго власти языческой, изъ-подъ котораго хотя и силились гордые Іудеи восклонять голову, и вопіять: *сѣмя Авраамле есмы, и никому же работахомъ николи же* (Іоан. VIII. 33.), но которое тѣмъ не менѣе тяготѣло на выѣ ихъ, и восходило выше головы ихъ, поелику—лежало даже на Первосвященствѣ ихъ, и на самомъ облаченіи первосвященническомъ, которое Римляне держали запертымъ въ своей крѣпости;—иго Синагоги, которая преслѣдовала исповѣдающихъ истину, не угодную ея предразсудкамъ и властолюбію;—наконецъ, частныя бремена нищеты, угнѣтенія отъ сильныхъ, неправеднаго суда, болѣзней, печалей.

Таковыми и подобными бременами отягченныхъ, трудностями утомленныхъ, всѣхъ призывалъ къ Себѣ Господь Іисусъ Христосъ: и поелику призывалъ всѣхъ безъ изъятія; поелику Богъ *Отецъ послалъ* Его *Спасителя міру* (1 Іоан. IV. 14.), а не одному народу или времени, поелику *словеса Его не прейдутъ* даже и тогда, когда *прейдутъ небо и земля* (Мар. XIII. 31.); то и теперь Онъ еще глаголетъ, и между нами *труждающихся и*

*обремененныхъ* ищетъ, и къ себѣ призываетъ.

Человѣкъ, знающій за собою грѣхъ! Не *труждаешься* ли ты? Не *обремененъ* ли? Чувствуя уязвленную совѣсть, не усиливаешься ли ты бѣжать самъ отъ себя, безплоднымъ однакожъ усиліемъ: подобно какъ уязвленный елень бѣжитъ по лѣсу, но уже не можетъ убѣжать отъ раны, которую несетъ съ собою, а только истощается въ силахъ? Не мечешься ль иногда, какъ рыба, поглотившая уду, безполезными однако же порывами: потому что иго, тебя вяжущее, и бремя тяготящее, находится внутри тебя? Не есть ли для тебя грѣхъ, частію бремя; поколику тяготитъ душу воспоминаніемъ содѣланнаго; частію иго, поколику лишаетъ тебя свободы, затрудняетъ, изнуряетъ привычкою, подобно какъ ярмомъ связуется, затрудняется, изнуряется работное животное? Если же тогда, какъ живешь во грѣхѣ, ты еще не знаешь и не чувствуешь въ немъ ига и бремени: тѣмъ не лучше. Въ семъ случаѣ ты подобенъ дикому подъ ярмомъ и бременемъ животному, которое несется по стремнинамъ, и чѣмъ менѣе испытываетъ затрудненія, чѣмъ менѣе чувствуетъ тяжесть, тѣмъ скорѣе можетъ низринуться въ пропасть, и совсѣмъ погибнуть: и потому въ семъ случаѣ, — какъ сказано и прежде,—желательно, чтобы ты лучше вошелъ ощутительно въ непріятное состояніе *труждающихся и обремененныхъ*, нежели оставался въ опасномъ состояніи необузданности. Но ты, знающій беззаконіе свое, какъ иго и бремя, не медли узнать и надежду облегченія: *пріиди, труждающійся и обремененный*.

Человѣкъ, подвизающійся въ добродѣтели! *Не труждаешься* ли и ты? И ты не *обремененъ* ли? Правда, если участь грѣшника есть иго и бремя: то удѣломъ добродѣтели должна быть легкость и свобода. Но какъ иго и бремя грѣха ощущается уже послѣ того, какъ онъ сдѣланъ: такъ и добродѣтель даетъ чувствовать легкость и свободу тогда, когда уже совершена будетъ. А легко ли достигнуть въ ней совершенства? Путь ея идетъ на гору; крутъ, узокъ, усѣянъ терніемъ. И познавать путь духовнаго совершенства, и дѣйствительно восходить по нему, трудно уже и по тому одному, что, какъ говоритъ опытный подвижникъ мудрости и добродѣтели, *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу, и земное жилище обремененяетъ умъ многопопечителенъ* (Прем. IX. 15.). Тѣло же, кромѣ того, что тлѣнно, и потому не выдерживаетъ всего напряженія безсмертной души, но, или ее въ ея стремленіи задерживаетъ, или подвергается опасности отторгнуться отъ нея и разрушиться,—кромѣ сего, заражено грѣхомъ, связано привычками, противными добродѣтели: а также и умъ, кромѣ того, что развлекается попеченіями о земномъ жилищѣ своемъ,—кромѣ сего связуется предразсудками, помрачается и увлекается страстями сердца, вводится въ обманъ призраками чувствъ и воображенія. А сколько еще постороннихъ препятствій подвигу въ добродѣтели! Обиліе благъ земныхъ прельщаетъ, недостатокъ ихъ искушаетъ, примѣры совращаютъ съ пути; неправыя сужденія людей полагаютъ претыканія; гоненія устрашаютъ; тамъ, гдѣ, по видимому, кончится *брань къ плоти и крови*, вновь начинается брань *къ началамъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего духовомъ злобы поднебеснымъ*. Кто подвизается не для того только, чтобы достать вѣнецъ добродѣтели отъ людей, но для того, чтобы одержать истинную, внутреннюю побѣду надъ страстями и пороками: тому понятны жалобы, которыя слышимъ изъ устъ одного изъ самыхъ ревностныхъ подвижниковъ: *не живетъ во мнѣ, сирѣчь во плоти моей, доброе. Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю. Не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.—Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ.— Окаяненъ азъ человѣкъ* (Рим. VII. 18—24.)! Познай же и ты, для котораго самый законъ добра есть, какъ бремя на хребтѣ безсильнаго,—познай и нужду и надежду твоего или облегченія, или укрѣпленія: *пріиди, труждающійся и обремененный*.

Человѣкъ, постигнутый бѣдствіемъ, страданіемъ, печалію! Тебя не нужно испы-

тывать, находишься ли ты, и полагаешь ли себя, въ числѣ *труждающихся и обремененныхъ*. Опасаться должно не того, что ты не довольно сіе знаешь, но того, не чрезмѣрно ли сіе чувствуешь; и избыткомъ сего чувствованія не затрудняешь ли самъ для себя познаніе средствъ успокоенія. Единственное вѣрное средство само себя тебѣ открываетъ; собери остатки расточенныхъ силъ; приблизься узнать и принять оное: *пріиди, труждающійся и обремененный*.

*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ* — глаголетъ Іисусъ Христосъ — *упокою вы*. Прибѣжище вѣрное! Пристанище безопасное! Помощь всесильная! Защита всепобѣждающая! Облегченіе небесное! Покой Божественный! Только пріидите. Только не отрекитесь.

Іисусъ Христосъ облегчаетъ отягченныхъ бременемъ грѣховъ: ибо хотя бы грѣхи цѣлаго міра на тебѣ лежали, Онъ подъемлетъ съ тебя все сіе бремя, переноситъ оное на Себя, и тѣмъ уничтожаетъ. *Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.* Если ты побѣжденъ грѣхомъ: Агнецъ Божій побѣждаетъ его въ тебѣ. Если ты продань подъ грѣхъ: искупляетъ тебя. Если ты связанъ грѣхомъ, какъ ярмомъ: разрѣшаетъ тебя. Если ты падаешь подъ бременемъ грѣха: возставляетъ тебя. Если даже ты умерщвленъ грѣхомъ: Богъ, воскресившій Христа, и *мертваго* тебя *прегрѣшеньми сооживитъ Христомъ* (Еф. II. 5.); *кровь Христова, иже Духомъ Святымъ себе принесе непорочна Богу, очиститъ совѣсть твою отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити тебѣ Богу живу и истинну* (Евр. IX. 14.).

Іисусъ Христосъ упокоиваетъ труждающихся подъ игомъ закона, тѣхъ, которые, подвизаясь въ добродѣтели, болѣе испытываютъ тягость и препоны подвига, нежели успѣхи онаго, и съ продолженіемъ онаго болѣе, по видимому, изнемогаютъ, нежели возмогаютъ: ибо Христосъ, Божія Сила и Божія Премудрость, даруетъ и свѣтъ чистаго познанія, и силу совершеннаго исполненія, и подвигъ облегчаетъ, и подвижника укрѣпляетъ, и препоны отъемлетъ, и помощь посылаетъ, и сквозь опасности безвредно проводитъ, и враговъ нашихъ въ насъ побѣждаетъ, и Свою въ насъ побѣду вѣнчаетъ. Подвижникъ, который недавно въ изнеможеніи, почти безъ надежды, вопіялъ: *окаяненъ азъ человѣкъ!* приближается ко Христу, и уже не находитъ въ себѣ инаго чувства, кромѣ благодарности къ Нему за свое успокоеніе: *благодарю Бога моего*, восклицаетъ онъ, *Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ!* Со Христомъ подвизающемуся, *заповѣди Божіи тяжки не суть* (1 Іоан. V. 3.). *Иго бо* Христово *благо, и бремя* Его *легко есть.* Съ Нимъ и самый безсильный можетъ сказать: *вся могу* о *укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV. 13.).

Іисусъ Христосъ облегчаетъ и упокоиваетъ бѣдствующихъ, страждущихъ, печальныхъ: ибо не только, яко избавитель, всегда можетъ Онъ отвратить или пресѣчь бѣдствіе, прекратить страданіе, уничтожить причину печали; но, яко совершенный побѣдитель зла, въ самой области зла устрояющій Собственное царство блага, Онъ можетъ среди самаго бѣдствія открыть въ человѣкѣ чувство благополучія, самое страданіе растворить удовольствіемъ, самой печали дать вкусъ радости. Его сіе дѣло, что Іовъ, послѣ безвинной потери имѣнія и дѣтей, благословляетъ Бога, и въ несносной болѣзни, на гноищѣ, не соглашается роптать; что Петръ, въ темницѣ, и въ оковахъ, какъ будто въ праздникъ, поетъ всенощную пѣснь; что Павелъ радуется въ страданіяхъ; что Кипріанъ, на смертный о себѣ приговоръ, отвѣтствуетъ: *слава Богу!*

Таковъ, Христіане, поистинѣ еще на земли небесный, и прежде смерти безсмертный и блаженный *покой душъ нашихъ*, который *обрѣтается* во Христѣ; и котораго искать, если бы мы собственною нуждою нашею не вразумились, то всеблагій и всемилостивый Спаситель нашъ Самъ ищетъ и призываетъ всѣхъ насъ, чтобы даровать намъ покой Свой.

Можно сказать, что мы и приведены уже, и неоднократно приводимся къ покою душъ нашихъ во Христѣ: когда приведены къ Нему крещеніемъ, и каждый разъ, когда приходимъ къ Нему въ мо-

литвѣ, въ покаяніи, въ общеніи Тѣла и Крови Его. Что жъ? Вкусили ль мы покой сей? Сохранили ль, и сохраняемъ ли въ себѣ силу онаго? Или опять мы безпокойны, опять *труждающися и обремененны?* Долго ли же? Не ужели дотолѣ, какъ наконецъ, столь долго тщетно призывавшій насъ Христосъ, оставитъ не внемлющихъ, или непостоянныхъ; а напротивъ адъ, въ угодность котораго мы труждаемся въ суетѣ, и обременяемся грѣхами, приступитъ, и скажетъ: довольно вы для меня трудились, и носили мои бремена; теперь приидите, я упокою васъ, какъ знаю: постелю подъ вами огнь не угасающій, и покрою васъ червемъ не умирающимъ.

Послѣдуемъ лучше, братія, благодатному призыванію Христову; перестанемъ откладывать; послѣдуемъ рѣшительно; перестанемъ возвращаться вспять. *Да убоимся,* со Апостоломъ говорю, *да не когда оставлену обѣтованію внити въ покой Его, явится кто отъ васъ лишився* (Евр. IV. 1.). *Днесь,* говорилъ Духъ Святый еще *въ Давидѣ;* — *днесь,* говорилъ Онъ чрезъ нѣсколько вѣковъ потомъ въ Павлѣ; — дивно Божіе долготерпѣніе, что и теперь еще есть время сказать: *днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ* (Евр. III. 7.).

*Пріидемъ* отнынѣ ко Христу ревностнымъ и неуклоннымъ послѣдованіемъ Его ученію и житію; *внидемъ въ покой Его вѣровавшіи* вѣрою сердечною, живою и дѣятельною, предшествуемые сущими отъ вѣка подвижниками вѣры и добродѣтели, истинными послѣдователями Іисуса Христа, отъ всякаго ига и бремени земнаго обрѣтшими у Него покой небесный, къ которому и насъ примѣромъ своимъ приглашаютъ, да купно съ ними славимъ Единаго Упокоителя и *Спасителя всѣхъ человѣковъ, паче же вѣрныхъ.* Аминь.

## 16. БЕСѢДА

### О нашемъ житіи на небесѣхъ.

*Наше бо житіе на небесѣхъ есть, отонуду же и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его.* Филипп. III. 20. 21.

Какъ бы ни пріятно кто жилъ на сей темной землѣ: однако никто, надѣюсь, не станетъ спорить, что несравненно пріятнѣе должно быть житіе на свѣтлыхъ небесахъ, если туда кто можетъ переселиться.

Посему не достойна ли полнаго вниманія нашего вѣсть, которую слышимъ отъ Апостола о житіи на небесахъ, что оно дѣйствительно есть, и даже что оно для насъ не чуждо? *Житіе наше на небесѣхъ есть.*

Небесный житель, который, видно, еще живя на земли обладалъ небеснымъ житіемъ, потому что все земное пренебрегъ и оставилъ, и потому что еще тогда силу небесной жизни проявлялъ въ себѣ духовною прозорливостію, исцѣленіями, властію надъ преисподними силами, Преподобне Отче Сергіе! Твоею молитвою и благословеніемъ споспѣшествуй намъ возвести помышленія и сердца наши къ небесному житію, да не погрязнемъ въ суетѣ житія земнаго.

Разуму земному страннымъ показаться можетъ Апостольское возвѣщеніе, что *житіе наше на небесѣхъ есть.* Онъ скажетъ: и птицы небесныя не на небесахъ живутъ, хотя мы уступаемъ имъ преимущество называться *небесными;* мы меньше птицъ можемъ отдѣлять себя отъ земли. Наша жизнь стоитъ на землѣ, какъ на основаніи; питается земною пищею; покрывается земною одеждою; укрывается въ земномъ жилищѣ. Какъ же можно сказать, что *житіе наше на небесѣхъ есть?* Иное дѣло, если бы сказано было: житіе наше на небесѣхъ будетъ. Но и сіе кому извѣстно? А то—какъ возможно?

Вы оправдаете меня, братія, въ томъ,

что я не соглашусь поправлять, или ослаблять словъ Апостольскихъ въ угодность непонимающихъ. Я стою твердо въ Апостольскомъ увѣреніи, что *житіе наше на небесѣхъ есть.* Чтобы сдѣлать истину сію внятною и ощутительною, надлежитъ различить и сравнить жизнь временную и вѣчную, тѣлесную и духовную.

Если бы городскаго жителя, во время путешествія, въ полѣ, или въ деревнѣ, спросили: гдѣ онъ живетъ? безъ сомнѣнія, онъ не сказалъ бы: вотъ здѣсь на дорогѣ, или вотъ здѣсь въ сельской гостинницѣ; но сказалъ бы, что живетъ въ городѣ, гдѣ у него домъ и семейство, хотя бы во время вопрошенія и далеко былъ отъ города. И справедливо: ибо мы живемъ не тамъ, гдѣ случайно странствуемъ, гдѣ ночуемъ въ постоялом домѣ, но гдѣ имѣемъ постоянное пребываніе. Примѣните сіе къ Апостолу: и просто будетъ его необычайное по первому виду изреченіе. Святый Павелъ жизнь временную представлялъ только странствованіемъ, землю — не больше, какъ постоялымъ домомъ; какъ мысль странника упреждаетъ его, и находится уже въ домѣ, когда онъ еще на пути, такъ сердце Апостола, во время земнаго странствованія, было уже тамъ, идѣже есть сокровище его, гдѣ Богъ живетъ во свѣтѣ, гдѣ Хрістосъ царствуетъ во славѣ, гдѣ обители Святыхъ и жизнь ихъ истинная и вѣчная. Такъ онъ мыслилъ и чувствовалъ, такія мысли и чувствованія предполагалъ и во всѣхъ Христіанахъ, какъ участникахъ той же вѣры, какъ наслѣдникахъ той же вѣчной жизни: и потому не о себѣ только, но вмѣстѣ съ собою и о всѣхъ насъ увѣрительно сказалъ: *житіе наше на небесѣхъ есть.*

Какъ жизнь временная есть едва примѣтное мгновеніе предъ вѣчною: такъ жизнь тѣлесная, или чувственная, едва заслуживаетъ названіе жизни въ сравненіи съ духовною. Святый Апостолъ, тогда какъ возвѣщаетъ житіе небесное, съ горестію и негодованіемъ отвергаетъ преобладающую въ нѣкоторыхъ людяхъ жизнь тѣлесную или чувственную. *Мнози бо ходятъ, ихже многажды глаголахъ вамъ, нынѣ же и плача глаголю, враги креста Хрістова, имже кончина погибель, имже богъ чрево, и слава въ студѣ ихъ, иже земная мудрствуютъ* (Фил. III. 18. 19.). И не духовный человѣкъ оскорбится, если ему скажутъ, что онъ живетъ только чревомъ: такъ низко думаютъ о чревѣ и о жизни чрева даже и такіе люди, которые не духовно мыслятъ. Но если всякій поклонникъ безъ сомнѣнія много ниже своего Божества: то подумайте, какъ низки люди, *имъ же богъ чрево*, которые идолу чувственнаго наслажденія приносятъ въ жертву время и жизнь, тѣло и душу, дары природы и пріобрѣтенія въ мірѣ! Если это жизнь, то развѣ скотская: а жизни человѣческой, кольми паче Христіанской, ни искры тутъ нѣтъ. Какая же быть можетъ жизнь, которую намъ не стыдно было бы назвать нашею жизнію? скажутъ ли: жизнь сердца? или: жизнь разума? На сіе скажу относительно жизни сердца, что, если она не возвышена особеннымъ средствомъ, то близко граничитъ съ жизнію чувственности, и потому легко низвергается въ ту же пропасть низости, которую мы недавно указали; или же удобно переходитъ въ жизнь звѣря, который находитъ удовольствіе въ томъ, что терзаетъ; что касается до жизни разума, кромѣ того, что она съ трудомъ, и то въ немногихъ, восходитъ до нѣкоторой высоты, земный разумъ также виситъ надъ пропастью чувственности, и нѣтъ въ природѣ человѣческой силы, которая была бы достаточна безопасно поддержать его. Почему Апостолъ, тѣхъ, *иже земная мудрствуютъ*, ставитъ рядомъ съ тѣми, *имже богъ чрево и слава въ студѣ ихъ*, то есть, которые, предавшись чувственности, полагаютъ славу въ дѣлахъ постыдныхъ, и *имже кончина погибель.* Какая же, спрошу еще разъ, быть можетъ жизнь, которую мы могли бы назвать нашею, не подвергаясь стыду и опасности? — Не иная, какъ только жизнь духа, — жизнь, въ которой *уды сущіе на земли*, то есть, чувственныя похоти и страсти, *умерщвляются* крестомъ Хрістовымъ, то есть, чрезъ повиновеніе заповѣдямъ Его, и чрезъ послѣдованіе примѣру Его, — жизнь, въ которой *разумъ плѣняется въ послушаніе вѣры*, и отъ нея получаетъ и

чистый свѣтъ, дабы видѣть истину, и силу, дабы непоколебимо стоять въ оной, — жизнь, въ которой *вселяется Христосъ вѣрою въ сердца* человѣковъ, *и любовію дѣйствуетъ* въ нихъ къ миру внутреннему, къ благополучію внѣшнему, къ благоустройству общественному, къ блаженству вѣчному. Сія жизнь не есть земная, потому что она земное умерщвляетъ; не есть земная, потому что раждается отъ сѣмени небеснаго и Божественнаго. Она есть небесная жизнь, потому что хотя сѣется на земли, но растетъ въ небо, и даже превыше небесъ, она есть небесная, еще прежде окончанія видимой жизни земной, потому что намъ *возвѣщеиъ животъ вѣчный, иже бѣ у Отца, и явися намъ*, и въ слѣдствіе сего есть *общеніе наше со Отцемъ и съ Сыномъ Его Іисусомъ Хрістомъ* (1 Іоан. 1. 2. 3.), есть *общеніе Святаго Духа со всѣми нами* (2 Кор. XIII. 13.); а сіе общеніе, безъ сомнѣнія, есть небесное и пренебесное.

Познаемъ, возчувствуемъ, Христіане, достоинство Христіанства. Повѣримъ возвѣщенію Апостольскому, уразумѣемъ сіе возвѣщеніе, возрадуемся о семъ возвѣщеніи, что *житіе наше на небесѣхъ есть*. И если между тѣмъ устрашаютъ насъ превратности жизни временной, озабочиваютъ нужды жизни тѣлесной, возмущаютъ искушенія плоти, да возводимъ взоры наши отъ темной и коловратной земли къ свѣтлому и неподвижному небу, *отонудуже и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Хріста*, Который и превратности времени, и нужды тѣла, и искушенія плоти окончательно прекратитъ, когда *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его*, что предначалъ Онъ для насъ, и въ чемъ обнадеживаетъ насъ Своимъ преображеніемъ, воскресеніемъ, вознесеніемъ.

*Житіе наше на небесѣхъ есть!* Въ семъ Апостольскомъ словѣ, подаю вамъ, чада Церкви воинствующей, оружіе противъ многаго, что сражается съ вами на земли.

Тяготитъ тебя печаль о добромъ и возлюбленномъ умершемъ. Скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть*; не благоразумно было бы разслаблять себя на пути печалію о томъ, кто упредилъ насъ; лучше напрягать силы и вниманіе, чтобы вѣрнымъ путемъ итти туда, гдѣ житіе обоихъ.

Искушаетъ тебя любовь къ земнымъ вещамъ и желаніе многаго пріобрѣтенія. Скажи опять: *житіе наше на небесѣхъ есть*, а здѣсь мы путешествуемъ; не надобно путешественнику слишкомъ увеличивать ношу путеваго запаса; нелѣпо было бы останавливаться на дорогѣ, и строить себѣ великолѣпный домъ для ночлега.

Обижаютъ тебя; лишаютъ собственности, чести, награды. Еще скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть*; тамъ наши сокровища некрадомыя, вѣнцы нетлѣнные, воздаянія вѣчныя. Не нужно заботиться много, если отнимаютъ лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить безцѣнное наслѣдіе въ домѣ Отца небеснаго.

Такъ сильною мыслію о небесномъ, вѣрою въ небесное, любовію къ небесному, надеждою небеснаго возмогай, земнородный, надъ земнымъ и преисподнимъ; и подвизайся непрестанно, да будетъ въ тебѣ небо Благодатію, да будешь наконецъ ты въ небѣ со славою вѣчною. Аминь.

## 17. БЕСѢДА

### О небесной наградѣ.

*Возрадуйтеся въ той день, и взыграйте: се бо мзда ваша многа на небеси.* Лук. VI. 23.

Господь Іисусъ повелѣваетъ возрадоваться и взыграть; обѣщаетъ награду, великую награду, небесную награду. Достанется ли кому изъ насъ сія награда, безъ сомнѣнія совершенная; потому что Судія, который опредѣляетъ ее, и праведенъ, чтобы опредѣлить награду достойную, и благъ, чтобы опредѣлить награду щедрую, и всемогущъ, чтобы исполнить Свое опредѣленіе во всей силѣ онаго? Внидетъ ли кто изъ насъ въ сію радость,

безъ сомнѣнія, блаженную; поелику призывающій къ ней есть Источникъ блаженства?

*Возрадуйтеся въ той день.* Какой это день, предназначенный для радости? Придетъ ли онъ и къ намъ? Доживемъ ли мы до него?

Прочитаемъ въ большей полнотѣ слова Христовы, предназначающія день сей, чтобы намъ узнать его. *Блажени будете,* глаголетъ Онъ, *егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день и взыграйте.*

Итакъ день, въ который Христіанамъ должно возрадоваться и взыграть, есть время, когда ихъ, за имя Христово, ненавидятъ, разлучаютъ, безславятъ. Теперь хотите ли дожить до сего дня, насладиться сею радостію? Или, еще не видя его, желаете, чтобы онъ прошелъ мимо васъ, и уже не хотите вкусить радости, которой вкуса не знаете? Не льзя осуждать того, кто скажетъ въ семъ случаѣ слова Христовы: *да мимо идетъ отъ меня чаша сія,* то есть, чаша ненависти отъ человѣковъ, гоненія, безславія: но также не льзя не восхвалить того, у кого достанетъ духа непрерывно договорить и слѣдующія: *обаче не яко же азъ хощу, но яко же Ты,* Отче Небесный!

Премудрымъ и непостижимымъ судьбамъ Божіимъ предоставляя избирать достойныхъ къ трудному подвигу, и возводить къ высокому блаженству—страдать за Христа, не пропустимъ безъ особеннаго вниманія того, для всѣхъ вообще удобонаставительнаго, слова Христова, которое побуждаетъ, для совершенія подвиговъ, и для перенесенія страданій, достаточную силу и ободряющую надежду почерпать изъ помышленія о небесной наградѣ: *се бо мзда ваша многа на небеси.*

Есть и такія, вѣроятно не многія, возвышенныя души, которыя, въ сердечныхъ помышленіяхъ и желаніяхъ, проходя мимо, и оставляя позади себя всякую, не только земную, но и небесную награду, прямо, чисто, единственно стремятся ко благоугожденію предъ Богомъ, и къ соединенію съ нимъ любовію. *Что ми есть на небеси?* восклицаетъ Псалмопѣвецъ къ Богу, *и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ* (Псал. LXXII. 25. 26.). Не желаю, говоритъ, ничего земнаго; и на небесахъ не ищу ничего, кромѣ Бога небеснаго; не чувственныхъ удовольствій алчетъ плоть моя, не любви тварей жаждетъ сердце мое; самую завидную между человѣками долю безъ зависти уступаю всякому желающему; моя доля есть Богъ; сердце мое хочетъ исчезнуть тамъ, гдѣ Его не находитъ, и возродиться тамъ, гдѣ обрѣсти Его можно; самая плоть моя томится желаніемъ единственнаго *насыщенія,—внегда явитися славѣ Его.* О семъ состояніи нѣкоторыхъ благочестивыхъ душъ, для многихъ изъ слушающихъ сіе, не знаю, что сказать, развѣ сіи слова Господни, сказанныя объ одномъ изъ особенныхъ состояній благодатныхъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ.*

Впрочемъ, если желаніе награды и не есть совершенство, Богъ однакоже не возбраняетъ человѣку помышлять о наградѣ; и даже Самъ употребляетъ мысль о наградѣ для поощренія человѣка къ исполненію заповѣдей и къ достиженію совершенства. *Чти отца твоего и матерь твою:* вотъ заповѣдь. И вотъ въ слѣдъ за нею награда, поощряющая къ исполненію ея: *да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли благъ* (Исх. XX. 12.). *Аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ:* вотъ требованіе совершенства. И вотъ непосредственно за симъ награда, поощряющая къ достиженію сего совершенства: *и имѣти имаши сокровище на небеси* (Матѳ. XIX. 21.) *Возрадуйтеся въ той день,—егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына человѣческаго ради:* вотъ великое требованіе подвига, для котораго нужна необыкновенная сила духа и непоколебимое терпѣніе. Для сего вотъ и великая награда, способная возбудить и поддержать необыкновенную силу духа: *се бо мзда ваша многа на небесѣхъ.*

Ветхій Завѣтъ, какъ приготовительный

къ совершенству Христіанскому, открытымъ образомъ говоритъ наиболѣе о наградахъ земныхъ; потому что, примѣняясь къ понятіямъ людей, которымъ былъ данъ, по необходимости долженъ былъ и духовныя созерцанія небеснаго блаженства облекать въ чувственныя изображенія благополучія земнаго. Завѣтъ Новый, какъ открывающій совершенство царствія небеснаго, въ его духовной силѣ и высокой чистотѣ, обыкновенно указуетъ своимъ подвижникамъ и страдальцамъ награды небесныя: а земныя не только пренебрегаетъ, какъ маловажныя, но иногда почитаетъ даже урономъ наградъ небесныхъ. *Воспріемлютъ мзду свою,* говоритъ Господь о лицемѣрахъ, ищущихъ посредствомъ добродѣтели, славы человѣческой: то есть, они получили свою награду на земли, отъ человѣковъ, и потому не получатъ ея на небеси, отъ Бога. Вмѣсто того, что древній Законъ ласкалъ земнымъ благополучіемъ: *благо ти будетъ; долголѣтенъ будеши на земли благѣ;* Евангеліе земнымъ благополучіемъ угрожаетъ, какъ опаснымъ, а презрѣніе сего благополучія полагаетъ залогомъ небеснаго блаженства: *кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою? Любяй душу свою погубитъ ю;* и *ненавидяй души своея въ мірѣ семъ въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Іоан. XII. 25.).

По сему разсужденію, каждый изъ слышащихъ сіе имѣетъ случай предложить себѣ, и можетъ просто для себя рѣшить, — не маловажный, надѣюсь, для каждаго изъ насъ вопросъ: истинный ли я Христіанинъ, или нѣтъ? Если ты истинный Христіанинъ: то ты вѣрно не привязанъ душею ко временному благополучію; не пристрастенъ къ земнымъ наградамъ; поощряешь и утѣшаешь себя мыслію о наградѣ небесной и вѣчной. А если ты забываешь о небесной и вѣчной наградѣ, домогаясь временной корысти, чести, удобства жить въ свое удовольствіе: не прельщайся; такія расположенія не показываютъ духа истинно Христіанскаго. Кто управляется и одушевляется желаніемъ только земной награды: тотъ есть земный Ветхозавѣтникъ, далекій отъ совершенства духовнаго, и отъ стяжанія сокровища небеснаго. Кто дѣлаетъ добрыя дѣла для временной корысти, или для славы человѣческой: тотъ еще не вышелъ изъ области язычества; онъ выработываетъ кумиры добродѣтелей на продажу или на зрѣлище: онъ воспріемлетъ мзду свою отъ человѣковъ, и потому небеса и Богъ ничѣмъ болѣе не должны ему.

Не скажутъ ли, что сіе разсужденіе слишкомъ строго, и затворяетъ всѣхъ подъ грѣхомъ? Ибо не естественно ли, скажутъ, человѣку и на землѣ искать, гдѣ лучше, подобно какъ рыба ищетъ, гдѣ глубже? — Если кто подлинно сіе скажетъ: тотъ пусть знаетъ, что не мы строгимъ разсужденіемъ затворяемъ его подъ грѣхомъ; но судъ Слова Христова и нерадѣніе послѣдовать сему Слову, затворяютъ его подъ грѣхомъ. Если и естественно желать лучшаго земнаго: но не согласно съ разумомъ искать онаго съ забвеніемъ и утратою наилучшаго небеснаго. И если вы хотите держаться только естественнаго: то смотрите, не отпадаете ли чрезъ сіе отъ благодатнаго, которое выше естественнаго? Опираясь на мнимыя естественныя ваши права, не отвергнете ли вы сихъ положеній благодатнаго закона: *не сребролюбцы нравомъ, довольни сущими* (Евр. XIII. 5.); — *честію другъ друга больша себе творяще* (Рим. XII. 10.); — *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. XIII. 14.)?

Но если уже вамъ непремѣнно угодно естественное: подлинно ли естественно исканіе земныхъ воздаяній, какое столь обыкновенно примѣчается между нами; если естественнымъ называть должно не то, чего требуютъ не управляемыя желанія и не удерживаемыя страсти, но то, что изъ истинныхъ потребностей естества человѣческаго происходитъ, имъ соотвѣтствуетъ, имъ удовлетворяетъ? Когда наемникъ желаетъ платы, достаточной для пропитанія, не только во дни работы, но и на дни необходимаго потомъ отдыха: не спорю, что естественно ему желать такого воздаянія. Но когда богатый не хочетъ ничего сдѣлать безъ того, чтобы не извлечь изъ дѣла выгоды, даже, если можно, двойной и тройной выгоды: что тутъ естественнаго?

Когда проходящій какое-либо служеніе за каждый годъ, или за каждое сколько нибудь особенное дѣйствіе служенія, хочетъ большей и большей платы, высшаго и высшаго званія или отличія: что и тутъ естественнаго? Требуетъ ли того природа человѣка, и служитъ ли то къ его совершенству, чтобы на него сыпали деньги, названія, украшенія?

Не лучше ли было бы, напротивъ, и для естественнаго состоянія человѣковъ, если бы они взирали не столько на земныя воздаянія, всегда малыя въ сравненіи съ трудами для нихъ употребляемыми, и мало радующія въ сравненіи съ непріятностями исканія, соревнованія, лишенія, сколько на небесную награду, всегда великую, вполнѣ радующую, никогда не отъемлемую? Если бы каждый непрестанно имѣлъ предъ очами свою *мзду многую на небеси*, которую и властенъ каждый имѣть предъ очами непрестанно: то, удовлетворяемый чаяніемъ оныя, каждый не такъ страстно искалъ бы воздаяній земныхъ и утѣшеній временныхъ; продающій менѣе бы корыстолюбствовалъ; судящій охотнѣе предпочелъ бы безчестной мздѣ неправды безмездную правду; обязанный служить обществу рѣшительнѣе предпочиталъ бы общую выгоду своей личной, и не отрекался бы отъ служенія общему благу, хотя бы и не отдавали всей справедливости его служенію; поставленный въ подчиненность и послушаніе удобнѣе забывалъ бы свою волю, и менѣе тяготился взыскательностію начальствующаго; рабъ усерднѣе и веселѣе работалъ бы и нещедрому господину; кратко сказать, мыслію о небесной наградѣ поддерживаемое безкорыстіе каждаго непрестанно увеличивало бы сокровище общаго блага человѣковъ, и внутреннее сокровище добродѣтели въ сердцѣ каждаго.

Господи, щедрый въ обѣщаніи, и вѣрный въ исполненіи! Утверди насъ въ благотворномъ памятованіи и чаяніи *мзды многія на небеси*, да и воздаянія земныя не будутъ для насъ прилепчивы, и скорби или потери временныя не будутъ несносны. Аминь.

# ОТДѢЛЕНІЕ XI.

# РѢЧИ.

СЛОВА И РѢЧИ.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

# РѢЧИ.

## 1. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ, говоренная Августа 25 дня 1823 года.

Предъ Богомъ срѣтаемъ Тебя, благочестивѣйшій государь! и благодаримъ Его, что утѣшаетъ насъ Тобою; и молимъ Его, да утѣшитъ и Тебя нами.

Воззри еще на сей царелюбивый народъ; и утѣшься его любовію, которая и сокрываемому въ глубокой нощи пришествію Твоему не допустила утаиться, но восприяла Тебя гласомъ восторга.

Воззри еще на сей много-вѣковый царственный градъ, который дано Тебѣ, въ краткое время, изъ развалинъ и пепла возродить; и утѣшься симъ, какъ знаменіемъ того, что Богъ, посѣтившій неправды наши, еще сохранилъ здѣсь благословеніе праведныхъ: ибо въ *благословеніи правыхъ возвысится градъ*, говоритъ Слово правды (Притч. XI. 11.).

Богъ благословеній да споспѣшествуетъ Тебѣ выну и въ важнѣйшемъ царственномъ зиждительствѣ Твоемъ,—въ зиждительствѣ и возвышеніи нравственнаго и духовнаго порядка, въ утвержденіи вѣры и правды, которыми и цари велики, и царства непоколебимы.

*Господи! спаси царя*, и благослови, и *сохрани вхожденіе Его и исхожденіе Его*, ко спасенію царства.

## 2. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Павловичу, въ день тезоименитства Его Величества, говоренная въ Успенскомъ Соборѣ, Августа 30 дня, 1823 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Тогда, какъ вся Россія приноситъ Богу

радость о благоденствіи Твоемъ, и молитву о продолженіи онаго, мы, обитатели сей столицы, имѣемъ еще то дополненіе радости, что видимъ Тебя Самого участвующаго въ нашей молитвѣ, и что Ты можешь видѣть нашу радость.

Тотъ, Который обѣщалъ исполнить молитву двухъ или трехъ человѣкъ, приносимую въ вѣрѣ и единодушіи, да совершить молитву, которую нынѣ единодушно приносятъ о Тебѣ многіе милліоны Твоихъ вѣрноподданныхъ; а намъ да даруетъ чаще наслаждаться сею полнотою радости въ Твоемъ лицезрѣніи.

## 3. РѢЧЬ

При всенародномъ открытіи, хранящагося въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, завѣщательнаго акта въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, о назначеніи на наслѣдственный Всероссійскій Престолъ, Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, говоренная Декабря 18 дня 1825 года.

По собраніи въ большомъ Успенскомъ Соборѣ Правительствующаго Сената, Военныхъ и Гражданскихъ Чиновъ и народа, Архіепископъ Московскій, въ полномъ облаченіи, въ предшествіи прочаго духовенства, вышелъ изъ Святаго Олтаря, неся надъ головою серебряный ковчегъ, остановился у приготовленнаго на предолтарномъ Амвонѣ стола, и, имѣя предъ собою ковчегъ, говорилъ:

Внимайте, Россіяне!

Третій годъ, какъ въ семъ Святомъ и освящающемъ Царей Храмѣ, въ семъ ковчегѣ, который вы видите, хранится великая воля Благословеннаго Александра, назначенная быть послѣднею Его волею. Ему благоугодно было закрыть ее покровомъ тайны: и хранители не смѣли прежде времени коснуться сего покрова.

Прошла послѣдняя минута Александра; настало время искать Его послѣдней воли: но мы долго не знали, что настало сіе время.

Внезапно узнаемъ, что Николай, съ наслѣдованною отъ Александра кротостію и смиреніемъ, возводитъ старѣйшаго Брата; и въ то же время повелѣваетъ положить новый покровъ тайны на Хартію Александра.

Что намъ было дѣлать? Можно было предугадывать, какую тайну заключаетъ въ себѣ Хартія, присоединенная къ прежнимъ Хартіямъ о наслѣдованіи Престола. Но не льзя было не усмотрѣть и того, что открыть сію тайну въ то время, значило бы раздрать на двое сердце каждаго Россіянина. Что же намъ было дѣлать?

Ты видишь, Благословенная Душа, что мы не были невѣрны Тебѣ: но вѣрности нашей не оставалось иного дѣла, какъ стеречь сокровище, которое не время было вынести на свѣтъ, — какъ оберегать молчаніемъ то, что не позволено было провозгласить. Надлежало въ семъ ковчегѣ, какъ-бы во гробѣ, оставить Царственную тайну погребенною, и Небесамъ предоставить минуту воскресенія.

Царь царствующихъ послалъ сію минуту. Теперь ничто не препятствуетъ намъ сокрушить сію печать, раскрыть сей, Государственную жизнь сокрывающій, гробъ. Великая воля Александра воскреснетъ.

Россіяне! двадцать пять лѣтъ мы находили свое счастіе въ исполненіи Державной воли Александра Благословеннаго. Еще разъ вы ее услышите, исполните, и найдете въ ней свое счастіе.

Послѣ сего снята съ ковчега печать, вынутъ изъ него конвертъ, и по освидѣтельствованіи на немъ печати и собственноручной надписи въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, открытъ и прочитанъ Архіепископомъ Высочайшій Манифестъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича съ приложеннымъ при немъ оригинальнымъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отреченіемъ отъ права на наслѣдованіе Престола. За симъ приступлено къ присягѣ на вѣрность подданства Его Императорскому Величеству, Государю Императору Николаю Павловичу, съ установленною торжественностію.

## 4. РѢЧЬ

Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, предъ вступленіемъ Ея Величества въ Успенскій Соборъ, говоренная Апрѣля 30 дня, 1826 года.

Благочестивѣйшая Государыня!

Нѣкто видѣлъ, и вопрошалъ внезапное видѣніе: *кто сія проницающая аки утро* (Пѣсн. VI. 9.)?

Мы видимъ, и не какъ внезапно явившуюся вопрошаемъ, но какъ всегда вожделѣнную, Тебя призываемъ: пріиди, *проницающая аки утро*, сквозь остающійся еще сумракъ, послѣ глубокой предшествовавшей нощи, — восходящая, какъ тихая заря, предвѣстница новаго Солнца, изъ Тебя Россіи возсіявшаго, нами съ нетерпѣніемъ ожидаемаго.

Пріиди, Матерь Царей! Отецъ Свѣтовъ да благословитъ входъ Твой; и да совершитъ приносимую намъ Тобою надежду, вскорѣ увидѣть въ полнотѣ Священной славы, уже сіяющаго Царскими доблестями, Николая,—Твое и наше утѣшеніе.

## 5. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ для священнаго Коронованія и Мѵропомазанія, говоренная Августа 22 дня, 1826 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Наконецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже Ты предъ вратами Святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наслѣдственное освященіе.

Нетерпѣливость вѣрноподданническихъ желаній дерзнула бы вопрошать: почто Ты умедлилъ? если бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе Твое намъ радость, такъ и предшествовавшее умедленіе Твое было намъ благоговѣніе. Не спѣшилъ ты явить намъ Твою славу, потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконецъ, яко Царь, не только наслѣдованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго царства.

Не возмущаютъ ли при семъ духа Твоего прискорбныя напоминанія?—Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея (3 Цар. II. 5—8.): не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву: что жъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона?—Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что даровалъ Ему Богъ въ Соломонѣ.

Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ. Да начнетъ все множество хвалити Бога: благословенъ грядый Царь во имя Господне!* Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совозпести ѳиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя царствующихъ на Тебя и Твое царство.

Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! знаменіями Величества облеки свойства истиннаго Величества. *Помазаніе отъ Святаго* да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ.

## 6. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, при срѣтеніи Его Величества въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, говоренная Сентября 25 дня, 1826 года.

Боговѣнчанный Государь и Помазанникъ Божій!

Съ сихъ священныхъ высотъ, которыя предъ очами Твоими, пять нескудныхъ до-

стопамятностями вѣковъ привѣтствуютъ сію минуту, которая умножаетъ достопамятсти сего мѣста.

Здѣсь, гдѣ Димитрій Донскій искалъ совѣта къ побѣдѣ, Петръ великій—безопасности, многіе Твои Предки и предшественники—подкрѣпленія и ободренія духа, для великихъ подвиговъ великаго званія,—здѣсь являешься и Ты, чтобы положить Царственные совѣты души Твоей предъ Олтаремъ Тріипостаснаго Бога, при гробѣ избраннаго раба Божія. Новый, къ прежнимъ, подвигъ царскаго благочестія! Новая посему надежда небесныхъ благословеній на Царя и царство.

Если бы кто въ особенности спросилъ, что значитъ сіе путешествіе къ пустынному Олтарю, вскорѣ послѣ Царственныхъ молитвъ и Царственнаго освященія Твоего въ Твоемъ Первопрестольномъ Градѣ: въ изъясненіе сего можно указать еще древнѣйшій примѣръ, какъ новый, но уже помазанный и *укрѣпившійся на царствѣ своемъ*, Царь народа Божія, отъ *Кивота Господня*, бывшаго въ престольномъ градѣ Іерусалимѣ, восходилъ съ молитвою въ Гаваонъ, *къ Скиніи свидѣнія Божія, юже сотвори Моисей рабъ Божій въ пустыни*; тамъ особенно приближился къ Богу, просилъ отъ Него Царской мудрости, и, за сіе превосходное прошеніе, преизбыточно награжденъ и мудростію, и богатствомъ, и славою (2 Пар. I. 1—12.).

Таковыми воспоминаніями вразумленные о духѣ настоящаго событія, мы вновь спѣшимъ, Благочестивѣйшій Государь, и здѣсь въ пустынѣ, подобно какъ прежде въ Столицѣ, къ Твоей Царской молитвѣ присоединиться общими моленіями: да *дастъ Ти Господь по сердцу Твоему, и весь совѣтъ Твой исполнитъ*, да пребудетъ *Вѣнецъ* Твой присносіяющь мудростію, *Держава* Твоя непобѣдимо сильна правдою и благостію, *Скипетръ* Твой благодвиженъ посредствомъ закона и порядка; да содѣлается Царство Твое образцемъ царствъ благоуправляемыхъ, да сохранится Августѣйшее Семейство Твое, какъ образецъ семействъ благословенныхъ!

## 7. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ, говоренная Сентября 29 дня, 1830 года, во время открывшейся въ Москвѣ губительной болѣзни.

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенные любятъ являться Царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ, какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности преодолѣвать. Такое Царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели Христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ Крестомъ срѣтаемъ Тебя, Государь: да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь.

## 8. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ, говоренная Сентября 20 дня, 1832 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Каждый годъ является весна, каждый день восходитъ солнце: но явленіе ихъ всегда ново, всегда радостно для земли, которая въ нихъ чувствуетъ свою собственную жизнь. Такъ радость лицезрѣнія Твоего, вѣнчанный Свѣтъ нашъ, по благости Твоей къ намъ уже не рѣдкая, и теперь, какъ-бы въ первый разъ, нова для насъ, и полна, потому что сердца наши чувствуютъ въ Тебѣ душу народной жизни.

Да будетъ же наша о Тебѣ радость, радостна и Тебѣ; ибо кромѣ сего нѣтъ

для Тебя за насъ достойной на земли награды.

Царь царствующихъ да продолжитъ сохранять Тебя, такъ же во всемъ Твоемъ царствѣ, какъ и въ Твоемъ благословенномъ семействѣ, Отцемъ о чадѣхъ веселящимся.

## 9. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ, говоренная Сентября 8 дня, 1834 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Объ одномъ изъ Благочестивѣйшихъ Царей народа Божія написано: *и вселися Іосафатъ во Іерусалимъ, и паки изыде къ людемъ отъ Вирсавіи даже до горы Ефремли, и возврати ихъ ко Господу Богу отецъ своихъ* (2 Пар. XIX. 4.). Вотъ древнѣйшій образецъ повременныхъ путешествій Царя по Царству, для блага народа.

Въ сумракѣ древности, Ты могъ не примѣтить сего образца Твоихъ путей, управляемыхъ собственною Царскою мудростію и отеческимъ попеченіемъ о нашемъ благѣ: но тѣмъ паче примѣчательно для насъ, что такъ сходно съ древнимъ Священнымъ образцемъ, *и паки сходиши къ людемъ,* отъ столицы до столицы, отъ области до области Твоей великой Державы; и въ самую сію минуту, высокимъ примѣромъ Твоего благочестія возвышаешь сердца людей сихъ *ко Господу Богу отецъ Своихъ.*

Такъ на необъятномъ разстояніи временъ и мѣстъ, видѣнъ опытъ одной и той же истины, что пути Благочестивыхъ Царей имѣютъ сходное между собою направленіе, потому что ихъ направляетъ одна невидимая рука; потому что *сердце Царево въ руцѣ Божіей.*

Посему предъ симъ Святилищемъ Божіимъ, привѣтствуемъ Тебя, Благочестивѣйшій Государь, не только по чувству любви радостнымъ, но и по чувству благоговѣнія священнымъ привѣтствіемъ: *благословенъ грядый во имя Господне!* Господь Самъ да благословляетъ Царскіе пути Твои миромъ и всякимъ благомъ для Тебя и вѣрнаго Богу и Тебѣ Твоего народа.

## 10. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, по случаю прибытія въ Москву Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Престола, Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, при вступленіи Его Величества и Его Высочества въ Успенскій Соборъ, говоренная Октября 19 дня, 1834 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Столица, радующаяся при одной мысли, что ей даровано быть колыбелью Твоего Первенца,—естественно, съ живѣйшею радостію видитъ въ годъ совершеннолѣтія Того, Котораго приняла она въ день рожденія отъ самаго нѣдра Благочадныя Матери. Радость сія возвышается и еще — восхитительною мыслію, что Твоя любовь даритъ намъ нынѣ сію нечаянную радость.

Такая радость не нашла бы для себя довольно словъ. Но за нее можетъ говорить простая сердечная молитва: да хранитъ Господь нынѣ Тебя — нашъ миръ и нашу радость, и Твоего Возлюбленнаго Наслѣдника — нашу надежду, и да продолжитъ умножать Твои семейственныя радости, которыми такъ отечески дѣлишься съ Твоимъ же, обширнымъ семействомъ — Твоихъ вѣрноподданныхъ.

## 11. РѢЧЬ

**Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ въ Успенскій Соборъ, по возвращеніи Его Императорскаго Величества изъ Закавказскаго путешествія, Октября 27 дня, 1837 года.**

Благочестивѣйшій Государь!

Слава Богу. Ты возвращаешься. Ты перешелъ горы, и горы отнялъ отъ нашихъ сердецъ, озабоченныхъ трудностями Твоихъ исполинскихъ путей по землямъ и морямъ Твоей исполинской державы.

Но конецъ заботливымъ помысламъ. Осталось съ удивленіемъ радоваться.

Продолжая и усовершая начатое Преобразователемъ Россіи,—давно ли, подобно ему, Ты стоялъ на брегѣ Невы, и, подъ Собственными глазами Твоими созданный корабль, собственнымъ мановеніемъ устремлялъ въ воды западныхъ морей? И уже Ты приходишь къ намъ изъ того восточнаго края, гдѣ дальновидный Петръ едва успѣлъ поставить стопу ноги, и гдѣ Ты твердо и обширно владычествуешь.

А между тѣмъ—тамъ—твердыни, которыми Ты ограждаешь нашу безопасность, становились еще тверже подъ Твоими стопами. Тамъ — горы, освященныя Апостоломъ Россіи, смирялись подъ Твоими колѣнопреклоненіями предъ древнею святынею. Тамъ—поля Вознесенскія содрагались, тамъ—волны Черноморскія трепетали, отъ Твоихъ громовъ, мирныхъ, но сильныхъ, какъ бранные, мирныхъ, но тѣмъ не менѣе побѣдоносныхъ: ибо Твоимъ предусмотрительно благоустроеннымъ воинствомъ и среди мира Ты непрестанно побѣждаешь и низлагаешь, если не враговъ, то самый духъ вражды и тревоги, который привыкъ-было колебать Европу.

Благочестивѣйшій Государь! подвиги не утомляютъ Тебя. Но если, по слову Премудраго, *время всякой вещи*, а слѣдственно должно быть нѣкоторое время и покою: то пріиди, много ради насъ подвизающемуся Духу Твоему дай опочить—на нашихъ сердцахъ.

Благословеніе же Господне, которое одно даетъ и утверждаетъ истинный миръ и покой, да почиваетъ выну на Тебѣ, и на Твоемъ Августѣйшемъ Семействѣ, и на Твоей Россіи.

## 12. РѢЧЬ

**Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Императорскаго Величества въ Успенскій Соборъ, Сентября 4 дня, 1839 года, послѣ открытія Бородинскаго памятника.**

Благочестивѣйшій Государь!

Съ благоговѣніемъ слышалъ Твой древлепрестольный градъ, какъ Ты, воздая честь подвигамъ рода минувшаго, въ то же время поучалъ подвигамъ родъ настоящій и грядущій,—какъ освящалъ славу благочестіемъ,—какъ чуждую нѣги жизнь воинскаго стана услаждалъ для воиновъ—Твоимъ примѣромъ.

Наконецъ и видитъ Тебя Твой древлепрестольный градъ, и радостными взорами особенно ищетъ теперь увидѣть во взорахъ Твоихъ отсвѣтъ радости, озарившей недавно Твой Благословенный Домъ.

Твой Первенецъ возвратился въ Твои объятія, плѣнивъ сердца и чуждыхъ народовъ доблестями, которыя наслѣдовалъ отъ Тебя рожденіемъ, и которыя Ты образовалъ въ Немъ воспитаніемъ.

Любовь къ Отечеству Твоей первой Дщери, при Твоемъ Родительскомъ попеченіи, навсегда упрочила Ее для Россіи, содѣлавъ и Супруга Ея Сыномъ Россіи.

Вниди въ сіе царственное святилище соединить Твою благодарную молитву съ нашею; и новыя благодѣянія Неба да орошаютъ выну Твое благодарное предъ Богомъ сердце.

## 13. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, при торжественномъ заложеніи храма во имя Христа Спасителя, въ Москвѣ, Сентября 10 дня, 1839 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Есть для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ особенная судьба Провидѣнія Божія, по которой одному избранному дается возвышенная мысль, а другому предоставляется величественное исполненіе. Въ ожиданіи сего плотскому оку представляется, что дѣло не успѣваетъ: но предъ очами Провидѣнія оно преуспѣваетъ. Вмѣсто одного избраннаго имѣетъ оно двухъ; и сквозь одно дѣло просіяваетъ много добродѣтелей: въ предпріемлющемъ—не только доброе намѣреніе, но и смиреніе, и терпѣніе, и покорность судьбамъ Божіимъ, когда онъ долженъ уступить другому исполненіе,—въ исполняющемъ—не только благое дѣланіе, но и безкорыстіе, великодушіе, братолюбіе, когда исполняетъ мысль другаго какъ-бы свою.

Такъ Давидъ, благодарный Богу за утвержденіе своего царства, помышляетъ создать Ему храмъ въ Іерусалимѣ, и въ семъ утверждается совѣщаніемъ съ Наѳаномъ. Мысль прекрасна; Пророкъ изобрѣлъ ее; Пророкъ одобрилъ: однако и два Пророка не угадали судьбы Провидѣнія, пока она имъ не явилась. Исполнителемъ мысли Давидовой Богъ назначаетъ Соломона. *Той созиждетъ домъ имени Моему, и управлю престолъ его до вѣка* (2 Цар. VII. 13.).

Такъ Александръ Благословенный, благодарный Богу за спасеніе Своего Царства, помышляетъ создать, для священныхъ воспоминаній и благодарныхъ молитвъ, Храмъ Христу Спасителю, въ Столицѣ, бывшей всесожженіемъ за спасеніе Отечества, и возрожденной изъ пепла. Мысль Его провозглашена; Церковь благословляла начинаніе Благословеннаго. Ты единъ изъ Братій Его стоялъ тогда подлѣ Него: и — теперь мы видимъ, что Тебѣ еще тогда указалъ Вседержитель исполнить Священный обѣтъ Державнаго Брата Державною рукою.

Итакъ, Россіяне, мы въ современныхъ происшествіяхъ читаемъ древнюю книгу Богоправимыхъ Царствъ! Священныя времена проходятъ предъ нами въ дѣяніяхъ нашихъ Царей! Какое утѣшеніе для вѣры! Какая надежда для Отечества!

Благочестивѣйшій Государь! Да *утвердится сердце Твое во Господѣ; да вознесется рогъ Твой въ Бозѣ Твоемъ.* Спаситель міра, спасшій Россію, да благопоспѣшитъ Тебѣ *создати сей Домъ имени Его, и да управитъ Престолъ Твой до вѣка.*

## 14. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Императорскаго Величества съ Высоконовобрачными, Государемъ Наслѣдникомъ Престола, Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ, и Государынею Цесаревною, Великою Княгинею Маріею Александровною, въ Успенскій Соборъ, Мая 14 дня, 1841 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Уже сердце Россіи трепетало радостію при вѣсти о радости Твоего родительскаго сердца и двухъ сердецъ, соединенныхъ на радость Россіи. Твой Первородный, исполнивъ Собою высокія надежды Отечества, исполняетъ его пріятными надеждами, избравъ и соединивъ съ Собою священными узами достойную Сонаслѣдницу благословеній, которыми ущедрено свыше Твое Августѣйшее Семейство.

Но нынѣ, по любви Твоей, къ подданнымъ Отеческой, Ты благоволилъ и наградить, и еще возвысить вѣрноподданническую радость Твоей древней Столицы, даруя ей счастіе лицезрѣнія Твоего и Виновниковъ Твоей и нашей радости.

Святая же Церковь свойственною ей

духовною радостію радуется, когда Ты, Благочестивѣйшій Государь, среди веселія Твоего Дома, воспомянув святыню сего древняго Дома Божія, притекаешь въ сіе святилище Царей, чтобы Твою и Чадъ Твоихъ радость благодарственно и молитвенно принести Богу, ее даровавшему.

Царь царей да исполняетъ во благихъ желанія Твои, и благословеніемъ благостынымъ, обильнымъ, потомственнымъ, да благословитъ Благовѣрныхъ Александра и Марію, якоже благословилъ Благочестивѣйшихъ Николая и Александру.

## 15. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Императорскаго Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами, Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, въ Успенскій Соборъ, Марта 9-го 1846 года.

Благочестивѣйшій Государь!

И послѣ долгихъ путей Твоихъ, Ты далъ Себѣ трудъ новаго пути, воспомянувъ Отеческимъ сердцемъ Твой древлепрестольный градъ.

Дерзаемъ сказать, что и мы слѣдовали за Тобою, не только до предѣловъ Россіи, но и до дальняго края Европы, сопровождая Тебя нашими сердечными заботами, нашими молитвенными желаніями, уповая впрочемъ на хранящее Тебя Провидѣніе.

Теперь благодаримъ Бога, за Твою охранительную къ намъ близость, за радость Твоего лицезрѣнія съ сими новыми цвѣтами Твоихъ и нашихъ надеждъ; и молимъ, да совершитъ Онъ просіявшую надежду еще сорадоваться возобновляемымъ и умножаемымъ Твоимъ семейнымъ радостямъ.

## 16. РѢЧЬ

Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Императорскаго Величества съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ въ Успенскій Соборъ, Сентября 30 дня, 1846 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Есть жажда, которую мы всегда неутолимо чувствуемъ, и счастливы, что такъ чувствуемъ. Это жажда сердецъ и взоровъ срѣтить Твой Царскій взоръ. Для насъ око Царя — око солнца. Не просто зритъ, но и свѣтитъ, и оживляетъ, и возращаетъ, и возвышаетъ.

И такъ, гряди и нынѣ, свѣтлостію Твоего взора одушевляй и возвышай то, что зиждется и благоустрояется силою Твоего Державнаго духа; и да найдетъ взоръ Твой повсюду то, что угодно Твоему сердцу, для чего подвизается Твоя мудрость.

Око же всевидящее охранительно да бодрствуетъ надъ Тобою и Твоимъ Домомъ и Царствомъ.

## 17. РѢЧЬ

Ея Императорскому Величеству, Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, предъ вступленіемъ въ Московскій Успенскій Соборъ, Августа 4 дня, 1837 года.

Благочестивѣйшая Государыня!

Древняя Столица юнѣетъ отъ радости, встрѣчая Твой пресвѣтлый Материнскій взоръ, отражающійся въ цвѣтущихъ взорахъ Первороднаго изъ Твоихъ Сыновъ и Первородныя изъ Твоихъ Дщерей.

Какъ счастлива Москва, которой суждено было принять Твоего Первенца въ свои объятія, при самомъ Его рожденіи,—

какъ она счастлива, что ей же даровано видѣть Его возвращеніе въ Твои объятія, послѣ первыхъ подвиговъ Его, въ жизни возмужавшей.

Возвращаясь, Онъ приноситъ Тебѣ радость, которою возрадовались о Немъ милліоны Россіянъ. Тобою рождена вся сія радость. Такъ благословилъ Тебя Господь, купно съ Твоимъ Августѣйшимъ Супругомъ.

Да благословляетъ душа Твоя Господа святою радостію и благодареніемъ. Господь же Твое благодарное предъ Нимъ сердце да продолжитъ исполнять новыми благословеніями и радостями.

## 18. РѢЧЬ

Его Императорскому Высочеству, Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу, предъ вступленіемъ въ Московскій Успенскій Соборъ, Іюля 24 дня, 1837 года.

Благовѣрный Государь!

Всегда свѣтло для насъ Твое пришествіе, какъ заря отъ Солнца Россіи, но на сей разъ новые виды, новыя чувствованія и думы.

Съ особенною радостію срѣтаемъ Тебя послѣ Твоего путешествія даже въ другую часть Свѣта, хотя все въ одномъ и томъ же Отечествѣ; ибо сердце наше трепетно слѣдовало за Твоимъ раннимъ, дальнимъ и быстрымъ полетомъ.

Но что значитъ сіе путешествіе? Не то ли, что сказалъ древній мудрецъ: *обходяй страны умножитъ мудрость?* Тебѣ должно наслѣдовать мудрость, объемлющую огромнѣйшее изъ царствъ земныхъ: и дальновидная попечительность Августѣйшаго Родителя Твоего, сверхъ домашняго руководства къ сей мудрости, назначила для Тебя учебною храминою — Россію.

И что же? *Обходя страны* Россіи, уже Ты простерся далѣе, нежели кто либо изъ ея Царей. Собственное око Твое собираетъ, или повѣряетъ и умножаетъ свѣдѣнія о ея силахъ, средствахъ и потребностяхъ. Какихъ вожделѣнныхъ плодовъ должна надѣяться отъ сего Россія!

Се и на древлепрестольный градъ простираешь наблюдательные взоры. Глубокая мысль ведетъ Тебя почтить здѣсь святыню, освящающую Царей и хранящую приснопамятный покой освященныхъ ею Твоихъ родоначальниковъ. Здѣсь наипаче прикасаешься Ты сердцу Россіи, и его жизненную силу, которая есть наслѣдственная любовь къ наслѣдственнымъ Государямъ, отразившую въ прежнихъ и нынѣшнемъ вѣкахъ столько враждебныхъ силъ, видишь въ ея свободной игрѣ,—въ сихъ волнахъ стремящагося къ Тебѣ народа, въ сихъ восторженныхъ взорахъ, въ сихъ торжественныхъ восклицаніяхъ.

Любовь Россіянъ да содѣлаетъ Тебѣ легкимъ трудъ, внушенный любовію къ Россіи.

Когда же возвратишься къ Возлюбленному Тебѣ и намъ Твоему Родителю: возвѣсти Ему, что Россія чувствуетъ Его дальновидную о ней попечительность; что мы благословляемъ Его какъ за себя самихъ, такъ и за потомство; что мы молимся, чтобы родъ и родъ потомства возрасталъ и созрѣвалъ предъ очами Его и Твоими, дабы за себя и за насъ благословлять Его и Тебя.

## 19. РѢЧЬ

Его Императорскому Высочеству, Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Государю Цесаревичу Великому Князю Александру Николаевичу, предъ вступленіемъ въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, Августа 2 дня, 1837 года.

Благовѣрный Государь!

Въ другихъ мѣстахъ предметомъ изслѣдованія Твоего были богатства природы, способы искусства, дѣйствія власти. Здѣсь наблюдательный взоръ Твой усмотритъ, что можетъ одинъ человѣкъ, безъ

пособій природы, искусства, власти, съ одною силою, часто непримѣтною для міра,—съ силою благочестія.

Здѣсь была пустыня, и жили звѣри, потомъ была пустыня, и жилъ одинъ отшельникъ.

Но какъ его удаленіе тѣломъ отъ міра было стремленіе сердцемъ къ Богу: то благословенія и силы Неба пролились на него, и оросили мѣсто его. Пустыня его превратилась въ вѣковую обитель, въ разсадникъ ученія и жизни духовной, въ сокровищницу даровъ благодатныхъ: и, поелику *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго,* также какъ и *грядущаго,*—Сергіева обитель сдѣлалась твердынею, на которую иногда могла опереться Столица и Россія. Подъ сими стѣнами сокрушились волны, которыя поглотили-было Столицу и Россію отъ того, что потрясенъ былъ ея твердѣйшій оплотъ, — вѣрное наслѣдованіе Престола.

Благоговѣйное посѣщеніе Преподобнаго Сергія въ обители его, всегда было по сердцу Благочестивѣйшихъ Государей нашихъ. Что Ты наслѣдовалъ сіе благочестивое чувство, подобно какъ и все возвышенное, достойное Твоего рода,—тому свидѣтель—нынѣшній день.

Вниди, Благовѣрный Сыне Царя Благочестивѣйшаго! Предъ олтаремъ Тріупостаснаго Бога, предай желанія чистаго сердца неземному молитвеннику, который еще паче очиститъ и возвыситъ ихъ, и которому ближе положить ихъ на небесный Олтарь.

Намъ же даруй утѣшеніе вмѣстѣ съ Тобою молиться за безцѣнное долгоденствіе и благоденствіе Твоихъ Августѣйшихъ Родителей, и Твое.

## 20. РѢЧЬ

**Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Александру Николаевичу, предъ вступленіемъ въ Сергіеву Лавру съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею, Цесаревною Великою Княгинею Маріею Александровною, Маія 6 дня, 1841 года.**

Благовѣрный Государь!

Не въ долгое время вторично Ты шествуешь симъ Царскимъ путемъ: Царскимъ, говорю, потому что уже нѣсколько вѣковъ Государи Россійскіе и Ихъ Семейства, по временамъ, шествуютъ отъ Престольнаго града сюда, — къ смиренному Обитателю пустыни.

Такова сила Вѣры. Она и отрекшагося отъ міра дѣлаетъ подвижникомъ Отечества, паче пребывающаго въ мірѣ, и не только въ жизни, но и по смерти; и высокое преклоняетъ къ смиренному; и съ отжившимъ земный вѣкъ продолжаетъ живыя общенія.

Съ такими мыслями срѣтая Тебя, Благовѣрный Государь, едва смѣемъ упомянуть, что мы здѣшніе радуемся твоему пришествію; ибо не сіе достойно Твоего вниманія; но паче свидѣтельствуемъ, что пришествіе Твое въ сію Обитель радостно для всей Православной Россіи: поелику оно являетъ, что Ты шествуешь Царскимъ Родительскимъ и Прародительскимъ путемъ благочестія, ведя съ Собою тѣми же стопами и избранную Тобою Сопутницу жизни; и что для новыхъ надеждъ жизни взыскуешь новыхъ благословеній свыше.

Въ Троицѣ славимый Богъ, толикократно благословлявшій Царственныя молитвы, приносимыя Ему на мѣстѣ семъ, при предстательствѣ Угодника Своего, да срѣтитъ Васъ, Порфирородные Молитвенники, новыми дарами Своей вседержавной благости, и въ высокомъ счастіи жизни Вашей да даруетъ всегданнее утѣшеніе Августѣйшимъ Родителямъ Вашимъ, и залогъ ненарушимаго благоденствія Отечеству.

## 21. РѢЧЬ

Къ Преосвященному Епископу Дмитровскому Кириллу, по рукоположеніи его въ Успенскомъ Соборѣ, Октября 26 дня 1824 года.

Многое и великое совершилось нынѣ надъ тобою: и отъ тебя востребовалось многое и великое. Ты принялъ великій даръ: и далъ великіе обѣты. Въ преподанномъ тебѣ дарѣ заключается для тебя залогъ многихъ благъ: а данные тобою обѣты призываютъ тебя ко многимъ подвигамъ. Привѣтствую тебя, ущедреннаго великимъ даромъ Божіимъ: страшусь вмѣстѣ съ тобою, испытуя бремя общихъ намъ обѣтовъ.

Съ какими же помышленіями, съ какими чувствованіями отпущу тебя отсюда, послѣ совершившагося надъ Тобою тайнодѣйствія? Съ помышленіями страха? Но церковь, призвавшая тебя въ служеніе мира для нея, не имѣла намѣренія взять отъ тебя твой собственный миръ; и притомъ возмущеніе духа страхомъ трудностей и спасностей не уменьшаетъ трудностей, не отвращаетъ опасностей, если не приближаетъ и не увеличиваетъ оныхъ. Съ чувствованіями радости? Боюсь на земли радости, которая думаетъ, что ей нечего бояться. Умѣрь страхъ вѣрою во благодать, тебя посѣтившую, и надеждою на Того, Который избралъ и пріялъ тебя: умѣрь радость, недовѣріемъ къ самому себѣ, и ненадѣяніемъ на собственныя силы, и между страхомъ и радостію, какъ между двумя оградами отъ унынія и дерзости, узкимъ, но безопаснымъ путемъ, *иди въ миръ!*

Дабы вѣрнѣе утвердиться на пути служенія, на который ты нынѣ поставленъ, обрати взоры твои туда, гдѣ путь сей начинается. Начинается онъ, сколько я могу видѣть, отъ Іерусалима, и въ немъ отъ нѣкоего дома, *идѣже, сущу поздѣ, во едину отъ субботъ, и дверемъ затвореннымъ, бяху собрани ученицы* (Іоан. XX. 19.) Пастыреначальника нашего. Виждь Его тамо, ставшаго посредѣ ихъ, оглашающаго ихъ миромъ, дающаго имъ осязать Его воскресшее тѣло, исполняющаго ихъ страхомъ и радостію, дышущаго на нихъ Духомъ Святымъ, и такимъ образомъ, убитыхъ смертію Его воскрешающаго и возраждающаго въ причастіе воскресшей Его жизни, и тотчасъ указующаго имъ путь, который они въ сей силѣ Духа протекать должны. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (21.). Виждь потомъ сихъ посланниковъ, протекающихъ вселенную, сѣющихъ слово истины и спасенія, раздающихъ сокровище благодати Святаго Духа, и, по достиженіи предѣла своего земнаго поприща, то же посланничество предающихъ Богоноснымъ Отцамъ нашимъ. Виждь Богоносныхъ Отцевъ простирающихъ Апостольское преданіе изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, непрерывно и неизмѣнно, такъ что и до тебя нынѣ дошедшій жребій есть тотъ же, который выпелъ изъ рукъ Апостольскихъ; и тебѣ предлежащій нынѣ путь есть продолженіе того же пути, который проложили первые посланники Христовы. Какая дивная цѣпь посланничества! *Якоже посла Отецъ Небесный* Сына Своего Единороднаго; и Единородный Сынъ Божій послалъ Апостоловъ; и Апостолы, или паче Духъ Святый чрезъ Апостоловъ, послалъ Богоносныхъ Отцевъ нашихъ, а сіи паки другихъ, преемствовавшихъ имъ; и такимъ образомъ наконецъ и мы, аще и бренные или скудельные, присоединены къ златой, чистой и Божественной цѣпи посланниковъ Господнихъ. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы.*

Мысль о Божественномъ посланничествѣ Господа нашего Іисуса Христа, какъ первоначальномъ образѣ воспріемлемаго нынѣ тобою служенія, да будетъ тебѣ всегдашнимъ напутствіемъ въ прохожденіи онаго. *Отецъ посла Сына Спасителя міру*: подвизайся, послѣдуя Единому Верховному Спасителю, быть орудіемъ спасенія душъ человѣческихъ. *Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу Свою избавленіе за многихъ* (Матѳ. XX. 28.): по сему совершеннѣйшему примѣру, тщися и ты, какъ можно болѣе служить ради любви, а ради смиренія, какъ можно ме-

нѣе допускать, да послужать тебѣ; воспріими духъ пастыря добраго, душу свою полагающаго за овцы. *Азъ*, говоритъ Господь Пилату, *на сіе родихся, и на сіе пріидохъ, да свидѣтельствую истину* (Іоан. XVIII. 37.): дерзай и ты за Нимъ на сіе идти, да свидѣтельствуешь истину, не страшась враговъ ея, и не смущаясь видомъ сильныхъ земли: *глаголи о свидѣніяхъ* Его *предъ цари, и не стыдися* (Псал. CXVIII. 46.). По образу кротости Его, берегись, чтобы *и трости сокрушены не преломить, и льна курящася не угасить* (Матѳ. XII. 20.): а если обрящешь продающія и купующія въ Церкви, тебѣ ввѣренной; помяни снѣдавшую Его ревность Дома Божія. Если бы затрудненія и даже опасности тебя встрѣтили: вспомни, что и предъ Нимъ была чаша, которая еще прежде крестнаго страданія изпивала кровь Его; и однако ни крайняя опасность не была Ему смертоносна, ни даже самымъ дѣломъ совершившаяся смерть не была Ему опасна; притомъ помысли, что Прошедшій сквозь всякую опасность и самую смерть въ жизнь воскресенія и нынѣ посредѣ насъ; что Его дуновеніе, подающее Духа Святаго, и сюда простирается отъ Іерусалима; что слово: *Азъ посылаю вы*, не не умолкло до нынѣ, а сіе слово есть творческое: слѣдственно, когда мы по *Христѣ посольствуемъ* (2 Кор. V. 20.), должно несомнѣнно вѣровать и уповать, что Посылающій насъ въ то же время творитъ намъ силу, и приготовляетъ истинную, духовную безопасность: *Жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь* (Псал. CIX. 2.).

Таковыми размышленіями укрѣпляясь, благодушествуй, возлюбленный о Господѣ братъ, вступая на поприще тебѣ открытое: и помощію твоею облегчай мнѣ часть бремени, столько же и мнѣ, какъ тебѣ, страшнаго, но вмѣстѣ, ради Возложившаго и ради тѣхъ, которыхъ тяготы носить намъ должно, возлюбленнаго бремени.

Се вручаю тебѣ и жезлъ, частію какъ знаменіе силы, посылаемой тебѣ отъ Господа, частію какъ знаменіе пастырскаго попеченія о словесномъ стадѣ, отъ тебя ожидаемаго.

Возмогай о Господѣ, и нестѣсненнымъ сердцемъ возноси къ горнему Престолу Его молитвы о Святой Церкви Его, и о Благочестивѣйшемъ Помазанникѣ Его, и о послужившихъ настоящему твоему освященію.

## 22. РѢЧЬ

Къ Преосвященному Епископу Тамбовскому Евгенію, по рукоположеніи его въ Успенскомъ Соборѣ, Іюня 9 дня 1829 года.

Благодатію Всесвятаго Духа совершилось нынѣ надъ тобою дѣло, видимое въ своихъ знаменіяхъ, невидимое въ существѣ своемъ; таинственное въ отношеніи между знаменіями его и существомъ его, — дѣло, имѣющее видъ человѣческаго по своимъ орудіямъ, но воистину Божественное по силѣ въ немъ дѣйствующей, не столько понятное для разума, сколько ощутимое вѣрою,—можетъ быть, не довольно ощущаемое по нашему несовершенству, тѣмъ не менѣе существенное и дѣйствительное.

Святый Апостолъ говоритъ о *даровании*, которое *дается съ возложеніемъ рукъ священничества*, и которое *живетъ* въ человѣкѣ, пріявшемъ оное (1 Тим. IV. 14.). Какъ въ привитомъ деревѣ живетъ сила, производящая плодъ по роду и качеству прививка: такъ и въ человѣкѣ, которому священнымъ тайнодѣйствіемъ, такъ сказать, прививается благодатная сила, живетъ она потомъ, дѣйствуетъ чрезъ него, и производитъ благодатный плодъ по роду и степени, въ какомъ сообщена.

Да не испытуетъ неукрощенное любопытство, какимъ образомъ при возложеніи рукъ, или священныхъ писменъ, или ризъ, передается духовная сила: но пусть благоговѣйный умъ наблюдаетъ и соображаетъ какъ еще въ тѣ времена, когда токи благодати не такъ отверзты были, какъ отверзлись въ язвахъ распятаго Спасителя, —еще, говорю, въ тѣ времена, Илія, напримѣръ, повергаетъ ризы свои на Елиссея,

и сей чувствуетъ непреодолимое побужденіе оставить все, чтобы вдругъ изъ простаго земледѣльца переродиться въ сына пророческаго; какъ опять тотъ же Илія въ минуту своего вознесенія низвергаетъ милоть свою на Елиссея, и сей получаетъ съ нею сугубый духъ своего посвятителя: или какъ самый не благодатный изъ Архіереевъ (потому что произнесъ осужденіе на самую благодать и истину), еще обнаруживаетъ въ себѣ вышнюю пророческую силу, потому только, что онъ Архіерей: *не о себѣ рече*, замѣчаетъ Святый Евангелистъ, *но Архіерей сый, прорече* (Іоан. XI. 51.). Если еще во времена сѣней и гаданій такъ ясно иногда просіявала тайнодѣйственная сила: что должно думать о временахъ самой благодати и истины? Если въ сосудѣ, полномъ адскихъ вліяній, еще продолжала дѣйствовать прежде-вліянная въ него благодать Архіерейства: что сказать о сосудахъ, не только освященныхъ въ свое время тайнодѣйствіемъ, но и сохраняющихъ, умножающихъ, возобновляющихъ свое освященіе чистою вѣрою, чистою молитвою, чистою жизнію, очистительнымъ покаяніемъ?

Итакъ, Боголюбезный братъ и сопричастникъ тайнодѣйственныя благодати, вступивъ нынѣ во Святилище сіе съ вѣрою, что примешь *дарованіе* Божіе, изыди отселѣ съ новою вѣрою, что *живетъ* въ тебѣ отнынѣ сіе дарованіе: и сею вѣрою возбуждаемый, со страхомъ носи сокровище, которое *имамы въ скудельныхъ сосудѣхъ* (2 Кор. IV. 7.) нашей немощи и недостоинства,—*не неради*,—напоминаемъ тебѣ словомъ того же Апостола, который далъ намъ свидѣтельство о дарованіи Святительскомъ,—*не неради о дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть*, нынѣ *съ возложеніемъ рукъ* Архіерейства. Напоминаніе не строгое, чтобы не устрашить тебя великостію требованія, впрочемъ довольно знаменательное, чтобы указать тебѣ твои обязанности, и достаточное, чтобы руководствовать тебя къ исполненію оныхъ.

Нѣтъ причины предполагать, чтобы много было, наипаче между служителями Таинствъ, людей, упорно отвергающихъ дарованіе Божіе. Но печальный опытъ сего останка временъ показываетъ, что не много и такихъ, въ которыхъ бы дарованіе Божіе приносило плодъ такъ обильный и очевидный, какъ въ Апостолахъ и Богоносныхъ Отцахъ нашихъ. Чѣмъ же наполняется обширная средина между сими крайностями? Безъ сомнѣнія людьми, которые не довольно радятъ о дарованіи въ нихъ Божіемъ. И такъ *не неради* о немъ: и возможешь съ симъ, толь краткимъ и простымъ правиломъ, идти такъ близко за самыми Апостолами, какъ Святый Тимоѳей за Святымъ Павломъ.

Видишь ли себя знающимъ Божественные догматы: не помышляй, что знаешь довольно, и не переставай *внимать ученію* для самого себя: *не неради*. Поучаешь ли народъ: не вознеради, сравнивая себя съ другими, рѣже въ семъ упражняющимися; но поревнуй Павлу, который день и ночь со слезами училъ своихъ, и отъ того истина словъ его была, какъ животворное солнце, а слезы его, какъ благотворный дождь, для духовной нивы.

Встрѣтишь ли въ паствѣ твоей невѣжествующихъ и заблуждающихъ: не обезпечивай себя мыслію, что они сдѣлались такими при твоихъ предшественникахъ: *не неради*. Безуспѣшность предшественниковъ не оправдаетъ безуспѣшности преемника.

Усмотришь ли Христіанъ не христіански живущихъ: не раздражайся, но и не смотри равнодушно: *не неради*. Обличи злое дѣло кроткимъ словомъ, и еще болѣе обличи добрымъ примѣромъ.

Особенно *не неради* употреблять дарованіе разума духовнаго на безпристрастное испытаніе и осмотрительное руководствованіе тѣхъ, которымъ будешь давать участіе во благодати Священства, и святую ревность на очищеніе Дома Божія отъ соблазновъ, сѣемыхъ недостойными служителями Олтаря. Для сего со страхомъ воспоминай нерадѣніе первосвященника Илія, которое кончилось погибелію его и его дѣтей, и уничиженіемъ самой святыни Кивота Божія.

Се, въ знаменіе твердости правленія и благоразумной строгости вручаемъ тебѣ и священный жезлъ. Употребляй его сколько

ственники? Не благъ ли путь, который лежитъ по слѣдамъ ихъ?

Пріими же благодушно и благонадежно сей, частію, если угодно, и путническій, паипаче же пастырскій жезлъ; и гряди въ крѣпости Господней, и совершай спасеніе людей Божіихъ. По образу древняго Патріарха, *съ жезломъ симъ преиди* предѣлъ Европы, и да дастъ Господь, да *будеши* болѣе, нежели *въ два полка* (Быт. XXXII. 10.) спасаемыхъ.

## 24. РѢЧЬ

**Къ Преосвященному Исидору, новорукоположенному Епископу Дмитровскому, говоренная Ноября 11 дня, 1834 года.**

Послѣ того, какъ соединенною молитвою сопастырей призвана тебѣ Божественная благодать *проручествующая*, то есть, чрезъ рукоположеніе нисходящая и возводящая;—послѣ того, какъ сія благодать, чрезъ открытый ею самою протокъ молитвы и рукоположенія, безъ сомнѣнія, дѣйствительно излілась на душу твою; — послѣ того, какъ нашими смиренными руками, она же облекла тебя въ полноту священныхъ одеждъ,—священныхъ, потому, что онѣ суть не просто украшенія, но знаменія даровъ и добродѣтелей, которыми Пастыреначальникъ Господь Іисусъ облачаетъ души Богу посвящаемыя; — наконецъ послѣ того, какъ сія же благодать обновила въ тебѣ свой даръ тайнодѣйствованіемъ и чрезъ тебя съ нами; — чинъ святыя Церкви повелѣваетъ мнѣ, начатое словомъ молитвы заключить словомъ напоминанія и совѣта.

Что же скажу? Не хощу сказать тебѣ моего слова, немощнаго и безжизненнаго. Чтобы запечатлѣть живое дѣло Святаго Духа, ищу живаго слова, тѣмъ же Духомъ вдохновеннаго.

Даждь намъ нуждающимся въ заемъ, Божественный Павле, твое слово, которое нѣкогда послалъ ты къ святому Тимоѳею. *Воспоминаю тебѣ*, говоритъ, *возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (2 Тим. I. 6.).

Тимоѳей былъ рукоположитель, какъ видно изъ завѣщанія ему отъ Апостола: *руки скоро не возлагай ни на когоже* (1 Тим. V. 22.). Тимоѳей былъ правитель и судія пресвитеровъ, какъ видно изъ другаго ему завѣщанія: *на пресвитера хулы не пріемли, развѣ при двою или тріехъ свидѣтелехъ* (ст. 19.). Слѣдственно Тимоѳей былъ Епископъ, — былъ то, чѣмъ и тебя нынѣ таже благодать сотворила.

Для особеннаго твоего настоящаго положенія, можетъ быть, не излишне будетъ замѣтить и то, что Тимоѳей является у Апостола не самостоятельнымъ Епископомъ града Ефеса, но какъ-бы мѣстоблюстителемъ, или, по нынѣшнему иноязычному названію, *Викаріемъ* святаго Павла, какъ усмотрѣть можно изъ слѣдующихъ словъ посланія Павла: *сія пишу тебѣ, уповая пріити ка тебѣ скоро; аще же замедлю, да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. III. 14. 15.). Слова сіи показываютъ, что святый Павелъ самъ дѣйствовалъ, и намѣренъ былъ лично дѣйствовать въ управленіи Церковію Ефесскою; а между тѣмъ употреблялъ и руководствовалъ святаго Тимоѳея, сперва какъ своего сотрудника и содѣйствователя, а потомъ, по мѣрѣ надобности, и какъ самостоятельнаго дѣйствователя въ Церковномъ управленіи.

Думаю, что и слушающіе насъ не совсѣмъ безъ пользы сіе услышатъ, но найдутъ въ моихъ замѣчаніяхъ пріятное для ихъ вѣры свидѣтельство, что въ Церкви Апостольской, даже до нынѣ, все происходитъ по образцамъ Апостольскимъ. Тебѣ же, Боголюбезный братъ, сказанное мною должно показать, что не по случайному примѣненію, но по истинному праву и приличію, даже по обязанности, могу и долженъ я, обратить къ тебѣ слово Святаго Павла, посланное къ Тимоѳею: *воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ рукъ* нашихъ.

Видишь ли, что показуетъ тебѣ непогрѣшительное Апостольское слово?—*Даръ Божій живущій въ тебѣ возложеніемъ рукъ.*

*Даръ Божій!*—Не помысли о своемъ достоинствѣ; не обопрись на свою силу; не присвой себѣ того, что есть единственно Божіе; не припиши *Христова благоуханія* сосуду, въ которомъ оно положено.

*Даръ Божій!*—Смиряй, но не низлагай себя мыслію о своемъ недостаточествѣ или недостоинствѣ; не изнемогай въ своей немощи. Вседержительный Дародатель не требуетъ богатаго пріимателя; сила Божія не нуждается въ силѣ человѣческой.

*Даръ Божій возложеніемъ рукъ!* — Объими и удержи непоколебимою вѣрою сей даръ Святаго Духа, какъ тотъ самый, который Богъ Слово преподалъ Апостоламъ словомъ, но при томъ и дхновеніемъ, ради единосущія со Святымъ Духомъ; который Духъ Святый низвелъ на Апостоловъ въ *дыханіи бурномъ*, но при томъ и въ *огненныхъ языкахъ*, ради единосущія съ Богомъ Словомъ; и который наконецъ въ Апостолахъ, и преемникахъ ихъ, какъ орудіяхъ Духа, избралъ себѣ также орудіемъ и знаменіемъ руку, какъ многодѣятельнѣйшее изъ орудій.

*Даръ Божій живущій въ тебѣ!* — Такъ! Нѣтъ сомнѣнія, что присноживущій Источникъ жизни Богъ живые даетъ и дары. Но для сей тайны благодати совсѣмъ нѣтъ у меня слова; а есть только, для тебя и для себя, боязненное и дерзновенное, недоступное и неотступное вѣрованіе, желаніе, упованіе, стремленіе и повергеніе всего себя въ смертныя язвы Жизни за насъ умершей, изъ которыхъ единственно просіяваетъ, дыщетъ и течетъ истинная жизнь, въ насъ живущая.

Но, о бѣдная смертность, или, что почти то же, грѣховность наша! И сія, въ столь глубокомъ, въ столь неистощимомъ, въ столь чистомъ и свѣтломъ Источникѣ почерпаемая жизнь можетъ въ насъ не только возмутиться и потемнѣть, но истощиться, изсякнуть, угаснуть, отъ нашего нерадѣнія. И посему-то, какъ участнику жизни благодатной, наипаче же, какъ орудію для распространенія оной, Апостолъ воспоминаетъ Тимоѳею, и я воспоминаю тебѣ, и ты самъ себѣ отнынѣ прилѣжно воспоминай, *возгрѣвати даръ Божій живущій въ тебѣ*, возбуждать, питать, возращать оной приличными средствами и пособіями, какъ-то: молитвою Словомъ Божіимъ, ревностію и вѣрностію, въ порученномъ дѣйствованіи, терпѣніемъ въ трудностяхъ, любовію креста Христова, неуклоннымъ зрѣніемъ на образъ Христовъ, который долженъ быть нашимъ отличіемъ, не столько на персяхъ и на сердцѣ, сколько въ персяхъ и въ сердцѣ.

Онъ Самъ, — Верховный Пастыреначальникъ нашъ, да упасетъ и управитъ тебя, и дарованный тебѣ нынѣ даръ Свой да сохранитъ въ тебѣ, и возраститъ, и многоплоднымъ сотворитъ, въ оправданіе благопопечительнаго избранія Державной и Священной Власти, въ благопотребное и полезное служеніе Церкви, и,—если мнѣ позволено не забыть и сего,—въ облегченіе бремени, на мою немощь возложеннаго. Да будетъ жезлъ сей твой и моею на время подпорою!

## 25. РѢЧЬ

Къ Преосвященному Іосифу, Епископу Дмитровскому, по рукоположеніи его, въ Каѳедральной Церкви Святителя Алексія, 1842 года, Декабря въ 27 день.

Священнымъ призваніемъ и совершившимся нынѣ освященіемъ пріобщенный къ собору сосвященноначальствующихъ и наставляющихъ въ Церкви, по Ея же уставу, ты стоишь на краткое время здѣсь еще, какъ священноначальствуемый и церковнонаставляемый. Безъ сомнѣнія, и ты не желалъ бы утратить сіи минуты, и я призванъ споспѣшествовать, чтобы онѣ для тебя не были утрачены.

И безъ меня разумѣешь, что совершилось нынѣ надъ тобою: но по Апостольскому слову и примѣру, и знаемое напомнить, *мнѣ убо нелѣностно, тебѣ же твердо* (Фил. III. 1.).

Исповѣдалъ ты нынѣ *доброе исповѣданіе, предъ многими свидѣтелями.* Исповѣдалъ святые догматы Вѣры, священныя правила Церкви, обязанности новаго твоего служенія, Бога Помощника служенію вѣрному, Бога отмстителя служенію невѣрному. Симъ ты утѣшилъ и облагонадежилъ о себѣ Церковь, оправдалъ твое избраніе, поставилъ себѣ двѣ крѣпкія опоры: надежду на Бога Помощника въ подкрѣпленіе подвиговъ служенія вѣрнаго и ревностнаго, страхъ Бога Отмстителя противу колеблемости служенія небрежнаго, или невѣрнаго.

Среди высокой Трисвятой пѣсни пріяли мы тебя во Святилище, и, такъ сказать, во среду торжественнаго славословія Пресвятыя Троицы погрузили тайнодѣйствіе освященія твоего. Симъ назнаменовано какъ то, что отъ славы Пресвятыя Троицы таинственно возсіяваетъ свѣтъ благодати Святительскія, такъ и то, что преимущественное назначеніе низпосланія сея благодати есть служеніе таинству и славѣ Пресвятыя Троицы.

Преклонилъ ты среди насъ колѣна предъ Престоломъ невидимо присутствующаго Великаго Архіерея, прошедшаго небеса, предъ Которымъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. Поминай сіе, когда будешь стоять на возвышенномъ мѣстѣ, и представлять высокій образъ Его для Церкви: — поминай, что можешь быть возвышенъ въ Церкви Хрістовой потолику, поколику еси колѣнопреклонный рабъ Хрістовъ.

Словеса Святаго Евангелія пріосѣнили твою главу. Да владычествуетъ въ тебѣ надъ всякою мыслію Слово Хрістово, надъ всякимъ мудрованіемъ человѣческимъ — Божія премудрость. Сила Слова Хрістова преподана тебѣ, какъ *духовное оружіе сильное Богомъ, на разореніе твердемъ, да помышленія низлагаешь, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и да плѣняешь всякъ разумъ въ послушаніе Хрістово* (2 Кор. X. 4. 5.).

Что скажу о тайнодѣйствіи молитвъ и рукоположенія сопастырей? Чинъ ли только это Церковный? Человѣческое ли только служеніе? — Словомъ человѣческимъ создать Строителя таинъ Божіихъ? Руками человѣческими содѣлать дѣло Божіе? Кто возмечталъ бы сіе? Кто на сіе отверзъ бы неемысленно уста? Кто простеръ бы дерзновенно руку? Благословенъ Богъ, дивный во Святыхъ! *Духъ Святый постави Епископы* вначалѣ: Онъ поставляетъ ихъ и до скончанія вѣка. Онъ дышалъ на Апостоловъ силою Своею въ подобіи дыханія бурнаго: и еще дышетъ въ движеніи таинственныхъ словесъ на тайнодѣйствующаго и тайнодѣйствуемаго. Онъ почилъ на Апостолахъ въ огненныхъ языкахъ, и на ученикахъ Апостольскихъ—въ рукоположеніи Апостольскомъ: Онъ почиваетъ и нынѣ на избираемыхъ Имъ и освящаемыхъ въ таинственномъ рукоположеніи отъ освященныхъ прежде преемствомъ того же Духовнаго рукоположенія. Такъ вѣруешь ты купно съ нами: и потому, когда и ты возгласишь тайнодѣйственный глаголъ, когда и ты простреши тайнодѣйствующую руку; всею силою вѣры и божественнаго желанія предавай себя въ смиренное орудіе Духу Божію: и будешь низводить благодать, и будешь размножать живыя порожденія Духа Божія и сосуды благодати.

Облаченъ ты въ Святительскія одежды и знаменія. Да, это все знаменія того, какъ долженъ ты со дня на день благолѣпнѣе и совершеннѣе облачаться въ свойства и добродѣтели Верховнаго Святителя исповѣданія нашего, Іисуса Хріста, въ Его премудрость, въ Его ревность по славѣ Божіей, въ Его чистоту, въ Его смиреніе, въ Его человѣколюбіе, какъ подобаетъ тебѣ и образъ Божественной любви Его, и крестъ Его терпѣнія существеннѣе носить въ сердцѣ, нежели на сердцѣ.

Послѣ прочихъ, пріими и знаменіе твоего болѣе внѣшняго дѣланія, — пастырскій жезлъ. Да напоминаетъ онъ тебѣ и жезлъ Аароновъ, прозябшій съ цвѣтомъ и плодомъ, и жезлъ Моуссеевъ, пресѣкшій море. И твоего начальствованія жезлъ да цвѣтетъ и благоухаетъ словомъ истины и благочестія, да изращаетъ плоды дѣлъ благихъ, и да пресѣкаетъ препоны, дабы открывать людемъ Божіимъ путь спасенія.

*Внимай себѣ и стаду:* и Господь да

пасетъ тебя и пасомыхъ на мѣстѣ злачнѣ, на водѣ покойнѣ да питаетъ васъ!

Наипаче молимъ, Боголюбезный Братъ, творити молитвы о Благочестивѣйшемъ Самодержцѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, благотворномъ Защитникѣ Святыя Церкви и Покровителѣ служащихъ Ей, и о всемъ Августѣйшемъ Домѣ Его, о мирѣ и благосостояніи Святыхъ Божіихъ Церквей и благоденствіи Православной Россіи, наконецъ и о тѣхъ, которые, по волѣ Божіей, послужили твоему избранію и освященію.

## 26. РѢЧЬ

**При открытіи дома трудолюбія въ Москвѣ Августа 10 дня 1824 года.**

*Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ: яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго. Пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати, и спасти погибшаго.* Матѳ. XVIII. 10. 11.

Предпріемлющіе нынѣ призрѣніе малыхъ сихъ, знаютъ, кто сей Великій Сынъ Человѣческій, который такъ заботится о малыхъ дѣтяхъ человѣческихъ, что не просто запрещаетъ презирать ихъ, но велитъ беречься сего презрѣнія какъ бѣды, или преступленія, и слѣдственно заповѣдуетъ пещись о нихъ съ любовію и уваженіемъ.

Какъ же скоро вы знаете, кто даетъ сію малую заповѣдь пещись о малыхъ: сего уже довольно, чтобы она содѣлалась для васъ великою и любезною. Если пріятно услышать и исполнить облагодѣтельствованному слово благодѣтеля, помилованному слово помилователя, избавленному отъ погибели слово спасителя: то какъ должно быть пріятно услышать и исполнить Христіанину слово Христово! Благочестивые предки наши знали силу и увлекающую сладость сего чувствованія. Отъ слова: *подай Христа ради*, отверзались желѣзныя двери сокровищницъ. Отъ слова: *прости Христа ради*, сокрушались оковы, и мечь упадалъ изъ руки правосудія. Уповаю, что и предпріемлющимъ сіе призрѣніе бѣдныхъ дѣтей, дѣло сіе пріятно, какъ исполненіе заповѣди Того, Который, будучи *Богъ Благословенный во вѣки*, насъ ради содѣлался не только сыномъ человѣческимъ, но бѣднѣйшимъ на земли младенцемъ.

Но не оставимъ безъ особеннаго вниманія тѣхъ побужденій къ призрѣнію малыхъ, которыя Онъ предлагаетъ.

Первое побужденіе не презирать малыхъ: *яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца небеснаго.*

Смотря на дѣтей очами плоти, мы усматриваемъ въ нихъ немощь, несовершенство, часто даже неблагообразіе и нечистоту. Отъ того люди, склонные къ нѣгѣ, мало иногда пекутся даже о тѣхъ дѣтяхъ, съ которыми связаны узами природы. Отъ того лучшее въ отношеніи къ малымъ симъ естественное чувствованіе, можетъ быть, есть жалость о ихъ безпомощности, а не уваженіе къ сему малому и слабому существу: но сего-то уваженія требуетъ Господь. *Блюдите, да не презрите.* Что же дѣлаетъ Онъ, дабы вдохнуть сіе благодатное чувствованіе человѣколюбія? — Отъемлетъ завѣсу плоти; отверзаетъ предъ нами духовный міръ, и, на мѣстѣ младенца и няни, показываетъ намъ душу и Ангела ея. Теперь осмѣлимся ли пренебрегать? И что еще сказываетъ Онъ? — *Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Почему говоритъ Онъ о нихъ только Ангелахъ? А мы возрастные развѣ не имѣемъ также Ангеловъ? Развѣ наши Ангелы не *выну видятъ лице Отца небеснаго? Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми, за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?* Ахъ! трудно говорить о нашихъ Ангелахъ такъ, какъ объ Ангелахъ младенцевъ. Кто знаетъ, не уклоняются ли уже отъ насъ Духи свѣта, будучи отражаемы темными дѣлами и помышленіями нашими? Можетъ быть, и тогда, когда они приближаются къ намъ для нѣкоего служенія, принуждены ограждать себя облакомъ отъ нашей нравственной нечистоты, несносной для нихъ, и не могущей сносить прикосновенія чистаго свѣта ихъ.

Но Ангелы Хранители младенческаго сердца, еще не омраченнаго страстію, не растлѣннаго порокомъ, безъ препятствія обращаются между малыми сими и Отцемъ небеснымъ, и пріемлемымъ отъ Него свѣтомъ ограждаютъ ихъ отъ мрачныхъ силъ, и своимъ сообщеніемъ съ ними даютъ имъ то, что въ дѣтяхъ и незнающіе Ангеловъ признаютъ Ангельскимъ. Итакъ благо человѣкамъ, которые Христіанскимъ попеченіемъ о малыхъ сихъ входятъ въ участіе небеснаго Ангельскаго служенія, охраняя ихъ и руководствуя со стороны видимаго міра, подобно какъ Ангелы охраняютъ ихъ и руководствуютъ со стороны міра невидимаго. Сіе значитъ дружиться съ ихъ и своими Ангелами небеснымъ содружествомъ.

Другое побужденіе не презирать малыхъ: *пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати, и спасти погибшаго.*

Помышленіе о цѣли пришествія Сына Божія на землю есть самый обильный, самый чистый источникъ благотворительныхъ расположеній во всякомъ родѣ. Если Сынъ человѣческій *пріиде взыскати и спасти погибшее*, то, что уже погибло: то можно ли послѣдователямъ Его, то, что Имъ такъ чудесно спасено, по нерадѣнію вновь предавать опасности погибнуть? Если Онъ съ небесъ пришелъ на землю искать погибшаго: простительно ли было бы намъ не перейти отъ одного состоянія человѣческаго къ другому состоянію, дабы приближиться къ тому, что имѣетъ нужду въ помощи или сохраненіи? Если Онъ оставилъ Божественное блаженство, чтобы доставить спасеніе бѣдному человѣчеству: велико ли, когда мы удѣлимъ часть дарованныхъ отъ Него временныхъ благъ на призрѣніе малыхъ сихъ, которые равно съ нами суть наслѣдники вѣчнаго блаженства? И какъ великое дѣло, симъ малымъ средствомъ, совершиться можетъ! Спасенные Великимъ Спасителемъ становятся орудіями спасенія, и, такъ сказать, малыми спасителями для малыхъ сихъ, и, если не дерзновенно сіе сказать, нѣкоторымъ образомъ благодѣтелями своего Спасителя: ибо Онъ сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе.* Если вы призрѣніемъ и попеченіемъ спасли жизнь, здравіе, благоденствіе, чистоту сердца одному изъ малыхъ сихъ: вы сдѣлали благодѣяніе Мнѣ. *Мнѣ сотвористе.*

Да благословитъ Господь открывающееся здѣсь нынѣ учрежденіе къ призрѣнію и воспитанію малыхъ сихъ. Да дастъ благодать всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ сего призрѣнія и воспитанія, чтобы они творили дѣло сіе въ Духѣ Христовомъ. Да дастъ благодать призираемымъ, чтобы они познали Отца Небеснаго, Который далъ имъ земныхъ родителей, и теперь даруетъ еще другихъ, въ замѣнъ первыхъ, и чтобы, возрастая по внѣшнему человѣку, сохранили младенческую чистоту и простоту сердца, любезную человѣкамъ и Ангеламъ, и которой Царь и Судія небесный присудилъ право на Царствіе небесное.

## 27. РѢЧЬ

**При заложеніи въ Москвѣ Тріумфальныхъ воротъ, говоренная Августа 17 дня, 1829 года.**

По державной волѣ Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича, на семъ мѣстѣ должны воздвигнуться торжественныя врата въ память незабвенныхъ дней Александра Благословеннаго, въ память отечественныхъ бѣдствій, вознагражденныхъ побѣдами и славою, въ память возрожденія сего Царствующаго Града, ожесточеніемъ враговъ почти разрушеннаго, Провидѣніемъ Божіимъ дивно сохраненнаго, любовію къ Отечеству возстановленнаго съ большимъ прежняго благолѣпіемъ и великолѣпіемъ.

Посему мы собраны здѣсь нынѣ, чтобы призвать благословеніе Божіе на основаніе и созиданіе сего памятника. Правило Христіанское, чтобы всякое дѣло и начинаніе *освящалось словомъ Божіимъ и молитвою.*

Съ мыслію о памятникѣ всего чаще соединяется мысль о славѣ людей и дѣлъ, которыя составляютъ предметъ памятника; но если бы только славолюбію человѣческому свойственно было созидать памятники,

ва: сдѣлалъ себѣ кратковременнымъ, достойнымъ себя памятникомъ, пожаръ Петрова дома; доздѣ дошелъ онъ; и уже не дано ему идти далѣе; онъ возвратился, чтобы поспѣшать къ своей собственной погибели. *Отздѣ поможе намъ Господь.*

Вознесемъ убо съ Благочестивѣйшимъ Государемъ и мы благоговѣйныя сердца къ Богу—Помощнику, и вновь призовемъ Его помощь, да воздвигнется сей памятникъ въ благодареніе и славу Ему и въ благодатное наставленіе родамъ грядущимъ.—Да возвѣщаетъ онъ помощь Господню бывшую, и да увѣщаетъ къ упованію и на помощь Господню будущую. Да входитъ сими торжественными вратами многолѣтно въ первопрестольный Градъ Свой Благочестивѣйшій Государь нашъ, со славою побѣдъ, и съ радостію мира. Да не внидетъ никогда сими вратами врагъ, да не убѣгнетъ ими злоумышленникъ.—Да исходитъ ими во вѣки вѣрный Градъ въ срѣтеніе законному и возлюбленному Царю.

Граде, до нынѣ дивно Богоспасаемый! *Да прозовется* и впредь, по Пророку, *спасеніе забрала твоя, и врата твоя хвала* (Исаіи LX. 18.).

## 28. РѢЧЬ

**При благодарственномъ къ Господу Богу молебномъ пѣніи, въ Высочайшемъ присутствіи Его Императорскаго Величества, къ собраннымъ изъ безсрочнаго отпуска воинамъ, Октября 2 дня, 1843 года.**

Предъ лицемъ Бога мира, видя соборъ сыновъ брани, что помыслитъ, что скажетъ Церковь, служительница Бога мира?

Не будетъ ли тѣмъ сильнѣе вопіять къ Богу о мирѣ, чѣмъ явственнѣе напоминаетъ о брани, сіе множество испытанныхъ въ искусствѣ брани, и среди мира и отдыха къ брани готовыхъ?

Когда наконецъ, по пророчеству, *раскуютъ мечи своя на орала, и копія на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ къ тому ратоватися* (Ис. II. 4.)?

И кому не пріятенъ, кому не желателенъ миръ, не исключая и сыновъ брани?

Однако—Господь, нарицаемый *Богомъ мира*, не нарицаетъ ли Себя также *Господомъ воинствъ?*

Не Богъ ли *научаетъ руки* вѣрныхъ Своихъ *на ополченіе, персты на брань* (Псал. CLXIII. 1.)?

Авраамъ, образецъ кроткой вѣры, не воевалъ ли за своихъ родныхъ и за союзныхъ Царей?

Не войною ли, по повелѣнію Божію, народъ Божій пріобрѣлъ землю обѣтованную?

Не Ангелъ ли Божій сдѣлалъ гумно Гедеона военноучебнымъ поприщемъ, и сильнымъ небеснымъ словомъ образовалъ его для побѣды надъ Мадіанитами?

Духъ Божій, Который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его, не управлялъ ли рукою его, не только тогда, когда онъ извлекалъ изъ десятострунной псалтири пророчественные звуки, но и тогда, когда онъ побѣдоносно стрѣлялъ въ Голіаѳа, хотя не изъ лука стрѣлою, а камнемъ изъ пращи?

Равноапостольный Царь Константинъ, для чего первѣе всего употребилъ крестъ Христовъ, только что имъ познанный?—Для брани и побѣды.

Итакъ — Богъ любитъ добродушный миръ: и Богъ же благословляетъ праведную брань. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ есть на земли немирные люди, мира не льзя имѣть безъ помощи военной. Честный и благонадежный миръ большею частію надобно завоевать. И для сохраненія пріобрѣтеннаго мира надобно, чтобы самый побѣдитель не позволялъ заржавѣть своему оружію.

И такъ, Православные воины, словомъ Давидовымъ говоритъ вамъ Святая Церковь, приглашая въ то же время и васъ говорить съ нею: *благословенъ Господь Богъ нашъ, научай руки* ваши *на ополченіе, персты* ваши *на брань!*

Любитъ миръ Самодержецъ Россіи: но по сему самому крѣпко стрежетъ его стражею сильнаго, вѣрнаго, искуснаго воинства.

Любитъ Онъ миръ Царства, и миръ Своихъ воиновъ: и потому-то ускорилъ Онъ вамъ переходъ отъ военныхъ подвиговъ къ мирнымъ занятіямъ, хотя впрочемъ еще находитъ нужнымъ сохранить въ васъ искусство брани: потому что въ мирѣ надобно сѣять, на случай нужды, сѣмена побѣдъ.

Мирные сыны брани! Уразумѣйте, возчувствуйте, оправдайте Царское о васъ попеченіе.

Нѣкогда въ Іерусалимѣ одни и тѣ же люди, въ одно и то же время, должны были строить городскія стѣны, и ежеминутно быть въ готовности отразить враговъ: *единою рукою своею творяху дѣло, а другою держаху мечь* (Неем. IV. 17.). И сей сугубо тяжкій подвигъ перенесла и совершила любовь къ отечественному граду. Вы можете обѣими руками, безопасно, безпрепятственно, дѣлать предоставленное вамъ дѣло поселянина или гражданина: дѣлайте мирное дѣло ваше спокойно, трудолюбиво, честно, для довольства и блага вашей собственной жизни: но не забывайте и вашего меча, который можетъ еще понадобиться Отечеству.

Духъ порядка, совершеннаго повиновенія, точности въ исполненіи должнаго, который составляетъ одно изъ отличительныхъ достоинствъ военнаго званія, сохраняйте и въ гражданскомъ положеніи вашемъ, и легкимъ способомъ добраго примѣра простирайте его на другихъ.

Не забывайте, что добрый воинъ, левъ противъ враговъ, долженъ быть агнцемъ между своими. Живите кротко и любовно: а гнѣвъ и грозу берегите для враговъ Отечества.

Наипаче не забывайте, что добрый воинъ Царя Благочестивѣйшаго долженъ быть равномѣрно *добръ воинъ Іисусъ Христовъ*. Надобно ли въ подтвержденіе сего вновь напоминать вамъ о древнихъ побѣдоносцахъ, и увѣрять васъ Апостольскимъ словомъ, что они *вѣрою побѣдиша царствія* (Евр. XI. 33.)?—Вы это ближе и простѣе знаете изъ дѣяній нашихъ предковъ, нашихъ Царей, нашихъ избранныхъ вождей.

Тотъ воинъ истинно не побѣдимъ, которому вѣнецъ мученичества за Вѣру, Царя и Отечество, такъ же любезенъ, какъ и вѣнецъ побѣды.

Тотъ лучшій слуга Царевъ, и надежнѣйшій защитникъ Отечества, кто въ вѣрномъ Богу сердцѣ, въ чистой совѣсти носитъ вѣрную надежду Отечества небеснаго.

Воины Христіане! Се Царь предводитъ васъ не къ подвигамъ бражнымъ, но къ Самому Источнику побѣдъ и мира, представляя васъ, и Самъ предстоя съ вами Господу силъ, въ молитвѣ и благодареніи. Какая для васъ награда! Какое утѣшеніе для Церкви! Какая душа не возвысится, въ слѣдъ за симъ высокимъ призваніемъ?—Горѣ сердца! Да исправится молитва, яко кадило! Да пройдетъ небеса! Да пріимутъ ее Архистратиги небесныхъ Силъ, и принесутъ къ престолу Царя царствующихъ! *Господи, спаси Царя! Господи силъ съ нами буди!* Господи, *на людехъ Твоихъ благословеніе Твое.* Аминь.

## 29. РѢЧЬ

**На открытіе больницы при Московскомъ Университетѣ Сентября 28 дня, 1846 года.**

Бывъ собраны освятить общественною молитвою дѣло науки и человѣколюбія, которое должно здѣсь не одновременно совершиться, но продолжаться и жить, не излишнее мы сдѣлаемъ, если введемъ въ молитву размышленіе, которое бы ее возбудило и направило.

Общая Матерь Церковь, удовлетворяя вдругъ разнообразнымъ потребностямъ чадъ своихъ, предлагаетъ наиболѣе общіе образцы молитвы, и духъ благословенія и благодати приближаетъ къ намъ посредствомъ священныхъ знаменій: но привлечь и принять сей духъ должно наше вѣрою жаждущее сердце; а сію жажду возбуждаетъ ясное представленіе той особенной нужды, съ которою прибѣгаемъ къ молитвѣ.

Представляется здѣсь уготованная Царскимъ человѣколюбіемъ и щедротами оби-

тель, правда, обитель не безпечальная, потому что ее населяетъ и населять будетъ страждущее человѣчество, и будетъ въ ней распредѣляемо не по правамъ и преимуществамъ, а по болѣзнямъ; однако же обитель и утѣшительная, потому что страждущіе пріемлются сюда для облегченія, болящіе для врачеванія.

И какъ счастливо съ человѣколюбіемъ дружится здѣсь мудрость! Наука приходитъ облегчать многообразныя страданія: наблюденіе надъ многообразными страданіями облегчаетъ науку въ ея трудныхъ изысканіяхъ. Врачь помогаетъ больному въ полученіи здравія и больной помогаетъ начинающему врачу въ пріобрѣтеніи врачебной опытности.

Сіи воззрѣнія возбуждаютъ насъ къ молитвѣ радости и благодаренія за Державнаго Человѣколюбца и Покровителя знаній, и за дѣятельность служителей Его мудрости и человѣколюбія, къ молитвѣ утѣшенія и надежды за страждущее человѣчество.

Можно сорадоваться врачу, идущему къ постелѣ больнаго. Если простое посѣщеніе больнаго, для изъявленія участія, для утѣшительнаго слова, есть заслуга предъ Христомъ Спасителемъ, и пріобрѣтаетъ Его благословеніе: то кольми паче посѣщеніе больнаго для вожделѣнной и благотворной помощи, для подания здравія. *Пріидите*, говоритъ, *благословенніи; боленъ бо бѣхъ и посѣтисте Мене* (Матѳ. XXV. 34. 36.). Счастливые люди, которые каждый день нѣсколько разъ можете заслужить сіе благословеніе!

Но можно и страшиться, когда видимъ врача при постелѣ больнаго. Пріятно сохранить жизнь ближняго, возвратить ему здравіе: но страшно имѣть въ рукахъ здравіе и жизнь ближняго. Если бы врачь видѣлъ больнаго насквозь: то, конечно, вѣрнѣе направлялъ бы въ цѣль врачебныя средства. Но онъ не рѣдко стоитъ предъ тѣломъ больнаго, какъ предъ затвореннымъ домомъ, и сквозь нѣкоторыя скважины не столько видитъ, сколько угадываетъ, что происходитъ внутри. Тѣлорасcѣченіе отворяетъ двери въ пустой домъ: и потому не можетъ показать многаго, что происходитъ въ немъ въ присутствіи хозяина, то есть, души, одушевляющей тѣло. Душу же кто можетъ преслѣдовать по ея сокровеннымъ входамъ и исходамъ въ глубинахъ вещества грубаго, въ высотахъ вещества тонкаго? Между тѣмъ, если отъ нея зависитъ жизнь: то возможно ли, чтобъ, отъ различныхъ ея состояній, не зависѣли степени жизни—здоровье и болѣзнь?

Но что я говорю? — Не подумайте, чтобъ я хотѣлъ сколько нибудь унизить науку, или охладить ревность врача, или поколебать надежду больнаго. Нѣтъ. Я не забылъ ученія одной изъ душеврачебныхъ книгъ. «*Почитай врача противу потребъ честію его: ибо Господь созда его. Господь созда отъ земли врачеванія, и мужъ мудрый не возгнушается ими*» (Сир. XXXVIII. 1. 4.). Я хочу только подать мысль, что врачь не слишкомъ долженъ полагаться на одну свою проницательность и знаніе, и что взоръ ума его не долженъ погрязать въ веществѣ. Чтобъ врачевать больнаго, врачь долженъ прозрѣвать внутрь его, прорѣкать сокровенное въ немъ: сіе требуетъ чистоты сердца и возвышенія духа. Скажемъ не обинуясь: сіе требуетъ возвышенія духа къ горнему духу премудрости и разума. Какъ всякую истинную, такъ и врачебную—*Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его познаніе и разумъ* (Притч. II. 6.).

Сіи размышленія ведутъ къ тому, чтобъ при настоящемъ случаѣ и врачь, и больной, и доброжелательствующій врачу, и сострадающій больному соединились въ особенной молитвѣ къ верховному Врачу душъ и тѣлесъ, да присѣщаетъ Самъ Онъ сію обитель врачеванія, да дастъ ей, какъ нѣкогда врачебной Силоамской купѣли, Своего благотворнаго Ангела, да изливаетъ свѣтъ Свой въ умы врачующихъ, да очищаетъ сердца ихъ любовію къ страждущему человѣчеству, да благословляетъ ихъ дѣятельность, и да простираетъ обильно и живоносно на болящихъ врачебную силу, которую Онъ сокрылъ и заключилъ во врачебныхъ веществахъ.

КОНЕЦЪ.